

МЕЙВ БИНЧИ

ЗАЖГИ СВЕЧУ

Ирландские «Поющие в терновнике»...
Совершенная, достойная книга.

Newsday

Annotation

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) хорошо известна не только на своей родине, но и во всем мире. Перу Бинчи, помимо рассказов, принадлежит 16 романов, ее книги неизменно становились бестселлерами и не раз получали престижные международные премии. В 1970-х годах Бинчи опубликовала три сборника рассказов, и довольно успешно, но настоящая слава пришла к ней после выхода первого романа «Зажги свечу» (1982).

В книге рассказана история двух подруг, их постепенного взросления на фоне событий, происходящих в 1940–1950-е годы на Британских островах, где, помимо прочего, сталкиваются два очень разных мира: урбанистическая Англия и патриархальная католическая Ирландия.

Элизабет было всего десять лет, когда ей пришлось покинуть родной дом. В Европе шла война, Лондон бомбили, и родители решили отправить дочь в более безопасное место – в далекий ирландский городок. Девочку приютила большая, многодетная, суматошная семья, и жизнь Элизабет совершенно изменилась. Но самое главное – у нее появилась близкая подруга Эшлинг. Они сумели сохранить дружбу на долгие годы, веря, что их отношения выдержат любые трудности и испытания...

Впервые на русском!

-
- [Мейв Бинчи](#)
    -
    -
    - [Часть первая](#)
      - [Глава 1](#)
      - [Глава 2](#)
      - [Глава 3](#)
      - [Глава 4](#)
      - [Глава 5](#)
    - [Часть вторая](#)
      - [Глава 6](#)

- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Часть третья](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
- [Часть четвертая](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)

- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)

Мейв Бинчи

Зажги свечу

Maeve Binchy
LIGHT A PENNY CANDLE

Copyright © Maeve Binchy, 1982
All rights reserved

© О. И. Василенко, перевод, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

* * *

Коронерский суд выглядел скучно и заурядно: ни судей, увенчанных париками и возвышающихся над залом, ни места для обвиняемого, ни полицейского в форме, вызывающего следующего свидетеля. Больше похоже на обычный офис: застекленные шкафы с книгами, на полу линолеум, причем явно погрызенный в углу.

За стенами суда жизнь шла своим чередом. На них никто не обращал внимания. Мимо проезжали автобусы. Мужчина в такси читал газету и даже глаз не поднял, когда на улицу из здания суда вышли несколько мужчин и две женщины в черном.

Они в любом случае надели бы черное, ведь сегодняшнее мероприятие требовало официального стиля в одежде. Эшлинг была в черном бархатном блейзере поверх серого платья, и этот наряд еще сильнее подчеркивал ее рыжие волосы. Элизабет надела черное пальто на выход, купленное за полцены на январской распродаже два года назад. Продавщица тогда сказала, что это единственная действительно стоящая вещь во всем магазине, и добавила: «В таком пальто можно пойти куда угодно!» Элизабет понравились эти слова.

Хотя остальному миру до них не было дела, мужчины возле здания суда наблюдали за женщинами. Элизабет, прикрывая глаза рукой, обернулась за угол и вышла на ступеньки, ведущие на улицу. Там уже стояла Эшлинг. Они смотрели друг на друга очень долго, может быть несколько секунд, но и секунды могут тянуться целую вечность...

Часть первая
1940–1945

Глава 1

Дочитав библиотечную книгу, Вайолет резко захлопнула ее. Еще одна неуверенная в себе, нервная героиня с куриными мозгами по уши влюбилась в опытного сердцеда, заглушающего ее протесты поцелуями и проявляющего свою страсть множеством милых способов. Он устроит им побег, или свадьбу, или эмиграцию в собственное поместье в Южной Америке. Героине не придется и пальцем пошевелить: никаких тебе стояний в очередях в турагентстве, в билетной кассе, в паспортном столе. А вот Вайолет вынуждена все делать сама. Она только что вернулась домой, потратив все утро на беготню по магазинам в попытках купить что-нибудь дефицитное. Другие женщины, похоже, делали это с удовольствием, будто играли в «найди наперсток»: «я скажу тебе, где взять хлеб, если ты скажешь мне, где купила морковь».

Вайолет заходила в школу, но разговор с мисс Джеймс результатов не дал. Мисс Джеймс вовсе не собиралась организовывать эвакуацию для своих учеников. У всех родителей имелись друзья или родственники в деревне, поэтому вариант вывезти весь класс для продолжения образования куда-нибудь в безопасное место, где не падают бомбы и полно здоровой деревенской еды, даже не рассматривался. Мисс Джеймс довольно кисло заявила, что у мистера и миссис Уайт наверняка есть друзья за пределами Лондона. Вайолет вдруг задумалась, а есть ли у нее вообще друзья хоть где-нибудь, в городе или в деревне, и разозлилась на мисс Джеймс, заставившую осознать возможность отрицательного ответа. С родней Джорджа в Сомерсете, возле Уэльса, они давно не общались. О да, конечно, она читала душещипательные истории про воссоединение давно потерянных родственников ради эвакуации детей, но вряд ли их семья станет героями одной из них.

У самой Вайолет родни практически не осталось. Отец и его вторая жена жили в Ливерпуле, и с ними она так давно в ссоре, что о примирении и мечтать не стоило. Ведь тогда пришлось бы вскрыть старую рану, извлечь обиды на поверхность и простить. Все

произошло так давно, что почти забылось, и не стоит ворошить прошлое.

Элизабет такая застенчивая и неуверенная в себе девочка, что в эвакуации ей будет нелегко. Унаследовала отцовскую неуклюжесть, с сожалением подумала Вайолет. Казалось, что Элизабет всегда ожидает худшего. Впрочем, возможно, так лучше, чем ожидать много, а получить мало. Может быть, Элизабет и Джордж везунчики: если изначально быть настроенным на поражение, конфликты и вторые роли, то неудача не становится неприятной неожиданностью, когда случается.

Обсуждать вопрос с Джорджем смысла не имело. В последнее время Джордж мог говорить только о том, что ж это за страна такая, в которой принимают на военную службу человека без мозгов и отказывают такому, как Джордж, способному внести весомый вклад. И без того противно, что какие-то пустоголовые молокососы считаются хорошими работниками в банке, получают продвижение и благосклонность начальства и даже покупают машины, но теперь, когда над страной нависла угроза и нация в опасности, Джорджу заявляют, что некоторые отрасли исключительно важны – и банки в том числе.

На медосмотре у него не обнаружили смертельных заболеваний, нашли всего лишь мелкие: плоскостопие, хрипы в легких, проблемы с носовыми пазухами, варикоз и легкую одностороннюю тугоухость. В ответ на предложение отдать жизнь за отечество Джорджа осыпали оскорблениями.

Время от времени на Вайолет снова накатывала знакомая волна привязанности к мужу и тоже хотелось злиться за такое к нему отношение, но в основном она считала, что большей частью виноват он сам: не в том, что глуховат и болен варикозом, а в том, что разочарован отказом. Сам напросился, что называется.

В общем, вопрос, что делать с Элизабет, Вайолет придется решать самостоятельно. Как и многие другие вопросы.

Вайолет встала и внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале. Вполне приятное лицо: здоровый цвет кожи, в полном согласии с рекомендациями в журналах, светлые волосы натуральной блондинки. А фигурка у нее всегда была хороша. Даже до того, как пришлось затянуть пояса и проявить патриотизм из-за этой ужасной

войны, Вайолет следила за питанием. Почему же тогда в лице нет живости? Какое-то оно совершенно потухшее. И ничем не примечательное.

«Еще бы ему не потухнуть!» – подумала Вайолет с внезапно накатившей обидой. Если бы кому-нибудь еще выпало такое же невезение по всем фронтам, то у кого угодно лицо выглядело бы ничуть не лучше. Парень, говоривший ей, что у нее фиолетовые глаза, в полном соответствии с ее именем, оказался мошенником и надул всех в округе. Молодой человек, твердивший, что она должна стать профессиональной певицей, на самом деле хотел, чтобы она пела для него в ванне, пока он наливает ей шампанское. Молодой энергичный банкир, который рассказывал ей, как они вместе поднимутся на самый верх лондонского общества, как все будут знать ее имя и завидовать ее удачливому мужу, теперь уже с плоскостопием и варикозом, ковырялся в зубах и бездельничал в местном отделении банка, где и просидит всю оставшуюся жизнь.

Все оказалось совсем не так, сплошная скука. Все было ужасно несправедливо и совершенно ничем не примечательно. Неудивительно, что ее лицо не выделялось на фоне других лиц.

Она посмотрела на книгу. Под прозрачной библиотечной обложкой покоритель женских сердец, с хлыстом в руке, прислонился к сучковатому стволу старой яблони. Сажать надо авторов за такие романы, подумала Вайолет.

* * *

Элизабет медленно брела из школы домой. Мисс Джеймс сказала, что мама заходила кое-что обсудить и что не надо волноваться, ничего страшного не случилось. Элизабет посмотрела на нее с сомнением. Да нет же, заверила мисс Джеймс, мама Элизабет приходила только для того, чтобы поговорить, что будет, когда все дети уедут из города в тихие места на море или на фермы. Но Элизабет не проведешь, она поняла: произойдет что-то страшное, что-то, о чем родители безуспешно пытались шутить, а сами говорили с ужасом, словно про пытки какие-то.

Услышав это слово впервые, Элизабет спутала его с «вакцинацией»: такое же длинное и вызывает ощущение опасности. Отец засмеялся и обнял ее, мама тоже улыбнулась. Нет, объяснили родители, эвакуация – это когда отправляют в деревню, чтобы падающие бомбы не навредили детям. Элизабет не понимала, почему родители не могут поехать в деревню вместе с ней. Отец ответил, что ему нужно ходить на работу в банк, а мама всхлипнула – и внезапно короткое веселье, вызванное перепутанными словами, закончилось. Отец сказал, что мама может поехать в деревню, ведь ей не надо ходить на работу. Мама в ответ заявила, что если бы она ходила на работу, то ей не пришлось бы оставаться никем целых пятнадцать лет.

Отговорившись уроками, Элизабет сбежала от них, но на самом деле достала старую куклу и принялась распарывать ее, стежок за стежком, заливаясь слезами и размышляя, что она могла бы сделать, чтобы снова заставить родителей улыбнуться, и что такого она натворила, раз они постоянно злятся.

А сегодня в ее сердце поселился еще один страх: кажется, мама из-за чего-то поругалась с мисс Джеймс. Мама и раньше считала мисс Джеймс глупой, поскольку та заставляла учеников петь детские песенки. «Здоровые девчонки десяти лет от роду поют дурацкие малышовые песенки!» – заявила мама, и мисс Джеймс вежливо ей ответила, но петь уже как-то расхотелось...

Элизабет не могла предсказать, когда мама будет счастлива. Иногда она бывала счастлива целыми днями. Однажды они ходили в мюзик-холл, где мама встретила старого знакомого, который сказал, что она когда-то пела лучше, чем любая певица в Лондоне. Отец слегка разозлился, но мама так радовалась, что даже предложила купить на ужин рыбу с жареной картошкой, и он тоже повеселел. Мама редко предлагала купить рыбу с картошкой, как делали в других семьях. А дома она готовила рыбу маленькими кусочками с кучей косточек, и есть приходилось странными ножами, которые даже и не ножи вовсе. Мама обожала эти ножи. Их подарили им с отцом на свадьбу, и она предупредила всех, что при мытье посуды ручки ножей нельзя опускать в воду. Элизабет не любила приготовленную матерью рыбу, костлявую, посыпанную сверху петрушкой, но радовалась такому ужину, потому что при виде ножей мама всегда приходила в хорошее настроение.

Порой, вернувшись домой после уроков, Элизабет заставляла маму поющей, что всегда оказывалось поистине счастливым знамением. Еще бывало, что мама приходила в комнату к Элизабет, садилась на кровать, гладила тонкие светлые волосы дочери и говорила о своем детстве и о том, как читала книги про мужчин, совершающих героические подвиги ради прекрасных женщин, а иногда рассказывала смешные истории про монахинь в необычной монастырской школе, где все были католиками и верили в самые невероятные вещи, но маме разрешали гулять во время уроков по религии, а потому все было просто удивительно.

Вот только никогда не знаешь, обрадуется мама чему-нибудь или нет.

Сегодня мама писала письмо, что случилось нечасто. Элизабет подумала, что в письме может быть жалоба. Хоть бы не на мисс Джеймс!

– Мама, ты занята? – спросила Элизабет, настороженно подойдя поближе.

– Мм... – пробормотала Вайолет.

Худенькая десятилетняя девочка стояла около стола; ее короткие светлые, почти белые, волосы стягивал ободок, но, когда Элизабет нервничала, как сейчас, маленькие прядки выбивались и торчали, словно шипы. Ее лицо было одновременно белым и красным: вокруг носа и глаз бледным, а щеки горели алым.

– Я собираюсь отправить тебя к Эйлин, – сообщила мама.

Имя Эйлин Элизабет знала по рождественским открыткам, а еще по маленьким дешевым игрушкам на день рождения. В прошлом году мама сказала, что лучше бы Эйлин перестала слать ей подарки, сколько можно уже, ведь у самой Эйлин куча детей, где тут упомянуть, кто из них когда родился?

– Другого выбора нет, – добавила мама.

На глаза Элизабет навернулись слезы. Если бы только знать, что можно сделать, чтобы остаться! Вот если бы ей повезло быть одной из тех девочек, кого родители не отсылают из города, или если бы они поехали вместе с ней.

– Ты поедешь со мной? – спросила Элизабет, пристально изучая ковер на полу.

– Господи, милая, нет, конечно!

– Ну может быть...

– Элизабет, не глупи! Я никак не могу поехать с тобой к О'Коннора. Они в Ирландии живут! Ну кто поедет в Ирландию? Об этом и речи быть не может.

* * *

В четверг всегда царила суматоха, потому что фермеры, приезжающие на рынок, приходили с целыми списками покупок. Шон нанял глуповатого мальчишку по имени Джемми, чтобы помогал выносить товары со двора.

Эшлинг и Имон, увернувшись от бестолковых попыток Пегги схватить их и не обращая внимания на ее вопли, ворвались в лавку. Шон раздраженно вытер пыльной рукой вспотевший лоб. Ведь тысячу раз говорил, чтобы по четвергам детишки не мешались под ногами в лавке!

– Папаня, где маманя? Где маманя? – кричала Эшлинг.

– Где маманя? Где маманя? – вторил ей Имон.

Пегги вела себя ничуть не лучше: бежала за ними и хихикала.

– Эй вы, сорванцы, подите сюда! Вот уж я тебя, Эшлинг, поймаю да шкуру-то спущу! Вам папаня сколько раз говорил, что запрет вас, если будете бегать в лавку по четвергам!

Фермеры, люди занятые и ненавидевшие тратить время на что бы то ни было, кроме сделок и обсуждений скотины, хохотали над представлением. Растрепанная Пегги, в грязном фартуке со следами по меньшей мере двадцати поданных трапез, наслаждалась устроенной шумихой. Шон беспомощно наблюдал, как она мечется туда-сюда, забавляясь погоней даже больше, чем дети, а заодно задорно подмигивая фермерам, всем своим видом намекая, что они могут вернуться и найти ее после закрытия рынка, когда выпитое в пабах пиво превратит их в могучих мужиков.

Восхищенный Джемми стоял с разинутым ртом, держа в руках доски, которые следовало погрузить в прицеп.

– Джемми, так тебя и растак, вытащи доски на улицу и поди сюда! – заревел Шон. – Майкл, не обращай внимания на этот балаган! С ними я потом разберусь. Так сколько тебе нужно для штукатурки?

Ты сразу все сараи делать будешь? Нет, разумеется, не все, слишком много, чтобы браться за все сразу.

Эйлин услышала шум и выбежала из своего маленького кабинетика в лавку. Однажды Шон-младший заметил, что ее кабинет, отделанный красным деревом и со стеклянными окнами со всех сторон, похож на кафедру священника, отгороженную стенами, и ей бы в лавке проповеди читать, а не бухгалтерские книги заполнять. Однако если бы Эйлин не заполняла бухгалтерские книги, то не было бы ни лавки, ни дома, ни такой роскоши, как Пегги и Джемми, который за несколько шиллингов, заработанных по четвергам, вновь вернул себе уважение семьи.

Взбудораженных детей и раскрасневшуюся Пегги Эйлин встретила с каменным лицом. Подхватив каждого ребенка чуть ниже плеча, чтобы уж точно не ускользнул, она твердо выставила их из лавки. Одного взгляда хозяйки хватило, чтобы Пегги, растеряв большую часть бойкости, опустила глаза и последовала за ней. Шон вздохнул с облегчением и вернулся к делам, с которыми умел управляться.

Пока она тащила их по ступенькам дома на площади, детишки пищали и вырывались, но Эйлин оставалась непреклонной.

- Пегги, завари, пожалуйста, чай, – холодно произнесла она.
- Маманя, мы просто хотели показать тебе письмо!
- На нем мужчина нарисован.
- После обеда почтальон принес.
- И сказал, что оно из Англии...
- А нарисованный мужчина – это английский король.

Эйлин, пропустив объяснения мимо ушей, усадила детей на стулья в гостиной и сама села напротив:

– Я уже миллион раз говорила вам, чтобы по четвергам, в рыночный день, вы в лавку носа не казали! А теперь отец сидит и ждет, когда я вернусь, чтобы заняться счетами и внести в данные в бухгалтерские книги для фермеров. Вы родителей совсем не слушаете? Эшлинг, ты уже большая, взрослая девочка в твои-то десять лет! Ты меня вообще слышишь?

Эшлинг не слышала ни слова, она хотела, чтобы мать прочитала письмо, которое, наверное, пришло от английского короля, потому что так сказал почтальон.

– Эшлинг, ты что, оглохла?! – закричала Эйлин и, поняв, что толку нет, шлепнула обоих по голым ногам. Сильно шлепнула. Оба заревели. От их рева проснулась Ниам и тоже заплакала в кровати в углу гостиной.

– Я просто хотела отдать тебе письмо! – выла Эшлинг. – Ненавижу тебя, ненавижу!

– И я, и я тебя ненавижу! – вторил Имон.

– Тогда можете сидеть тут и ненавидеть меня, – направившись к двери, решительно заявила Эйлин.

Она старалась не повышать голоса, поскольку малыш Донал наверняка сидит в постели и прислушивается к каждому звуку. От одной мысли о его встревоженном личике сердце Эйлин сжалось, и она бросилась наверх. Если она повидает его, скажет ему что-нибудь ободряющее, то он улыбнется и снова примется за книжку, а иначе прижмется носом к окну спальни, напряженно наблюдая, как она возвращается из дома в лавку.

Эйлин осторожно заглянула в дверь, прекрасно зная, что он не спит:

– Зайчонок, ты бы поспал.

– Что там за крики? – спросил он.

– Твои нахальные братец с сестричкой с воплями вломились в лавку в четверг, вот и все, – ответила она, поправляя одеяло.

– Они уже попросили прощения? – с надеждой спросил Донал.

– Пока нет.

– И что теперь с ними будет?

– Да ничего страшного, – сказала она и утешила его поцелуем.

Когда Эйлин вернулась в гостиную, Эшлинг и Имон все еще были настроены бунтовать.

– Пегги звала нас пить чай, но мы не пошли, – заявила Эшлинг.

– Как хотите. Можете сидеть здесь сколько угодно. Вот до ночи и сидите. Потому что за такое поведение вы сегодня лимонада не получите.

Брат и сестра остолбенели от разочарования, не поверив своим ушам. Каждый четверг, набрав кучу заказов и набив кассу наличными, Шон О’Коннор брал жену и детей к Махерам. Махеры держали лавку одежды и паб, где было тихо, никаких фермеров, притопавших в грязных сапогах, чтобы скрепить заключенные сделки кружкой пива.

Эйлин, в компании с миссис Махер, любила рассматривать новые жакеты и кофты. Шону-младшему и Морин нравилось сидеть на высоких табуретах, читая объявления, развешенные над барной стойкой, и притворяться взрослыми. Эшлинг и Имон обожали красный лимонад с пузырьками, которые били в нос, а мистер Махер угощал их глазированным печеньем, и отец ворчал, что они избалованные. У Махеров недавно окотилась кошка, и в прошлый четверг котята еще были слепые, а на этой неделе с ними впервые можно будет поиграть. А теперь вдруг все отменяется...

– Мама, пожалуйста, ну пожалуйста, я буду хорошо себя вести, обещаю...

– Ты же меня ненавидишь?

– Я понарошку сказал, – с надеждой в голосе признался Имон.

– Да разве можно ненавидеть собственную мать! – добавила Эшлинг.

– Я так и думала, – сказала Эйлин. – Именно поэтому я и удивилась, что вы оба совершенно забыли о запрете приходить в лавку.

Эйлин сдалась. Час, проведенный у Махеров с отмытыми и благопристойными детьми, которые тихонько играют с кошками, кроликами или птичками, был единственным временем за всю неделю, когда Шон мог по-настоящему расслабиться.

– Я залила чайные пакетики кипятком, – робко сказала Пегги.

– Налей мне, пожалуйста, большую кружку. Проследи, чтобы эти двое сидели в гостиной, и успокой малышку.

Глотнув чая, Эйлин положила письмо в карман и вернулась в лавку. Возможность открыть конверт выдалась только через час.

Вечером, у Махеров, Эйлин передала письмо Шону.

– У меня глаза устали, все расплывается, – сказал он. – Да и как такое читать, тут словно пьяный паук паутину наплел.

– Это рукописные буквы, дурень. Монахини в школе Святого Марка учили нас так писать. Вайолет вот помнит, а я все забыла.

– Да потому что Вайолет делать больше нечего, – проворчал Шон. – Она там как сыр в масле катается.

– Так было до войны, – возразила Эйлин.

– Да уж, – буркнул Шон в свою кружку с пивом. – Мужика ее забрали? Небось офицер в банке работал, и все такое. Именно так

Британская империя и проворачивает свои делишки. Хорошую работу и должности получают те, у кого есть правильный акцент.

– Нет, Джорджа в армию не взяли, проблему какую-то нашли. Точно не знаю, но он не прошел медкомиссию.

– Ну так кто ж добровольно пойдет в окопы, если можно в банке штаны протирать.

– Шон, речь идет об Элизабет, дочке Вайолет. Всех детей отсылают из Лондона из-за бомбежек... Ты же читал в газетах. Вайолет спрашивает, можем ли мы принять ее на время?

– А мы тут при чем? Они же детей не в Ирландию вывозят, у нас своя страна. Они не могут заставить нас вступить в свою поганую войну, отправляя к нам стариков и детей... Мало им всего, что они тут натворили?

– Шон, да послушай же! – разозлилась Эйлин. – Вайолет спрашивает, можно ли отправить к нам Элизабет на несколько месяцев. Ее маленькая школа закрывается, потому что всех детей эвакуировали. У Джорджа и Вайолет есть родня, но они... они просят нас позаботиться о дочке. Что скажешь?

– Скажу, что они, как обычно, что хотят, то и вытворяют, вся эта Британская империя! Если от тебя им никакой пользы, то им и дела до тебя нет, ни письма не напишут, ни открытки на Рождество не пришлют. А теперь, когда они ввязались в дурацкую войну, вот теперь они к нам подлизываются. Я так думаю.

– Да при чем тут Британская империя! Мы с Вайолет школьные подруги. Она не из тех, кто любит писать письма, даже это письмо такое неуклюжее, ну не знаю, сплошь скобки и точки с запятыми. Она не привыкла писать по двадцать-тридцать писем в день, как я. Дело вообще не в этом. Дело в том, согласишься ли ты принять девочку?

– Дело не в этом, а в том, что у нее хватает наглости спрашивать такое!

– Мне ответить отказом? Написать ей, что, извини, мы не можем. И по какой же причине? Поскольку Шон заявляет, что у Британской империи руки в крови, так, что ли?

– Ну чего ты завелась...

– Я не завелась. Я тоже вымоталась за сегодня, как и ты. Хорошо. Конечно, я думаю, что Вайолет ведет себя нагло. Конечно, мне обидно, что у нее нет на меня времени и пишет она мне только тогда, когда ей

что-то от меня нужно. Тут и так все понятно. Вопрос в том, примем ли мы ребенка? Девочка – ровесница Эшлинг, она не объявляла войну Германии, не вторгалась в Ирландию, не нападала на де Валеру^[1], и все такое прочее. Ей всего десять лет! Она, наверное, лежит там по ночам и ждет, когда на нее упадет бомба и разорвет ее на кусочки. Ну так что, примем мы ее?

Шон смотрел на жену в полном изумлении. В кои-то веки Эйлин разразилась целой речью. А уж дожидаться, чтобы она признала обиду на свою драгоценную школьную подругу...

– А тебе с ней не слишком много хлопот прибавится? – спросил он.

– Нет, она даже может стать подружкой для Эшлинг. Да и много ли надо, чтобы прокормить одного ребенка, когда у нас их уже столько?

Шон заказал себе еще кружку пива, портвейн для Эйлин и лимонад детям. Посмотрел на жену, приодетую в белую блузку с брошкой и стянувшую темно-рыжие волосы гребешками по бокам. А ведь красавица, подумал он, и надежный товарищ во всех делах. Те, кто видел ее в темно-синем костюме в кабинете, занятую счетами растущего бизнеса, вряд ли мог себе представить, какова она на самом деле: страстная жена – Шон всегда удивлялся, с какой готовностью она отвечала ему, – и любящая мать. Его взгляд потеплел. Такая щедрая душа, готова быть матерью не только собственным детям.

– Пусть приезжает. Хоть такой малостью попытаемся уберечь дитя от всего этого безумия вокруг, – объявил он.

Эйлин похлопала его по руке, в редком порыве прилюдного проявления чувств.

* * *

Письмо от Эйлин пришло так быстро, что в нем наверняка был отказ. По опыту Вайолет, те, кто собирался найти отговорки для обоснования своих действий, всегда писали быстро и много. Вздохнув, она подняла конверт с коврика у двери.

– Похоже, нам все-таки придется нажать на родственников твоего отца, – сказала она, возвратившись к столу.

– То есть она отказала? – спросила Элизабет. – Прочитай письмо, а вдруг она согласилась.

– Не разговаривай с набитым ртом! Элизабет, пожалуйста, возьми салфетку и постарайся вести себя подобающе, – рассеянно ответила Вайолет, разрезая ножом конверт.

Джордж уже ушел на работу, и завтракали они вдвоем. Вайолет считала, что отступление от правил приличия – это путь к падению, а потому тосты со срезанной корочкой подавались в фарфоровом держателе для тостов, а каждому члену семьи полагалось собственное кольцо для салфетки, куда следовало положить свернутую салфетку после еды.

Элизабет чуть не лопнула от нетерпения, ожидая, пока Вайолет прочтет новости. Да что ж такое, в самом деле! Мама произносила отдельные фразы вслух, а потом переходила на бормотание:

– Дорогая Вайолет... очень рада получить от тебя весточку... хм... мм... сильно переживаю за тебя, Джорджа и Элизабет... хм... мм... здесь многие думают, что нам следует тоже вступить в войну... сделаем все возможное... дети безумно рады и взволнованы...

Элизабет знала, что придется подождать. Она скрутила салфетку в тугий шарик, размышляя, что бы ей хотелось услышать. Хорошо бы не пришлось плыть через море в другую страну, где, по мнению отца, так же опасно, как в Лондоне, а мама считает, что ехать туда можно только в том случае, если больше совсем деваться некуда. Ей придется жить в ужасном свинарнике с десятками детей, в городе, полном какашек животных и пьяниц, – таким мама запомнила Килгаррет. Элизабет не хотела жить в каком-то грязном месте, которое не нравится маме, но ведь мама сказала, что лучше всего поехать туда. Возможно, теперь все не так плохо. Мама побывала там много лет назад, задолго до того, как вышла замуж за отца. И говорила, что больше никогда туда не вернется. Непонятно, как Эйлин способна там оставаться.

Однако выбора нет: либо ехать в то опасное и грязное место, либо новые проблемы и волнения в попытках разыскать родню отца.

После долгой паузы, прочитав две страницы, Вайолет сказала:

– Они примут тебя.

Лицо Элизабет залилось краской и побледнело одновременно. Вайолет терпеть не могла, когда дочь так вспыхивала из-за пустяков.

– Когда я должна поехать?

– Когда мы решим. Конечно, потребуется время. Нужно собрать вещи, спросить Эйлин про учебники... и что вообще тебе взять с собой. Она много написала про то, как они рады тебя принять, но почти ничего полезного не сообщила, никаких советов, что именно привезти и что тебе там понадобится. Кстати, вот записка для тебя...

Элизабет взяла листочек. Впервые в жизни она получила письмо от кого-то и читала медленно, впитывая каждое слово.

Дорогая Элизабет,

мы очень рады, что твоя мама посылает тебя к нам ненадолго, и надеемся, что здесь ты будешь счастлива. Килгаррет сильно отличается от Лондона, но все здесь ждут тебя и надеются, что ты будешь чувствовать себя как дома. Ты будешь жить в одной комнате с Эшлинг. Ей, как и тебе, десять лет, между вами всего неделя разницы, и мы уверены, что вы подружитесь. Сестра Мэри в школе говорит, что ты, наверное, знаешь больше, чем весь класс, вместе взятый. Привози с собой любые игрушки и книги, какие захочешь, у нас много места.

Мы ждем тебя с нетерпением.

Тетушка Эйлин

В нижней части листа, расчерченной линиями, чтобы буквы не выбивались из ряда, была еще одна записка:

Дорогая Элизабет,

я освободила для тебя все полки в левой части комнаты, половину платяного шкафа и половину туалетного столика. Ты должна непременно успеть приехать на день рождения Имона, будет праздник. У Махеров есть невероятно милые котята, у них открылись глазки. Мама возьмет одного на двоих, для нас с тобой.

Пока,

Эшлинг

– Котенок для нас! – воскликнула Элизабет с сияющими глазами.

– И ни слова про оплату школы, школьную форму и прочее, – отозвалась Вайолет.

* * *

Кашель Донала усилился, но доктор Линч сказал, что волноваться не стоит. Нужно просто держать его в тепле, никаких сквозняков, но много свежего воздуха. Эйлин ломала голову, каким образом можно соблюсти все три условия одновременно.

Новость о девочке из Англии неимоверно взволновала Донала.

– Когда она приедет? – спрашивал он по сто раз на дню.

– Она будет моей подружкой, а не твоей! – заявляла Эшлинг.

– Мама сказала, что она будет подружкой для всех, – хмурился он.

– Да, но прежде всего моей! В конце концов, она же мне написала!

Тут уж никак не поспоришь. Эшлинг пришло письмо, которое она перечитала вслух несколько раз. Элизабет впервые в жизни написала настоящее письмо, и звучало оно весьма официально: в нем были такие слова, как «благодарность» и «признательность».

– Похоже, в их школах детей учат гораздо лучше, – прочитав письмо, заметила Эйлин.

– А чему удивляться? Столько богатства у других награбили! – проворчал Шон.

Дело было в субботу, за ланчем. Шон пришел домой поесть бекона с капустой. В субботу лавка закрывалась в половине второго, а после ланча Шон собирал заказы на заднем дворе, но там хотя бы никто ему не докучал, и не приходилось бегать туда-сюда каждый раз, когда хлопала дверь и звякал дверной колокольчик.

– Надеюсь, ты не будешь говорить подобные вещи при ребенке, – сказала Эйлин. – Мало того что ей придется уехать из дома, так еще ты будешь про ее страну гадости говорить!

– К тому же это неправда! – встрял Шон-младший.

– Еще как правда! – возразил отец. – Но твоя мать права. Когда девочка приедет, нам всем лучше попридержать язык и не говорить того, что думаем. Малышка не виновата.

– Мне не нужно скрывать свои мысли, – заявил Шон-младший. – Я не из тех, кто все время бухтит и ругает британцев.

Шон положил нож и вилку и наставил указующий перст на сына. Эйлин тут же вмешалась:

– Пожалуйста, послушайте меня. Я хочу сказать, что приезд девочки может быть возможностью для нашей семьи улучшить свои манеры за столом. А то вы, как поросята, разливаете еду на скатерть и разговариваете с набитым ртом.

– Поросята не разговаривают с набитым ртом! – не согласился Имон.

Донал засмеялся, и Ниам тоже заголосила в коляске возле стола.

– Я уверена, что она посчитает нас ужасно невоспитанными, – сказала Эшлинг, чем удивила мать, не ожидавшую получить такую поддержку. – Мы все говорим одновременно, и никто никого не слушает, – добавила она неодобрительным тоном, настолько похожим на учительницу, что все засмеялись. Эшлинг не поняла причины веселья и разозлилась. – Чего смешного? Чего ржете?

– Они смеются, потому что так и есть, – ответил сидевший рядом с ней Донал.

Эшлинг перестала злиться и тоже рассмеялась.

* * *

На вокзал следовало приехать заранее, чтобы найти надежного человека, который сможет присмотреть за Элизабет во время путешествия. Сначала планировалось, что Вайолет будет сопровождать дочь до паромной переправы в Холихеде, но тогда ей пришлось бы возвращаться обратно, а из-за нехватки топлива и задержек поезда тащились часами, да и билеты недешево обойдутся, а в такие тяжелые времена не стоит выбрасывать деньги на ветер...

Джордж задумался, нужно ли будет заплатить О'Коннора за проживание у них Элизабет, но Вайолет сказала нет. В Англии эвакуированные жили в приемных семьях бесплатно, что считалось помощью в войне. Джордж напомнил ей, что Ирландия в войне не участвует. Вайолет хмыкнула и заявила, что, вообще-то, они должны бы принять участие, и еще как должны бы, но в любом случае принцип

остается тем же. Она дала Элизабет пять фунтов и велела потратить их с умом.

На вокзале Юстон Вайолет осмотрелась в поисках женщин среднего возраста и респектабельного вида, которым можно было бы доверить девочку. Требовалось найти кого-нибудь, кто путешествует в одиночку, иначе женщина могла бы заболтаться со спутниками и забыть про подопечную. Несколько попыток оказались неудачными. Одна женщина ехала только до Кру, другая ждала своего друга, третья кашляла так, что Элизабет наверняка подхватила бы от нее какую-нибудь заразу. Наконец Вайолет остановила свой выбор на женщине с палочкой, предложив ей услуги Элизабет в качестве посыльной и помощницы с багажом. Довольная такими условиями, женщина пообещала доставить Элизабет в руки молодого человека по имени Шон О'Коннор на пристани в Дун-Лэаре. Женщина устроилась в уголочке, сказав, что не будет мешать прощанию с родителями.

Мама чмокнула Элизабет в щечку и велела быть хорошей девочкой, чтобы не доставлять миссис О'Коннор лишних хлопот. Отец сухо попрощался. Элизабет посмотрела на него снизу вверх.

– До свидания, папа, – совсем по-взрослому произнесла она.

Отец наклонился, обнял ее и долго держал в объятиях. Элизабет вцепилась в него, обхватив руками за шею, но, посмотрев на мать, заметила первые признаки нетерпения и разжала руки.

– Пиши нам почаще и подробно рассказывай, как живешь, – сказал отец.

– Да, но не вздумай просить у Эйлин бумагу и марки, они денег стоят.

– У меня есть деньги! Целых пять фунтов! – воскликнула Элизабет.

– Тише! Не кричи на всю станцию! Так и ограбить могут, – предупредила Вайолет.

Лицо Элизабет снова пошло белыми и красными пятнами, сердце застучало, и тут она услышала, как хлопнули двери поезда.

– Все будет хорошо! – воскликнула она.

– Умница, – ответила мама.

– Не плачь, ты ведь уже большая девочка, – сказал отец.

По щекам Элизабет скатились слезы.

– Она и не думала плакать, пока ты не напомнил! – упрекнула Вайолет. – Смотри, до чего ты ее довел!

Поезд тронулся, и среди толпы машущих на перроне людей мама с папой оставались неподвижны, словно статуи. Элизабет тряхнула головой, смахивая слезы, и, когда в глазах прояснилось, увидела, как родители стоят, крепко прижимая локти к бокам, словно боятся прикоснуться друг к другу.

Глава 2

Донал хотел знать, что произошло с братьями и сестрами Элизабет: их всех убили?

– Не болтай глупостей! – заявила Пегги. – Никого не убили.

– Тогда где же они? Почему не приедут?

Донал чувствовал себя обделенным, потому что Эшлинг решительно присвоила себе все права на гостью: только и слышно «моей подруге Элизабет это не понравится» и «когда приедет моя подруга Элизабет». Донал надеялся, что есть еще тайный запас братьев и сестер, которых можно забрать себе.

– Она единственный ребенок в семье, – объяснила Пегги.

– Так не бывает! – возмутился Донал. – У всех есть братья и сестры. Что с ними случилось?

Эйлин не удалось вызвать подобный энтузиазм у остальных членов семьи: лишь Эшлинг и Донал с нетерпением ждали гостью. Шон-младший в принципе не обращал внимания на чье-то присутствие или отсутствие в доме. Морин сказала, что и с одной-то Эшлинг проблем хватает, а если еще и вторая такая же появится... Имон заявил, что не собирается мыться из-за какой-то девчонки, которую он в жизни не видел, и вообще, он и так уже чистый. У Ниам резался зубик, она капризничала и редела до посинения. У самой Эйлин не хватало времени переживать еще и за гостью. Судя по чопорному письму и кратким, невнятным рассказам Вайолет о дочери, девочка привыкла к более утонченному образу жизни. Оставалось надеяться, что она не окажется пугливой барышней, которая боится рот открыть. Иначе привезти ее из-под лондонских бомбежек в суматошный дом О'Конноров будет все равно что бросить ребенка из огня да в полымя. Еще не известно, что хуже.

В любом случае благодаря девочке Эйлин и Вайолет могли бы снова сблизиться после стольких лет. Эйлин усердно старалась поддерживать связь с подругой, часто писала письма, подробно рассказывала про жизнь в Килгаррете и отправляла подарочки на день рождения единственной дочери Вайолет, но в ответ та лишь время от времени присылала открытки.

Эйлин было безумно жаль потерять те близкие отношения, которые когда-то возникли между ними в католической школе. В то время они обе оказались там по ошибке: семья Вайолет (совершенно напрасно) думала, что католическая школа может сделать из девочки юную леди, а семья Эйлин считала, что качество образования в католической школе в Англии наверняка гораздо выше, чем на родине.

Эйлин обрадовалась шансу, что подруга снова вернется в ее жизнь. Возможно, через год или два, когда закончится эта ужасная война, Вайолет и Джордж приедут погостить, останутся в гостинице Доннелли на другой стороне площади и поблагодарят Эйлин от всего сердца за то, что на щеки их дочери вернулся румянец. Старая дружба вновь расцветет, и у Эйлин будет с кем вспомнить те давно прошедшие дни в школе Святого Марка, о которых она не могла больше ни с кем поговорить. Все местные заявили, что она зазнайка уже только потому, что вообще училась в английской школе.

Было бы неплохо самой поехать на пристань, чтобы встретить девочку в Дун-Лэаре, или в Кингстауне, как сказали бы некоторые, чтобы позлить Шона.

Провести денек в Дублине и развеяться, вместо того чтобы пялиться в счета и бухгалтерские книги. С пристани можно доехать на трамвае до центра города, показать Элизабет достопримечательности и, может, наконец-то подняться на колонну Нельсона, где она так ни разу и не побывала. Эх, размечталась... Она не сможет поехать, и забирать гостью придется Шону-младшему.

Парень себе места найти не может и постоянно ругается с отцом по любому поводу, так что ему пойдет на пользу уехать на денек и не появляться в лавке. Во вторник после работы он может сесть на вечерний автобус. Остановится у кузины, которая держит маленький пансион в Дун-Лэаре. Полдюжины яиц хватит, чтобы отблагодарить ее за возможность переночевать на диване в гостиной. Надо строго-настрога наказать ему быть на причале еще до того, как пришвартуется паром, чтобы Элизабет не испугалась, что ее никто не встречает. Он должен будет найти светловолосую девочку десяти лет в зеленом пальто, с коричневой сумкой на плече и с коричневым чемоданом в руках. Ее надо поприветствовать, назвать себя и накормить бармбрэком^[2] с оранжадом, пока они будут ждать на остановке. И ни в коем случае не мешкать, а то опоздают на автобус.

Эйлин знала, что у Шона не было ни малейшего интереса ехать за какой-то девчонкой, но возможность повстречать группу парней, собирающихся записаться в британскую армию, как случилось в прошлую поездку в Дублин, приведет его в восторг.

Эйлин договорилась с Махерами, что заберет котенка после обеда в день приезда Элизабет. Если что-то пойдет не так, то будет чем отвлечь всех от гостыи. Кроме того, ожидая приезда Элизабет, все будут думать еще и о черно-белом пушистом комочке, чье появление наверняка вызовет восторг.

* * *

Миссис Мориарти оказалась очень доброй и поделилась с Элизабет едой. Они вместе ели зеленый горошек прямо из банки.

– Не знала, что горошек можно есть холодным, – сказала Элизабет.

По сравнению с этим ее припасы выглядели скромно: шесть маленьких аккуратных сэндвичей со срезанной корочкой, причем три с маленькими кусочками сыра и три с еще меньшими кусочками помидоров. А также яблоко и две печеньки, завернутые в белую бумагу, и даже бумажная салфетка прилагалась.

– Мама сказала, что это мне на ужин и на завтрак, но, пожалуйста, возьмите себе сэндвич в благодарность за горошек, – не по-детски серьезно произнесла Элизабет.

Миссис Мориарти попробовала сэндвич:

– Очень вкусно! Как же тебе повезло, что мамочка делает для тебя такие вкусные сэндвичи!

– Вообще-то, я сама приготовила, но мама все упаковала, – ответила Элизабет.

Миссис Мориарти рассказала, что едет домой в графство Лимерик, к сыну с его стукнутой на всю голову женошкой. В Англии она жила с тех пор, как овдовела, и полюбила огромный Лондон всем сердцем. Работала в овощной лавке, все к ней прекрасно относились, но теперь, когда ее разбил артрит и началась война, и все такое, сын с невесткой стали усиленно звать ее домой, что миссис Мориарти совсем не нравилось. Когда война закончится и можно будет

вернуться, то все в лавке будут думать, что она сбежала, и перестанут считать ее своей. Но что поделать, сын и его несносная женушка писали каждую неделю и даже приехали в Лондон, чтобы уговаривать ее. Все соседи на их улице считали ее сына с невесткой бессердечными, так как оставили мать под бомбами, поэтому сын потребовал, чтобы она вернулась домой.

Элизабет согласилась, что нелегко ехать куда-то, где тебе не хочется быть, и, пока миссис Мориарти вылавливала из банки последние горошины, рассказала о маминых друзьях О'Коннорах, которые живут в грязном городишке, в неряшливом доме на площади, куда приходят животные и оставляют там какашки. Миссис Мориарти задумчиво заметила, что, возможно, Элизабет не стоит переживать заранее и говорить всем про грязный город только потому, что мама так сказала. Лучше подождать и увидеть собственными глазами. Элизабет покраснела и ответила, что никогда бы даже не заикнулась про такое в доме миссис О'Коннор, а поделилась только с миссис Мориарти по-дружески после истории про ужасную невестку...

Они съели банку сгущенки, чтобы скрепить договор о сохранении тайны, и Элизабет уснула, положив голову на плечо миссис Мориарти, и даже не шевельнулась, пока их всех не разбудили и не вывели в холодную ночь в Холихеде, где грузчики кричали что-то на валлийском. Вокруг пассажиров, ожидавших посадки на почтовый паром, царил суматоха.

– В Ирландии тоже так говорят? – встревожилась Элизабет.

Она чувствовала себя в высшей степени неудобно, когда окружающие смеялись и кричали на непонятном языке. Мама наверняка сказала бы про них что-нибудь весьма неодобрительное. Элизабет попыталась представить, что именно, но так и не смогла.

– Нет, – ответила миссис Мориарти, – в Ирландии говорят на английском. Мы выбросили все хорошее, что имели, включая наш язык и обычаи.

– И включая свекровей, – добавила Элизабет.

– Точно! – засмеялась миссис Мориарти. – Если уж они свекровей начали обратно возвращать, то одному Господу известно, что еще они решат восстановить.

Она оперлась на плечо Элизабет, когда очередь пассажиров начала медленно втягиваться на огромный паром, величественно

возвышающийся над пристанью в темноте.

* * *

Шон терпеть не мог людей вроде миссис Мориарти, которые берут тебя под локоток и шепчут на ушко что-нибудь по секрету, как будто вы оба это знаете, а все остальные не в курсе дела. Он слегка отстранился от нее, когда она начала шепотом рассказывать, что малышка очень устала и плохо себя чувствует после путешествия и что мать наболтала ей всяких глупостей, поэтому не стоит принимать близко к сердцу все, что говорит девочка.

– Кажется, вам кто-то машет, – наконец сказал Шон, пытаясь поскорее отделаться от старухи.

– Маманя, маманя, мы здесь! – кричали мужчина и женщина средних лет.

Элизабет впервые после встречи с Шоном подняла глаза и внимательно посмотрела на невестку миссис Мориарти, напряженно улыбающуюся от уха до уха.

– С головой у нее вроде все в порядке, – задумчиво заметила Элизабет. – Наверное, ушибы уже зажили.

Шон предложил девочке бармбрэк и лимонад, пока они шли на остановку под первыми лучами утреннего солнца.

– Маманя велела покормить тебя, если ты проголодаешься, – заявил он без всяких церемоний.

– Мне обязательно нужно это съесть? – спросила она.

Шон посмотрел на ее лицо, которое было блее волос, на покрасневшие глаза и тощие, как спички, ноги. Сплошное недоразумение, а не девчонка.

– Не обязательно. Просто маманя хотела тебе угодить. Я и сам съем, обожаю бармбрэк, – ответил он, чувствуя внезапно накатившую преданность матери.

– Я вовсе не хотела...

– Не важно.

Он развернул пакет, достал два огромных ломтя хлеба с изюмом с толстым слоем сливочного масла между ними и впился в них зубами.

– Это пирожное? – спросила Элизабет.

– Это бармбрэк! Я ж тебе предложил, а ты сказала, что не хочешь.

– Я не знала, что такое бармбрэк.

– Так спросила бы! – Шон подивился, что за ребенок такой, даже бармбрэк в глаза не видела.

– Я не подумала спросить...

Они молча дошли до остановки автобуса на Брей. С тяжелым чемоданом в руке и сумкой через плечо Элизабет выглядела как настоящая сирота.

Мысли Шона все крутились вокруг парня, с которым он познакомился вчера вечером в пансионе. Терри было семнадцать, слишком мало для призыва, но он сказал, что всегда можно соврать, будто свидетельство о рождении сгорело во время пожара на таможне^[3]. Все равно Терри уплыл обратным рейсом на том же пароме, на котором приехала Элизабет. Он доберется до ближайшего призывного пункта и через пару недель уже наденет форму. Шон так ему завидовал, что всю ночь не мог глаз сомкнуть. Терри рассказывал про своих друзей, которые уехали месяц назад: им хорошо платят, тренируют, обучают владению оружием и всему остальному, а скоро их отправят на материк, но только не вздумай никому проболтаться! Терри тоже работал на своего отца на маленькой ферме и знал, каково это, когда тебе не дают повзрослеть, когда маманя спрашивает, ходил ли ты на исповедь, а папаня говорит, что ты должен помогать матери по хозяйству. Ну что за жизнь! И никакого шанса надеть военную форму...

– А какую форму носит твой папаня? – внезапно спросил Шон.

Бледное личико Элизабет залилось краской, словно ей дали пощечину и на щеках остались следы.

– Он... ну... он... понимаешь, его не взяли на войну, он остался дома.

– Как не взяли?

Шон, которому и так не было дела до свалившейся на них девчонки, и вовсе потерял к ней интерес, ведь она даже про войну ничего рассказать не может.

– Кажется, ему пришлось остаться в банке... потому что... – На лице Элизабет отражалась напряженная работа мысли в попытках честно объяснить то, чего она и сама не понимала, но знала, что именно поэтому мама и папа недовольны друг другом. – Потому что

они не берут пожилых мужчин с больными легкими, – наконец выдала она.

Шон безучастно посмотрел на нее, снова занятый мыслями о Терри и возможности попасть в армию.

– Тебе не надо в уборную, пока автобус не пришел? – вдруг спросил он.

За все десять лет жизни Элизабет впервые слышала столь прямой вопрос на такую деликатную тему.

– Э-э-э... да, – ответила она.

Шон кивнул в сторону общественных туалетов:

– Вон туда, только побыстрее, автобус придет через пять минут.

Элизабет засеменила к двум низеньким постройкам. Однако на них не оказалось знакомых указателей «Дамы» и «Джентльмены». Было весьма непросто воспользоваться общественными удобствами в Лондоне под руководством мамы, настаивавшей на использовании кучи туалетной бумаги на сиденье, чтобы не подхватить с него какую-нибудь инфекцию, а здесь проблема и вовсе выглядела неразрешимой. На дверях вместо внятных надписей красовались только какие-то буквы: на одной – MNA, на другой – FIR^[4].

Элизабет задумалась. Потом посмотрела на Шона. Он и так считал ее глупой, а что будет, если она побежит обратно спрашивать, какой туалет ей выбрать? Надо подумать как следует. «Мужчина» начинается с «М», так что «MNA», должно быть, мужской, тогда «FIR» – женский.

Она храбро вошла в дверь с табличкой «FIR». Спиной к ней стояли четверо мужчин. Стенку они, что ли, красят? Или ремонтируют что-то? Элизабет застыла, не решаясь пройти мимо них к женской уборной.

Один из мужчин – старик, почти без зубов, в кепке, надетой задом наперед, – повернулся, и, к ужасу Элизабет, его брюки оказались расстегнуты.

– А ну, девчушка, беги домой и не будь такой смелой! – закричал он.

Остальные мужчины обернулись.

– Давай-давай, иди отсюда! Еще насмотришься, когда подрастешь! – крикнул молодой человек, и все засмеялись.

Красная как рак, с выскакивающим из груди сердцем, Элизабет примчалась к Шону, который вопил, чтобы она поторопилась, автобус уже подъезжает.

– Боже правый, ты что, в мужской туалет попала? – спросил он еще до того, как она успела хотя бы слово вымолвить, и тут же предупредил: – Мамане говорить не вздумай, а то она с тебя шкуру спустит.

И тут же закинул коричневый чемодан Элизабет на крышу автобуса.

– На нем же написано «Килмейнем» вместо «Уиклоу», это не тот автобус!

– Господь мой и Пресвятая Дева! Да залезай ты уже! – не выдержал Шон.

Тут и с обычной-то десятилеткой ездить намучаешься, а у этой еще и с головой не в порядке.

Как только автобус тронулся, полил дождь. Дорога шла мимо зеленых полей, и каждое окружала темно-зеленая изгородь. Элизабет пялилась в окно, сдерживая слезы. А также изо всех сил старалась дотерпеть до остановки, где будет уборная и кто-нибудь объяснит ей, что означают те буквы. Казалось, что со времени отъезда из Лондона прошли недели, но она с изумлением осознала, что на самом деле путешествие заняло меньше суток.

* * *

Эйлин ушла из лавки заранее, на случай если автобус прибудет раньше обычного. Она хотела убедиться, что наверняка будет дома, чтобы встретить девочку, а то Пегги будет визжать, Эшлинг рта не раскроет, Имон будет задираться, Донал нести что-то невразумительное... Ничего себе начало новой жизни в другой стране!

Эйлин пригладила юбку и заправила выбившиеся прядки. Интересно, как Вайолет выглядит теперь? У нее всегда были тонкие волосы и молочно-белое лицо. Наверное, девчушка такая же – в отличие от покрытых веснушками О'Конноров.

Стол накрыли тщательнее обычного. Эйлин заставила поменять заляпанную пятнами скатерть. Такое явное поднятие привычных

стандартов разозлило Пегги.

Примчалась Эшлинг:

– Мама, раз ты дома, давай пойдём к Махерам и заберём котенка прямо сейчас, до того как она приедет!

– У нее есть имя, ее зовут Элизабет! – одернула ее Эйлин. – И нет, котенок для вас обеих, забирать будете вместе.

– Я знаю, – неуверенно отозвалась Эшлинг.

За ее спиной появился Имон.

– Каждая получит по две лапки! – захихикал он. – Две тебе и две ей!

– Я возьму передние, – задумчиво сказала Эшлинг.

– Так нечестно, тогда ей достанется только попа! – Имон фыркнул от собственной дерзости.

– Не говори «попа», а то мама тебе ремня даст, – парировала Эшлинг, осторожно косясь на мать: как бы и самой ремня не получить.

Эйлин пропустила перепалку мимо ушей:

– Эшлинг, иди сюда, я тебя расчесу, а то ты вся растрепанная. Стой спокойно!

Щетка всегда лежала на каминной полке, рядом с часами, и использовалась только в субботу вечером для еженедельной пытки. Морин и Эшлинг ее ненавидели и старались улизнуть. Мальчишки обычно могли рассчитывать на заступничество отца.

– Эйлин, хватит уже их прихорашивать, – говорил он. – Мужики они или кто? Нормальная у них прическа, оставь их в покое.

Однако за длинноволосых кудрявых дочерей он никогда не заступался.

Эшлинг ерзала и сопротивлялась.

– Хуже, чем собираться на мессу! – пожаловалась она.

– Не смей говорить гадости про мессу, это грех! – заявил Имон, довольный, что поймал ее на грехе, равном собственному. – Мама, она сказала, что ненавидит собираться на мессу.

– Нет, она сказала, что ненавидит причесываться. Эшлинг никогда не скажет ничего плохого про священную мессу, правда, Эшлинг?

– Конечно, мама, – подтвердила Эшлинг, опустив глаза.

Имон остался недоволен. Обычно после любого намека на оскорбление Господа на голову виновного обрушивалось суровое возмездие.

Пегги все еще была не в духе, чувствуя, что времена изменились в худшую сторону.

– Может, я схожу за Доналом? Он очень хочет быть внизу, когда та приедет, и он знает, что камин горит. И он не хочет, чтобы та подумала, будто он...

– Пегги, у Элизабет Уайт есть имя, ее зовут Элизабет, а не «та». Ты меня услышала?

– Да-да, конечно, я знаю, – заволновалась Пегги.

Эйлин наконец отложила щетку:

– Я сама схожу за Доналом.

Она пошла к лестнице, но по пути машинально посмотрела в окно. Должно быть, автобус из Дублина только что подъехал. От гостиницы Доннелли, около которой он останавливался каждый день, через площадь тянулись люди. А вот и Шон, идет впереди, раздраженно пинает камушки. Ее взрослый, неугомонный красавчик-сын явно чем-то озабочен и недоволен. Как это часто бывало, сердце Эйлин дрогнуло от беспокойства за него.

Позади Шона, волоча свой тяжелый чемодан, ковыляла бледная маленькая девочка. Она оказалась ниже ростом и более тощей, чем Эшлинг, а волосы такие светлые, словно их нет вообще. Зеленый цвет пальто только сильнее подчеркивал бледность и изможденность лица. На голове была школьная шляпка с завязками под подбородком, а одна из перчаток, пришитая к рукаву на резинке, болталась на ветру.

Там, на площади Килгаррета, с огромными глазищами на белом, как простыня, лице, была Элизабет.

Как и ожидала Эйлин, Эшлинг внезапно засмузилась и потеряла дар речи.

– Нет, маманя, ты ее встречай, – сказала она.

– Она уже здесь? Как она выглядит? – закричал Имон и, подлетев к окну, увидел маленькую фигурку.

– Это вон та, что ли? – изумился он.

Эшлинг, недовольная, что ее новую подругу критикуют еще до того, как она сама ее увидела, подошла к окну, но там никого не было. Элизабет с чемоданом уже вошла в дом.

– Хозяйка, она здесь, Донал открыл ей дверь! – раздался вопль Пегги. – Он сам поднялся с постели, а мы и не заметили...

Эйлин слетела по ступенькам на первый этаж. На фоне залитого светом огромного дверного проема темнела хрупкая фигурка дочери Вайолет. Донал помог ей затащить чемодан в прихожую и уставился на гостью в восхищении: в доме появился кто-то новенький!

– Из-за твоего приезда берут котенка, – сообщил он.

Эйлин бросилась к Элизабет с распростертыми объятиями:

– Иди скорее сюда, расскажи, как ты добралась в такую даль!

Вблизи глаза Элизабет казались еще огромнее.

– Я описалась, – сказала она. – Простите, пожалуйста...

Эйлин крепче прижала к себе костлявое тельце:

– Ерунда, малышка, сейчас все исправим.

– Какой ужас! У меня пальто промокло и в ботинки затекло. Мне так стыдно, миссис О'Коннор! Я не... я не знаю... я не смогла... – рыдала Элизабет.

– Деточка, послушай меня, в этом доме постоянно кто-то писается. Пойдем со мной наверх. Сюда! – Эйлин погладила тонкие волосы Элизабет, убрала ее руки от глаз и смахнула ей слезы. – Все хорошо, теперь ты дома, целая и невредимая. Пойдем со мной.

В дверях появился Шон:

– Здорово, маманя! Я тут в Дублине одного парня встретил, его Терри зовут...

Эйлин обернулась к нему:

– Отнеси наверх чемодан, дубина ты безмозглая! А ну бегом! Слышать не желаю, кого ты там встретил! Не мог девочке чемодан донести! Как можно так обращаться с больным ребенком! Тебе мозгов не хватило спросить ее про уборную?

– Я спросил! – Шон пришел в ярость от несправедливых обвинений. – Я показал ей, а она... она в мужской туалет пошла!

– Такой здоровый и такой дурной! – продолжала Эйлин, не замечая, как в глазах сына растет недоумение и наворачиваются слезы ярости.

Поджав губы, он взял чемодан и понес его наверх. Открыл дверь комнаты Эшлинг и швырнул чемодан на кровать. Так и знал, что от новой девчонки ничего хорошего ждать не придется! Так оно и вышло.

Эйлин понадобилось всего десять минут, чтобы привести Элизабет в порядок перед первой трапезой в ее новом доме. Чемодан быстро распаковали в поисках чистой одежды. Все остальное

разбросали по кровати в таком беспорядке, который был просто немислим в Лондоне. Мама так никогда не делала. Мама бы ушла, оставив Элизабет разбираться самостоятельно, но миссис О'Коннор такое явно и в голову не пришло.

– Снимай мокрую одежду, мы все бросим в стирку. Ну вот, молодец, а теперь иди в ванную. Быстренько помойся, и будешь чистенькая. А вот это я повешу. Ну давай же иди!

Миссис О'Коннор, похоже, ожидала, что Элизабет пойдет по коридору в одной майке, с полотенцем в руках. Что, в самом деле? Элизабет никогда не покидала свою спальню, не надев хотя бы халат...

– Можно мне, пожалуйста... – Элизабет неуверенно ткнула в направлении чемодана.

– Что, зайка?

– Мой... мой халатик... – Элизабет залилась румянцем.

– А, конечно! Забавная ты малышка, у тебя даже халатик есть.

А потом деваться будет некуда, думала Элизабет, идя по коридору. Придется познакомиться со всем семейством. Если они все такие, как тот мальчишка, который ее встретил, то это просто кошмар. Хотя миссис О'Коннор, пожалуй, очень даже ничего. Не такая, как мама, и вообще не похожа на чью-то маму, но с ней легко.

Ванная оказалась огромной, гораздо больше, чем дома. Местами штукатурка осыпалась, а водонагревательная колонка над ванной вся покрылась ржавчиной. Множество мочалок валялись, брошенные кое-как, а не аккуратно развешенные на крючках. Стояли две кружки, заполненные зубными щетками. Интересно, как О'Конноры разбираются, где чья.

В дверь постучали. Элизабет на мгновение вцепилась в раковину. Все хорошо. Теперь она снова чистая, пришла в себя и проголодалась. После путешествия слегка подташнивает, но определенно хочется есть. Она храбро отперла дверь и вышла. Эйлин взяла дочку Вайолет за руку и повела в столовую.

Донал сидел у камина, завернутый в одеяло, которое принесла ему Пегги. Увидев гостью, он тут же подпрыгнул, и одеяло чуть не улетело в камин. Имон играл с двумя фарфоровыми собачками, притворяясь, что они гавкают друг на друга. Шон-младший угрюмо уставился в окно. Морин, как и было велено, появилась к ланчу и пристально изучала свой носик в зеркальце. Пегги ходила кругами, не зная, надо

ли подавать суп или подождать указаний хозяйки. Хозяин дома, одетый по-домашнему, в одной рубашке, читал газету. Эшлинг что-то яростно рисовала в альбоме и едва подняла взгляд, когда дверь открылась.

– Это Элизабет, и кто-нибудь уберите одеяло! – на одном дыхании произнесла Эйлин.

Имон метнулся к камину и спас одеяло от огня. Шон отложил газету.

– Добро пожаловать в наш дом, деточка, – сказал он и торжественно пожал руку Элизабет.

Морин кивнула, Имон хихикнул. Ниам в кроватке загукала. Шон-младший даже не обернулся, разглядывая площадь, где автобус, нагруженный новыми пассажирами, опять отправлялся в путь.

– Эшлинг, чем ты там занята? – сердито спросила Эйлин. – Подойди сюда и поздоровайся с Элизабет!

– Я делала плакат! – ответила Эшлинг, расплываясь в улыбке от уха до уха. – На нашу дверь повесим, это очень важно!

Она с гордостью показала Элизабет лист бумаги, на котором большими неровными буквами было написано:

ЭШЛИНГ И ЭЛИЗАБЕТ. СТУЧИТЕ. ВХОД ЗАПРЕЩЕН

– Да больно нужно к вам входить! – буркнул Имон.

– Никто и не собирался, – поддержала Морин.

– Все равно пусть висит! Так будет лучше, – заявила Эшлинг, поглядывая на Элизабет в поисках поддержки. Момент был серьезный.

– Так будет лучше, – подтвердила Элизабет и взяла листок. – «Эшлинг и Элизабет. Стучите. Вход запрещен». Здорово!

Глава 3

Эйлин села писать письмо Вайолет. Как ни странно, с появлением в доме Элизабет Вайолет стала не ближе, а скорее дальше. Девочка провела здесь уже три дня, и каждый раз, когда к ней кто-нибудь обращался, ее личико заливалось краской от усилий ответить вежливо, но зачастую слова выходили неподходящие. Если бы Эйлин не знала, чья она дочка, то подумала бы, что Элизабет сирота и воспитывалась в приюте.

– Как бы мне объяснить про сестру Бонавентуру? – задумалась Эйлин.

– Что? – Шон, вытянувший ноги у камина так, что огонь едва не поджаривал пятки, зашуршал газетой.

– Ты же знаешь, от Вайолет письма не дождешься. Она, может, только через месяц ответит, а у нас проблемы будут.

– Хм... – рассеянно отозвался Шон; Вайолет его мало интересовала.

– Конечно, много лет назад, когда мы учились в школе Святого Марка, Элизабет не ходила на уроки религии. Мы тогда наблюдали за ней в окно, как она гуляет вокруг поля для хоккея на траве.

– Ну и?.. – пробурчал Шон.

Шон-младший сидел у окна. Теперь он постоянно сидел у окна, словно надеялся увидеть за ним какую-то другую жизнь, по крайней мере так казалось Эйлин.

– Сына, а ты что думаешь? – обратилась она к нему.

Он не слышал, о чем говорили родители, но, по его мнению, Элизабет должна ходить на уроки катехизиса, или что там они проходят в школе. Она и так не такая, как все, зачем еще больше выделять ее среди остальных?

Эйлин собиралась уже с ним согласиться, но тут Шон-старший отбросил газету и заявил, что англичане атеисты и больше всего на свете боятся господства Римской католической церкви. Не стоит давать им дополнительные основания для жалоб.

– Похоже, как обычно, мне придется решать все самой, – вздохнула Эйлин, берясь за ручку.

*Дорогая сестра Бонаventura,
я посоветовалась с родителями Элизабет. Они оба
благочестивые англикане и предпочли бы, чтобы Элизабет
читала свою Библию во время уроков по религии. Они очень
благодарны монастырю за такую возможность.*

Она прочитала письмо вслух, и мужчины засмеялись.

– Надеюсь, Господь меня простит, – вздохнула Эйлин.

– А я надеюсь, что удастся найти ей Библию, ну... ту самую, которую она должна будет читать, – сказал Шон-младший, и все дружно расхохотались.

* * *

После бесконечных споров между Эшлинг, Имоном и Доналом котенка нарекли Моникой. Элизабет в обсуждении не участвовала. Когда разногласия достигли предела, Эшлинг повернулась к ней и спросила, как звали ее лучшую подругу в английской школе.

– У меня не было лучшей подруги, – заикаясь, ответила испуганная Элизабет.

– Но кто-то же тебе нравился больше всех? – не унималась Эшлинг.

– В школе... хм... мисс Джеймс, – честно ответила Элизабет.

– Нельзя же назвать котенка мисс Джеймс! – снова попыталась Эшлинг. – Кто сидел за партой рядом с тобой?

– Моника...

– Моника! – воскликнула Эшлинг. – Отлично! Так и назовем!

– Моника, Моника, Моника, – повторили все трое.

Никто из них не знал никого с таким именем. Элизабет слегка огорчилась. Ей никогда не нравилась Моника Харт. Она все время командовала и смеялась над Элизабет, а иногда щипала, чтобы заставить подпрыгнуть. Лучше бы милого пушистого котеночка называли как-нибудь по-другому. Нормальным кошачьим именем, как пишут в книжках, вроде Черныш или Мурзик, однако О'Конноры почему-то выбирали только из человеческих имен. Прежде чем

остановиться на Монике, они не могли определиться между Оливером и Шеймусом.

Теперь требовалось обеспечить Монике светлое будущее. Эшлинг собиралась крестить котенка, но Эйлин вовремя появилась, чтобы пресечь церемонию.

– Господь ведь не отправит Моника в чистилище? – настойчиво допытывалась Эшлинг.

– Нет конечно! – ответила Эйлин, которая частенько уставала заполнять пробелы, появлявшиеся в религиозном образовании после ежедневных уроков религии в школе.

– Что такое чистилище? – испуганно спросила Элизабет, поскольку слово звучало как-то страшновато.

– Это место, где полно мертвых младенцев, которых не успели крестить, – ответила Эшлинг.

– Кошек в чистилище нет! – авторитетно заявила Эйлин и заметила, что от упоминания места, полного мертвых младенцев, глаза Элизабет округлились и потемнели.

Когда в монастыре сестры Мэри и Бонавентура рассказывали про мертвых младенцев, отправленных в чистилище, потому что они не получили освящающую благодать при крещении и не могут предстать перед лицом Господа, все звучало вполне естественно, но становилось чем-то жутким и странным при попытках объяснить подобные вещи Элизабет, которая ничего не понимала в католических правилах.

– Но все же на картинках никогда не рисуют котят в раю, – заметил Имон, пытаясь подлить масла в огонь.

– Они на другой стороне, – не растерялась Эйлин и, заметив растущее недоумение на всех лицах, добавила: – Вы же знаете, это та часть рая, которую не показывают на картинах, где собраны все животные и птицы и прочие создания, которых любил святой Франциск.

Эйлин невольно задумалась, всем ли родителям приходится рассказывать детям столь дикие истории про религию и одобряет ли это Господь.

Вайолет с нетерпением вскрыла конверт. Без Элизабет в доме стало невероятно пусто. Она уже позабыла постоянное раздражение, которое вызывало у нее личико дочери, идущее красными и белыми пятнами одновременно, словно краски, смешанные на палитре. Вайолет надеялась, что Элизабет будет не слишком стесняться среди наверняка плохо воспитанных детишек в Килгаррете. Надо было ее предупредить, чтобы спрятала деньги в надежное место или отдала их Эйлин на хранение, а то вдруг тамошние буйные мальчишки и девчонки отнимут.

Из конверта выпали два листочка. Вайолет сначала взяла письмо от Элизабет, написанное на разлинованном листе. Линий нарисовали куда больше, чем требовалось.

*Дорогие мама и папа,
у меня все хорошо, и я надеюсь, что у вас тоже все хорошо. У нас новый котенок по имени Моника, его взяли для меня и Эшлинг. Имону мы его не дадим, но Донал может с ним поиграть. И не «Эшли», а именно «Эшлинг», такое ирландское имя. На следующей неделе я пойду в школу. Тетушка Эйлин попросила большую Библию у каких-то знакомых протестантов, и я буду брать ее в школу и читать, пока остальные читают про Деву Марию и святых. Пегги каждый вечер рассказывает нам истории.*

Целую,

Элизабет

Вайолет накрыла волна разочарования. Не такого она ожидала! Что еще за Пегги? Какая такая Библия, котенок и Дева Мария? Что за ерунда про Эшлинг?

Вайолет перечитала письмо. Пожалуй, Элизабет там счастлива и не сидит без дела, что уже хорошо. Но ведь ничего не спросила о доме и даже не намекнула, что скучает по родителям. Впрочем, раньше у нее не было надобности писать домой, так что это всего лишь второе в ее жизни письмо.

Вздыхнув, Вайолет развернула другой листок. Обычно Эйлин писала так длинно и витиевато, что приходилось бегло проглядывать

абзацы, но теперь Вайолет впитывала каждое слово. К сожалению, Эйлин решила не вдаваться в подробности.

*Моя дорогая Вайолет,
просто хотела сообщить тебе, что мы все рады приезду Элизабет. Она славная девочка, очень кроткая и услужливая. Хотелось бы думать, что ей не слишком тяжело уживаться с нашими буйными отпрысками. Она была чересчур бледная и уставшая после долгого путешествия, но уже заметно повеселела, хорошо кушает и резво скачет. Я подумала, что ты не хотела бы, чтобы она посещала уроки религии, поэтому договорилась с одним из клиентов Шона и взяла у него Библию. Он принадлежит к Церкви Ирландии, так что версия авторизованная, я проверяла.*

Мы постараемся, чтобы она писала тебе каждую неделю и сама бросала письма в почтовый ящик, так что она сможет написать все, что хочет, поэтому не думай, будто это исходит от нас. То же самое относится к твоим письмам: никто, кроме самой Элизабет, их не прочитает.

Я надеюсь, что у вас все хорошо. Мы часто думаем о вас в эти тяжелые времена.

Твоя Эйлин

Что имела в виду Эйлин под «Элизабет резво скачет»? Элизабет никогда не скакала! И что за ерунда с Библиями, авторизованными версиями и всем остальным? Ирландцы и впрямь помешаны на религии!

Вайолет положила письма на столик в прихожей, чтобы Джордж их нашел, надела платок и пошла отстаивать очереди в магазинах.

* * *

В лавке от Шона-младшего толку было гораздо меньше обычного, и терпение отца подходило к концу. Эйлин еще помнила времена, когда

они предвкушали, как сын будет помогать родителям, чего и сам Шон-младший ждал с особым нетерпением. Он умолял позволить ему оставить школу в пятнадцать лет, после получения свидетельства о неполном среднем образовании, но родители ничего и слышать не хотели. От старшего сына в семье требовалось сдать выпускные экзамены и показать образованность О'Конноров.

Экзамены уже закончились, на днях станут известны результаты, но долгожданного счастья они так и не принесли, да и помощь в семейном бизнесе взрослым мужчиной его не сделала. Шон-младший ходил угрюмый и вспыхивал по поводу и без повода.

– Да ладно, оставь его в покое, – порой говорила Эйлин мужу за ужином, когда сын снова начинал жаловаться по поводу работы. – Ты же видишь, парень переживает из-за результатов экзаменов.

– Можно подумать, с какой-то бумажкой от него будет больше пользы в лавке! – ворчал Шон-старший. – Если он ее и получит, то только еще сильнее зазнается!

Шон-младший, обиженный внезапным и несправедливым отсутствием интереса к его успехам в учебе, не мог удержаться:

– Ведь ты сам все последние годы заставлял меня вкалывать в лавке, как негра на плантации! И говорил, что это самое важное в жизни, разве нет?

– Не смей говорить со мной таким тоном! – возмущался хозяин дома.

– Тогда я с тобой и вовсе разговаривать не стану! – взбрыкивал наследник, с грохотом отодвигал стул и хлопал дверь. Потом хлопала входная дверь, и он появлялся на площади, шел в библиотеку и часами сидел там, читая газеты в поисках любой информации о том, что происходит на войне.

Седьмого сентября Шону-младшему исполнялось семнадцать. Эйлин хорошо помнила год, когда он родился. Все еще шла гражданская война, и она писала Вайолет о своих надеждах, что сын вырастет в стране, где больше никогда не будет войны. Эйлин забыла, что ответила Вайолет – и ответила ли вообще. А сейчас те надежды сбылись каким-то странным образом: сын вырос, его страна не воюет, однако именно в этом-то и проблема...

Возможно, стоит пышно отпраздновать его день рождения. Как раз школа начнется, и праздник поможет малышке Элизабет легче

пережить начало учебы.

Эйлин все больше привязывалась к странной девчужке. Она была более утонченная, изящная, не такая грубая и неотесанная, как дети О'Конноров. Казалось, что на нее лег тот лоск, который школа Святого Марка тщетно пыталась наложить на Вайолет и Эйлин. Элизабет такая предупредительная в отличие от ее собственных детей, что Эйлин даже позавидовала. Ну почему не удалось передать эту воспитанность своим отпрыскам? Только Доналу досталось чуточку, и то потому, что с его хрупким здоровьем он не мог носиться по дому, толкаться, орать и хватать.

Да, праздник определенно мог бы поднять настроение смурному сыну. Может, наконец перестанет ходить набыченный, а Шон-старший слегка оттаает, глядя на свечки на торте. Эйлин принялась составлять список необходимого, но вдруг почувствовала острый укол вины: в Англии сейчас детям не до дней рождения и тортиков. Потом ее отпустило. Может, Шон приведет несколько друзей из школы: мальчишку Мюррея или кого-нибудь из Хили, или с кем он сейчас дружит. Странно, что она не знает его друзей. Когда-то он постоянно приводил их домой.

Когда Шон вернется из библиотеки и полезет в холодильник за чем-нибудь мясным, надо будет поговорить с ним про день рождения. Праздник бы всех развеселил.

Наступило седьмое сентября. Донала отправили в школу одного. Он не хотел, чтобы его сопровождали ни старшие сестры, ни мама. Он побежал, перебирая тонкими ножками, хрупкий, как листочек, по сравнению с плотными сорванцами, которые уже задорно мутузили друг друга во дворе школы для мальчиков. Потом Эйлин, широко улыбаясь, отвела в школу Эшлинг и Элизабет, стараясь не замечать испуганного взгляда Элизабет при виде огромной статуи, указывающей своим перстом на открытое сердце^[5].

Вернувшись домой, Эйлин застала врасплох Пегги, которая делала вид, что отбивается от бесстыдных приставаний почтальона Джонни О'Хары. Джонни пил чай и ел сэндвич из содового хлеба с беконом, что разозлило Эйлин куда больше, чем заигрывания с Пегги. Ведь говорила же, что бекон на завтрак – это уж слишком жирно, а тут им еще и почтальона кормят!

Эйлин выхватила конверт из рук онемевшего почтальона, отмахнулась от протестов и извинений Пегги и отрывисто попросила отнести Ниам в кровать.

В письме сообщалось, что Шон провалил выпускные экзамены.

Она решила, что прежде всего следует рассказать мужу. Но оказалось, что Имон уже был в школе, когда зачитывали список, и, узнав новости, помчался в лавку. Потом Эйлин услышала по радио, что начался массированный налет на Лондон и люди прячутся в подzemке, чтобы уберечься от бомб и падающих зданий. Затем из школы передали, что Элизабет заболела и ее отправили домой вместе с Эшлинг.

Когда Эйлин наконец присела, чтобы выдохнуть от суматошного дня, она вдруг сообразила, что месячные не приходили с середины июля, а значит, скорее всего, она снова беременна. В ее-то сорок лет.

Через пару недель большинство проблем, как обычно бывает, сами по себе рассосались. Большинство, но отнюдь не все.

По сравнению с летом Донал в школе окреп и повеселел. Приходя домой, он говорил про друзей и истории, которые им рассказывала сестра Морин. И о планах на рождественскую пьесу, где он будет играть ангела.

Элизабет уже не выглядела такой испуганной и не пряталась за Эшлинг. В свою очередь Эшлинг была неимоверно довольна и горда новой ответственностью: это даже лучше, чем иметь сестру, и почти так же здорово, как иметь лучшую подругу. В своем классе она теперь вызывала огромный интерес. Еще бы, ведь у нее есть беженка-протестантка из Англии и котенок по имени Моника!

Пегги так раскисалась из-за почтальона, что решила искупить вину. Она отдраила полы, не дожидаясь указаний, и даже навела порядок в шкафчиках на кухне, откопав там совершенно неожиданные вещи.

Шон-младший оправился от разочарования в проваленных экзаменах. В конце концов, не он один провалился. Братья в монастыре не могли понять, как так получилось, хотя один из них шепнул Эйлин, что, похоже, у некоторых парней головы забиты чепухой, вроде поездки в Англию, чтобы пойти воевать, и поэтому они не уделяли должного внимания учебе.

Шон О'Коннор пережил провал старшего сына спокойнее, чем надеялась Эйлин. Они поговорили по-мужски, отец сказал, что жизнь полна неудач и проблем и что в истории Ирландии один кризис всегда следовал за другим – и со всеми они справлялись. Он установил Шону зарплату и часы работы в лавке, а также заказал для него стильный палевый пиджак, что сразу же сделало его уважаемым молодым человеком.

Из Лондона новости приходили неутешительные. Каждую ночь случался налет. Каждую ночь станции подземки были забиты людьми. Говорили, что началась новая волна эвакуации из Лондона, хотя уезжало куда меньше народу, чем в прошлом году. Джордж и Вайолет написали, что у них все хорошо. Они отнесли кровати в подвал и обложили стены матрасами и ватными одеялами. Эйлин содрогалась от одной мысли о том, что там творится, но постаралась объяснить все Элизабет так, чтобы происходящее выглядело игрой. Однако Элизабет сильно сомневалась, что ее родители способны играть во что бы то ни было.

У Эйлин снова начались месячные, прежде чем она рассказала о задержке кому-то еще. Четыре вечера подряд она принимала очень горячие ванны и выпивала стакан джина. Надо ведь как-то расслабляться после целого дня работы! Тут не в чем признаться отцу Кенни на исповеди. Это ж не грех какой-то, а всего лишь то, что делают женщины, чтобы привести себя в норму, когда переутомились.

* * *

Морин насмотрелась фотографий, на которых медсестры склонялись над ранеными, держали за руки храбрых молодых людей, а попутно ставили градусники, измеряли пульс и делали прочие необходимые вещи, без которых на войне никак не обойтись. Она принялась писать в Дублин с вопросами про подготовку медсестер, думая, что там вероятность найти раненых молодых людей, нуждающихся в заботе, гораздо выше, чем в местной больнице, куда они ходили навестить больную бабушку, что случалось каждую зиму, или когда Донала лечили от астмы.

Иногда Шон-младший обсуждал с ней вопросы карьеры и будущего, чему Морин безумно радовалась. Значит, она уже совсем взрослая, раз старший брат с ней про такие вещи разговаривает.

Шон пытался убедить ее выучиться на сестру милосердия, и тогда они могли бы уехать вместе. Родители будут меньше ругаться, если они оба заявят, что пойти на войну – это отличная возможность. Осознав, что отец не считает, что Британия сражается на стороне чести и совести, Шон изменил тактику и начал обсуждать чисто практические преимущества:

– Ну где еще получишь такой шанс? Одно только жалованье чего стоит! А еще они обучают, дают навыки для разных профессий. Когда я уволюсь из армии, то буду много чего уметь... Такую квалификацию больше нигде не получишь! Разве ты не слышал, что в армии уже есть ребята из Дублина, у них и образования-то толком нет, и ничего, все у них прекрасно, учатся, профессии получают...

Впрочем, толку от новой тактики было ничуть не больше, чем от разговоров про долг и желание защищать свою страну. Только теперь они с отцом спорили про что-то реальное, а не ругались из-за политических взглядов и доктрин, в которых Шон-младший все равно ничего не понимал и потому всегда проигрывал.

– А вот скажи-ка мне, почему мы должны им хоть чем-то помогать, а тем более отдавать за них жизни наших ребят? Пусть сами воюют. Что они для нас сделали, кроме как терзали и унижали целых восемьсот лет? И ушли отсюда только тогда, когда деваться стало уже совсем некуда. Еще и оставили нас в таком положении... половина страны все еще не отошла от гражданской войны, а четверть нашей территории до сих пор в их руках! Вот когда они отдадут нам север, который наш по праву, когда выплатят компенсации за все, что натворили, вот тогда я подумаю, а стоит ли воевать за них...

* * *

Морин с подружкой Берной Линч пробовали разные прически, а оказавшись за пределами дома, красили губы и пудрились. Шестнадцатилетние в Килгаррете отчаянно скучали: никаких развлечений для молодежи, и все вокруг с подозрением за ними

наблюдают, будто они условно осужденные! И так продолжается с шестнадцати до двадцати или даже дольше, если не повезло к тому времени найти себе подходящую пару для чинных прогулок.

Пойти в городе некуда. Морин и Берна имели слишком высокий статус, чтобы ходить на местные танцульки, где собирались посыльные и служанки. Пегги туда бегала в субботу вечером, но упорно не желала рассказать, что там и как. Танцульки не для таких, как Берна и Морин, твердила она. Даже если им удастся туда попасть, то им не понравится.

Социальное положение девушек не позволяло им ни опуститься до разудалых потных танцев, ни подняться до тенниса и вечеринок в особняках. В семьях Уэст, Грей и Кент были молодые люди возраста Морин и Берны, но познакомиться с ними не удавалось: они учились в интернатах в Дублине и приезжали домой только на каникулы поездом на станцию в трех милях от города, а иногда на автобусе на остановку на площади, одетые в блейзеры, нагруженные чемоданами и с клюшками для лакросса наперевес. Их восторженно встречали родственники на больших автомобилях, но они никогда не участвовали в жизни города.

Берна, как дочь доктора, могла бы претендовать на равный с ними социальный статус, если бы не пристрастие ее отца к алкоголю. Весь город знал, но помалкивал, так что Берне ничего не светило. Жаль такую славную девочку, не повезло ей с отцом. Доктор он, конечно, хороший, но склонен всех сторониться и якшаться со всяким сбродом. Потом он оказывался в санатории в Дублине, после чего месяцев восемь к выпивке не прикасался.

В монастырской школе подруги скучали, считая одноклассниц глупыми и недалекими. Время тянулось невыносимо медленно в ожидании, когда Морин позвонят из больницы и позовут на собеседование и когда Берна уедет в колледж для секретарей в Дублине. Поэтому они развлекали себя прическами и косметикой и надеялись, что до отъезда в Дублин сумеют получить кое-какой опыт, чтобы там их не посчитали деревенскими дурами.

В этом году учеба у Имона не заладилась. Он предвкушал возвращение в школу, потому что теперь ему уже одиннадцать, он большой и сильный парень, способный постоять за себя. Но вышло все по-другому: ему постоянно доставалось по рукам от брата Джона.

– Внимательнее, юный Имон О’Коннор! Не хватало еще, чтобы ты тоже провалил экзамены, как твой старший брат!

Даже брат Кевин, один из добрейших среди братьев, никогда никого не ругавший, теперь цеплялся к нему и читал нравоучения:

– Послушай меня, Имон, будь хорошим мальчиком. Помни, что в следующем году, после первого причастия, если будет на то воля Божья, малыш Донал тоже перейдет к нам в школу. А он здоровьем слабоват, тебе придется о нем позаботиться и за ним присматривать.

Дома было ничуть не лучше. С Пегги не поиграешь. Она вечно что-то моет и нервно оглядывается, словно они с маманей поссорились. Когда же они успели поссориться? Ничего не понять.

У Ниям начали резаться зубки, и, боже правый, как же она орет! Вся покраснеет, разинет рот, и слюни во все стороны. Фу, смотреть невозможно! А они берут ее на руки и кудахчут над ней. Подумаешь, зубы режутся! У него тоже зубы выпали, а потом выросли, но никто вокруг него так не скакал.

Папаня не в духе, они с Шоном ругаются по поводу и без. Маманя расстраивается и отворачивается. Каждый вечер она слишком усталая, чтобы поговорить с ним о школе или еще о чем-нибудь. Даже от Морин никакого толку, вечно пропадает у Берны.

Хуже всего с Эшлинг. Она совсем испортилась, хотя раньше с ней и поиграть можно было. Девчонка, конечно, еще и сеструха, но всего на год моложе, так что пойдет. Однако после приезда Элизабет к Эшлинг вообще не подступиться. Они вместе возвращаются из школы, выпивают по стакану молока с куском содового пирога и уходят к себе в комнату, забирая котенка. Вот ведь имечко ему придумали, Моника! Заберутся наверх и хлопнут дверью с дурацкой табличкой. Эшлинг и Элизабет. Элизабет и Эшлинг. Фу, аж тошнит!

Глава 4

Эшлинг весьма серьезно отнеслась к ответственности за Элизабет. Не каждому в десять лет доверяют приглядеть за иностранкой! Конечно, за это полагались и некоторые бонусы, например красotka Моника с белой мордочкой, мурчавшая, как трактор, и готовая бесконечно бегать за веревочками и резиновыми мячиками. Кроме того, всегда можно много чего избежать под предлогом помощи Элизабет: теперь больше не приходилось помогать убирать со стола или заниматься стиркой, когда Пегги брала полдня выходных. А в школе можно отговориться от дополнительных домашних заданий.

– Сестра, я на самом деле не могу, мне нужно показать Элизабет, как все правильно делать. Честное слово, сестра!

Эшлинг считала, что хорошо справляется со своими обязанностями. День ото дня Элизабет становилась все увереннее в себе, все реже выглядела испуганной и перестала извиняться через слово. Правда, она по-прежнему держалась отстраненно, не особо много рассказывала о себе и не делилась секретами, хотя Эшлинг пыталась выжать из нее ответы на самые разные вопросы.

– Расскажи мне про школу. Про Моника, ту, другую Моника.

– Да чего тут рассказывать, – отвечала Элизабет.

– Я же тебе все рассказываю! И ты тоже расскажи.

– Ну, ее зовут Моника Харт. Мы сидели за одной партой, вот и все.

– Все? – Эшлинг была не просто разочарована, ей казалось, что Элизабет наверняка что-то скрывает. Стопудово еще что-то есть!

Или вот про дни рождения. Что делала Элизабет, кто к ним приходил, что ей дарили?

В мае, когда Элизабет исполнилось десять, ей подарили кардиган и коробку красок.

Нет, больше ничего не подарили. И никак не праздновали. Да, некоторые девочки в школе праздновали свой день рождения. Нет, Моника Харт не праздновала. По кому она больше всего скучает? Пожалуй, по мисс Джеймс. Мисс Джеймс очень хорошая. Лучше сестры Мэри? Ну, они разные. В чем-то лучше, потому что не

монахиня, а обычный человек. Да, она больше всего скучает по мисс Джеймс.

– Не считая твоих мамы и папы, – добавила Эшлинг для ясности.

– Конечно! Ты ведь про школу спросила. Конечно, я скучаю по маме и папе.

Эшлинг стала включать родителей Элизабет в свои молитвы:

– Господь, благослови меня и благослови маманю и папаню, и Пегги, и Шона, и Морин, и Имона, и Донала, и Ниам, и сестру Мэри, и всех в Килгаррете, и всех в Уиклоу, и всех в Ирландии и во всем мире. Господь, благослови Элизабет и сохрани ее родителей, тетушку Вайолет и дядюшку Джорджа, целыми и невредимыми, несмотря на все, что происходит в Лондоне.

Слыша слова молитвы, доносившиеся с постели Эшлинг, Элизабет сначала благодарила ее, но Эшлинг объяснила, что говорит не с ней, а только с Господом.

Иногда Элизабет задумывалась, что сказала бы мама, если бы Эшлинг подбежала к ней и назвала тетушкой Вайолет. Мама наверняка подумала бы, что Эшлинг и все О'Конноры ужасно невоспитанные. Разумеется, так оно и есть, но Элизабет все же надеялась, что мама пока не приедет повидаться, а то ведь может и забрать ее отсюда. Мама терпеть не могла грязь, а временами дом действительно выглядел как свинарник.

Ванную никто никогда не убирал, на кухне повсюду были остатки еды, причем их не накрывали красивыми крышками для продуктов, как делала мама. И она никогда бы не поняла, как можно сидеть за столом, если скатерть вся в пятнах, если ни у кого нет своего кольца для салфеток, если упавшую на пол еду могут просто поднять и съесть. Мама гостила здесь много лет назад и помнила только про грязь. Элизабет боялась, что с тех пор все еще больше заросло грязью.

Всего за несколько недель Элизабет стала яркой защитницей своего нового дома и не вытерпела бы маминой критики или пренебрежительных замечаний отца по поводу образа жизни О'Конноров. Когда на днях сестра Мэри поправила Эшлинг во время урока, Элизабет вспыхнула и залилась краской.

– Дитя, сядь прямо и убери с лица свою рыжую гриву. Ты слышишь меня, Эшлинг О'Коннор? Не появляйся завтра в классе с растрепанными волосами.

Элизабет стало обидно за Эшлинг. Ее красивые волосы обозвали гривой! Ничего себе оскорбление! Мисс Джеймс никогда бы не сказала ничего подобного о внешнем виде своей ученицы. Так просто не принято. Странно, что Эшлинг пропустила все мимо ушей, тряхнула челкой, хихикнула, глядя на Элизабет, а когда сестра Мэри отвернулась, то скорчила ей такую рожу, что все девочки в классе зажали рот руками, чтобы не издать ни звука.

Родители остальных учениц имели небольшой бизнес в Килгаррете или фермы в его окрестностях. Здесь все совсем не так, как дома. Почти ни у кого отец не уходил на работу в другое место, чтобы вернуться домой вечером. Банк в городе был, но, похоже, в нем работали всего два человека в отличие от папиного банка. Как-то Эйлин рассказала Элизабет об этом, когда говорила о множестве разных вещей, которые могли напомнить ей дом.

Ученики в монастырской школе отнеслись к Элизабет как к некой диковине, но она вела себя так тихо и застенчиво, что они быстро потеряли к ней интерес. Элизабет не любила привлекать к себе внимание, поэтому вздохнула с облегчением.

От Эшлинг в качестве самозваного оруженосца было больше вреда, чем пользы. Когда девочки спрашивали Элизабет про другую школу, Эшлинг отвечала за нее:

– Она и сама толком не знает, школу разбомбили во время налетов. Все умерли и лежат под обломками...

Иногда после таких разговоров Элизабет пыталась протестовать:

– Эшлинг, не надо так говорить. Я не думаю, что школу разбомбили... Это неправда.

– А вдруг правда? – легкомысленно отвечала Эшлинг. – В любом случае ты почти совсем ничего не рассказываешь о жизни в Лондоне, и все в недоумении. Так что пусть хотя бы отговорка будет.

Разве она мало рассказывает? Возможно. Мама никогда не поощряла бесконечную болтовню без начала и конца, а Эшлинг, Имон и Донал именно так рассказывали про свои дела. Мама никогда не интересовалась другими девочками в школе и начинала скучать, даже если говорить про мисс Джеймс. А тут все совсем по-другому...

Элизабет не ожидала, что одноклассницы так озаботятся ее душой. Им объяснили, что новенькая – протестантка, поэтому вместо катехизиса будет читать свою Библию. Позеленев от зависти к

человеку, которому не нужно каждый вечер мучиться с пятью сложными вопросами катехизиса, девочки принялись доставать Элизабет вопросами про ее путь к Господу.

– Ты ведь в церковь не ходишь, даже в вашу протестантскую, – говорила Джоанни Мюррей.

– Ну... я... Тетушка Эйлин сказала, что будет меня отводить... но, понимаешь, это немного другое...

– Разве тебе не надо ходить хоть в какую-то церковь, хотя бы в протестантскую? – Джоанни любила во всем докопаться до сути.

– Я думаю, нужно, если можешь.

– Тогда почему ты не ходишь? Церковь рядом с домом! Ближе, чем наша, нам туда на горку тащиться. Каждое воскресенье и по праздникам хочешь не хочешь, а иди! Иначе в ад попадешь. Разве тебя в ад не отправят?

Эшлинг обычно приходила на помощь:

– С ней все по-другому. Она не получила дар веры.

Такой ответ удовлетворил большинство, однако некоторые не унимались:

– Дар веры состоит в том, чтобы услышать про Господа, а она услышала от нас сейчас.

Такому аргументу трудно что-то противопоставить, но Эшлинг выкрутилась:

– Сестра Мэри сказала, что мать настоятельница знает, что Элизабет не ходит в церковь, и говорит, что в ее разновидности протестантской веры так можно делать. Не все протестанты ходят в церковь. – Увидев сомнение в глазах слушателей, Эшлинг победно заявила: – В конце концов, мы не знаем, крестили ли ее.

– Ты некрещеная? – Джоанни Мюррей уставилась на Элизабет, словно на прокаженную. – Да нет же, тебя ведь наверняка крестили, верно?

Элизабет замялась.

– Так крестили или нет? – Эшлинг потеряла терпение и забыла, что должна быть на стороне Элизабет.

Честное слово, временами от нее совсем толку не добьешься! Как можно не знать, крестили тебя или нет?

– У меня есть крестильная рубашка. – Элизабет вспомнила, что как-то видела ее в коробке, переложенную слоями бумаги и

пропахшую шариками от моли.

На этом вопрос вроде бы решился, – стало быть, она крещеная. Теперь возникала запутанная проблема: как крещеная христианка, должна ли Элизабет ходить в какую-то церковь? Эшлинг растерялась, но быстро нашлась:

– Мы не знаем, крестили ли ее по всем правилам. А если не по правилам, то не считается!

– Мы могли бы сами ее покрестить, – предложила Джоанни Мюррей. – Всего-то полить водичкой и одновременно сказать нужные слова^[6].

Элизабет стала озираться, как кролик, загнанный в угол, и уставилась на Эшлинг с немой мольбой о спасении. Эшлинг на помощь не пришла.

– Не сейчас, сначала она должна пройти обучение. Мы должны обучить ее католической вере. Крестить будем на перемене в раздевалке.

– И как долго мы будем ее обучать?

Всем не терпелось поучаствовать в крещении. Впервые в жизни они видели человека, который, возможно, был некрещеным.

– Она наверняка полна первородного греха! – ужаснулась одна из девочек. – И если умрет сейчас, то попадет в чистилище.

– Лучше уж в чистилище, чем в ад, верно? Если мы покрестим ее прямо сейчас, а она потом не будет знать, что делать, то может попасть в ад! Пусть пока так побудет, пока не выучит правила, – настаивала Эшлинг.

– Но сколько же мы будем ее учить?

Все, включая Элизабет, посмотрели на Эшлинг как на авторитет. Возможно, и десяти минут хватит. В делах веры сказать сложно.

– Я думаю, понадобится полгода, – ответила Эшлинг, и разочарованные девочки открыли было рот, но Эшлинг выдвинула железные аргументы: – Она наверняка ни слова из катехизиса не знает, ни единого слова! Нет смысла ее крестить, пока она не выучит все так же хорошо, как мы. Просто ей не повезло, что ее неправильно крестили в детстве.

– А может, все-таки правильно? – робко вставила Элизабет без особой надежды.

– Стопудово неправильно! – заявила Эшлинг.

– Наверное, не сказали нужные слова, когда поливали водой, – глубокомысленно заметила Джоанни. – А это очень важно!

* * *

Приближалось Рождество, первое для Элизабет в Килгаррете. Она заметно окрепла с тех пор, как впервые испуганно ступила на площадь города. Юбка даже начала слегка жать в талии, а бледное лицо заметно округлилось и перестало напоминать фарфоровую статуэтку. Голос тоже стал громче. Теперь можно было понять, дома она или нет.

Каждую неделю Элизабет писала домой, Эйлин добавляла записку от себя и давала конверт. Ни одна из них не знала, почему ответы приходили так редко: то ли из-за ужасного хаоса во время Блица^[7], то ли просто Вайолет, как обычно, не горела особым желанием писать.

Газеты пестрели новостями про налеты. Чрезвычайная ситуация, как это продолжали называть в Ирландии, приняла весьма серьезный оборот. В среднем на Лондон падало двести тон бомб в час. Одну ночь в октябре бомбили так сильно, что невозможно представить, как люди продолжали жить в городе в таких условиях.

Эйлин неоднократно звала Вайолет в Килгаррет и одновременно молилась про себя, чтобы та не приехала. Не сейчас, когда Шон-младший постоянно ругается с отцом, когда они еще не отремонтировали дом, а она не вбила хоть какие-то правила приличия в собственный выводок. Она не представляла, насколько неотесанны все О'Конноры, пока не увидела собственными глазами изысканные манеры и учтивость Элизабет. Девочка вставала, когда взрослый входил в комнату, и предлагала свой стул, и придерживала двери. Эйлин вздохнула. Чтобы кто-нибудь из ее отпрысков слез со стула из вежливости, надо не меньше чем бомбу взорвать.

Когда Элизабет захотела ходить на мессу по воскресеньям, посчитав это одним из способов влиться в семью, Эйлин не стала задавать вопросы. Таким образом, в субботу вечером Элизабет присоединилась к ритуалу проверки чистоты башмаков и носков, к приготовлению беретов, шляпок, перчаток и молитвенников, к мытью головы и шеи и к стрижке ногтей. Воскресенье было тем

единственным днем недели, когда Шон и Эйлин О'Коннор могли увидеть какой-то смысл в ежедневной работе на износ: пятеро сияющих детишек на мессе являлись своего рода вознаграждением за труды.

Элизабет безуспешно пыталась вспомнить, как ходят в церковь дома. Мама говорила, что мистер и миссис Флинт очень набожны, но Элизабет понятия не имела, что ради посещения церкви нужно приложить столько усилий! Требовалось постирать кучу одежды, начистить башмаки, а потом целые толпы приходят в здание, где ты всех знаешь.

В начале декабря в церкви поставили рождественский вертеп: скульптуры в человеческий рост изображали Святое семейство, а в ясли положили настоящую солому. После мессы Эшлинг подходила к вертепу и бросала монетку в большую кружку для пожертвований, покрытую натеками воска. За одно пенни можно было зажечь свечу и поставить ее рядом с уже горящими свечками – и тогда твое желание непременно исполнится.

– А у того, кто не получил дара веры, желание тоже исполнится? – однажды шепотом спросила Элизабет; ей безумно хотелось, чтобы пришло длинное радостное письмо от мамы и папы.

Эшлинг задумалась.

– Вряд ли. Нет, никогда не слышала, чтобы так делали. Лучше не трать деньги понапрасну, купи на них сладости в лавке Манганов.

По опыту Элизабет Рождество всегда оказывалось разочарованием: его столько ждут, столько о нем говорят, а когда оно наступает, то вечно кто-то недоволен или на что-то жалуется, а ты делаешь вид, что не замечаешь. В прошлом году родители постоянно обсуждали талоны на продукты и как теперь прожить. Элизабет думала, что Рождество с О'Коннорами наверняка будет идеальным. Впервые в жизни она ожидала праздничную сказку, как в книжках.

Долгие недели все занимались подготовкой подарков друг другу, и вопль «Не входить!» раздавался всякий раз, когда в комнату кто-нибудь неожиданно врвался.

К удивлению Элизабет, Эшлинг искренне верила в Санта-Клауса. Пару раз Элизабет пыталась подтолкнуть ее к сомнениям:

– Тебе не кажется, что подарки может приносить не Санта-Клаус, а кто-нибудь еще?

– Не говори глупостей! – возмущалась Эшлинг. – Кто еще может принести подарки?

В вертепе она зажгла несколько свечек с просьбой к Господу напомнить Санта-Клаусу о ее желаниях.

За четыре месяца, проведенные в семье О’Коннор, Элизабет заметно изменилась. Когда-то она бы ничего не сказала и просто понадеялась бы, что все будет хорошо, но теперь чувствовала в себе силы вмешаться.

– Тетушка Эйлин?..

– Да, зайка? – Эйлин, как обычно по субботам, заполняла большую книгу домашних счетов.

– Простите, если лезу не в свое дело, но... вы знаете, Эшлинг молится Святому семейству в церкви и просит их напомнить Санта-Клаусу, что хочет велосипед... ну... вы же понимаете... я подумала, что будет лучше, чтобы вы знали на случай, если Эшлинг вам ничего не скажет.

Эйлин нежно притянула девочку к себе:

– Очень хорошо, что ты со мной поделилась!

– Я не к тому, что прошу вас купить ей такую дорогую вещь. Просто Эшлинг свято верит, что свои желания для Санта-Клауса нужно держать в секрете, и может вам не признаться.

– Хорошо, я запомню все, что ты сказала, – торжественно пообещала Эйлин. – А теперь давай беги поиграй.

Канун Рождества был похож на субботний вечер, когда нужно начистить башмаки и вымыть шею, и на рождественскую пьесу в школе, когда все сходят с ума от предвкушения. Даже взрослые, вроде Морин и ее подруги Берны, хихикали, а Шон-младший сиял от счастья и заворачивал подарки.

Ночью Элизабет услышала, как открывается дверь, и озабоченно покосилась на Эшлинг, но рыжая копна волос на подушке не пошевелилась. Сквозь прикрытые веки Элизабет увидела, как дядюшка Шон ставит возле кровати дочери велосипед, завернутый в упаковочную бумагу и украшенный веточками остролиста. И вдруг такой же подарок поставили и возле постели Элизабет! Глаза обожгло слезами. О’Конноры такие добрые, она никогда в жизни не сумеет отплатить им за доброту! В следующем письме надо непременно постараться объяснить маме, как искренне они заботятся о ней. Лишь

бы удалось найти слова, которые не разозлят маму и не будут выглядеть как критика.

Утром Элизабет разбудили вопли восхищения. Эшлинг, прямо в пижаме, торопливо разворачивала подарок. Когда Элизабет села на кровати, покрасневшая от радости Эшлинг набросилась на нее с объятиями. Элизабет заставила себя обнять подругу в ответ, хотя такое случилось впервые, а все непривычное заставляло ее нервничать. До этого самым тесным телесным контактом было, когда они шли под ручку из школы. Теперь же Элизабет захлестнуло неведомое море любви и восторга, в котором она чуть не утонула.

Не успела она опомниться, как по всему дому раздались вопли, трубные возгласы, повизгивания, а потом громогласный окрик:

– Чтобы все спустились через две минуты, иначе отшлепаю! И на праздник не посмотрю!

Еще не рассвело, когда они уже поднимались на горку к церкви, попутно здороваясь со всеми и поздравляя всех с Рождеством. Несколько человек спросили Элизабет, что положил Санта-Клаус в ее носок, а доктор Линч, отец Берны, ущипнул за щеку:

– Правда ведь, что ирландское Рождество лучше английского?

Его жена сердито потянула доктора за рукав.

На завтрак приготовили сосиски и яйца, на стол положили бумажные салфетки. Ниам сидела на высоком стульчике и агукала на всех. Воздух пронизывало едва сдерживаемое нетерпение, потому что после завтрака будет раздача подарков возле камина. Ночью Санта-Клаус принес крупные вещи, а теперь каждый получит подарочек от остальных. Потом Эшлинг и Элизабет пойдут на площадь кататься на велосипедах. Морин будет красоваться в новом жакете с подобранным к нему по цвету беретом. Имон пойдет хвастаться футбольным мячом и бутсами, а Донал – новеньким самокатом. А потом все вернутся домой, и на стол поставят огромного гуся, который уже томился в печи.

Все охали и ахали над подарками: подушечки для иголок; закладки для книг; тарелка, расписанная под пепельницу для папани; аккуратно собранное из бусин ожерелье. Но самое большое восхищение вызвали подарки от Морин: красивое мыло для мамани, настоящий мужской шарф для папани, большие браслеты с цветным стеклом для Эшлинг и Элизабет, фонарь для велосипеда Имону,

смешная меховая шапка Доналу и даже погремушка для Ниям. Старшему брату Морин подарила две парные щетки для волос, прямо как у джентльменов на картинках, а Пегги получила блестящую брошку.

Морин попросила быть последней в очереди для раздачи подарков, так что все завершилось на самой радостной ноте. Все были так благодарны Морин и заняты разглядыванием полученного, что никто, кроме Элизабет, не заметил, как нервно переглянулись тетушка Эйлин и дядюшка Шон. Элизабет не поняла, что стряслось, но, похоже, они увидели в происходящем некую скрытую беду. Что бы то ни было, дядюшка Шон, очевидно, решил предоставить тетушке Эйлин возможность разобраться с проблемой. Элизабет почувствовала, как лицо заливается краской от тревоги.

– Ладно, а теперь все уберите за собой, бумагу сложите в коробку, бечевку – туда, и ничего не потеряйте! – скомандовала Эйлин. – Давайте-ка все на площадь, да-да, Шон, и ты тоже, пойдй разомнись! Донал, конечно, тебе тоже можно, только оденься потеплее. Нет, оставь свою меховую шапку, вот так, молодец!

За несколько минут Эйлин очистила комнату от людей и подарков. Сердце Элизабет выскакивало из груди, так как явно происходило что-то странное. Она пошла на кухню вместе с Пегги и стала помогать сворачивать упаковочную бумагу. Пегги жаловалась на кучу работы по приготовлению еды и отсутствие всякой помощи от кого бы то ни было, но на самом деле просто ворчала себе под нос, не ожидая ответа.

Из соседней комнаты отчетливо доносились голоса:

– Нет, Морин, садись. Садись, говорю!

– Мама, я не понимаю, в чем дело?

– Морин, где ты взяла деньги на подарки? Где?

– Мама, да что такое? Я откладывала карманные деньги, как и все остальные... А где бы еще я их взяла?

– Морин, не держи нас за дураков! Посмотри на все эти вещи, они стоят целое состояние! – вмешался отец. – Мыло, которое ты подарила матери... Я сам видел его в аптеке по цене пятнадцать шиллингов!

– Но, папаня, я не...

– Просто скажи нам, дочка, где ты взяла деньги? Мы с отцом хотим знать. Быстро рассказывай и не порти праздник всем остальным.

– Маманя, я никогда не брала у тебя деньги, можешь проверить, я ни пенни не взяла...

– Шон, у меня не было недостачи в кассе.

– Папаня, я не лазила по твоим карманам...

– Морин, тебе дают шиллинг в неделю на карманные расходы, а ты накупила всего на много фунтов! Разве ты не понимаешь, что мы с матерью очень переживаем?

– Это такую благодарность я получаю за красивые рождественские подарки? – расплакалась Морин. – Вы... вы обвиняете меня, что я украла у вас деньги?

– Вариантов всего два: либо ты украла у нас деньги, либо... украла вещи в лавках, – озвучила свои подозрения Эйлин дрожащим голосом.

– Я их купила! – настаивала Морин.

– Боже правый, да одни только щетки, которые ты подарила Шону, стоят больше двух фунтов! – взревел отец. – Ты не выйдешь из комнаты, пока не признаешься. Рождество не Рождество, я все равно вытрясу из тебя правду! Не думай, что твои родители – идиоты. Купила она, конечно, так я и поверил!

– Отец прав, рано или поздно тебе придется нам все рассказать. Лучше скажи прямо сейчас.

– Я купила подарки на Рождество, чтобы вас порадовать, что еще я могу сказать?

– Тогда я сейчас пойду домой к Линчам и посмотрю, что им подарила Берна. Может, вы с ней соучастники, и она выложит то, что ты сказать не хочешь!

– Нет! – завопила Морин. – Нет, папаня, пожалуйста, не надо!

Послышались всхлипывания Эйлин, Морин захохала и зарыдала, к ней присоединилась мать. Раздались громкие звуки шлепков, перевернутый стул грохнулся на пол. Тетушка Эйлин умоляла дядюшку Шона быть помягче:

– Оставь ее, Шон, оставь ее, пока не успокоишься.

– Я должен успокоиться?! Обокрала чуть не все лавки в городе! Шлялась по ним с этой оторвой, дочкой Линчей! Пять лавок, пять семей, с которыми мы вели дела годами, а эта паршивка взяла и обокрала их! Господи Иисусе, да как тут успокоиться?! Когда лавки откроются, ты пойдешь в каждую из них и вернешь все вещи, слышала

меня? И Линчам я тоже все расскажу, имей в виду. Чтобы не оставались в неведении о том, какая парочка воров разгуливает у нас по городу...

Раздался новый удар, за которым последовал вопль. Элизабет и Пегги испуганно переглянулись.

– Не обращай внимания, – прошептала Пегги. – Не следует совать нос в чужие дела. Лучше держать уши закрытыми и рот на замке.

– Я знаю, – ответила Элизабет. – Но ведь теперь Рождество будет испорчено...

– Ничего подобного! – заверила Пегги. – У нас будет отличное Рождество!

– Папаня, нет, нельзя так бить девчонок! Перестань! Папаня, хватит!

– Уйди, Шон! Я тебя не звал, тут я и сам разберусь!

– Папаня, нельзя так бить Морин! Мама, да останови же его, он ее по голове стукнул! Хватит, папаня, перестань, ты ее убьешь!

Элизабет выскочила из кухни и схватила свой новенький велосипед. Она накручивала круги по площади, стараясь высушить ветром набухшие в глазах слезы. Не хотела, чтобы остальные заметили и стали расспрашивать, что случилось. Теперь уже не стоит и надеяться, что все соберутся вместе за столом с жареным гусем в центре. Тетушка Эйлин, наверное, ушла к себе в спальню, а Шон сбежал из дому после ссоры с отцом. Шон-старший возьмет ключи и уйдет в лавку, а Морин... только небесам известно, что будет с Морин. Как всегда, Рождество обернулось бедой. И это так несправедливо!

На площади все жившие по соседству дети катались на велосипедах и самокатах, а также рассказывали чудесные истории: как Мартин Райан увидел в камине ногу Санта-Клауса, уходящего через трубу, а Майра Кеннеди слышала колокольчики оленей. Эшлинг уже научилась разным трюкам на новом велосипеде и, широко раскинув руки, носилась вокруг остановки автобуса, а рыжие волосы развевались на ветру. Увидев Элизабет, она подкатила к ней:

– Ты чего такая расстроенная?

– Да нет, все нормально.

– Ты думаешь про свою семью и чувствуешь себя одиноко? – Эшлинг иногда вспоминала, что подруга хотя и временно, но практически сирота, и начинала проявлять заботу.

– Ну, немножко, – соврала Элизабет.

– Теперь у тебя есть наша семья, и у нас будет прекрасное Рождество! – заявила Эшлинг.

Тут Эйлин вышла на крыльцо и позвала их домой:

– Эй, зайки мои, быстро мыть руки, обед готов!

Она снова выглядит вполне спокойно, подумала Элизабет и слегка повеселела, потому что тоже была одной из заек. Имон, Донал и Эшлинг нехотя собрали подарки и попрощались с друзьями. Наскоро сполоснули руки и дружно вытерли их одним мокрым полотенцем. Стол уже накрыли, между тарелками лежали рождественские хлопушки. Пока все рассаживались, тетушка Эйлин как бы между делом сказала:

– Кстати, с некоторыми подарками вышло недоразумение. Верните Морин все, что она вам подарила. Получилась небольшая путаница с ценами, она с ними разберется.

Послышалось ворчание, Имон потребовал гарантий, что получит велосипедный фонарь обратно, и на этом все закончилось. Катастрофы не произошло. Морин и Шон сидели с явно красными глазами, но никто им ничего не сказал, и они взрывали хлопушки вместе со всеми остальными.

После обеда завели граммофон для танцев. Танцевали все, кроме Имона, который отказался заниматься такими глупостями, зато вызвался заводить граммофон, чем очень помог.

Наблюдая, как дядюшка Шон танцует вальс с Морин и как она положила голову ему на грудь и расплакалась, Элизабет подумала, что никогда в жизни не поймет странное семейство О’Коннор.

* * *

Когда начался новый семестр в школе, погода стояла холодная, и сестра Мэри была не в духе. У нее сильно мерзли руки, пальцы распухли и побагровели, и она постоянно носила варежки, а еще надсадно кашляла. Донал снова стал задыхаться, поэтому Эйлин держала его дома.

Морин сходила в каждую лавку, где «купила» подарки. На глазах матери она все вернула, объяснив, что захватила их по ошибке, когда

делала покупки на Рождество. Нигде ей и слова дурного не сказали. Как только пылающая от стыда Морин выходила за дверь, владельцы заверяли Эйлин, что заводилой была эта оторва Берна Линч, такой девчонки свет еще не видывал. Конечно, сложно сказать, кто виноват, ее несчастная мать настрадалась с доктором. А бедняжка Морин уже достаточно наказана тем, что ей пришлось прийти в лавку, и не стоит так переживать, все в порядке.

Шон-старший узнал в монастыре, во сколько у Морин заканчиваются занятия, и велел ей быть дома не позже чем через пятнадцать минут. Сначала она должна зайти в лавку и показаться ему, а потом пусть идет домой и учит уроки. Берне Линч вход в их дом отныне заказан, а Морин запрещено ходить к ней.

Шон-младший прочитал в газетах, что в Англии парни от шестнадцати до восемнадцати могут поступить в учебный авиационный корпус, и предъявил эту новость отцу как доказательство, что в семнадцать лет он уже может считаться мужчиной. Отец ответил, что ему наплевать, если Британская империя вытащит своих четырехлеток из яслей и сделает солдатами, но его сын, как и любой ирландец, имеющий хоть какую-то гордость, не пойдет сражаться на стороне Британии, которая снова пытается завоевать весь мир.

Эшлинг, раздраженная попытками монахинь сделать ее более ответственной и заставить больше учиться, решила организовать крещение Элизабет, чтобы внести оживление в нудную учебу. Датой выбрали второе февраля, Сретение Господне. Эшлингхватило ума держать свою затею в тайне. Остальные девочки тоже понимали, что болтать не стоит.

Крещение состоялось на каменном полу в раздевалке для девочек младших классов. Конечно, это не так здорово, как река Иордан, где крестили Иисуса, согласно картине, висящей в коридоре. Воду из четырех фонтанчиков святой воды набрали в школьную кружку. Джоанни Мюррей и Эшлинг записали слова обряда на листочке, чтобы наверняка не забыть. Это, по мнению Элизабет, добавляло происходящему важности и волшебства. Она встала на колени, и перед всем классом Джоанни и Эшлинг полили ее водой и торжественно произнесли:

– Я крещу тебя во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь!

Воцарилось молчание, потом все захлопали.

Элизабет встала. Ее светлые волосы облепили лицо, одежда на плечах промокла насквозь. Элизабет не хотела стряхивать воду, ведь та была не простой, а святой.

– Спасибо! – сказала Элизабет и сжала руку Эшлинг.

– Теперь тебе будет гораздо легче! – Эшлинг приобняла ее в ответ.

* * *

От мамы неделями не было писем. Тетушка Эйлин говорила, что во всем виновата почта:

– Твоя мама постоянно пишет тебе, но в Лондоне такое творится, что они могут много дней подряд не забирать письма из почтового ящика.

Потом она стала говорить, что мама занята на работе:

– Она наверняка сильно устает, мы ведь даже не знаем, как им там тяжело живется.

Сразу после Рождества Вайолет написала, что подала заявку добровольцем в WAAF^[8], но они такие странные, набирают только незамужних, или бездетных, или тех, кто моложе тридцати. Очень глупо с их стороны, ведь от Вайолет было бы куда больше пользы, чем от глупых девчонок, которые только и думают что о помаде и красивом мундире. С армией и флотом, очевидно, та же история, поэтому Вайолет не собирается больше предлагать свою помощь. Она и так настрадалась на той добровольной работе, что уже делает.

Элизабет не поняла, что означали буквы WAAF, но внезапно нашла помощника в Шоне-младшем. Он читал письма вместе с ней и объяснил, что WAAF – это, конечно, не настоящие военно-воздушные силы, но все равно лучшее, что может быть доступно для женщины. Мама Элизабет будет носить форму, проходить обучение, и у нее каждый день будут проверять обмундирование. Элизабет не могла поверить, что такое возможно. Чтобы мама надела форму, как у полицейского или кондуктора? Мама всегда носила юбки и жакеты. Разве она когда-нибудь сменит их на такую грубую одежду?

Шон рассказывал Элизабет про Лондон больше, чем она узнавала из писем матери. Он говорил, что женская добровольная служба – это

не просто женщины, которые заняты благотворительностью, как думала тетушка Эйлин. Они не пекут пирожные и не пьют утром кофе, а выходят на улицы, ищут тела среди развалин, кормят и одевают бедняков. Он показывал статьи в газетах про эвакуацию и приемные семьи для детей. Некоторые семьи оказались настолько бедными и так плохо следили за детьми, что дети спали на полу и заросли вшами. Женщины-добровольцы, в жизни не видевшие такой нищеты, должны помогать таким детям.

Шон рассуждал о героизме с горящими глазами. Элизабет не стала говорить ему, что уж кто-кто, а ее мама никогда в жизни не станет заниматься столь низменными делами, как выведение вшей. Было так непривычно и неожиданно слушать поток его красноречия, что Элизабет молчала, чувствуя себя польщенной.

Шон-старший начинал ворчать, когда слышал от сына подобные истории:

– В этой стране, знаешь ли, тоже многие занимаются благотворительностью...

А рассказы про обучение женщин военному делу его насмешили.

– Да у нас были женщины-солдаты задолго до Британии! Как ты думаешь, чем занималась графиня Маркевич?^[9]

Когда Шон-младший стал рассказывать Элизабет, как мальчишки его возраста и даже моложе вступали в армию – сотни мальчишек в день, тысячи за несколько недель, Шон-старший окончательно потерял терпение:

– Господи Иисусе, я бы вздохнул с облегчением, если бы ты сам наконец вступил в армию! А не расписывал бы здесь, какие они там все герои!

Эйлин, занятая штопкой очередной вещи из огромного мешка возле ее кресла, подняла глаза и попыталась предупредить ссору:

– Шон, да оставь ты парня в покое! Он всего лишь хвалит людей, которые стараются защитить свою страну. Разве мы бы не поступили точно так же? Хвала Господу, что нам не приходится этого делать. Вот и все, что он имел в виду.

– Надеюсь, он имел в виду именно это! – ответил Шон.

В первый день мая сестра Бонавентура прошлась по всем классам в монастыре, чтобы проверить алтари Девы Марии, которой посвящался месяц май. Украсить алтарь перед Ее статуей – это проявление любви и дочернего уважения к нашей Небесной Матери. Те, кто жил в деревне, принесли колокольчики и примулы, повсюду постелили свежие белые салфетки и поставили чистые вазочки. Сестра Бонавентура осталась очень довольна результатами проверки. Когда она выходила из класса, милая англичанка-беженка, жившая в семье О’Коннор, открыла для нее двери.

– Дитя, ты здесь уже обжилась?

– Да, сестра, – ответила девочка, покрываясь румянцем от смущения.

Сестра Бонавентура потрепала ее по голове и с удовольствием подумала, что появление в школе ребенка-протестанта никаких проблем не вызвало. Хорошо, что она согласилась.

* * *

В первый день мая Эйлин получила письмо от Вайолет, в котором лежала десятишиллинговая купюра: деньги на подарки для Элизабет и Эшлинг, которые родились с разницей всего в десять дней.

Эйлин с грустью подумала, что каждый год посылала дочке Вайолет какой-нибудь подарочек, и вот впервые Вайолет вспомнила про Эшлинг. Должно быть, благодаря письмам Элизабет. Оставалось надеяться, что она не просила мать о подарке слишком прямо.

Здесь ничего не возможно купить, так что, пожалуйста, купи что-нибудь сама, – написала Вайолет. – В Лондоне полный хаос. Я рада, что меня не взяли в WAAF, теперь приняли закон, запрещающий оттуда увольняться... как и мужчины, женщины будут служить до окончания войны. Всех заставили зарегистрироваться для мобилизации. Меня могут отправить куда-нибудь в невероятную глушь, на военный завод за городом. Джордж служит в ARP^[10] и по ночам дежурит.

Похоже, он и его сослуживцы воспринимают службу как игру и ведут себя как мальчишки. Иногда он приводит к завтраку каких-то ужасных, совершенно невоспитанных типов.

На этой неделе норму сыра по карточкам урезали до одной унции... Только представь себе, одна унция на неделю! Одежды ни у кого нет, мы живем как нищие, потому что все в дефиците.

С твоей стороны было очень великодушно согласиться присмотреть за нашей Элизабет. И благодаря тебе она так часто нам пишет. У тебя наверняка много уходит на марки, так что я не обижусь, если она будет писать пореже. Джордж тоже благодарен тебе и невероятно впечатлен тем, что ты взяла к себе совершенно чужую девочку. Впрочем, он не понимает, что такое кровное братство школы Святого Марка и через что нам пришлось пройти.

Еще раз спасибо тебе, дорогая.

Твоя Вайолет

Да уж, как обычно, вспомнила кровное братство, чтобы облегчить свою совесть, и даже не подумала об открытке или письме для дочки. Эйлин знала, что на этом вопрос с днем рождения Элизабет закрыт. Единственной дочери Вайолет исполняется одиннадцать лет в чужой стране, а из дома ни слова поздравлений не прислали.

* * *

В первый день мая молодая сестра Хелен, учительница Донала, написала записку его матери. Мальчик заливался краской, сильно волновался и начинал задыхаться, когда ему задавали вопрос. Возможно, его астма не до конца излечена? Не следует ли снова поговорить с доктором? А вдруг что-то в классной комнате спровоцировало приступ? Сестра Хелен упомянула, что малыш очень любознательный и так печально видеть, что приступы удушья мешают

ему учиться. Запечатав письмо в конверт, она положила его в сумку Донала.

– Сестра, вы про меня написали? – покраснел он.

– Донал, про тебя я ничего плохого не сказала. Я написала твоей маме, что ты один из самых прилежных мальчиков в классе.

Довольный Донал еще сильнее залился краской и прикусил губу от восторга.

* * *

В первый день мая Морин получила письмо из больницы в Дублине: если она удовлетворительно сдаст экзамены, то сможет поступить на учебу. Морин написала Берне Линч записку, поскольку встречаться им запретили. Однако Берна уже нашла себе новых друзей и ничего не ответила. Морин решила, что ей все равно. Следующие шесть недель она будет пахать как лошадь, чтобы успешно сдать экзамены.

А еще в первый день мая Эшлинг и Элизабет пришли после школы в лавку к отцу, чтобы попросить его зайти домой на минутку, маманя хочет с ним поговорить.

– Ну и как я пойду домой? – сердито спросил Шон. – В лавке кто останется? Мой сын-балбес, видимо, решил, что слишком хорош для такой работы. Я его с ланча не видел...

– Маманя велела привести тебя во что бы то ни стало! – заявила Эшлинг, открывая заднюю дверь.

– Она заболела, что ли? – разозлился Шон.

Он отпихнул Эшлинг, и та отпрянула в сторону.

– Нет, дядюшка Шон, она не заболела, сидит за своим столом в гостиной, но сказала, что это важно.

– Тогда передайте ей, что, раз это так важно, она может прийти сюда сама! – прорычал он.

– Она сказала «во что бы то ни стало»! – пропищала Эшлинг.

Шон одним движением стянул с себя палевый пиджак, снял с гвоздя куртку и вышел за дверь, бросив через плечо:

– Вы двое, а ну брысь оттуда! Мне и так забот хватает, еще сломаете там что-нибудь!

Он повесил на дверь табличку «Вернусь через пять минут». Джемми, его единственный помощник на сегодня, тупо посмотрел на хозяина. Джемми и в голову не пришло, что его могут оставить приглядеть за лавкой. Он вышел на улицу и стал терпеливо ждать.

Девчонки тоже заторопились домой и пришли как раз вовремя, чтобы услышать новости: Шон-младший уехал в Дублин дневным автобусом. Вечером он сядет на паром в Холихед. Он заявил мамане, что если они попытаются его вернуть, то он снова сбежит. Они не могут запретить ему делать то, чего хотят все, – воевать!

– Да пусть катится! – взревел Шон. – Скатертью дорога! Пусть проваливает ко всем чертям и вечно горит в аду!

Глава 5

Элизабет, сама не зная почему, не стала писать матери об отъезде Шона. Рассказывать о несчастьях и ссорах в доме О'Конноров казалось как-то нечестно, словно сплетни разносить. В любом случае она не знала бы, что написать. При всем желании тому, кто не жил здесь, не объяснишь, каково это. Как дядюшка Шон стал три или четыре вечера в неделю уходить к Махерам и возвращаться домой очень поздно, хлопая дверями и напевая «The Soldier's Song»^[11].

А бывало, что все шло тихо и мирно, но стоило кому-нибудь упомянуть войну, или карточки, или нападение Германии на Россию, и на лице дядюшки Шона появлялась гримаса, похожая на смех, но он не смеялся, а издавал какие-то жуткие звуки. И говорил что-то вроде: «Ну конечно, у союзников теперь никаких проблем! Ведь на их стороне воюет бравый Шон О'Коннор из Килгаррета! Он уже настоящий вояка, ему осенью целых восемнадцать лет исполнится! Уж он-то поможет генералам с военной стратегией...»

От Шона-младшего не пришло ни весточки. Постепенно Эйлин перестала выглядывать в окно в надежде увидеть, как он выходит из автобуса. Пегги уже не ставила на стол тарелку для Шона и даже вынесла его стул из столовой. Комната Шона потихоньку превратилась в кладовку: туда стали складывать все ненужное. Однажды Пегги назвала ее кладовкой, и в тот же день Эйлин навела там порядок, убрала вещи в другие места и во всеуслышание заявила, что это комната Шона, о чем всем следовало бы помнить.

Впрочем, вскоре там снова образовалась кладовка. Никто больше не спрашивал, есть ли весточки. Элизабет попросила тетушку Эйлин не устраивать для нее день рождения, ведь дома его никогда не праздновали. Тетушка Эйлин обняла ее и заплакала, уткнувшись лицом в тонкие светлые волосы.

– Ты такая славная девчушка, – повторяла она. – Ты и вправду такая славная...

А день рождения Эшлинг, через десять дней, твердо решили отпраздновать. Прошло уже ровно четыре недели с отъезда Шона. Эшлинг сказала отцу, что пригласит шесть девочек из класса на чай,

мамания разрешила. Будут игры и торт. Если он собирается им все испортить и будет вести себя, как отец Берны Линч на одном из ее дней рождения, если он заставит их за него краснеть, то пусть лучше уходит к Махерам пораньше и не возвращается, пока праздник не закончится.

Услышав такой ультиматум, Элизабет задрожала, но оказалось, что Эшлинг правильно сделала. Дядюшка Шон продолжал язвить и смеяться тем ужасным смехом, но перестал кричать и хлопать дверями, и от него больше не несло тем запахом, который ударял в нос, если входить к Махерам через заднюю дверь.

К тому времени, когда Морин получила аттестат, все более-менее вернулось на круги своя, чтобы можно было устроить настоящий семейный праздник. Замечания Шона о том, что теперь Морин старшая в семье, пропускали мимо ушей. Даже Донал ничего не сказал, хотя обычно понимал все буквально и цеплялся к любому неверному слову. Все семейство О'Коннор отправилось в Дублин, чтобы помочь Морин обустроиться на новом месте, – все, кроме Пегги и Ниама. Перед отъездом Эйлин надавала Пегги столько указаний и предупреждений, что Шон не выдержал и рассмеялся:

– Ты ее просто по рукам и ногам связала, она же шагу ступить не сможет!

– Ты ведь знаешь, какая она бестолочь! – неосмотрительно вырвалось у Эйлин. – Если я не застрашаю ее гневом Господним, она перекувыркнется с половиной Килгаррета. У нас и так забот полон рот, не хватало еще, чтобы Пегги к весне в подоле принесла!

Последнее замечание весьма озадачило Эшлинг и Элизабет.

В Дублин они поехали в кузове грузовика, где были установлены сиденья. Донал сидел в кабине вместе с папаней и мистером Мориарти, который согласился их подвезти. Тому требовалось съездить в Дублин за лекарствами для аптеки, поэтому бензин он получил без проблем. В Ирландии тоже ввели карточную систему, но все же попроще, чем в Лондоне, где даже молоко и яйца выдавали по карточкам, как писала дочери Вайолет. Мама теперь работала бухгалтером на военном заводе и не могла сказать, где именно, на случай если немцы прочитают письмо, прилетят и сбросят бомбы на завод. Жаль, что нельзя показать письмо Шону, он бы очень обрадовался таким новостям.

Грузовик, спотыкаясь на кочках, покатился по дороге из Уиклоу, а справа засинело море.

– Вон там твой дом, Элизабет, – сказала Эйлин и, заметив, что девочка никак не отреагировала, поспешно добавила: – Я имею в виду, твой настоящий дом.

На этот раз Элизабет улыбнулась.

Миссис Мориарти, тепло укутанная, сидела в кузове вместе с двумя дочерьми, которые ехали поступать в ту же больницу. Сегодня вечером обе семьи отправят трех дочерей в школу медсестер и познакомятся с монахинями, которые там преподают. Затем Мориарти поедут к родственникам в Блэкрот, а О'Конноры останутся в Дун-Лэаре в пансионе, на котором неплохо зарабатывала двоюродная сестра Эйлин Гретта. О'Конноры везли с собой яйца, масло, ветчину и курицу – более чем достаточно, чтобы оплатить одну ночевку для шестерых в двух комнатах. Гретта пришла в восторг от деревенской еды и не единожды намекала, что они даже могли бы продавать ей продукты и получать неплохую прибыль, поскольку многие, кто уезжал на пароме, очень хотели бы провезти немного лишнего через пролив. Говорили, что тушки больших индеек провозят в Англию, завернув в одеяло и баюкая, под видом младенцев: таможенники не особо хотели совать нос в свертки с младенцами.

Эйлин не хотела связываться с торговлей на черном рынке, но была рада оплатить проживание продуктами.

Больница, где будет учиться Морин, выглядела весьма неприветливо. Элизабет подумала, что это страшное место, а Эшлинг сказала, что там хуже, чем в школе. Но им велели перестать сутулиться, а также вести себя прилично и не привлекать внимания окружающих.

Все принялись прощаться. Морин получила наказ писать домой каждую неделю. Эйлин выдала ей одиннадцать конвертов с марками, которых должно хватить до рождественских каникул. Сестры Мориарти тоже попрощались. Донал уже чуть не плакал. Имон хотел сбежать оттуда поскорее. Шон закончил прощание на официальной ноте:

– Всегда тяжело отпускать из гнезда первого птенчика, но такова жизнь.

Монахиням и всем остальным эта фраза понравилась, и они потихоньку зашевелились.

– Да, это наша первая дочка, улетающая из гнезда, – твердо заявила Эйлин монахине, которая отвечала за студенческое общежитие.

Все наконец вышли и стали рассаживаться на свои места в грузовике.

Миссис Мориарти плакала и сморкалась в платок. Элизабет вдруг наклонилась к ней:

– У вас, случайно, нет родни в Корке?

От столь неожиданного вопроса слезы тут же высохли.

– Нет... А почему ты спрашиваешь?

– Ну... просто... примерно год назад, по дороге сюда, я познакомилась в поезде с другой миссис Мориарти, которая ехала в Корк к сыну и невестке... Я впервые слышала такую фамилию... вот и подумала, раз в Ирландии чуть ли не все друг другу родственники... – Элизабет запнулась, и все уставились на нее, ведь раньше она ничего подобного не говорила.

– Теперь ты разговариваешь совсем как мы! – засмеялась Эшлинг.

– Боже правый, придется выбить это из тебя побыстрее, прежде чем война закончится! – воскликнула Эйлин.

* * *

Вайолет встала с постели как раз в тот момент, когда стукнула входная дверь: Джордж вернулся с ночной смены. Все еще сонная, она натянула сиреневый халат, причесалась и пошлепала вниз, чтобы поставить чайник.

– Как прошла ночь? – спросила она.

Муж выглядел изможденным и очень старым. Лет на пятнадцать старше своих сорока двух.

– Нормально, – ответил он.

– В каком смысле? В смысле, что ты отвечал за тушение и пожаров не случилось или пожары начались и ты их потушил?

– Да нет, я в убежище дежурил, – устало сказал он.

– И что ты там делал-то? – Вайолет прислонилась к раковине. – Ты никогда не рассказываешь, что происходит на этих ваших дежурствах.

– Ну, мы ведь с тобой были в убежищах. А дежурные в них следят за порядком.

– То есть просто заводят и выводят людей?

– Примерно так...

– Как проводники в поезде? – В ее голосе проскользнула высокая нотка разочарования.

– Тут гораздо опаснее! – обиделся он.

Вайолет внезапно обмякла и посмотрела на мужа с искренней заботой: старый, уставший мужчина, только что вернувшийся из ночного ада. Он мог бы остаться в их собственном убежище – в подвале, с которым раньше не знали, что делать, а теперь выложили матрасами и подушками. А он, в каске и с фонариком, две ночи в неделю водит вверх-вниз по лестницам людей, у которых нет своего убежища, и пытается выглядеть уверенным и спокойным.

В глазах Вайолет набухли слезы и покатались по щекам. Джордж устало поднял голову и подался к ней:

– Вайолет, что с тобой? Я что-то не так сказал? – (Ее плечи затряслись.) – Да я ж ничего такого не говорил вроде...

– Как глупо... как же все глупо!.. Если бы кто-нибудь с небес смотрел на этот убогий домишко в этой глупой убогой жизни, что бы он сказал? Ты всю ночь не спал, я почти не спала. А кто-то убит. Ни еды, ни отдыха, ты должен ходить в свой дурацкий банк, я должна ездить на чертов завод: на двух автобусах туда, на двух обратно, четыре раза отстоять в очередях... И ради чего?! – За ее спиной засвистел чайник, но Вайолет даже не заметила. – Джордж, зачем мы все это делаем, в чем смысл? Потом ведь ничего не будет. После войны лучше не станет...

– Ну как же... после войны...

– Да, после войны. Что такого хорошего будет тогда?

– Элизабет вернется, – просто ответил он.

– Да! – Вайолет перестала плакать. – Да, это было бы неплохо.

Джордж встал, выключил чайник и не торопясь заварил чай.

Вайолет вытерла слезы:

– Я сегодня же напишу Элизабет. Наверное, прямо в обеденный перерыв на работе.

* * *

Эшлинг и Элизабет стали старшими в семье. Эйлин даже предложила каждой по отдельной комнате, ведь Морин будет приезжать только на каникулы. Комната Шона, даже превращенная в кладовку, в предложении не упоминалась. Но девочки не хотели ничего менять и находили все новые отговорки. То у Морин в комнате слишком темно, чтобы делать уроки. То она на этаж выше и слишком далеко от ванной. Эшлинг вбила последний гвоздь, когда в приступе заботы о сестре сказала, что Морин грустила бы от мысли, что у нее больше нет своей комнаты, куда она может вернуться.

Эйлин отступилась. Будет неплохо иметь гостевую спальню на случай, если кто-нибудь приедет. Она годами надеялась, что Вайолет сможет погостить у них, ведь однажды она приезжала... до того, как вышла замуж. Правда, ничего хорошего из ее приезда не вышло. Возможно, потому, что Шон был младенцем, а юная Вайолет, под влиянием оживленной лондонской атмосферы двадцатых годов, хотела развлекаться на всю катушку. Никто никогда не говорил вслух, что визит оказался неудачным, но в глубине души Эйлин иногда хотелось, чтобы он тогда не состоялся.

А теперь? Теперь-то, конечно, для Вайолет и Джорджа все будет лучше, чем кошмар в Британии: длинные очереди, черный рынок, бесконечное ожидание по ночам, когда с неба посыплются бомбы... Пожалуй, нужно им написать и предложить приехать...

* * *

Элизабет сильно расстроилась, узнав, что тетушка Эйлин пригласила маму в Килгаррет. Лучше бы не приглашала! Вспомнив, как мама говорила, что там невероятно грязно, как с отвращением морщила нос, рассказывая о привычках в доме О'Конноров, Элизабет чуть не потеряла сознание. Если мама и правда приедет, то Элизабет

придется метаться между ней и тетушкой Эйлин. Как в старые времена, когда мисс Джеймс что-то говорила, а мама неправильно ее понимала, а потом мама что-то говорила, и мисс Джеймс обижалась.

В доме О'Конноров не дулись, размышляя, что имел в виду другой, а просто задавали вопросы и даже орали, а частенько и руку поднимали. У Элизабет сердце упало от одной мысли, как может отреагировать мама, увидев, как тетушка Эйлин забирает у Имона еду, которую ему не следовало брать. Мама придет в ужас от Ниама, ковыляющей с развязанными подгузниками, от покрытой пятнами пижамы Донала, который разгуливал в ней по всему дому, а не только в своей комнате. А уж что мама подумает о Пегги и станет ли когда-нибудь есть ее стряпню, страшно себе даже представить.

Господь услышал молитвы, произнесенные стоя на коленях в ванной. Элизабет не хотела, чтобы Эшлинг знала, о чем она просит. Вайолет написала, что они никак не смогут приехать. Она очень завидовала ирландцам, которые едят масло, сливки и мясо. Звучит прямо как рай на земле. В письме почти не было благодарностей за приглашение, а больше рассуждений о том, что в Килгаррете живетесь куда лучше, чем в Лондоне.

Эйлин показала письмо Шону:

– Теперь нельзя сказать, что Вайолет смотрит на нас сверху вниз. Она считает, что здесь рай по сравнению с тем, что у них там творится.

– Ну так и напиши ей, что Ирландии не приходится страдать, так как Ирландия не пошла по пути Британской империи, не играет мускулами и не сражается с другими народами Европы, а занимается собственными делами.

Разумеется, ничего подобного Эйлин писать не собиралась. Она вернулась к письму Вайолет. В нем, в отличие от предыдущих редких и кратких писем, Элизабет посвящалось куда больше пары строчек.

Она, наверное, сильно выросла. Дети вытягиваются в возрасте от десяти до одиннадцати. На работе одна женщина спросила, есть ли у меня дети, и не поверила, когда я ответила, что у меня дочь одиннадцати лет. Я объяснила, что вышла замуж только в двадцать восемь, и она снова не поверила. Сказала, что я не похожа на человека, у которого есть дети. Вдруг, прямо посреди

рабочего дня, мне стало так одиноко, что я расплакалась. В последнее время я часто плачу. Говорят, это война и нервы, и советуют пить успокоительные, все их пьют, но толку от них никакого. Я часто вспоминаю Элизабет по ночам. Хорошо, что она здорова и далеко от бомбежек. Иногда, после трудного дня, я начинаю думать, зачем мы столько всего учили в школе. Сейчас это не имеет никакого смысла. Зачем мне навыки домоводства, когда нет нормального дома? А уроки истории... Нам никогда не говорили, что война продолжается бесконечно...

Письма от Морин приходили каждую неделю. Иногда на них красовались кляксы, а строчки ползли в разные стороны, но Шон и Эйлин не обращали внимания на такие вещи и радостно зачитывали их вслух для всей семьи. Нора Мориарти ведет себя глупо и скучает по дому, а у ее сестры Уны, которая на одиннадцать месяцев моложе, все хорошо. Им втроем позволили вернуться поздно, и они пошли в кино на О'Коннелл-стрит, но именно в тот вечер проектор сломался, сеанс задержали на полчаса, и пришлось идти домой, не узнав, чем все закончилось. Ужасно много возни с тем, чтобы правильно заправить постель! Дома кровати заправляют неправильно, не должно быть уголков. Сестра Маргарет просто дьявол во плоти, зато сестра-наставница такая красивая и плывет словно лебедь, а не ходит, как обычные люди. Они втроем приедут на автобусе за день до Рождества. Морин уже предвкушала, как будет целыми днями отсыпаться.

* * *

В тот день, когда японцы разбомбили Пёрл-Харбор, доктор Линч ушел в очередной загул. К войне это никакого отношения не имело, он и узнал-то о бомбардировке только пять дней спустя, когда полиция обнаружила его в пабе для моряков в Корке. На сей раз возвращение домой оказалось менее пристойным и незаметным, чем раньше. Доктора Линча бесцеремонно усадили в полицейскую машину, направлявшуюся в Дублин, затем пересадили в другую, которая направлялась в Уиклоу. Семье сообщили о его приезде. Полицейские

просто оставили его на площади. Официально ему не предъявили обвинения и не арестовали, к тому же он ругался на них всю дорогу до Килгаррета. Доктор слегка протрезвел, но ему отчаянно требовалось снова выпить. Он орал, что знает их служебные номера и их всех разжалуют за такое.

Линч был не брит и без пальто, которое потерялось где-то во время веселого путешествия в Корк. На площади его мутный взгляд остановился на доме О'Конноров. Чертова семейка! Осмелились оскорбить столь уважаемого человека, как доктор Линч, когда запретили своей рыжей соплячке общаться с Берной! По щекам потекли слезы жалости к себе. Какой-то безграмотный и безмозглый Шон О'Коннор, с его грязной лавкой и складом стройматериалов и с целым выводком несносных детей, набрался наглости запретить Берне появляться в их доме! Посмел извиняться от ее имени за то, что, между прочим, так и не было доказано!

Доктор Линч медленно поднялся на крыльцо. Пегги открыла дверь и испуганно отшатнулась, когда он устремился к лестнице. Донал, прибежавший узнать, кто пришел, столкнулся с ним на площадке между кухней и гостиной:

– Доктор Линч!

– Да. А ты кто? Который из паршивцев Шона О'Коннора? Ты в пижаме. Болен? Ну-ка, малец, скажи, ты болеешь?

Прижатый к стене Донал уставился на него круглыми глазами:

– Меня зовут Донал. Мне семь лет. У меня астма, но не сильная, со временем пройдет.

– Кто тебе это сказал?

– Все так говорят. Мамадя говорит.

– Что может знать твоя мамадя? Она вообще водила тебя к врачу или воображает, что сама врач?

Услышав громкий разговор, Эшлинг и Элизабет ринулись на защиту Донала.

– Так что, врач она? – ревел доктор Линч.

– Беги в лавку и позови маманю, – прошипела Эшлинг.

Испуганная Элизабет попыталась незаметно проскользнуть вниз по лестнице.

– А ты еще кто?

От небритого мужчины противно воняло.

– Я тут в гостях. – Элизабет постаралась держаться от него как можно дальше.

Она не стала надевать пальто, хотя на улице стоял мороз.

– Ну надо же, О’Конноры приглашают кого-то в гости! Это кто ж у нее отец? Герцог? Дочка врача недостаточно хороша для Шона О’Коннора!

– Ее отец работает в банке в Англии, – объяснил Донал.

Доктор Линч уставился на него:

– Парень, да у тебя не просто легкая астма, ты свистишь, как закипающий чайник. Как жаль, что твоя мать никогда не водила тебя к врачу! Не нравится мне, как ты дышишь...

Лицо Эшлинг моментально вспыхнуло.

– С Доналом все в порядке! Легкая астма, только и всего, в плохую погоду ему становится хуже. И маманя водила его к врачу, к доктору Макмахону. В больницу. И сделала все, что нужно. Вы не правы. И вообще, вы не настоящий доктор.

– Эшлинг, ты чего... – Донал испуганно посмотрел на нее.

Не слишком ли далеко она зашла? Разве можно говорить такие вещи?

Доктор Линч выпрямился. Эшлинг лихорадочно соображала, понимая, что нельзя останавливаться. Надо осадить этого гадкого доктора, иначе Донал поверит, что у него страшная болезнь. Она вдохнула поглубже и обняла брата за плечи:

– Я знаю, что говорю! Мои родители вас не одобряют, доктор Линч. На вас нельзя положиться. Поэтому никто из нас не обращается к вам, если заболит. Мы сразу идем к доктору Макмахону!

Эшлинг не слышала, как мать легкими шагами взбегает по ступенькам, обеспокоенная отрывистым сообщением Элизабет.

– Доктор Линч... Эшлинг...

Эйлин увидела, как Донал в панике наблюдает за перепалкой между встрепанным и небритым доктором и раскрасневшейся, дрожащей от злости Эшлинг.

– Ну я тебе сейчас покажу, наглая девчонка! – Доктор пошел прямо на нее.

Стоявший в углу Донал попытался закричать, но слышался только тонкий писк:

– Она вовсе не хотела...

– Хотела! – заорала Эшлинг. – Нельзя заявляться сюда небритым и грязным и пугать Донала, рассказывая, как он болен! У него всего лишь легкая астма, понятно? Все про это знают, все...

Эйлин вмешалась, подойдя к Эшлинг и положив руку на ее дрожащее плечо.

– Ну же, Мэтью, немедленно иди домой, – спокойно сказала она. – Если захочешь нас навестить, то возвращайся, когда придешь в себя. Не понимаю, зачем ты пришел и ведешь себя как ребенок. Давай-ка иди домой.

От ее голоса Донал расслабился. Маманя обращалась с доктором как с капризным малышом.

– А вот и наша чванливая Эйлин О’Коннор! – съязвил доктор, оглядываясь на нее. – Слишком хороша для этого городишки... в Англии училась... И что получила в результате? Разваливающийся дом с облезлым фасадом, покрытого грязью муженька в сарае и толпу детишек, один другого необузданнее...

– Наши дети лучшие в городе, – ответила Эйлин. – Ты сам уйдешь или мне послать за твоей женой?

– Лучшие в городе! – захохотал он. – Этот вскоре окажется на кладбище. Морин ты отослала, пока она не навлекла позора на все семейство. А что там насчет славного юноши, марширующего в британской форме?

Эйлин выдавила из себя смешок. Звук собственного смеха ее приободрил, и вторая попытка почти перешла в громогласный хохот.

– Боже правый, Мэтью Линч, вот уж правду говорят про пьяниц! Наплетете столько, что никакой писатель не придумает! Давай-ка выметайся отсюда, пока не пришел Шон и не выпер тебя!

Она вытерла выступившие слезы, словно происходящее выглядело весьма забавно. Дети смотрели на нее с открытым ртом. Даже Пегги с Ниам на руках, застывшая в дверном проеме, улыбнулась, сама не зная чему.

Примолкший и неожиданно побежденный, доктор развернулся и пошел к выходу. Смех Эйлин его почему-то невероятно злил. Он ведь чистую правду сказал, так почему же она смеется?

Дверь хлопнула, и Эйлин опустилась на ступеньки, все еще продолжая смеяться. Дети осторожно подошли к ней, и Пегги

осмелилась войти в комнату. Когда доктор вышел из дома, Эйлин подскочила к окну:

– Вы только посмотрите на этого клоуна! Пошел в кабак пропустить пару рюмок и набраться храбрости, чтобы встретиться лицом к лицу с женой. Боже, нет ничего хуже пьяницы! Девочки, что бы вы ни делали в жизни, запомните, и ты тоже, Пегги, и ты, Ниам, крошка моя, бога ради, никогда не выходите замуж за алкоголика...

Донал обиделся, что его не упомянули.

– Он что, не понимает, что говорит? Ему и правда нельзя верить? – встревоженно спросил он.

– В таком состоянии у него вместо мозгов картофельное пюре! Вот же дурачок!

Нанесенные оскорбления жгли сердце Эйлин, как раскаленное железо, но она одолела доктора, сумела выставить его идиотом. Если просто обсмеять всю его болтовню, то не придется уверять Донала, что его здоровье в порядке.

Доктор поднял газету со скамейки возле остановки и что-то прокричал в сторону Эйлин. Сквозь закрытое окно она не расслышала.

– Он что-то еще говорит, – сказала Пегги.

– Он наверняка еще много чего наговорит! – Эйлин бросило в дрожь. – Пегги, раз уж я дома, завари-ка нам чай.

– Он все на газету показывает, – заметил Донал.

– Пойдемте отсюда, уже почти стемнело, пора закрывать шторы.

Пегги ускакала на кухню, и Эйлин слегка приоткрыла окно.

– Теперь тебе крышка! Америка вступила в войну! Твой самоуверенный мальчишка пойдет на фронт! Будет еще хуже, а не лучше! Ты двоих сыновей потеряешь, старая курица! Твой вояка скоро станет пушечным мясом!

Эйлин быстро закрыла окно и присоединилась к остальным, собравшимся у камина.

– Мама, что он говорит? – все еще переживал Донал.

– Да что он может сказать? Продолжает ругаться и нести чепуху. Он даже не вспомнит, какой нынче день недели, ему лишь бы языком трепать.

Конечно, она не единственная на свете мать, которой не известно, жив ее сын или мертв, но от этого не легче. Эйлин, сама не зная почему, притворялась, что получала весточки от сына. Когда какой-

нибудь доброжелательный или просто любопытный знакомый интересовался, не было ли писем от Шона из Англии, она радостно кивала и отвечала, что да, с ним все хорошо, иногда присылает пару строчек, но при этом поглядывала в направлении, откуда мог появиться муж. Собеседник думал, что сын поругался с отцом и писал матери тайно. Каким-то логическим вывертом Эйлин пришла к выводу, что так будет правильнее.

Иногда она подумывала спросить у Вайолет, как можно найти мальчика, который собрался пойти в армию и пропал. Как закрутить бюрократическую машину, чтобы вернуть сына назад? Показать его свидетельство о рождении? Доказать, что он не является британским гражданином и не достиг совершеннолетия?

Она осознавала, что никогда такого не сделает, но все равно оставался соблазн найти сына – хотя бы для того, чтобы знать, куда ему писать. Он мог бы отправлять письма на адрес аптеки. В отличие от большинства жителей Килгаррета, Мориарти можно доверить секрет.

Эйлин где-то читала, что Армия спасения помогает в поиске пропавших людей, но обратиться в подобную организацию означает признать непоправимость случившегося. Пока ничего не делаешь, а только продолжаешь надеяться, все выглядит не так плохо: Шон не сбежал из дома, не потерялся, он скоро напишет...

Она читала газету и пыталась понять из новостей, взяли Шона в армию или он все еще слишком молод для военной службы. Она прилежно изучала, что сказал Стаффорд Криппс^[12], что сказал Черчилль, и Бивербрук^[13], и Гарольд Николсон^[14], но ни один из них не говорил, что случилось с ирландскими ребятами, которые уплыли через пролив Святого Георга на войну.

В газетах войну всегда называли чрезвычайной ситуацией, что звучало не так страшно. Эйлин следила за всеми событиями: от боевых действий, перекинувшихся на Дальний Восток, до насущных дел ближе к дому. Она читала о мерах жесткой экономии и не могла поверить, что луковицы настолько поднялись в цене, что стали предлагаться в качестве лотерейных призов.

Эйлин изучала новости в одиночестве и не обсуждала их с Шоном, хотя и не скрывала своего интереса.

Письмо от Шона-младшего, пришедшее спустя десять месяцев после его отъезда, застигло ее врасплох. Оно пришло из Ливерпуля и было очень кратким. Шон признался, что вообще не хотел писать, по крайней мере до тех пор, пока не поступит на службу по-настоящему, так, что его оттуда уже не забрать. Но одна женщина, маманя его друга, очень добра к нему и говорит, что он должен написать хотя бы слово, поскольку его маманя сильно переживает. Он ей сказал, что у мамани есть о ком переживать дома, но маманя Джерри, миссис Спаркс, настаивает, что он должен написать. Ну и вот. У него все хорошо, он познакомился с кучей отличных ребят. До сентября он перебивался на разных работах, так как у него спросили, сколько ему лет, и не брали в армию, пока не исполнилось восемнадцать. Он отправил в Ирландию письмо с просьбой прислать его свидетельство о рождении. И получил в таможене копию. Сейчас он в военной части, проходит базовую подготовку. Это невероятно интересно. Он часто проводит время с Джерри Спарксом, они стали друзьями, а маманя Джерри ужасно добрая и хорошо готовила до войны, а сейчас ничего не купишь.

Он не писал, что скучает, ни о чем не спрашивал, ничего не объяснял и не просил его понять. Почерк был отвратительный, а грамматика и правописание ничуть не лучше. Как же так, подумала Эйлин, он ведь столько лет проучился у братьев в монастыре. Вспомнила, как они с Шоном всегда считали сына очень умным, потому что он старший, но письмо явно написал человек, едва владевший грамотой. Эйлин снова и снова перечитывала про свидетельство о рождении и таможеню и про базовую подготовку, а по щекам медленно катились слезы.

Эйлин никому не сказала про письмо. Она хранила его в сумочке, а потом к нему добавилось второе, затем и третье. В ноябре, когда взяли Эль-Аламейн, пришло четвертое.

В ответ Эйлин писала беззаботные письма, тщательно их вычитывая перед отправкой, чтобы не пропустить ни намека на беспокойство или жалобу. Она даже находила для него какие-то забавные моменты, например: как в лавку забралась коза и посшибала все коробки; как Морин, приехав на каникулы из школы медсестер,

решила потренироваться в перевязках и так перетянула Имону руки, что они надолго онемели; как Эшлинг, Элизабет и младшая дочка Мюрреев написали и сыграли пьесу, которая должна была быть серьезной и вдохновляющей историей про святую Бернадетту, а получилась такая комедия, что зрители животы надорвали. Она посылала приветы маме Джерри Спаркса и жалела, что не может передать ей посылку. Но если когда-нибудь Шон придет домой в отпуск, то она обязательно пошлет с ним пару куриц, немного масла и яиц.

Спасательный конец, связывающий ее с сыном, был тонким, как паутинка, и Эйлин боялась его порвать. Даже рассказать кому-нибудь о письмах могло быть опасно...

* * *

Шон-старший знал про письма, но никогда не упоминал о них. В лавке он стал более молчалив. Работал так же усердно, как всегда, но меньше улыбался и не тратил времени на болтовню в ярмарочный день. Иногда, наблюдая, как он наклоняется, стараясь поберечь спину, Эйлин чувствовала прилив жалости к мужу. С начала войны уголь стало почти невозможно купить, поэтому приходилось пользоваться торфом, который заполнил не только сарай, но и все свободное место, даже помещения над лавкой, где раньше хранились метлы, корзины для картошки, коробки с фитилями и колпаками для керосиновых ламп, щетки для извести и краски. Эйлин казалось, что она насквозь пропиталась торфяным дымом, который вырывался клубами из камина и покрывал все вокруг пеплом.

Шон выглядел старше своих сорока лет. Возможно, ему просто не повезло во всем: живет в сельской местности, но не ведет здоровую жизнь сельчанина; стал отцом шестерых детей, но не может надеяться, что старший сын унаследует семейное дело и станет гордостью отца. Всегда энергичный и амбициозный, Шон прилежно откладывал каждое пенни, чтобы купить этот дом как раз в год заключения Англо-ирландского договора^[15].

Так символично получилось: новая страна, новый бизнес. И вот двадцать лет спустя их сын ушел воевать за ту самую страну, против

которой они тогда сражались... А сам Шон, для которого собственное дело стало воплощением мечты всей его жизни, копался на холоде во дворе в поисках запасных плугов среди груд дорожных знаков. Шел дождь, а он без шапки. Эйлин, накинув на голову мешок, вышла из своего стеклянного кабинета, чтобы помочь мужу. Пока Шон пытался найти нужные железки, она придерживала огромные черно-желтые дорожные указатели, снятые на время войны, чтобы запутать армию вторжения.

– Как-нибудь мы непременно наведем здесь порядок, – сказал он, и благодарность прозвучала не в словах, а в голосе.

– Конечно наведем! – отозвалась Эйлин и подумала, знает ли он и хочет ли знать, что этой весной его сын воюет в Северной Африке.

Получение повестки привело Шона-младшего в такой восторг, что даже Джерри Спаркс добавил несколько слов к его письму. Они с Джерри отправились к месту службы вместе. Эйлин так и не поняла, читал ли Шон письма сына. Она часто оставляла сумочку открытой, чтобы они оказались на виду, но непохоже, что к ним кто-то прикасался в ее отсутствие, и Шон никогда не упоминал о них.

* * *

Проведя в начальной школе еще один год после первого причастия, Донал в конце концов перешел в школу для мальчиков при мужском монастыре. Мальчики обычно не оставались в начальной школе до восьми лет, но сестра Морин в приватной беседе убедила Эйлин, что вполне разумно дать Доналу еще один год, прежде чем ему придется столкнуться с драчливыми и задиристыми сорванцами. За год, возможно, его приступы астмы ослабнут, а он станет более уверенным в себе. Эйлин была бы счастлива, если бы Донал учился у добродушной сестры Морин хоть до конца жизни, и охотно согласилась. Однако все же пришел день, когда ее хрупкий мальчик стал приходить домой в порванной одежде, с затравленным взглядом и сжатыми губами. «Я упал», – говорил он, и так каждый день. Имон замучился его защищать.

– Понимаешь, маманя, – объяснял Имон, – мальчишки задирают Донала, потому что ему почти девять, а им всего восемь, и они

слишком сильные. Мне приходится давать им по ушам, и тогда другие мальчишки пристают ко мне, почему это я бью восьмилеток, ведь мне уже четырнадцать. Поэтому у меня опять порвано пальто.

Однажды Эшлинг и Элизабет ехали на велосипедах из школы и заметили кучку наглых задир из школы для мальчиков. Умудренные опытом в свои тринадцать, они бы не стали связываться, но на обочине кто-то лежал. Девочки из любопытства притормозили, чтобы посмотреть, в чем дело, и тут же узнали разноцветный шарф Донала, который для него связала Пегги из остатков пряжи. Пегги обожала заворачивать Донала в шарф каждое утро и вертела его, как юлу, пока он не оказывался замотан как минимум в три слоя.

Эшлинг и Элизабет бросили велосипеды прямо посреди дороги и подбежали к Доналу. Мальчишки вокруг выглядели испуганными.

– Да не, он просто притворяется, – пробормотал один.

– Ты на глаза его посмотри, – отозвался другой.

Донал лежал на обочине, глотая ртом воздух и размахивая руками. Шарф валялся в грязи, одним концом все еще цепляясь за верхнюю пуговицу пальто Донала. Эшлинг мгновенно упала рядом с ним на колени и принялась повторять не раз виденные в подобной ситуации действия матери: одним движением расстегнула брату пальто и рубашку и подняла его голову.

– Спокойно, Донал, не торопись, торопиться некуда. Медленно-медленно. Не сопротивляйся, – тихонько говорила она.

Элизабет опустилась на колени с другой стороны, помогая поддерживать Донала. Светлые волосы упали ей на глаза, фильдеперсовые чулки промокли и порвались на коленках, а про перевернутый велосипед она даже не вспомнила.

– Сейчас ты вздохнешь, давай-ка, вдох-выдох, вдох-выдох. Ну вот, молодец, у тебя снова все получается... – Эшлинг встала и угрожающе посмотрела на семерых мальчишек, которые испугались внезапного появления девчонок не меньше, чем закатившихся глаз Донала.

– Мы ничего не сделали! – воскликнул один из них.

– Совсем ничего! Мы просто играли, пальцем его не тронули! – загалдели остальные, стараясь снять с себя вину и не желая быть втянутыми в подобное происшествие.

– А теперь послушайте меня! – заорала Эшлинг и переглянулась с Элизабет; они поняли друг друга без слов, и Элизабет, обнимая

Донала, наклонилась поближе к его холодному уху и принялась что-то нашептывать. – Я вас всех по именам знаю. Каждого! Сегодня вечером маманя и папаня придут в школу и расскажут брату Кевину, кто тут был, и брату Томасу с братом Джоном тоже. Всем расскажут. И братья с вами разберутся. Вы же знаете, что у Донала астма. Вы так убить его могли! Если бы мы не проезжали мимо, вас бы в тюрьму засадили! Как малолетних убийц! Вы его ударили, сбили с ног...

– Да мы только шарф с него стянули!

– А он почти задохнулся! Ничего хуже и не придумаешь! Вы помешали ему дышать, у него воздух в легкие не поступал. Ты, Джонни Уолш, тупой придурок, ты чуть не убил его! Если Доналу плохо, то это ты виноват!

– Она их просто пугает, – шептала Элизабет на ухо Доналу. – Это все неправда на самом деле, но ты только посмотри на них!

Донал посмотрел. Мальчишки и правда выглядели испуганными до смерти.

– Что ты несешь... – заскулил Джонни Уолш.

– Так ты еще и трус! Трусливый убийца! Я не стану молчать и не позволю вам легко отделаться за убийство мальчика с больным сердцем и астмой! – Эшлинг почувала вкус власти и наслаждалась им.

– Все нормально у тебя с сердцем, – заверила Донала Элизабет. – Она понарошку говорит!

Семеро мальчишек, стоявшие под дождем в сгущающихся сумерках, окаменели от ужаса.

– Да он старше нас! На четырнадцать месяцев старше меня... – начал Эдди Мориарти, побледневший от страха при мысли, что с ним будет, если родители узнают о случившемся.

– Да, старше, так и Джемми в нашей лавке тоже тебя старше, и слепой Пэдди Хики, но их же вы не мучаете, придурки безмозглые! – заорала Эшлинг.

– И что ты собираешься делать? – испуганно спросил Джонни Уолш.

Эшлинг задумалась.

– Подняли наши велосипеды, быстро! – скомандовала она. – Подняли и отвезли обратно в город. Джонни, Эдди и ты, Майкл, пойдете в лавку к моему отцу и расскажете ему, что произошло. И пообещаете, что с сегодняшнего дня вы будете присматривать за

Доналом. Не надо говорить про его сердце, просто скажите, что Донал упал, а вы семеро будете о нем заботиться и защищать его, пока его астма не пройдет.

Предложение выглядело более чем соблазнительно, но Джонни хотел убедиться, что их не заманивают в ловушку:

– И что мы должны сказать твоему отцу?

– Что вы позаботитесь, чтобы Донал оставался цел и невредим. И вам всем лучше как следует помолиться, чтобы сердце Донала не остановилось сегодня ночью!

Эшлинг с величественным видом, словно возглавляла крестный ход, повела мальчишек в город, на площадь. Элизабет и Донал шли следом. Донала снова укутали в шарф по самый нос, а потому никто не видел, как он ухмыляется. Элизабет держала его за руку, а другой рукой прикрывала свое лицо.

И это происшествие стало единственным развлечением в невероятно длинном и скучном семестре. Эшлинг казалось, что он никогда не закончится. Она вела себя настолько дерзко, насколько осмеливалась, чтобы совсем уж не переходить границы, и вообще забросила учебу. Ее оценки покатались по наклонной, и за три недели она опустилась с седьмого места в классе до восемнадцатого.

Элизабет удавалось стабильно держаться на десятом или одиннадцатом, что считалось неплохим достижением для ребенка, который никогда не изучал основы. В школе подозревали, что за пределами ирландского монастыря практически ничему не учили и только очень усердный ученик из неирландской, не католической школы мог показать достаточно хорошие результаты.

Теперь Элизабет приходила и на уроки по религии. Как-то глупо сидеть в библиотеке и читать Библию с кучей непонятных слов, когда можно послушать чудесные истории о призраках и ангелах, о грехах и о том, как Иисус заботился о матери...

В классе шли тревожившие Элизабет разговоры про ее обращение в католицизм. Некоторые полагали, что для нее следовало бы организовать первое причастие, чтобы дать ей возможность покаяться во всех грехах и получить отпущение на исповеди.

– У меня не так уж много грехов, – невинно заметила Элизабет однажды, и одноклассницы пришли в ужас.

Вот еще, она погрязла в грехе, как и все остальные, но Элизабет особенно, потому что на ней оставался и первородный грех.

– Разве первородный грех не смывается крещением? – возразила Элизабет.

Ее крестили уже четыре раза, поскольку по поводу первого, проведенного в раздевалке, возникли сомнения, – возможно, воду лили не совсем одновременно с произнесением слов. Затем пошли долгие и ожесточенные споры по поводу языка, на котором должно производиться крещение. Некоторые считали, что мирянам следует использовать не латынь, а английский, потому что они на нем говорят...

Не сговариваясь, все держали в тайне обращение Элизабет в католическую веру. Почему-то у всех было ощущение, что, хотя монахини призывали идти и обращать все расы и народы и жертвовать карманные деньги на обращение маленьких чернокожих деток, к крещению Элизабет могло быть другое отношение. Боялись также, что если ее родители в Англии узнают, то могут возникнуть проблемы.

* * *

Элизабет казалось, что письма от мамы приходят не просто из другой страны, а с какой-то другой планеты. Она радовалась, что мама пишет чаще и что в письмах не только список указаний типа «принимай лекарство, надевай перчатки, всем говори спасибо». Время шло, война продолжалась, но мама даже повеселела, хотя и продолжала жаловаться. Мыла не было, по карточкам выдавали всего три унции в месяц. Представь себе, как можно вести нормальную здоровую жизнь с тремя унциями мыла на месяц! Белого хлеба тоже не было, мама уже забыла его вкус. У нее появились друзья на военном заводе, где она работала, и она часто оставалась ночевать у Лили, потому что домой слишком долго добираться, да и приятно иметь подругу, с которой можно вместе посмеяться в столь нелегкое время. Мама изменила прическу и стала укладывать волосы модными «победными бросками». Поначалу это выглядело смешно, но все сказали, что ей идет. Пару раз она даже написала, что скучает по Элизабет. И в конце письма всегда выражала надежду, что Элизабет

здорова и счастлива и что уже скоро сможет приехать домой и они снова будут жить нормальной жизнью.

Про папу мама рассказывала очень мало. И, получив в письме фунтовую банкноту в качестве подарка на день рождения накануне своего четырнадцатилетия, Элизабет в смятении осознала, что мама уже несколько месяцев вообще не упоминала папу.

Эйлин сидела за рабочим столом, когда вошла Элизабет.

– Вы заняты? – спросила она.

– Нет, не занята, – ответила она, улыбнулась и пододвинула стул.

Никто из ее семейства и не подумал бы задать такой вопрос, они решили бы, что мама всегда готова их выслушать, им помочь, что-то для них сделать.

На столе Эйлин стояла коробка из-под обуви, полная счетов из магазинов и неоплаченных счетов, которые следовало отослать с личным письмом. Нельзя посылать жесткие напоминания на бланке фермеру, ведь тот может обидеться и поехать за покупками в другой город. У нее было письмо от миссис Спаркс из Ливерпуля, уже выученное наизусть. Неуклюжая короткая записка от одинокой вдовы, чей сын уехал далеко от дома, а в матери Шона она видела союзницу. Миссис Спаркс писала о своем одиночестве и надеждах на скорое возвращение сыновей, а также тревожилась из-за отсутствия весточек в течение шести недель и спрашивала, не получала ли миссис О'Коннор писем от Шона. У нее было письмо к врачу в Дублине, и нужно было запланировать день, когда можно отвезти Донала на прием. У нее была записка от сестры Маргарет, где говорилось, что малышке Ниям пора в школу, ведь ей почти пять, и можно привести ее к концу этого семестра, чтобы она привыкла и чувствовала себя увереннее, когда пойдет учиться в сентябре. И кстати, разве не благословение Господне, что Донал так хорошо освоился в школе для мальчиков? Все говорят, что самые отчаянные хулиганы не пристают к нему, а защищают его. Неисповедимы пути Господни! У нее было письмо от Морин, в котором дочь написала, что хотела бы попросить у папани три фунта на шикарное платье для танцев и она выплатит их из карманных денег, которые ей полагаются на летних каникулах. У нее было письмо из приюта округа, в котором говорилось, что состояние отца Шона быстро ухудшается и он очень хочет с ними повидаться, но

может их не узнать, однако все время повторяет, что хочет видеть сына и его семейство.

– Нет, малышка, я не занята, – повторила Эйлин.

– Я даже не знаю, как сказать, но... вы понимаете, а может ли быть так, что... что мой папа умер?

– Умер? Господи спаси, да с чего ты взяла, зайка?! Как тебе только в голову такое пришло?

Элизабет достала большой конверт с наклейкой «Мамины письма», куда складывала все ее письма, больше пятидесяти, помечая каждое датой получения. Она разложила их все по порядку и взяла одно, полученное в августе 1943 года.

– Тут мама в последний раз упоминала папу. Сказала, что он возмущен тем, что женщины бастуют, требуя равной оплаты с мужчинами, и что нельзя так делать, поскольку идет война. А потом ни слова. Даже на Рождество. Она не передает от него приветы, ничего не рассказывает о его службе в ARP... – Глаза Элизабет наполнились слезами. – Как вы думаете, может быть, что-то случилось и она не хочет меня расстраивать?

Эйлин прижала девочку к себе и обрушила на нее поток утешений. Нет, конечно же нет, этого не может быть, с ним все хорошо, иначе они бы уже знали, не могли бы не знать, просто в Англии сейчас все так поменялось, у мамы есть работа, в ее жизни много чего происходит, она просто забывает писать про домашние дела. А мужчины совершенно не умеют писать письма. Вот посмотри на дядюшку Шона, он ведь так переживает за Морин, как она там в Дублине, но разве он хоть раз ей написал? Ни разу! А иногда люди просто не упоминают о чем-то постоянно. В конце концов, в своих письмах Шону Эйлин тоже редко упоминает его отца...

Тайна вырвалась наружу...

– Вы пишете Шону? Ой, я не знала... И где он сейчас?

– В Африке. У него все хорошо, он нашел себе отличного друга, англичанина по имени Джерри Спаркс. Он часто спрашивает про тебя... Ладно, давай вернемся к тебе и твоим переживаниям. На твой день рождения мы позвоним твоим родителям. Завтра вечером пойдем и позвоним. И даже прямо сегодня закажем разговор на три минуты на завтра. И ты сможешь сама сказать, что им звонит их взрослая четырнадцатилетняя дочка. Договорились?

– Но звонить же, наверное, очень дорого? – заволновалась Элизабет.

– И вовсе не дорого, это ведь на день рождения!

– Спасибо вам большое! – воскликнула Элизабет, вытирая глаза тыльной стороной ладони, а нос – рукавом.

– Элизабет, вот только...

– Я знаю, тетушка Эйлин. Письма к Шону – это ваше дело, я никому не скажу.

* * *

В следующем письме говорилось, что Шон и Джерри отправились из Африки в Италию, высадились в Анцио и уже далеко продвинулись вглубь страны.

Шон писал, что Италия прекрасна и местами похожа на графство Уиклоу. Теперь его восторги поутихли, и он хотел бы, чтобы война закончилась. Хорошо, что дома все в порядке. Миссис Спаркс писала, что после налетов Ливерпуль просто не узнать. Так странно думать, что в Ирландии все по-прежнему. Возможно, им с Джерри доведется повидать Рим. Подумать только, он так много слышал от братьев про Священный город, а теперь сможет увидеть его своими глазами! Он рассказывал Джерри про Рим, но тот и понятия не имел про Ватикан и собор Святого Петра. Из Рима Шон пообещал написать настоящее письмо, которое можно будет отнести брату Джону, чтобы показать, что в Священный город можно попасть и без аттестата!

Армия союзников вошла в Священный город, но Шон и Джерри туда не попали. Минное поле на итальянских холмах, так похожих на графство Уиклоу, лишило обеих ног Джерри Спаркса в возрасте двадцати одного года, а в двадцати ярдах от него убило его друга Шона О'Коннора из Килгаррета, которому оставалось еще целых четыре месяца до двадцать первого дня рождения.

Рядовой О'Коннор в качестве адреса указал домик в Ливерпуле, где его письма получала Эми Спаркс. Она сидела в темной кухне и думала про единственного сына. Снова и снова перечитывала телеграмму, удивляясь, что она вызывает так мало эмоций. Потом она

собралась с духом, чтобы сказать матери друга Джерри, что Шон О'Коннор не вернется в Килгаррет.

* * *

В лавке раздался телефонный звонок, и Эйлин сняла трубку. Она выслушала миссис Спаркс, не проронив ни единой слезинки. Спокойно подождала, пока женщина, которую она в жизни не видела, перестанет рыдать в трубку. Тихим голосом выразила соболезнования по поводу ранения Джерри, хорошо, что он поправится. Согласилась, что мгновенная смерть – благословение для Шона, но здорово, что миссис Спаркс сможет позаботиться о Джерри.

– Вы такая необыкновенная женщина, – заливалась слезами Эми Спаркс. – Шон всегда говорил, «у меня знатная маманя». Он так и говорил про вас, «знатная».

– Он не имел в виду английское значение, вроде «знатная дама», – объяснила Эйлин. – Я училась в школе в Англии, я помню, что у вас это слово используется по-другому.

– Если вы когда-нибудь приедете навестить свою старую школу, то можете заглянуть ко мне в гости. Если бы вы приехали, то, возможно, увидели бы Джерри, когда его привезут домой... – В ее голосе ясно звучала тоска. – У вас-то нет ограничений на поездки.

Эйлин не раздумывала ни секунды:

– Я скоро приеду. Если Джерри возвращается через неделю, то я тоже приеду.

Эми Спаркс ахнула в трубку:

– Если бы были похороны для Шона, то я бы тоже приехала...

Потом Эйлин и сама не могла понять, почему никому ничего не говорила целых четыре дня. Как ни в чем не бывало она продолжала заниматься повседневными делами, вкладываясь в них с почти сверхчеловеческим усердием, словно играла сама с собой в игру, где правило гласило «плакать нельзя!». Если дать себе волю и расплакаться, то Шону будет хуже. Она должна быть сильной. В противном случае какой смысл в том, что он уехал в то кошмарное место, где его разорвало на кусочки? Если домашние будут лить по нему слезы, то жизнь Шона окажется бессмысленной.

Эйлин действовала очень четко и планомерно: составила список дел для Пегги, договорилась, что Имон поможет в лавке; заставила Донала пообещать, что он будет отдыхать и тепло одеваться; получила разрешение для Морин приехать в Дун-Лэаре и встретиться с ней в гостинице.

А потом рассказала всем, почему уезжает.

С Шоном-старшим она поговорила солнечным июньским вечером. Села на перевернутую бочку и сказала ему, что их сын погиб. Рассказала про Джерри, как он остался без ног и как его мать позвонила, про пейзажи в Италии и что ребята направлялись в Рим. Временами, когда Шон пытался осмыслить услышанное, тишину нарушал только шум из лавки.

Они ни разу не прикоснулись друг к другу, не обнялись, когда Эйлин рассказывала, как в Ливерпуль пришла телеграмма и прочие подробности про могилу. Она говорила совсем как Эми Спаркс тогда, отрывистыми фразами про то, что все случилось мгновенно и Шон наверняка ничего не почувствовал.

Затем она замолчала и стала слушать. По-прежнему сидя на перевернутой бочке, она слушала, как Шон сначала орал и ругался, а потом рыдал и бормотал что-то неразборчивое в большой голубой платок. Она ждала, пока рыдания не стихли и не сменились вздохами.

– Хочешь, я поеду с тобой в Ливерпуль? – спросил он. – Это ведь что-то вроде паломничества? Вместо похорон?

Эйлин посмотрела на него с благодарностью. В конце концов он все понял.

– Нет, он бы предпочел, чтобы ты остался дома.

Потом она созвала всех детей и сообщила им, что их брат погиб. Она тщательно подбирала слова: «умиротворенный», «рай», «то, чего он хотел», «храбрый», «сильный» и «гордый». Затем она сказала, что они очень помогут и ей, и Шону, если будут сильными.

По щекам Элизабет текли слезы, а Эшлинг никак не могла поверить. Быть такого не может... Да как же так... Какая несправедливость... А может... А если... Потом у нее закончились слова, и она плакала на плече Элизабет, а та гладила ее по голове и говорила, что они должны быть стойкими. Имон, с мокрыми глазами и покрасневшим лицом, бросился обратно в лавку. Донал стал спорить, что Шон не может быть счастлив в раю, он же туда не собирался, черт

побери! Это проклятые немцы и итальянцы его туда отправили! Он впервые в жизни произнес «черт побери».

Морин услышала новость в холодном холле гостиницы в Дун-Лэаре и расплакалась как ребенок, покачиваясь взад-вперед в объятиях Эйлин, пока не вышла хозяйка и не попросила их пойти в менее публичное место. Они ходили туда-сюда по пристани два часа, пока Морин плакала и думала про все, что Шон уже никогда не сделает.

Потом началось паломничество.

Все было как в тумане. Обломки зданий на улицах Ливерпуля, светомаскировка, очереди у каждого магазина. Поездка в госпиталь, где плакал Джерри. Эйлин проявила невероятную стойкость и улыбнулась. Она попросила молодого священника с ирландским акцентом отслужить мессу по Шону. Заупокойная служба проходила в семь утра, и Эми Спаркс тоже пришла. Эйлин надела черную шляпку и черные перчатки и принесла букет цветов, чтобы оставить его в церкви: лучшее, что нашлось вместо венка.

Но на пароме обратно в Ирландию она заплакала и даже не смахивала текущие по щекам слезы, которые промочили ее пальто, пока она сидела и смотрела на темное море и плакала от бессмысленности всего. Потом, не переставая плакать, она подошла к леерному ограждению и схватилась за поручень. Другие пассажиры видели, как ночной ветер сорвал с нее шляпу, поднял в воздух, стукнул о палубу и унес в море, но красивая женщина в черном пальто не заметила пропажу. Она что-то повторяла вполголоса, снова и снова. Наверное, молилась.

Часть вторая
1945–1954

Глава 6

Вайолет так и не поняла, почему они согласились, чтобы Элизабет закончила летний семестр в монастырской школе и пропустила День победы в Европе! Пропустила все празднование, включение освещения, снятие светонепроницаемых штор и дикое ликование, когда американские солдаты пускались в пляс с проходившими мимо девушками, когда обезумевшие от счастья толпы со слезами на глазах маршировали туда-сюда по Риджент-стрит и вокруг Пикадилли под рев клаксонов и пели во всю глотку «Bless ‘Em All».

Она чувствовала себя чужой на всеобщем празднике. Вместо мужа с вещмешком, вернувшегося домой с победой и рассказами о выигранных сражениях, у нее был Джордж, ставший еще более мрачным и раздраженным. Он бормотал себе под нос про парней с медалями и нашивками, вернувшихся на гражданку, где их восхваляют и продвигают. У нее не было дочери, которую можно гордо прижать к себе, как делали другие женщины. Некого обнять с наказом на всю жизнь запомнить этот день. Ее дочь сдавала какой-то экзамен и пела в каком-то концерте, держа в руках икону Девы Марии, и поэтому не могла приехать, пока не закончится семестр. Во всяком случае, так Вайолет поняла написанное Эйлин. Оставалось надеяться, что они правильно поступили, отослав Элизабет на столь долгий срок.

Работа на военном заводе закончилась, появилась возможность устроиться на табачную фабрику. Из-за невероятной нехватки сигарет фабрика работала в три смены, что просто неслыханно. Однако Вайолет не хотела связываться. Одно дело выполнять важные военные задачи, которые должны быть сделаны, и совсем другое – набивать сигареты вместе с сотнями других работниц. Некоторые девушки с военного завода сказали, что готовы на все, лишь бы не сидеть дома целыми днями и не стоять в бесконечных очередях, но Вайолет так не думала. Она столько лет уезжала на автобусе рано утром и возвращалась поздно вечером, стояла на остановках в любую погоду, склонялась над столом, чтобы лучше видеть, что вполне заслужила отдых.

В любом случае ее пятнадцатилетняя дочь скоро будет дома.

Друг Вайолет, мистер Элтон, сказал, что надо себя немножко баловать. Гарри Элтон инстинктивно знал, каково женщинам после долгой войны. Они чувствуют себя серыми, тусклыми и поблекшими, поэтому им нужно... гм... немного удовольствий. Мистер Элтон замечательно умел добывать забавные подарочки, вроде маленьких пакетиков сахара или нескольких унций шерсти для вязания. Вайолет слегка забеспокоилась, когда он подарил ей четыре пары шелковых чулок. Приняв шелковые чулки в качестве подарка, следовало бы чем-то отплатить, хотя бы какой-то мелочью. Однако Гарри Элтон рассмеялся и сказал, что ему достаточно ее улыбки. Элизабет взяла чулки и объяснила Джорджу, что это премия, которую выдали всем на заводе.

Первого мая добровольцев в ARP предупредили, что через месяц их служба заканчивается, но Джордж не хотел ничего заканчивать и с парочкой таких же, как он, продолжал ходить на свой пост и в медпункт. Они неодобрительно качали головой, обсуждая ситуацию. Что за безответственное решение закрывать подземку на ночь! А если снова налет? Разве можно доверять немцам? Как вообще можно кому-то доверять на войне! Джордж переживал так долго и ворчал так часто, что Вайолет задумалась: а нет ли смысла в его словах? В конце концов, ведь он же дежурил на улицах ночью. Возможно, он и впрямь знает, что говорит.

– Эти старые пни, я не имею в виду вашего мужа, они просто не хотят верить, что все закончилось, – сказал Гарри Элтон. – Им невыносимо думать, что они уже не маленькие оловянные божки в маленьких оловянных шлемах. Им страшно себе представить, что все уже позади, а впереди счастье и смех...

После бесед с Гарри Элтоном Вайолет всегда становилось легче. Он часто появлялся на военном заводе. Сначала устанавливал радио и репродукторы, чтобы работники могли слушать «Музыку во время работы»^[16].

Потом занимался организацией транспортировки. У него вечно были какие-то новые и всегда разные обязанности. В отличие от Джорджа, который постоянно ругал солдат, Гарри Элтон слова дурного не сказал про храбрых парней на фронте, не жаловался, не искал оправданий, почему он сам не в окопах, а просто следил за ходом военных действий, словно болельщик за успехами местной

футбольной команды. Рядом с Гарри Элтоном у всех поднималось настроение, и Вайолет радовалась, что он проявляет к ней столько внимания.

* * *

На вокзале Юстон царила такая суматоха, что на мгновение Элизабет забеспокоилась, не случилось ли чего. Почему столько народу сбежалось? Потом она вспомнила, что в Кру видела то же самое, и на больших железнодорожных станциях всегда так. Вокруг встречались и прощались. Группка людей провожала молодоженов, уезжающих в свадебное путешествие. Невеста, в шляпке набекрень, изо всех сил махала провожающим, пока не скрылась из виду вместе с поездом. Элизабет остановилась и перехватила чемоданы. Она любила наблюдать за свадьбами. Они с Эшлинг ходили в церковь, чтобы поглазеть на невест и обсудить их (обычно с неодобрением). Однако ни одна из тех невест не выглядела так заурядно, как эта девушка в темно-синем саржевом костюме и красно-синей шляпке.

Шагая по платформе, Элизабет глазела по сторонам, чтобы отвлечься. Ей было страшно. Она боялась, что родители, несмотря на слова в письмах, не хотят ее возвращения. Боялась, что не найдет что сказать при встрече. Боялась, что и сказать-то будет нечего.

Жизнь в Лондоне тоже пугала. В Килгаррете крутили новости, где показывали налеты на Лондон, но реальность превзошла все ее ожидания. Создавалось впечатление, что город полностью разрушен. Из окна поезда, особенно когда он едва полз на подъезде к Юстону, Элизабет видела, что целые кварталы домов стояли с заколоченными крест-накрест окнами. Дважды попались надписи «Осторожно! Неразорвавшаяся бомба», при виде которых у нее начало колотиться сердце, но две девочки из Бирмингема спокойно объяснили ей, что это ерунда, просто городские службы еще не расчистили завалы.

Вместе с толпой приехавших пассажиров Элизабет шла по платформе, пытаясь угадать, где будет мама. Будет стоять среди встречающих возле ограждения или залезет на тележку для багажа и будет смотреть сверху? Может, она опоздала? А вдруг мамы нет, тогда

что делать? Ехать самой в Кларенс-Гарденс? Или подождать? Пожалуй, надо немного подождать, а там видно будет.

Элизабет улыбнулась: что за глупости в голову лезут! Улыбка разъехалась еще шире при мысли о том, что сказала бы тетушка Эйлин. *Бедняжка Элизабет, ты вечно переживаешь о тысяче проблем задолго до того, как хотя бы одна возникнет на горизонте!* И добавила бы, что идеальное состояние ума находится где-то посередине между Эшлинг и Элизабет, ведь Эшлинг никогда не видит проблем и обязанностей, даже утонув в них по уши. Идеальное состояние ума... Какая смешная фраза!

Улыбающаяся Элизабет встретила взглядом с женщиной, которая улыбнулась ей в ответ. Женщина намного моложе, чем помнила Элизабет, с блестящими светлыми волосами, в элегантном костюме и маленькой шляпке с тремя перьями, с ярко-красной помадой, махала руками и звала:

– Элизабет! Элизабет!

Мама!

От мамы приятно пахло, и, когда они неловко обнялись, пудра с маминых щек осталась на щеках Элизабет.

– Мама, ты выглядишь такой молодой, словно рекламная картинка!.. – выпалила Элизабет, когда к ней вернулся дар речи. – Я думала, ты изменилась...

Вайолет хотела сказать, что глазам своим не верит, видя перед собой взрослую дочь: высокую девушку с талией и грудью вместо дрожащей десятилетки... Но, растерявшись от комплимента, рассмеялась и ляпнула первое, что пришло в голову, – к сожалению, это оказалась критика:

– Дорогая, ну что за глупости! И что они сделали с твоими прелестными волосами? Обрезали их ножом и вилкой? Прежде всего нужно будет заняться твоей прической!

Она взяла у Элизабет один из чемоданов, и они зашагали по улице под июньским солнцем. Повсюду были расклеены предвыборные плакаты Черчилля и Эттли^[17], пытавшихся склонить избирателей на свою сторону.

Элизабет с любопытством их рассматривала. В Килгаррете развешивали только объявления о танцах, ярмарках или паломничестве. Никаких тебе инструкций «держат рот на замке».

– Мама, посмотри, – хихикнула она, указывая на большой плакат. Вайолет подняла взгляд, не понимая, что случилось.

– «Держи рот на замке». Это игра слов... – безразлично отозвалась она.

Элизабет заметила также надписи «Действительно ли тебе нужно ехать?» и «Бездумная болтовня стоит жизней». Одни ветер сорвал и разбросал обрывки, другие были совсем новенькими. Вайолет их уже тысячу раз видела, а вот Элизабет могла бы часами их читать, а уж как бы они с Эшлинг повеселились! Запоминали бы фразы и цитировали их друг другу. Сердце кольнула боль, когда Элизабет осознала, что теперь она будет спать в комнате одна и не сможет поболтать с Эшлинг.

На улице возле вокзала уже начали восстанавливать здания, но вокруг все еще лежали груды мусора. Кучи обломков по обеим сторонам дороги рассказали о бомбежках куда красноречивее, чем сотня писем или кинохроника. Раньше тут стояли дома и офисы, а теперь бесформенные остатки зданий выпирали из щебня, дверные коробки торчали в пустоте, без стен.

Всю дорогу до автобусной остановки мама спокойно шла мимо развалин, иногда посмеиваясь, что было признаком нетерпения.

Когда они влезли в автобус и Элизабет принялась высматривать женщину-кондуктора, мама сказала:

– Отец очень рад твоему возвращению домой и купил яйца чаек^[18], по одному шиллингу и три пенса за каждое. Сегодня вечером мы приготовим из них торжественный ужин. А один мой хороший друг, мистер Элтон, достал для нас настоящий торт – с сахаром и маслом.

Элизабет смотрела на мать с восторгом: она больше похожа на девушку, на Морин и ее подружек, чем на тетюшку Эйлин. И выглядит просто превосходно! Темно-зеленый жакет в военном стиле, с широкими плечами и ремнем, подчеркивал невероятно тонкую талию.

Элизабет потрогала свои волосы. Неделью назад ее подстригла Мэйси О'Райли, которая держала в Килгаррете парикмахерскую под названием «Ла белла». Туда ходили только самые заядлые модницы, но тетюшка Эйлин сказала, что перед возвращением домой Элизабет нужно привести красоту. И пусть стрижка стоила весьма недешево, но нельзя же отправить девочку домой в совершенно растрепанном виде!

Эшлинг, встряхивая гривой рыжих кудрей, слонялась по парикмахерской, громко рассуждая, что сделали бы красотки из журналов, если бы им не повезло родиться с таким жутким цветом волос, как у нее. Это был еще один веселый и одновременно грустный день, когда возвращение домой уже маячило на горизонте. Эшлинг дважды сказала, что, может быть, Элизабет стоит остаться жить в Ирландии и забыть про Лондон. Тетушка Эйлин разозлилась и ответила, что это очень детское и эгоистичное предложение и она не желает больше слышать ничего такого.

Элизабет смотрела в окно. Повсюду стояли очереди, многие люди носили форму. Везде толпы народу. Она подумала про Килгаррет. Возможно, тетушка Эйлин прямо сейчас пишет ей письмо. Она говорила, что какое-то время будет писать каждую неделю, ведь Эшлинг только наобещает, но на самом деле так и не соберется. Тетушка Эйлин не дала обещания приехать в Лондон, но сказала, что подумает.

– Девочка моя, когда ты вернешься, твое мнение может полностью измениться, – предупредила она. – Я не имею в виду, что ты не захочешь видеть меня и остальных, просто там совсем другая жизнь. Вспомни-ка, ты ведь сама не сильно расстроилась, когда твоя мама не приехала к нам. Некоторые вещи в жизни лучше держать отдельно.

Мама улыбнулась ей и внезапно сказала:

– Ты даже представить себе не можешь, как здорово, что ты дома! Война длилась так долго. Нелегко было пропустить все те годы, когда ты росла. Но ты уже повзрослела и стала невероятно хорошенькой. Надеюсь, я все правильно сделала... Я всегда на это надеялась.

– Мне там очень, очень нравилось! Там другая жизнь, но они все ужасно добрые, все до единого...

– Я знаю, ты постоянно писала про них. Кстати, ты отлично пишешь письма. Мы с отцом были в восторге!

– Как папа? – стиснув кулаки так, что костяшки побелели, спросила Элизабет.

– С ним все в порядке, разумеется. Разве я не сказала, что он купил яйца чаек? Он уже давным-давно ждет не дождется твоего возвращения.

Вайолет снова рассмеялась, и у Элизабет камень с души упал. Мама смеялась без злости: похоже, отец не вызывал у нее

раздражения. Элизабет на радостях стиснула мамину руку:
– Как здорово вернуться домой!

* * *

Джордж уже три месяца разглядывал пятнадцатилетних девочек и думал, будет ли Элизабет похожа на юную мисс Эллисон, какой та была два года назад. Мисс Эллисон уже исполнилось семнадцать, она приходила в банк с отцом. А может, Элизабет похожа на маленьких принцесс? Хоть бы она не набралась ирландских привычек. Ирландцы такие ненадежные. Судя по тому, как безответственно они отнеслись к войне, в чем их сурово упрекал мистер Черчилль, и как развернулись на черном рынке, провозя контрабанду, они те еще хитрецы и жулики. Лучше бы Элизабет туда не уезжала!

Конечно, она часто писала, и друзья Вайолет действительно очень хорошо к ней относились. Невероятно щедрые люди, учитывая уровень их дохода и количество детей. Вот только все это уж слишком затянулось, у него украли возможность смотреть, как растет его ребенок. Теперь-то она уже взрослая девушка, со всеми женскими глупостями, будет болтать про звезд кино и косметику. И он никогда не сможет поговорить с ней, что-то ей показать, объяснить, как оно устроено. Она не придет к нему за советом и не будет думать, что он все знает, как это обычно бывает между дочерью и отцом.

Война у всех что-то украла. Его жену она тоже украла. Вайолет все равно, жив он или мертв. Она почти никогда с ним не спорит, но словно живет на какой-то другой планете. Как будто не замечая его присутствия. Вот что сделала война с такими, как Вайолет: лишила их нормальной семьи, забрала ощущение дома. Вайолет даже не готовила и не гордилась тем, что достала в магазинах, как другие женщины. В банке только и разговоров про карточки и дефицит, а еще шутили: если вы остановитесь на улице поболтать с другом, то люди тут же подумают, что это очередь, и начнут выстраиваться за вами.

А Вайолет едва обращала внимание на такие вещи. Она читала романы и иногда встречалась с друзьями с военного завода. Она сильно похудела – кожа да кости, подумал Джордж.

– Миссис Симпсон всегда говорила, что невозможно быть слишком худой или слишком богатой, – смеялась Вайолет, если он упоминал про ее худобу.

Даже ради возвращения Элизабет она ничего особенного готовить не собиралась. Если бы ему вчера не удалось выбраться с работы и выстоять очередь за яйцами чаек, пришлось бы, как обычно, есть омлет из яичного порошка или солонину из банки.

Он надеялся, что Элизабет не будет вести себя отстраненно или слишком много хихикать. Надеялся, что она будет рада его видеть, захочет с ним поговорить, будет спрашивать его мнение. Он хотел бы рассказать ей о войне по-настоящему, а не так, как ее видели ирландцы. Хотел показать ей карты мира и сделанные им схемы, где армии обозначены разными цветами. Она бы спрашивала его про тактику и стратегию, а он бы с задумчивым видом делился с ней своим обоснованным мнением.

Щелкнула калитка. Они пришли! Вайолет несла один чемодан, а высокая девушка с сияющими на солнце светлыми волосами – другой. Он смущенно кашлянул, открывая входную дверь. Его дочь оказалась высокой незнакомой блондинкой.

Тетушка Эйлин говорила, что после возвращения домой может показаться, будто Кларенс-Гарденс стал меньше, так со всеми случается. Когда ты маленький, то место кажется огромным. Элизабет тогда рассмеялась и сказала, что прекрасно помнит свой дом: сине-бежевый ковер, тумбочку в прихожей, гостиную с маленькими угловыми шкафчиками, где стояли всякие безделушки. В гостиной обычно сидела мама, писала письма или читала после обеда, а всей семьей там собирались только по особым случаям.

У Элизабет возникло странное чувство: сам дом меньше не стал, а лестница и расстояние от нее до входной двери определенно уменьшились. Раньше ей казалось, что прихожая довольно большая, а на самом деле там едва развернешься. Она небрежно повесила свое коричневое пальто на крючок и решила быстренько осмотреться.

Папа вошел на кухню раньше ее. Он суетился, брался за вещи, перебирал их, словно старуха, что совсем не похоже на отца. Он чувствовал себя неловко, как будто не дочь приехала, а гости пришли. Впрочем, в каком-то смысле она и правда была здесь гостьей.

– Так-так-так! – повторял он, потирая руки. – Так-так-так!

– Папа, я безумно рада вернуться домой, – сказала Элизабет.

– Господи! – счастливо улыбнулся он.

– Ты скучал по мне? В доме, наверное, было как-то пусто... то есть, я хотела сказать, одиноко и тихо. Тихо без меня.

Она запинаясь, выбирая слова, знала, что не следовало говорить «пусто», но не понимала почему.

– Конечно же, я все время скучал по тебе! Когда ребенок растет в другой стране... это... очень странно... очень непривычно...

– Да... – Элизабет хотелось, чтобы отец перестал говорить штампами. – Я часто писала вам письма.

– Да-да, но это не одно и то же!

Он пытался быть с ней вежливым, пытался сказать, как сильно тосковал по ней, а прозвучало так, словно он выражал недовольство.

– Я ведь не виновата, что началась война! – засмеялась Элизабет.

– Нет, конечно нет! Ты замечательная девочка, ни разу ни на что не пожаловалась... и такие жизнерадостные письма присылала, – торопливо сказал он.

– Папа, ты мне ни одного письма не написал, а я так ждала.

– Да не умею я писать. В этом доме письмами занимается твоя мама.

Как так может быть, что он не умеет писать письма? – подумала Элизабет. Разве его не учили вместе со всеми остальными? Но вслух она ничего не сказала.

– Было так странно, когда ты уехала... – Отец с трудом подбирал слова. – Донельзя странно. А теперь ты вернулась, и это тоже странно.

Отец буквально озвучил мысли Элизабет, но лучше бы он подобрал какое-нибудь другое слово вместо «странно».

– Да уж, придется вам заново привыкать к моему присутствию! – пошутила она, надеясь заставить его улыбнуться столь взрослому замечанию, однако он, похоже, не заметил шутливых ноток в ее голосе.

Кажется, ему отчаянно хотелось ей угодить. Он махнул в сторону духовки с таким размахом, что обвел рукой всю кухню.

– У нас сегодня особое угощение... ужин в твою честь... – сказал он.

В маленькой прихожей Вайолет аккуратно перевешивала пальто дочери за петельку, которой Элизабет практически никогда не

пользовалась с самой покупки пальто. О'Конноры не имели привычки вешать одежду на плечики или за петельку.

«Здесь все по-прежнему!» – удивлялась Элизабет. Она подумала, не купили ли родители новую плиту, поменьше, но нет, плита выглядела точно так же, как раньше. В окно виднелся изменившийся сад с остатками их семейного бомбоубежища... Мама как-то писала об этом... Элизабет прошла в гостиную. Там пахло холодом и затхлостью. Мамин письменный столик все еще стоял на своем месте, но, похоже, лежавшие на нем коробки никогда не убирали. В комнате чувствовалась сырость, и Элизабет слегка передернуло. Накидки и салфеточки на темно-красном диване и стульях выглядели скомканными. Казалось, что комнатой давно не пользуются.

– Может, выпьем здесь чая в честь твоего приезда? – предложил стоявший за спиной отец, которому до смерти хотелось сделать дочке приятное и который ужасно боялся, что ей что-нибудь не понравится.

Элизабет снова передернуло.

– Ох, папа, ради бога, нет! Давай вернемся на кухню, там и так роскошно.

– Да какое там роскошно... – начал отец.

– Когда ирландцы говорят «роскошно», на самом деле они имеют в виду «хорошо», – ответила Элизабет, выводя его обратно на кухню.

– А что они говорят, если и правда хотят сказать «роскошно»? – спросила появившаяся Вайолет.

– Думаю, тоже говорят «роскошно», – ответила Элизабет, и все засмеялись, и она почувствовала себя дома.

* * *

В Лондоне оказалось столько всего нового, столько всего, что нужно узнать и запомнить. Конечно, Вайолет писала про карточки на еду и баллы на одежду и про бесконечные очереди, но реальность выглядела столь неприглядной и убогой, что руки опускались. Шестнадцать баллов за это, два за то, а потом, когда разобрался с баллами и карточками и выстоял бесконечные очереди, выяснялось, что все равно ничего нет. «Ждем новые поставки, – говорили Элизабет и по привычке добавляли: – Ну вы же понимаете, война...»

– Помнишь Монику Харт? – спросила Вайолет. – Она с тобой вместе училась.

– Помню! – засмеялась Элизабет. – Мы с Эшлинг назвали ее именем котенка. Он теперь вырос в огромную черную кошку, и Ниам считает себя ее хозяйкой, но долгое время она была только для меня и Эшлинг...

Вайолет заметила мечтательную нотку в голосе дочери, когда та произносила все эти странные ирландские имена. Элизабет никогда не говорила, что скучает по О'Коннорам, и не намекала, что чувствует себя одиноко, но Вайолет понимала: после дома, полного домочадцев, куда еще и половина города забегает по всяким делам, возвращение в дом, где целыми днями стоит тишина, должно быть огромным шоком.

– Харты теперь живут неподалеку, – сообщила Вайолет. – Я иногда вижу, как Моника катается на велосипеде. Возможно, вы могли бы подружиться. Тебе пошло бы на пользу завести подругу.

– Да, – без всякого энтузиазма согласилась Элизабет.

– Тебе ведь скоро в школу. Моника учится в гимназии и может рассказать про нее, подсказать что-то...

– Как пожелаешь, – ответила Элизабет.

Ей не особо хотелось снова общаться с Моникой, которая уж слишком любила командовать и щипалась на уроках мисс Джеймс. Говорят, мисс Джеймс лежит в больнице, у нее нервный срыв из-за войны. Мама встретила кого-то, кто навещал ее, и узнала, что мисс Джеймс курила сигарету, плела корзинку и отказывалась разговаривать.

– Хорошо, – деловито произнесла Вайолет.

Элизабет уже пять дней пробыла дома. Ничем особенным не занималась, читала, писала бесконечное письмо в Ирландию и ни на что не жаловалась. Терпеливо стояла в очередях и, разобравшись с карточками и баллами, очень помогала с покупками. Но Вайолет хотела обеспечить ей более-менее нормальную жизнь, чтобы дочь не чувствовала себя гостьей в собственном доме.

Моника теперь перестала командовать направо и налево и не пыталась щипать Элизабет. Придя на чай, она вела себя учтиво и больше молчала. Пришлось Элизабет поддерживать разговор. Вайолет, решив, что все в порядке, надела шляпку и собралась уходить:

– Поболтайте вдвоем о старых временах, а мне надо встретить кое-кого с завода. Поедем прокатимся на машине.

– У работниц на военном заводе есть машина? – с любопытством спросила Моника.

– О, в наше время у работниц много что есть! – хохотнула Вайолет и скрылась за дверью.

– Твоя мама прямо как кинозвезда! – восхитилась Моника.

– Да, вроде того, – пожала плечами Элизабет и вдруг вспомнила, как однажды сказала Эшлинг, что ее маманя лучшая в мире, такая сильная, а Эшлинг тоже пожала плечами; наверное, люди не ценят собственных мам по-настоящему.

– А твоя мама какая? – спросила она у Моника.

– Нормальная, – невразумительно отозвалась та.

Элизабет вздохнула. Как же трудно поддерживать разговор! Тетушка Эйлин точно знала бы, что нужно сказать, а Эшлинг было бы все равно, она просто болтала бы о своем, счастливая и довольная, а Моника пусть сама решает, общаться или нет. Элизабет же не умела ни того ни другого.

– Ты марки собираешь? – в отчаянии ляпнула она.

– Нет, – покачала головой Моника.

– И я нет...

Почему-то это показалось столь забавным, что они обе расхохотались и чуть не лопнули от смеха.

Моника обожала ходить в кино, знала жизнь звезд в мельчайших подробностях, и ей не терпелось рассказать Элизабет обо всем, что та пропустила.

– Ну конечно, ты ведь уезжала так далеко, – снисходительно произнесла она, словно из-за пяти лет, проведенных в Ирландии, Элизабет и вправду упустила возможность быть причастной к жизни Голливуда.

Моника не теряла времени на Ширли Темпл, которая недавно впервые поцеловалась на экране, что вызвало немалую шумиху. Пусть взрослые охают и ахают над Ширли Темпл, а Моника предпочитала Дину Дурбин, Хеди Ламарр, Лану Тёрнер и Аву Гарднер, восхищалась Джуди Гарленд и Бетт Дэвис, хотя и не собиралась им подражать. Она знала все про их браки, романы и от кого какой ребенок родился.

Моника предложила Элизабет сделать прическу, как у Вероники Лейк, чтобы закрывала лицо, но ничего не вышло: копна светлых, почти белых волос выглядела странно и неряшливо.

Изучая фотографию Кларка Гейбла, Элизабет задумалась, каково было бы с ним целоваться. Будут ли усики щекотать нос, не захочется ли чихнуть?

– Думаю, целоваться с Гейблом то же самое, что целоваться с любым усатым мужчиной, – резонно заметила Моника.

– Да, пожалуй, – вяло согласилась Элизабет.

Она совершенно не разбиралась в кино, а теперь выяснилось, что еще и в теме поцелуев ничего не смыслит.

Единственное, в чем она имела превосходство, – это возвращение из страны с молочными реками и кисельными берегами, где можно есть вволю и никто не стоит в очередях.

– Расскажи еще раз, что они едят по воскресеньям! – умоляла Моника.

Элизабет описывала воскресный обед: суп и домашний содовый хлеб, потом вареная курица с белым соусом и вареный бекон, картофель в мундире, капуста, сваренная вместе с беконом и потому очень вкусная. А еще яблочный тарт со сливками. Иногда они пили красный лимонад, а иногда – молоко. Моника зачарованно слушала, глотая слюнки, представляя себе подобное изобилие.

– А чай! Расскажи про их чай!

Порой Элизабет предпочла бы поменьше говорить о еде, потому что такие разговоры только напоминали о том, чего они лишены в Англии. Она рассказала о яблочном пироге, который испекла Пегги, и о том, что он похож на обычный хлеб, но с кусочками яблок и сахара внутри теста, и о кровяной колбасе, которую клали на хлеб.

– У О'Конноров наверняка хорошие связи! – с завистью воскликнула Моника.

– Нет у них никаких связей... Просто там не было войны.

– Как это не было? Война везде была! Разве тот же Эннискиллен не в Ирландии?

– Да, но в другой части Ирландии. Война шла на севере, а не там, где я жила. Поэтому меня туда и отправили.

– Ты много всякого классного упустила из-за того, что туда уехала. – Моника сменила тему. – Здесь ты могла бы увидеть самых

разных известных людей... Они постоянно ездили в разные места, чтобы поддержать боевой дух. Я даже один раз поговорила с Сарой Черчилль. Ты ведь знаешь Сару Черчилль? Она известная актриса. У нее шикарные рыжие волосы!

У Элизабет кольнуло сердце, когда она подумала, как загорелись бы глаза Эшлинг, если бы кто-нибудь при ней назвал рыжие волосы шикарными. Эх, как было бы здорово, если бы можно было легко передать на бумаге то, что чувствуешь! Письма Элизабет к Эшлинг казались такими скучными, а письма Эшлинг звучали легкомысленно и беззаботно. Если бы не тетушка Эйлин, то Элизабет подумала бы, что в Килгаррете про нее все забыли.

* * *

Вайолет пришла в голову мысль послать О'Коннорах какой-нибудь подарок в благодарность за все, что они сделали для Элизабет, и она решила обсудить идею с Джорджем.

– Ты ведь сама сказала, что они и не заметят еще одного едока за столом, – проворчал тот. – В любом случае, где нам сейчас взять какой-нибудь приличный, по-твоему мнению, подарок?

Вайолет задумалась.

– Ты же знаешь, они ей ни в чем не отказывали. Велосипед купили, а когда она уезжала, то велели его продать и деньги оставить себе, ведь это ее собственный велосипед. Они и одежду ей покупали, нижнее белье и все остальное.

– Я думал, мы отправляли деньги на одежду.

– Конечно, но недостаточно! Эйлин всегда писала, что купила на присланные деньги новое зимнее пальто, но Элизабет рассказывает, что получала все то же самое, что и дети О'Конноров. Шон давал им всем деньги на кино и прочие карманные расходы. Я немного переживаю, что мы могли отнестись к затратам слишком беспечно.

– Разве ты не написала им письмо с благодарностями? – недовольно спросил Джордж.

– Написала-то написала... но ведь они столько сил вложили в Элизабет. Она такая взрослая стала, а ни капельки не изменилась. Я

говорила тебе, что она будет учиться в одном классе с шестнадцатилетними? В учебе она далеко опережает наши ожидания.

– Она много читала, – согласился довольный Джордж. – Вчера она мне рассказывала, что ночью они с Эшлинг читали Уилки Коллинза вслух по очереди, потому что фонарик был один на двоих. – Он рассмеялся, представив себе эту сцену.

Вайолет тоже улыбнулась:

– Я не думаю, что Элизабет чувствует себя одиноко, но было бы хорошо поддерживать отношения с О’Коннорами. Проблема в том, что здесь мы ничего не можем для них купить, а они могут. Интересно, понимают ли они это?

– Ну так напиши им еще раз и скажи, что, когда отменят карточки, мы отправим им подарок в знак благодарности.

– Нужно будет как-то очень тактично подобрать слова... – задумчиво пробормотала Вайолет. – Эйлин ведь невероятно гордая и упрямая. Не желает ни от кого зависеть, поэтому с ней нужно обращаться осторожно, чтобы не обидеть.

– Элизабет к ней сильно привязана. А вот о ее муже почти ничего не говорит, – заметил Джордж.

– Скорее всего, он постоянно занят и мало появляется дома. Он всегда много работал. Довольно неотесан, но умеет добиться своего.

– В отличие от некоторых, надо полагать...

Вайолет посмотрела на мужа:

– Джордж, дорогой, я вовсе не собиралась сравнивать тебя с ним. Ты тоже можешь добиться всего, чего хочешь... и того, чего мы хотим. Честное слово, я не это имела в виду. Ты же знаешь...

Удивленный и довольный, Джордж невнятно промычал что-то и ушел. Вайолет решила, что посоветуется с мистером Элтоном. Гарри всегда точно знал, что следует делать, у него чутье на такие вещи.

* * *

Когда они встретились в субботу, чтобы выпить по бокалу вина у реки, Гарри действительно ободрил Вайолет своими рассуждениями.

– Давай посмотрим на это как на серьезную государственную проблему! – засмеялся он.

Гарри был в восторге от поражения Уинстона Черчилля на выборах месяц назад. Победившие лейбористы заявили, что построят пять миллионов домов. Именно такие люди и должны быть у власти! Гарри, как всегда, смотрел на все жизнерадостно.

– Пожалеть Черчилля? Вот еще! Нам нужен был этот старый хрыч, чтобы напугать немцев, а теперь нам нужны дома и рабочие места.

Он всегда внимательно выслушивал Вайолет и, что бы она ни говорила, считал ее слова достойными обсуждения. Гарри Элтон никогда не ворчал. Наверное, он и ворчать-то не умел.

* * *

Классы мало напоминали монастырскую школу: школьные доски гораздо больше размером и лучше качеством, на стенах висели хорошие карты, зато нигде ни статуй, ни картин со сценами из Священного Писания, ни маленьких алтарей Святейшего Сердца и Цветочка Иисуса^[19], за которыми ухаживала бы назначенная на неделю ученица.

Элизабет казалось странным, что уроки не начинаются с молитвы. Она по привычке вставала перед началом урока, а потом быстро садилась со смущенным видом.

– Они что, правда молились перед каждым уроком? – не могла поверить Моника.

– Ну да, просто короткая молитва.

– Даже перед математикой и историей?

– Конечно. Всего лишь краткая «Аве Мария» с намерением.

– С каким именно намерением? – Моника сгорала от любопытства.

– О выздоровлении больной монахини, например, или о счастливой смерти, или об обращении Китая в христианство... – Элизабет чувствовала полную беспомощность, пытаясь объяснить порядки в монастыре.

В длинных школьных коридорах, выкрашенных в грязно-бежевый цвет, пахло мелом и дезинфекцией, и они сильно отличались от наполненных ароматами благовоний коридоров вокруг капеллы в

монастыре, куда Элизабет с Эшлинг заходили почти каждый день и молились, чтобы сегодня сестра не спросила про сочинение по истории или чтобы они знали ответ, если придет епископ и задаст вопрос из катехизиса.

– А кто из вас лучше учился, ты или Эшлинг? – как-то спросила Моника по дороге из школы.

Ей до смерти хотелось получить разрешение на поездку в Вест-Энд, чтобы поглазеть на толпы и на королевскую семью, посещающую Королевское варьете, представление в котором состоится впервые за последние семь лет. Мама Моника сказала, что отпустит ее, только если она будет лучше учиться, поэтому Моника всерьез озаботилась успеваемостью.

– Эшлинг гораздо способнее, но она... даже не знаю... монахини говорили, что она ленивая или безответственная. Я думаю, ей просто слишком скучно учиться, жаль тратить время на уроки, есть ведь куда более веселые вещи...

– А оценки она получала более высокие, чем ты? – Моника дико раздражали успехи Элизабет в школе.

Годы, проведенные в чужой стране, не ухудшили успеваемость Элизабет, а, наоборот, позволили ей вырваться далеко вперед. Терпеливая работа сестры Катерины на уроках математики не прошла даром, а результаты еженедельных контрольных по географии и грамматике были одними из лучших в классе. История и французский немного хромали, но, похоже, Элизабет считала, что если есть домашняя работа, то ее нужно сделать, а если задали выучить стих, то просто берешь и учишь...

– Если бы Эшлинг захотела, то стала бы первой по всем предметам. Иногда мы с ней договаривались, что если она сделает все уроки, то я организую нам полуночный пир. Только я могла это сделать, поскольку тетушка Эйлин не возражала, когда я приходила на кухню за едой, а Эшлинг всегда подозревала в шалостях.

Угрюмая Моника шла по улице, пиная кучки опавших листьев в канаву.

– Интересно, как мама определит, что я лучше учусь. Я и так уже знаю больше, чем она. Как же она поймет, что я стараюсь...

– А ты попробуй показать ей, что усердно работаешь. Пусть она увидит, что ты чаще сидишь над учебниками, а не с журналами и

ежегодниками про кино. Тогда она поймет, что ты стараешься.

– Какая же ты хитрая, Элизабет Уайт! – расхохоталась Моника. – Я всегда думала, что ты хороша в учебе, а ты только притворяешься...

Элизабет не расстроилась:

– Нет, я и правда усердно учусь, чем тут еще заниматься... В Килгаррете я старалась, так как не хотела подвести тетушку Эйлин. А вот Эшлинг – да, постоянно притворялась, что учится, и ей все сходило с рук... На самом деле она любит посмеяться.

– Что ж тут плохого? Многие любят посмеяться, – уныло заметила Моника.

Элизабет внезапно вспомнила маму, как она откидывает голову, когда смеется, и какой молоденькой и счастливой выглядит в такие моменты. В последнее время она стала чаще смеяться. А Эшлинг совершенно не ценит все то, что делает тетушка Эйлин, ни капельки не ценит. Забавно, что часто люди получают не ту маму. Или не ту дочку...

* * *

В декабре объявили хорошие новости: содержание говядины в сосисках увеличат с тридцати семи до сорока процентов.

– Как-то маловато, – заметила Элизабет во время традиционной субботней прогулки с отцом.

– Попробовала бы ты сосиски в самый разгар мер экономии! – отозвался отец, обожавший рассказывать дочери про то, чего она не знала.

По субботам они гуляли вдвоем по городу, и Джордж показывал места попадания бомб, подлежащие сносу здания и улицы, пострадавшие от бомбежек. Целый перечень скорби, горя и потерь. Истории о старом Чарли, о мистере таком-то и мистере сяком-то. Никаких воспоминаний о смешном, ничего забавного не случилось. Ничего героического не происходило тоже в отличие от воспоминаний дядюшки Шона, в которых мужчины были могучими, а парни – храбрыми. Никаких рассказов про доброту, как люди помогали друг другу, о чем всегда вспоминала тетушка Эйлин... Отец всегда говорил

только про поражение, упущенные возможности и неверно понятые благие поступки.

– Должно быть, ужасные были времена, папаня, – сказала Элизабет, когда они возвращались домой.

На улице стемнело, и хотелось выпить чашку горячего бульона на теплой кухне. Мама, наверное, тоже вернулась. По субботам она встречалась с друзьями с военного завода, а они с папой уходили гулять. Или с папаней. Иногда Элизабет называла его «папаня», как дети О’Конноров звали дядюшку Шона, и, похоже, отцу понравилось. О’Конноры визжали от смеха, когда Элизабет говорила «мама» и «папа», и передразнивали «Мапа! Пама!», словно находили такую форму обращения чудной.

Однако Элизабет никогда бы не смогла назвать Вайолет маманей или мамашей. Так можно обращаться к пухлым женщинам постарше. Вайолет можно называть только «мама», и никак иначе.

– Может, мама уже дома, – произнесла Элизабет, пытаюсь развеселить отца, который потемнел лицом, рассказывая очередную мрачную историю.

– Нет, мамы не будет. Она пошла на вечер встречи для всех работников военного завода... ну или что-то в этом роде. В отеле. Сказала, что не будет тратить время на возвращение домой, пойдет прямо туда.

– Понятно, – произнесла Элизабет.

Она не особо возражала, так как собиралась почитать книжку, а когда по радио будут передавать «Театр субботним вечером», сделать тосты с сардинами и какао. Утром мама постирала белье, оно все еще сушится возле камина, и они с отцом тоже посидят у камина, чтобы согреться.

– Можем в шашки поиграть, – предложил отец.

Шашки наводили на Элизабет скуку. Лучше бы отец в шахматы играть научился! Вот только он говорил, что шахматы и бридж для умников, и она никак не могла его убедить, что ей понадобилось всего полчаса, чтобы понять фигуры и их ходы, а там уже до конца жизни не забудешь. Элизабет играла с Эшлинг, но той не хватало терпения, чтобы продумывать стратегию и планы, а потому она просто безжалостно разменивала фигуры, пока у них обеих на доске почти ничего не оставалось. Иногда Элизабет играла с Доналом – по доброте

душевной, поскольку играл он очень плохо. Все время ставил себя в невыгодное положение, сам того не замечая. И все же она играла с ним, чтобы доставить ему удовольствие. А теперь она играла с отцом в шашки, чтобы доставить удовольствие отцу. Наверное, увидев Элизабет за игрой в шашки с отцом, тетушка Эйлин потрепала бы ее по голове и сказала, что она замечательная девочка.

Сегодняшняя радиопьеса оказалась на историческую тему, и отец заявил, что терпеть не может эту притворную манеру поведения и архаизмы, поэтому, когда они съели сардины, он достал шашки.

– Будем играть черными по очереди? – озабоченно спросил он.

– Папа, а ты не возражаешь, что мама уходит на вечеринки с мистером Элтоном и остальными людьми с завода?

– А почему я должен возражать? – удивился отец. – Против чего здесь возражать? Она же не на свидания ходит с мистером Элтоном... Они все собираются на встречу.

– Я знаю, папа, но маме только это и нравится. Разве ты не хотел бы, чтобы она оставалась дома и проводила время с нами?

– Господи, Элизабет, что ты такое говоришь? Конечно, маме нравится быть дома с нами, она всего лишь пошла сегодня на вечеринку. Всего одна вечеринка, а ты говоришь, что ее вечно не бывает дома.

Элизабет опустила взгляд. Она чувствовала, что зашла слишком далеко, но отступать теперь тоже ни к чему хорошему не приведет. Отец будет спрашивать, что она имела в виду, и будет снова и снова повторять утешительные избитые фразы, как будто повторение сделает их правдой.

– Мама, как и все остальные, имеет право отдохнуть. Она очень усердно работала во время войны. Разумеется, ей нравится встречаться с друзьями и вспоминать былые времена...

Элизабет стиснула зубы:

– Папа, ты знаешь, что я имею в виду. Ты не мог не заметить, что мама мыслями наполовину не здесь. На самом деле она не думает о нас с тобой. Нет, папа, так оно и есть. Мы с тобой ужасно скучные. Маме с нами тоскливо, мы не смеемся и не шутим. Я все время читаю книжки, а ты – газеты. Когда она с нами разговаривает, я отвечаю: «Что ты сказала?» – а ты: «Что?» Нам нужно... ну... не знаю, как-то поживее быть.

Элизабет замолчала, и отец тоже молчал, а его лицо слегка подергивалось, словно он собирался заговорить, но боялся расплакаться.

Господи, только бы он не заплакал! Пожалуйста, Господь все милостивый, лишь бы я не заставила его плакать!

– Гм... ну... хм... – мялся отец.

«Боже, пожалуйста, я больше никогда не заговорю об этом! – взмолилась Элизабет. Мне безумно жаль, Господи!» Она представила себе статую Святейшего Сердца в Килгаррете. Эшлинг частенько закрывала перед ней глаза и просила: «Пожалуйста, все милостивое Святейшее Сердце, я дам тебе что угодно, лишь бы сегодня в школе не было контрольной!»

– Ты права, я ужасно скучный человек. всю жизнь таким был. Но твоя мама всегда это знала. Я не обманывал ее. Она хочет надежности и безопасную гавань, а еще хочет смеяться и... того, что ты называешь оживленностью. Так что каждый человек такой, какой есть... Некоторые усердно работают, обеспечивают семью, и с ними надежно, а кто-то создает оживление и веселит. Мир так устроен. Ты понимаешь?

– Да, папа, – прошептала Элизабет, – я понимаю.

– Тут не за что извиняться, – продолжал отец, не заметив, что она не просила извинения. – Ты права во всем, что сказала. Нужно быть честным. Ты очень хорошая девочка, Элизабет. Для нас с матерью ты большая радость. Мы часто говорим, как нам повезло, что у нас такая ответственная дочь. Не думай, что мы тебя недооцениваем.

В его голосе проскользнул намек на шмыганье носом, и Элизабет решила, что пора перевести разговор на другую тему.

– Да ну, не такая уж я замечательная, – сказала она. – Давай в этот раз я сыграю черными.

* * *

На Рождество все члены семьи О'Коннор прислали Элизабет подарки, а еще в посылке лежал берет, связанный Пегги, религиозные картинки от четырех сестер-монахинь, календарь от сестры Катерины и полдюжины открыток от других жителей города.

Элизабет с изумлением разворачивала каждый подарок:

– Мама, посмотри, это от Имона! Представляешь, Имон подписал открытку и подарил две заколки с бабочками! Смотри, какие красивые заколки, с ума сойти просто! Как ты думаешь, он сам их купил или попросил миссис Макаллистер? Нет, он бы такого не сделал. Наверное, тетушка Эйлин купила их.

Вайолет сидела за столом, помогая дочери открывать пакеты, развязывать бечевку и складывать оберточную бумагу.

– Какие безвкусные заколки... но очень мило с его стороны. Имон, это тот хрупкий мальчик, который болеет?

– Нет, болеет Донал, а Имон – старший сын... ну... то есть теперь он старший... Я тебе говорила, ему почти семнадцать, и он будет работать в лавке с дядюшкой Шоном...

Каждая открытка была подписана, а Эшлинг приложила письмо на шести страницах, которое Элизабет сунула в карман, чтобы прочитать позже.

– Как будто сплошь картинки из Библии! – воскликнула Вайолет, перебирая открытки.

– Понимаешь, там именно такое Рождество... вертепы, фигурки Святого семейства... там такое повсюду.

Иногда в сердце Элизабет шевелилось чувство вины за столь легкую потерю веры после возвращения в Англию. Она попыталась найти католическую церковь поблизости, сходила туда, но в ней было холодно, сыро и очень неудобно. Впрочем, она была уверена, что Господь – и класс Эшлинг в школе – поймет ее и сочтет такой проступок временной оплошностью. Позже Элизабет обязательно вернется к вере!

– А это что? – (Из пачки выпала открытка с детскими каракулями.) – О, это от Ниам! Ей шесть лет, она такая миленькая! Мама, а после меня ты не могла иметь детей или просто не хотела? Или не получалось?

– Что за вопросы ты задаешь, девочка моя... Ну... были осложнения, и поэтому у тебя не могло быть сестры.

– Но ты ведь не перестала спать в одной постели с отцом? Я имею в виду, вы все еще... э-э-э... – Элизабет нерешительно замолчала.

Вайолет оторопела:

– Эйлин писала мне, что... гм... объяснила все... как оно в жизни устроено, вам с Эшлинг одновременно... И по ее мнению, ты поняла суть. Однако теперь я не уверена...

– Чего же я не понимаю? – Элизабет охватило любопытство.

– Я не против откровенности, но есть вещи, про которые не спрашивают. О них не принято говорить. Это личное и касается только двоих. Эйлин ведь тебе не рассказывала, чем она занимается.

– Тетушка Эйлин совсем другое дело! – ляпнула Элизабет. – Я имею в виду, все знают, что они с дядюшкой Шоном все равно любят друг друга. Несмотря на все, что они могут наговорить, они явно сильно привязаны друг к другу... – Она заметила выражение лица матери и осеклась; Вайолет промолчала. – Мама, что я такого сказала? – до слез расстроилась Элизабет.

– Ничего такого. – Вайолет встала. – Ничего особенного ты не сказала. Кстати, в Килгаррете хоть знают, что, вообще-то, у нас была война и мы не можем посылать им подарки... – Ее голос дрогнул.

– Конечно знают! – ответила Элизабет.

Пять недель назад она уже отправила письмо тетушке Эйлин, вложила в него кучу подписанных рождественских открыток и четыре фунта на покупку подарков у миссис Макаллистер.

– Тогда ладно, – деловито произнесла Вайолет.

– Мама, я вовсе не...

– Милая, собери здесь все и положи на место, хорошо? – Вайолет вышла из комнаты с видом актрисы, которую жестоко обидели, но она не хочет этого показать.

Дорогая Элизабет,

я должна бы написать тебе пожелания счастливого Рождества, а мне еще никогда в жизни не было так тошно. Мама говорит, что мне нужно рассказать тебе все наши новости, но, честно говоря, и рассказывать-то не о чем. Здесь невероятно скучно, а я жутко выгляжу, просто уродина, и ничего тут не поделаешь, а все остальные ходят злые как собаки. Сестра Катерина вообще дьявол во плоти. Я знаю, ты не любишь, когда я говорю про нее плохо, она очень хорошо к тебе относилась, потому что ты понимала всякие заумные штуки, про поезда, приходящие на станцию

и платформу длиной в полмили... Но вот честно, она меня достала, и у нее на меня точно зуб.

Она пришла в лавку. В лавку! Монахиня пришла аж из монастыря, чтобы поговорить с маманей на работе. И сказала мамане и папане, что меня отчислят, так как я отвлекаю остальных и плохо на них влияю. И мне дают последний шанс.

Что за несправедливость! Кое-кто другой отвлекает класс на ее уроках куда больше, чем я. Просто она меня давно терпеть не может, а еще я слишком заметная из-за цвета волос. Если бы только ты была здесь... Тебе удавалось заставить их не воспринимать все так серьезно. Она сказала, что в качестве одолжения мне дадут последний шанс и оставят на следующий семестр в школе, но будут пристально за мной наблюдать. Куда еще пристальнее? С меня и так глаз не спускают!

Если бы только ты могла приехать на Рождество и развеселить нас. Когда ты жила с нами, мы столько не ругались. А может быть, мы продолжали бы ругаться, даже если бы ты вернулась. Хотя я так не думаю. Когда эта злюка-сестра Катерина ушла, маманя сказала, что у тебя правильное отношение к работе, ты просто берешь и прилежно делаешь то, что велено. Я так не могу. Хотела бы я быть прилежной, но какой в этом смысл? Все равно толку не будет.

Морин встречается с этим дурачком Бренданом Дейли, ты его помнишь. Они живут на той ферме, где огромный разваливающийся амбар, мимо которого мы проезжали на велосипедах по дороге в школу, если ехать вдоль реки. Мы еще говорили, что там от фермы один амбар и остался. Короче, он работал в какой-то продовольственной конторе в Дублине, познакомился с Морин на танцах, а теперь они встречаются. Представляешь, уехать в Дублин, зажить самостоятельной жизнью и встретить кого-то из Килгаррета! Мы с Джоанни решили, что когда уедем отсюда, то всех будем первым делом спрашивать: «Ты,

случайно, не из Килгаррета?» Тогда точно не влюбимся в кого-нибудь из местных.

Морин стала такая глупая, все время хихикает и называет его «мой Брендан». Если бы ты ее слышала, померла бы со смеху! Папаня спросил ее, получит ли она колечко на Рождество, а она разозлилась, заявила, что ей уже двадцать один год и она может делать что вздумается. Папаня сказал, что всего лишь задал вопрос из вежливости, а Морин ушла, заливаясь слезами, и маманя велела папане быть с ней полегче, так как Морин, очевидно, надеется получить колечко, но не осмеливается говорить нам на случай, если ее надежды не оправдаются.

Ты только представь, что выходишь замуж за Брендана Дейли с его противными торчащими зубами! И спишь с ним в одной постели, и на всю жизнь к нему привязана.

Джоанни над ними потешается и постоянно называет Брендана моим зятем, а когда мы едем в школу, спрашивает, будем ли проезжать мимо амбара нашей родни. Знаешь, Джоанни теперь такая прикольная, она бы тебе понравилась больше, чем в прошлом семестре, с ней веселее стало.

Так забавно читать в твоих письмах про Монику, я всегда думаю про кошку. Никогда не слышала ни про какую другую Монику. Когда ты написала, что ходила на «Короткую встречу»^[20] с Моникой, я на мгновение подумала, что ты взяла с собой кошку в кинотеатр! Я тоже посмотрела этот фильм, у нас его привозили на три вечера пару недель назад. Все, кроме меня, рыдали. А я подумала, что они дураки, раз не уехали вместе. Я имею в виду, что в Англии они могли бы так поступить, можно ведь развестись и все такое, религия не запрещает. Зачем же им было оставаться с ужасными мужьями/женами? Разве что ради сценария.

Я так мамане и сказала, а она заявила, что мне еще нужно многое узнать про верность, и про компромиссы, и про умение держать данное слово. Что бы я ни сказала и ни

сделала, во всем получается, что мне еще учиться и учиться!

Я вся покрылась жуткими прыщами, на лбу и на подбородке. Джоанни говорит, их почти не видно, но, когда я спросила Имона, он ответил, что они как маяки: если кто-то потерялся, то по красным отсветам на моем лице сумеет найти дорогу домой.

Может, у тебя есть хотя бы одна хорошая новость, которая бы меня порадовала? Например, что ты приезжаешь погостить или вовсе к нам жить переедешь. Ну или что мне делать с этой полоумной сестрой Катериной, чтобы она от меня отвязалась?

Счастливого Рождества тебе и твоим родным. Мы просто в шоке от той фотографии, где ты с мамой. Маманя поставила ее на туалетный столик в спальне. Твоя мама выглядит как королева красоты. Как вы с ней нынче уживаетесь? Наверное, очень странно вернуться домой, а там совсем другая, новая мама.

Люблю, целую, обнимаю,

твоя ужасно несчастная Эшлинг

Прямо перед Рождеством мама свалилась с гриппом. Приходил врач, сказал, что ей нужно лучше есть, а то у нее только кожа да кости остались. Элизабет с отцом попытались описать, чем мама обычно питается каждый день: ни хлеба, ни картошки, ни пудингов она не ела, а только клевала то одно, то другое. И выглядела жутко бледной и безучастной.

– Простите, что доставляю вам столько хлопот, – повторяла она.

Элизабет с отцом по-своему готовились к Рождеству: делали бумажные украшения и красивые карточки с именами для праздничного стола, собирали зеленые веточки остролиста и плюща, читали новые рецепты зимних пуншей. А теперь мама заболела, и все труды насмарку. Она отказалась от предложения поставить ее кровать в гостиной – в единственной комнате, где горел камин.

– Ни за что на свете! – слабым голосом заявила она. – В гостиную ставят кровати только инвалидов и стариков! Я останусь здесь, пока не

поправлюсь.

Элизабет предложила прочистить дымоход в спальне и зажечь камин, но мама и слышать ничего не хотела. Лежа в постели в варежках и с двумя бутылками горячей воды, с разметавшимися по подушке тонкими волосами, она ни на что не жаловалась и утверждала, что чувствует себя нормально.

Отец понятия не имел, как совладать с происходящим. В спальне он стоял рядом, заламывая руки, и спрашивал: «Вайолет, что мы можем для тебя сделать?» – таким тихим голосом, словно жена была при смерти, и это, разумеется, выводило ее из себя. Внизу он бессвязно ругал все подряд: от нынешних модных диет до военного дефицита и маминых встреч с друзьями с военного завода, которые довели ее до простуды.

Мама Моники научила Элизабет варить бульоны и горячие напитки, а также делать холодные компрессы так, чтобы не утопить пациента и не залить всю постель водой. Накануне Рождества доктор заверил их, что опасности воспаления легких нет, просто понадобится постепенное восстановление сил, чтобы мама снова стала прежней. Чрезвычайно обрадованная таким известием, Элизабет потеряла терпение с отцом, продолжавшим ворчать и бурчать про всезнаек-врачей, которые на самом деле ни черта не знают.

– Папа, ты когда-нибудь хоть что-то хорошее в жизни видишь? Как насчет света в конце тоннеля? – не выдержала она.

– Нет, не вижу.

– Да как так вообще можно жить!

– Согласно моему опыту свет в конце тоннеля обычно гаснет...

Элизабет варила бульон из говядины и вспоминала прошлое Рождество. Как она шагала в морозной темноте раннего утра к мессе, кричала поздравления знакомым и предвкушала наступающий день. Крошка Ниам упала и разодрала коленку. Все забежали вокруг нее, вытирали кровь чистыми платками, отнесли ее под фонарь, чтобы осмотреть рану, а Ниам орала как резаная больше от испуга, чем от боли.

– Ниам, ради всего святого, хватит реветь! – рывкнула Эшлинг. – Нога у тебя не отвалится. Не порть Рождество.

– Невозможно испортить Рождество, – ответил ей Донал.

Эйлин взяла на руки тяжеленную пятилетнюю дочь.

– Шон, перевяжи ей коленку! – деловито скомандовала она. – Бедняжка Ниам получила рану. Но Донал прав, это не испортит Рождество, ничто не может испортить Рождество!

В исхудавшей маминой руке суповая ложка казалась большой и тяжелой.

– Милая, мне так жаль, что я испортила вам Рождество, – сказала мама Элизабет, сидевшей на страже и следившей, чтобы та выпила весь бульон.

– Невозможно испортить Рождество, – эхом откликнулась Элизабет.

Вайолет посмотрела на дочь. В ее лице не было и намека на иронию. На первом этаже Джордж шумно пыхтел, раздувая огонь в сырых дровах, которые никак не хотели гореть.

По бледным щекам Вайолет покатались слезы.

– Какой кошмар! – зарыдала она. – Все должно было быть совсем по-другому! А получилось черт-те что...

– Мама, все будет хорошо! – Элизабет растерялась, увидев, как сотрясаются мамины плечи, и ногой прикрыла дверь спальни, чтобы отец не услышал, а то если прибежит, то еще хуже будет.

– Нет, все вышло очень плохо. Ни в чем нет никакого смысла. Мне безумно жаль, но я не знаю, что еще я могла бы сделать... Я старалась изо всех сил, но я просто плохая хозяйка... Ненавижу вылизывать дом и готовить неизвестно для кого...

– Как же неизвестно, мама, для нас ведь! – воскликнула Элизабет. – И мы тебе невероятно благодарны, а когда ты поправишься, то будем помогать тебе еще больше. Я говорила папе, что нам следует больше тебе помогать...

Вайолет смотрела на нее глазами, полными слез:

– Ты все еще не понимаешь, ты никогда не поймешь... Боже, какой невыносимый кошмар!..

Мама отвернулась, и Элизабет решила, что не стоит заставлять ее допивать бульон. Она посидела еще немного, но мама больше ничего не сказала. Ее дыхание выровнялось, и она уснула. Или притворилась, что спит. Элизабет тихонько вышла из спальни.

Отец, похожий на огромного нетерпеливого пса, стоял на коленях возле камина и тщетно махал газетой в надежде раздуть пламя.

– Как она? – прошептал он.

– Хорошо, – запнулась Элизабет. – Уснула.

Она пошла на кухню, где уже был накрыт стол для праздничного ужина. На именных карточках нарисованные снегири держали в клювиках вырезанный из бумаги остролист, три самодельные фигурки Санта-Клауса поддерживали свернутые салфетки, по столу разложены зеленые веточки и плющ. Элизабет села и уставилась на тарелку с консервированной солониной и тремя кусочками курицы, за которой она четыре часа отстояла в очереди.

Готовя рождественский обед, она чувствовала себя на все пятьдесят.

Дорогая Эшлинг,

я собиралась написать, но у меня все так запутанно и ужасно, что только про свои проблемы и думаю. Сначала про тебя... помнишь, как тебе спускали все с рук, когда ты притворялась, что занимаешься делом? Если раньше получалось, то почему бы не попробовать снова? Или, может, стоит поговорить с сестрой Катериной и заключить мир? Ну или сделать то, что они хотят, и на пару семестров забыть про все, кроме учебы? Тогда ты станешь первой в классе, все будут в восторге и оставят тебя в покое.

Боюсь, первый вариант не сработает. Может, мы теперь слишком взрослые, чтобы нам хоть что-то спускали с рук, а может, монахини переживают за результаты экзаменов. На твоём месте я бы договорилась со старушкой Катериной. Честное слово, она хорошая, хотя ты никогда в это не верила. Она гораздо старше других монахинь и очень одинока. Она живет ради учеников и была бы счастлива, если бы ты поговорила с ней начистоту. Правда, я не думаю, что ты захочешь. Тогда остается только последний вариант: выложиться до предела, как говорят. Посмотри на это как на состязание: ты им покажешь, ты им докажешь, как они в тебе ошибаются! Я действительно думаю, что ты способна переплюнуть весь класс. Моника (не кошка!) спрашивала про тебя, и я сказала ей, что ты способнее всех в нашей лондонской школе, а она не верит,

считает, что я такая умная. А я не умная, я просто затыкаю уши и зубрю.

Пожалуйста, держи меня в курсе развития событий. Было бы так здорово, если бы ты писала каждый день. Хотела бы я писать каждый день... Иногда прошлое кажется таким далеким, но, когда я читала про Морин и Брендана Дейли (конечно, я помню его, он такой противный), все снова всплывает в памяти. Морин уже помолвлена? Они и правда теперь ваши родственники? Пожалуй, нам следует быть предельно вежливыми и не говорить про них ничего плохого, а то вдруг Морин выйдет замуж в их семью. Не могу поверить, что он ей нравится! Морин могла бы заполучить любого парня!

Я все болтаю про Морин, чтобы отложить следующую часть.

Дома просто тихий ужас. На Рождество мама слегла и не вставала с постели десять дней. У нее был бронхит и грипп, она совсем ослабела и походила на призрака. И все время о чем-то переживала. Мне кажется, она собирается от нас уйти. Только, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, не говори тетушке Эйлин! Может, я ошибаюсь, и она просто очень сильно болела. Но она постоянно извинялась за то, что все получилось не так, как следовало, как будто чему-то пришел конец.

Я думаю, что отец тоже все знает, но не признается. Когда я предлагаю что-нибудь сделать вместе, что-нибудь веселое, чтобы порадовать маму, он спрашивает: какой в этом смысл? Ты не представляешь, какой кошмар здесь творится. Они ходят по дому и извиняются, если оказались в одной комнате. Нет, не смейся, так оно и есть на самом деле. В Килгаррете подобное и вообразить невозможно, там все всегда бегает из комнаты в комнату, но здесь нас всего трое, и я сижу с книжкой и делаю вид, что не обращаю на них внимания.

Ты не могла бы помолиться, чтобы все разрешилось благополучно? Ты, наверное, уже поняла, что я как бы отказалась от католической веры. Не знаю, действительно

ли я когда-нибудь считалась католичкой, ведь ты запрещала мне ходить на исповедь и причастие, но теперь и того не осталось. Пожалуйста, помолись, чтобы мама не ушла к мистеру Элтону, и попроси всех в школе помолиться с намерением. Я знаю, ты никому не скажешь. Мистер Элтон невероятно милый, именно он снял ту дурацкую фотку, подарок для вас. Он вечно смеется и шутит. А теперь, когда мама чувствует себя лучше, она часто с ним видится, и я боюсь, что они собираются быть вместе. Порой, приходя из школы, я вижу на столе записку от мамы о том, что она может вернуться поздно. А мне страшно, что когда-нибудь там будет написано еще что-нибудь.

Возможно, я ошибаюсь. Помнишь, как мы все думали, что Имон утонул в реке, а он просто пошел домой другой дорогой? Вот примерно такой у меня страх.

Твоя Элизабет

Гарри сказал, что из вранья ничего хорошего не выйдет. И нет ничего плохого в том, чтобы влюбиться, и теперь Вайолет пора перестать их обманывать и все им рассказать. Она должна прямо и честно признаться Джорджу и объяснить все Элизабет. Объяснить, что нет причин для обид и обвинений.

Ах, если бы все было так просто! Жена Гарри, давно исчезнувшая из поля зрения, жила где-то на западе Англии с новым мужем и не представляла проблем. Детей у Гарри нет. Он только обрадуется, если Элизабет захочет с ними жить. Он собирался открыть новый бизнес, и на втором этаже над помещением будет их квартира, где вполне хватит места для девочки.

Вайолет решила признаться за день до шестнадцатого дня рождения Элизабет и знала, что муж и дочь это предчувствовали. Майское солнце ярким пятном горело на поверхности стола и на беспокойных руках Вайолет, которые никак не находили себе места, пока она говорила.

Отец молчал. Просто сидел, опустив голову.

– Джордж, прошу тебя, скажи что-нибудь! – взмолилась Вайолет.

– Что тут скажешь? Ты ведь уже все решила.

– Папа, не дай ей уйти, скажи что-нибудь, покажи маме, что ты хочешь, чтобы она осталась, – умоляла Элизабет.

– Мама и так знает, что я хочу, чтобы она осталась.

– Папа, не будь таким слабаком! Сделай что-нибудь!

Джордж поднял голову:

– Почему именно я слабак? Почему именно я должен что-то говорить и делать? В чем я виноват? Я, как все, тянул свою лямку. И вот до чего дошло.

– Но, Джордж, нам нужно поговорить, обсудить, как поступить, как действовать дальше.

– Делай что хочешь.

Элизабет встала:

– Если вы хотите обсуждать дальнейшие действия, как на войне, то я вам тут только помешаю. Я пойду наверх и спущусь, когда вы закончите.

Джордж тоже встал:

– Что тут обсуждать? Вайолет, ты можешь делать что хочешь и поступать как вздумается. Я полагаю, ты хочешь развод, но ты же не предлагаешь мне дать для него основания?

– Нет, конечно...

– Прекрасно, тогда, как только все будет готово, найди поверенного, чтобы написать письмо...

– Но, Джордж...

– О чем тут еще разговаривать? Я пойду прогуляюсь. Вернусь к чаю.

– Но, папа, ты не можешь просто уйти, какая прогулка, вы ведь ничего не решили...

– Джордж, а что насчет Элизабет? Что мы будем делать? Ты... я имею в виду...

– Элизабет уже взрослая девочка, ей почти шестнадцать. Она может уйти с тобой, или остаться здесь, или жить на два дома... Я полагаю, у вас будет дом? Твой друг ведь не думает, что ты будешь жить с ним в его фургоне? – Джордж дошел до входной двери. – Я вернусь к чаю, – повторил он и закрыл за собой дверь.

Вайолет и Элизабет переглянулись.

– Жаль, что папа такой слабак. Он тебя немного побаивается, вот в чем дело, – сказала Элизабет.

Вайолет открыла рот, но горло перехватило под наплывом эмоций. Она подошла к дочери и взяла ее за руку:

– Ты меня понимаешь?

– Да, мама, кажется, понимаю, – вздохнула Элизабет. – Это ужасно, но я думаю, что понимаю. И не переживай так. Если причина твоего ухода к мистеру Элтону в том, чтобы дышать полной грудью, радоваться жизни и все такое, то какой смысл чувствовать себя виноватой и несчастной?

– Я ведь не за тридевять земель уезжаю! Тут совсем рядом. Ты будешь ко мне приходить? Гарри хочет, чтобы ты приходила, и я тоже. Очень хочу.

– Нет, мама, я не могу. Кто-то ведь должен позаботиться о папе. Если я буду приходить к тебе часто, то я... – Голос Элизабет дрогнул.

– Что, милая? – Вайолет смотрела на нее, пытаясь помочь найти слова.

– Я... я просто подумала, может, все так получилось, потому что я уехала? Если бы я осталась здесь во время войны, может, вы с отцом чувствовали бы себя семьей? У вас было бы что-то общее, что связывало вас...

– Бедная моя девочка! – Вайолет обняла дочь, прижала к себе и покачала в объятиях, зарывшись лицом в ее светлые волосы. – Милая, все эти бессмысленные годы, когда мы с твоим отцом делали вид, будто живем как нормальные люди, ты была единственным, что придавало жизни смысл. Ты – единственное, что хоть как-то оправдывает все ошибки, которые мы совершили за семнадцать лет, и Джордж тоже так думает. Если ты начнешь винить себя, то это станет последней каплей.

Мама сидела и говорила еще целый час про одиночество и возраст, про страх сойти в могилу, так и не почувствовав вкус жизни. Говорила про войну и бомбежки, про людей, начинавших жизнь заново. Неловко упомянула, что Джордж может найти хорошую женщину, которая будет разделять его интересы. А потом, к ужасу Элизабет, пошла наверх собирать вещи.

– Мама, ты уходишь прямо сейчас! – закричала Элизабет.

– Милая, ты же не думаешь, что я приготовлю ужин и буду разговаривать с твоим отцом как ни в чем не бывало после того, как призналась ему в измене и желании уйти?

– Нет, конечно не думаю...

Глава 7

...Да ладно, хватит извиняться за кляксы и кривые строчки и как ты не можешь подобрать слова. Просто скажи что-нибудь! Ведь ты всегда говорила мне: самое главное – сказать хоть что-нибудь, а не ждать, пока будешь точно знать, что говорить, думая, что так будет правильно. Теперь я следую твоему совету. Ну так и ты тоже следуй!

Ты представить себе не можешь, что здесь творится. Если бы ты могла вообразить хотя бы капельку происходящего, то потеряла бы дар речи. Спасибо, что пишешь мне и надеешься, что, возможно, они еще как-то помирятся, но все совсем не так. Это ничуть не похоже на то, как дядюшка Шон и тетушка Эйлин кричат друг на друга, так как они ругаются максимум один вечер. И в любом случае всегда разговаривают друг с другом после ссоры, а еще там вся семья: вы, и дом, и лавка, и все остальное. А здесь нет ничего, только они вдвоем, и оба повторяют мне, что я уже взрослая.

Ох, как бы мне хотелось остаться в Килгаррете! Вот если бы я нашла там работу после школы или помогала тетушке Эйлин с бухгалтерией, или по дому, или еще что-то. Тогда, возможно, они бы сдерживались до моего возвращения домой. Видишь ли, самое ужасное, что они оба говорят мне, какая я благоразумная и все понимаю... а я ничего не понимаю! И никакая я не взрослая. Если бы только они могли это понять... Мистер Элтон настаивает на том, чтобы я называла его дядя Гарри. Я ответила ему, что он мне не родственник и, при всем уважении, «дядя» звучит как-то неестественно. Так ему и заявила.

А он ответил, что в Ирландии я звала дядей и тетей совершенно незнакомых людей и в итоге все замечательно получилось. Я возразила, что там совсем другое дело, я ведь жила с ними, стала членом семьи. Я там треть своей

жизни провела! Специально подсчитала, да. Тогда он сказал: «Элизабет, мы с твоей мамой надеемся, что ты будешь жить с нами, причем бóльшую часть времени, а потому не слишком ли формально называть меня мистером? Я ведь не зову тебя мисс Уайт».

Я растерялась и ничего не ответила.

«Вот и молодец», – произнес он, решив, будто я размышляю над его предложением. Но я чувствую, что назвать его дядей Гарри будет как-то обидно для папы. Словно я сдаюсь и он выиграл у папы.

Сам папа всегда называет его «друг-твоей-мамы-мистер-Элтон». Мама ушла жить в меблированные комнаты, то есть она говорит, что живет там, но как-то уж слишком странно. За проживание она платит совсем немного, поскольку помогает хозяйке. Я ходила туда во вторник и нашла маму в отвратительной вонючей комнатухе, заполненной грязным постельным бельем, которое мама разбирала для стирки. Вонь там невероятная. Я сказала маме, что не могу поверить, до чего она дошла, а она ответила, что у женщины должно быть чувство собственного достоинства, что она не может сидеть дома и ждать, пока отец не решится на развод, продолжая жить на его средства; ей нужно самой себя обеспечивать.

Тогда я спросила, почему она не ушла жить к мистеру Элтону, ведь в конце концов именно так и произойдет. Она ответила, что это вопрос чести и репутации. Я сказала, что мама Монике уже все знает, хотя я ничего не говорила Монике. А мама ответила, что я не понимаю юридические термины «честь» и «репутация».

Иногда она говорит какие-то безумные вещи, как бедняжка Джемми в лавке, но в основном ведет себя словно какой-нибудь юнец, который ввязался в опасную авантюру. Я не виню отца за его надежды, что вскоре тучи просто рассеются, хотя вижу, что никуда они не рассеются. Пожалуйста, напиши мне, а то я тут с ума сойду, если

продолжу высиживать молчаливые ужины с отцом, от которых волосы дыбом и в голову больше ничего не лезет.

Что говорит тетушка Эйлин?

Целую,

Элизабет

Дорогая Элизабет,

сегодня утром получила твое письмо. Мама дала мне его, когда я спускалась по лестнице. Ты не поверишь, но почтальон все так же приходит на кухню обжиматься с Пегги. Ты только подумай, им уже почти сто лет, а он все еще никак не уймется! Мама с них глаз не спускает. Кстати, она дала мне конверт с маркой и сказала, что положила туда записку для тебя. Мама, наверное, мысли читает, совсем как гадалки, иначе откуда бы ей знать, что ты просила написать ответ как можно быстрее?

Я думаю, тебе следует называть его Гарри. Без всяких предисловий. Забудь все глупости про дядей и мисс, и если они думают, что ты уже взрослая, то и действуй по-взрослому! Это первое.

Второе. Перестань за них переживать, они же никогда не были счастливы. Вот честно, даже когда ты жила с нами, то постоянно рассказывала мне, какие они холодные и колючие друг с другом. Оно бы рано или поздно все равно произошло. Папа прочитал в газете, что половина населения Англии расходится и разводится из-за войны.

К тому же для них ведь развод не грех. Они никогда не венчались по-настоящему в католической церкви, так что там нечего расторгать или аннулировать.

А если твоя мама помолодела внешне и внутренне, так это же замечательно! Разве не к этому все стремятся? Когда мама говорит, что снова чувствует себя девочкой, то всегда имеет в виду что-то хорошее, вроде пикника или пробежки на горку.

Я знаю, что написала мама. Она не запечатала письмо, и поэтому я поняла, что мне позволено его

прочитать, так, может, ты и правда к нам приедешь? Мы бы обсудили эту ситуацию, а еще скоро каникулы, и было бы здорово знать, что ты приезжаешь. Без тебя здесь можно сдохнуть от одиночества. Конечно, я подружилась с Джоанни, и она оказалась гораздо лучше, чем мы думали в прошлом году, но все равно совсем не то же самое, что жить вместе с кем-то и позволять себе говорить все, что думаешь.

Как там твоя подруга Моника (я все еще думаю про кошку Ниам)? Может ли она хохотать с тобой так же, как мы хохотали? Похоже, нет, ведь иначе ты бы рассказала ей и ее маме про то, что у тебя дома происходит.

Слушай, не переживай ты так! В каком-то смысле они правы. Ты действительно уже взрослая. Нам семнадцатый год, и если в таком возрасте люди еще не повзрослели, то когда же они вырастут?

Можешь ли ты разговаривать с отцом на другие темы? Как мы с папаней, когда он начинает бурчать и жаловаться. Нет, пожалуй, с папаней не очень хороший пример. По крайней мере, он не жалуется на то, что маманя сбежала с другим мужчиной. В такое невозможно поверить.

Ты, наверное, в полном отчаянии. Мне безумно жаль! Просто кошмар какой-то! Не могу выразить словами, как я хочу и изо всех сил молюсь, чтобы все наладилось.

А пока тебе надо прямо подойти к нему и назвать его Гарри. Непременно расскажи мне, как он реагирует.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

сегодня письмо будет совсем короткое. Я назвала его Гарри, и видела бы ты его реакцию! Он: «Что?» – а я ему: «Я сказала, нет, спасибо, Гарри». «А-а-а...» – промычал он. «Вы же сами просили меня отказаться от формальностей», – говорю я. «Да, в самом деле, моя

дорогая», – ответил он, но видно же, что он совершенно ошарашен. А потом я назвала его Гарри при папе, и папа засмеялся. И сказал, что я права, именно так и следует называть маминого друга: пижон, он и есть пижон.

Мама тоже осталась довольна и сказала, что всегда знала, что Гарри мне понравится.

Сегодня первый день каникул, я проведу всю неделю у Моники. Тетушка Эйлин предложила мне куда-нибудь уехать из дома, чтобы им было проще поговорить друг с другом. Она считает, что нет особой надежды на то, что они решат остаться вместе, но, возможно, они сумеют договориться о решении официальных вопросов, если им не придется оглядываться на меня. Думаю, она права.

У Моники есть ужасный парень, он ей как бы не совсем подходит, но она от него в восторге. Я поживу у нее, и тогда мы сможем все вместе гулять, а ее мама будет думать, что мы с ней только вдвоем.

Передавай привет всему семейству. Тетушка Эйлин написала, что Доналу стало хуже. Мне очень жаль, я надеюсь, он уже поправился.

Целую,

Элизабет

Дорогая Элизабет,

Донал чувствует себя хорошо, его соборовали, ты ведь помнишь, что это такое? Это когда мажут руки и ноги освященным маслом, так делают только для умирающих. Но он поправился. Иногда соборование вылечивает. Донал выздоравливает, он уже садится в постели и смеется. В его комнате топят камин, хотя на дворе июль.

Джоанни тоже завела себе парня, его зовут Дэвид Грей, он из семьи протестантов. Такой красавчик, но об их отношениях никто не должен знать. Он пишет ей записки и обещает отвезти нас обоих на следующей неделе в Уэксфорд на машине двоюродного брата. В Уэксфорд! На машине! С одним из Греев!

Теперь ты небось жалеешь, что не приехала погостить к нам, вместо того чтобы пожить у Моники? Кстати, почему ты не приехала?

Целую,

Эшлинг

Когда Элизабет вернулась в дом на Кларенс-Гарденс после недели, проведенной у Моники, первым делом ей бросилась в глаза грязь повсюду. Вокруг мусорного ведра на кухне валялись остатки еды, заляпанную плиту покрыла пригоревшая корка, которая въелась в эмаль. Пахло скисшим молоком. Камин в гостиной не вычистили, а пол перед камином усыпан золой, словно в прошлый раз его почистили кое-как. Корзина для белья в ванной стояла открытой, одежда валялась на полу. Мокрые полотенца лежали свернутыми в углу, воняло затхлостью.

Возле кровати отца стоял поднос с остатками завтрака. Молоко в кружке скисло, над джемом вились осы.

За окном виднелся заросший и неприветливый садик: крапива и колючки задушили растения, которые Элизабет помогала посадить весной. В этом году впервые снова разрешили сажать цветы, раньше на участке возле дома позволялось выращивать только овощи.

Элизабет посмотрела на брошенную на пол пижаму отца. Он оставил записку, что ушел на консультацию с юридической компанией, которая занимается делами банка, но, по словам менеджера банка, к ним можно обратиться и по личным вопросам.

Подумать только! Отец сидел за грязным столом на кухне в доме, который выглядит как помойка, и писал про юридическую компанию и личные дела! Он даже посуду в раковину не поставил, не написал, что рад возвращению Элизабет.

Ничего удивительного, что в его жизни сплошная черная полоса.

На Элизабет внезапно нахлынула волна раздражения. Это несправедливо! Совершенно несправедливо! Люди должны оставаться на своих местах. Тетушке Эйлин тоже много чего не нравится, но она же не сбегает из дома! Ей не нравится, как дядюшка Шон отзывается о британцах и войне; не нравятся друзья Имона, которых все называют хулиганами; не нравится, когда Эшлинг огрызается и когда Морин

привозит целую сумку грязной одежды из Дублина, чтобы ее постирали на выходных дома. Ей не нравится, что челка Пегги падает на глаза и что почтальон приходит потискать Пегги, когда никого нет дома. Ей не нравится, когда Ниама закатывает истерики, чтобы добиться своего. Тетушка Эйлин сильно сердится на Донала, если тот выходит из дому без пальто и шарфа или если кто-нибудь заговаривает про безумных ирландцев, которые вступили в британскую армию. Но тетушка Эйлин как-то с этим справляется! Она поджимает губы и с головой уходит в работу. Даже мама Моника Харт, про которую говорят, что у нее «нервы», как-то справляется, если что-то идет не так. Когда мистер Харт вернулся, у них были сложности, но она ведь не собрала чемодан и не бросила их! А подумать только, что чувствовала бедная миссис Линч, мама Берны, когда ее ужасный муж заявился к О'Коннорама и напугал их до смерти, когда его находили пьяным на остановках... и много чего еще. Но миссис Линч ведь не уехала из города!

Мама поступает очень плохо – и очень глупо. А вдруг что-то пойдет не так с Гарри Элтоном? Она ведь не может все время убегать! Ей нужно посмотреть правде в лицо. Монахини всегда говорили, что жизнь не должна быть легкой. Господь дал нам неугомность, чтобы потом, когда мы в конце концов попадем на небеса, мы бы успокоились и познали умиротворение. Похоже, так оно и есть, особенно про неугомность, она присуща всем. Так почему же мама ей поддается, а все остальные как-то справляются?

Элизабет вздохнула, собираясь вскипятить воды и заняться уборкой, но вдруг разозлилась еще сильнее. Отец любил ее не больше, чем маму. Он вообще не способен никого любить, он настолько занят самим собой и собственными проблемами, что даже не замечает присутствия кого-то еще.

Она поставила кастрюлю на место. Долгие месяцы она переживала за него, пыталась утешить, играла с ним в шашки, не упоминала ничего, что могло бы его расстроить, сглаживала углы и старалась поддерживать в доме видимость нормальной жизни. Да только нет тут ничего нормального! Они с мамой терпеть друг друга не могут. Оба говорят, что любят ее, и, надо полагать, желают ей только добра и чувствуют себя виноватыми за то, что все вышло совсем не так, как надеются молодые родители, когда у них появляется ребенок.

И если все в жизни вверх дном, если мама и папа целую неделю решали совершенно ненормальный вопрос о том, должен папа развестись с мамой из-за ее измены или повести себя как джентльмен и съездить в Брайтон с какой-нибудь дамой, притвориться, что провел с ней ночь, чтобы следователь мог сказать, что это отец совершил измену, то что тут вообще осталось нормального!

Элизабет решительно встала. С какой стати она должна притворяться, что все в порядке? Почему она одна из всех должна делать вид, что ничего не случилось? Теперь она поступит так, как ей самой хочется. Похоже, все остальные о других вообще не думают и что хотят, то и творят. Так чего же ей хочется? Именно так и надо будет сделать!

Убегать в Килгаррет неохота. Во-первых, поднимется слишком много шума, будет настоящая истерика, и тетушке Эйлин придется успокаивать маму и папу, которые будут дружно писать, звонить, а то еще и сами в Килгаррет примчатся. К тому же Эшлинг может не обрадоваться приезду подруги, у нее уже свои планы на лето вместе с Джоанни Мюррей, у которой появились новые друзья Греи, живущие за городом в огромном особняке с конюшней. Возможно, отношения с Эшлинг уже не будут прежними, так что не хотелось бы путаться у нее под ногами. В монастыре тоже будут проблемы. Сестра Катерина захочет знать, почему она вернулась, монахини ничего не поймут про развод и уход мамы к Гарри Элтону, а уж почему Элизабет уехала от родителей, им и вовсе никак не объяснить. Дядюшка Шон? Он всегда любил Элизабет; наверное, он скажет, что английская империя совсем дошла до ручки, раз даже браки там распадаются. Но можно ли попросить его оплатить ее проживание? Оно же денег стоит... А отец может рассердиться и не послать ни пенни.

Нет, поездка в Килгаррет навредит слишком многим людям. И толку от нее не будет. Переехать к Хартам тоже нельзя. Они не согласятся, да и как-то странно переезжать из дома на соседнюю улицу, будет слишком много пересудов. С мамой и Гарри она жить не хотела, ведь тогда она как бы одобряет их действия, а это неправда. К тому же они слишком много хихикают и отпускают непонятные для нее шуточки, а потом извиняются. Однако оставаться тут тоже не дело. Она так и будет бесконечно наводить порядок, заботиться об отце,

стараясь его развеселить, а взамен не получая ни любви, ни благодарности.

Элизабет взяла со своего письменного стола блокнот и старательно написала три письма.

Мама, папа и Гарри,

вы все говорите, что желаете мне только хорошего.

Спасибо, я тоже желаю вам всего наилучшего.

Я вернулась в холодный и грязный дом без всяких объяснений с вашей стороны. Это хорошо, по-вашему? Мне кажется, не очень.

Я уйду обратно к Хартам. Скажу им, что поживу у них еще недельку, пока вы определитесь с планами на будущее. Я вернусь в следующую субботу, чтобы посмотреть, к чему вы пришли.

Мне осталось два года учебы в школе, и к концу летних каникул мне нужно будет найти место, где я смогу спокойно жить и учиться, не отвлекаясь на житейские проблемы. Я бы предпочла остаться в Кларенс-Гарденс с отцом, но не желаю убирать этот свинарник, чтобы здесь можно было жить. Если вы решите, что я остаюсь здесь, то, пожалуйста, наймите кого-нибудь для уборки и сообщите, что вы собираетесь делать со стиркой белья в дальнейшем. Я не против готовить для себя и отца, но я собираюсь усердно учиться, и у меня не будет времени стоять в очередях, поэтому нужно что-то решить с покупками.

Простите за столь деловой подход к делу, но меня неприятно поразило и обидело, что никто не задумывается о том, как жить дальше.

Вы все скажете, что я расстроена. Разумеется, я расстроена. Я взяла пятнадцать шиллингов из копилки, потому что собираюсь попросить у Хартов разрешения пожить с ними еще неделю, а значит, следует подарить им что-то. Об этом тоже почему-то никто не задумывается.

Когда я вернусь в три часа дня в следующую субботу, будет здорово, если вы все здесь будете. Не надо ходить к

миссис Харт и обсуждать проблемы там, так вы только хуже всем сделаете.

Эта история тянется уже много месяцев, так что еще одну неделю можно и подождать.

Элизабет

Она нашла три конверта, один адресовала отцу и положила возле грязной бутылки из-под молока. Потом пошла в меблированные комнаты, где жила мама, и оставила второй конверт в дверях. Третий просунула в щелку двери фургона Гарри Элтона, припаркованного возле меблированных комнат. Конверт упал на пол, где Гарри его наверняка увидит. Подтянув сумку на плечо, Элизабет зашагала к дому Хартов. Увидев ее, обрадованная Моника примчалась открывать дверь. Элизабет усмехнулась, подумав, что Эшлинг гордилась бы ей.

В следующую субботу Элизабет проснулась, переполненная ужасом перед предстоящим днем. Поздно вечером в прошлое воскресенье под дверь дома Хартов кто-то подсунул записку, которая звучала столь же бесцеремонно, как и письмо Элизабет.

Ты безусловно права, никто не озаботился решением насущных вопросов, о чем ты нам всем и напомнила. Джордж, Гарри и я будем рады обсудить с тобой планы на будущее в следующую субботу. Можешь заверить Хартов, что к тому времени все проблемы будут решены.

Вайолет

Читая и перечитывая записку, Элизабет почувствовала острый укол боли. Должно быть, она и в самом деле повзрослела, если мама называет отца Джорджем, а себя – Вайолет...

Всю неделю Элизабет рассеянно сопровождала Моника на встречи с не одобряемым родителями парнем. Они часто ходили в кино, где Моника и Колин целовались, пока Элизабет сидела, уставившись на экран. Моника предложила сказать ее родителям, что Элизабет выдала пятнадцать шиллингов на развлечения для них обеих. Миссис Харт решила, что это вполне разумно и даже щедро. Мистер

Харт поворчал и предупредил, чтобы они не задерживались допоздна и не сидели слишком близко в моргающему экрану, а то глаза испортят.

А теперь пришло время идти домой и лицом к лицу встретиться с тем, что там ожидало. Элизабет помыла голову и вышла посидеть в саду, чтобы обсохнуть.

– У тебя очень красивые волосы, – одобрительно заметила миссис Харт, – как шелк.

– Спасибо! А мне кажется, они какие-то бесцветные.

– Да что ты! Женщины специально красятся в такой цвет льна, а тебе повезло, и краситься не надо.

Миссис Харт шелушила горох. Элизабет принялась ей помогать.

– Ты такая услужливая девочка! – воскликнула миссис Харт.

Моника сидела у себя в комнате наверху, читала журнал про кино и продумывала сложный план по организации свидания с Колином на следующей неделе.

– Мне всегда проще найти общий язык с чужими мамами, чем со своей, – вздохнула Элизабет.

– Мы все такие, – подбодрила ее миссис Харт. – Так уж жизнь устроена. Если видишься с кем-нибудь слишком часто, то начинаешь испытывать к нему отвращение. Моника меня терпеть не может, мистер Харт меня ненавидел бы, если бы не проводил столько времени вне дома. Людям не следует постоянно быть вместе, ни к чему хорошему оно не приводит.

– Как-то грустно от такой жизни, разве нет? – Элизабет застыла с наполовину раскрытым стручком, из которого вот-вот посыплется горошины. – Какой смысл любить, зачем нужны семья и друзья, если устаешь от частого общения с ними?

– Может, и печально, но так и есть... Подумай сама: разве сегодня ты не увидишь подтверждение этого у себя дома?

Перейдя улицу, Элизабет подошла к дому номер 29 на Кларенс-Гарденс и заметила, что палисадник стал гораздо аккуратнее, чем в прошлый раз. У нее был ключ, но она решила позвонить, чтобы не застать их врасплох. Часы показывали уже десять минут четвертого, она нарочно задержалась. Явиться вовремя выглядело бы как-то совсем уж по-деловому. При виде припаркованного возле ворот фургона Гарри Элтона Элизабет почувствовала, как сердце кувыркнулось в груди.

Отец открыл дверь:

– Добро пожаловать домой, дорогая. Как поживают Харты?

– Прекрасно! – ответила Элизабет.

Оставив сумку в прихожей, она повесила школьную куртку на вешалку и, бросив быстрый взгляд вокруг, убедилась, что в доме навели порядок. Ковер подмели, пол помыли. Уже хорошо.

На кухне, напряженные и неуклюжие, сидели мама и Гарри. Впервые после того, как закрутилась эта история, они чувствовали себя неловко и смущались.

– А вот и ты! – с наигранной радостью воскликнул Гарри.

Мама встала, стискивая в руках носовой платок, как она всегда делала в расстроенных чувствах.

– Прекрасно выглядишь, дорогая, замечательная прическа!

– Спасибо, мама! Привет, Гарри! – Элизабет так привыкла всем угождать, притворяясь, будто все в порядке, что чуть снова не покатила по накатанной колее.

Пришлось взять себя в руки, чтобы держаться отстраненно, а не суетиться, сглаживая все углы. Она стояла посреди комнаты, ожидая, что они будут делать дальше.

Первой заговорила мама:

– Мы чай заварили. Он немного остыл, может, заварим свежий? –

Она чувствовала себя не в своей тарелке, ведь теперь она не хозяйка на этой кухне, и посмотрела на мужа. – Джордж? Как ты думаешь?

– Не знаю... Элизабет, как насчет чашечки чая? – вежливо спросил он.

– Нет, спасибо, мы недавно поели у Хартов. – Элизабет вновь передала им инициативу, нечего чаи гонять, бестолковая суета ни к чему не приведет.

– Ну, я тут и сам в гостях, но, может, присядешь? – предложил Гарри.

Мама посмотрела на него испуганно, а отец – раздраженно.

– Спасибо, Гарри, – ответила Элизабет и села на предложенный стул.

Все молчали.

– Как там Моника? – поинтересовалась мама.

– У нее все хорошо.

Отец откашлялся:

– Мы всю неделю обсуждали... гм... мы подняли вопросы, которые следовало поднять и... гм... как ты и хотела, мы все собрались здесь. Вот... – Джордж осекся.

– Да, папа, – невозмутимо посмотрела на него Элизабет.

– И будет справедливо, чтобы ты тоже приняла участие в дискуссии и... гм... высказала свое мнение... по поводу того, что мы обсудили...

Элизабет промолчала.

– Нам пришлось нелегко, – начала мама. – Когда-нибудь ты и сама поймешь, что важные вещи в жизни обсуждать сложно, они накладывают отпечаток на все остальное. Однако ты совершенно верно указала нам, что мы упускали из виду разные мелочи. В общем, мы пришли к такому решению. Твой отец весьма любезно предоставит мне свидетельства и позволит с ним развестись. Он согласен, поскольку именно так и следует поступить джентльмену. Я не заслуживаю подобного великодушия, ведь, как ты знаешь, виновата именно я. Взамен я не стану просить у твоего отца ни раздела имущества, ни компенсации. Мы с Гарри начнем все с нуля, как если бы я была девушкой без приданого. Я заберу свою одежду, немного посуды и часть мебели. Твой отец наймет домработницу, которую я найду, чтобы она приходила дважды в неделю, стирала и делала уборку. Я уже убрала всю кухню, все шкафчики, записала, какие продукты мы обычно покупаем... покупали. Вот список.

Элизабет одобрительно оглядела кухонные шкафчики, которые даже сверкали свежей краской.

– Гарри перекопал участок. Если твой отец не захочет ничего сажать сам, то может сдать его кому-нибудь. Сейчас многие так делают. Там есть задний вход, так что тебе никто не мешает...

– Поживем – увидим. Возможно, папе понравится огородничать, раз уж вся тяжелая работа сделана, – сказала Элизабет, глядя из окна на аккуратные, расчищенные от сорняков грядки. Похоже, Гарри всю неделю пахал в огороде.

– Я раздобыл мазутную печку для твоей комнаты, – сообщил Гарри. – Вайолет сказала, что тебе нужно спокойное место для учебы, чтобы Джордж не мешал тебе, когда слушает радио.

– Как мило! – ответила Элизабет.

– А я нашел для тебя книжную полочку в лавке старьевщика. Она как раз поместилась возле окна, – нетерпеливо вставил отец.

– Спасибо.

– Шторы тоже новые, – добавила мама. – Очень повезло, что размер совпал. Как раз меняли шторы в семейной гостинице, где я живу, так что я воспользовалась возможностью. Они синие, под цвет покрывала на кровати...

– Большое спасибо.

Все замолчали.

– Милая, тебя все устраивает? Я имею в виду, мы сейчас обсуждаем всякие мелочи, но ты же понимаешь, на данный момент это основное, – сказала мама.

– Да, мама, меня все устраивает.

– Твоя мама подразумевает, что хочет знать, останешься ли ты жить здесь со мной, или у тебя другие предпочтения, – объяснил отец.

– Я останусь с тобой, папа, если ты не возражаешь. И если мы оба будем соблюдать чистоту и не требовать слишком многого друг от друга, то я уверена, что мы прекрасно уживемся вместе. Я думаю, тебе следует чаще выходить из дому по вечерам. Встречаться с людьми, играть в карты. По вечерам я не смогу составить тебе компанию, мне придется учиться, а тебе будет скучно, если ты будешь все время сидеть дома.

– Да-да, конечно!

– Мама, вы с Гарри будете поблизости? Вы хотите временами нас проведывать?

– Нет, милая, я как раз собиралась сказать... Мы с дядей Гарри... я имею в виду, мы с Гарри подумываем уехать на север. Ты в любом случае можешь приезжать к нам в гости. Как только захочешь повидаться, только скажи, и мы тут же купим тебе билеты...

– Да даже говорить не придется! – вставил Гарри.

– И наш дом всегда открыт для тебя, но по многим причинам, если ты не обидишься, мы подумали... – (Элизабет выжидательно смотрела на мать, не пытаясь закончить предложение за нее.) – Мы подумали, что... лучше начать все сначала... с нуля... с чистого листа... – Она нерешительно замолчала.

– Как я уже говорил, – вмешался Гарри, – ты только попроси, да даже просить не надо, как только мы устроимся, можешь приезжать в

любой момент. Наш дом будет твоим домом точно так же, как этот.

Отец хмыкнул, а может быть, кашлянул.

– Спасибо, – ответила Элизабет.

– Тогда на этом все, я думаю, – сказал отец. – Если, конечно, у тебя нет других предложений.

– Нет, меня все устраивает, – ровным голосом заявила Элизабет. – Полагаю, мы решили все вопросы. Вы уже все обсудили между собой? Я имею в виду, вам больше ничего не нужно прояснить на счет условий, денег, развода и всего остального? – Она говорила так, словно речь шла о списке покупок: деловито, без эмоций, с готовностью помочь.

– Нет, я думаю, что эту сторону вопроса...

– Мы полностью обсудили, – закончил отец за маму.

Она слегка улыбнулась ему, и он тоже почти улыбнулся в ответ. Сердце Элизабет едва не разорвалось на части. Ну почему они не могут продолжать улыбаться друг другу? Вот бы все рассмеялись, а Гарри Элтон сел в машину, помахал на прощание и уехал! Как было бы здорово!

Однако ничего подобного не случилось. Мама взяла сумочку и перчатки, гордо оглядела кухню, которую привела в порядок, чтобы оставить с чистой совестью. Гарри ущипнул герань на подоконнике:

– Элизабет, не забывай их как следует поливать. Герань пьет воду как не в себя.

Отец стоял в прихожей, вежливо придерживая дверь для мужчины, который увозил его жену. Элизабет подошла к фургону.

– Я напишу на следующей неделе, – сказала мама.

– Отлично! – ответила Элизабет.

– Элизабет, ты ведь знаешь, в нашем доме, какой бы он ни был, всегда будет комната для тебя. Мы даже шторы синие там повесим, – пообещал Гарри.

– Конечно знаю. Спасибо, Гарри. – Элизабет пожала ему руку.

Он обхватил ее за локоть и явно хотел обнять, но не осмелился...

Мама не посмотрела на входную дверь, чтобы проверить, стоит ли там отец.

– Мне ужасно жаль, что все так обернулось... – В ее глазах стояли слезы, и выглядела она совершенно потерянной и в то же время

гораздо моложе своих лет. – Если бы ты только знала... я так хотела, чтобы все сложилось бы по-другому...

Элизабет вздохнула. Мама сморгнула слезы:

– Довольно разговоров, все остальное в письме напишу. Моя милая Элизабет, всего тебе наилучшего!

– До свидания, мама! – Элизабет прикоснулась щекой к тонкой маминой щеке, и дрожащая Вайолет стиснула дочь в объятиях. – Напиши все в письме. Так будет лучше.

Мама молча села в фургон и помахала.

Они уехали.

Отец стоял возле кухонного стола.

– Посуду после еды будем мыть по очереди, – сказала Элизабет. – Ты помой сейчас, а я – после ужина. Я пошла к себе.

Элизабет удалось продержаться достаточно долго, чтобы выйти из кухни, схватить в прихожей принесенную от Хартов сумку и взбежать по лестнице. Едва закрыв дверь, она бросилась на кровать, застеленную новым синим покрывалом, и запихала в рот наволочку с кружевными оборками, чтобы заглушить рыдания.

Она плакала, пока не засадило в горле, не заболели ребра и не заложило нос настолько, что она едва могла дышать. Если бы не наволочка во рту, в доме звучал бы долгий одинокий вой.

* * *

Эшлинг считала, что Элизабет просто невероятная: сначала она так волновалась, что с родителями что-нибудь случится, а когда оно случилось, то вела себя как ни в чем не бывало. Написала совершенно спокойное письмо, где в основном рассказывала про новые шторы и свежеевыкрашенные шкафчики на кухне, а не про переживания человека, оказавшегося между разведенными родителями. Маманя строго-настрого запретила Эшлинг болтать про это.

– Разве нельзя сказать Джоанни? Ну пожалуйста! – умоляла Эшлинг. – Видишь ли, я держала ее в курсе дела до того момента, как Элизабет назвала мистера Элтона «Гарри», как я и предложила, поэтому Джоанни захочет знать, что же случилось потом! Несправедливо рассказать историю и не довести ее до конца.

Маманя рассмеялась и согласилась, но запретила говорить про проблемы Элизабет с остальными. Если вдруг Элизабет приедет погостить, то вряд ли ей понравится, что весь город в курсе ее семейных дел.

– Ты думаешь, она когда-нибудь вернется? – Эшлинг очень этого хотелось, вот только лучше бы Элизабет приехала совсем скоро, иначе слишком много всего произойдет, замучаешься все объяснять. – Может, она приедет и снова пойдет здесь в школу в сентябре?

Маманя так не думала. Она предложила такой вариант в письме, но Элизабет ответила, что дома и так все плохо, а если она оставит отца одного, то будет только хуже.

– Вот уж не знаю, почему она тебе подобные вещи пишет, – недовольно пробурчала Эшлинг. – Мне она только про синие шторы написала.

– И мне написала... – На лице Эйлин появилось озабоченное выражение. – Мне кажется, она сильно расстроена... хотя они и привели дом в порядок, но не по той причине, по какой следовало бы...

– Маманя... – нерешительно начала Эшлинг, – а миссис Уайт... ну... мама Элизабет... считается ли, что она совершает смертный грех, живя с мистером Элтоном? Я знаю, она не католичка, но ведь вы вместе учились в католической школе... и ее крестили... и, может, она грешит...

Маманя, державшая в руках кухонное полотенце, бросилась к Эшлинг и принялась стегать ее по ногам полотенцем:

– Пойди прочь, глупая девчонка! Не морочь мне голову грехами! Только и слышишь что грех да грех... что за ерунду вы все болтаете!

Однако маманя смеялась. Кто-то нарушил клятву супружеской верности, а она смеется... Маманю иногда понять невозможно...

* * *

– Интересно, где они этим занимались? – размышляла Джоанни, пока они с Эшлинг втирали вазелин в ресницы узкими кончиками расчески, поднимая их вверх.

– Занимались чем? Ты про кого? – Эшлинг старалась изо всех сил, но ресницы никак не заворачивались вверх. – В лучшем случае мне удастся сделать их похожими на зубцы. Почему у тебя загибаются? Более мягкие или что?

– Мне кажется, мои ресницы сами склонны загибаться, такое у меня ощущение. – Довольная Джоанни разглядывала результаты своих стараний в зеркале. – Нет, я говорила про ту пару, про маму Элизабет и ее мужчину... Где они занимались любовью?

– Я как-то даже и не задумывалась. Может, у него дома?

– Так ведь у него нет дома! Он в меблированных комнатах живет. Они не могли туда пойти. Может, они снимали номер в гостинице на вечер.

Эшлинг задумалась.

– Насколько я знаю, если поселился в гостинице, то должен там жить. Не думаю, что можно уйти после обеда и сказать, что тебе достаточно. Возможно, они ничего такого и не делали, а просто держались за руки и обжимались.

– Не болтай глупостей! – рассердилась Джоанни. – Конечно делали! Иначе откуда бы взялась измена и все такое? Обжималки на измену не тянут. В любом случае понятно же, что женщина не уйдет к другому мужчине, если не занималась с ним любовью.

С такой точкой зрения Эшлинг не могла согласиться. Она отложила зеркальце и обняла колени, сидя на постели Джоанни. Оглядела большую комнату с окнами в пол. Дом Мюрреев считался одним из лучших в Килгаррете. Когда она шла к ним, Имон всегда говорил: «Ну что, в гости к своим друзьям Рокфеллерам идешь?»

– Джоанни, думаю, ты не права, – серьезно сказала Эшлинг. – Похоже, тебе кажется, что у большинства только одно на уме, но далеко не все люди такие. Мы с Элизабет считали, что могли бы всю жизнь без секса обойтись...

– Ой, да когда это было! Спорим, что сейчас ваше мнение изменилось!

– Нет, мое не изменилось! – с жаром ответила Эшлинг. – Я действительно так считаю. По-моему, все просто болтают об этом, делают из мухи слона, а на самом деле оно никому не нравится. Люди хотят любви. А не заниматься любовью.

– Так ведь это то же самое! – Джоанни озадаченно посмотрела на подругу. – Разве ты не слышала, как сестра Катерина говорила, что любовь есть высшее выражение «этого»... или, наоборот, «это» есть высшее выражение любви... Помнишь, мы едва не задохнулись от смеха, пытаясь сохранить невозмутимое выражение лица на уроке? Цирк, да и только!

– Сестра Катерина ни разу не говорила про «это»! – Эшлинг и представить себе не могла подобные разговоры.

– Ну, она другие слова использовала... что-то там про высшее наслаждение супружеской жизни, результатом которого является рождение детей... Если она имела в виду не постельные дела, тогда что?

– Ах да, вспомнила. Но если честно, я думаю, что людям нужна именно любовь, ведь о ней все песни, и фильмы, и стихи, а не про постель.

– Но ведь заниматься любовью прекрасно! – заявила Джоанни.

– Тебе-то откуда знать? Ты всего лишь от других слышала!

– Ну-у-у... Дэвид занимался.

– Да ладно!

– Он так говорит.

Ничего себе новости!

– А он рассказал, как оно? – Взбурдаженная Эшлинг чуть не упала с кровати.

– Говорит, что заниматься любовью – неопишное удовольствие... и что мне понравится! – Джоанни была чрезвычайно довольна собой.

– «Неопишное удовольствие» – всего лишь пустые слова! Из них ничего не понять. И конечно, он хочет, чтобы ты думала, что тебе понравится, ведь тогда ты с ним пойдешь до конца...

– И тогда мы в любом случае узнаем, каково оно! А не будем сидеть и гадать, – дерзко заявила Джоанни.

– И то правда... Но разве ты не против?

– Я только за!

И они покатались со смеху.

– Тогда действуй! О чем тут еще думать? – поинтересовалась Эшлинг.

– А почему я? – Джоанни не вдохновила идея стать первопроходцем.

– Ну ты мозги-то включи! Как я могу с кем-то переспать? Нельзя же постучать кому-нибудь в дверь и сказать: «Привет, я Эшлинг О’Коннор, и моя подруга Джоанни Мюррей хочет, чтобы я попробовала половой акт с кем-нибудь, прежде чем она наберется храбрости заняться любовью с Дэвидом Греем, так что можно мне войти и давайте разденемся?»!

– Да я не в этом смысле...

– А что еще я могу сделать? Это у тебя есть парень, это твой парень говорит, что тебе понравится, и это тебе чешется попробовать. Я тут только в роли болельщика.

– Я никогда не рискну! Пустая болтовня, и ничего более. Я с ума сойду от страха забеременеть. В любом случае Дэвид предлагает лишь потому, что ожидает отказа. Никто в здравом уме не согласится же!

– Думаешь, он тебя бросит, как только получит свое?

– Ну да. И еще, как он сможет мне потом доверять? Если я пересплю с ним, то почему бы мне не переспать с кем-нибудь другим? Он непременно так и подумает.

– В таком рассуждении наверняка должна быть ошибка, – сказала Эшлинг. – Иначе как бы кто-то вообще встречался с кем-то, если все так считают?

– Глупая, сначала ведь женятся, а потом уже можно, – уверенно заявила Джоанни.

– А как насчет того «неописуемого удовольствия»? С кем-то же он занимался любовью...

– Он ездил на каникулы на юг Глостершира. Там все это делают. Похоже, там все по-другому, совсем не так, как здесь.

– Тогда почему он не попробовал со многими, раз уж там все спят со всеми?

– Эшлинг О’Коннор, ты намеренно придираешься к словам! С тобой невозможно разговаривать! – разозлилась Джоанни.

– Да мне просто любопытно! – запротестовала Эшлинг. – Почему все думают, что задавать вопросы ненормально? Что тут такого-то?

Семья Джоанни охотно приглашала Эшлинг в гости, считая ее умной и забавной девочкой. За столом у Мюрреев Эшлинг блистала остроумием и вызывала веселье, тогда как то же самое поведение дома, по мнению мамани, Имона и Морин, выглядело эгоистичным и показушным. Впервые в жизни Эшлинг начала понимать, что в доме Мюрреев ее считали такой изюминкой, а в собственном доме она всем приелась. Возможно, все в Килгаррете так любили Элизабет, потому что она была изюминкой, а когда она вернулась домой, то там вышло черт знает что.

Хорошо хоть к Мюрреям можно пойти, а то дома тоска зеленая. Маманя так испугалась за Донала, когда он болел, что теперь стоит ему кашлянуть, как она оглядывается на него, хотя вида не подает.

Тот день, когда отец Карни приходил проводить соборование, показался сплошным кошмаром. Сначала пришла монахиня, чтобы подготовить Донала и комнату к таинству. Папаня дико разозлился и заявил, что монахини вечно везде лезут, делать им больше нечего, зачем готовить к чему-то ребенка вроде Донала? Во время соборования маманя держала Донала за руку и улыбалась. Пегги плакала в дверях, и маманя сказала, что, наверное, у Пегги простуда, ей следует пойти посидеть у камина, а не стоять на сквозняке. Отец Карни объяснил, что соборование может привести к двум результатам: или вернет здоровье и силы, или утешит больного и даст легкую смерть. Имон буркнул что-то про беспроигрышную ставку, так маманя его потом чуть не убила и велела держать свои языческие верования при себе, подальше от спальни Донала.

В любом случае Доналу полегчало. Теперь ему следовало побережиться, чтобы снова не схватить воспаление легких, и, похоже, маманя считала, что пневмония, как коварный враг, все время караулит за дверью в ожидании возможности ворваться внутрь.

Эшлинг казалось очень странным, что Господь постоянно посылает неудачи тем, кто менее всего способен вынести удары судьбы. В конце концов, Шон не был злодеем, он был хорошим парнем, который верил в правое дело, а Господь позволил, чтобы его разорвало на кусочки. Донал самый милый в семье, а Господь дал ему астму и к тому же посылает воспаление легких, которые и так слабенькие. Морин и Имон такие противные, но оба здоровы как быки. У Господа вообще нет понятия о справедливости! Маманя так много

работала, ночами не спала, а получила взамен отпуск или красивую одежду? Нет. Эшлинг и сама весь год вкалывала в школе, как раб на плантациях, и что в результате? Где хоть какая-то награда или благодарность? Все, что она получила, – это признание сквозь зубы, что она наконец-то взялась за ум и хотя бы попробовала нагнать упущенное.

Миссис Мюррей сказала, что в Священном Писании есть фраза «кого любит Господь, того наказывает», и они в конце концов нашли эти слова, и тогда Эшлинг заявила, что Господь наверняка просто без ума от нее, потому что наказывает ее с утра до ночи – уродливыми волосами, прямыми ресницами и чертовыми монахинями! Миссис Мюррей и Джон, брат Джоанни, изучавший богословие, долго смеялись, и Эшлинг повторила реплику дома в надежде развеселить маманю. Маманя ответила, что это богохульство и что Эшлинг все больше скатывается к игре на публику.

Эшлинг нравилось болтать с Джоном Мюрреем, когда он временами приезжал домой из семинарии на уик-энды. Он рассказывал им некоторые вещи про обучение, которые следовало держать в секрете. Джоанни и Эшлинг с круглыми глазами слушали про уроки по этикету, как будущих священников учили вести себя за столом, пользоваться ножом и не запихивать еду в рот руками. Эшлинг решила поделиться его рассказами дома, но, как обычно, вызвала не хохот, а недовольство.

– Этот мальчишка Мюррей и так уже олух царя небесного, раз решил податься в священники, вместо того чтобы получить свою долю огромного семейного дела, а если еще и болтает про то, какие они там все дурачки, то и вовсе болван, – сказал папаня.

Маманя, разумеется, разозлилась на столь неуважительное отношение папани к церкви, но еще больше взъелась на Джона Мюррея:

– Семинария для него теперь второй дом, нельзя разбалтывать семейные секреты всем подряд! Это предательство!

Эшлинг припомнила собственные небольшие предательства. Однажды она заставила Мюрреев кататься по полу, изобразив папаню, который приходит домой из лавки и ведет себя словно султан, приказывая принести воду для умывания, чистое полотенце, тапочки и лучший стул – без единого слова. Слов не требовалось, ведь все члены

семьи отлично знали его нетерпеливые жесты. Любой, кто оказался под рукой, Пегги, Ниам или сама Эшлинг, со всех ног бросался его ублажать. С маманей он таких пантомим не разыгрывал, а Эшлинг удалось очень точно его скопировать. Она покраснела, подумав, как рассердилась бы вся семья, если бы узнала, что она изобразила пародию на ежевечерний ритуал. Однако провести большую часть лета в доме Мюрреев не казалось ей изменой. Там было так солнечно, а большой сад спускался к самой реке. Если хочешь посидеть на солнышке, то можно взять шезлонг, а не класть на ступеньки сложенный коврик или кухонную подушку, как дома. Оставшиеся после еды пирожные и печенье всегда убирали обратно в коробки, а дома все лежащее на столе тут же сметалось до последней крошки.

* * *

Роман Джоанни с Дэвидом Греем достиг пика с началом учебного года. Дэвид бездельничал до самого октября и упрасивал Джоанни пропустить школу, чтобы съездить куда-нибудь на денек. Предложение звучало крайне соблазнительно, но Джоанни, почти готовая сдать, понимала всю опасность такой затеи, хотя Эшлинг согласилась прикрыть подругу.

– Я могу сказать сестре Катерине, что тебе стало плохо по дороге в школу и мне пришлось отвести тебя обратно домой.

– Она ни одному твоему слову не поверит! – честно заявила неблагодарная Джоанни.

– Проблема в том, что никто из тех, кому она поверит, не согласится тебя прикрывать, – заметила Эшлинг.

В конце концов Джоанни поддалась на уговоры Дэвида. Он сказал, что возьмет корзинку для пикника и немного сидра, а еще он мог попросить машину на целый день, чтобы поехать куда-нибудь в горы или к морю, и Джоанни решила рискнуть. Она считала, что вероятность успеха повысится, если не вмешивать в дело Эшлинг, с чем та нехотя согласилась. В ней до сих пор – и совершенно несправедливо! – видели возмутителя спокойствия, из-за чего и Джоанни могла попасть под подозрение.

По невероятной счастливой случайности в тот день никого из Мюрреев не должно было быть дома. Миссис Мюррей уезжала в Дублин за покупками. Джон еще не вернется из семинарии. В гости никого не ждали. Второй брат, Тони, жил в Лимерике, где изучал торговлю вином, и не собирался приезжать, а служанка Мюрреев Норин получила выходной и уехала к семье в Уэксфорд. Это был единственный день в году, когда у Джоанни могло быть алиби.

Через двадцать минут после начала первого урока, а именно христианской доктрины, Джоанни встала и сказала, что ей нехорошо. Проведя некоторое время в раздевалке, она вернулась и заявила, что совсем плохо себя чувствует, и попросила разрешения пойти домой. Сестра Катерина оглядела класс в поисках сопровождения и ни на секунду не задержала взгляд на Эшлинг, которая вместе с другими добровольцами энергично трясла поднятой рукой.

– Мэри Брэди, ты пойдешь с Джоанни, а когда доставишь ее домой в целости и сохранности, сразу же возвращайся!

Сестра Катерина выбрала самую примерную, надежную и честную девочку в школе, которая, как все прекрасно знали, собиралась стать монахиней на следующий же день после получения аттестата. Эшлинг тоскливо посмотрела в окно, наблюдая, как Джоанни Мюррей отправляется на поиски приключений. Где уж тут сосредоточиться на Деяниях апостолов...

Когда Мэри Брэди вернулась, скромно опустив глаза, сестра Катерина поинтересовалась, все ли в порядке.

Невинная сообщница объяснила, что Джоанни увидела маму в окне и помахала ей, затем вошла в дом, так что все хорошо. Сестра Катерина поблагодарила ее за помощь, Мэри улыбнулась, а Эшлинг О'Коннор с завистью вздохнула.

* * *

Подробности событий того дня навсегда остались покрыты завесой тайны: почему от затеи с пикником сразу же отказались, каким на вкус был сидр и почему его решили пить в спальне миссис Мюррей. И совершенно непонятно, почему Тони, который жил в Лимерике у двоюродных родственников, внезапно вернулся домой и на что так

сильно рассердился. Во всей этой путанице Эшлинг так и не удалось разобраться.

Тони запретил Дэвиду Грею и близко подходить к дому Мюрреев, угрожая немислимыми последствиями, которые обрушатся на его голову, если его семья узнает о том, что произошло. Джоанни не один час умоляла Тони и пыталась убедить, что рассказывать все маме смысла нет. Как она потом говорила, это были худшие часы в ее жизни. Мама пришла бы в ярость и больше никогда не уехала бы в Дублин на целый день, если бы услышала сбивчивый отчет о случившемся.

– В маминой спальне! – повторял Тони. – Не где-нибудь, а в маминой спальне!!!

До Эшлинг донесли лишь обрывки разговора. Как и договаривались, она пришла к Мюрреям в семь вечера. К тому времени пикник уже должен был закончиться, а мама Джоанни еще не вернулась бы из Дублина. Однако ожидания Эшлинг услышать увлекательные подробности и, возможно, увидеть поспешно удаляющегося Дэвида не оправдались: пунцовая Джоанни сидела за кухонным столом вместе с Тони. О мой бог, он, наверное, застал их, когда они возвращались с пикника... Боже милостивый, какое невезение!

– Эшлинг, сейчас не самое подходящее время. Мы с Тони должны поговорить... – Джоанни вела себя отстраненно и загадочно.

– Конечно... – Эшлинг удивилась, но поняла, что задавать вопросы не следует. – Привет, Тони! Ты на каникулы приехал?

– Что-то вроде того, – проворчал Тони.

Из всего семейства Мюррей его Эшлинг знала хуже всего. Он был самый старший, ему скоро исполнялось двадцать восемь. С тех пор как она его видела в последний раз несколько месяцев назад, он, кажется, похорошел. А может быть, он выглядел красавчиком, поскольку явно лопался от злости. Эшлинг знала из книжек и фильмов, что люди становятся привлекательными, когда у них сверкают глаза и сжимаются челюсти.

– Ну... тогда я пойду. Джоанни, ты придешь ко мне позже... или как?

– Ты не хочешь спросить, как она себя чувствует? Или вся школа в курсе дела? – поинтересовался Тони.

– Да, конечно, я именно за этим и пришла, узнать, как у тебя дела. Может, ты грипп подхватила. Сестра Катерина...

– Завтра увидимся, – ответила Джоанни.

– Ладно! – обиженно фыркнула Эшлинг и удалилась.

На следующий день Джоанни пришла в школу с красными глазами, что послужило доказательством плохого самочувствия. Сестра Катерина даже участливо предложила ей побыть дома еще денек.

Очевидно, Джоанни чудом повезло выйти сухой из воды. Тони удалось убедить молчать, пообещав, что она ни с кем не будет встречаться – и уж ни в коем случае ни с кем из Греев. Она попыталась объяснить брату, что ничего такого они не делали, просто баловались, отчего он только сильнее взбеленился.

– А вы и правда просто баловались? – Эшлинг сгорала от любопытства, но Джоанни не собиралась вдаваться в детали.

– Да какая разница! Проблема в том, что Тони вернулся... – Джоанни выглядела разочарованной, и Эшлинг решила не давить на нее, оставив выяснение подробностей на потом.

– А зачем он вернулся? – спросила она.

– Ему надоело в Лимерике, и он хотел попросить маму позволить ему начать работать в нашей фирме здесь, ну как бы заняться руководством. Он говорит, что уже всему научился, а вчера его одолело нетерпение, и он поехал домой, чтобы поговорить с мамой. Боже милостивый, почему нетерпение одолело его вчера, а не сегодня?! Скажи, Господи, почему Ты позволил ему вернуться вчера?

– Видимо, чтобы не дать тебе совершить смертный грех, – глубокомысленно предположила Эшлинг.

Если подумать, то Господь бывает невероятно коварным!

* * *

Той осенью Тони Мюррей вернулся домой в Килгаррет. Ему понадобилось долгое время, чтобы забыть происшествие, которое он считал великим прегрешением и признаком безнравственности сестры. Поскольку благодаря хитроумному плану Эшлинг осталась

непричастна к этой истории, она не вызывала подозрений и могла приходиться в гости когда захочет.

Иногда Эшлинг задумывалась, как бы повел себя Шон в подобной ситуации, если бы был жив. Чувствовал бы он то же самое? Разозлился бы так же сильно? Впрочем, идея оказаться с кем-то в постели родителей, когда никого нет дома, выглядела совершенно невероятной, так что сравнивать не с чем. Да и сама мысль о том, чтобы сделать «это», теперь казалась весьма сомнительной. Джоанни, которая могла бы быть единственной сообщницей в такой затее, сидела дома под замком.

Монахини невероятно огорчили маманю и папаню, когда заявили, что Эшлинг не имеет склонностей к продолжению учебы. Как и для Морин, ей лучше выбрать такую область деятельности, где не требуется много учиться.

– Не вздумайте проболтаться Морин, что монахини считают ее непригодной к учебе, – сказала маманя. – Бедняжка и так с ума сходит, читая всякие мудреные книжки по анатомии и физиологии. Если она такое услышит, то ведь пойдет в школу и задаст сестрам жару!

Эшлинг было все равно. Школа предложила ей пойти в местный торговый колледж, где тоже преподавали монахини. Там можно изучить стенографию, коммерческий английский, бухгалтерское дело и научиться печатать на пишущей машинке. Что выглядело соблазнительнее, чем остаться в школе и готовиться к экзаменам на аттестат. Джоанни тоже не будет. Ее отправляли на год во Францию, но не в школу, а во французский монастырь, где ее научат в совершенстве говорить на французском, а также шить и готовить. Тони был одержим этой идеей, да и миссис Мюррей с ним соглашалась, думая, что там из Джоанни сделают настоящую леди.

Услышав новости от Эшлинг, маманя улыбнулась:

– Именно с такой целью меня когда-то отправили в монастырь в Ливерпуле, и посмотри, что в результате получилось! И бедняжку Вайолет за тем же отправили. Да что-то леди из нас не вышли!

– Ты все-таки куда больше похожа на леди, чем мама Элизабет, – преданно сказала Эшлинг.

Маманя была польщена, но виду не показала:

– Мы ведь не знаем, что творится в голове у Вайолет.

– По крайней мере, ты не разрушила свой брак и не сбежала с мужчиной, чтобы жить с ним в грехе и притворяться, что во всем виноват папаня.

– Да уж, – задумчиво произнесла маманя, – по крайней мере до такого не дошло...

Услышав, что монахини посчитали Эшлинг непригодной к учебе, папаня отнюдь не обрадовался. Он и так был не в духе, а такие новости его еще больше рассердили. Сквозь приоткрытую дверь Эшлинг слышала, как он с горечью ворчал:

– Замечательных детишек мы вырастили! Один сбежал из дома и почем зря положил свою жизнь за британцев, другая должна найти какую-то работу, не требующую мозгов! Нам тогда сказали, что устроить ее на учебу в больницу стоило немалых трудов!

– Да хватит тебе... – вмешалась маманя.

– Не хватит! В лавке Имон торчит столбом без всякого толку, а к нему вся местная шпана шляется туда-сюда! Донал такой хворый, что одному Господу известно, что из него выйдет, а Ниам избалованная принцесса! Единственного ребенка, на которого мы могли возлагать хоть какие-то надежды, эти чертовы монахини обозвали непригодным для обучения! Тогда какого дьявола она у них столько лет проучилась!

– Шон! – Маманя повысила голос.

– Что ты на меня с таким видом смотришь? Плохи наши дела. Чего ради мы с тобой столько лет надрывались? Вот ведь в чем проблема, Эйлин! Если наши дети не смогут преуспеть и жить лучше, чем мы, то ради чего все? – кричал папаня, но в его голосе слышалась дрожь. – Я хочу сказать, что если в жизни есть какой-то смысл, то разве он не в том, чтобы дети выбились в люди?

Эшлинг не слышала, что ответила маманя, потому что та плотно захлопнула дверь.

* * *

Услышав про поступление Эшлинг в торговый колледж, Элизабет написала письмо. Насколько она помнила, колледж считался второсортным.

...Я знаю, что мои слова прозвучат как нравоучение, но стоит ли идти туда, если ты не получишь аттестат? Да, я прямо слышу голос сестры Катерины, но они правы. Чтобы влезть на гору, нужны соответствующая одежда и приспособления, а разве по большей части жизнь не похожа на дурацкую гору? Я думаю, тебе следует вернуться в монастырь и смириться с привычной тягомотиной, чтобы получить аттестат, а затем уже пойти в торговый колледж, потому что, как только ты сдашь экзамен, твое будущее гарантировано. Ну или я так думаю.

Эшлинг поразмыслила над ее словами. В чем-то Элизабет права. С одной стороны, было бы здорово показать кукиш монахиням и сказать: «Я получила аттестат, а вы говорили моему папане, что я дуручка!» А с другой – она безнадежно отстала и нагнать будет невероятно сложно. И она терпеть не могла всех этих мозговитых, которые считают, будто она слишком много о себе думает. И она будет выглядеть очень глупо, если приползет обратно и признает, что не права и ей следовало бы учиться прилежнее. Тогда получается, что все ее выходы в прошлом были всего лишь кривляньем. Нет уж! Она пойдет в торговый колледж. А потом найдет хорошую работу, которая ей понравится, и не станет зубрить про реки, виды почвы и пассаты в географии, вникать в условия договоров и уголовные законы, не говоря уже про кучу всего в истории.

По крайней мере, машинопись, стенография и бухгалтерия начнутся с самого начала, и она будет на равных с остальными. Станет прилежно заниматься и в конце года окажется в числе лучших... А потом найдет отличную работу – может, у менеджера банка или откроет страховую контору. И тогда эта желчная, визгливая сестра Катерина не сможет над ней насмеяться, папаня не будет думать, что она не оправдала их ожиданий, маманя будет в восторге и назовет молодчиной, а Элизабет признает, что ошибалась и Эшлинг все правильно сделала.

Если бы только Элизабет была здесь! Глупо иметь лучшую подругу за тридевять земель, в Англии, делающую уроки в синей спальне, когда она должна быть здесь, в Килгаррете!

Два вечера в неделю в старом здании Женской добровольной службы проходили уроки бриджа. Стоимость одного урока в один шиллинг и шесть пенсов гарантировала, что приходят будут только приличные люди, а также включала чай и печенье. Едва увидев объявление, Элизабет тут же записала их обоих.

– Я не хочу учиться играть в бридж! – заявил папа.

– И я не хочу, но так будет лучше. Давай будем считать это спасательным плотом.

После четырех уроков они вошли во вкус.

Однажды вечером, возвращаясь домой, отец сказал:

– Как только поймешь, что слова имеют совсем другой смысл, сразу становится интересно.

– Ты о чем? – рассеянно спросила Элизабет, думая о том, что не рассказала тетушке Эйлин об уроках бриджа в последнем письме.

Тетушка Эйлин одобрила бы ее заботу об отце, но в Килгаррете в бридж играли только богатые протестанты вроде Греев.

– Когда ты говоришь «двойка пик», то вовсе не факт, что у тебя есть двойка пик! Может, у тебя вообще никаких пик нет. Это всего лишь шифр, позволяющий сообщить партнеру, что у тебя на руках неплохие карты...

Папа, можно сказать, оживился. Элизабет хотела было взять его под руку, но сдержалась. Если сделать так один раз, то папа всегда будет ожидать от нее того же. Они не прикасались друг к другу. Их и формальный уровень общения вполне устраивал. Пусть лучше так и будет.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду, – серьезно ответила Элизабет. – С другой стороны, когда становишься старше, многие разговоры оказываются точно такими же: ты словно используешь шифр, и говоришь совсем не то, что подразумеваешь, и надеешься, что все остальные тоже знают правила.

Мама и в самом деле часто писала. Элизабет ожидала всего лишь редкие скомканные записки, полные свинцового чувства долга, подобно тем, которые приходили в Килгаррет. Мама почти ничего не рассказывала про жизнь с Гарри и не спрашивала, как дела в Кларенс-Гарденс. Вместо этого она вспоминала далекое прошлое, словно Элизабет тоже была там и могла разделить ее воспоминания. Мама писала о том, как в молодости ходила на теннисные вечеринки, где

иногда целый десяток слуг стояли со стаканами домашнего лимонада, который наливали из больших стеклянных кувшинов. Десять слуг торчали на жаре целый день, пока юные дамы и господа бросали на землю ракетки и куртки, ожидая, что кто-нибудь их поднимет.

Элизабет внимательно читала мамины письма и не могла понять, то ли мама тоскует по тем дням, то ли упрекает себя в эгоизме. В конце концов она решила, что мама, пусть и с запозданием, рассказывает о своей жизни, так что, возможно, отвечать лучше всего в той же манере: общими словами, небольшими историями. Элизабет рассказывала про школу и сравнивала ее с монастырем в Ирландии, описывала странных людей, которых они с отцом встречали на игре в бридж, а иногда спрашивала, нет ли какого-то неизвестного ей способа испечь пирог так, чтобы фрукты не опустились на дно, или как отпустить юбку, чтобы край выглядел красиво. Мама с радостью прислала ей поваренную книгу и, явно довольная вопросом, объяснила про использование ленточки или тесьмы на подоле. Элизабет старалась каждую неделю придумать какой-нибудь вопрос по домоводству.

Она считала, что маме одиноко, и знала, что отцу одиноко, а еще чувствовала, что теперь Эшлинг нечего ей сказать, а потому она пишет только тогда, когда пишет тетушка Эйлин. Элизабет переживала, что тетушка Эйлин сильно занята и всего лишь придумывает какие-то милые вопросы, как делала сама Элизабет в письмах к матери. Она также знала, что Моника Харт считает ее унылой зубрилкой, с которой со скуки помрешь и от которой никакого толку в деле соблазнения молодых людей, так как Элизабет упорно сидела дома и училась.

И что она получала в награду за все свое усердие? Всего лишь держалась среди лучших учеников в классе, но никто не считал ее выдающейся и особо одаренной. Ей требовалось гораздо больше времени, чем способным девочкам, чтобы понять урок, хотя она и старалась изо всех сил и часто застенчиво стояла рядом с учителем математики, который смотрел на нее с раздражением:

– Я всю неделю вам объясняю, и ты киваешь. Почему сразу не сказала, что ничего не поняла?..

Затем следовало быстрое и часто нетерпеливое, но все же добродушное объяснение. Не часто бывает, чтобы шестнадцатилетняя девушка, с падающей на глаза челкой, скромно оставалась после уроков и признавала, что хочет, но не может понять сложные темы.

Для учителей ученики обычно делятся на две категории: одни понимают и могут справиться с задачей, и с ними душа учителя радуется, а другие не способны и не желают понять, а потому просто бездарно тратят школьные годы. Элизабет не вписывалась ни в одну из двух категорий.

Преподаватель рисования мистер Брейс с удовольствием уделял ей время. В ирландской школе ее ничему не научили, говорил он коллегам в учительской. По ее словам, на уроках рисования им только показывали изображения Девы Марии и иллюстрации к сценам из тайн розария^[21].

Остальные учителя рассеянно покачали головой. В ирландских монастырях и впрямь много странного происходит, но, зная пристрастие мистера Брейса к пиву за ланчем, на его слова полагаться не стоило. За его спиной девочки в школе прозвали его Брейс Пивной Живот и жаловались друг дружке, что от него пахнет, но Элизабет прониклась к нему симпатией. Он умел доступно объяснить понятным для нее языком. А еще все чаще задавал вопросы про монастырскую школу. Его первая жена была католичкой, но никогда не упоминала про тайны розария. Элизабет же никогда не задумывалась над перспективой в рисунке, пока мистер Брейс не объяснил ей, и потом краснела от счастья, когда он показал всем ее натюрморт как лучший в классе. Ей даже нравились его уроки по истории искусства, которые никто из остальных учениц не слушал. Когда он демонстрировал репродукции старых мастеров, Элизабет с интересом рассматривала картины, а не живот мистера Брейса или его пальцы с грязными ногтями, частично перекрывавшие изображение. Она пыталась вообразить себе мир замков и дворцов и людей со странными лицами, на которых ничего не отражалось, потому что они были принцами.

Элизабет заинтересовалась, почему среди знакомых ей изображений Мадонны нет ни одного, посвященного Лурдской Божьей Матери. В школе в Килгаррете они висели повсюду.

– Явление Божьей Матери в Лурде? – спросил мистер Брейс. – Когда оно произошло? Я ничего про это не знаю.

– Лет сто назад, наверное. Может, слышали, святая Бернадетта, разные чудеса и исцеления людей, – сказала Элизабет.

– Ну, Рафаэль вряд ли мог предсказать такое заранее, – ответил мистер Брейс. – Его ведь в то время уже на свете не было, верно?

Элизабет залилась краской и решила больше вопросов не задавать. Мистер Брейс, пожалев ее, дал Элизабет почитать несколько книг по истории искусства и один из своих бесценных сборников репродукций.

– Я иногда злюсь и кричу на учеников, – сказал он. – Однажды ты тоже будешь стоять перед целым классом и тогда поймешь меня.

– О нет, я не хочу быть учителем! – решительно заявила Элизабет.

– А кем же ты хочешь быть? – спросил он с любопытством.

Элизабет растерялась:

– Понятия не имею, но уверена, что разберусь, когда время придет.

На ее лице отразилось смутение. Мистер Брейс стал первым, кто задал ей подобный вопрос. Ни мама, ни папа никогда не спрашивали, кем она хочет стать. Возможно, многим людям приходилось принимать такое решение в одиночку. Она напонила себе, что, когда случалось что-то серьезное или начинались стенания о несправедливости жизни, тетушка Эйлин всегда говорила Эшлинг, что жалеть себя – это самый верный способ расплакаться.

Радуясь возможности покинуть большие, выложенные плиткой коридоры школы, Элизабет, с книгами под мышкой, неторопливо шагала в Кларенс-Гарденс, не стремясь возвращаться в пустой дом, и думала, что тетушка Эйлин гордилась бы ею.

Элизабет часто выбирала более долгий путь мимо библиотеки. Время от времени там устраивали небольшие выставки, где можно побродить между столами, разглядывая модели зданий или древнегреческих реконструкций. Мистер Кларк, библиотекарь, был альбиносом и очень плохо видел. К Элизабет он относился приветливо и сказал ей, что на самом деле видит гораздо лучше, чем кажется, просто слишком много щурится. Должность библиотекаря он получил во время войны и так успешно справлялся с обязанностями, что теперь никто не мог забрать у него библиотеку. Он находил для Элизабет книги по искусству и даже достал для нее буклет и бланк заявления на поступление из местного колледжа искусств.

– Разве я смогу изучать искусство? – усомнилась Элизабет. – Я ведь ничего про него не знаю!

– Так ведь поэтому люди и учатся! – объяснил мистер Кларк, воодушевленно покачивая белоснежной головой. – Именно потому, что

не знают.

По дороге из библиотеки Элизабет часто останавливалась и рассматривала витрину лавки старьевщика или, скорее, антикварного магазина Ворски, где выставлялись всякие прелестные вещицы. Она рассказывала мистеру Кларку про забавные ширмочки, пытаясь угадать, из чего они сделаны. Мистер Кларк посоветовал ей зайти и спросить у владельца, который наверняка будет рад поговорить с ней.

– Разве мне можно войти? У меня ведь нет денег на покупки... – колебалась Элизабет.

– А почему нельзя? Поболтать о прелестных вещицах людям нравится даже больше, чем их продавать.

И мистер Кларк оказался прав. Мистер Ворски показал ей, как устроены ширмы, объяснил, как их покрывали лаком, и рассказал еще столько всякого интересного, о чем никогда не говорили в школе. Элизабет набрала книг в библиотеке и поделилась полученными знаниями с мистером Брейсом после уроков рисования.

Элизабет частенько жалела, что рядом нет Эшлинг. Вот уж она бы посмеялась над ее троими друзьями! Мистер Брейс Пивной Живот, альбинос из библиотеки и старик Ворски из антикварного магазина, беженец из Польши. Но все равно здорово иметь троих друзей. А еще возможность ходить в кино. Мало кто из девочек мог позволить себе по крайней мере раз в неделю ходить на сеанс в четыре тридцать и сидеть на галерке сама по себе. Она посмотрела «Унесенные ветром» минимум четыре раза и хорошо понимала, почему Эшли полюбил Мелани, а не Скарлетт. Когда она написала про это Эшлинг, то, как и думала Элизабет, та не согласилась, заявив, что Мелани просто старомодная плакса и все испортила своей моральной безупречностью.

Пока другие бурно радовались своему шестнадцатилетию и праздновали начало взрослой жизни, Элизабет держалась в стороне. Она столько лет потратила на упорную учебу в одиночестве, и в тот день, когда пришла новость о получении стипендии в колледже искусств, ей показалось, что утомительный процесс взросления наконец завершился. Отец надеялся, что после колледжа она найдет стабильную работу. Мама написала, что нынче многие знатные молодые люди изучают искусство и, возможно, Элизабет с кем-нибудь из них познакомится. Эшлинг не понимала, как так получилось, ведь в школе Элизабет не блистала на уроках рисования, но

преподавательница рисования, сестра Мартин, была неописуемо довольна. Мистер Брейс сказал, что она первая из его учениц, кто сумел добиться таких успехов, мистер Кларк подарил ей четыре старые книги по искусству, которые числились лишними в библиотечных фондах, и даже надписал их для нее. А мистер Ворски из антикварного магазина сказал, что раз теперь она официально считается студенткой колледжа искусств, то, может быть, ей понравится иногда помогать ему в магазине.

Элизабет согласилась у него работать. Однажды в субботу, вскоре после начала занятий в колледже, чувствуя себя настоящим человеком искусства, она зашла в магазин. В дальнем углу, углубившись в изучение каталога, вместо старика Ворски стоял молодой мужчина. У Элизабет екнуло сердце: а вдруг магазин продали? Она не приходила сюда несколько недель...

– Что вам показать? – галантно спросил он. – Или просто хотите осмотреться?

Какой красавчик! – подумала Элизабет. Заостренные черты лица, густые черные волосы, спадающие на лоб, – кинозвезда, да и только!

– Я хотела бы видеть мистера Ворски. Он ведь еще здесь?

– Разумеется, где ж ему быть! – улыбнулся молодой человек. – Просто сегодня он получил кое-что, чего давно не имел, – выходной. А я Джонни Стоун, его помощник.

– Ах да, конечно! Он говорил мне про вас! – Элизабет улыбнулась с облегчением. – Правда, из его описания я подумала, что вы гораздо старше...

– А вас он мне совсем не описывал... Однако вы очень молоды и очень привлекательны, осмелюсь заметить.

Элизабет снова улыбнулась и слегка покраснела:

– Благодарю вас за комплимент. Меня зовут Элизабет Уайт, и мистер Ворски как-то вроде бы говорил, что если по субботам будет много работы, то он мог бы взять меня.

– Только глупец вас не взял бы, а Стефан Ворски далеко не глуп.

– Здорово, значит, вы на моей стороне! – прямодушно сказала Элизабет. – Вы не могли бы ему передать, что в колледже искусств уже начались занятия и я взяла несколько курсов по дизайну, а также по истории искусства, и если он не возражает, то я могла бы зайти на неделе, во второй половине дня, и спросить, нужна ли ему моя помощь

по субботам... – Она огляделась: ни одного покупателя. – Кажется, здесь не слишком оживленно. Как вы думаете, ему действительно нужен помощник?

– Еще слишком рано, – ответил Джонни Стоун. – Через полчаса здесь будет не протолкнуться. Я мог бы попросить вас начать прямо сегодня, но, пожалуй, это несколько бесцеремонно. Уверен, что мы увидимся в следующую субботу. По крайней мере, я очень надеюсь...

– Я тоже, мистер Стоун, – вежливо сказала Элизабет.

– Ой, да ладно!

– Я тоже на это надеюсь, Джонни, – повторила Элизабет, пожимая ему руку.

– Так-то лучше!

* * *

О помолвке Морин О'Коннор с Бренданом Дейли объявили весной, а свадьбу назначили на сентябрь. Свадьба ни для кого не стала сюрпризом, все скорее удивлялись тому, что ее пришлось ждать так долго. Даже по меркам Килгаррета период ухаживания затянулся. Имон слышал ходившую про них шутку: когда Брендан наконец набрался храбрости, чтобы сделать предложение Морин, то сказал: «Хочешь ли ты быть похоронена с моими родственниками?» Имон считал шутку невероятно забавной и всем ее рассказывал, пока папаня не велел ему закрыть свой поганый рот.

– Хватит того, что бедняжку выставили дурочкой, а тут еще и ты ржешь как конь!

Имон опешил, не понимая, почему Морин выставили дурочкой, и решил спросить у Эшлинг.

– Поскольку когда она встречалась с ним, то давала понять, что хочет выйти за него замуж, а раз он все тянул со свадьбой, то как бы не решался жениться. В этом городишке все просто чокнутые, – рассеянно ответила Эшлинг. – Только о чем тут переживать? Она его хотела, она его получила. Так все устроено.

* * *

Морин только и говорила что о нарядах для свадьбы. Эшлинг и Шейла Дейли будут в розовом. Розовый – отличный цвет для платьев подружек невесты. Жаль, конечно, что к рыжим волосам Эшлинг он не подходит, но тут уж ничего не поделаешь, не переделывать же всю свадьбу только потому, что у младшей сестры такие огненно-рыжие волосы. Эшлинг пожала плечами и предложила сделать подружкой невесты Ниам. Морин ответила, что так не пойдет, могут подумать, будто сестры поссорились, и начнутся сплетни. К тому же Эшлинг и Шейла Дейли примерно одного роста.

Порой Эшлинг пыталась спросить маманю, нормально ли для невесты так себя вести, или Морин слегка не в себе, но маманя ничего вразумительного не говорила. Сказала только, что свадьба – настолько особенный день, что следует позволять любые капризы. После свадьбы замужняя жизнь быстро превращается в рутину, поэтому невестам разрешают немножко сходить с ума. Нет, у самой мамани не было возможности сходить с ума, поскольку в те времена жизнь была тяжелая: мало денег, никакой уверенности в завтрашнем дне, необходимо стараться изо всех сил, чтобы выжить, иметь какой-то доход. Семья мамани потеряла все деньги, которые имела, а семье папани и терять-то было нечего. Теперь же все по-другому: жизнь куда лучше, чем в ужасные двадцатые годы...

– Но, маманя, она же совсем рехнулась! Она всего лишь выходит за Брендана Дейли, а ведет себя так, словно на ней принц женится! Представляешь, она попросила меня похудеть! Сбросить вес ради ее бракосочетания! Я ушам своим не поверила!

Маманя рассмеялась:

– Может, наденешь корсет, мы его немного затянем, и ты скажешь ей, что похудела? Я именно так и сделаю.

– Она что, и тебя похудеть попросила?!

– Да, но мне-то уже скоро полтинник. Неплохо бы и сбросить немного. А что касается мозгов, то тебе до меня еще расти и расти.

Эшлинг заявила, что слишком обескуражена предложением мамани соврать, чтобы заняться стенографией и зубрить умопомрачительные сокращения.

– Тогда походи напиши своей подружке, – сказала маманя. – Передай Элизабет привет от меня и спроси, не хочет ли она приехать на великое торжество.

– Отличная идея! – загорелась Эшлинг. – А можно я и Джоанни напишу? Она возвращается из Франции в сентябре.

– Нет уж, лучше подожди, пока наши голубки сами решат, включать ли Мюрреев в список гостей, – улыбнулась маманя.

– Ты смеешься над ними!

– Вовсе нет!

* * *

Элизабет прислала Морин великолепный свадебный подарок – маленькое овальное блюдо из серебра. Посылка пришла за целых три недели до свадьбы, так что было полно времени любоваться на подарок. В приложенном письме Элизабет написала:

Это называется конфетница. Не думаю, что у вас есть для нее конфеты, у нас тут их точно нет, но она сгодится для чего угодно, например для печенья, когда гости придут на чай, или даже для хлеба, если кто-то зашел на ланч. Не могу поверить, что ты теперь замужняя дама. Ты первая из моих подруг, кто стал миссис. Я также посылаю тебе книжку по пробирным клеймам, чтобы ты могла определить, в каком году и где была сделана эта конфетница. Очень интересная штука! Я всегда разглядываю серебряные вещицы и читаю их историю по клеймам. Полезно знать, что если на вещи нет четырех таких значков, то она сделана не из серебра. Надеюсь, ты будешь счастлива. Если в следующем июне у меня будут хорошие оценки, то, возможно, я смогу приехать в Килгаррет и повидаться со всеми, а ты сможешь пригласить меня на чай.

Морин радовалась подарку, как ребенок. Элизабет стала первой, кто назвал ее замужней дамой, и единственной, кто видел в замужестве что-то особенное.

– Она такая образованная и столько всего знает! – сказала Морин, тщательно изучая виды пробирных клейм, чтобы поразить семейство

Дейли утонченным подарком. – Эх, Эшлинг, если бы ты была хотя бы немного похожа на Элизабет...

– Не ты одна об этом мечтаешь, – задорно ответила Эшлинг, – да только какой толк от твоих мечтаний?

Про себя же она подумала, что как-то глупо со стороны Элизабет писать Морин такое душещипательное письмо и что от Морин ничего другого ожидать и не приходилось: она с головой ушла в пробы, дурацкие названия городов и производителей.

Дорогая Элизабет,

ты спрашивала про свадьбу. Честное слово, даже не знаю, что написать. Главное, что все прошло гладко. Отец О'Мара напился, но ему не дали оконфузиться, да и Брендан Дейли немного принял на грудь. Теперь он мой зять, как ты знаешь, а потому я смогу тебе рассказать, что он говорит, да только он ничего не говорит. У него есть сестра Шейла, помнишь ее по школе? Если не помнишь, то неудивительно, она и тогда была серой мышкой, и сейчас ею осталась. Обычно она носит очки, но на свадьбу их не надела, поэтому постоянно на все вокруг натыкалась и ходила прищурившись, чтобы хоть что-то разглядеть. Я сказала ей, что лучше бы надеть очки, но, похоже, мне следовало промолчать. Все произносили речи. Я выглядела уродиной. Да, я и раньше так говорила, но в прошлом я была просто красавица по сравнению с тем, как выглядела в платье подружки невесты. Если ты когда-нибудь приедешь, я покажу тебе его. Морин сказала, что его можно переделать в платье для танцев, а я ответила, что буду хранить его до конца жизни как маскарадный костюм. Опять невпопад ляпнула...

Я ведь уже рассказывала тебе про Неда Барретта? На самом деле ничего серьезного, мы гуляем у реки и немножко балуемся, совсем чуть-чуть. Ходим в кино и там тоже встречаемся. Не думаю, что мне запретят его видеть, но я не хочу, чтобы все про нас знали и говорили, что я следующая. Я вовсе не собираюсь замуж за Неда Барретта, просто хочу на нем потренироваться. Недавно я на нем

тренировалась у реки, возле эллингов, и вдруг появляется кто бы ты думала? Тони Мюррей, братец Джоанни! Он посмотрел на меня так, словно считает, что мы с его сестрой помешаны на сексе. После того случая Джоанни отправили изучать домоводство куда-то, где почти все ученицы из аристократических семей. Вот такие Мюрреи стали знатные. Она жалуется, как там все ужасно, и хочет домой. У меня скоро будет собеседование для работы, настоящей работы, у Мюрреев. Мама говорит, что раз мы с Джоанни подруги, то глупо с моей стороны наниматься к ним в контору и получать там жалованье. Это повлияет на наши отношения. Я так не думаю. Всем нужно где-то работать! А как у тебя дела? Ты ничего мне толком не рассказываешь.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

это я-то ничего толком не рассказываю? Я тебе все рассказываю, а ты – ничего! Что за случай заставил брата Джоанни думать, что вы помешаны на сексе? Почему ты выглядела уродиной в платье? Что ж это за платье такое? Как себя чувствует Донал? Почему ты совсем не упоминаешь Пегги, она еще с вами? Как выглядит новый дом Морин? Как идут дела в лавке у дядюшки Шона? Тетушке Эйлин все еще приходится работать не разгибая спины? Ты и правда потолстела или просто Морин так считает? Я совсем ничего не знаю! Теперь Килгаррет словно прочитанная сто лет назад книга о городе, которого больше не существует.

Ну а если рассказывать про меня... Слишком сложно, потому что ты не представляешь здешнюю жизнь. Если я скажу, что сейчас папа стал одеваться гораздо элегантнее и играет в бридж три раза в неделю, ты даже не поймешь, насколько он изменился. Представь, что дядюшка Шон начал ходить на вечеринки или что-то вроде того. Мама

пишет каждую неделю. Они с Гарри открыли магазин. Она постоянно зовет меня приехать, и я собираюсь навестить их в ноябре. В колледже искусств начались занятия. Я и вообразить себе не могла, как мне повезло туда попасть! Они нам уже сто раз повторили, что мы лучшие из лучших и должны бороться за свои места, так как сотни желающих только и ждут, пока кто-нибудь из нас не вылетит. Остальные студенты в моей группе очень славные. В отличие от монастыря здесь почти нет девушек. Представляешь?

Я думаю, тетушка Эйлин права насчет работы у Мюрреев. Допустим, ты захочешь получать больше или они захотят тебя уволить? И разве другие их сотрудники не будут завидовать тебе, поскольку ты можешь ходить к Мюрреям домой, а они не могут? Впрочем, откуда мне знать, как оно там у вас, но, похоже, ситуация тут непростая.

Я тоже нашла работу, по субботам. В том самом антикварном магазине, про который я тебе рассказывала. Мне безумно нравится. Я вытираю пыль с фарфора и небольших предметов мебели, заполняю списки товаров и помогаю, когда приходят покупатели. Магазин принадлежит замечательному старичку мистеру Ворски. Он из Польши, приехал сюда незадолго до войны. У него работают два помощника на полную ставку: его подруга-старушка, очень приятная, но почти слепая, и Джонни Стоун. Звучит как ковбойское имя, правда? Он и сам похож на ковбоя, такой красавчик. К сожалению, в магазине он бывает нечасто, в основном ездит по стране, собирая антиквариат.

Передавай от меня всем приветы. Меня там еще не забыли? Спрашивают, как у меня дела?

Элизабет

Глава 8

На работу к Мюрреям Эшлинг не взяли. Собеседование длилось всего три минуты. Она оделась именно так, как им советовали в торговом колледже: аккуратный серый костюм, серый джемпер с коротким рукавом и белый воротничок. Никаких украшений и минимум косметики, на руках перчатки.

Эшлинг протянула копии дипломов по машинописи, стенографии и бухгалтерскому делу мистеру Миду, который управлял бизнесом Мюрреев с тех пор, как умер отец Джоанни, то есть практически с незапамятных времен.

Мистер Мид вышел из комнаты, чтобы изучить дипломы, словно они могли оказаться подделкой. Эшлинг огляделась: высокие потолки, множество полок и шкафов самых разных размеров и формы, из которых вываливались конверты и папки с небрежно связанными пачками бумаг. Как же тут пыльно и неопрятно! Даже маманина каморка в лавке и то куда лучше выглядит. Во время учебы в торговом колледже им ничего не рассказывали про контору, в которой нет ни подходящих шкафов для хранения документов, ни больших столов для работы. Из огромных коробок в одном из углов высыпались сотни этикеток, многие из них покрылись пятнами и, скорее всего, непригодны для использования. У Эшлинг просто руки чесались навести там порядок.

Дух в комнате тоже стоял странный: смесь специй, чая, кофе и чего-то еще, какая-то непонятная нотка. Кажется, алкоголь... Похоже на то, как пахнет у Махеров в лавке по четвергам. Должно быть, запах доносился из подвала, где хранилось вино.

Интересно, как они ухитряются так успешно вести дела, если в конторе сплошной беспорядок? В колледже постоянно подчеркивали, что неряшливый офис не может быть эффективным. С другой стороны, Морин рассказывала, как во время учебы на медсестру они много месяцев учились идеально заправлять кровати, а потом практически никогда этого не делали – разве что в ожидании какой-нибудь проверки.

Мистер Мид вернулся, и, к его негодованию и удивлению Эшлинг, за ним по пятам следовал Тони Мюррей. В присутствии мистера Тони мистер Мид явно нервничал. Мистер Тони определенно злился на мистера Мида.

– С дипломами все в порядке, мистер Тони, – сказал мистер Мид, передавая ему тщательно проверенные документы.

– Ну что ж, она там целый год провела, так что печатать ее точно научили, – бесцеремонно заявил Тони, и мистер Мид сник. – Почему ты вдруг решила, что тебе хочется здесь работать? – перешел прямо к делу мистер Тони.

У Эшлинг имелся заранее заготовленный ответ:

– Я всегда считала, что интереснее всего работать в компании, где есть такое разнообразие. – Она словно цитировала слова своей роли из сценария. – Мюррей – это старинная компания, имеющая давние деловые связи с континентальной Европой. У меня будет возможность изучить торговлю вином, купажирование чая, производство виски, а также торговлю высококачественной бакалеей...

– Ты будешь просто сидеть в конторе, печатать счета и инвентарные ведомости. Как, черт возьми, ты тут собираешься изучать торговлю вином? – перебил ее Тони.

– Ну, я же буду с ней связана... каким-то образом... – залепетала Эшлинг.

Тони всегда хорошо к ней относился, вежливо, даже с юмором. С чего вдруг он сейчас на нее взъелся?

Мистер Мид, похоже, тоже удивился столь странной реакции.

– Я уверен, что... гм... мисс О'Коннор понимает... – начал он.

– Эшлинг, хватит нести чушь! Зачем тебе понадобилось устраиваться сюда? Точно такую же работу ты можешь делать для своей матери. Почему ты не в родительской лавке? Там точно так же будешь печатать счета и списки. Зачем ты здесь?

В глазах Эшлинг вспыхнула ярость. Если он собирается нарушать правила и превращает собеседование в издевательство, то и она ответит тем же! Она вела себя как положено, надела перчатки, скромно опустила глаза, вежливо отвечала, но теперь довольно, пусть будет так, как он хочет!

– А я скажу тебе, Тони Мюррей, – начала Эшлинг и, даже не глядя, почувствовала, как лицо мистера Мида исказилось от ужаса. – Я

тебе честно скажу, почему хочу здесь работать. Здесь я буду носить жакет и юбку, а у мамани – рабочий халат. Здесь мне будет платить твоя семья, и я смогу тратить свой заработок, как мне вздумается, а в лавке будет не жалованье, а карманные деньги и меня будут постоянно доставать и поучать, как Имона: сиди прямо, перестань ерзать, почему это до сих пор не сделано? У Мюрреев я буду иметь какой-то статус, буду мисс О’Коннор из бухгалтерии, буду общаться с людьми и со мной будут считаться, так как я достаточно хороша, чтобы меня наняли сами великие Мюрреи, а еще я друг семьи. Вот почему я хочу здесь работать. А теперь скажи, почему ты против!

– Потому что ты подруга Джоанни! И нам нравится, когда ты приходишь в гости, с тобой наш дом расцветает красками, и я не хочу платить тебе жалованье каждую неделю! Глупая ты безмозглая девчонка! Вот почему! – Хлопнув дверью, он вышел из комнаты.

Эшлинг пожала плечами:

– Мистер Мид, верните, пожалуйста, документы. Похоже, нанять меня не станут. – Она собрала дипломы, положила их обратно в конверт, сняла перчатки и убрала их в сумочку. – В любом случае спасибо! – Она пожала ему руку, как делают тысячи соискателей на собеседовании.

Мистер Мид наблюдал, как Эшлинг вышла на улицу. Он понятия не имел, почему мистер Тони так чудно себя повел, но в глубине души чувствовал огромное облегчение. Эта девчонка О’Конноров с гривой рыжих волос могла бы тут все взбаламутить. Перевернула бы всю компанию Мюрреев вверх дном, а нам такого точно не надо.

* * *

Мистер Ворски был без ума от Элизабет Уайт. Именно такую дочку он хотел бы иметь, серьезную и схватывающую все на лету. В Польше двое его сыновей думали только о том, чтобы попинать мяч во дворе, и, где бы они ни были сейчас, вдумчивыми ценителями прекрасных вещей они точно не стали. Элизабет всегда вежливая и внимательная, записывает в блокнотик все, что он рассказывал ей про мебель. Однажды она сказала, что это ей следует платить ему за обучение, вместо того чтобы получать от него деньги за помощь по

субботам. Она подумывала стать реставратором картин или экспертом по мебели после окончания колледжа. По субботам они очень мило проводили время, и иногда оба вздыхали с нетерпением при появлении покупателя.

Мистер Ворски видел, что и Джонни Стоун равнодушен к девушке. Когда они осматривали фарфор или инкрустацию на каком-нибудь столике, он явно заигрывал с ней, но Элизабет никогда не отвечала кокетливо, поскольку не воспринимала его слова как ухаживание. Движимый чем-то вроде отцовского чувства, мистер Ворски несколько раз нерешительно попробовал предупредить Элизабет об опасности чар Джонни Стоуна, частенько достигавших цели.

– Для парня, которому едва исполнился двадцать один год, он пользуется невероятным успехом у дам.

– В самом деле? – В голосе Элизабет звучало скорее любопытство, чем обида.

Убедившись, что девичье сердце еще не успело разбиться, мистер Ворски продолжил:

– Ох уж этот прекрасный принц... Именно поэтому он находит такие чудесные вещицы, когда ездит по домам. Его пускают, разрешают копаться в чуланах и на чердаках. Джонни Стоуну позволяют делать все, что ему вздумается.

– Так ведь для нас здорово, что ему все позволяют, разве нет? – с жаром откликнулась Элизабет, и мистер Ворски, тронутый тем, что она считает себя частью его магазинчика, с облегчением подумал: похоже, она не попала на болтовню мастера обольщения Джонни.

Элизабет было просто некогда думать о романах. Она завидовала другим студентам в колледже, которые жили куда более беззаботной жизнью. Она же отвечала за закупки продуктов на неделю и, словно Дора в «Дэвиде Копперфильде», занималась сведением дебета с кредитом – только гораздо быстрее. Папе казалось, что деньги вылетают в трубу, если он не видел аккуратные столбики цифр. Домработница не всегда убирала достаточно тщательно, поскольку работать на какую-то девчонку в семье, откуда женушка сбежала с мужиком, считала ниже своего достоинства. Эта барышня могла бы сама полы помыть! Элизабет приходилось всячески изощряться, чтобы, с одной стороны, заставить домработницу не слишком

пренебрегать своими обязанностями, а с другой – не обидеть настолько, чтобы она совсем ушла.

С отцом тоже приходилось непросто. Как успешный игрок в бридж, он обязан был приглашать игроков своей группы к себе раз в пару недель. Тогда Элизабет делала сэндвичи, подавала чай и вытряхивала пепельницы. Она считала, что ее усилия окупаются, поскольку примерно через день отец проводил вечер где-то в другом месте, и она не чувствовала себя виноватой перед ним, не должна была развлекать его разговорами, достаточно было спросить, как прошла игра, когда он возвращался домой. Потягивая имбирное вино, он оживлялся и почти с азартом рассказывал, как сбросил даму или как его партнер пошел на большой шлем без всяких на то оснований.

Против суббот в антикварном магазине отец не возражал, только предупредил, чтобы Элизабет не позволяла мистеру Ворски задерживать выплату жалованья: иностранцы бывают вполне добропорядочные, но на многих из них нельзя положиться. Однако он никогда не спрашивал, сколько дочь получает, и не урезал ей карманные расходы. Девушкам нужны деньги на булавки, повторял он время от времени.

Отец не понимал, насколько успешно Элизабет ведет хозяйство. Она поощряла его вкладываться в выращивание собственных овощей, чем сэкономила немало денег, а заодно не позволяла маяться бездельем по выходным. Элизабет также давала уроки рисования двум девочкам, которые приходили к ней и рисовали за кухонным столом, пока она занималась выпечкой на неделю. Она пекла хлеб, печенье, пирог и запеканку, а также чистила картошку на всю неделю вперед, оставляя ее в воде, которую меняла каждый день. Она чистила фрукты и находила способ использовать любые остатки. В течение трех часов, пока длился урок, она следила за процессом рисования, поправляла перспективу, штриховку и каллиграфию. Мать девочек, полная надежд на их художественные таланты, не имела средств платить за уроки, поэтому приносила Элизабет варенье, консервированные сливы, чатни и даже цукаты.

Усилия Элизабет по домоводству отлично окупались: хозяйство было в полном порядке, хотя четверть выделяемых на него денег она оставляла себе, складывая их в жестяную коробочку. По мнению Элизабет, даже тетушка Эйлин, со всеми ее религиозными

убеждениями, вряд ли нашла бы повод для осуждения. Элизабет ведь и вправду заработала эти деньги. Если бы хозяйство отца вел кто-нибудь другой, даже мама, то их бы потратили там, где она сумела сэкономить.

Она и сама не знала, зачем копит деньги. Возможно, для того, чтобы сбежать, как мама, или для того, чтобы начать свое дело, как мистер Ворски. А может, просто на бархатное платье. Джонни Стоун как-то рассказывал, что видел певицу в розовом бархатном платье, которое делало ее похожей на цветок. Блондинка в розовом бархатном платье. Джонни сказал, что он словно в раю очутился.

* * *

Эшлинг не могла понять, что приключилось на собеседовании у Мюрреев. Ведь долгое время она была абсолютно уверена, что ее возьмут на работу! И не знала, как теперь всем объяснить отказ. Маманя, конечно, оказалась права, да и Элизабет тоже. Джоанни во Франции, поэтому не у кого спросить, не с кем обсудить загадочное происшествие.

И вдруг Эшлинг вспомнила, как в одном из писем Элизабет обронила фразу, что самое сложное во взрослении – это когда тебе некого спросить. Тогда Эшлинг подумала, что проблема Элизабет в том, что она осталась сама по себе, ведь семья Уайт по факту распалась, но теперь поняла: все не так просто. Есть вещи, с которыми не побежишь к кому-нибудь. И сейчас именно такой случай. Она решила, что раз уж все равно оделась как положено для собеседования, то попробует найти работу в другом месте.

Сначала Эшлинг зашла в аптеку к мистеру Мориарти. Жизнерадостно и непринужденно она показала ему свои дипломы и сказала, что хочет поспрашивать в городе, нет ли для нее работы. Мориарти ответили, что у них вряд ли есть работа, с которой они и молодой человек, их помощник, не могут справиться сами. Эшлинг обошла конторы страхового агента, стряпчего и ювелира. Нигде не требовалась дополнительная помощь. Все говорили Эшлинг, как элегантно она выглядит, и какая она благоразумная девушка, раз хочет

работать в родном городе, и что со временем наверняка что-нибудь подвернется.

Она знала, что в банке не нанимают местных, а берут сотрудников издалека, чтобы они не знали, чем занимаются клиенты, и не сплетничали об их делах. В гостинице уже работал администратор, у двоих врачей имелись секретари. Торговцы зерном были протестантами, а работа в других местах казалась ей слишком незначительной.

Уставшая и подавленная, Эшлинг пришла в лавку за десять минут до закрытия:

– Мама, можно с тобой поговорить в твоей каморке?

– Что случилось? – Эйлин сняла очки, чтобы получше разглядеть дочь, и увидела измученного и расстроенного ребенка, совсем непохожего на задорную Эшлинг, ускокавшую из дома сразу после ланча. – Пойдем-ка сюда!

Эшлинг поднялась по лестнице и плюхнулась на табуретку:

– Мама, я долго думала.

– И что же ты надумала?

– Я думала, что не вечно же ты будешь здесь работать.

– В каком смысле?

– Ну ты ведь сама говоришь, что тебе почти пятьдесят...

– Сорок восемь.

– Да, но мне-то восемнадцать! И, честно говоря, если это предприятие хочет добиться успеха, то, ты же понимаешь, вся семья должна активно помогать...

– Вот как?

– Да нет, ты все-таки не понимаешь. Ты слишком много работаешь, все так говорят. А когда тебя спрашивают, почему ты не возьмешь помощников, то начинаешь перечислять целую кучу проблем. Почему я не могу тебе помочь? У меня есть нужные навыки, я получила дипломы... Как тебе такая мысль, мама?

– С чего бы вдруг? Ты ведь раньше не вызывалась помогать в лавке, когда у нас много работы, и никогда не говорила, что хочешь здесь работать, так что мы с отцом даже и не рассчитывали...

– Мама, я и правда не хотела помогать, в этом-то и суть. Я хочу полноценную работу с расписанием, и зарплатой, и определенным кругом обязанностей... Понимаешь?

– Мне нужно поговорить с твоим отцом. Уж слишком неожиданное предложение.

– Мама, ты прекрасно знаешь, что папая сделает так, как ты скажешь!

– Ничего я не знаю. Все деловые вопросы решает отец, и он исключительно придирчив к выбору сотрудников. Возможно, он подумает, что ты немного...

– Немного что?

– Не доросла.

– Ты имеешь в виду, что я слишком легкомысленная! – надулась Эшлинг.

– Именно так, – спокойно призналась Эйлин.

– Я больше не легкомысленная! Если я буду получать настоящее жалованье и меня могут уволить и все такое...

– Значит, ты передумала насчет работы у Мюрреев? – тихо спросила мама.

– Да! Я пошла, и мы поговорили. Вместо собеседования мы с Тони Мюрреем просто поговорили по душам. И пришли к выводу, что лучше не надо...

– И ты не хочешь поискать работу в гостинице или в аптеке, где будет возможность больше общаться с людьми? – осторожно предложила мама.

– Нет. Мориарти не могут платить еще одному сотруднику, а в гостинице уже есть Джуди Линч.

– Как насчет страхового агента, банка?..

– Нет, у всех уже хватает людей. И тогда я подумала: почему бы нам не расширить наше дело? Пусть будет большой семейный бизнес. Ты, папая, Имон и я могли бы обсудить планы на будущее. И может быть, когда Донал подрастет, для него найдется какая-нибудь не слишком утомительная работа... – (Мама улыбалась, словно слова Эшлинг ее позабавили.) – Ведь именно так все и делают! – рассердилась Эшлинг.

Мама взяла ее за руку:

– А как насчет Ниам? Для нее найдется место в нашем новом семейном бизнесе?

– Ниам лучше выдать замуж за богатенького, чтобы у нас были деньги на расширение дела. На заднем дворе можно еще что-нибудь

построить.

– За ужином я предложу ей такой вариант, – сказала маманя.

Разозленная Эшлинг отдернула руку:

– Ты не воспринимаешь меня всерьез!

– Напротив, я абсолютно серьезна... Я поговорю с твоим отцом.

Если он согласится, когда ты хочешь приступить к работе?

Эшлинг бросилась к матери и заключила ее в объятия; у Эйлин слетели поднятые на лоб очки.

– В понедельник! И можно я не буду носить рабочий халат, как ты? Можно мне в своей одежде ходить?

– Ты вся измажешься. Именно поэтому мы надеваем халаты, здесь ужасно пыльно.

– Маманя, клянусь, я сама буду стирать!

– Так одежда слишком быстро изнашивается. Ты все жалование будешь тратить на покупку новой одежды. Я тебе из собственного опыта говорю. Давай мы выдадим тебе красивый халат – любого цвета, какого захочешь.

– Маманя! Но это же издевательство... Я дипломы получила, выучила стенографию и все остальное, а тут халат...

– Тебе очень идет зеленый цвет. Давай мы купим тебе пару изумрудных халатов, чтобы защитить одежду?

– Ну и как это будет выглядеть?

– Настолько сногшибательно, что весь Килгаррет будет оборачиваться тебе вслед. Ты невероятно красивая девочка.

Эшлинг растерялась:

– Господи, маманя... продолжай...

– Ты и правда очень красивая. Разве ты сама не знаешь? Ты ведь столько внимания уделяешь своей внешности.

– Это я-то красивая? – засмушалась Эшлинг.

– Ты прекрасна! И слишком хороша для какого-то Неда Барретта, но раз уж он тебе нравится...

– Маманя! Откуда ты знаешь про Неда Барретта? – изумилась Эшлинг. – Впрочем, там и знать-то нечего...

– Конечно нечего, – согласилась маманя. – Просто, когда тебе будет почти полтинник, как мне сейчас, ты будешь себе что-нибудь придумывать, чтобы не скучать.

– Мне кажется, я не из тех, кто всерьез интересуется мужчинами.

- Ну разумеется, Эшлинг! Такое всегда чувствуется.
- Маманя?
- Что, зайка?
- Если папаня согласится, можно будет объявить, чтобы покупатели обращались ко мне «мисс О’Коннор»? Некоторые... Я буду настаивать на этом с самого начала.

* * *

Джонни Стоун сказал, что с радостью отвезет Элизабет в Престон. Он в любом случае собирался поехать на север по делам антикварного магазина, так почему бы не взять с собой Элизабет? Все веселее будет! Она сможет вместе с ним походить по домам, немного поучиться отличать настоящие вещи от подделок и красивые вещи от тех, которые только кажутся таковыми. А что на этот счет думает мистер Ворски?

Мистер Ворски думал, что решение за Элизабет и ее отцом. Если они не возражают, то он, разумеется, будет только рад! Целых двое сотрудников будут искать для него антиквариат. Он не предвидел никаких неловких затруднений, в которых не по годам взрослая Элизабет могла пострадать или растеряться. Она вполне в состоянии справиться с таким Ромео, как мистер Джонни Стоун.

Элизабет не стала обсуждать с отцом подробности, а только сообщила ему, что на каникулах в середине семестра нанесет маме давно обещанный визит. Гарри выслал деньги, и нет, сверху ничего не нужно, обычной суммы на карманные расходы будет достаточно. Она предусмотрительно договорилась, чтобы в первый вечер ее отсутствия у отца была еда, но в остальные пять дней ему придется справляться самостоятельно. Возможно, он начнет больше ценить, насколько гладко и деловито она вела хозяйство. Деньги, предназначенные на хозяйственные расходы на неделю, Элизабет оставила в конверте, заранее зная, что такой суммы ему ни на что не хватит. Она не считала, что поступает жестоко, скорее разумно. Отец жил странной жизнью между банком и игрой в бридж, слишком удалившись от реальности, и возвращение на землю пойдет ему на пользу.

*Моя дорогая Элизабет,
мы с Гарри ужасно рады, неописуемо рады, что ты наконец приезжаешь! Я просыпаюсь каждое утро и говорю себе, что теперь осталось всего девять дней. Гарри поинтересовался, испытывала ли я такое же чувство во время войны, считала ли дни, когда ты жила в Ирландии? Я думаю, это не одно и то же. Тогда я знала, что ты в безопасности, здорова и счастлива. Я читала твои письма каждую неделю и не могла придумать, что написать в ответ: что можно рассказать про пустой дом и долгие утомительные часы работы на военном заводе?*

Сейчас все по-другому. Я думаю, как ты там, дома, в Кларенс-Гарденс? Вспоминаю кухню и твоего отца... Даже представить себе не могу, что ты теперь чувствуешь. Звучит довольно глупо, но мне бы хотелось быть там, потому что мы с тобой могли бы поговорить. Ты бы мне рассказала про мистера Ворски, и я бы туда сходила посмотреть. Я уверена, что Джордж понятия не имеет, где находится магазин. А я когда-то покупала в нем набор для камина.

Надеюсь, тебе понравится наш дом. Гарри больше двух недель работал за полночь, чтобы «все подготовить для Элизабет». Не думаю, что рассказываю это тебе, чтобы ты заранее настроилась охать и ахать. Хотя, возможно, так и есть. Когда ты была помладше, мы вряд ли так открыто проявляли эмоции. Я помню, как в первую неделю после возвращения из Килгаррета ты сказала, что в доме О'Конноров и в школе все реагируют куда эмоциональнее. Ну вот, глупости какие-то болтаю.

Осталось всего восемь с половиной дней.

Целую,

Вайолет

– Почему она подписалась «Вайолет»? – спросил Джонни Стоун, когда они с Элизабет отправлялись в двухдневное путешествие.

– Когда она ушла к Гарри, то стала подписываться именем. Забавно, но почему-то так кажется правильно. Возможно, она решила, что перестала выполнять материнские обязанности, а значит, и мамой называться не может.

– Моя мать никогда не выполняла материнские обязанности, однако все равно подписывается «твоя любящая мама». Пожалуй, мне надо ей сказать, чтобы она называла себя Мартой. Ты моложе меня, я сошлюсь на твой пример. Послушай, старушка Марта, скажу я, моей подруге Элизабет всего восемнадцать, но они с матерью называют друг друга по имени. Времена меняются, старая ты перечница!

Элизабет засмеялась:

– Все не так просто. Я по-прежнему считаю ее мамой. Посмотрим, что будет, когда мы встретимся. Я прошупаю почву. Может, она все еще хочет, чтобы я называла ее мамой. А может, и нет. В письмах я увиливаю, пишу «мои дорогие». Долго думала, как обращаться ласково, но не конкретно, понимаешь?

Джонни все понимал. Мимо проносились дорожные указатели, на колеса старого фургона накручивалась миля за милей. Элизабет распаковала еду, предназначенную для пикника, но есть пришлось в машине. За окном бушевали апрельские ветры и ливни.

В первый день им предстояло посетить два адреса. Джонни и Элизабет обшарили заброшенный летний домик и собрали сорок старых картин. Некоторые потрескались, некоторые выглядели настолько безвкусно, что Элизабет никак не могла понять, что мистер Ворски будет с ними делать.

– Рамы, глупышка! – прошипел Джонни, когда они вытаскивали плетеные стулья, старые биты для крикета и молотки для крикета.

Владелица рам и летнего домика предложила им чай и печенье и очень обрадовалась небольшой сумме, которую ей заплатил Джонни. Перед их отъездом она спросила Джонни, не нужно ли его барышне в туалет. Элизабет залилась краской, но не от упоминания туалета, а оттого, что ее ошибочно приняли за девушку Джонни.

– Она скорее коллега, чем моя барышня, – ухмыльнулся Джонни. – Однако, Элизабет, видя, как ты краснееешь, я, пожалуй, поменяю свое мнение.

Элизабет сбежала в ванную и попыталась спрятать пунцовые щеки под пудрой, найденной возле раковины.

Вернувшись в фургон, она тут же напала на Джонни:

– Если рамы и правда из красного дерева и серебра, то ты за них слишком мало заплатил!

– Милая девочка, хозяйка пришла в восторг от той суммы, что мы ей дали. В полный восторг! Она жала мне руку, рассыпаясь в благодарностях, теперь ей хватит на ремонт крыши. Она попросит местного умельца покрасить гостиную. Так счастлива она или нет? Что ты от меня-то хочешь, чтобы я бросал деньги старика Стефана на ветер?

– Но мистер Ворски не захотел бы обманывать...

– Элизабет, ну в самом деле, эти картины гнили в сарае годами. Ее муж все собирался навести там порядок, но так и не собрался. И с войны не вернулся. А теперь что? Мы пришли, провели два часа за уборкой, все разобрали. Господи, ты даже метлой махала! Теперь у нее есть чисто прибранное местечко, где можно поставить шезлонг, если только дожди прекратятся в ближайшие несколько лет. А еще у нее есть деньги на новую крышу, на покраску гостиной и на новую шляпку. Ну разве ей не счастье привалило?

– Ты ее обманываешь! Мы получим в тридцать или сорок раз больше того, что ты заплатил. Ты ей дал тридцать три фунта. Одна только большая позолоченная рама столько стоит. И даже больше, если привести ее в порядок. А там их еще двадцать девять штук! Чистой воды надувательство!

– Глупышка, это просто бизнес. А ты хорошеешь, когда заливаешься румянцем. Похоже на персики в сливках. Типичный цвет английской розы. Тебе следует почаще краснеть.

– Ты и правда так думаешь или насмехаешься?

– Ты действительно прелестна. Женщины тратят целые состояния, чтобы получить такой цвет лица, – ответил Джонни.

– Я боялась, что больше похоже на чахоточный румянец, – совершенно серьезно сказала Элизабет. – Уж слишком большой контраст.

Джонни так хохотал, что пришлось притормозить у обочины.

– Ты само совершенство! – с жаром заявил он. – Хотел бы я, чтобы та старушенция была права и ты на самом деле была бы моей барышней.

– Не получится из меня барышня, я к такому еще не готова. Жизнь – невероятно сложная штука, еще многое нужно привести в порядок, – наивно ответила Элизабет, не ожидая возражений.

– И когда же, по-твоему, все будет в порядке? – спросил Джонни.

– Думаю, когда окончу колледж и найду работу, когда отец научится жить самостоятельно или заведет домработницу... Наверное, года через три.

– Вот тогда я приду и подам заявку, чтобы стать твоим молодым человеком, – сказал Джонни. – Если не состарюсь к тому времени... Мне будет почти четверть века!

– Да, – подумав, согласилась Элизабет. – К тому времени ты, пожалуй, уже остепенишься. Но я найду кого-нибудь.

Они остановились в маленькой гостинице возле Ливерпуля, которая принадлежала родственникам мистера Ворски. Во время второго визита они снова поругались. Джонни предложил старику двадцать фунтов за три зеркала и стол. Элизабет считала, что в магазине за них можно будет выручить больше ста фунтов. Джонни выскочил из дома, не дав окончательного ответа хозяину, который обеспокоенно выглядывал из окна, опасаясь, что они уедут, не купив вещи.

– Повторяю тебе, Стефан Ворски платит за магазин, платит жалованье мне, платит тебе, платит за бензин для чертова фургона, платит за мое проживание у его родственников, а потом еще потратит много часов своего времени и использует все свои навыки, чтобы привести в порядок столы и зеркала! И не забывай, что ему пришлось много лет вкладываться в учебу и получение этих самых навыков! Тогда, и только тогда он выручит за них сто фунтов. Именно так и занимаются бизнесом! Никто ничего не скрывает, все знают, как оно делается. Так ты позволишь мне предложить тому бедолаге двадцать фунтов, пока его удар не хватил? Или мы отказываемся от сделки, разбиваем ему сердце, а также мне и Стефану, а все потому, что мадам Уайт считает, будто мир должен следовать ее приказам?

Элизабет разрыдалась. Джонни заплатил озадаченному владельцу двадцать пять фунтов вместо двадцати, на которые тот уже согласился. В суматохе они загрузили мебель в фургон, пока Элизабет рыдала на переднем сиденье. К родственникам мистера Ворски они возвращались в молчании.

– Может, пропустим где-нибудь по кружечке, пока ливень не утихнет? – впервые за одиннадцать миль открыв рот, предложил Джонни.

Элизабет кивнула. Говорить она не могла.

Они сидели в пабе, и Элизабет, с покрасневшими глазами, пила бренди и имбирное вино, которое, по словам Джонни, как раз то, что ей сейчас нужно. Он не пытался ее развеселить, не извинялся за вспыльчивость и не спрашивал, почему она так долго и безутешно плакала.

Бренди согрел Элизабет, и она заказала еще, потом тихим голосом спросила Джонни про Ливерпуль. Насколько он большой? Насколько сложно будет найти в нем местечко под названием Джубили-Террас? Не слишком ли дурацкая идея? За второй порцией бренди она рассказала Джонни про Шона О’Коннора и как тетушка Эйлин просила передать привет Эми Спаркс, если будет возможность побывать рядом с Ливерпулем. Пять лет уже прошло, целая вечность... Конечно, может быть, миссис Эми Спаркс и ее сына Джерри уже и в живых-то нет. Но раз тетушка Эйлин когда-то просила... Да нет, глупости, Джонни не следует ее слушать, она ерунду болтает.

– Нам все равно рановато возвращаться к родственникам Стефана, так почему бы не попробовать поискать? – предложил Джонни.

* * *

Джерри Спаркс сказал, что, к счастью, у него оказались золотые руки: он стал часовщиком и большей частью работал дома. К его коляске прикрепили поднос, на котором можно разложить все винтики-шпунтики и разглядывать их через увеличительное стекло. Повезло, что его талант обнаружился во время курса лечения, поскольку с протезами для ног ничего не вышло: не за что зацепиться, невозможно использовать мышцы бедра, как у некоторых.

Миссис Спаркс теперь превратилась в миссис Бенсон. Снова выйти замуж было весьма разумным решением. Она заботилась о мистере Бенсоне, готовила ему еду, стирала рубашки, а он отдавал ей свою пенсию. Они продали его домик и получили неплохую прибыль. Они очень обрадовались возможности познакомиться с Элизабет и ее

молодым человеком, поскольку знали о ней из писем Эйлин О'Коннор. Эта замечательная женщина писала длинное письмо на каждое Рождество и посылала деньги в церковь в Ливерпуле, где служили мессу для Шона.

Они поговорили о Шоне. Джерри назвал его отличным другом и сказал, что другого такого парня не встречал. Элизабет заметила, что, насколько она помнит, Шон всегда был неугомонным, но, когда она жила в Килгаррете, ей было слишком мало лет, и, возможно, она просто не могла по-настоящему поговорить с ним.

– Никогда не встречал другого такого парня, – повторил Джерри Спаркс. – После него уж точно не встречал. – Он посмотрел на плед, укрывавший остатки ног. – Конечно, нынче я мало кого встречаю...

– Да уж, когда работаешь сам по себе, то с общением сложно, – намеренно неверно истолковав слова Джерри, согласился Джонни. – Если на работе не с кем словом перемолвиться, то начинаешь скучать. С другой стороны, тут есть и свои преимущества. Можно закончить на часик раньше или устроить ланч в любое время!

Джерри оживился, и они с Джонни принялись обсуждать недостатки и преимущества работы на себя и почасовую оплату. Джонни даже принес из фургона старые часы, купленные на благотворительной распродаже, чтобы посоветоваться с Джерри.

– Я их из-за циферблата купил. Мне кажется, внутренности там просто всмятку.

Джерри достал лупу часовщика, и через несколько минут часы уже тикали. Казалось, тесная кухонька вот-вот лопнет от гордости. Элизабет не могла себе представить ничего более вдохновляющего. Гости и хозяева обменялись адресами с обещанием, что если мистеру Ворски понадобятся услуги мастера, то он непременно обратится к Джерри Спарксу.

В отсветах камина и тусклом свете лампочки в центре потолка острое лицо и согнутая спина Джерри Спаркса сливались с тенью красавчика Джонни Стоуна. Если бы они встретились в Италии, то тоже могли бы подружиться. Конечно, в то время Джонни Стоун еще не дорос до военной формы, а когда достиг призывного возраста, война закончилась.

Элизабет, мистер и миссис Бенсон, слушая такие разговоры у камина, невинно и довольно переглядывались, прекрасно понимая

друг друга, хотя и не смогли бы выразить это понимание словами.

Двоюродная сестра мистера Ворски совершенно не заинтересовалась их визитом в бедный домик на Джубили-Террас, зато обратила все свое внимание на Элизабет. Какая прелестная девушка, идеальная пара для мистера Стоуна, как раз подходит для того, чтобы он наконец остепенился и прекратил свои любовные похождения.

– Как же хорошо, что я не твоя барышня! – устало произнесла Элизабет, поднимаясь по лестнице в свою комнату. – С тех пор как мы выехали из Лондона, все думают, что я твоя девушка и что мне от тебя житья нет.

Неужели только сегодня утром она попрощалась с отцом? И за целый день про него даже ни разу не вспомнила... Наверное, именно так получилось с мамой. Впрочем, они ведь были женаты, а это совсем другое дело. Интересно, захочет ли завтра мама, чтобы она называла ее Вайолет? Пойдет ли Джонни вместе с ней, как ходил к Джерри Спарксу?

Элизабет задумалась, как Джерри Спаркс вылезает из инвалидной коляски, когда ему нужно в туалет? И может, стоит не ложиться спать сразу, а сначала написать тетушке Эйлин про их встречу...

* * *

По дороге в Престон им предстояло заехать еще по трем адресам. Элизабет ничего не говорила, когда Джонни предлагал цену, а вдова солдата, священник и пожилой доктор соглашались на нее. Она охотно помогала, вела записи в своем блокнотике и даже залезла под кровать на чердаке вместе с Джонни, где их руки соприкоснулись на старых щетках с серебряной спинкой. Когда щетки принесли вниз, старый доктор сказал, что смутно припоминает их со времен своего детства.

– Если вы не против, то я бы их купил, – предложил Джонни.

– Да они такие грязные, и щетина вся сгнила. Стыдно такое продавать, я их просто выброшу, – ответил старик.

– Они будут очень неплохо смотреться, если мы их приведем в порядок, отполируем и заменим щетину на новую. – Джонни поймал взгляд Элизабет прежде, чем она успела отвести глаза. – Они довольно

ценные, доктор. Возможно, мы получим за них куда больше, чем заплатим вам.

– Надеюсь, что так и будет, мальчик мой! – с улыбкой согласился доктор. – Иначе какая же вам тогда выгода?

Джонни отпраздновал победу, намеренно избегая взгляда Элизабет.

* * *

Когда, согласно дорожному указателю, до Престона оставалось пять миль, Элизабет почти смущенно повернулась к Джонни:

– Надеюсь, ты пойдешь со мной и останешься на ужин... Не думаю, что у них найдется для тебя место, чтобы переночевать. Гарри ведь столько болтал про то, как подготовил гостевую комнату именно для меня, но зато ужин будет отменным.

– А почему бы мне просто не доставить тебя к дверям, поздороваться с Гарри и Ви, договориться, во сколько я заберу тебя во вторник, а потом отвалить, чтобы не мешать воссоединению семьи?

– Ты ведь знаешь, мы не семья, – заволновалась Элизабет.

– Знаю, но все и так будут не в своей тарелке, не хватало еще притащить туда незнакомца.

– Но ты... ты здорово умеешь поддержать беседу и как бы сгладить углы. Пожалуйста, пойдём со мной, поужинай с нами.

– Давай так: я зайду и посмотрю, что к чему. Если я решу, что мне лучше отчалить, то так и сделаю. А если мне покажется, что я буду полезен, то немного задержусь. Договорились?

Элизабет кивнула. Он потрепал ее по руке.

– А ты... В твоей семье нет неловкости? Ну... твоя мама, которая подписывается «вечно-любящая-тебя-мама»?.. – спросила Элизабет.

– Неловкости? Нет, не думаю. – Джонни сосредоточенно вел машину по мокрой и скользкой дороге. – Что именно ты имеешь в виду?

– Когда они... например, когда тебя слишком любят или любят недостаточно? Когда ты получаешь не то, что ожидал или хотел.

Джонни расхохотался:

– Вот уж нет! Моя мама хотела бы, чтобы я жил с ней, купил себе машину и возил маменьку по гостям... А я не хочу такой жизни, поэтому не собираюсь идти у нее на поводу. Да ни за что на свете! Отец матери хотел, чтобы она осталась дома и заботилась о нем, а она взяла и сбежала с моим папой. Люди делают то, что хотят. Как только ты это поймешь и признаешь, все проблемы закончатся.

– А твой отец?

– Сбежал с кем-то еще. Даже с двумя. Этак раз в десять лет он всегда с кем-нибудь сбегает, моя мать была второй. Отец просто обожает с кем-нибудь сбегать.

– Ты ни разу не видел его?

– А зачем? Он меня видеть не хочет. Послушай, у меня все совсем не так, как у тебя. Твои сбились с ног, чтобы приготовить для тебя комнату. Они хотят, чтобы ты приехала, ты тоже хотела приехать. Какая здесь может быть неловкость? Никто не врет, ничего не требует, истерики не устраивает.

– Похоже, истерики ты терпеть не можешь...

– Как будто я один такой.

– Мне кажется, ты реагируешь гораздо сильнее других. Вчера я видела, что ты сильно злился, когда я плакала.

– Нет, дорогая моя, честное слово, я не злился. Просто... ну... не знаю, не люблю я участвовать в драматических сценах с рыданиями. Поэтому всегда держусь от них подальше.

– Пожалуй, в этом есть смысл.

– Недостатки тоже есть. Люди думают, что я слишком холоден, или эгоистичен, или легкомыслен. Возможно, так оно и есть... Ага, а вот и Престон, жемчужина севера! Добрались!

– Пожалуйста, оставайся на ужин.

– Если они меня попросят, – согласился Джонни.

* * *

У Элизабет на глаза навернулись слезы, когда она вошла в спальню, и только мысль о том, что Джонни снова увидит ее с красным и распухшим лицом, заставила сдерживать их.

– Девочки любят красивые штучки, – с гордостью сказал Гарри, глядя на расставленные на полочке дорогие и безвкусные безделушки, которые купил специально для Элизабет.

Мебель выкрасили в белый цвет, как и симпатичный маленький книжный шкаф, у которого когда-то были дверцы; на нем еще оставались дверные петли, но их тоже тщательно закрасили. Несмотря на тотальный дефицит, Гарри ухитрился покрасить все, что только можно.

Кровать застелили бело-голубым покрывалом с оборками, на стенах повесили картины в блестящих новых рамах. Элизабет подумала, что теперь такие картинки в стиле шоколадных коробок кажутся ей тошнотворно-сентиментальными. От стены до стены пол покрывал голубой ковер, явно сшитый из кусочков, чтобы подогнать под нужный размер. Гарри сиял от гордости за результаты своих трудов.

Первым заговорил Джонни, выражая восхищение всем, чем следовало восхититься. Как идеально положен слой краски! Три слоя? Да, точно, он так и подумал, что должно быть три слоя. Джонни восторгался хорошо продуманной проводкой: светильник над кроватью и еще один над умывальником. Хвалил яркие, чистые цвета, которые выглядели жизнерадостно даже зимой.

Пока Джонни разливался соловьем, Элизабет собралась с мыслями и тоже принялась хвалить, благодарить и восхищаться. Она положила сумку на кровать и огляделась с такой благодарностью, что улыбка Гарри расползлась до ушей и он чуть не лопнул. Подчиняясь импульсу, Элизабет обняла его и, увидев восторг в глазах мамы, обняла и ее тоже. А когда Элизабет входила в обшарпанный магазинчик на углу, то мама всего лишь чмокнула ее в щеку.

– Мама, все так здорово! – воскликнула Элизабет.

Мама обняла ее в ответ. За плечом матери Джонни подмигнул Элизабет, и она поняла, что правильно поступила, решив не обращаться к маме по имени.

Джонни остался на ужин, и атмосфера в доме становилась все более задушевной. Гарри походил на большого ребенка; за прошедшие два года он стал толще и добродушнее. Мама еще сильнее похудела, хотя, казалось бы, дальше уже некуда, постоянно суежилась и много

курила. На исхудавшем лице глаза выглядели огромными, как блюдца. Несколько раз она нервно подскакивала, стараясь угодить.

Гарри и мама явно по-детски довольны, что Джонни еще не познакомился с отцом, подумала Элизабет. Гарри даже сказал: «А здорово, парень, что мы первые на тебя посмотрели, верно?» – словно она привела Джонни, чтобы получить их одобрение.

– Джонни еще незнаком с папой, поскольку работает у мистера Ворски, а, как мама написала в письме, папа понятия не имеет, где находится антикварный магазин, – ничуть не смутившись, ответила Элизабет, помолчала и на случай, если кому-нибудь захочется покритиковать отца, добавила: – Вы бы глазам своим не поверили, если бы увидели папу теперь. Он жить не может без бриджа. Не надо ломать голову над выбором рождественского подарка: сгодятся новая колода карт, блокноты для подсчета очков или маленькие пепельницы для бриджа. А еще он постоянно с кем-нибудь встречается. Если в округе появился новый сосед, умеющий играть в бридж, то отец познакомится с ним за неделю.

– Подумать только, у Джорджа столько друзей! – слегка удивилась мама, словно речь шла о каком-то старом знакомом.

– Их вряд ли можно действительно назвать друзьями, – возразила Элизабет.

– Ну разумеется, они друзья! – вмешался Джонни. – Если он ходит к ним в гости, а они приходят в Кларенс-Гарденс, то кто же они еще? Враги, что ли? Ей-богу, Элизабет, ты ведь не ждешь, что люди будут резать себе руки, чтобы смешать кровь, как индейцы?

Все засмеялись.

– В Ирландии мы с Эшлинг однажды так и сделали, – вдруг сказала Элизабет. – А я и забыла...

– Ну вот видишь! – ляпнул Гарри, пытаясь дать понять Джонни, что он на его стороне.

Джонни все понял и приобнял Гарри за плечи:

– Гарри, давайте дадим дамам возможность поболтать, а вы покажете мне свою мастерскую. И если вдруг во время поездок вам попадутся старые весы, такие, старомодные, с медными гирьками...

Мама закурила новую сигарету и, наклонившись к Элизабет, взяла ее за руку:

– Дорогая моя, он такой славный! Замечательный молодой человек. Я безумно рада за тебя, я ведь и об этом переживала... помимо всего прочего. Волновалась, что у тебя нет ни парня, ни общения, ни развлечений. В своих письмах ты про такие вещи почти ничего не писала.

– Похоже, бесполезно говорить, что он не мой парень, – вздохнула Элизабет. – Честное слово, вплоть до вчерашнего дня мы с ним едва ли толком разговаривали. Я всего лишь работаю вместе с ним по субботам. Хотя он и правда очень славный. С ним весело, поездка получилась замечательная, время пролетело совершенно незаметно.

– Я знаю, – сказала мама, – когда ты с правильным человеком, то и времени не замечаешь.

На выходных они часто говорили про Джонни, что позволяло не упоминать отца. Мама чувствовала себя виноватой перед ним за то, что ушла без объяснений.

– Не думаю, что от объяснений был бы толк, – несколько раз повторила ей Элизабет, чувствуя себя на много лет старше, чем в тот день, когда мама уехала из Кларенс-Гарденс. – Я пришла к выводу, что папа не особо кого-то слушает.

Иногда Гарри, явно обеспокоенный, тоже заговаривал об отце:

– Элизабет, ты уже молодая девушка, и я не хочу, чтобы ты решила, будто я разговариваю с тобой свысока, как взрослый с ребенком, но мы с твоей матерью переживаем за тебя, как ты там одна живешь... Твой отец занят только собой, разве же это дело? Вайолет не хочет слышать про него ни одного дурного слова, да и я не стану осуждать чужих отцов, но ты ведь не будешь отрицать, что он человек странный и холоден как лед? Словно у него вместо сердца камень. В Престоне тоже есть колледж искусств...

– Я знаю, Гарри, но...

– Мы тебе совсем не помешаем! Я имею в виду, ты сможешь делать все, что хочешь, приводить к себе в комнату кого угодно... Все по-честному. Дадим тебе ключ, ты сможешь приходить и уходить когда вздумается. Ты приехала, и Вайолет повеселела, да и я тоже... Думаю, будет здорово, если ты сможешь остаться...

– Очень мило с вашей стороны, Гарри, – вздохнула Элизабет столь же искренне, как тогда, когда говорила маме, какая та замечательная, почти как старшая сестра, про которую в книжках пишут.

К сожалению, придется оставить все как есть. И нет, она не согласна с критикой отца. У него своя жизнь, как и у всех остальных, и он живет как считает нужным. Если в его жизни маловато радости, то ему просто не повезло, и так сложились обстоятельства.

В конце концов они перестали ее уговаривать. Ночью, лежа без сна в своей блестящей новой спальне, Элизабет прислушивалась к странным звукам чужого города и думала, должны ли все остальные проявлять заботу о других людях и разговаривать с ними, как с детьми. Так и хочется, чтобы кто-нибудь принимал все решения за нее, спрашивал ее мнение и учитывал ее настроение.

Одновременно в какой-то отдельной части сознания крутились мысли о Джонни: как у него дела, принесет ли он кролика на ужин, как пообещал Гарри?

Кролик произвел фурор. Джонни появился, когда в магазине был наплыв покупателей. Мама и Гарри возились с детьми, которые полчаса выбирали, на что потратить свои два пенса и баллы на сладости^[22].

Усталые женщины покупали тонкие ломтики прессованного мяса и пакеты манной крупы. Старики, шаркая ногами, заходили за табаком. Элизабет читала на кухне, когда услышала приветственные крики в магазине. Гарри, с улыбкой от уха до уха, ворвался на кухню:

– Он пришел, он пришел и не забыл! Он принес кролика! Элизабет, дорогая, скорее доставай кастрюлю! Твоя мама сейчас придет...

Элизабет удивилась, вспомнив, что боялась Гарри, или мистера Элтона, как она его тогда называла. Как она могла принять этого великовозрастного ребенка за искушенного соблазнителя? Лучше бы Гарри вел себя посдержаннее, а то Джонни может подумать, что они совсем уж простаки и он произвел на них неизгладимое впечатление.

Однако Джонни ликовал не меньше, чем Гарри:

– Я буду ночевать здесь, мы уедем завтра рано утром. Твоя мама пригласила меня остаться на ночь. У нас будет пирог с кроликом – лучший в стране с довоенных времен!

Пирог и в самом деле получился выше всяких похвал. Элизабет испекла булочки, Джонни сходил в паб за сидром. Они накрыли на стол, а мама накрасилась. Джонни рассказал, как добыл кролика. Фермер, который распродал мебель, всегда предлагал посетителям

пострелять кроликов, потому что сам был уже слишком старым и страдал артритом, но он с удовольствием сопровождал кого-нибудь другого на охоту. Джонни подстрелил трех кроликов: одного отдал фермеру, другого принес на ужин, а третий, завернутый в мокрую траву, лежал в фургоне и предназначался для мистера Ворски.

Потом они пели песни, и Гарри декламировал «The Green Eye of the Little Yellow God», а мама показывала, как монахини учили их делать книксен, отчего все покатились со смеху. От Элизабет тоже потребовали что-нибудь исполнить. Она сказала, что ничего не умеет. Мама ответила, что в Ирландии много песен и Элизабет писала, что у Махеров часто пели.

Элизабет встала, вытянув руки по швам, и запела:

О Дэнни мой, волынки слышишь, слышишь?
Из дола в дол их зов по-над холмом,
Прошло тепло, стоят цветы поникши,
Уйдешь, уйдешь, а мне глядеть в окно.

Все остальные принялись ей подпевать:

Но ты вернись, хоть летним днем по лугу,
Хоть по долине, что тиха в снегу,
И днем и ночью ожидать я буду,
О Дэнни мой, о Дэнни мой, тебя люблю^[23].

Все, включая Джонни, прослезились.

«Господи, – подумала Элизабет, – ну почему я вечно все порчу?» Разве нельзя было спеть какую-нибудь веселую песню, чтобы все смеялись? Ведь все остальные исполнили что-то забавное! Почему же она выбрала самую тоскливую песню на свете? Впервые после возвращения из Килгаррета она попала на вечеринку и закончила ее на столь печальной ноте.

Они начали мыть посуду, двигать стулья и расставлять все по местам. Все говорили, что вечер удался на славу. Мама суетилась, собирая одеяла и простыни для Джонни. Гарри сказал, что им лучше

выехать до шести утра, чтобы не попасть в пробки и не столкнуться с большими грузовиками на узких улочках.

Элизабет не спала, постоянно просыпаясь посреди кошмара, в котором Джерри Спаркс в инвалидной коляске держит ее за руку и раз за разом кричит:

– Зачем ты приехала меня навестить, если не собираешься выйти за меня замуж?

Элизабет начинала убегать, а миссис Бенсон и Гарри кричали ей вслед:

– Все вы одинаковы! Вяжитесь, не подумав, и причиняете боль!

* * *

Во второй половине дня они заехали в последний пункт назначения – в сиротский приют, где Джонни купил четыре ящика столовых приборов. Дождь лил стеной, стеклоочистители не справлялись с потоками воды, поэтому они остановились на обочине в ожидании, когда ливень утихнет. К окну их фургона подошел полицейский с фонариком:

– Дорога впереди затоплена, вам не проехать. Мы всех заворачиваем. Отвезите свою барышню обратно в ближайший городок, до него всего пара миль. В Лондон вам сегодня не попасть.

– Ну что же, ты будешь моим свидетелем! Я честно пытался доставить тебя домой! – добродушно засмеялся Джонни, разворачивая машину.

Насквозь промокший полицейский махнул рукой, пропуская их.

– Что нам теперь делать? – спросила Элизабет, завидуя способности Джонни относиться ко всему спокойно и жизнерадостно.

Ее голова уже лихорадочно прокручивала всевозможные проблемы. Что скажет отец, когда она не появится дома? Надо ли позвонить ему в банк, пока он не ушел с работы? В какое время она сможет вернуться завтра? Как объяснить свое отсутствие в колледже? Не подумает ли мистер Ворски, что они с Джонни просто приятно проводили время, путешествуя в его фургоне?

– Я думаю, нужно поесть и найти местечко, где можно переночевать, – ответил Джонни.

В маленькой гостинице имелся бар и горел камин. Джонни занес их сумки и пошел поговорить с администратором, пока Элизабет грелась у огня. Вернувшись, он обнял ее за плечи:

– Нам повезло, нашлась одна комната.

Женщина с большим ключом в руке посмотрела на Элизабет: ни кольца, ни перчаток.

– Вы с женой не хотите пройти наверх и осмотреть номер? – спросила она с такой ухмылкой, что разъяренная Элизабет не обратила внимания на расплзающийся по лицу румянец.

– Нет, я уверен, что с номером все в порядке, – беспечно ответил Джонни. – Мы бы пропустили в баре по глоточку, раз уж устроились у вас, а еще Элизабет нужно позвонить.

Наконец-то оставшись в одиночестве на несколько минут, Элизабет дозвонилась до банка. Отец терпеть не мог, когда его беспокоили на работе по всяким пустякам. Он раздраженно рявкнул, что да, да, он все понял, хорошо, увидимся завтра. До свидания. Ни сочувствия, что ее застигло наводнение, ни вопросов о том, как прошла поездка в Престон, ни намека на то, что он по ней скучал.

Он и понятия не имел, что его дочери в следующие несколько минут нужно будет принять одно из самых важных решений в жизни.

Элизабет стояла в темной телефонной будке, сжимая трубку в руках и раздумывая, что теперь делать. Наверняка она сама виновата, дала Джонни повод думать, что она из тех, кто спит с мужчинами, и поэтому можно взять номер на двоих. Если она собиралась вести себя как взрослый человек, настаивать на своем и отказаться от его предложения, то сделать это следовало немедленно. Чем дольше она будет откладывать разговор, тем более неловкой станет ситуация.

Джонни сидел за столиком с кружкой пива и бокалом шенди.

– Я подумал, что ты предпочтешь не просто пиво, а с лимонадом, – улыбнулся он, надеясь, что сделал правильный выбор.

– Ты угадал, – ответила Элизабет.

Они сидели в уголке, в стороне от всех. Возможно, зимним вечером дешевенький бар гостиницы наполнится местными дамами, пьющими портвейн с лимоном, но до вечера еще далеко, за столиками никого нет, так что скандала на людях не будет.

– С лимонадом ты угадал, но, Джонни, как насчет номера? Я должна сказать тебе... – начала Элизабет.

– Моя милая Элизабет, я тоже собирался сказать тебе кое-что. Там две кровати, по цене вполовину меньше, чем за два отдельных номера, к тому же свободный номер оставался только один. Мне так и заявили, прежде чем я успел рот открыть, поэтому...

– Да, но...

– Поэтому у меня не было возможности попросить их подождать, пока я узнаю мнение дамы. – Джонни вовсе не выглядел расстроенным, а просто объяснял некие очевидные вещи. – Я отвернусь, когда ты будешь надевать ночнушку, а ты пообещай за мной не подглядывать!

– Но...

– Мы будем на расстоянии нескольких метров друг от друга. Прошлой ночью мы спали на расстоянии нескольких метров друг от друга, и никто из нас не вышел за границы дозволенного.

Элизабет невольно рассмеялась:

– И то правда!

– Вот и прекрасно! – С точки зрения Джонни, вопрос явно закрыт.

Элизабет устала в бокал. Если продолжать настаивать на двух номерах, то может показаться, что она считает, будто Джонни безнадежно в нее влюблен и собирается соблазнить. Поскольку он заявил, что ни о чем таком не думает, то она будет выглядеть самонадеянно и даже жалко. Однако, если допустить, что на самом деле он с ней играет и что, соглашаясь спать с ним в одной комнате, означает, что она согласна и на большее...

Джонни сказал, что ему нужно позвонить мистеру Ворски и он вернется через минуту. Не хочет ли Элизабет переодеться? В конце коридора есть ванная, но если хочешь принять ванну, то нужно попросить администратора за стойкой, и она отправит кого-нибудь включить водонагреватель.

И ушел.

Элизабет помчалась вверх, передела блузку, умылась в ванной ледяной водой и с беспокойством устала на свое отражение в зеркале, испещренном темными пятнышками там, где отвалилось зеркальное покрытие. Увиденное ей не понравилось. Слишком прямые волосы и совершенно бесцветные. У настоящих блондинок волосы

золотисто-желтые, а у нее чисто-белые, словно у старухи или альбиноса. А лицо... Боже, почему у кого-то лицо равномерно залито одним цветом, а у нее покрыто пятнами красного и белого?!

Уперев руки в боки, она критически осмотрела видимую в зеркале часть фигуры и решила, что выглядит очень неуклюже. Грудь слишком маленькая и заостренная вместо красивой выпуклости, от которой у прохожих брови поднимаются. Честно говоря, она скорее похожа на высокую школьницу, чем на взрослую женщину.

Чувствуя облегчение и разочарование одновременно, Элизабет поняла, что Джонни никак не мог ей увлечься. И слава богу, что она не стала устраивать нелепые сцены.

* * *

Они поужинали жареной рыбой и картошкой в рыбной лавке на углу улицы. Она показалась им более уютной, чем обеденный зал в гостинице, хотя до нее пришлось бежать под проливным дождем. Они разговаривали о том, что скажет мистер Ворски о каждой купленной ими вещи, и что Элизабет будет делать в следующую субботу в магазине, и почему у Гарри и Вайолет нет никакой хорошей мебели, все современное, новое и дешевое. У матери Джонни мебель была превосходная, но зато она сама не отличалась теплотой и гостеприимством. Она бы никогда не стала стараться ради того, чтобы кто-нибудь приехал к ней в гости, она просто ожидала, что сын всегда будет с ней, и разочарованно хмыкала, когда он с ней не оставался.

Элизабет рассказала Джонни про Монику, про изощренные истории, которые та придумывала для матери, когда ходила на свидания с парнями. Монике приходилось записывать свои выдумки в блокнот, чтобы не проколоться. Джонни ответил, что Моника ведет себя глупо; ей нужно прямо сказать матери, что она собирается жить своей жизнью и надеется, что при этом они все останутся добрыми друзьями. Тогда ей придется мириться только с тем, что временами мать будет хмыкать.

– Для девушек все по-другому, – вздохнула Элизабет.

– Да уж, все так говорят, – согласился Джонни. – Может, стоит вернуться в гостиницу и дать тебе возможность отдохнуть? Завтра

будет долгий день, пока доедем, пока разгрузимся, а потом тебе еще и в колледж?

– Да, пожалуй, мне надо бы отдохнуть, – ответила Элизабет.

Они оба намеренно избегали слова «спать».

Возвращаться обратно в гостиницу снова пришлось под дождем.

Элизабет села на краешек своей кровати, где заранее положила под подушку синюю ночную рубашку, и огляделась. Плотные фиолетовые обои с узором, огромный уродливый туалетный столик, маленький узкий платяной шкаф, пропахший нафталином и настолько забитый одеялами, что не оставалось места для одежды. Всего один белый стул, на который им обоим придется сложить свои вещи.

Элизабет печально посмотрела на ноги:

– Я насквозь промокла, надо пойти помыться.

От холодной воды ноги превратились в ледышки, но Элизабет еще и ополоснулась, на случай если Джонни... Ну, не хотелось бы вонять жареной рыбой и картошкой!

В ванной она переделалась в ночнушку и, осторожно выглянув за дверь, решила, что в коридоре достаточно безопасно, чтобы добежать до номера. Джонни не воспользовался тактично предоставленной возможностью раздеться и читал газету, сидя на уродливом белом стуле.

Элизабет быстро запрыгнула в кровать и натянула одеяло до подбородка, усиленно делая вид, что дрожит от холода.

– Я так и знал, что ты попробуешь на мне свои штучки, чтобы заставить меня прийти к тебе в кроватку и согреть тебя, – засмеялся Джонни, продолжая читать газету.

Элизабет почувствовала, как лицо и шея залились краской:

– Нет, ничего подобного, я вовсе не...

– Я всего лишь дразнил тебя, милая, – зевнул Джонни, вставая со стула, потом подошел к Элизабет и чмокнул ее в щечку. – Вот, почитай и узнай, что творится в мире.

Благодарная за возможность заняться чем-нибудь, пока сойдет румянец, Элизабет отвернулась от Джонни и попыталась сосредоточиться на попавшемся под руку спортивном разделе.

Кровать Джонни скрипнула раз-другой, и Элизабет, сама не понимая почему, почувствовала досаду. Конечно, заниматься любовью было бы нелепо, а вдруг она забеременеет? А если будет больно и

кровь зальет всю гостиничную кровать? А если у нее не получится? А если он потом отвернется и откажется продолжать с ней общение, как предупреждали монахини в Килгаррете? Если позволить мужчине получить свое, то он перестанет уважать девушку, не захочет больше с ней общаться, ведь ему бы не понравилось, если бы его собственная сестра вела себя подобным образом...

– Я выключу свет или ты хочешь дочитать газету?

Элизабет посмотрела на него и улыбнулась:

– Я так устала, что ни строчки не понимаю. Пожалуй, пора перестать сражаться со сном и позволить ему победить...

Он протянул к ней руку, и Элизабет вытянула руку ему навстречу.

– Ты славная маленькая спутница, с тобой поездка получилась потрясающей! Спокойной ночи, милая. – Джонни выключил свет и отвернулся к стенке.

Элизабет слушала, как часы на городской ратуше пробили одиннадцать, потом полночь, а незадолго до часу ночи по окнам застучал такой ливень, что мирно спавший Джонни проснулся.

– Эй, ты не спишь? – спросил он.

– Не сплю. На улице настоящий ураган.

– Испугалась?

– Нет, ни капельки.

– Какая жалость! – зевнул он. – А я надеялся, что ты испугаешься.

Я вот просто дрожу от страха.

– Что за глупости! – хихикнула Элизабет.

Джонни зажег спичку и посмотрел на свои часы:

– Отлично, до утра еще куча времени.

– Да, – согласилась Элизабет и услышала, как Джонни сел в кровати, потом наклонился к ней и взял ее за руку.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да... – пискнула она.

Он встал в полной темноте, и Элизабет почувствовала, как он сел на ее кровать. Сердце Элизабет заколотилось так, словно собиралось проломить ребра.

– Обними меня, – сказал он.

Она нашла его на ощупь, он крепко прижал ее к себе.

– Я очень тебя люблю, ты прелестная девчушка. – (Элизабет промолчала.) – Я очень тебя люблю, – повторил Джонни, глядя ее по

волосам и спине, от макушки до пояса, и Элизабет чувствовала себя в полной безопасности. – И ты невероятно славная.

Она прижалась к нему еще крепче, он тихонько наклонял ее назад. Еще немного, и она окажется на подушке.

– Я не совсем...

– Мы будем делать только то, чего ты хочешь... Если ты хочешь, мы можем делать что угодно...

– Понимаешь...

– Ты славная прелестная малышка... – Джонни продолжал ее гладить, и Элизабет не могла найти нужных слов. – Я хочу быть близко, совсем близко к тебе.

– Но ты...

– Не волнуйся, проблем не будет, я буду предельно осторожен.

– Но я никогда...

– Я знаю, знаю, я буду очень нежен... и только если ты хочешь. –

Она молчала; Джонни продолжал ее гладить, прижимая к себе. – Элизабет, ты хочешь любить меня? Ты хочешь быть совсем-совсем близко ко мне?

– Да, – сказала она.

Он и правда был очень нежен, и не имело значения, что она совсем не знала, что делать, похоже, у него хватало опыта. Было не столько больно, сколько неприятно. Ничего похожего на резкие боли, про которые болтали девчонки со смущенным хихиканьем, и уж точно никакого головокружительного наслаждения, хотя Джонни казался весьма доволен. Он лежал сверху, обхватив ее руками и положив голову ей на грудь.

– Элизабет, ты такая милая девчушка, ты сделала меня невероятно счастливым.

Она обняла его в темноте, подтянула поверх него одеяло и услышала, как часы на ратуше пробили дважды. Она, должно быть, проспала момент, когда они пробили трижды, но в четыре утра уже снова проснулась и подумала об Эшлинг, как они когда-то гадали, кто же из них сделает «это» первой, и вот теперь Элизабет победила. А может, и нет. В конце концов, она ведь не собирается писать про то, что произошло. Столь важную вещь не передашь словами, она превратится в низкое предательство, хотя на самом деле это любовь.

Глава 9

Дорогая Элизабет,

книжка просто замечательная! Ты всегда находишь удивительные подарки. И как тебе только такое в голову приходит? Посылаю тебе шарфик. Я знаю, он ужасный, но Килгаррет – это не Лондон, здесь ничего не купишь. Мамане и папане книга тоже понравилась. Они сказали, что ты очень здорово придумала, нашла книгу со старыми фотографиями Ирландии. Мне больше всего нравится Дун-Лэаре, когда он еще назывался Кингстауном. Семейство Грей и многие другие до сих пор зовут его так.

Честно говоря, о здешних делах писать особо нечего. Лучше бы тебе самой приехать и посмотреть. Я не чувствую себя на девятнадцать лет. Я всегда считала, что, когда мне исполнится девятнадцать, я стану совсем другой, моя фигура изменится, лицо станет более худым и выглядеть я буду умнее. Я думала, что у меня начнется совсем другая жизнь... и я познакомлюсь с кучей людей, которых не знала раньше. Однако все продолжается по-старому.

Конечно, я несколько изменилась. Терпеть не могу Неда Барретта, видеть его не хочу. С ним я уже натренировала все, что он знает, а потому надо бы найти кого-нибудь, кто знает больше. Сидя за столом в кабинете, я вижу остановку автобуса и дважды в день разглядываю пассажиров в надежде, что приедет кто-нибудь многообещающий и остановится в гостинице. Ну что за жизнь для взрослой женщины в середине двадцатого века?!

Помнишь, как пять лет назад в это же время, когда нам было по четырнадцать, у меня прямо на мой день рождения начались месячные, а у тебя нет? И мы решили, что ты какая-то ненормальная, и мамане пришлось вправлять нам мозги? Не думаю, что от моей нормальности есть хоть какая-то польза. Было бы здорово, если бы ты

рассказала мне о своей жизни, на ком ты тренируешься и все остальное. Мне кажется, теперь было бы сложно разговаривать с тобой, но маманя смеется и говорит, что через пять минут мы бы уже снова гоготали, словно гуси, совсем как в прежние времена.

Такое ощущение, будто с тех времен прошла целая вечность. Еще раз спасибо за книгу. Джоанни говорит, что фотографии такие красивые, что их можно вставить в рамки и повесить на стену, но, по-моему, в виде книги они выглядят лучше. Надеюсь, ты не потратила на нее целое состояние. Шарфик кажется совсем дешевеньким подарком.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

шарфик прекрасен. Нет, я не из вежливости. Сегодня утром я надела его на работу, и мистер Ворски сказал, что в нем я выгляжу очень эффектно. Мне никогда и в голову не приходило покупать что-то красное, поскольку мое лицо сильно краснеет, когда я смущаюсь, и я думала, что добавить еще красного будет перебором. Возможно, теперь я краснею не так часто. В любом случае шарфик великолепен! Я надевала его с кремовой блузкой, и мне показалось, что вид у меня весьма изысканный.

Да, писать письма сложно. Наверное, ни одна из нас не верит, что другой действительно интересно читать долгие описания повседневной жизни. Мне интересно, так как я знаю Килгаррет и, хотя давно там не была, все еще многое помню... Даже какая лавка рядом с какой лавкой находится.

А где твой кабинет? Ты сидишь в каморке вместе с тетушкой Эйлин? Нет, не может быть. Оттуда не увидишь автобус. Тогда где же? Я не знала, что твоя подруга Джоанни Мюррей вернулась. Я думала, она заканчивает школу за границей. Ты ничего не написала про Донала. Надо полагать, у него все хорошо? И ничего не

рассказала про малыша Морин, кроме того что родился мальчик. Ты теперь тетя!

Я бы написала тебе про то, что здесь происходит, но ты не знаешь ни мистера Ворски, ни его подругу, которая теперь просит меня называть ее Анна, хотя ей уже около семидесяти, ни Джонни Стоуна, приятного молодого человека, делового партнера мистера Ворски. Он невероятно забавный. Ты даже моего папу никогда не встречала, как же я могу рассказать тебе про жуткую тетку, которая строит на него планы? Конечно, я бы только обрадовалась, если бы папа женился, но эта тетка просто кошмар. Папа терпеть ее не может и не знает, как от нее отделаться, ведь она из числа его знакомых по бриджу.

Мама иногда пишет смешные письма. Она пишет много, но какие-то непонятные вещи, в основном из прошлого. Она даже забыла про мой день рождения. Я не жалею, но мне как-то странно. В конце концов, я ее единственная дочь. Тетушка Эйлин никогда не забывает, а ведь у нее пятеро детей и внук!

В колледже сейчас тоже здорово. У нас много занятий проходит на открытом воздухе, потому что погода стоит хорошая. Так чудесно, когда мы, все двенадцать человек, идем в парк, раскладываем свои этюдники, краски и прочее и пишем пейзаж, как настоящие художники! С другими студентами в нашей группе легко ужиться, у меня даже есть друзья: Кейт, Эдвард и Лайонел. Я наверняка упоминала их в письмах раньше. Иногда они устраивают вечеринки у Кейт. Она живет одна в трехкомнатной квартире, так как ее родители умерли, а ее опекун считает, что молодежь должна устраивать вечеринки. Представляешь?!

Впрочем, я редко хожу на мероприятия, которые проводят в колледже. Танцы меня немного пугают. Пожалуй, я предпочитаю просто разговаривать с теми, кто мне интересен, и о том, что меня интересует. Однажды тетушка Эйлин сказала мне, что иногда следует

притворяться, будто тебе интересны некоторые вещи, чтобы сделать приятное другим. Я так делаю с мамой и папой, не хватало еще и в своей личной жизни притворяться.

Я много времени провожу в магазине мистера Ворски. Забегаю туда после занятий в колледже или приезжаю на велосипеде после ужина с папой. Теперь, когда Джонни стал деловым партнером, в магазине много всяких изменений и улучшений. Иногда мы бываем там все вчетвером, к нам присоединяется даже подруга мистера Ворски Анна. Клянусь, ей уже семьдесят! Мне кажется, мы почти стали одной семьей, хотя никто из нас не родственник. Странно, правда?

Еще раз спасибо за шарфик! Джонни Стоун сказал, что в нем я просто огонь!

Целую,

Элизабет

Каждый год в мае Эйлин напоминала домашним про день рождения Элизабет. И даже готовила по открытке для Имона, Донала и Ниам, чтобы они их только подписали. В этом году Имон взбунтовался.

– Мама, я уже слишком взрослый, чтобы посылать глупые открытки с цветами и подковами какой-то женщине в Англии, которую едва помню!

– Элизабет Уайт росла под одной крышей вместе с тобой целых пять лет как сестра, и ты будешь ее помнить так долго, как я тебе скажу! – отрезала Эйлин.

– Но, мама, она уехала сто лет назад! Когда она жила здесь, я был ребенком. А теперь я взрослый, она подумает, что я в нее влюбился или еще что. Это же ни в какие ворота не лезет!

– Я покупаю открытку, я ее отправляю. Я помню про день рождения. Все, что от тебя требуется, – это взять в свою огромную лапу ручку, написать две строчки и поставить кривую безграмотную закорючку вместо подписи! – Тон Эйлин возражений не допускал.

– Розовые сопли какие-то, – ворчал Имон. – Если в городе узнают, то меня засмеют!

Донал написал длинное послание о том, как ему понравилась книга с акварелями, которую прислала Элизабет. Эйлин пришлось дать ему дополнительный листок бумаги, так как места на открытке не хватило.

Ниама накатала бессвязное и маловразумительное повествование о школьной жизни, испещренное неведомыми Элизабет действующими лицами, новыми монахинями и друзьями, которые были еще в пеленках, когда она уезжала.

Морин в деталях рассказала про маленького Брендана, или Брендана-младшего, как его называли домашние, чтобы отличить от отца.

Пегги подписалась на открытке, а Эйлин сочинила длинное письмо, описывающее изменения и события в городке.

Именно Эйлин рассказала Элизабет про новый кабинет Эшлинг: сразу на входе в лавку, на небольшом возвышении, вдали от толпы, но в то же время вместе со всеми, если вдруг захочется к ним присоединиться. Эйлин сообщила, что Джоанни Мюррей вернулась домой после окончания школы и теперь собирается уехать в Дублин, чтобы получить замечательную работу в компании по импорту вина. Поскольку Джоанни изнывала от праздности, то зачастила в лавку к О'Коннора и пыталась отвлекать Эшлинг. Эйлин с гордостью написала, что Элизабет будет рада узнать, что мисс О'Коннор, как ее теперь называют в лавке, заявила подруге, что работа есть работа, а молодой господин Мюррей, брат Джоанни по имени Тони, однажды зашел в лавку и сказал то же самое.

Именно Эйлин объяснила, что они редко видят Морин и Брендана вместе с Бренданом-младшим, поскольку в семействе Дейли любят командовать и присвоили молодых себе, однако со временем все наладится. Просто у них множество старых тетушек и двоюродных сестер, которым вовсе заняться нечем, кроме кур да индеек, поэтому они жаждали завладеть новорожденным целиком и полностью. Все изменится, когда братья и сестры Брендана Дейли вступят в брак и заведут детей, и тогда Морин вздохнет с облегчением.

Эйлин написала, что у Донала все еще слабые легкие, ему нужно беречься, не перенапрягаться и избегать простуд, но, слава

Всевышнему, он чувствует себя гораздо лучше, чем они могли надеяться, и вымахал в симпатичного пятнадцатилетнего парня. Он почти такого же роста, как была Элизабет, когда возвращалась в Англию в свои пятнадцать лет, и может достать книги с верхней полки шкафа в гостиной, не вставая на цыпочки.

Пегги встречается с очень славным молодым человеком по имени Кристи О'Брайан. Он работает на ферме недалеко от дома отца Брендана Дейли. С одной стороны, Эйлин желала ей счастья и надеялась, что у них все сложится, ведь Пегги уже за тридцать, а ей до сих пор не выпадало хорошего шанса на замужество, а с другой стороны, и это весьма эгоистично, надеялась, что Пегги надоест своему ухажеру и останется у О'Конноров.

Элизабет иногда думала: если бы пришлось полагаться только на рассказы Эшлинг, то могло бы показаться, что после ее отъезда в Англию жизнь в Килгаррете давно прекратилась.

* * *

К своему огромному облегчению, Элизабет обнаружила, что монахини ошибались: Джонни все еще относился к ней с уважением. И даже, кажется, больше любил ее. А она чувствовала себя с ним взрослой, уверенной в себе и гордилась собой. На обратном пути в Лондон, когда они пробирались сквозь завесу дождя, Джонни выглядел более счастливым и жизнерадостным, чем когда-либо раньше. Пока он сосредоточенно вел машину, Элизабет разглядывала его лицо и удивлялась, как он может легко и беспечно болтать про забавного старого фермера, который позволил пострелять кроликов, про то, как поставить заплатку на фургон, чтобы он не протекал, и про то, что скажет мистер Ворски о привезенных ими сокровищах. Джонни ведь наверняка постоянно вспоминал, как они занимались любовью, но какое же у него самообладание, раз он способен говорить о чем-то другом. Элизабет тоже была рада беззаботно поболтать на другие темы, вместо того чтобы постоянно прокручивать в голове события прошлой ночи. Она видела, что ему это нравится. Время от времени он трепал ее по руке и говорил:

– Ты знаешь, что ты просто прелесть?

В колледже никто не заметил потерю девственности. Кейт спросила, хорошо ли она провела уик-энд, и рассказала про кошмарную вечеринку, когда кто-то украл из лаборатории чистый алкоголь, его разбавили лимонадом, все напились и почувствовали себя отвратительно.

Отец тоже ничего не заметил. Он брюзжал и нервничал, так как эта надоедливая миссис Эллис хотела прийти, чтобы помочь с подготовкой к игре в бридж, а он сказал ей, что дочь поможет. А теперь оказывается, что дочь поздно вернулась домой с севера, поздно пришла из колледжа и кое-как готовит ужин.

– Сегодня ведь моя очередь принимать гостей! Ты всегда готовила сэндвичи... и закуски, – начал скулить отец.

– Папа, очередь и в самом деле твоя, так что можешь сам приготовить закуски и сэндвичи. У меня есть печенье и немного сыра. Хлеб в хлебнице, масло в кладовой. Гости твои, ты и готовь.

– Но мы же так не договаривались...

– Папа, разве с тобой можно о чем-нибудь договориться? Скажи мне! Как хоть кто-нибудь сможет прийти к соглашению с тобой о чем угодно? Я только что вернулась из первой поездки к твоей жене. Бывшей жене. К женщине, на которой ты женился двадцать лет назад... И предположительно, любил ее тогда, а она любила тебя. Но ты меня хоть о чем-то спросил? Ни слова не сказал! Может, мама лежит в больнице на пороге смерти? Может, она ужасно несчастна. Да что угодно с ней может быть, но тебе наплевать! По крайней мере, она поинтересовалась, как у тебя дела, и Гарри тоже интересовался, и они хотели знать, как ты живешь сейчас. Но ты настолько бесчувственный, что не спросил про них ничего.

Элизабет едва сдерживала слезы.

Отец сел.

– Да что я такого сделал? – Он выглядел как школьник, которого наказывают непонятно за что.

– Черт возьми, дай мне хлеб, и я намажу его маслом! Отрежу корочки и оставлю на подносе, – сдалась Элизабет.

– А разве ты не будешь разносить закуски?

– Ничего себе заявки! Я никогда не понимала, почему мама называла тебя ледышкой, а теперь наконец поняла!

– Я так и знал, что Вайолет и тот малый настроят тебя против меня. Я знал, что именно это они и задумали, когда уговаривали тебя приехать к ним.

Элизабет уставилась на него в полном недоумении и внезапно расплакалась, закрывая лицо руками и стараясь не смотреть, как отец убирает хлеб в сторону, чтобы не намок от слез, а то ведь потом не из чего будет делать сэндвичи.

* * *

Мистер Ворски был единственным, кто заметил изменения в Элизабет, и считал, что знает причину. Элизабет вела себя так, словно стала частью семьи, состоявшей из самого мистера Ворски и Анны Стреповски во главе, а Джонни, очевидно, являлся их наследником. Элизабет говорила так, словно выходила замуж в королевскую семью. Стефан Ворски посмеялся про себя над приходящими в голову вычурными идеями, но именно так оно и выглядело.

– Мистер Ворски, а вы не задумывались над новой вывеской для магазина? Вы ведь знаете, в колледже мы изучаем каллиграфию, и преподаватели всегда ищут какие-нибудь настоящие заказы... Я вчера говорила Джонни, что вывеска с позолотой может быть очень к месту. Он вам не сказал? Нет? Ну что ж, я не хочу навязываться со своими идеями...

Или вот в другой раз:

– Мы с Джонни собираемся сделать надпись с именем вашего магазина на фургоне. Вы согласны? Или предпочли бы не привлекать внимания? Джонни поспорил со мной на два шиллинга, но я вам не скажу, на что именно он поставил!

Мистер Ворски втайне поделился своими подозрениями с Анной Стреповски, но она только фыркнула и сказала, что у него слишком богатое воображение.

– Все мужчины думают: если женщина выглядит счастливой, то только потому, что мужчина доставил ей удовольствие!

Мистер Ворски не собирался спорить о принципах и убеждениях, но был готов поставить любые деньги на то, что его подозрения верны.

Элизабет безумно переживала о том, что будет дальше. Захочет ли Джонни попробовать снова, и если да, то где и когда? И следует ли ей проявить энтузиазм или придерживаться решения, будто ночь в гостинице больше не повторится? И как насчет контрацепции? Джонни сказал, что принял меры и проблем не будет. У Элизабет не хватало опыта понять, о чем он говорил, но, надо полагать, это означало, что в нее не попали маленькие сперматозоиды, от которых может произойти зачатие, поскольку Джонни сделал так, чтобы они остались на простыне. Элизабет заливалась краской при одной мысли о том, что кому-то пришлось менять после них постель, но на тот момент пытаться постирать простыню самостоятельно было бы как-то уж слишком неромантично и неправильно.

Той ночью Джонни обещал в следующий раз кое-что взять с собой, и Элизабет спокойно кивнула, но пока про «следующий раз» и речи не шло. Однако Джонни казался невероятно очаровательным и вне себя от счастья, когда она заходила в магазин по дороге домой из колледжа или даже пропускала вечерние занятия по пятницам, чтобы посмотреть на новые приобретения в уже начищенном виде, приготовленные для продажи в субботу.

– Если ты свободна, то я бы сходил с тобой в кино завтра вечером, – предложил Джонни. – А потом мы могли бы пойти ко мне, и я приготовлю ужин по особому рецепту Джонни Стоуна.

Элизабет улыбнулась в ответ:

– С огромным удовольствием! Кролика приготовишь?

– Нет, милая, ужин будет не настолько роскошным, всего лишь тушенка. Ты согласна? – (Она счастливо кивнула.) – Кстати, Тома и Ника дома не будет. Они уезжают на уик-энд, – добавил он как бы между делом. – Так что мы будем одни, и нам никто не помешает.

– Ясно.

Элизабет поняла, что он имел в виду, и обрадовалась. На следующее утро она использовала часть своих сбережений, чтобы купить миленькую комбинацию, а также сложила в сумочку зубную щетку, пасту и пудру. Отцу она сказала, что идет в кино, а потом на вечеринку и, возможно, вернется совсем поздно. Отец принял это точно так же, как и все остальное в жизни, – как очередное поражение. У Элизабет был собственный ключ, так что ее позднее возвращение сложностей не создавало. «И кстати, папа, ты не мог бы оставить

кухню чистой и прибранной?» На случай, если кто-нибудь подвезет ее с вечеринки и она пригласит их на чашечку какао.

Отцу и в голову не пришло пожелать ей хорошо провести время.

* * *

Том и Ник могли бы уезжать и почаще. Том работал в салоне по продаже автомобилей, а Ник – в туристическом агентстве. Оба подлизывались к Элизабет и называли ее новой подружкой Джонни, на что она начинала злиться. Когда обращение сменилось на «девушка Джонни», Элизабет почувствовала себя более уверенно. Эта парочка вечно отпускала насмешливо-галантные замечания в ее адрес.

– Джонни, если ты когда-нибудь устанешь от своей барышни, то дай мне знать, пожалуйста. Я с удовольствием тебя заменю...

В большой квартире в Эрлс-Корт у каждого из троих имелась своя спальня, и Элизабет вполне могла бы остаться в любое время, но Джонни никогда такого не предлагал, если соседи дома. Видимо, он хотел обращаться с ней как с благородной барышней и защитить ее репутацию. Элизабет подумала, что она бы здорово посмеялась с тетужкой Эйлин над такими двойными стандартами, а потом с ужасом осознала, что ничего смешного тут нет. Тетужка Эйлин невероятно рассердилась бы. Хотя она отличалась мудростью и почти бесконечной терпимостью к самым разным обстоятельствам, такое она бы точно не потерпела. Тетужка Эйлин высказалась бы напрямую: «То, что ты делаешь, неправильно. Ты ведешь себя глупо, безответственно и дурно. Господь создал брак по очень веской причине: чтобы пара могла вместе прожить жизнь наилучшим из всех возможных образом – защищенная правилами и законами и представлениями окружающих о том, как подобает делать. Вы двое ведете себя невероятно глупо и играете в опасные игры. Если он действительно настолько любит тебя, как ты думаешь, настолько же, насколько ты сама его любишь, то почему он не сделает то, что полагается? Почему не признается тебе, не сообщит твоим родителям, не предложит выйти за него замуж? Почему он тайком приводит тебя к себе, как преступник, как будто ты девочка по вызову?»

Тетушка Эйлин никогда не произносила ничего подобного, но Элизабет слышала ее слова совершенно отчетливо. Они выражали квинтэссенцию убеждений, предупреждений и наказаний и вообще всего, что происходило раньше.

Элизабет решительно встряхнулась. Она уже взрослая женщина девятнадцати лет от роду и живет в Лондоне, а не в дыре вроде Килгаррета. И не страдает от насаждаемых католической церковью страхов по поводу греха, скромности и нескромности, чистоты и нечистоты. Тетушка Эйлин замечательная, но слишком старомодная, в современном мире люди больше так не думают.

Иногда Элизабет приглашала Джонни в Кларенс-Гарденс, хотя отец никогда не ночевал вне дома, однако днем он был на работе в банке. Джонни часто занимался доставкой покупок клиентам и мог свободно пользоваться фургоном в течение дня. А Элизабет часто могла сбежать с лекции или практических занятий.

Такие встречи вызывали у них радостное возбуждение: быстрый перекус на кухне и двойная задвижка на входной двери на случай, если произойдет невероятное и отец вернется домой раньше двадцати трех минут седьмого вечера. Затем они поднимались в спальню Элизабет, где кровать была маловата, зато дневной свет сквозь задернутые шторы создавал романтическую атмосферу, а местами слишком резкие синие тона в интерьере она заменила на те, что ей больше нравились.

Однажды Джонни кивнул в сторону более удобной родительской спальни, но Элизабет безмолвно дала понять, что такой вариант даже не рассматривается. Она так сильно любила Джонни, что чувствовала, будто может говорить с ним и понимать его без слов. Джонни тоже был в восторге от ее теплоты и чуткости и раз за разом на все лады повторял, какая она славная малышка.

Порой, когда они лежали в ее тесной постели, по-дружески передавая друг другу сигарету, Элизабет казалось, что это самые счастливые мгновения в ее жизни. Однако она знала, что существует линия, которую не следует пересекать: нельзя просить Джонни клясться в любви, нельзя просить заверений в вечной преданности или намекать на нечто большее, чем у них уже есть. Тогда он будет любить ее, и будет счастлив, и не будет хмуриться.

Иногда Джонни говорил о тех, кто нарушил правила.

У Тома была подружка, хорошенький пупсик, но она безумно хотела получить обручальное кольцо и все уговаривала Тома прийти к ней домой, чтобы познакомиться с мамой.

– Ой, милый, я ведь уже приводила тебя домой и познакомила с мамой! – лукаво сказала Элизабет.

– Да, но ты же не строила хитроумные планы! – рассмеялся Джонни.

Он купил противные презервативы, которые выглядели совершенно неподходящими для выполняемой задачи, пока их не наденешь, и которые, похоже, его только раздражали и доставляли неудобства. Элизабет ломала голову в поисках способа обойтись без них. Она не хотела надеяться на «безопасные дни», так как слишком хорошо знала: именно этот способ контрацепции обеспечивал стабильно высокую рождаемость по всей Ирландии. Кейт и некоторые другие девушки в колледже говорили, что надеяться на «безопасный период» не стоит, поскольку такого периода не существует.

– Разве женщина совсем ничего не может сделать? – спросила Элизабет у Кейт, чувствуя себя очень глупо.

Кейт рассказала о всех существующих способах и расписала их в красках, но Элизабет сочла, что они еще хуже, чем резиновый презерватив, поэтому оставила все как есть. Джонни никогда не предлагал ей принимать какие-то меры, поэтому она решила, что, видимо, всем просто приходится мириться с неудобствами.

В минуты близости он мало рассказывал о себе. О матери он говорил шутливо, с братом почти не общался и понятия не имел, где сейчас отец и существуют ли сводные братья и сестры.

Когда Джонни получал от матери жизнерадостные и бессвязные письма, то выглядел довольным и пересказывал Элизабет часть написанного. А если мать писала, что чувствует себя одиноко и как ей сложно с двумя неблагодарными сыновьями, то просто отмахивался.

– Занудная старая ведьма! – заявлял он, не проявляя ни малейшего беспокойства.

– Может, мне с ней познакомиться? Отвезешь меня к ней? – однажды спросила Элизабет и поняла, что сделала ошибку.

– Зачем? – слегка нахмурился Джонни.

– Ну... не знаю... Я бы сказала ей, чтобы она перестала быть занудной старой ведьмой и раздражать своего красавчика-сыночка! –

засмеялась Элизабет, пытаясь отыграть назад.

Сработало.

– Да уж, почему бы и нет? Как-нибудь съездим, – пообещал Джонни.

На девятнадцатый день рождения отец подарил Элизабет шкатулку для украшений, причем специально сходил в магазин мистера Ворски и посоветовался с Джонни насчет подарка. Он видел Джонни несколько раз и считал его приятным, вежливым молодым человеком, деловым партнером мистера Ворски в антикварном магазине, который ни в коем случае не следует называть лавкой старьевщика.

Отец сказал, что хочет сделать сюрприз и готов заплатить от тридцати шиллингов до двух фунтов максимум. Джонни привел его к антикварной шкатулке и сказал, что тридцать шиллингов за такую штуку – это просто даром. Отец поворчал, что за пустую коробку как-то дороговато, но взял. Джонни положил в кассу еще девять фунтов, чтобы мистер Ворски не потерял деньги на прелестной резной шкатулке, и купил от себя марказитовую заколку с синей птицей.

Элизабет, прекрасно понимая стоимость шкатулки, была тронута и удивлена, что отец так много потратил на подарок. Джонни ничего ей не сказал. А еще помог найти книгу с акварелями для Эшлинг. Вместе они рассматривали иллюстрации, и Элизабет рассказывала ему про горы Уиклоу, реку Слейни в Уэксфорде и старые, разваливающиеся и заросшие плющом, но все еще прекрасные дома с дверями в георгианском стиле.

– Может, нам с тобой стоит туда поехать сразу на двух фургонах? Стефану придется купить еще один магазин, когда мы вернемся! Слушай, классная ведь идея! Может, съездим летом? Можно перевезти фургон на пароме, а там нанять еще один. Что скажешь? И мы могли бы повидать твоих друзей О’Конноров, ты ведь всегда говорила, что хочешь вернуться. А? Давай?

– Ну да.

– Что-то не слышу энтузиазма. Ты ведь уверяла, что с удовольствием съездила бы туда.

– Так и есть.

– Ну и?..

– Конечно, может быть, как-нибудь летом.

Элизабет колебалась, не желая признаваться, что не хотела бы поехать в Ирландию как напористый делец, чтобы заходить в дома и забирать у людей их старые сокровища – в те дома, где ей оказали столь теплый прием, когда она была маленькой беженкой во время войны. А теперь она появляется снова, взрослая, наглая, искушенная, знающая цену вещам и думающая только о прибыли...

И она никогда не смогла бы сказать Джонни, что вернуться в Килгаррет с парнем, но без «ясности» было бы как-то постыдно... У Морин долго не было «ясности» с Бренданом Дейли, и Эйлин надеялась, что у Пегги будет «ясность» с ее Кристи. Именно этого Элизабет хотела бы сейчас – ясности. Четкого понимания, какие у них с Джонни отношения, а без такого понимания она не хотела ехать с ним в Килгаррет.

* * *

Согласно общему мнению, Эшлинг совершенно неожиданно превзошла все ожидания на своей новой должности в лавке О'Конноров. Большая часть успеха основывалась на тяжелой подготовительной работе, проделанной Эйлин, но Эшлинг это и в голову не пришло. Она считала, что добилась всего благодаря собственной силе характера. Прежде чем Эшлинг вступила в должность, Эйлин настояла, чтобы для обоих детей в лавке выделили особые помещения. Шон заявил, что это чушь собачья, и не постеснялся в выражениях.

– Разве ты не понимаешь? Они хотят считать, что у них здесь настоящая работа и они действительно что-то значат. Если Имон будет думать, будто он у тебя мальчик на побегушках, а Эшлинг – будто помогает мне, то чем же тут гордиться?

– Чем гордиться? Как насчет того, что им достался налаженный бизнес? Разве этого мало? Мало, что они, в отличие от половины местных детишек, не будут вынуждены сесть на корабль и уехать отсюда навсегда? Как по мне, вполне достаточная причина для гордости. Нас с тобой никто не спрашивал, чем мы будем гордиться, когда мы пахали как лошади...

– Хорошо, «гордость» – неподходящее слово, – согласилась Эйлин. – На самом деле я пытаюсь разделить в их головах работу и дом, чтобы они не дерзили тебе и не огрызались со мной, как бывает, когда мы дома от них что-то требуем.

Постепенно Эйлин добила своего: угол лавки расчистили, покрасили и отгородили стенкой с дверью. Там теперь работал Имон. Однако сначала Эйлин пришлось множество раз повторить, что для местных фермеров важно знать, где они могут найти Имона, и что его всегда следует называть по имени, так как фермеры не используют обращение «мистер». Посмотри, как они всегда обращаются к тебе Шон, но называют меня миссис О’Коннор, а значит, и Эшлинг должна быть мисс О’Коннор.

В кабинете Эшлинг поставили новенькую пишущую машинку, настоящий офисный стул и шкаф для папок, квитанций и прочих документов. В отличие от каморки Эйлин, где бумаги валялись повсюду, кабинет Эшлинг выглядел современным и деловым – точно так, как ее учили в колледже. Более того, к восторгу Эшлинг и к зависти всех ее бывших соучениц, одна из преподавательниц колледжа даже привела к ней свой класс, чтобы показать, как должен быть устроен образцовый офис.

Стильный зеленый халат и деловой вид придавали Эшлинг необходимый авторитет. Бедняга Джемми, у которого мозгов не прибавилось, а силушки поубавилось, называл ее мисс О’Коннор.

– Я не возражаю, если Джемми будет обращаться ко мне по имени, ведь он меня знает с пеленок, – сказала Эшлинг мамане в первый рабочий день.

– Ничего, он не против звать тебя мисс.

– Но, маманя, ты ведь знаешь, он не в себе, я не хочу задирать нос перед бедняжкой Джемми.

– Не переживай, малышка, ты не задираешь нос. Он счастлив делать то, что делают все остальные. Просто будь с ним вежлива, особенно в присутствии других. Тогда он будет по-настоящему доволен.

Эшлинг вспомнила, как маманя всегда советовалась с Джемми:

– Как ты думаешь, куда мы могли положить новые абажуры? Помнишь, те самые, которые привезли на прошлой неделе.

Джемми переставал подметать пол:

– Даже не знаю, хозяйка. Наверное, на складе.

– Спасибо, Джемми! Скорее всего, ты прав, где же еще им быть?

Много лет Эшлинг слышала подобные разговоры, которые отчасти раздражали ее, отчасти приводили в недоумение. Зачем спрашивать беднягу Джемми? Теперь она знала зачем. Мамаля гораздо мудрее, чем может показаться.

Первые несколько недель Эйлин объясняла сложную систему их кредитных договоров. Показывала Эшлинг ведомости на выплату жалованья, банковскую сберегательную книжку, книгу складского учета и отчеты по уплате подоходного налога. Эйлин внимательно слушала, когда Эшлинг разрабатывала более четкие, простые и ясные способы ведения дел.

Иногда ошибки, пробелы и путаница казались Эшлинг до невероятности элементарными.

– Мамаля, ну разве ты не видишь, что без алфавитного указателя тебе приходилось выполнять двойную работу? Теперь понадобится в половину меньше времени, чтобы найти нужное. Не понимаю, почему ты не сделала указатель. На него уйдет всего пара дней.

Эйлин согласилась, что допустила серьезный промах. И не сказала ни слова про то, что ей попросту не до алфавитных указателей, ведь она должна помогать Шону вести дела в лавке, приглядывать за покупателями, решать, кому можно дать кредит, а кого поторопить с выплатами, уговаривать банк снова позволить перерасход по счету, а также вести домашнее хозяйство со своенравной домработницей и шестью детьми. Вместо того чтобы перечислить весь список своих обязанностей, ведь любой дурак мог бы составить алфавитный указатель, она похвалила Эшлинг и предложила заказать из Дублина настоящую бухгалтерскую книгу с алфавитным указателем.

– Зачем заказывать, если я и сама могу такую сделать дома сегодня же вечером? – удивилась Эшлинг.

– Никакой работы на дом! Если бы ты работала у Мюрреев или в гостинице, мы были бы весьма недовольны, если бы они заставляли тебя работать еще и дома.

– Мамаля, здорово, что ты так думаешь, но чем еще мне вечером заняться?

– Могла бы пойти погулять и поглядеть на мужчин в городе, вдруг кто приглянется.

– Маманя! Я сто раз говорила, что мужчины меня не интересуют, а даже если бы интересовали, то не из этого города. Здесь с мужчинами совсем глухо.

– Тебе так кажется.

– Маманя, ну честное слово, если я решу, что время пришло, то поеду в Дублин и прочешу там все, а здесь даже глаз положить не на кого.

Джоанни говорила, что в Дублине полно перспективных мужчин, однако кто его знает, что она имела в виду под «перспективными». Она рассказывала, что они носят костюмы, водят машины, пьют кофе на Графтон-стрит, сидят в парке Сент-Стивенс-Грин и ходят на скачки.

– А чем они на жизнь зарабатывают? Где они работают?

– Не знаю, работают ли они вообще... – призналась Джоанни, которой такие вопросы и в голову не приходили.

– Ну а деньги-то у них откуда? Они богатенькие, что ли?

– Я думаю, там много студентов, или они работают в семейном бизнесе, или что-то вроде того.

– Я тоже работаю в семейном бизнесе! – гордо заявила Эшлинг. – И у меня нет времени сидеть в кафе и болтать целыми днями.

– Потому что здесь нет кафе и болтать тоже не с кем, – сказала Джоанни.

– Пожалуй, так и есть...

От Джоанни невозможно было добиться внятного объяснения, чем она занимается. Похоже, дни, когда две подружки могли хихикать и обсуждать самые незначительные мелочи, остались позади. Эшлинг считала, что во всем виновата Джоанни, которая намеренно темнит и ничего не рассказывает о своих делах. Однако потом она вспоминала, что Элизабет тоже отдалилась и больше не пишет так открыто, как они когда-то разговаривали в Килгаррете. Возможно, люди просто становятся старше и перестают хихикать. У мамани нет ни одной подруги, с которой можно поговорить по-настоящему. Может быть, вырастая, люди должны становиться сдержаннее в словах и начинать притворяться. Взять хотя бы Морин, как ей живется с ненормальной семейкой Дейли. Не может быть, чтобы ей такая жизнь нравилась. Она наверняка ненавидит отвратительных сестер и тетюшек Брендана и все семейство в целом. Дружба возможна только в юности. У Ниам

появилась подруга Шейла Мориарти, и они сводят всех с ума, закатываясь от смеха по поводу и без повода.

Или вот дружба мамани с матерью Элизабет. Ей пришел конец, хотя маманя говорила, что в школе они многие годы были лучшими подругами. Возможно, когда дружба перестает быть значимой, это признак, что человек повзрослел.

– Что-то ты в последнее время редко навещаешь Джоанни. Вы не поссорились? – однажды спросил Тони Мюррей, зайдя в лавку за гибким шнуром.

– Нет, конечно же! Просто она занята. У нее друзья в Дублине, ты же знаешь, и она туда ездит. Я занята целыми днями на работе, а вечерами в этой жуткой дыре делать особо нечего.

– Раньше ты частенько приходила к нам и развлекала нас разными небылицами, – напомнил Тони.

– Наверное, теперь я слишком поумнела, чтобы рассказывать небылицы.

– Очень жаль.

Тони то и дело заходил в лавку и всегда перекидывался несколькими словами с Эшлинг, но никогда не заигрывал с ней. Как-то за ужином Имон сказал, что Тони Мюррей, похоже, выживает из ума: постоянно покупает то гибкий шнур, то коробки гвоздей, но понятия не имеет, что у него уже есть, и не помнит, что покупал то же самое позавчера.

– Мне кажется, он наполовину не в себе, – сказал Имон.

– А мне кажется, он неравнодушен к Эшлинг, – возразил Донал.

Эшлинг положила вилку и расхохоталась во все горло:

– Неравнодушен ко мне? Я тебя умоляю, да ему же сто лет в обед! Не может быть, чтобы он в меня влюбился!

– Хватит смеяться над клиентами и выбросьте из головы дурацкие идеи! – проворчал Шон, не отрывая взгляда от газеты.

– Папаня, у меня нет никаких дурацких идей, это Донал додумался. Ну-ка, Донал, скажи, почему ты так решил?

– Я видел, как он на тебя глазел в воскресенье во время мессы. Так смотрят, когда западают на кого-то.

– И как именно он смотрел? – поинтересовалась удивленная Эйлин.

– Как больной бычок! – предположил Имон.

– Вот так... – продемонстрировала Ниам, закрыв глаза и сложив руки в позе мольбы. – Несравненная Эшлинг, будь моей!

– Или просто бледный и истомленный тоской, – выдвинула свою версию Эшлинг.

– Да нет же! – запротестовал Донал. – Он часто смотрел на тебя во время проповеди, а потом, когда мы все разговаривали снаружи, он смеялся над тем, что ты сказала, и слишком внимательно тебя слушал.

– Меня невозможно слушать слишком внимательно! – заявила Эшлинг. – Большинство людей слушают меня с открытым ртом!

– О божечки! – буркнул Имон.

– Прекрати богохульствовать за столом! – отозвался Шон.

– А ты не заметил, может быть, кто-то слишком внимательно слушает Имона? Может, ты и там влюбленность углядел? – поддразнила Эшлинг.

Донал воспринял вопрос всерьез:

– Нет, но я не обращал особого внимания. Мне кажется, некоторые девчонки-продавщицы хихикают, срывают с него кепку и убегают с ней после службы по воскресеньям.

– Так вот зачем вы ходите в церковь? А я-то думала, что ради любви к Сердцу Иисуса, – сказала Эйлин.

– И ради этого тоже, – ответила Эшлинг, которая сама любила наряжаться и ходить на богослужения, где можно и на людей посмотреть, и себя показать, а потом все собирались возле церкви и болтали.

– Меня, значит, понизили до уровня продавщиц, а принцесса Эшлинг получает принца-купца! – наигранно обиделся Имон, и все засмеялись.

– Было бы круто, если бы Тони Мюррей влюбился в Эшлинг и они поженились! – размечталась Ниам. – У нас появилась бы куча денег и садовник, как у Мюрреев!

– Зачем тебе садовник? У нас и сада-то нет, дурья твоя башка! – отозвался Имон.

– С какой стати ты хочешь выдать меня замуж не за кого-нибудь, а за Тони Мюррея?! – завопила Эшлинг. – Да он же старик, ему уже почти тридцать! Господи помилуй! Он одного возраста с маманей и папаней!

Однако когда на следующий день Эшлинг встретила Тони Мюррея в кино, то принялась с ним кокетничать, хихикать и бросать на него многообещающие взгляды, чтобы проверить, есть ли у подозрений Донала хотя бы малейшие основания. К ее удивлению, Тони Мюррей явно отвечал взаимностью.

– Придешь в кино завтра? – спросил он.

– Это вопрос из вежливости или просьба? – прыснула Эшлинг.

– Просьба.

– То есть ты меня приглашаешь?

– Я приглашаю тебя сходить в кино, – наконец сообразил он после ее подсказок.

– Ну что ж, я принимаю приглашение.

– Тогда встретимся здесь?

Они посмотрели на афишу: «Национальный бархат».

– Отлично.

Молчание.

– Фильм должен быть неплохой, – сказал Тони.

– Да, похоже.

– Хорошо, что изменили программу.

– Она всегда меняется по четвергам.

– Да, точно, – согласился Тони Мюррей, и они расстались.

Эшлинг хихикала всю дорогу до дома, где повстречалась с Джуди Линч и Энни Фицпатрик.

– У меня завтра вечером свидание! Тони Мюррей купит мне билет в кино!

Новость впечатлила. Эшлинг задумалась: почему у Тони нет друзей среди сверстников? Может, он какой-то ненормальный?

Она рассказала мамане о разговоре. С ума сойти, ведь Донал оказался прав!

– Приглашение в кино еще не означает, что он в тебя влюблен. Из того, что ты сказала, сдается мне, что именно ты навела его на эту мысль, – неожиданно жестко ответила Эйлин.

– Маманя, ты чего? На что рассердилась? Я же просто пошутила над ним!

– Извини... – Эйлин невероятно редко извинялась, даже если вела себя резко, и Эшлинг пришла в изумление. – Да, ты права, мне не следовало так говорить. – Перед приходом дочери Эйлин читала и

теперь сняла очки; Шон уже лег спать; маманя выглядела усталой. – Не знаю... Наверное, мне кажется, что ты не осознаешь свою привлекательность, Эшлинг. Ты действительно очень красивая девушка. Ты можешь вскружить мужчине голову, но ты еще слишком глупая. Все решат, что вы пара, а потом ты натворишь глупостей.

– Маманя, я же сказала, что всего лишь пошутила! Он ведь старик, в отцы мне годится!

– Милая, он тебя лет на одиннадцать старше, а то и меньше. Он холостяк. И хочет остепениться. Его не интересуют балы и танцульки в Дублине, он выпивает с парнями. Его мать безумно хочет, чтобы он наконец завел семью, потому что ему уже пора. Теперь ты понимаешь, что я имею в виду? Для него подобные вещи совсем не шутка, именно поэтому мне не нравится, что ты связываешься с ним, а в итоге все закончится ничем.

– Да где я с ним связываюсь? Можно подумать, мы объявляем о помолвке! Маманя, не делай из мухи слона.

– Килгаррет – городок маленький, ты не представляешь, насколько люди любят позлорадствовать.

– Над чем тут злорадствовать? Они же не могут сказать, что он меня бросил, если именно я не отношусь к нему серьезно?

– Нет, деточка, конечно не могут. Давай-ка выключать свет и ложиться спать, хватит болтать всякие глупости.

*Дорогая Эшлинг,
расскажи подробнее про Тони Мюррея. Последнее, что я о нем от тебя слышала, был какой-то случай, когда он застал Джоанни за чем-то таким, про что ты тоже толком ничего не объяснила. Я думала, он совсем старый, как дядюшка какой-нибудь. И все же ты сходила с ним в кино два раза за шесть недель! У вас роман? Делает ли он «намек», как мы это когда-то называли? Я бы очень хотела, чтобы ты поделилась со мной подробностями, ведь я же умею хранить тайны, верно? Я все равно за сотни миль от вас в другой стране.*

Миссис Эллис, та самая ужасная тетка, которая строит планы на отца, старается изо всех сил. Приближается день рождения отца, и она постоянно

твердит, что хотела бы организовать небольшую вечеринку «в честь пятидесятилетия твоего папы». Чтобы она отвязалась, пришлось сказать, что я сама организую тихие семейные посиделки дома, и она наконец отстала. Дядюшке Шону уже исполнилось пятьдесят? Вы как-то отпраздновали юбилей? Семейный ужин не выглядит особо праздничным вариантом, если нас в семье всего двое, хотя, возможно, когда отец узнает, что я отвадила миссис Эллис, он повеселеет.

Мы часто встречаемся с Джонни. Слишком трудно объяснить тебе, что происходит. Я попробовала, но в итоге порвала написанное, так как оно звучало как дурацкий любовный роман. А на самом деле все совсем не так. Просто я безумно его люблю, а он любит меня. Хотя мы никогда не говорили «я люблю тебя» и все такое. Если бы мы с тобой встретились, я смогла бы объяснить понятнее. Ты спрашивала, как он выглядит. Мне кажется, он немного похож на Кларка Гейбла, только худее и без усов. Такое описание звучит нелепо, я всего лишь пытаюсь сказать, что он темноволосый и невероятно привлекательный, на него все оборачиваются, но он, кажется, даже не замечает. Я потом напишу тебе, что вышло из вечеринки для отца.

Всех целую! Как ты знаешь, я иногда пишу тетушке Эйлин: никаких секретов, обычные письма, но в последнее время давно не писала, все как-то не до того, много дел и голова кругом. Надеюсь, она на меня не в обиде.

Целую,

Элизабет

*Дорогая Элизабет,
похож на Кларка Гейбла? С ума сойти! Неудивительно, что ты про него молчала, не хотела, чтобы другие на него смотрели. Не понимаю, почему так сложно объяснить, что между вами происходит. Я знаю, мы обе не очень-то умеем писать письма, но я собираюсь исправиться и попробую рассказать тебе про Тони. Он совсем старый, ему тридцать*

лет, скоро будет тридцать один. Он учился в университете, но не закончил. Жил в Лимерике, изучал винное дело и теперь управляет компанией Мюрреев в Килгаррете. Похоже, он от меня без ума. Сама не знаю почему. Он кладет руку мне на шею и крепко сжимает (ужас!), целует меня в машине и пытается засунуть язык мне в рот, но я не поддаюсь. Я позволяю такое как бы случайно. В любом случае мне все это не по душе.

Мне нравится, когда он говорит, что я красивая, а еще он часто приходит и разговаривает с маманей и папаней, а потому все в курсе, что он «проявляет интерес», как здесь говорят. Папаня не знает, что делать, у него нет опыта в таких делах. С Бренданом Дейли было по-другому, поскольку весь Килгаррет знает, что Брендан и все семейство Дейли не в своем уме, а Тони Мюррей здесь считается завидным женихом. Маманя дико недовольна мной. Она думает, что я играю его чувствами. Я! Эшлинг О'Коннор играет чувствами завидного жениха, которому сто лет в обед! В любом случае у меня нет к нему особых чувств. Он нравился бы мне больше, если бы не выглядел таким идиотом и не пыхтел так сильно в машине.

И конечно, он совсем не похож на Кларка Гейбла. Во-первых, он более толстый, какой-то весь квадратный, и волосы у него черные и кудрявые. Не красавчик, и до Кларка Гейбла ему уж точно далеко.

Ну вот, я все тебе рассказала. Теперь ты можешь сесть и написать мне про вас? Я не стала рвать страницу, хотя тот кусочек про поцелуи мне кажется немного противным.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

я обязательно напишу. Недели через две. Обо всем тебе напишу. Просто сейчас тут столько всего происходит... У

*меня ни минутки нет свободной. Через две недели. Обо всем.
Во всех красках и подробностях. Жди!*

Целую,

Элизабет

P. S. Тебе хоть в чем-то нравится Тони Мюррей?

Отец сказал, что не хочет никаких особых вечеринок ради его юбилея. Чего там вообще праздновать! Элизабет порядком разозлилась:

– Ты мой единственный отец, и тебе исполняется пятьдесят лет! Я думаю, нам следует устроить что-нибудь особенное. У тебя есть два варианта. Первый: я приглашаю тебя в ресторан и покупаю бутылку вина. У меня есть небольшие сбережения, я буду очень рада сделать тебе подарок. Второй: мы можем пригласить к нам твоих знакомых по бриджу, кого-нибудь из банка и одного-двух соседей...

– Нет, нет и нет! Моим знакомым по бриджу не понравится вечеринка без игры в бридж, – возразил отец.

– Хорошо, тогда только мы с тобой, – решила Элизабет.

– Но идти в ресторан слишком дорого...

– Ладно, это будет суббота, так что я приглашу Джонни к нам на обед, мы будем пить вино и есть вкусную еду.

– Звучит неплохо! – с облегчением согласился отец.

Теперь от него ничего не требовалось, кроме как присутствовать при происходящем. И он был неимоверно доволен, что удалось избежать чего-то слишком праздничного.

– Джонни Стоун – славный парень, с ним приятно общаться. Я буду рад, если он придет к нам на обед.

Да уж, подумала Элизабет, все обожают Джонни Стоуна. Осталось самое сложное – пригласить его на обед.

* * *

– Ты не подумаешь, что я собираюсь затянуть тебя в брачные сети, если я попрошу сделать мне одолжение?

Они лежали, завернувшись в простыни, на полу комнаты Джонни, читали воскресную газету и пили молоко через трубочку.

– Гм... что? Что за звуки, словно кто-то пытается подрезать мне крылья? – спросил он, не отрывая глаз от газеты.

– Нет, ничего подобного! Просто скоро отцу исполняется пятьдесят лет, а у него нет никого, кто ему действительно нравится... Я подумала, что приготовлю особый обед... по рецептам семейства Уайт... и, может быть, ты придешь, чтобы поддержать разговор?

Джонни поднял взгляд:

– О нет, милая, я там буду лишний. У вас ведь семейный праздник, день рождения.

– Черт возьми, тебе прекрасно известно, что за семейка мы с отцом!.. В нашем доме маловато традиционных родственных чувств. И вдвоем мы будем выглядеть как идиоты. Нет, нужен кто-то посторонний, чтобы создать праздничную атмосферу. Пожалуйста, приходи, милый. Ну пожалуйста!

Джонни покачал головой:

– Нет, честное слово, я вам только помешаю. От меня никакого толку во всяких формальных сентиментальностях... Ты ведь знаешь, что я терпеть не могу ездить домой к своей старухе на Рождество, потому что она хочет, чтобы все делалось по правилам, как положено.

– Но ты так здорово пообщался с мамой и Гарри...

– Лапушка, это же совсем другое дело! Просто так удачно сложился вечер. Без формальных приглашений и прочих церемоний.

– Джонни, ну пожалуйста! Я тебя умоляю!

Он снова уткнулся в газету:

– Нет, дорогая. Я буду не в своей тарелке. И не получу никакого удовольствия.

– Ты когда-нибудь делаешь то, что не доставляет тебе удовольствия? – В ее голосе неожиданно прорезалась резкая нотка.

Удивленный Джонни поднял глаза:

– Нет, не часто, а что?

– А я делаю, и очень часто, как и многие другие. Пожалуйста, Джонни, всего один вечер, чтобы доставить удовольствие мне и порадовать отца.

– Нет, дорогуша, попроси кого-нибудь еще. У тебя же есть друзья.

Вот и все. Он не придет. Не сделает ей одолжение и даже не станет что-либо обдумывать или обсуждать. Он полагает, что у нее есть друзья, столь же близкие, как и он. Он думает, что Кейт, Эдвард и Лайонел тоже приходят к ней в гости.

Ей нужно или принять такую черту в Джонни как есть, или требовать большего. Но ей только что показали, что дверь закрыта. Ничего большего не предложат. Если она станет настаивать, то ничего не получит, а также лишится того, что уже имеет. Она как-то видела Лили, которая когда-то была подружкой Джонни, когда та зашла в магазин. Ей все еще нравился Джонни, и он вел себя все так же мило, однако Лили уже однажды провалила экзамен, а второй попытки не будет. Лили устроила сцену, когда Джонни отказался пойти с ней на танцы в колледже в конце семестра. Элизабет следовало поучиться на чужих ошибках.

– Ну что ж, эгоистичный сукин сын, тогда ты останешься без хорошего обеда! – задорно сказала она.

Элизабет выглядела жизнерадостной и беззаботной. Джонни ни за что бы не догадался, какую боль причинил ей отказ. На ее смеющемся лице не отразилось и тени гнетущего осознания, к которому она только что пришла: ее любовь к нему должна быть односторонней и полной притворства, если она хочет сохранить отношения. Джонни не собирался идти ни на какие уступки и даже шага навстречу не сделает. Играть можно только на его территории и по его правилам.

Элизабет заставила себя углубиться в газету, держа на лице приклеенную улыбку. Она знала, что Джонни за ней наблюдает.

– Пойди сюда, красотка, – сказал он, разворачивая простыню. – Ты слишком привлекательная девушка, чтобы тратить время на чтение газет. Тебе следует доставлять удовольствие мимо проходящему джентльмену, вот чем тебе следует заниматься!

Счастливая, она лежала и смотрела в потолок, пока Джонни мирно дремал у нее на груди. Утреннее солнце било в окно. Скоро они оденутся и пойдут в паб у реки, где он закажет ей стакан шенди и сэндвичи.

Элизабет успешно сдала экзамен. Она могла бы надуться, или убежать в слезах, или продолжать упрашивать и разозлить его, но он бы не поддался и в конце концов ушел бы на ланч без нее.

Однако Элизабет ничего подобного не сделала, и теперь награда лежала в ее объятиях. Он все еще любит ее и хочет. И ради такого можно пойти на мелкие жертвы.

* * *

Однажды летним вечером, когда атмосфера в машине накалилась от страсти, возни, заигрываний, отказов и ерзанья, Тони Мюррей сказал Эшлинг, что хотел бы, чтобы она серьезно подумала об их отношениях.

– Я хочу, чтобы ты знала, что я никогда не встречал никого привлекательнее тебя.

– Спасибо за комплимент, Тони, но я все равно не собираюсь снимать лифчик! – ответила Эшлинг.

– И я рад, что не собираешься. Я знаю, что ты не из тех, кто пойдет развлекаться с первым встречным, и уважаю тебя за это. – Его лицо покраснелось от натуги.

– Ну, такой уж я уродилась.

Эшлинг была озадачена, так как позволила ему зайти куда дальше, чем считала благоразумным. Конечно, она не в первый раз пересекала границы дозволенного до брака. В конце концов, при всей неопытности, Эшлинг ясно понимала, что, тиская ее, Тони удовлетворял свои низменные потребности, а монахини говорили, что именно такой путь приводит людей к смертному греху. Тем не менее Тони все еще уважал ее!

– Мне становится все труднее продолжать подобные... прогулки, – признался Тони.

– А мне нравится гулять с тобой! – ответила Эшлинг, намеренно не замечая намека.

– Нет, я не в том смысле. Ты знаешь, о чем я. То есть ты мне так сильно нравишься, что я хочу, чтобы ты всегда была со мной...

Эшлинг решила, что подобное заявление слишком похоже на предложение руки и сердца. Она посмотрела на Тони, как если бы видела его впервые.

Пожалуй, он вполне привлекательный. У него крепкая шея и красивые темные глаза. Другие девушки говорили ей, что он

красавчик, да и в городе его считали хорошим человеком. Эшлинг знала: папаня возражать не станет.

«Было бы неплохо, если бы ты вышла замуж в семью Мюррей», – однажды сказал он как бы в шутку, хотя, по мнению Эшлинг, вовсе не шутил. У мамани были опасения, но только потому, что она считала дочь слишком легкомысленной.

«Я и правда слишком легкомысленная, – внезапно осознала Эшлинг. – И я не собираюсь позволить кому-нибудь втянуть меня в то, в чем я не уверена. Я не позволю ему потребовать от меня ответа „да“ или „нет“. Я отложу этот вопрос. Хоть раз в жизни сделаю что-нибудь умное!»

Она чмокнула его в лоб:

– Тони Мюррей, ты безумно привлекательный мужчина и говоришь очень приятные вещи, которые кружат мне голову. Однако ты уже взрослый и точно знаешь, что делаешь. А я нет, я... я еще нигде не успела побывать. Ты уже учился в университете, жил далеко от дома в Лимерике и Дублине, съездил во Францию и в Рим. А я дальше Дублина не выезжала, всего один раз переночевала в Дун-Лэаре, да и то вместе со всей семьей. Если я хочу, чтобы ты меня ценил, то мне нужно немного подрасти, перестать быть глупой провинциалкой из Килгаррета. И тогда ты будешь от меня без ума.

– Я и так уже без ума от тебя, – пробормотал Тони.

Эшлинг, как бы случайно, переместила его в сидячее положение и села сама, что означало конец тисканьям.

– Да, но подожди немного, пока я не наберусь опыта, тогда со мной никто не сравнится, – убеждала она.

– Я не хочу, чтобы ты набиралась опыта, – уперся Тони.

– Разве ты не хочешь, чтобы я стала более умной и утонченной? Ну сам подумай, тебе куда больше понравится умница Эшлинг, а не такая дурочка, как сейчас.

– И где ты собираешься набираться опыта? Как собираешься стать умной и утонченной? – проворчал Тони.

Эшлинг понятия не имела, что сказать, и лихорадочно соображала, какой именно ответ его удовлетворит.

– Ну... я пока не решила, но думаю, что сначала стоит немного попутешествовать. Не уезжать навсегда, а просто расширить горизонты, посмотреть мир. Мне еще и двадцати не исполнилось,

Тони. Сейчас может показаться, что я замечательная, но вскоре я могу превратиться в одну из тех клуш, которых ты видишь в церкви и которые знают только то, что проповедует священник, и способны обсуждать лишь наряды соседок.

– Ты никогда...

– О, вполне может быть! Я уже замечаю в себе такое, – разошлась Эшлинг, чувствуя, что берет верх; пора переводить разговор на другую тему. – Послушай, на следующей неделе я скажу тебе, куда и когда я уеду, чтобы посмотреть мир.

Он поворчал, но согласился и неохотно отвез ее домой. Как обычно, маманя еще не спала.

– Ты припозднилась, – заметила она без особого упрека в голосе.

– Знаю. После кино мы поехали кататься, и Тони заболтался.

Эшлинг торопливо осмотрела себя в зеркале, чтобы убедиться, что помада не размазалась, а блузка застегнута на все пуговицы.

Впрочем, непохоже, что маманя приглядывалась.

– Я просто ждала, пока ты вернешься, – сказала она, складывая вязанье и начиная выключать светильники.

– Ну, маманя, зачем? Ты прекрасно знаешь, со мной все в порядке и ничего... что я не... я обязательно вернусь домой.

– Конечно знаю, деточка, но ты же моя старшенькая, верно? В твоём возрасте Морин уже уехала в Дублин, а с мальчишками все по-другому. Мне бы и дела не было, в котором часу Шон или Имон возвращаются домой.

– Но ведь я же не доставляю тебе хлопот, верно? Я прилежно помогаю в лавке, весь город завидует, что я отхватила самого видного жениха... Маманя, честное слово, я не идиотка. Сегодня я сказала ему, что слишком молода для серьезных отношений. И сначала хочу посмотреть мир.

Маманя засмеялась:

– И куда же ты собралась для начала? В Уиклоу? Может, аж в Уэксфорд?

– Маманя, я точно уеду куда-нибудь. Я просто хотела дать ему понять, что в каком-то смысле осознаю свои недостатки.

Маманя взъерошила ей волосы и снова засмеялась:

– С тобой не соскучишься! Неудивительно, что Тони Мюррей без ума от тебя.

На столике в прихожей лежало письмо из Лондона. Эшлинг нетерпеливо схватила его, чтобы почитать перед сном. Похоже, Элизабет написала все в подробностях, как и обещала: конверт выглядел довольно пухлым.

Эшлинг взяла на кухне стакан молока и кусок пирога и уселась наслаждаться историей. Однако письмо оказалось совсем коротким, а толщину конверту придавали четыре пятифунтовые банкноты – английские, с портретом короля Англии, – завернутые в папиросную бумагу.

В самом письме никаких подробностей не сообщалось.

Дорогая Эшлинг,

ну не глупо ли вспоминать наши детские выходки, как ты думаешь? Ты помнишь, как мы стали кровными сестрами, смешав кровь в бутылке, и поклялись помогать друг другу в беде?

Сейчас мне нужна твоя помощь. Очень прошу тебя, приезжай в Англию. Посылаю тебе деньги на проезд. Пожалуйста, приезжай прямо сейчас. Тебе нужно добраться сюда до субботы. Будем праздновать пятидесятилетний юбилей отца, и я не смогу справиться в одиночку. Прощу тебя, приезжай! Я все тебе расскажу, когда приедешь. Не говори тетушке Эйлин, что это срочно. Сделай вид, что просто хочешь уехать отдохнуть. Пожалуйста!

Элизабет

«Ого! – подумала Эшлинг. – Ничего себе везение! Возможность посмотреть мир и расширить кругозор свалилась мне на голову, как только я про такое задумалась. Вот так подарок судьбы!»

* * *

Элизабет не заметила, чтобы грудь становилась больше, но обратила внимание, что месячные задержались. На целых три недели.

Раньше задержка не превышала четырех дней. Она намеренно выбросила страхи из головы в надежде, что причина в нервах, напряжении или еще в чем-то подобном, как пишут в медицинских журналах.

И все же, когда в воскресенье вечером Джонни отвез ее домой в Кларенс-Гарденс и умчался, она уже не смогла отделаться от тревожных мыслей. Двадцать один день. Она еще раз проверила календарь и горестно улыбнулась, зная, что прямо сейчас множество девушек по всему миру точно так же судорожно высчитывают дни и говорят себе, что этого не может быть, с ними такое никак не могло случиться, а в сердце, как ни старайся, все туже затягивается узел страха и недоумения.

Элизабет выглянула в окно и увидела в саду отца, который бестолково суетился, пытаясь подвязать к изгороди жимолость, растянувшуюся по земле и потому спутанную. Его безуспешные попытки показались ей невыносимо жалкими, словно ему не пятьдесят, а все семьдесят. Он выглядел унылым и подавленным, как будто всегда знал, что ничего в жизни не добьется.

Если бы здесь был Джонни, то в саду кипела бы жизнь и звучал смех. Все бы пришло в движение, посыпались бы разные идеи, как справиться с непокорной жимолостью, в землю бы решительно вбили колышки. Если бы мама была здесь, причем в хорошем настроении, она бы тоже смеялась и с любопытством взялась за дело, а Гарри бы бахвалился и хохотал, насмехаясь над всеми. Отец же выглядел так, словно уже умер, а все, что он делает, не более чем печальная обязанность, отягощающая его даже после смерти.

Бедный мертвый папа! Ему незачем жить и не на что надеяться. Даже в бридже обнаружился скрытые опасности в виде жуткой вдовы Эллис, которая ему проходу не дает. Элизабет решила отложить календарь, навевающий отчаяние, и выйти в сад, чтобы помочь отцу.

– О, привет! Не знал, что ты вернулась, – увидев ее, удивился он.

– Да, с час назад пришла домой.

– Ты уже пила чай?

– Нет, я бы позвала тебя, если бы приготовила чай. Я сразу пошла к себе.

– Понятно.

– Папа, что ты делаешь?

– Дорогая, как по-твоему, что я могу делать? Пытаюсь как-то обуздать дикие джунгли.

– А конкретнее? Скажи, чем именно ты занят, вдруг я смогу помочь.

– Гм... не думаю, что сможешь... – Он выглядел как старая растерянная птица.

– Ты выпалываешь сорняки на грядке? – спросила Элизабет, стискивая зубы.

– Ну... тут все заросло... – махнул он рукой.

– Да уж, действительно все заросло. Тогда давай начнем полоть? Ты оттуда, а я – отсюда, встретимся посередине.

– Не уверен, что у нас что-то выйдет.

Огромным усилием воли Элизабет сдержалась и понизила голос на октаву, прежде чем ответить:

– Почему ты решил, что ничего не выйдет? – Она произнесла каждое слово ровно, без тени ярости на лице.

– Понимаешь, так трудно разобраться... где тут сорняки, а где цветы... сад ужасно зарос.

– Вот эта трава точно сорняк, ее можно выполоть. Закончив с ней, посмотрим еще раз и решим, что делать дальше.

Она смотрела на него с надеждой, что ее энтузиазм хоть немножко передастся и ему.

– Не знаю, – покачал головой отец.

Элизабет решительно подошла к сарайчику, достала оттуда картонку, свернула ее и положила себе под коленки. Вернулась к большому цветнику и начала выдирать из него пучки травы.

– Смотри, уже выглядит заметно лучше! – воскликнула она, но отец продолжал стоять в растерянности, не желая присоединиться к внезапному порыву. – Ну же, папа! За полчаса мы все приведем в идеальный порядок!

Он снова занялся спутанными плетями жимолости.

– Это не сорняк, а жимолость, – сказал он. – Не вырывай ее.

– Я знаю, папа. Мы уберем только траву. Давай же, если ты не начнешь сейчас, то скоро я дойду до твоего места.

– Тут такие заросли, – вздохнул он. – С ними невозможно совладать! По крайней мере, если работаешь целыми днями, как я. Без дополнительного помощника с таким большим садом не справиться.

– У тебя есть помощник, – откликнулась Элизабет со своего конца цветника. – Я тебе помогаю!

– Понимаешь, тут все запустили, а теперь нужно, чтобы кто-нибудь дважды в неделю наводит здесь порядок.

Элизабет молча продолжала полоть. Ей понадобилось сорок пять минут. Лицо заливал пот, одежда промокла. Она собрала охапку травы, плотно завернула ее в старые газеты и положила на дно мусорного бака.

– Мусорщики не любят траву, – сказал отец, который потратил сорок пять минут на возню с жимолостью.

– Папа, они не поймут, что это. – Элизабет вздохнула. – Именно потому я и использовала газеты. Мало ли что в них завернуто, а вдруг расчлененные куски трупа!

Отец даже не улыбнулся.

Убрав все в саду, Элизабет залезла в ванну. Говорят, горячая ванна может вызвать месячные, если есть задержка. Болтают даже, что не только месячные... Элизабет чуть не потеряла сознание, когда допустила такую мысль. Она погладила живот: все еще плоский. Наверное, она все придумала. Ей просто показалось. Месячные у всех то и дело запаздывают. В мире кто-то постоянно придумывает себе страшилки.

Отец накрыл на стол. На ужин были тосты с сардинами и помидорами. Элизабет решила развеселить отца. Она словно играла в игру, что-то вроде «если я не наступлю на трещины на асфальте, то получу пятерку за сочинение», только в этот раз игра называлась «если я сумею развеселить отца, то окажется, что я не беременна».

Про сад заговаривать явно не стоило. Как бы Элизабет ни хвалила уже сделанное и ни обещала уделять саду по часу каждый день, ей не удавалось развеять его уныние по поводу непокорных джунглей за дверью. Он печально качал головой, словно некие силы в саду упорно сопротивлялись попыткам любительского садоводства. Бридж лучше не упоминать на случай, если речь пойдет о миссис Эллис, но Элизабет все же попыталась.

– Как ты думаешь, папа, миссис Эллис надеется переехать к нам жить? – спросила она, аккуратно срезая корочку с тоста и посыпая помидор сухими травками.

– Понятия не имею, о чем она вообще думает! Ужасно вульгарная женщина. Со стороны мистера Вудса было большой ошибкой пригласить ее в клуб. Его неверно информировали и ввели в заблуждение.

– Если она вам так мешает, то почему бы вам всем не сказать ей, чтобы она убралась с глаз долой?

– Так нельзя! Нельзя запретить человеку приходить на игру.

– Тогда почему вы не начнете играть по новой, без нее? Просто избавились бы от нее как бы случайно, если она такая вульгарная. Я имею в виду, вы не обязаны играть в бридж с тем, кто вам не нравится. Не обязательно делать что-то, чего не хочешь делать.

С ее языка легко слетели слова и убеждения Джонни, но отец с ними не согласился:

– Ну разумеется, людям приходится делать то, чего они не хотят, а как иначе? Все всегда делают что-то такое, что предпочли бы не делать... Элизабет, дорогая, пожалуйста, не добавляй всякие травки и специи на мои помидоры, они только вкус портят... Спасибо... Никто не может всегда делать только то, что ему вздумается.

– Но, папа, если она никому из вас не нравится и попала к вам по ошибке, то что теперь, вы так и будете терпеть ее вечно?

– К сожалению, да.

Элизабет соскребла сухие травки с помидоров, предназначенных для отца, и, пока он не видел, положила помидоры на место, затем поставила тарелки на стол.

– А расскажи мне о времени, когда ты был в моем возрасте или немного старше, лет так в двадцать с хвостиком. Разве в те времена люди никогда не делали то, что хотели?

– Я не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Например, когда ты начинал работать в банке, все делали что хотели или только то, что должны были? Ты должен то, ты должен сё?

– Не знаю даже...

– Папа, ну как ты можешь не знать? Вспомни! Неужели ты забыл, каково быть двадцатилетним?

– Конечно нет...

– Ну и каково же?

– Очень печально. Все только что вернулись с войны, многие ранены или покалечены. Некоторые бахвалились, как и после этой

войны. И все давали тебе понять, что ты маменькин сынок, потому что тебя не взяли в армию.

– Ты ведь не виноват, что тебя не взяли.

– Я знаю, но попробуй объясни это парням в военной форме, которые практически обвиняют тебя, что ты прятался под кроватью, а сами только и знают, что хвастаться! Когда мне исполнилось восемнадцать, я пошел на призывной пункт. Мать не хотела меня пускать, но я все равно пошел, не стал ждать повестки.

– Некоторые ведь ходили туда еще до того, как им исполнилось восемнадцать, верно? Шон, старший брат Эшлинг, которого убили, как-то рассказывал мне об этом.

– Не знаю, может, ходили, а может, не ходили. Надеюсь, ты не хочешь сказать, что я обязан был пойти туда до совершеннолетия...

– Нет, папа, я просто вспомнила...

– В общем, я пошел на призывной пункт прямо в день рождения, чтобы защищать свою страну, а они записали меня в резервисты, поскольку я не годился по здоровью. Уже тогда у меня была слабая спина, именно поэтому я не могу заниматься садом. Ты же понимаешь, такой большой участок невозможно обрабатывать в одиночку...

– А ты со многими девушками встречался, прежде чем познакомился с мамой?

– Что? Что ты имеешь в виду?

– Я только спросила, часто ли ты развлекался и общался с девушками в молодости?

– Я ведь уже сказал, только что закончилась мировая война.

– Да, но все говорят про двадцатые годы, про эмансипацию женщин и веселые времена. Как танцевали чарльстон, устраивали танцевальные вечеринки и носили умопомрачительные шляпки, похожие на ведра...

– Что?..

– Ну, папа, разве ты не знаешь, именно так все представляют себе двадцатые годы.

– Уверяю тебя, мне они помнятся совсем другими. То, что ты описала, могло быть верно для некоторых безответственных бездельников, которым повезло родиться в богатых семьях. Для меня и тех, с кем я работал, все было совсем по-другому.

– А разве мама не была одной из тех эмансипированных женщин? Я видела ее старые фотографии, она носила такие платья. И говорила мне, что ходила на танцевальные вечеринки. Она все еще часто про них пишет...

– С чего вдруг столько вопросов? Зачем тебе?

– Папа, я всего лишь пытаюсь узнать о тебе немного больше. Мы живем в одном доме, но я почти ничего о тебе не знаю.

– Что за глупости! Не говори ерунды!

– И вовсе не глупости. Мы живем вместе много лет, а я понятия не имею, что тебя радует, а что огорчает.

– Могу тебе сказать: все эти дурацкие вопросы... про то, что было в то время... меня скорее огорчают, чем радуют.

– Но почему, папа? Разве ты не был счастлив в молодости?

– Конечно был.

– Разве ты не был счастлив, когда вы с мамой влюбились, и все такое?

– Ей-богу, Элизабет...

– Но, папа, когда вы с мамой ждали меня, ну... то есть когда мама пошла к врачу и все подтвердилось, что ты делал? Что ты сказал? Вы как-то отпраздновали?

– Элизабет...

– Мне и правда интересно! Я хотела бы знать. Мама пришла от доктора и сказала: «Так и есть, я беременна, ребенок родится в мае» – или как?

– Я не помню...

– Папа, я твой единственный ребенок, как ты можешь не помнить?! – Элизабет невольно стала повышать голос, но спохватилась. – Папа, пожалуйста, попробуй вспомнить.

Он уставился на нее.

– Я помню, как ты родилась, – наконец сказал отец, – но не помню день, когда узнал про беременность.

– А ты обрадовался или посчитал ребенка проблемой?

– Обрадовался, разумеется.

– Разве ты не подумал, что теперь добавится хлопот? Почему ты обрадовался? Ты ждал моего рождения? Мечтал о маленьком свертке в коляске?

– Конечно, я не знал, каково иметь в доме маленького ребенка... но я обрадовался.

– А можешь вспомнить, почему ты обрадовался?

– Наверное, подумал, что ребенок сделает Вайолет... успокоит твою мать. Она казалась мне беспокойной.

– Даже в те времена?

– Да...

– И она успокоилась?

– От чего?

– Когда я родилась, она успокоилась?

– В каком-то смысле да.

– Папа, а когда ты был счастливее всего в те времена?

– Элизабет, мне не нравятся подобные разговоры. Ты задаешь слишком много вопросов о слишком личных вещах и в каком-то смысле лезешь не в свое дело. Не следует задавать людям такие вопросы.

– Но как еще можно узнать, что чувствуют другие...

– Дорогая, люди достаточно хорошо понимают, что чувствуют другие. Нет нужды знать о человеке абсолютно все.

– Папа, ты не прав. Нужно знать куда больше, чем ты хочешь знать. Ты бы предпочел ничего не знать ни о ком, лишь бы все вели себя как положено.

– Это не так.

– А как? Я тебя умоляю, я прошу тебя рассказать о себе, чтобы я тоже могла рассказать тебе о себе... и чтобы ты понимал, что я делаю и чувствую...

– Но я и так интересуюсь твоими делами и очень тобой горжусь. Ты не можешь обвинять меня в...

– А ты когда-нибудь разговаривал с мамой о чувствах? Я имею в виду, что ты думал, чего хотел и как сильно ты ее любил?

– Элизабет, ну что за вопросы!

– Честно говоря, если ты с ней никогда не разговаривал, то я понимаю, почему она ушла. Дело вовсе не в том, что ты недостаточно для нее хорош и Гарри лучше. Скорее всего, она ушла, потому что чувствовала себя одинокой...

– А ты думаешь, что ее ненаглядный Гарри Элтон – великий философ? Ты и правда думаешь, что он сидит и рассуждает о смысле

жизни, как тебе бы хотелось? Что за дурацкая идея!

– Нет, я вовсе так не думаю. Гарри далеко не философ, зато он умеет шутить и смеяться. В идеале хорошо бы иметь мужа, способного и на то и на другое, но, похоже, нельзя получить все сразу. А ты, папа, не умеешь ни смеяться, ни разговаривать, так что хуже не придумаешь...

Отец встал, покрасневшись от обиды, играя желваками и стискивая кулаки. Элизабет впервые видела его таким несчастным и униженным.

– Ну что же, – в конце концов выдавил он, – вот и поговорили. Право, не знаю, что я сделал, чтобы заслужить подобное обращение. Я занимался своими делами в саду, а ты вернулась домой на нервах. И принялась критиковать мой сад, хотя до этого ни разу не пыталась мне помочь... Ты осуждаешь то, как я провел свою молодость. Набрасываешься на меня за то, что я не могу вспомнить каждую секунду твоей жизни до и после рождения... – Сквозь слова стали прорываться рыдания. – Но и этого тебе мало, ты обрушиваешь на меня обвинения в обидных вещах и неприятных временах... и упрекаешь в том, что твоя мать пренебрегла своим долгом и бросила семью! – В его голосе звучало столько боли, что он едва мог говорить. – Не представляю, с чего ты завела весь этот разговор. Остается надеяться, что ты всего лишь поссорилась со своим молодым человеком и в будущем подобное не повторится.

Отец никогда не называл Джонни ее молодым человеком. И ему бы не хватило воображения, чтобы представить, как всего несколько часов назад Элизабет и ее «молодой человек» кувыркались на полу в обнаженном виде и что, вполне вероятно, она носит его ребенка, а никакой ссоры между ними не было и быть не может.

Увы, колдовство не сработало: отец не развеселился, а скорее наоборот. Следовательно, она и в самом деле беременна.

Элизабет встала:

– Ты прав, мы просто поссорились. Непростительно с моей стороны выплескивать свои эмоции на тебя. Совершенно непростительно. Извини.

Она поднялась к себе, взяла из копилки несколько пятифунтовых банкнот и написала письмо Эшлинг.

Глава 10

По дороге в Лондон Эшлинг испытала больше приключений, чем за всю предыдущую жизнь. Она чувствовала, что очень правильно сделала, когда заявила Тони Мюррею про необходимость повидать мир.

На пароме в Холихед к ней подошел невероятно привлекательный молодой человек в расстегнутой на груди рубашке и купил ей бренди с лимонадом, не обращая внимания на ее протесты. Потом он повел ее на прогулку по палубе, назвал самой красивой девушкой в мире, попытался поцеловать, извинился, предложил руку и сердце, а в конце концов отошел в уголок, где его и вывернуло наизнанку.

Эшлинг, не осознавая, что он пьян в стельку, смотрела на него круглыми от ужаса глазами. Ей на помощь пришли двое студентов из университета, которые ехали в Англию, чтобы подзаработать на консервном заводе во время каникул, и они принялись убеждать ее присоединиться к ним.

В поезде она познакомилась с молодым школьным учителем из Уэльса, который признался ей, что переезжает в Лондон, потому что терпеть не может свою деревушку, где все пытались заставить его жениться. Он считал, что сначала следует повидать мир. Эшлинг с жаром рассказала ему собственную историю и поделилась решимостью увидеть как можно больше за две недели отпуска, на которые ей с большим трудом удалось уговорить отца. Валлиец весьма презрительно заявил, что двух недель никак не хватит, чтобы посмотреть мир. Нужно уехать на гораздо более долгий срок. Возможно, им стоит вместе поехать во Францию на корабле. Для Эшлинг подобное предложение прозвучало слишком дико. Она объяснила, что едет к подруге, попавшей в трудную ситуацию: ей требуется помощь с организацией дня рождения отца. Валлиец сказал, что подруга, должно быть, живет в сумасшедшем доме. Отправить деньги в Ирландию, чтобы кто-то приехал на день рождения отца! Спустя четыре года. Он приставил палец к виску и покрутил для более наглядного объяснения, что он думал про подругу. Обиженная Эшлинг снова уткнулась в книгу.

Даже на вокзале Юстон мужчина средних лет спросил ее, не потерялась ли она, и предложил вместе взять такси, но Эшлинг высматривала Элизабет.

Получив письмо от подруги, Эшлинг позвонила ей на следующее утро и сказала, что обязательно приедет вечером того же дня. Элизабет говорила по-английски, как актеры в фильмах. Она объяснила, что вокзал Юстон – огромное место, но проблем не будет, если Эшлинг, сойдя с поезда, останется возле ограждения, тогда они наверняка найдут друг друга.

– Когда я приехала туда четыре года назад, то подумала, что меня бросили, – сказала Элизабет.

– Конечно, в то время мы были всего лишь детьми! – отмахнулась Эшлинг.

Она, озабоченно разглядывая толпу, остановилась причесаться, чтобы произвести хорошее впечатление. Вот бы еще чемодан покрасивее. Древний мамин выглядел слишком потертым на фоне новенького летнего пальто бирюзового цвета. Однако пришлось выбирать между новым чемоданом и новыми туфлями, и Эшлинг решила, что туфли важнее.

Она, должно быть, прошла мимо Элизабет, выглядывая в толпе бледную пятнадцатилетнюю блондинку, одетую во взрослую одежду, но тут ее потянули за рукав.

– Эшлинг? – с некоторым сомнением в голосе спросила Элизабет.

Эшлинг обернулась. На мгновение обе застыли – слова, приветствия и реакции вылетели из них, как воздух, выбитый ударом под дых, – а затем заговорили одновременно:

– Элизабет, твое приглашение приехать спасло мне жизнь...

– Эшлинг, ты буквально спасла мне жизнь!

Они расхохотались, Эшлинг взяла подругу под руку:

– Наверное, мы сиамские близнецы, которых невозможно разлучить! Похоже, мы всегда будем говорить одно и то же одновременно!

– Так и есть, – засмеялась Элизабет и попробовала поднять чемодан, но он оказался слишком тяжелым.

– Господи, Эшлинг, ты его что, камнями набила?

Эшлинг забрала чемодан:

– Нет, едой из страны изобилия. Дома все просто с ума посходили: торт для дня рождения твоего папы, копченый бекон, а также масло, завернутое в десять слоев газеты внутри жестяной коробки. Очень надеюсь, что оно не протекло и не заляпало мне всю одежду!

Элизабет стиснула ее руку, и Эшлинг с удивлением заметила слезы в огромных голубых глазах.

– Ты представить себе не можешь, как я рада тебя видеть!

– Я тоже! Пока ехала на автобусе в Дублин, переживала, что ты сильно изменилась, но ты все такая же. Только похудела. Это мода такая или в стране дефицит всего? – Она в восхищении потрепала подругу по плоскому животу. – У тебя тут совсем ничего нет! В Килгаррете таких называют тощими как жердь. Я прямо умираю от зависти!

– О, там больше, чем ты думаешь! – Элизабет не смогла удержаться от хихиканья, заразив им Эшлинг, которая тоже засмеялась, сама не зная почему.

Они стояли под большой аркой Юстона, не замечая, как прохожие восхищенно и заинтересованно взирали на блондинку и рыжую, которые вытирали слезы, вцепившись друг в друга, и хохотали подозрительно истерическим смехом.

* * *

С самого начала Эшлинг нашла подход к отцу подруги. Элизабет не могла поверить, как легко Эшлинг удавалось с ним ладить. Отца известие о приезде гостыи не заинтересовало, он только помог перенести коробки и деревяшки из свободной комнаты в сарайчик в саду. Элизабет хорошенько постаралась, чтобы гостевая спальня выглядела красиво: поставила в вазу цветы и даже купила зеркало в антикварном магазине.

– Скидка для сотрудников, – уменьшив цену вполтину, сказал Джонни.

– Эй, ты чего, мы же не будем обманывать мистера Ворски...

– Ну когда уже хоть кто-нибудь осознает, что теперь на вывеске написано «Ворски и Стоун»! Я здесь деловой партнер, деточка, мне

доверяют и меня любят. Если я отдаю товар тебе задешево, то сам себя обманываю.

– Мистер Стоун, я здесь работаю и не хочу, чтобы предприятие, которым я горжусь, вылетело в трубу...

Они засмеялись. На этой неделе Джонни был великолепен. Он расстроился, когда узнал, что они не смогут встретаться, потому что Элизабет занята подготовкой к приезду подруги, но не обиделся.

– А эта твоя ирландочка, она хорошенькая? – спросил он.

– Когда-то была просто красавица. Думаю, мне стоит держать ее подальше от тебя.

– Возможно, она захочет, чтобы какой-нибудь молодой человек показал ей достопримечательности Лондона, – поддразнил Джонни.

– Возможно, хотя вряд ли. На ней хочет жениться самый видный жених в городе. Она приезжает сюда, чтобы поразмыслить над предложением.

– Жениться? Зачем ей выходить замуж в таком возрасте? Вы ведь одногодки!

– Да уж, дурацкая идея, – согласилась Элизабет, прилагая почти физическое усилие, чтобы голос звучал жизнерадостно. – Может быть, она передумает, когда увидит прелести Лондона.

Эшлинг пришла в восторг при виде комнаты, цветов, красивого зеркала. Она удивлялась всему: красным автобусам, красным почтовым ящикам в виде тумбы, аккуратным садикам, бесконечным рядам домов. Невозможно поверить, что в одном месте могут жить столько людей!

Подруги пили чай на кухне, когда пришел отец. Эшлинг сразу же пошла в наступление.

– Вы никак не выглядите на пятьдесят лет, мистер Уайт! – заявила она, не дожидаясь формальных представлений.

– Ну... гм... добрый вечер... я... в самом деле...

– Папа, это Эшлинг, – сказала Элизабет, хотя и так все было понятно.

– Я думаю, тут какая-то ошибка, мистер Уайт. Моему папане пятьдесят один, и он выглядит на десять или даже на пятнадцать лет старше вас! Вот честное слово, я не вру!

Элизабет подумала, что отец шарахнется от подобной фамильярности, однако, к ее удивлению, он чуть ли не напыжился от

гордости:

– Я уверен, что ваш папа...

– У меня нет его фотографии, так что я не смогу вам это доказать.

Пожалуйста, проходите, мистер Уайт, садитесь. Вы, должно быть, устали после работы. Англия такая удивительная страна!

Пряча улыбку, Элизабет налила отцу чашку чая.

– Что же в ней удивительного? – спросил он.

Счастливая Эшлинг затараторила, рассказывая про все увиденные из поезда чудеса: огромные города, большие заводские трубы, бесконечные поля. В Ирландии никто не знал, что в Англии есть сельская местность, все думали, что тут сплошные города.

Эшлинг вскочила и развернула привезенную еду, отмахнувшись от переживаний мистера Уайта по поводу прохождения таможи:

– Видите, на коробке написано «обеденный сервиз». Масло не растаяло, курица не пропала, бекон мы положили в кладовку.

– Но как же нам возместить стоимость... – начал отец.

Элизабет закричала зубами от ярости. От отца ничего другого ожидать не приходится. Он не понимает дружбу, щедрость и подарки, непременно подумает, что за такое нужно заплатить. Однако Эшлинг ничуть не обиделась:

– Ничего не надо! Это гостинцы от мамани и папани. Конечно, есть шанс, что я начну серьезно торговать на черном рынке, раз уж оказалось так просто все провезти, тогда и поговорим об оплате. – Она откинула голову назад и расхохоталась; Элизабет подумала, что подруга выглядит живой и яркой, словно цветная картинка на черно-белом фоне. – Итак, мистер Уайт, как мы будем праздновать ваш день рождения? Именно за этим я и приехала.

Отец посмотрел на нее в испуге:

– Нет, но...

Эшлинг увидела тревогу на лице Элизабет.

– Господи, да я пошутила! Просто так совпало, что, когда я захотела приехать проведать Элизабет... – Она посмотрела на Элизабет, и та энергично закивала. – Когда я спросила, можно ли приехать... я услышала, что у вас как раз день рождения.

Лицо отца прояснилось.

– О, что за глупости в моем возрасте...

– Вовсе нет! Когда папане исполнилось пятьдесят, мы устроили грандиозную вечеринку, а мамане будет пятьдесят в следующем году, и мы отпразднуем ее юбилей с еще большим размахом.

– А что вы делали на юбилей вашего папы? – спросил ошарашенный отец, и Элизабет захлестнула волна жалости к нему: он словно одинокий ребенок.

Эшлинг ничего такого не заметила. Она склонилась через стол, продолжая болтать, словно знала его всю жизнь:

– Дело было в четверг, поэтому мы пошли к Махерам. Представляешь, Элизабет, мы все так же туда ходим, и они часто спрашивают о тебе. Это паб...

– Вы всей семьей пошли в пивную?

– Ну да, мы всегда туда ходим.

– Папа, в Ирландии пабы не такие, как здесь. Они наполовину трактир, а наполовину – лавка. В одном конце продают продукты, а в другом – наливают.

– Ну надо же! – удивился отец. – Про такие вещи ты мне никогда не говорила.

Эшлинг рассказала, как тем вечером Пегги четыре раза приходила к Махерам и сообщала, что обед скоро превратится в угольки, но папаня отказывался идти домой, поскольку все хотели купить ему выпивку, чтобы отпраздновать юбилей Шона О’Коннора. В конце концов маманя забрала Донала и Ниам и уложила их спать, а в одиннадцать вечера они проснулись, когда папаня и Имон заявили домой, распевая песни во всю глотку, и маманя сказала, что больше ни за что не согласится на такую глупость, как обед поздно вечером, словно в благородных семействах, ибо ничего хорошего из этого не выходит.

Элизабет боялась, что отец презрительно сморщится от подобной истории, но он рассмеялся. Обычно ему хватало трех минут, чтобы выпить чашку чая и уйти по своим делам, а сегодня он явно засиделся.

– У тебя же игра в бридж назначена, – напомнила ему Элизабет. – У мистера Вудса, кажется?

Отец неохотно поднялся к себе, чтобы переодеть рубашку и привести себя в порядок.

– Клевый у тебя папаня! – воскликнула Эшлинг, когда он оказался вне зоны слышимости. – Ты никогда не говорила, что он красавчик. Не

знаю, что за ужасы ты расписывала в письмах, мне он показался вполне тихим и мирным.

– В твоём присутствии он ведет себя идеально. Со мной становится еще более несчастным, – ответила Элизабет.

– О, я знаю, что сделаю! Почему бы мне не выйти за него замуж? Он не намного старше Тони Мюррея и, сказать по правде, выглядит даже симпатичнее. Тогда я стану твоей мачехой, и в конце концов мы породнимся!

Элизабет расхохоталась, восхищенная подобной фантазией:

– Здорово! Свадьбу устроим здесь, а на медовый месяц уедем в Килгаррет, и я вместе с вами.

– Да, устроим свадьбу в Вестминстерском аббатстве. Ой нет, оно же протестантское... Какое тут у вас есть католическое?

– Я думаю, ты забыла об одной штуке под названием «развод», – сказала Элизабет. – Такой брак, возможно, придется регистрировать только в загсе, венчать вас не станут.

– Ну тогда ладно, этот вариант отпадает, – согласилась Эшлинг.

– Ты должна рассказать мне все-все-все про Тони Мюррея, не упуская ни единой мелочи.

– Расскажу, конечно. А как насчет твоего Кларка Гейбла, где он? Я думала, ты приведешь его на вокзал на поводке. Вы не расстались? А то я приехала на другой конец света, чтобы на него посмотреть...

– Нет, не расстались. Подожди, пока папа уйдет. Тогда я тебе все расскажу, не хочу, чтобы нас прерывали... Вдруг папа заглянет попрощаться перед уходом.

– Он что, не знает про Кларка Гейбла?

– Ну... вроде как знает... все слишком сложно. Сначала ты расскажи про магната Тони Мюррея.

– «Магнат» – это прям про него. Строит из себя большую шишку, командует парнями в гостинице. Не станет пить у Махеров или где-нибудь еще, только в баре гостиницы по вечерам. У него есть машина. «Паккард». Он руководит семейным бизнесом Мюрреев, хотя Имон говорит, что на самом деле он там ничего не делает, а всем заправляет тот коротышка мистер Мид. Но Имон болтает ерунду, он и его кореша называют Тони с друзьями надутыми индюками, хотя и не такими надутыми, как Грей и остальные протестанты с огромными особняками...

– Вероисповедание все еще имеет значение? – спросила Элизабет.

– Не то чтобы очень, просто все про него помнят. Ну что еще сказать про Тони? Когда он в последний раз попытался прижать меня во вторник вечером, я наврала ему с три короба. Сказала, что хочу поехать посмотреть мир, прежде чем отвечу «да» или «нет». Я понятия не имела, как собираюсь путешествовать, и вдруг прихожу в тот вечер домой, а там письмо от тебя! Вот прям Бог послал, что называется!

– Да, похоже на то! – засмеялась Элизабет.

– А после того как позвонила тебе вчера утром, я целый час препиралась с папаней по поводу отпуска. Мама, конечно, меня поддержала... Потом я пошла к Мюрреям, чтобы поговорить с Тони. В десять утра он еще не явился в контору! Старый хрыч Мид сказал, что мистер Тони, возможно, придет в одиннадцать. Живут же некоторые! Я хотела написать ему записку, но побоялась ляпнуть что-нибудь не то, поэтому меня подвезли от гостиницы до его дома. Вышла его мамаша и заявила, что Тони еще спит. «Уже четверть одиннадцатого!» – напомнила я, что ей явно не понравилось. Она сказала, что он поздно вернулся и устал. Меня просто подмывало объяснить ей, с чего же он такой уставший. Короче, спустился Тони, еще в халате. Его мамаша держалась поблизости на случай, если мы упадем друг другу в объятия. В конце концов она ушла, и я рассказала ему, что вечером уезжаю.

– Он расстроился?

– Разозлился! Почему я не предупредила его раньше? Почему вывалила на него такие новости только сейчас? Почему я такая инфантильная? Почему то, почему сё... Однако мне удалось с ним справиться. Я говорила низким грудным голосом, как показывают в кино. Объяснила, что еще молода и мне надо убедиться, что я действительно хочу именно того, о чем думаю. Напомнила ему, что вопрос не был задан, а ответ не был получен, и лучше пусть оно пока так и остается. Он слушал меня, немного печальный, но прерывать не пытался. В общем, я сказала, что буду с нетерпением ждать нашей встречи после моего возвращения.

– То есть для тебя эта поездка пришлась как нельзя кстати? – спросила Элизабет.

– Да не то слово! Как я тебе и сказала на вокзале, ты мне буквально жизнь спасла. Я могла бы написать тебе, что хочу приехать,

но у меня не было денег. Кстати, Элизабет, я не могу взять у тебя деньги на билеты. Зачем ты их послала? Я возьму тебе расходы.

– Дурочка! Посмотри на еду, ты столько притащила! Да тут на два билета хватит!

– Ну ладно тогда... Потом я заявила ему, что больше не могу задерживаться, меня ждет посыльный из гостиницы, так что увидимся позже. Он вышел на ступеньки дома. Ты ведь помнишь его, верно? Большой дом на реке, примерно в миле от города. «Насколько позже?» – закричал он. «Позже будет позже!» – ответила я. Даже не знаю, что имела в виду, но звучит здорово. Ну а потом я собралась и приехала!

– А что ты на самом деле о нем думаешь? Он тебе нравится?

– Не знаю. Честное слово, не знаю. Он мне льстит, да и приятно самой быть в центре внимания всего города, ведь они думают, будто я его девушка, но...

– Но что? Я имею в виду, когда вы остаетесь наедине...

– Мне нравится, когда он говорит мне, какая я красивая и что он хотел бы со мной сделать... ну... ты понимаешь, о чем я. Но мне не нравится все это пыхтение, когда он пытается... ну... ты понимаешь, о чем я.

– Пытается сделать что?

– Ну... ты же знаешь, пытается в машине снять с меня одежду, а я стараюсь ему помешать, как оно обычно бывает.

– А-а-а, понятно...

Отец зашел попрощаться.

– Мистер Уайт, они там все от вас попадают. Смотрите, как бы вас не украли!

Отец выглядел невероятно довольным. Подруги наблюдали из окна, как он поправил галстук и улыбнулся сам себе.

– Ну вот, он ушел, теперь доставай какую-нибудь выпивку и рассказывай, что у тебя стряслось. Из-за чего весь сыр-бор.

– Что именно?

– Доставай что угодно: шерри, виски... На пароме я даже бренди пила. Мне без разницы.

– Да я не про алкоголь. С чего ты взяла, что у меня что-то стряслось?

Эшлинг уже сидела на коленях возле кухонного шкафчика:

– Именно в таких местах и держат спиртное.

– Нет, глупая, выпивка в другой комнате.

Они подошли к угловому шкафу, где стояли на три четверти полная бутылка шерри и непочатая бутылка виски.

– Думаю, начнем с шерри, – решила Эшлинг. – Если все совсем плохо, то перейдем на виски.

– Все совсем плохо, – сказала Элизабет. – Так что давай возьмем и виски тоже.

Они щедро плеснули вина в обычные стаканы и выпили.

– Все настолько плохо, что хуже не бывает, – призналась Элизабет.

– Джонни Стоун тебя бросил? – предположила Эшлинг.

– Нет.

– Оказалось, что у него есть жена и дети?

– Нет.

– Он тут вообще ни при чем?

– Еще как при чем...

– Элизабет, я ничего не понимаю. Что случилось? Судя по твоему письму, мне показалось, что ты в полном отчаянии, а сейчас вроде все в порядке. Так в чем дело?

– Я беременна.

– ЧТО?!

– Я беременна. У меня задержка три недели. Я сделала тест, и он оказался положительным. У меня будет ребенок.

– Не может быть!

– Эшлинг, что мне делать? Я понятия не имею, что мне теперь делать?

– Ты хочешь сказать...

Элизабет безутешно разрыдалась. Эшлинг придвинулась к ней и обняла за вздрагивающие плечи.

– Что мне делать? Ты должна мне помочь...

– Тише, тише... Ты хочешь сказать, что у тебя с ним был половой акт?

Элизабет убрала руки от лица и посмотрела на подругу в полном изумлении:

– Конечно! А как еще, по-твоему, я могла забеременеть?

– Ты имеешь в виду, много раз? Долгое время или только один раз?

– Долгое время. С прошлой весны.

– И как оно?

– Что оно?

– Ну... половой акт... Как оно тебе?

– Эшлинг О'Коннор! Я ушам своим не верю. Я тебе рассказала про самую ужасную трагедию, сообщила такие новости, что хуже не бывает, а ты спрашиваешь меня, каково заниматься сексом...

– Я просто не знала, что ты уже... занималась сексом.

– Послушай меня, заниматься сексом вообще не проблема, тут нет ничего сложного, проблема в том, что делать потом...

Эшлинг пришла в себя:

– Да, извини, я отвлеклась. Похоже, мы с тобой теперь оказались на разных берегах: ты среди тех, кто знает, что это такое, а я среди тех, кто не знает. Какая же я дурочка, что рассказывала тебе про всякие глупости, думая, что...

– Ну почему сразу дурочка? Если бы не Джонни, я бы тоже ничего такого не сделала. С ним это нормально, всего лишь часть наших отношений. Он не видит в сексе ничего особенного, не делит людей на «тех, кто занимается» и «тех, кто не занимается». Если бы я с ним не повелась, то была бы точно такая же, как ты.

– Я знаю...

– Эшлинг, я больше не могу притворяться, что ничего не происходит! В глубине души я уже давно знала, но не хотела признаваться самой себе. В понедельник я сходила к врачу, как можно дальше от дома. Купила кольцо в «Вулворте» и сказала, что я приехала из другого города и хочу подтвердить свои подозрения.

– И что тебе пришлось сделать?

– Я взяла с собой мочу для анализа. Я знала, слышала, что нужно принести с собой утреннюю порцию.

– Понятно.

– Налила ее в баночку из-под варенья. Ничего лучше в голову не пришло. Доктор сказал, что так нормально, и попросил вернуться за результатами в среду. Так что пока ты ездила туда-сюда по Килгаррету, раздавая всем ультиматумы, я лежала в кресле, как у зубного, и еще там подставки под ноги, а врач пощупал меня внутри и посмотрел мою грудь и сказал, что сомнений нет.

– Боже мой, бедняжка!..

– Вообще-то, доктор вел себя очень мило и сказал: «Поздравляю, миссис Стоун». Я попыталась изобразить довольную улыбку, но сдаётся мне, что он все понял. Я сказала ему, что муж будет рад, и дала деньги в конверте, тридцать шиллингов. И все-таки он догадался. Когда я уходила, он потрепал меня по плечу и сказал: «В подобных случаях все часто заканчивается лучше, чем вы думаете». Я ответила, что не понимаю, о чем он. А он сказал: «Просто запомните, что в подобных случаях все часто заканчивается лучше, чем вы думаете». Я ответила, что запомню. Ну и вот.

– Ох, Элизабет... бедняжка... Через что тебе пришлось пройти...

– Да, но это сущие пустяки по сравнению с тем, через что мне еще предстоит пройти.

– Что сказал Джонни?

– Я ему ничего не говорила.

– А когда собираешься сказать?

– Никогда.

– Но ведь когда-то все равно придется!

– Нет.

– Что за глупости? Когда ты выйдешь замуж, когда станет очевидно, что у тебя будет ребенок, ты ведь не сможешь держать беременность в секрете до самого его рождения? – Эшлинг выглядела озадаченной. – Ты, похоже, не в себе из-за происходящего.

– Свадьбы не будет.

– Конечно будет, как только он узнает! Или ты не хочешь?

– Нет. Он не узнает.

– Но ты же ему нравишься! Вы все еще встречаетесь, верно?

– О да.

– И ты от него без ума.

– Да.

– И нет никаких жутких тайн типа его тайной связи с кем-то еще?

– Нет.

– То есть все, что тебе нужно сделать, – это набраться смелости и признаться ему. Он, конечно, будет недоволен, поскольку не хотел пока обзаводиться семьей, но поймет, что лучше уж сейчас, чем потом. И тебе так повезло, что здесь люди не будут смотреть на тебя, перешептываться и сплетничать. Никто не станет высчитывать, сколько месяцев ты была замужем, прежде чем на свет появился

мистер Стоун-младший... Элизабет, ну чего ты реवेशь? Все не так уж плохо! Ну поорет он немного, поругается, как оно не вовремя, ну и все на этом. Разве нет? В конце концов, тебя нельзя считать виноватой, ты же не пыталась связать его узами брака, и все такое. Вы оба поучаствовали в процессе, так что теперь это ваша общая проблема.

– Нет, принимать решение придется только мне, – пробормотала Элизабет в носовой платок, глаза у нее покраснели, лицо покрылось пятнами.

Эшлинг всерьез забеспокоилась и плеснула в стакан новую порцию шерри:

– Выпей-ка еще! Что ты имеешь в виду? Какое решение? Ты ведь не собиралась в такое вляпываться?

– Нет, мне нужно принять решение сейчас, – зашмыгала носом Элизабет. – Понимаешь, я жить без него не могу. Никогда в жизни я ничего не хотела так отчаянно. Я умру, если останусь без него. Я не хочу жить, если рядом нет Джонни...

– Хорошо-хорошо. – Эшлинг опешила, услышав подобные слова от Элизабет. – Он будет с тобой, куда же он денется? Он ведь не сказал, что разрывает отношения. Я имею в виду, если вы работаете в одном месте, и нравитесь друг другу, и вы встречались, и... гм... спали вместе и так далее... Он ведь не бросит тебя просто так, верно?

Элизабет внезапно перестала плакать:

– Вот именно это мне и нужно тебе объяснить, на что может потребоваться целая ночь. Именно поэтому я и умоляла тебя приехать, ведь ты моя лучшая подруга. Мне нужно избавиться от беременности. Нет, ты дослушай сначала. Я решила, что должна это сделать, но мне страшно. Ну, наверное, я боюсь умереть от кровотечения. Боюсь чем-нибудь заразиться и умереть. Боюсь, что будет невыносимо больно, и я буду орать, и она перестанет...

– Кто перестанет? – Эшлинг заговорила шепотом.

– Миссис Норрис. Она медсестра, и акушерка, и все такое, и у нее там очень чисто. Так мне говорили.

Эшлинг застыла, не донеся стакан до губ.

– Ты... ты ведь не имеешь в виду, что собираешься пойти к какой-то женщине, чтобы избавиться от ребенка? Ты хочешь, чтобы она сделала тебе аборт?

– Ничего другого мне не остается.

– А как считает Джонни? Он одобряет?

– Послушай, он ничего не должен узнать. Я так и думала, что ты про него спросишь. Мне пришлось объяснять самой себе вслух, и я все еще не могу понять это логически, но мне нужно как-то донести до тебя, что Джонни не ввязывается ни в какие проблемы, не принимает участия в жизни других людей или в чем-то, что ему не нравится... Он так устроен...

– То есть ты собираешься избавиться от его ребенка, потому что тебе кажется, что Джонни так устроен... Ну что за глупости!

– Налей-ка мне еще вина, ночь будет долгой, – сказала Элизабет.

И ночь действительно оказалась долгой. Они поднялись в спальню Элизабет, на случай если отец, вернувшись, захочет продолжить приятную болтовню, которая ему так понравилась. Они слышали, как он пришел домой и поднялся к себе в комнату. Позже они снова спустились на кухню, приготовили суп и сэндвичи. Часы показывали четыре утра.

Теперь глаза покраснели не только у Элизабет, но и у Эшлинг. А когда за окном забрезжил рассвет, она дала следующие обещания:

– никогда не говорить Джонни о случившемся;

– постараться поддерживать жизнерадостную атмосферу в Кларенс-Гарденс и не задавать лишних вопросов;

– поехать к миссис Норрис вместе с Элизабет и остаться там столько, сколько разрешат.

– Я на все согласилась, – сказала засыпающая на ходу Эшлинг, когда они снова поднялись наверх и добрались до постели. – Я думала, у меня сильный характер, но теперь я согласилась на все, с чем не согласна. Я не понимаю, почему ты не хочешь родить ребенка. Я абсолютно уверена, что он бы на тебе женился... А даже если бы не женился, то все равно не понимаю... Если он увидит, что ты, счастливая и довольная, живешь здесь с ребенком, то будет восхищаться тобой еще больше, и не важно, насколько он безалаберный. А если ты все-таки решишься на аборт... тогда ты невероятно смелая и сильная, и я не понимаю, почему ты не хочешь, чтобы он тебя похвалил и поздравил с этим... А ты собираешься увидеться с ним на следующей неделе, как будто ничего не произошло! По-моему, ты совсем спятила, а он выглядит как самый жестокий, самовлюбленный осел, который...

Элизабет слабо улыбнулась:

– Нет, он просто очень честный и говорит, что делает только то, что хочет, а теперь я учусь у него. Я делаю то, что хочу. Это ты у нас альтруист, поскольку собираешься помочь мне, хотя не считаешь, что я поступаю правильно. Ты, наверное, думаешь, что я еще и смертный грех совершаю.

– Господи! Я почти забыла про грехи на фоне всего остального, но ты права, помимо всего прочего, это еще и самый настоящий смертный грех.

Для них обеих дни пролетали как в тумане. Сначала они сходили в антикварный магазин, чтобы познакомиться с мистером Ворски, который пришел в восторг от Эшлинг – от ее волос и ее имени. Оно такое волшебное, такое прекрасное... не могли бы вы его записать? Мистер Ворски позвал Анну из подсобки, и она тоже восхитилась. Они уже слышали от Элизабет про чудесные годы в Ирландии, и сердце Эшлинг снова растаяло, когда она увидела, как много они знают про Килгаррет, большую семью О'Коннор и гибель брата на войне.

Потом они повидались с Моникой Харт, которая работала в магазине одежды. Нынче они с Элизабет уже не были близкими подругами, однако Моника обрадовалась встрече с Эшлинг.

– Вы ведь назвали котенка моим именем, верно? – спросила она.

Эшлинг оглядела довольно тощую девушку в черном платье продавщицы, с пышными кудряшками, маникюром и ярко-оранжевой помадой на губах.

– Да, назвали. Котенок превратился в огромную кошку, она уже старенькая и теперь принадлежит Ниам, моей младшей сестре. Когда Элизабет вернулась сюда, то кошку отдали Ниам, как одежду, из которой выросли.

В обеденный перерыв Моника пошла с ними в кафе выпить чашку кофе.

– Я теперь почти не вижу Элизабет, и все из-за этого Ромео в антикварном магазине. Ты с ним уже познакомилась?

– Нет, – ответила Эшлинг. – Он вернется только после ланча. С нетерпением жду знакомства! Скажи-ка, Моника, он и правда красавчик? И действительно так хорош, как про него рассказывают? – Она говорила шутливым тоном, словно не замечая Элизабет.

– Да, он и правда очарователен... настоящий сердцеед. Если бы он снимался в кино, то у него были бы рабыни!

– Слава богу, жизнь не кино! – воскликнула Эшлинг, многозначительно поглядывая на Элизабет, которая отвела глаза.

Они накупили подарков для торжественного обеда следующим вечером. Эшлинг купила юбиляру яркий галстук и платок к нему в тон. Элизабет выбрала изящную заколку для галстука и запонки. Потом они вернулись в антикварный магазин, рядом с которым уже стоял большой фургон.

– Не забудь, что ты мне обещала! – хрипло прошептала Элизабет.

– Не забуду...

Джонни Стоун легко сбежал по ступенькам, чтобы поприветствовать девушек. Эшлинг оторопела от его теплоты и доброжелательности. После многочасовых разговоров прошлой ночью она ожидала увидеть кого-то холодного и высокомерного, разговаривающего отрывистыми фразами, подобно лордам и аристократам из бесчисленных фильмов, которые она посмотрела в Килгаррете.

– Ну-ка, ну-ка, дай мне хорошенько тебя рассмотреть! Стефан и Анна должны бы заниматься инвентаризацией того, что я привез в прошлый раз, а вместо этого они охают и ахают, восхищаясь прелестными медными волосами. Пойди-ка сюда, дай мне посмотреть на них на солнечном свете. Должен признаться, выглядит потрясающе, но ты не блондинка. Я люблю блондинок, с ними легко иметь дело.

Он нежно приобнял сразу обеих девушек.

У Джонни было прекрасное мужественное лицо, совсем не похожее на Кларка Гейбла: более вытянутое и худое. И в самом деле весьма привлекательный мужчина. Эшлинг подумала, что заниматься сексом с таким мужчиной очень опасно и увлекательно, и попыталась вообразить, как Элизабет это делает, но ее воображения не хватило.

– Пошутили, и хватит! Эшлинг, мы очень рады видеть тебя в Лондоне. Что мы можем сделать, чтобы тебе здесь понравилось и ты бы всегда вспоминала нас, когда вернешься обратно на Изумрудный остров?

Помня данное ею обещание, Эшлинг подавила нервный смешок и желание сказать, что раз уж она принимает участие в тайном сговоре, в

незаконной операции и бог знает в чем еще, то уж точно не забудет поездку в Лондон!

– Ты будешь бесконечно разочарован, узнав, чем я хочу заняться в Лондоне. Я хочу сидеть и болтать с Элизабет про последние четыре года. Весь Килгаррет хочет знать, чем она занималась все это время, а я хочу рассказать ей про свои приключения...

– Уверен, приключений хватало, – сказал Джонни.

– О да, можно сутками разговаривать! Скучать нам точно не придется.

Джонни понравился Эшлинг. Он не пытался с ней флиртовать, хотя и вел себя исключительно любезно, как и с любой новой знакомой. Она впервые встретила столь очаровательного и непринужденного молодого человека. Эшлинг не завидовала Элизабет, она просто не могла понять, как любовь может быть столь самозабвенной и рабской. Однако она ясно видела, что если хочешь, чтобы Джонни Стоун оставался рядом с тобой, то и сама должна быть весьма привлекательной: никаких неудач, уныния или упаднических настроений – ничего, что могло бы его расстроить.

Эшлинг оставила свои мысли при себе и только восторженно улыбнулась, когда он сказал, что угостит их обеих кофе с пирожными, чтобы отпраздновать приезд гостей.

Визит к миссис Норрис был назначен на утро понедельника, так что впереди еще целые выходные.

– Тебя не тошнит по утрам? – спросила Эшлинг в субботу утром, когда принесла Элизабет чашку чая в постель.

– Слава богу, нет! Я читала про тошноту, но еще слишком рано. Сейчас пока ничего нет, я имею в виду внутри, так что и причины нет.

– Понятно...

– Это еще не человек, не ребенок, а всего лишь крошечный комочек.

– Да, конечно...

– Кстати, – сменила тему Элизабет, – ты не представляешь, как давно мне никто не приносил чай в постель. Нет, у мамы точно нет, хотя Гарри предлагал, но я встала. Последний раз, помнится, это было в Килгаррете, когда мы болели корью.

– Боже мой, точно! Мы так ужасно выглядели, а с моими волосами я и вовсе походила на чучело. Представь, каково пришлось

мамани ухаживать за нами всеми, ведь и Пегги свалилась тоже. Иногда я просто не представляю, откуда она берет столько сил...

– Похоже, теперь вы с ней ладите гораздо лучше. – Элизабет села в кровати и принялась пить чай.

– Да, можно сказать, нормально ладим. Раньше я жутко завидовала тому, как она с тобой разговаривала, но, когда я стала работать в лавке, все изменилось... Она очень благодарна, когда я делаю что-то сверх положенного... Знаешь, она часто спрашивает про тебя, просила передать большой привет и сказала, что если у тебя какие-то проблемы, то она за тебя помолится...

– Как мило с ее стороны, – с ноткой сожаления ответила Элизабет.

– Я могла бы сказать ей, что ты просишь помолиться о чем-то личном, – предложила Эшлинг. – Тогда маманя помолится, а Господь перенаправит молитвы для тебя куда нужно. Хотя, конечно, было бы неправильно просить ее помолиться об успешном аборте или вроде того. Это было бы оскорблением Господу...

– Ну разумеется, я понимаю, – смутилась Элизабет.

Они помолчали.

– Разве ты не можешь обсудить проблему с твоей мамой? Ты говорила, что теперь вы гораздо лучше ладите с ней, как и мы с маманей... Вдруг она может чем-нибудь помочь?

– Нет, я думаю, она испугается... растеряется. Она не в состоянии справиться с проблемами... Вот, ее последнее письмо, почитай...

– Здесь нет начала... Это не первая страница.

– Это и есть начало. Теперь она пишет именно так.

В этом уродливом мире, в современном уродливом мире тебе будет невероятно трудно понять, каким было мое детство. Мы носили длинные просторные платья... с очень высокой талией, а в волосах цветы. Всегда свежие цветы, может быть, четыре или пять гардений в день... при первых признаках увядания цветков бездумно выбрасывался... столько красоты... на лужайках мы расстилали плотные белые скатерти и салфетки, на зеленых бархатных лужайках... никаких зарослей... мужчины... молодые мужчины, уходившие на войну, были такие любезные и храбрые. Они бросали взгляды... и легкомысленно

относились к жизни. «Я на все готов, Вайолет, если только ты поцелуешь меня на прощание...»

Эшлинг подняла взгляд:

– О боже, но ведь это все неправда? Твоя мама же не настолько старая, чтобы отправлять кого-то на первую войну, верно?

– Конечно, она все придумала... Никаких таких платьев, цветов, пикников на лужайках. Она жила в доме, похожем на наш, сходила на пару бурных вечеринок в двадцатые годы и вышла замуж за отца. Понимаешь, в ее голове перепутались все прочитанные книжки. Она словно теряет рассудок, тебе не кажется?

– Похоже на то, но, наверное, временно. Возможно, скоро пройдет.

– Ах, Эшлинг, и что бы я без тебя делала?

* * *

А потом был день рождения, который глубоко врезался в память. Они наверняка усердно готовили роскошный пир, хотя позже, пытаясь восстановить последовательность событий, Эшлинг ничего не смогла толком вспомнить.

Они, должно быть, сходили за покупками, приготовили еду, украсили стол самодельными бумажными украшениями и нарядились сами. Эшлинг надела кремовое платье, в котором казалась себе тусклой и унылой, но все вокруг уверяли, что оно невероятно идет к ее волосам, и она поверила. Элизабет выбрала розовое бархатное платье. Она навсегда запомнила, как Джонни говорил про блондинку в розовом бархатном платье, хотя на самом деле переживала, подходит ли ей такой цвет, не выглядит ли она слишком бледно.

Отец тоже принарядился, а когда брился в ванной, то напевал себе под нос и даже насвистывал.

– Впервые в жизни такое слышу! – изумилась Элизабет.

– Бедолага, ему просто очень одиноко, вот и все его проблемы. Ему нужно немного внимания.

– Когда я пытаюсь уделить ему внимание и спрашиваю о чем-нибудь, о его чувствах сейчас и тогда, он весь багровеет...

– Ага, тогда это неправильное внимание. Ему нужен лишь поверхностный интерес, не надо лезть слишком глубоко.

– Ты научилась невероятно успешно обращаться с мужчинами! – восхитилась Элизабет.

– Ничего подобного. Если я так хороша, то почему с Тони Мюрреем чувствую себя полной дурой? Та, которая умеет обращаться с мужчинами, превратила бы его в послушную собачонку. А я все переживаю, что, с одной стороны, могу его потерять, а с другой – окажусь к нему привязана...

– Все равно у тебя получается лучше, чем у меня, – уныло призналась Элизабет.

– Ты, в отличие от меня, готова поставить интересы других людей выше собственных. А я такой никогда не была и никогда не буду. Мама мне это с детства говорила, и, признаться, я думаю, она права... О мистер Уайт, вы выглядите как настоящий именинник! Ты только посмотри на него, Элизабет! Разве не великолепен?

– Папа, ты потрясающе выглядишь!

– Спасибо, дорогая, вы обе тоже прекрасно выглядите. Я рад отпраздновать свой день рождения с такими привлекательными барышнями.

Он предложил девушкам шерри, и они с облегчением переглянулись: хорошо, что не забыли поставить в шкаф новую бутылку взамен выпитой в ночь приезда Эшлинг.

Они преподнесли отцу подарки, и он с довольным видом в кои-то веки решил их сразу же надеть и долго возился, придирчиво поправляя галстук и платок, вкалывая булавку для галстука и заменяя старые запонки новыми.

Мама прислала открытку. Элизабет заранее ее прочитала, желая убедиться, что в ней нет ничего странного или безумного, что могло бы всех расстроить. Нет, ничего такого, всего лишь «Желаю тебе счастливых лет впереди и счастливых воспоминаний о годах, оставленных позади». Отцу открытка понравилась, и он поставил ее на каминную полку. Миссис Эллис прислала безвкусную открытку с цветочками, над которой все посмеялись с чувством неловкости. От Джонни пришел небольшой пакет с унцией табака и запиской: «Поздравления с днем рождения отцу Элизабет от Джонни Стоуна.

Простите, что так мало, но, возможно, когда вы будете праздновать свой столетний юбилей, карточки отменят навсегда».

– Он славный малый, – с одобрением произнес отец. – Эшлинг, вы уже познакомились?

– Да, мы встречались в магазине, но они с этой вот мадам поругались из-за какой-то ерунды, так что нам не удалось пообщаться, – ответила Эшлинг заранее отрепетированной фразой.

Угощение удалось на славу: домашний пресный хлеб из Ирландии, завернутый в промасленную бумагу, чтобы не черствел, был нарезан на ломтики, густо намазан сливочным маслом и съеден с супом.

– Эй, погодите, нужно оставить место, мы еще к главному блюду не перешли!

Девушки, словно кремовое и розовое облачка, бегали туда-сюда, от плиты к столу, хихикая, когда сталкивались друг с другом. Запах бекона вызвал охи и вздохи. Тарелки вылизали начисто, потому что днем никто ничего не ел, чтобы подготовиться к пиршеству.

И наконец очередь дошла до торта: с одной свечкой вместо пятидесяти здравомыслия ради. Девушки зажгли ее и выжидательно посмотрели на именинника.

– Право же, я ведь не ребенок... это как-то... ну в самом деле...

– Ну же, мистер Уайт! Какой может быть день рождения без задувания свечки?

– Нет, нет, что за детский сад... нет...

– Папа, задувай, праздник ведь! – Элизабет почти трясло, и казалось, что она вот-вот заплачет.

– Мистер Уайт, если вы не задуете свечку, то как мы будем петь вам «Happy Birthday»? – В тусклом свете свечи Эшлинг выглядела нетерпеливой и взволнованной.

– Ну что за глупости... – Отец встал, набрал полную грудь воздуха, как ребенок, и задул свечу.

Девушки захлопали и спели «Happy Birthday» и «For He's A Jolly Good Fellow».

– Отлично! – Эшлинг слегка отодвинула стул, словно давая сигнал переходить к развлечениям. – А теперь что вы споете для нас, мистер Уайт? У вас наверняка широкий репертуар.

Элизабет занервничала. Неужели Эшлинг не поняла, что, в отличие от О'Конноров, которые готовы разразиться песнями по поводу и без повода, в этом доме не поют? Отец никогда не пел. Элизабет залилась краской, вспомнив, как практически испортила вечеринку в Престоне, исполнив «Danny Boy».

– Нет, лично я не певец. – Отец откашлялся.

– Не может быть! – запротестовала Эшлинг. – Я слышала, как из ванной доносилось чарующее пение. Или вы там граммофон завели?

– Ага, папа, попался! – вскричала Элизабет, присоединяясь к игре.

– Нет, нет и нет! – отказывался отец, но со смехом, а не с раздражением.

– Дайте-ка подумать, что у вас лучше всего получается... Что-нибудь из мюзикла? Оперетта? Может быть, Гилберт и Салливан?

– Да, папа, ты ведь знаешь кое-что из Гилберта и Салливана!

– Ну... не настолько, чтобы спеть...

Эшлинг уже встала:

– Давайте я помогу вам начать! Глянь в лучистые глаза... – Она замахала руками, изображая хормейстера. – Ну же, давайте! Присоединяйтесь!

Элизабет и отец стали подтягивать.

– Нет-нет! Давайте начнем сначала, как положено!

Глянь в лучистые глаза,
Синие, как бирюза,
С поволокой, как фата, —
И, на них начав разгон,
Перейди за Рубикон:
Тронь пурпурные уста;
Тронь трепещущую грудь,
Тронь упругий, легкий стан... [\[24\]](#)

Элизабет смотрела с открытым ртом, как отец брал все более высокие ноты вслед за Эшлинг, которая толком не помнила слов и больше мурлыкала, ободряя его, присоединяясь на последних строчках.

– Не уверен, что попал в тональность. Кажется, я все перепутал, – виновато рассмеялся отец.

– Глупости, вы прекрасно спели! – возразила Эшлинг.

– А теперь ты, Элизабет. Чему ты научилась с тех пор, как уехала из Килгаррета?

– Я почти не пою...

– Да ладно, еще как поешь! Помнишь, как мы всегда пели, когда ехали домой на велосипедах из школы?

– Тогда все было по-другому!

– Хорошо, погоди минутку!

Эшлинг выскочила из кухни и вернулась с велосипедом Элизабет.

Все засмеялись. Возле уставленного грязной посудой стола с тортом посередине велосипед смотрелся громоздко и нелепо.

– Вот тебе велосипед, залезай на него и пой!

Элизабет с тревогой посмотрела на отца, проверяя его реакцию на столь дурацкое, безответственное и детское предложение. Он терпеть не мог подобные вещи, но сейчас ухмылялся от уха до уха.

Она вскочила с места, села на велосипед и, притворяясь, что сидит на лошади, запела:

– Когда я был в дороге из Корка в горы Керри,
Я встретил капитана, его все звали Феррел.
Достал свою рапиру, достал я пистолеты,
Затем я громко крикнул: «Гони свои монеты!»

Она начала с таким задором, что отец и Эшлинг встали и подхватили припев:

– Глотком выпьем всю кружку до дна!
Помянем мы отца!^[25]

Элизабет помнила все куплеты, и они дружно пели все громче и громче, а на последнем припеве уже орали во всю глотку.

Никто не убирал со стола, веселье продолжалось допоздна. Элизабет вспомнила «Bold Robert Emmet the Darling of Ireland», а

Эшлинг – «Greensleeves». Когда его пятидесятый день рождения подходил к концу, отец тоже разразился песней:

– По дороге в Манделэй
Рыб летучих яркий веер,
Над заливом рассветает,
Шторм с Китая налетел!^[26]

– Ух ты, отличная песня, я такую не знаю! – сказала Эшлинг.

Элизабет заметила, как отец выпятил грудь и запел так, как она в жизни от него не слышала. На мгновение она пожалела, что мама не видит отца таким, но потом порадовалась, что уже и не увидит. Отец так вдохновился, что спел дважды:

– Ветер шепчет в листьях пальмы, звон в том храме вторит ей:
«Ты вернись, солдат британский, возвращайся в Манделэй!»

И на этой высокой и радостной ноте день рождения закончился.

Воскресенье прошло как в тумане. Они, должно быть, о чем-то разговаривали, но все их мысли крутились только вокруг понедельника, бóльшая часть которого тоже осталась в тумане, и только отдельные кусочки выделялись пронзительной ясностью, например объяснение цели их поездки. Они придумали неких друзей семьи О'Коннор, которые переехали в Ромфорд и у которых Эшлинг с Элизабет погостят три дня. Теплоту субботнего вечера пришлось остудить, а возникшие тогда привязанности снова разорвать. Элизабет прямо напомнила отцу, что у каждого из них своя жизнь, а Эшлинг вместо повышенного внимания стала проявлять к нему безразличие. Отец остался в полном недоумении от происходящего, но это была далеко не самая большая их проблема.

* * *

Атмосфера в пансионе царила весьма приветливая. Хозяйкой оказалась молодая женщина, которая сразу же заявила, что не любит ходить вокруг да около.

– А теперь послушайте меня внимательно. Я не знаю, зачем вы здесь. Понятия не имею, зачем вы приехали в этот город. Я так понимаю, вам нужно где-то остановиться, чтобы вас никто не беспокоил, потому что у вас какие-то свои дела. Отлично! Я не сую нос в чужие дела и не задаю вопросов, я даже ваших имен спрашивать не буду. – (Они посмотрели на нее испуганными глазами.) – Ну, имена назовете, но без фамилий, – смягчилась хозяйка. – У вас будет большая хорошая комната, с умывальником, кучей полотенец, а еще есть прорезиненная простыня и все, что может вам понадобится, чтобы чувствовать себя как дома. Я оставлю вам радио, чтобы вы не скучали. В пансионе сейчас всего пара человек – из тех, кто живет здесь постоянно, и они держатся особняком. Еще пара путешественников джентльменов остаются здесь на понедельник и вторник. Вам никто не будет докучать.

– Спасибо, – сказала Эшлинг.

– Я вам оставлю чайник, здесь есть газовая горелка, так что разберетесь сами, если нужно.

– А люди часто хотят быть сами по себе? Я имею в виду, оказываются не в состоянии общаться, плохо себя чувствуют после всего? – Элизабет слегка заикалась.

Увидев белое лицо Элизабет, хозяйка потеряла остатки строгости:

– Нет, милочка, поверь мне, миссис Норрис действительно хороша. Я ходила к ней трижды. Ну, не смотри на меня такими глазами, в жизни всякое случается... Нет, конечно, вы не должны сидеть тут, как мышки, просто приятно знать, что если вы хотите побыть сами по себе, то у вас есть такая возможность.

– Спасибо, миссис...

– Морин, милочка, просто Морин. А вы?

– Эшлинг и Элизабет.

– Эшли? Как в фильме «Унесенные ветром»? Я думала, это мужское имя... Впрочем, звучит красиво.

– Да...

– Пойдемте, я покажу вам вашу комнату. Вы можете приходить и уходить когда вздумается. Эшли, послушай меня, я дам тебе пару

советов, уж я-то знаю, что к чему. Не болтай про это слишком много, не надо, так только хуже сделаешь. В первый раз миссис Норрис мне так и сказала, а я на всю жизнь запомнила: «Не надо постоянно про это говорить, Морин, что сделано, то сделано». Как ни крути, а такие вещи случаются с женщинами с начала времен. Как по мне, природа устроила жизнь очень забавным образом. Даже древним египтянам приходилось решать ту же проблему, что и нам сейчас, в двадцатом веке... Так что послушай моего совета, не давай ей слишком много болтать, размышлять и задумываться, правильно она делает или неправильно, надо или не надо. Ничего хорошего из таких мыслей не выйдет.

– Да, вы правы, – согласилась Эшлинг.

– Молодец, девочка! Твоей подруге повезло с тобой. Многие приходят сами по себе. – Морин говорила так, словно совершенно не замечала присутствия Элизабет.

Они поднялись по лестнице.

– Давай даже не будем рассматривать комнату, чтобы потом не вспоминать, – предложила Элизабет.

– Комната – это ерунда, и все остальное тоже ерунда, важно только, чтобы с тобой все было в порядке!

– Ты хочешь, чтобы я передумала? Скажи честно, Эшлинг. Хочешь, чтобы я повернула назад? – (Молчание.) – Ну же, признайся! Ты же именно этого и хочешь, именно про это сейчас думаешь. Скажи мне правду. Ты надеешься, что я сдам назад. Ты рада, что здесь такое отвратительное место и та женщина такая мерзкая и противная... Подумать только, три раза!.. Ты рада, потому что теперь вся затея выглядит еще более гадкой. Ты ведь думаешь, что все это заставит меня пойти на попятную?

– Элизабет, ради бога, прекрати!

– Нет, это ты прекрати! Хватит сидеть тут с чопорным видом, неодобрительно глядя на меня, как раннехристианский мученик, с которым делают что-то нехорошее... Хватит! Скажи мне прямо: ты хочешь, чтобы я отказалась в последнюю минуту и родила ребенка, а потом отдала на усыновление или сама вырастила. Ты ведь этого на самом деле хочешь, верно?

Эшлинг достала из сумки блокнот, села на одну из кроватей и, низко склонившись, начала что-то писать.

Элизабет ходила вокруг кругами:

– Но ты же понимаешь, твои убеждения происходят из Килгаррета. Ты сама говорила, что все живут в тени Церкви. Ты постоянно думаешь о грехах, веришь в души, рай и чистилище. Ну, если у него есть душа, то она отправится в чистилище, а после Судного дня души из чистилища вполне могут попасть в рай. И возможно, мы сумеем его покрестить, пока он еще во мне. Мы ведь про крещение не подумали? Эшлинг, не будь такой бессердечной... Почему ты со мной не разговариваешь? Почему не отвечаешь?

Эшлинг передала ей блокнот.

В конце нашего восьмичасового разговора ночью в четверг мы договорились, что если в последний момент у тебя возникнут сомнения или беспокойство, то я НИЧЕГО не скажу. Ты больше всего боялась, что я отговорю тебя от этой затеи или что ты сама найдешь отговорку. Ты заставила меня поклясться, что, несмотря на любые провокации, я не скажу ни слова. А теперь заткнись уже, ради бога!

Элизабет зажмурилась и хохотала, пока из глаз не потекли слезы.

– Ты восхитительна, абсолютно восхитительна! – воскликнула она. – И как я жила без тебя столько лет?

– Не знаю, похоже, за столько лет от тебя мало что осталось, – ответила Эшлинг, и они обе засмеялись.

Эшлинг помнила, что, поднимаясь по ступенькам дома, где жила миссис Норрис, чувствовала себя хуже, чем идя на исповедь после первых «тренировок» с Недом Барреттом. Элизабет сказала, что атмосфера в том месте царила такая же странная, как в их доме, когда мама и отец решили развестись. Эшлинг утверждала, что не молилась, стоя на коленях в прихожей, когда Элизабет поднялась наверх, и что эта лживая старая корова миссис Норрис врет, будто видела, как она заплакала с четками в руках, услышав, что все закончилось. Элизабет возразила, что миссис Норрис наверняка слышала, как Эшлинг молилась, иначе откуда бы ей знать слова «Славься, Святая Царица», ведь она не католичка! И не могла бы придумать молитву, если бы не слышала слов.

Морин извинилась за упоминание о прорезиненных простынях, если оно их испугало. Обычно она хотела просто успокоить людей, и, конечно же, простыни не понадобятся. Все уже закончилось, верно? И все оказалось не так уж страшно, правда? А теперь у Элизабет вся жизнь впереди!

Морин разговаривала с Эшлинг так, словно Элизабет была глухонемой.

А в среду Элизабет чувствовала себя настолько хорошо, что они пошли в кино на фильм про женщину с ребенком, которой приходилось притворяться, что ребенок принадлежал ее сестре. Главную роль играла Бетт Дэвис, и Эшлинг с Элизабет смотрели, как она страдает, глядя на растущую дочь и не имея возможности признаться, что она и есть мать. Фильм назывался «Старая дева» и пробивал на слезу, так что обе девушки сморкались, вытирали глаза и поедали лакричные конфеты горстями, как и положено двум девушкам, которые решили развлечься.

– Никогда бы не подумала, что у нас приключений оказалось больше, чем в кино! – воскликнула Элизабет.

Эшлинг крепко вцепилась ей в руку:

– Да уж, и в голову бы не пришло! Мы обе молодцы!

* * *

Когда они вернулись в Кларенс-Гарденс, дом выглядел несколько пыльным и неприветливым. Пришлось открыть окна и впустить свежий воздух.

Элизабет сказала, что у дома какая-то странная форма, словно он круглый год задерживает в себе затхлый тяжелый воздух: зимой в нем холодно и сыро, а летом жарко и сыро. Интересно, не стены ли в этом виноваты?

Эшлинг ответила, что ей интересно, смогут ли они снова нормально разговаривать, или до самого ее отъезда все разговоры будут только о погоде.

Тут как раз вошел отец Элизабет и сказал, что очень рад их видеть, без них в доме было совсем пусто. Позднее Элизабет призналась Эшлинг, что с отцом еще труднее, когда он проявляет к

чему-то внимание, чем когда он безучастен ко всему. Эшлинг заявила, что Элизабет слишком капризна, ей сам черт не угодит.

Джонни тоже обрадовался их возвращению. Без них в Лондоне невероятно скучно, сказал он, никто не смеется, все рано ложатся спать. Он надеялся, что все проблемы решены и теперь все в порядке. Девушки забеспокоились и спросили, какие проблемы он имеет в виду. Ну как же, предложение о замужестве! Выходить или не выходить, есть другие варианты или ничего иного не остается. Они уставились на него в полном недоумении. Джонни, оказывается, решил, что одной из главных причин приезда Эшлинг стало желание разобраться в ее сложных любовных отношениях. Слава богу, они не настолько серьезные и неотложные, если она уже успела про них забыть! Джонни наивно считал, что именно ради обсуждения замужества девушки и уезжали куда-то.

Элизабет взяла Эшлинг с собой в колледж искусств. Несмотря на каникулы, там проходили летние курсы, а потому можно было прогуляться и посмотреть. Элизабет показала подруге классы, студии и мастерские. Заглянув в дверь одного из классов, они увидели обнаженного мальчика, который позировал для студентов. Эшлинг вытаращила глаза в полном изумлении. Элизабет тоже приходилось рисовать голых парней? Не может быть! И вот прямо все рисовать? И девушек тоже? Совсем-совсем голых? А разве нельзя изучить, как устроен человек и какие у него мускулы, если он в трусах? Разве нельзя вообразить, как выглядит член, и нарисовать его? В конце концов, он же у всех более-менее одинаковый...

Примерно с этого момента Эшлинг наконец-то пришла в себя и вспомнила, что дома все будут ее расспрашивать о поездке в Лондон, так что надо бы посмотреть какие-нибудь достопримечательности. И еще она подумала: хорошо бы помочь Элизабет вернуться к той жизни, которую та вела до того, как все перевернулось вверх дном. Она решила, что жизнь Элизабет вращалась вокруг Джонни и именно туда и нужно ее вернуть. Эшлинг попросила Джонни взять ее с собой в следующий раз, когда он поедет в какое-нибудь интересное место. Джонни нашел эту идею замечательной и предложил всем вместе поехать посмотреть Тауэр на случай, если он решит перевезти туда магазин Стефана.

Джонни придумывал самые смехотворные предлоги съездить во все места, которые могли быть интересны туристу. И нашел настоящую причину, чтобы поехать в Брайтон, где Эшлинг захлопала в ладоши от восторга при виде огромного пляжа. Они пошли купаться и часами плескались в воде.

– Мне никто не поверит, когда я скажу, что в Англии есть настоящие пляжи! – кричала счастливая Эшлинг.

– Да ладно, как будто ирландцы такие дураки. Конечно же, они знают, что здесь есть пляжи!

– Нет, не знают! Правда не знают. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил, что в Англии есть побережье. И к тому же такое замечательное!

Элизабет и Джонни нежно переглянулись, радуясь, что гостья так счастлива. Джонни протянул руку и коснулся Элизабет, пока Эшлинг плавала в одиночестве.

– Я по тебе скучаю. Может, ускользнешь ненадолго? Ника и Тома не будет...

– Нет, пока Эшлинг здесь... – с сожалением улыбнулась Элизабет.

– Она не станет возражать.

– Нет, об этом и речи быть не может. Я ничего подобного не сделаю, нельзя такие вещи делать, когда у тебя гостит подруга.

Элизабет говорила твердо, но в то же время беззаботно. Джонни все понял и добродушно рассмеялся:

– Ты прекрасная хозяйка, соблюдаешь все правила! «Идеальная хозяйка не бросает гостью, чтобы удовлетворить плотские желания с возлюбленным».

– Да, точно, правило номер три! – радостно рассмеялась Элизабет.

– Ладно, как скажешь, но когда гостья вернется на свой Изумрудный остров... предупреждаю, я буду ненасытен!

– Отлично! – ответила Элизабет.

Миссис Норрис объяснила, что в течение двух недель не должно быть никаких интимных отношений, после чего можно продолжать как обычно.

– Между прочим, ты нарушила обещание рассказать мне, каково оно... секс... заниматься любовью... – сказала Эшлинг.

– Смешно, но я знала, что нарушаю обещание. В самую первую ночь я лежала и думала, а может, ты уже давно занималась любовью и ничего не сказала мне, потому что это... ну... не знаю... что-то очень личное, такое сложно описать.

– Теперь все звучит еще загадочнее, чем прежде! Я никогда не узнаю, что к чему. Ты моя единственная надежда.

– Говорю же тебе, я думала, что ты и так уже знаешь и молчишь по той же самой причине, что и я...

– Господи, Элизабет, да откуда ж мне знать такие вещи, живя в Килгаррете?! Как бы я могла по-настоящему заняться сексом с кем-нибудь?

– Ну, я сама не ожидала, что так выйдет... У нас ведь тут тоже не Париж, а всего лишь пригород Лондона, где не слишком-то грешат.

– Ты совсем забыла, что представляет собой Килгаррет? Все всё про всех знают днем и ночью! Как рыбки в аквариуме. Не надо быть полицейским или подозревать кого-нибудь, все знают, что ты делаешь двадцать четыре часа в сутки. «Вчера вечером я видела тебя у реки». «Джози Линч говорит, что видела тебя в аптеке Мориарти». Весь город знает, когда у тебя месячные!

– Или когда их у тебя нет...

– Вот именно! Не знаю, как бы я сумела повернуть то, что ты сделала, да так, чтобы никто не узнал.

– Тогда как у вас поступают в подобных случаях? – (Эшлинг промолчала.) – Такое наверняка случается. Что-то же тогда делают?

– Да, но...

– Ну же, расскажи!

– Ну... либо парень должен жениться и тогда пересуды через годик-другой утихнут, либо, если все плохо, девушка может уехать к монахиням.

– В монастырскую школу? Да ладно!

– Господи, нет, не к тем монахиням! В какое-нибудь отдаленное место, где монахини содержат дома для незамужних матерей, и девушки там как бы работают, помогают оплатить свое содержание. А когда рождается ребенок, то его отдают на усыновление, а девушка

возвращается. Обычно говорят, что она ездила к бабушке. Все знают, что значит «съездить к бабушке».

– Им там, наверное, очень одиноко...

– Да уж, точно ничего хорошего. Тут побоишься идти до самого конца, даже если не страшно, что парень от тебя потом откажется.

– Люди все еще боятся, что если переспать с мужчиной, то потеряешь его?

– Конечно! Я бы не стала спать с кем-то, если имею в отношении его серьезные намерения. Потому что если я действительно положила на кого-то глаз и переспала с ним, то он может подумать, что я гулящая девка. Я не говорю, что он будет прав, но таковы законы Килгаррета.

– А ты бы подумала, что он гулящий, или как оно там у вас называется?

– Нет, с мужчинами совсем другое дело! Ты ведь знаешь, они не в состоянии себя контролировать, в них Господь вложил желание. Я думаю, так оно и есть. Знаешь, они ведь хотят этого с каждой женщиной. Таков план Господа... или природы, если угодно, чтобы человеческий род продолжался. Мужчины постоянно только об одном и думают, а женщины должны ими управлять и настаивать, чтобы они занимались этим только в браке, так устроено общество...

Элизабет покатила со смеху:

– Из тебя получится изумительная монахиня! Честное слово! Ты бы так рассказала девчонкам правду жизни, что они бы потом до смерти не забыли!

– Но ведь нам именно так и рассказывали! Только другими словами.

– Да уж, совсем другими словами!

– Я знаю, это звучит нелепо и запутанно, но так оно и есть... если не везде, то по крайней мере в Килгаррете.

– Ты ведь не винишь монахинь за то, что они стали монахинями? Я бы, пожалуй, и сама в монастырь ушла, если бы думала, что по городу бродят мужики, готовые заняться этим где угодно и с кем угодно.

– Втыкая свое семя повсюду... в ожидании неосторожных женщин...

– Эшлинг, ну ей-богу!

– Но ведь так оно и есть! Это просто игра, как бридж, или покер, или любая другая. Когда знаешь правила и идешь только на рассчитанный риск.

* * *

Эшлинг огорчилась, увидев, что Элизабет подтасовывает домашнюю бухгалтерию.

– Тебе сложно такое понять, – сказала Элизабет. – Дядюшка Шон никогда в жизни не спросит, сколько денег потратила ты или тетушка Эйлин. Вам не надо отчитываться за те или другие расходы. А мой отец думает, как банковский клерк, который должен в конце дня свести баланс. Дома он тоже сводит дебет с кредитом.

– Но ты же его обманываешь! И оставляешь деньги себе. Если он узнает, то сильно расстроится. Почему ты просто не попросишь его давать тебе больше?

– У него слишком ограниченный ум, он мыслит мелко, мелкими суммами и мелкими счетами. Он никогда не станет проверять, стоит ли банка тушенки три шиллинга, однако он считает общую сумму у меня на глазах. Все, что я сэкономила, я заработала. Я не краду у него деньги, а всего лишь думаю о способах потратить меньше и оставить себе лишнее. Вот и все.

Эшлинг изучала счета.

– Понятно. Но разве не мелочно с твоей стороны так поступать? Как-то оно не слишком щедро... Члены семьи не должны так делать.

– Никакая мы не семья, а отец никогда не отличался щедростью. Его пугают открытые сердца и великодушные люди вроде тебя, дядюшки Шона или Джонни. Он подумал бы, что в вашем доме полный бардак, так как никто толком не знает, сколько уходит на то, чтобы вас всех накормить и одеть. Он никогда не подумает о том, что твоя мама кормит половину бродяг, постучавших в дверь, что она кормила и одевала меня пять лет совершенно бесплатно, что она посылает подарки и у нее всегда есть монетка в кошельке для любого, кому, по ее мнению, она может понадобиться. Нет, от подобных вещей отец бы всполошился. Его встревожила вся та вкусная еда, которую ты привезла из Ирландии. Он три раза спросил у меня, должны ли мы

тебе заплатить. Думаю, мне следовало согласиться, чтобы он успокоился.

– Ты так холодно о нем говоришь... Ты ведь мечтала, чтобы он стал более милым, счастливым и так далее. Разве ты не хотела, чтобы он изменился?

– Хотела, конечно. Я думала, что смогу изменить его, что мы станем образцом счастливой семьи, как на картинке. «Мистер Джордж Уайт, банкир, и его единственная дочь Элизабет, разведенная супруга на севере Англии, но только посмотрите, как славно они со всем справляются». Однако ничего у меня не вышло. Невозможно изменить человека, каждый идет собственным путем. Джонни говорит, что бóльшая часть неудовлетворенности в мире вызвана людьми, которые пытаются изменить других людей, вместо того чтобы поменять что-то еще.

– Джонни так говорит? Почему?

– Он приводит примеры. Его друг Ник обожает футбол, подруга Ника Ширли хочет завести семью и ходить по магазинам, рассматривая мебель. Ширли хочет изменить Ника, заставить его бросить футбол. Ник хочет изменить Ширли, чтобы она ходила на матчи и смотрела, как он играет в футбол. И они все время ругаются друг с другом...

– То есть Ширли следует самой пойти и купить всю мебель, пока ее возлюбленный Ник играет в футбол. Джонни так предлагает сделать?

– Что-то вроде того. Тогда они не будут ругаться.

– Боже, он куда эгоистичнее, чем я думала! – воскликнула Эшлинг. – Прости, прости, вырвалось ненароком. Я не это имела в виду.

На глазах Элизабет выступили слезы.

– Он не эгоист. Он не поехал со мной к миссис Норрис, потому что не знал и никогда не узнает. Он не препятствовал мне, потому что не понимал, зачем я туда еду. Ты ведь не думаешь, что он эгоист, поскольку голос свыше не объяснил ему, что происходит?

– Вечно я что-нибудь ляпну не к месту, – виновато ответила Эшлинг. – А все потому, что открываю рот, не подумав. И к тому же ничего не понимаю... Однако это не мешает мне влезать в чужие дела. Когда я вспоминаю все те годы, которые ты прожила с нами и никогда

не влезала никуда и никого не обижала... ты всегда всех мирила и никогда не становилась причиной ссор... я чувствую себя очень глупо. Как полная дура, заявила к тебе и учу, как вести себя с отцом и что должен думать твой парень...

– Эх, если бы ты знала, как мне не хочется тебя отпускать! Не представляю, как я смогу тут жить без тебя. Так здорово, что мы можем болтать, делиться друг с другом, зная, что тебе не безразлична моя жизнь... Мне так этого не хватало, словно во мне образовалась огромная дыра...

– И мне тоже...

– Но ведь у тебя огромная семья! И тетушка Эйлин...

– Да, но с ними не поговоришь о том, о чем мы с тобой можем поговорить.

– Я знаю.

Они помолчали.

– От писем толку нет, верно? В них много не расскажешь. Я не могу представить себе Килгаррет по твоим письмам. Может быть, теперь будет проще, раз ты знаешь, как мне интересно знать все, даже мельчайшие подробности.

– Да, и теперь я знакома со всеми, кто играет важную роль в твоей жизни здесь. Возможно, ты будешь писать о них как есть, без «милый» или «превосходный».

– А ты прекрати всякие «за последние полгода ничего особенного не случилось»!

– Хорошо, обещаю, буду держать тебя в курсе каждого стога и пыхтения на заднем сиденье!

– Эшлинг, без тебя мне будет совсем одиноко.

– Вот еще глупости! У тебя же есть Джонни.

* * *

В последний вечер перед отъездом Эшлинг Джонни пригласил их обеих в кино, а потом угостил ужином в большой шумной забегаловке с мраморными столами, высокими потолками и восхитительным запахом уксуса и жареного кляра. Нет, он и слышать не желает о

возмещении, ужин за его счет. Элизабет сияла, глядя на столь открытое проявление щедрости и великодушия по отношению к Эшлинг.

– В любом случае, – сказал Джонни, – это прощальный подарок.

– Ничего себе! Тогда я буду приезжать и уезжать, чтобы все время получать такие подарки!

– Ну, подарок не только для тебя, – беспечно отозвался Джонни. – Я тоже уезжаю. Поеду поездом на Средиземное море... так что у нас прощальный ужин на двоих.

– Куда ты поедешь?.. – Лицо Элизабет пошло красными и белыми пятнами, точно так же как в школе, когда она только начала учиться и монахиня задавала ей какой-нибудь непонятный вопрос.

– Мы только сегодня решили. Ник берет несколько недель отпуска. Он работает в салоне по продаже машин, и его начальник говорит, что дела идут вяло, поэтому можно взять пять недель на половинном окладе, а потом гарантированно получить работу обратно. Ник сразу ухватился за такое предложение.

– А ты?.. – На лице Элизабет застыло столь явное выражение ужаса, что Эшлинг шестым чувством поняла, что Джонни будет недоволен.

– И ты, Джонни, тоже не собираешься упустить такую возможность, верно? – торопливо вмешалась в разговор Эшлинг. – Прекрасная идея! А ты можешь взять отпуск?

– Да! – с энтузиазмом подтвердил Джонни. – Стефан все уговаривает меня отдохнуть, и, похоже, подвернулся подходящий случай. Ник покупает билеты.

– Когда вы уезжаете? – прошептала Элизабет.

– В субботу или в пятницу, если он достанет билеты в спальный вагон.

– С ума сойти! – Эшлинг чуть ли не кричала, пытаясь прикрыть обиженный вид и каменное молчание Элизабет. – Вы поедете на юг Франции? Или в Испанию? Или куда еще вы собрались?

– Во Францию. Оказывается, там есть деревенька, про которую говорил друг Ширли, где можно снять летний домик или палатку. А в такую погоду много еды не нужно. Ширли сказала, что будет сногшибательно!

– Ширли едет с вами? – спросила Эшлинг, прежде чем Элизабет могла задать тот же вопрос обиженным тоном.

– Нет, честно говоря. Если между нами, то отчасти именно в ней причина для внезапного отъезда. Ширли уже запилила Ника, и он хочет глотнуть свежего воздуха. Слишком много семейной идиллии и слишком близкий звон свадебных колокольчиков.

– О, тогда он правильно делает, что сбегает, – сказала Эшлинг. – Именно поэтому я сама уехала из Ирландии. В таких делах лучше держать дистанцию. Слава богу, у нас нет подобных склонностей!

Она покосилась на Элизабет в надежде, что та пришла в себя, и поразилась увиденному. С лица Элизабет исчезли пятна, и она широко улыбалась.

– Бедняжка Ширли! – воскликнула она. – Видимо, мне придется ее утешить, когда вы уедете. Постараюсь увлечь ее кем-нибудь другим.

– Я думаю, она нравится Нику, просто уж слишком прилипчива...

– Она довольно симпатичная девушка. Я уверена, что ей не составит труда найти себе другого парня. Возможно, мы с ней вместе пойдем на охоту, пока вы во Франции развлекаетесь.

– О нет, тебе нельзя завести другого! Ты должна остаться моей, слышишь?

– Хм... скорее всего, никуда я не денусь. Я слишком занята, чтобы искать кого-нибудь еще, так что, будем надеяться, никто меня случайно не украдет. Я буду работать с мистером Ворски и Анной и, кто знает, могу даже стать деловым партнером к твоему возвращению.

Эшлинг в изумлении смотрела на жизнерадостное лицо Элизабет. Какая безупречная игра! Джонни едва не начал колебаться и слегка сожалел о решении уехать, глядя на нее с восторгом и заинтересованностью.

И внезапно Эшлинг осознала, что если Элизабет собирается играть по его правилам, то придется следовать им от начала и до конца. Нельзя вести себя как обычно и показывать свои истинные чувства, нужно молчать про то, что ты на самом деле чувствуешь и думаешь. Нужно следить за каждым своим шагом и планировать каждое действие.

Когда они вернулись домой, Элизабет не плакала и не желала признавать, что ошарашена и расстроена. Она выглядела спокойной и сдержанной.

– Нет, я не стану переживать. Я тебе уже говорила, что мне нужен именно он. Я сделаю что угодно, чтобы быть с ним, я на все готова. И

уже столько всего сделала... Я не собираюсь потерять завоеванное, не стану вести себя, как та дурочка Ширли, не буду ныть и жаловаться, что меня не взяли с собой...

– Боже правый! Я, конечно, не собираюсь вмешиваться, но не разумнее ли будет сказать...

– Про разумность и речи не идет. Оказывается, я гораздо больше похожа на маму, чем думала. Мама хотела кого-то более открытого и общительного, чем папа, и я хочу того же. Мама хотела Гарри, хотя все вокруг сказали бы, что ее желание неразумно... Тем не менее мама не отступилась и сделала все, чтобы заполучить Гарри, – и добилась своего. Вот и все. Я собираюсь поступить точно так же...

– В твоём случае все совсем по-другому.

– Конечно по-другому, ведь мама уже была ужасно старая к тому моменту, когда решилась на это... Но принцип остается тот же.

– Допустим, я не знаю, каково любить кого-нибудь так сильно, чтобы... чтобы сделать все то, что ты сделала...

– Ах, Эшлинг, однажды ты узнаешь! Уверяю тебя, однажды ты будешь точно так же без ума от кого-нибудь, как и я сейчас. Звучит, конечно, как-то странно... словно я старуха, которая дает тебе совет... но ты непременно найдешь кого-нибудь. И тогда, в точности как говорится в песнях и фильмах, ты сама все поймешь.

– Да, но, похоже, все проблемы именно тогда и начинаются, – ответила Эшлинг, не особо вдохновленная перспективой.

* * *

Отец Элизабет сказал, что приезд Эшлинг стал глотком свежего воздуха. Мистер Ворски и Анна Стреповски подарили ей картину с феей в лесу и велели по возвращении домой оформить ее в раму. Возможно, картина имела отношение к имени Эшлинг. Моника дала скидку, как сотруднику магазина, на купленную для мамани блузку. Джонни Стоун поцеловал на прощание в щечку и сказал, что в следующем году они с Элизабет возьмут фургон и приедут в Ирландию, чтобы объехать все старые дома, где будут готовы расстаться с имуществом.

– Я поеду с вами, если не выйду замуж за своего магната.

– Даже и не думай выходить за него! – ответил Джонни.

На перроне вокзала Юстон Элизабет вцепилась в Эшлинг:

– Я все пытаюсь стряхнуть с себя жуткое ощущение, что больше никогда тебя не увижу. Ты приедешь домой, вспомнишь все, что тут произошло, почувствуешь отвращение и вычеркнешь меня из своей жизни.

– Я никогда не вычеркну тебя, я не смогу, ты ведь часть моей жизни, дурында ты этакая! – возразила Эшлинг. – Я бы сказала, что люблю тебя, если бы это не звучало так душещипательно.

– Я тоже тебя люблю и навечно у тебя в долгу...

Эшлинг, в бирюзовом летнем пальто, пошла по перрону вдоль длинного поезда и затерялась в толпе. А когда оглянулась на провожающих у ограждения, там стояло столько народу, что она никак не могла разглядеть Элизабет, в сером платье, махавшую рукой и вытиравшую глаза кончиком красного шарфа, который должен был придать ей жизнерадостный вид.

Глава 11

Элизабет думала, что после визита Эшлинг в Лондон писать ей письма будет гораздо проще, но, к своему огромному разочарованию, обнаружила, что объяснять и описывать происходящее по-прежнему невероятно сложно. Одни ограничения сменились другими. Элизабет стало неловко, когда она поняла, что, должно быть, Эшлинг не в восторге от Джонни, хотя ни единым словом его не упрекнула. С другой стороны, она ведь постоянно забывает, что у Джонни не было причин уделять Элизабет больше внимания, относиться к ней с большей любовью и благодарностью на тот момент, так как он понятия не имел о поездке в Ромфорд и встрече с миссис Норрис. И никогда об этом не узнает.

Письма снова выглядели вымученными. Элизабет старалась писать что-нибудь жизнерадостное про отца, но после своего полувекового юбилея он больше никогда не вел себя столь же задорно. Честно говоря, иногда Элизабет сомневалась, что отец действительно пел в тот вечер. С тех пор он не запел ни разу, а она никогда не напоминала ему про празднование дня рождения.

Очень странно, что Эшлинг могла писать так свободно. Иногда она просила Элизабет сжечь письма сразу после прочтения, не то их обеих повесят или Эшлинг посадят в тюрьму за порнографию. Ее описания вечно неудовлетворенных порывов страсти Тони Мюррея звучали уморительно, и она часто извинялась за них фразой «Конечно же, для столь опытной женщины, как ты, все это должно выглядеть детской забавой». Эшлинг спрашивала про отца и как обстоят дела с той коварной женщиной, которая никак не оставляет его в покое. Она попросила Элизабет передать Стефану и Анне, что поспрашивала про старые дома в Ирландии, нет ли там залежей антиквариата. Ей сказали, да, могут быть, но если кто-нибудь приедет из Англии в фургоне, чтобы купить их, то местные немедленно решат, что их грабят среди бела дня, и ни за какие деньги не согласятся продавать.

По сравнению со всем остальным про Джонни она упоминала неуверенно и мимоходом, как бы в шутку, почти с осторожностью, словно перечитывала каждое предложение, прежде чем закончить его.

Все остальное письмо было написано чисто в стиле Эшлинг, когда фразы прыгают друг через друга, с энтузиазмом и сводящей с ума непоследовательностью – ровно так, как она и разговаривала.

Тетушка Эйлин продолжала писать бодрые письма, полные новостей, и полушутя упоминала привлекательного молодого человека, которого Эшлинг описала как самого красивого мужчину из всех, что она видела. Про Джонни Элизабет сумела заставить себя писать только в преувеличенно шутливом тоне: «Повелитель уехал в Шотландию» или «Гроза Голливуда повесил на магазин новую вывеску „Ворски и Стоун“ и провел почти весь день на улице, любуясь ею». Она никому не смогла бы написать, что любит Джонни Стоуна так сильно, что сердце постоянно болит и колотится как бешеное. Подобное могла бы ляпнуть Эшлинг, однако, как с грустью вспомнила Элизабет, сердце Эшлинг не скачет зайцем, а непоколебимо остается на месте, взвешивая, стоит ли навечно привязать себя к сердцу Тони Мюррея.

* * *

Тони подумал, что, вернувшись из Англии, Эшлинг выглядела лучше, чем когда бы то ни было. Дни тянулись нестерпимо долго, поскольку он не знал, когда ожидание закончится. Его мать, как обычно недовольная всем на свете, включая отношения с Эшлинг, стала совершенно невыносимой и предложила пригласить барышню из семейства Грей на танцы в теннисном клубе. Тони возразил, что даже незнаком с барышней Грей и вообще никого на танцы приглашать не хочет, но мать продолжала настойчивый монолог, считая, что постоянное повторение одного и того же в итоге донесет мысль до слушателя.

Нет, она ничего не имеет против юной мисс О'Коннор, она очаровательная девочка. И разве мы не привечали ее в этом доме, когда она дружила с Джоанни? Но ведь она еще совсем ребенок, миленькая и ограниченная, совсем молоденькая, и как жаль, что Тони не расширяет круг своих друзей. Вот на прошлой неделе миссис Грей говорила...

Тони переставал вникать. Он часто вставал, не извинившись, из-за стола или выходил из гостиной с видом на реку. Без объяснений, без

извинений стремительно садился в машину и жал на газ, выезжая за ворота.

* * *

Эйлин О'Коннор чувствовала, что игра затянулась и не стоит так долго дразнить Тони. Эшлинг в самом деле очень привлекательная девушка, и есть куча способов заполучить своего мужчину, помимо того, чтобы позволять ему слишком много. И после Морин и Брендана Дейли действительно приятно сознавать, что теперь ситуация совершенно противоположная. Эйлин и Шон чувствовали себя униженными, когда Брендан не спешил делать предложение, словно семейка Дейли решила держать О'Конноров на поводке. А теперь Эшлинг делала то же самое, только наоборот, и в неопределенном положении оказались подвешены уже Мюррей.

Любые попытки выяснить намерения Эшлинг искусно пресекались.

– Думаешь, стоит красить твой кабинет? Ты все еще будешь у нас работать в следующем году?

– Ну разумеется, маманя! Или ты собираешься меня уволить?

– Нет, но если ты выйдешь замуж в благородное семейство, то не захочешь больше здесь работать... Тебе не придется зарабатывать на жизнь.

– Маманя, ну какое из Мюрреев благородное семейство? Такие же неучи, как и мы. В любом случае пусть только попробуют помешать делать мне то, что я хочу, а я хочу здесь работать! В какой цвет будем красить?

– Тони Мюррей не согласится, чтобы его жена работала в лавке. Эшлинг, ты наверняка это знаешь.

– Тогда пусть пойдет и удавится. Как насчет той яркой оранжевой краски, которая давно лежит на складе? С белыми дверями и моим зеленым халатом я буду выглядеть как ирландский флаг!

Эшлинг не проявляла ни малейшей серьезности в отношении Тони, однако встречалась с ним почти каждый вечер. Что из всего этого выйдет? Поживем – увидим.

* * *

Морин думала, что после возвращения из Лондона Эшлинг стала совершенно невыносимой: задирала нос и пускала пыль в глаза пуще прежнего. Все ее истории, которые начинались с «Когда мы были на площади Пикадилли...» и «Мы с Элизабет ужинали в районе Слон и Замок...», – всего лишь бахвальство. Детишкам ни единого подарочка не привезла. А разговоры про карточную систему в Англии не более чем отговорки. Война давным-давно закончилась! А когда она наконец соизволила зайти в гости, то просто сочилась ядом и насмеялась над всем и вся. Бедный Брендан на нее сильно обиделся, а его мать сказала, что как бы она не ударилась в разгульный образ жизни, болтаясь туда-сюда с Тони Мюрреем, причем обе стороны все никак не определяются с намерениями.

* * *

Джоанни Мюррей, погруженная в бурную жизнь в Дублине, временами приезжала в Килгаррет, и с каждым разом обстановка в доме становилась все напряженнее. Домочадцы постоянно отводили ее в сторонку, чтобы объяснить, что на самом деле происходит, словно работа в столичном городе делала ее более умудренной жизненным опытом, позволяя судить о важных событиях в Килгаррете. И судя по всему, все вращалось вокруг ее подруги Эшлинг О'Коннор. Мамуля нервно ходила туда-сюда по гостиной, стискивая руки, и говорила, что ничего не имеет против Эшлинг.

От Эшлинг тоже ничего путного добиться не удалось. Она сказала, что нет никакой тайной подоплеки, ей очень нравится Тони и, похоже, она ему тоже. Нет, ни один из них не планирует никаких радикальных шагов вроде помолвки. Боже правый, они еще слишком молоды!

Джоанни напомнила ей, что Тони отнюдь не молод, он уже стар, ему за тридцать! Эшлинг захихикала и ответила, что в наши дни тридцать – это еще желторотый юнец.

Когда Джоанни передавала подобные разговоры мамуле, та злилась и обвиняла Джоанни в том, что она что-то скрывает.

Приезжать в Килгаррет на выходные становилось все невыносимее, и Джоанни все реже появлялась дома.

* * *

Шон устал от вопросов о том, когда все увидят великое слияние Мюрреев и О'Конноров. С хриплым смешком они говорили, что такая огромная корпорация способна подмять под себя половину всего бизнеса на востоке Ирландии. Они шутили про возможное слияние, но не про Эшлинг. Люди хотели знать. Шона донимали вопросами как покупатели в лавке, так и завсегдатаи Махеров за кружкой пива. А еще больше его раздражала Эшлинг.

Время от времени он заявлял, что таким поведением она превращает О'Конноров в посмешище. Эшлинг делала большие глаза и невинно спрашивала, что он имеет в виду. Тогда Шон взъерошивал ей волосы ладонью и говорил, что нет ничего хуже, чем жить в ирландском городишке и быть притчей во языцех.

* * *

Элизабет написала про маму. Она оказалась права, когда, читая ее письма, подумала, что мама не в себе. Мамины нервы действительно сдали. Она лежит в больнице и половину времени не понимает, где находится. Гарри наверняка в полном отчаянии. Он умолял Элизабет приехать к ним и привезти с собой того приятного молодого человека по имени Джонни, с которым они в прошлый раз так славно провели время. Разумеется, приятный молодой человек и слышать не хотел про поездку в дом, где царствуют болезнь, безумие и неразбериха, так что Элизабет даже не пыталась его убедить. Она поехала поездом.

Когда Гарри встретил ее в Престоне, то был сам на себя не похож. Его встревоженное лицо избороздили морщины.

– Элизабет, милая, я делал для нее все, что мог! – взревел он, словно его собирались обвинить в том, что случилось с мамой. – Я всегда с ней хорошо обращался. Я старался соглашаться со всем, что

она говорила и чего хотела. Конечно, денег не особо хватало, дела в магазине идут не очень...

К своему изумлению, Элизабет обняла Гарри прямо на глазах прохожих. Обняла того самого человека, которого называла ужасным мистером Элтоном, того самого, кто много лет назад пришел, чтобы украсть маму.

– Эх, Гарри, старый ты дурак! – обхватив его трясущиеся плечи, воскликнула она. – Гарри, ты старался для нее изо всех сил. Она любит тебя, сходит по тебе с ума, так за что ты извиняешься? Представь, каково бы ей пришлось, если бы у нее сдали нервы в Кларенс-Гарденс. Как одиноко она бы себя там чувствовала!

По щекам Гарри тоже текли слезы.

– Элизабет, ты такая замечательная девочка! Все на тебе держится. Даже не знаю, как бы мы все уживались без тебя...

Мама обрадовалась приходу Элизабет, но не более чем радовалась перерыву на работе во время войны или занятию по изготовлению корзинок на трудотерапии. Она выглядела бледной и усталой и мало чем интересовалась. Элизабет попыталась найти какую-нибудь тему, способную вернуть блеск безжизненным глазам. Она вспомнила, как когда-то думала, что мама слишком легко возбуждается, нервничает и дергается по пустякам и, словно птичка, реагирует на каждый шорох вокруг, заражая всех напряженностью и беспокойством.

Элизабет попробовала напомнить ей ту непростую жизнь, но ничего путного не вышло.

– Я часто читаю твои письма, мама, про чудесные времена в двадцатые годы. Должно быть, было здорово ходить на всякие вечеринки. Я имею в виду на чаепития с танцами... Помнишь, ты писала мне про них? Как ты надевала сиреневое платье и там играл небольшой оркестр из пяти-шести музыкантов? – (В ответ мама улыбнулась мягко и уклончиво.) – И как подходили к твоему столику и говорили высокопарные слова, что почтут за честь развеять с тобой скуку...

Вайолет смотрела на нее, вежливо кивая, словно не совсем понимала, что ей говорят.

– А помнишь того мужчину, который спросил, как тебя зовут, и ты ответила «Вайолет», а он сказал: «Фиолетовое платье, фиолетовые глаза и даже зовут Вайолет», а потом убежал и вернулся обратно с

шестью букетиками фиолетовых фиалок от цветочницы, отдав за них целых десять шиллингов? Ты наверняка помнишь, ты часто рассказывала мне про это в детстве, а недавно снова написала в письме. Такое и вправду случилось, верно?

– Да, конечно, дорогая, раз ты так говоришь. – Мама, с надеждой на спасение в глазах, оглядывалась в поисках медсестры.

– Мама! – закричала Элизабет. – Мама, ты такая молодая, такая красивая, а твои волосы свалялись. Давай я их помою и расчешу и дам тебе губную помаду, у тебя ведь такое милое лицо, мама!

– Сестра! – позвала мать, повышая голос.

Вошла пожилая женщина с настолько морщинистым лицом, что оно походило на засохшую грязь, растрескавшуюся под солнцем.

– Не надо будоражить ее, милочка. Не пытайтесь забрать ее отсюда, ей тут хорошо, вы же видите. Она не хочет, чтобы ее расстраивали и смущали.

– Ей всего лишь нужно напомнить, какая она на самом деле! – набросилась на медсестру Элизабет. – Она забыла, кто она есть, вот в чем проблема!

– Я знаю, – ответила медсестра. – Но она счастлива в своем беспамятстве.

* * *

Увидев, что Элизабет возвращается, Гарри тут же повесил на дверь магазина табличку «Закрето».

– Все равно покупателей почти нет, – объяснил он. – Как она себя чувствует? Обрадовалась твоему приходу?

– Гарри, сними табличку! Не надо лишать людей возможности купить полфунта маргарина. – Она перевернула обратно табличку на дверях, сняла пальто и попробовала надеть висевший на крючке бежевый халат продавщицы, но не смогла его застегнуть, – видимо, он принадлежал маме.

– Нет, я хочу послушать, Расскажи мне! – Расстроенный Гарри покраснелся.

– Нечего тут рассказывать, честное слово. Она понятия не имела, о чем я говорю. Мама выглядит счастливой, старухи в палате говорят,

что она счастлива, медсестра утверждает, что она счастлива. Она не помнит, кто она есть, вот в чем загвоздка. Она забыла, как быть живой, словно из нее утекла вся жизненная сила.

Глаза Гарри затуманились от слез.

– Как ты думаешь, она сможет оправиться? Сможет снова стать собой?

– Завтра я поговорю с врачом. Сегодня у него не было времени, к тому же он заявил, что будет со мной разговаривать, только если я пообещаю не просить о чудесном исцелении. Я подумала, что он ведет себя надменно и покровительственно, но скромно промолчала.

– Так в чем причина болезни? Почему Вайолет потеряла всякий интерес к жизни?

– Не знаю. И мама не знает. Уверена, и тот напыщенный доктор тоже не знает. Как бы то ни было, Гарри, если ты хочешь заработать на оплату автобуса до больницы, нам лучше держать магазин открытым. А вот и покупатели... Это кто?

– Миссис Парк, вдова, самая прижимистая женщина к северу от Манчестера. Покупает по одной сигарете и по две унции сливочного масла.

В лавку вошла низенькая женщина в черном.

– Добрый вечер, миссис Парк! Чего изволите сегодня? Вы знакомы с моей падчерицей Элизабет?

– Как поживаете, миссис Парк? Гарри только что говорил, что вы постоянный покупатель.

Миссис Парк перевела взгляд с Гарри на Элизабет:

– Да, я тут часто бываю, прихожу поддержать местный бизнес. Мистер Элтон, дайте мне, пожалуйста, унцию твердого сыра, больше из серединки, не с краю, и две сигареты.

– У вас какой-то праздник, миссис Парк? – спросил Гарри, и Элизабет пришлось закусить край мамино халата, чтобы не расхохотаться.

* * *

Доктор сидел напротив Элизабет и объяснял, какие болезни являются психотическими расстройствами, а какие –

шизофреническими. Скорее всего, у Вайолет второе, латентная шизофрения. Обычно подобные расстройства проявляются гораздо раньше, в молодости. Элизабет кивнула. На ее лице никак не отражалось презрение к доктору, который важно сложил кончики пальцев вместе и расставлял акценты на словах, разговаривая с двадцатилетней дочерью одной из своих пациенток. Интересно, он когда-нибудь перестает умничать и выделываться?

– Простите, а что такое раздвоение личности? Означает ли это, что у мамы две личности, как пишут в романах?

Доктор воспользовался шансом разразиться смехом:

– О боже, нет, милочка! Доктор Джекилл и мистер Хайд – это очень глупая обывательская идея. Нет, раздвоение личности означает, что человек утратил связь с реальностью, перестал понимать, где факты, а где лишь его собственное воображение, и живет в мире фантазий.

– А каким образом вы пытаетесь вылечить маму? – Ровный молодой голос Элизабет врезался в его хорошо поставленный монолог.

– Мы делаем то, что считаем наиболее подходящим в ее случае. – Теперь и в его голосе появились резкие нотки. – Используем успокоительные, создаем для нее условия, где она может вести упорядоченную жизнь под наблюдением, чтобы утихомирить ее, если фантазии слишком разгуляются. Есть новые лекарства. Ларгактил применяется уже два года, мы испытываем его на многих наших пациентах.

– Вот как? Вы экспериментируете с новым препаратом на маме? – Элизабет усилием воли заставила себя говорить вежливо и уважительно. – Будем надеяться, это хорошее лекарство.

– Нет, я не экспериментирую. Ларгактил используется по всей Британии. Мы докладываем о наших результатах. В случае с вашей мамой, честно говоря, лучшее, на что мы можем рассчитывать, – это сделать ее жизнь как можно более безмятежной.

– Вы хотите сказать, что с моей стороны глупо ожидать, что она когда-нибудь придет в себя? Доктор, ей всего сорок девять! Вы предлагаете мне сказать отчиму, что мама останется здесь навсегда?

– Вы выглядите более зрелым человеком, чем... – он заглянул в бумаги, – чем мистер Элтон. Думаю, с вами можно говорить откровенно. Он заверил меня, что будет уделять ей больше времени и

внимания. И что обеспечит лучшие условия жизни. Насколько я понимаю, ваша мама была вполне довольна вашим отчимом как мужем и он удовлетворительно обеспечивал семью.

– Она в нем души не чаяла!

– Верно. Поэтому делать подобные заявления бесполезно. Нам остается лишь надеяться, что она может иногда быть в состоянии поехать домой на денек или даже на выходные. В некоторых случаях эти лекарства показали поразительные результаты, так что нет ничего невозможного.

– Кроме одного: надеяться, что мама полностью придет в себя.

– Верно. Подобные надежды просто безумие и приведут только к разочарованию.

Элизабет посмотрела на него повнимательнее. Возможно, он не такой уж лицемер и обманщик. В конце концов, он предупреждает ее и пытался предупредить Гарри не питать несбыточных надежд. Она встала:

– Я пойду еще разок повидаюсь с мамой. Благодарю вас, доктор. Я поговорю с отчимом и постараюсь донести до него сказанное вами.

– Спасибо, мисс Уайт, и... гм... приятно поговорить со столь уравновешенным человеком. В нашем деле, как вы понимаете, это очень помогает.

– Да, доктор, понимаю, но на самом деле я не уравновешенная, а практичная.

– Верно. Кстати, вашему отцу, ее первому мужу, нет смысла приезжать к ней. Я имею в виду, вы ведь заметили, что она практически не упоминает ту часть своей жизни?

– Да, в самом деле, но я и не собиралась ничего подобного предлагать. Я все объясню ему на случай, если он думает, что может чем-то помочь.

– Прекрасно! Ну что же, до свидания, мисс Уайт.

Он пошел по коридору, излучая авторитет и солидность. Элизабет порадовалась, что сумела держать себя в руках и не вела себя подобно многим безутешным родственникам его душевнобольных пациентов. Она собралась с духом и постучала в дверь маминой палаты.

Медсестра сказала, что прошлой ночью мама проспала восемь с половиной часов, но она все равно выглядела усталой, когда подняла голову и слабо улыбнулась. Одета в кардиган поверх ночной сорочки,

мама сидела на стуле возле кровати, сложив руки на коленях. Волосы ей причесали и убрали назад, связав ленточкой, отчего еще сильнее бросалось в глаза исхудавшее лицо.

Элизабет села и молча взяла в руки тонкую мамину ладонь. Вайолет посмотрела на нее с тревогой, словно ожидая, что Элизабет сделает что-нибудь странное или начнет говорить неприятные вещи. Сложно сказать, помнила ли мама, как ее расстроил вчерашний разговор. Медсестра держалась поблизости, расставляя принесенные Элизабет цветы в вазочке.

– Мама, что я тебе расскажу! Вчера в лавке Гарри такое выкинул!

Элизабет бодро заговорила о всяких пустяках. Вайолет стала реже поглядывать на медсестру, и та отошла. Мама позволила Элизабет держать себя за руку и улыбалась на смешных моментах.

– В общем, сегодня вечером мне нужно вернуться в Лондон, – продолжила Элизабет все тем же жизнерадостным голосом. – У меня скоро выпускные экзамены. Потом мне нужно будет найти работу, чтобы зарабатывать себе на жизнь, но я снова приеду повидать тебя. Может быть, через месяц, хорошо?

– В Лондон? – удивилась мама.

– Да, в Кларенс-Гарденс, к папе.

– К папе?

– Джордж, твой бывший муж, шлет тебе привет и надеется, что за тобой тут хорошо ухаживают.

Мама улыбнулась:

– Очень мило с его стороны, скажи ему спасибо, у меня все замечательно.

Элизабет сглотнула:

– Конечно, я передам, и у Гарри тоже все хорошо, он зайдет сегодня попозже. Гарри просто сногсшибателен! Ты сделала правильный выбор, мама.

– О Элизабет, тут с самого начала не стоял вопрос выбора, мне просто позарез нужен был Гарри Элтон. Он единственный мужчина, которого я хотела в своей жизни.

– Да, и он у тебя есть, а у него есть ты.

– Да... – Мама снова начала уходить в себя.

– Ну, я пойду. Я буду писать тебе длинное письмо каждые выходные, а если я вдруг тебе понадобится, то попроси кого-нибудь

мне позвонить, и я тут же приеду ближайшим поездом.

– Спасибо.

Элизабет встала. На ней были серая фланелевая юбка и темно-серые свитер и кардиган, и, чтобы добавить в одежду яркого цвета, она приколотла на кардиган букетик фиалок из фиолетового бархата, с листочками из тафты. Внезапно она сняла букетик и приколотла их на мамин кардиган. Букетик смотрелся совершенно неуместно.

– Спасибо, – произнесла мама.

– Ты славная девочка, хорошая дочка, – сказала морщинистая старушка на соседней кровати, разговаривавшая с Элизабет вчера.

– Его все равно у нее заберут, чтобы она себе вреда не причинила, там булавка, – предупредила другая соседка с одутловатым лицом и короткой прилизанной прической в стиле 1920-х.

– Не важно, – ответила Элизабет. – Пусть хотя бы немножко поносит.

* * *

Отец безучастно выслушал объяснения Элизабет про болезнь мамы и покачал головой на предположение, что все началось давным-давно и теперь всего лишь вышло на поверхность.

– Когда твоя мать жила здесь, с ней все было в порядке. В полном порядке. У нее стало плохо с головой, когда она уехала с тем Гарри Элтоном и стала жить в нищете. Здесь она имела все, что могла пожелать. И слышать не хочу, что ее нервы сдали в этом доме.

– Возможно, ты прав, папа, – вздохнула Элизабет. – Я просто хотела объяснить, что сказал доктор.

– Мы никому ничего про нее не расскажем. Я человек справедливый и сострадательный. – (Элизабет не поняла, к чему он клонит.) – Я мог бы рассказать всем, коллегам в банке и знакомым по бриджу, что Вайолет тронулась умом и попала в дом умалишенных, но я не стану никому ничего говорить. Пусть в их памяти она останется такой, какой была, чтобы они не болтали, что она получила по заслугам.

– По заслугам?

– О да, люди сказали бы, что она ожидала лучшей доли, когда уехала, бросив дом и ребенка, но ничего путного у нее не вышло. Но нет, я им ничего не скажу.

– Очень великодушно с твоей стороны, папа, – ответила Элизабет, закрывая глаза, чтобы не выдать свое крайнее отвращение к его мелочному поведению: он вел себя как старуха, брюзжащая «А я тебе говорила!».

– Нет, я всего лишь отношусь к ней по справедливости. Что было, то прошло. Когда-то твоя мама доставила нам неприятности, а теперь у нее самой проблемы. Такова жизнь, нет смысла усугублять ее наказание, рассказывая людям, которых она здесь знала, что с ней произошло. Как по мне, пусть все остается как есть.

* * *

Иногда мистер Ворски читал Элизабет статьи по дизайну из немецких журналов, на лету переводя их на английский, а она вежливо сидела, прислонясь к какому-нибудь заботливо ухоженному буфету, который мистер Ворски никогда не продаст, или на одном из табуретов для рояля, на которых Анна с любовью поменяла обшивку, но использовала неподходящую ткань, и теперь от них толку нет.

Элизабет грелась на солнышке и слушала иногда внимательно, а иногда вполуха. Часть ее сознания воспринимала услышанные слова в достаточной степени, чтобы улыбнуться в ответ на шутку или задумчиво кивнуть, когда мистер Ворски что-то объяснял.

Ее сердце словно превратилось в огромный кусок льда, отколовшийся от айсберга и медленно плывущий по течению. Она размышляла о Джонни. Снова и снова убеждала себя, что правильно поступала, скрывая от него все плохие новости, и задавалась вопросом: делал ли так кто-либо еще? Решилась ли какая-то другая девушка на аборт, лишь бы не потерять Джонни? И если да... если кто-то еще побывал в месте вроде дома миссис Норрис... то бедняжка прошла через все мучения совершенно напрасно. Потому что, кем бы она ни была, ей не удалось удержать Джонни.

Элизабет понимала: глупо воображать себе подобное, но чувствовала некое абсурдное утешение, думая, что другие девушки,

должно быть, принимали сходные решения. Не может же она быть единственной в мире, кто пошел на такие жертвы ради любви.

В глубине ее души разрастался страх, что она зря потратила столько времени. У Джонни есть кто-то еще. Ну, не то чтобы он завел себе новую девушку, но та женщина... Он упоминал ее, говорил о ней. Она часто приходила в магазин, где они называли ее дамой из высшего общества. Он не мог влюбиться в нее. Не мог. Не мог прикоснуться к ней и шептать на ушко... Он не стал бы делиться с ней тем, чем делился с Элизабет. Такого просто не может быть.

Верно, ничего такого не может быть. Она не поверит. До сих пор она относилась ко всему весьма благоразумно. Так и следует продолжать. Надо закрыть жуткие прорехи в уме, через которые поползают подозрения. Нужно попытаться снова разжечь огонь в сердце и перестать быть холодной, мертвой и испуганной. Все хорошо, с Джонни все в порядке, он ее очень любит и всегда об этом говорит. И Стефан тоже ее любит.

Элизабет переключила внимание на голос Стефана, слушая вполуха, как он подбирает слова и спотыкается в переводе идей, которые никак не пригодятся ей на экзамене.

Время от времени Анна принималась его увещевать:

– Стефан, ей-богу, девочке совсем не потребуется знать такие вещи...

– Анна, не тебе судить, что ей нужно знать, а что не нужно. Она изучает дизайн. Я рассказываю ей о дизайне, о европейском дизайне, чтобы она не думала, будто все, на что способны немцы, – это стальные трубы и чудовищная современная мебель. Я рассказываю ей о саксонском фарфоре, о керамике и фарфоре из Фюрстенберга, Нимфенбурга и Людвигсбурга...

– Ох уж все эти «-бурги», – проворчала Анна. – Тебе не все равно, что они делали и что там производили? Люди из Фюрстенберга и Людвигсбурга разрушили твою и мою страну, а ты сидишь тут на солнышке и рассказываешь девочке об их прекрасном фарфоре! – С раскрасневшимся лицом, она протопала в свою комнатушку, опасаясь, что Элизабет посчитает Стефана Ворски глупым или занудным.

– Моя дорогая Элизабет, иногда мне и правда кажется, что ты меня не слушаешь. Возможно, я рассказываю тебе невероятно скучные вещи...

Элизабет взяла тарелку из саксонского фарфора и провела пальцем по клейму:

– Если бы не вы, мистер Ворски, я бы могла подумать, что эта тарелка куплена в супермаркете. Теперь я могу прочитать ее историю, как и историю любой вещи здесь. Вы словно научили меня новому языку. И я всегда хотела, чтобы кому-нибудь было не безразлично то, чем я занимаюсь. Понимаете, мистер Ворски, у меня столько знакомых, но никто из них не знает, какой экзамен я сдаю во вторник. Никто, кроме вас и Анны. Папе известно только, что мое дурацкое обучение искусству наконец заканчивается и я смогу найти работу. Мама потеряла рассудок. Я не говорила вам, так как папа считает, что никто в Лондоне ничего не должен знать. Мама сейчас в психиатрическом отделении большой больницы в Престоне в Ланкашире и понятия не имеет, где находится. Помните, я ездила ее навестить? И ничего вам не сказала...

– Бедная девочка!

– А Гарри, мой здоровенный простоватый и глуповатый отчим, сейчас пытается договориться со всеми подряд, с приходским священником, с врачами и медсестрой в палате, обещая, что если маме станет лучше, то он будет еще усерднее о ней заботиться. Он и так делал для нее все, что мог. Она была счастлива каждую минуту, проведенную с ним.

– Ох, деточка!..

– А Моника Харт недавно объявила о помолвке с шотландцем, и ей все равно, сдаю я экзамен по дизайну или по сантехнике. Эшлинг О’Коннор, насколько я знаю, развлекается в своем родном городе, играя во что-то вроде «я здесь царь горы» со всей местной знатью. Ее матери, тетушке Эйлин, известно о моем экзамене, но она полагает, что он похож на школьные экзамены, что его сдают все, а потому спрашивает, сколько человек будут сдавать, словно на него половина страны собирается... – Элизабет шагала туда-сюда по магазину, обходя расставленную мебель; мистер Ворски никогда не видел ее такой расстроенной; она вернулась к нему и положила руку ему на плечо. – Теперь вы понимаете, насколько я ценю вас, как я благодарна вам, и вы никогда в жизни мне не наскучите...

– Это мне следует поблагодарить тебя за то, что ты принесла столько счастья в жизнь и работу старика. Иногда я говорю слишком

много и слишком скучно и читаю тебе пространные статьи. Анна права, мне не хватает чуткости.

Элизабет опустила на колени рядом с ним и взяла его за руки:

– Это вам-то не хватает чуткости? Милый мистер Ворски, вы необычайно деликатны! Я только что тонула в жалости к себе и перечисляла всех своих друзей, говоря, что они не знают, чем я занимаюсь, да и знать не хотят, а вы даже не спросили про Джонни. Не сказали, а как же твой возлюбленный? Твой молодой человек наверняка в курсе? Вы ни словом не обмолвились.

– Девочка моя, мы ведь оба знаем, что Джонни есть Джонни.

– Да. Джонни есть Джонни, и в последнее время его катает по Лондону та самая дама из высшего общества на спортивной машине.

– Та дама из высшего общества долго не протянет.

– Да, вы правы, она захочет больше, чем Джонни может ей дать. Однажды она скажет ему, что они приглашены на вечеринку в загородном доме, чтобы познакомиться с принцессой Маргарет, а Джонни ответит, что не пойдет, без всяких объяснений. И дама из высшего общества обидится и вышвырнет его из спортивной машины, а потом будет ждать, когда он позвонит, чтобы извиниться, и пришлет ей цветы, и тогда она его простит. Она не знает, что он не позвонит, и не пришлет цветы, и не станет просить прощения.

– Не накручивай себя.

– Я не накручиваю, просто все именно так и случится, а она будет неделю рвать и метать, будет приходить сюда, покупать что-нибудь невероятно дорогое и спрашивать про Джонни. А когда мы расскажем об этом Джонни, то он закатит глаза со словами «Боже милосердный!», и мы все посмеемся.

Элизабет все еще сидела возле него на коленях, как ребенок. Мистер Ворски молча гладил ее по голове:

– Стало быть, Джонни не знает про выпускной экзамен по дизайну, и вне стен колледжа ты одна-одинешенька. Я уверен, у тебя все получится. Если ты плохо сдашь экзамен, то в этом мире нет справедливости.

– А разве в мире есть справедливость? – Элизабет подняла голову и посмотрела на него. – Где же она? Ваша жена умерла, ваши сыновья пропали без вести, вашей страны больше нет.

– Мне повезло больше, чем многим полякам. Это тебе, девочка, весьма нелегко пришлось в жизни. Но придут и хорошие времена.

– Вы так думаете? Вы же знаете, Джонни никогда не изменится.

– Да, я знаю, и хорошо то, что ты сама все понимаешь. Теперь у тебя есть два простых пути вперед. Ты можешь принять его таким, какой он есть. Или оставить его и найти кого-нибудь другого. Две ясные дорожки с четкими указателями. Ты не заблудишься из-за неверной карты.

Элизабет встала и протянула к нему руки. Он неуверенно шагнул вперед:

– Я тебя сейчас обниму, а потом мы вернемся к подготовке к экзамену. Если я единственный, кто о нем знает, то я еще больше заинтересован в том, чтобы ты показала высокий пилотаж.

– Высший пилотаж, – поправила она.

– Я сделал ошибку только для того, чтобы ты почувствовала превосходство.

– Именно так я и подумала.

* * *

В июле Элизабет сдала экзамен с отличием. Декан колледжа искусств поздравил ее и предложил работу преподавателя на неполный рабочий день, чтобы она могла одновременно учиться на педагогическом курсе.

Джонни порвал отношения с дамой из высшего общества, хотя само наличие отношений никогда не признавалось вслух. Он охотно согласился на предложение Стефана включить Элизабет в штат в качестве советника, консультанта и закупщика.

Отец не слишком вдохновился результатами:

– Это что же, ты так и будешь учиться в колледже до бесконечности? Потратишь еще больше времени на педагогический курс, а потом вернешься в те же классы в качестве преподавателя и продолжишь работать в антикварном магазине? Что-то ты не слишком далеко пошла.

– Я пошла так далеко, как хотела пойти! – довольно резко сказала Элизабет.

– А твой молодой человек когда-нибудь собирается сделать тебе предложение? Вы уже давно встречаетесь, – пробурчал отец.

– Пока ни один из нас не собирается вступать в брак, папа. А если вдруг надумаем, я тебе сообщу, – еще жестче ответила Элизабет и с грустью подумала, что впервые за долгое время они с Эшлинг, скорее всего, говорят одно и то же одновременно.

* * *

Лето продолжалось. Гарри написал, что маме ничуть не лучше, и спросил, сможет ли Элизабет приехать, чтобы их всех немножко развеселить. Эшлинг написала, что Тони Мюррей хлебнул лишнего и почти получил свое. В своем откровенном и увлекательном стиле она объяснила, что почти уверена, что проникновения не случилось, но она все равно переживала и обрадовалась до смерти, когда через неделю у нее начались красные дни календаря. Моника Харт написала из Шотландии, что сбежала с Эндрю Фёрлонгом, поскольку его мать и ее мать повели себя совершенно нелепо. Они с Эндрю поженились в Гретна-Грин, где не было никакой романтики, а было сыро и противно, а в Шотландии и того хуже. Ширли написала из Пензанса, что собирается выйти замуж за очень славного парня, с которым познакомилась в отеле, где он работает барменом, и попросила Элизабет донести эту новость до Ника... Нужно расписать ему, как Ширли взволнована и счастлива, а также намекнуть, что Ги, ее жених, не бармен, а управляющий отелем. На самом деле это не ложь, ведь однажды он наверняка им станет.

У Джонни внезапно умерла мать, и он уехал на похороны один. Мистер Ворски с Анной послали венок, и Элизабет тоже. Джонни не хотел, чтобы кто-нибудь его сопровождал. Он вернулся в обычном настроении и легко отмахнулся от соболезнований. Да, все к лучшему, его мать была в преклонном возрасте, сильно боялась задержаться здесь дольше отмеренного ей срока, терпеть не могла жить в одиночестве, все хорошее в жизни осталось позади. Они с братом считают, что все к лучшему.

Вечером в день своего возвращения Джонни пригласил Элизабет в ресторан, и официант принес им бесплатный напиток.

– В честь рождения маленькой принцессы, – объяснил он.

В тот день принцесса Элизабет родила дочь.

– Я уверена, что она в восторге, – сказала Элизабет. – Сначала родился мальчик, а теперь девочка – просто идеально!

– Идеально для принцессы Элизабет, у которой армия слуг и все деньги в мире, но не идеально для моей Элизабет, у которой нет ни денег, ни времени.

– Абсолютно верно! – подтвердила Элизабет и с улыбкой подняла бокал за здоровье малышки, дерзко смахнув упавшие на глаза волосы.

* * *

Элизабет с удовольствием училась на педагогическом курсе. Она считала, что он имеет мало общего с реальной жизнью, поскольку способность быстро соображать и умение управляться с детьми и студентами куда важнее, чем общие принципы образования. Два дня в неделю она преподавала в колледже по утрам, а еще два дня – в местной начальной школе днем. Она считала, что способна написать собственный учебник, где говорилось бы, что проблема одна и та же – что с семилетними детьми, что с семнадцатилетними подростками: нужно заинтересовать их и заставить молчать. В ответ Джонни предложил распылять в классе немного эфира.

За лето Элизабет съездила в Престон дважды, и оба визита прошли в очень мрачной атмосфере. Кажется, Гарри пал духом и во всем винил себя.

– Ты же раньше был душой всего здесь. Мама всегда говорила, что с тобой невероятно весело, – в конце концов сказала ему отчаявшаяся Элизабет. – Неужели ты не можешь вернуть хоть чуточку былой жизнерадостности? Ведь прошло всего каких-то шесть или семь лет...

– Я ничего не помню, кроме того, что хотел дать Вайолет все самое лучшее, – грустно и совершенно по-детски ответил он.

– От такой любви нет никакого проку! Ты должен быть бодрым. Допустим, маме станет лучше и она сможет выйти из больницы. И куда она придет? Она не захочет вернуться домой и увидеть, что здесь все грязью заросло, а ты превратился в старый замшелый пенек!

Уловка сработала. Жизнерадостность к Гарри так и не вернулась, но он стал больше похож на прежнего себя. Элизабет объяснила врачу и медсестрам, что, по ее мнению, для Гарри некоторая надежда на возвращение ситуации в нормальное русло может сработать как своеобразная терапия, и они согласились. Избегая говорить ему неправду, они подталкивали его к мысли, что мама может быть способна съездить на побывку домой.

Элизабет наблюдала, как Гарри рассказывает молчаливой, погруженной в собственные мысли Вайолет про планы на ее возвращение домой, а мама иногда похлопывает его по руке. Сотрудники больницы убрали булавку и проволоку из искусственных фиалок, просто пришив букетик к кардигану. Видимо, его так и стирали вместе с кардиганом, потому что из темно-фиолетового цветы стали бледно-лиловыми.

* * *

Джонни жутко расстроился, узнав про маму. Элизабет упомянула про нее только после третьей поездки в Престон.

– Почему ты мне ничего не сказала? Какой ужас, что тебе пришлось туда ездить! Ты ведь не сбежать собиралась. И давно рассказала все Стефану, я у него спрашивал.

– Ну, я не сказала тебе, так как не видела смысла.

Он посмотрел на нее обиженно и несколько раздраженно:

– Что за игры?

– Клянусь, я ни во что не играю! Честное слово, любовь моя! Зачем говорить тебе о грустном? Ты часто повторял мне, что не хочешь слышать про всякие мрачные события, проблемы и прочие низменные вещи, которые тебя угнетают.

– Милая, но если твоя мама, если Вайолет оказалась в психиатрической лечебнице, то это же не мелочь какая-нибудь! Почему ты не?..

– Потому что ты бы все равно ничем не смог помочь.

Элизабет посмотрела ему в глаза. Очевидно, ни в какие игры она с ним не играла. Джонни обнял ее:

– Дурашка, ты мне очень дорога. Ты ведь знаешь, что ты единственная, кого я люблю по-настоящему.

– Я тоже люблю тебя, Джонни, – улыбнулась она в ответ.

Глава 12

Однажды вечером Ниам сидела за туалетным столиком Эшлинг и примеряла бижутерию.

– А ты бы назвала свой роман с Тони Мюрреем страстным? – спросила она.

– Нет, я думаю, это скорее животное влечение, – ответила Эшлинг, продолжая читать письмо.

Ниам хихикнула:

– Нет, правда, некоторые девочки в школе сильно интересуются. Анна Барри говорит, что тут больше вопрос подходящего выбора, а не страсти.

– Господи боже, какой там подходящий выбор?! Судя по неутраченным сплетням в Килгаррете, я выбрала самый неудачный вариант.

– Мама убила бы тебя, если бы услышала, как ты упоминаешь имя Господа всуе, – строго заметила Ниам.

Эшлинг посмотрела на сестру:

– А еще ей наверняка не понравится, что ты красишь губы. Немедленно сотри и больше не трогай мои вещи! Они мои. Я усердно работаю по много часов, чтобы позволить себе такие покупки.

– Если ты выйдешь замуж за Тони Мюррея, тебе не придется так много работать. Ты сможешь ездить в Дублин, как его мама, и покупать там одежду и по три губные помады зараз. – (Эшлинг промолчала.) – Не понимаю, почему ты не выйдешь за него, так ведь можно упустить свой шанс. Хотя все говорят, что он влюблен в тебя больше, чем ты в него. – (Эшлинг продолжала читать письмо.) – А еще говорят, что тебе не следует уж слишком надеяться на свою удачу. Ты знаешь, что его видели с одной из девчонок семейства Грей? С той, которая училась в Англии. Когда-то у нее было лошадиное лицо, но сейчас она изменилась. Ну как там ее, Антея или Алтея. Он пил с ней кофе в гостинице. Правда-правда. Так что я подумала, мне стоит шепнуть тебе на ушко. Если вдруг у меня есть шанс стать подружкой невесты, то не хотелось бы его упустить.

Побледневшая Эшлинг подняла взгляд:

– Что? Что ты сказала?

– Ничего... – опешила Ниам. – Я не знаю, правда он с ней там был или нет, просто Анна Барри и все эти... их сестры делятся с ними сплетнями. Я уверена, они все придумали...

– Господи боже...

Ниам испугалась и соскочила со стула:

– Послушай, я же говорю, они всего лишь сплетничают. Я только повторила их дурацкие выдумки, Эшлинг, все в порядке... Разве ты не знаешь, что он по тебе с ума сходит? Эшлинг, ну же, скажи мне... ты ведь знаешь?

– Мама Элизабет... она... она попыталась убить себя и Гарри... Боже мой, какое несчастье!.. – (Ниам застыла с открытым ртом.) – Она в психиатрической лечебнице... Я не знаю, сообщила тебе маманя или нет. Иногда она не говорит тебе некоторые вещи... В общем, Гарри... он сидел и разговаривал с ней, как обычно, и она сказала, что хочет, чтобы он срезал торчащую из ее кардигана нитку перочинным ножом, а когда он достал нож из кармана, она схватила его и воткнула сначала в Гарри, а потом в себя. Боже мой, какой ужас!..

– Она его убила?..

– Нет, но ему наложили одиннадцать швов, а она теперь в другой палате. Думаю, это почти как тюрьма, ей запрещено принимать обычных посетителей, и она считает, что скоро снова будет война... и говорит, что не переживет еще одну войну. Господи, ну почему с Элизабет случаются такие жуткие вещи?! Что за несправедливость...

– Элизабет с ней повидалась?

– Да, она провела там неделю и написала оттуда письмо. Теперь она, должно быть, уже вернулась в Лондон. Никто ничего не может поделать. Элизабет целую неделю бегала из одной больницы в другую, а вечерами возвращалась в магазин Гарри. Ты когда-нибудь слышала такую кошмарную историю?

– А как же ее парень? Разве он не поехал с ней? Почему он ей не помог?

– Потому что он настоящий красавчик, ему нет равных, но он всегда найдет причину, почему не может быть втянут в любые неприятности...

– Я думала, он тебе нравится. Ты говорила, что он безумно хорош собой.

– Он выглядит как греческий бог. Однако толку от него никакого.

– Если бы с тобой случилось что-нибудь подобное, я уверена, Тони Мюррей тебя поддержал бы... Если бы, не дай бог, маманя сошла с ума и ударила папаню ножом!

– Ниам, хватит болтать глупости! И проваливай отсюда!

– Я всего лишь сказала, как тебе повезло, вот и все. Я веду себя благоразумно и по-взрослому. Это ты болтаешь глупости... – Растерянная Ниам вышла из комнаты.

Эшлинг задумалась: будет ли от Тони Мюррея какой-нибудь толк в критической ситуации? Пожалуй, не стоит притворяться, что он послужит надежной опорой, но уж точно будет рядом. Возможно, он не сумеет решить проблему или разработать план действий, но будет стоять плечом к плечу – суровый и насупившийся, как это обычно бывает, когда он вынужден иметь дело с чем-то неприятным. И он наверняка скорее посочувствует, чем останется безучастным.

Она принялась вспоминать случаи из прошлого. Каждый раз, когда она расстраивалась из-за болезни Донала, Тони позволял ей выплакаться, похлопывая ее по спине. Она рыдала и говорила, что Донал может перестать дышать ночью и умрет, а Тони, подумав над ее словами, с сердитым лицом ответил, что нет, такого не случится. Тони не сбежит в Дублин, или обратно в Лимерик, или через море в Англию, если разразится какой-то кризис.

Эшлинг тщательно причесалась и наложила на веки немного зеленых теней, а также подвела глаза и нарисовала стрелки, что обычно делала, только собираясь на танцы. Она надела лучшую блузку и новые туфли и достала светло-бирюзовый костюм, в котором единственный раз сходила на мессу. Затем она написала записку мамане. Та в кои-то веки ушла в гости к Морин и Брендану.

Маманя,

я оставляю тебе письмо от Элизабет, почитай, новости просто ужасные. Может, предложить ей приехать к нам ненадолго, чтобы отдохнуть? Я иду к Мюрреям, вернусь к десяти. Если к тому времени ты еще не уснешь, то можем поболтать. Надеюсь, мелкие Дейли не сильно тебя утомят. Кстати, я всыпала Ниам по первое число, и она, наверное, дуется. Как по мне, она уж слишком

нахальна для своих двенадцати, хотя, наверное, я и сама была такая же.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

ты права, это действительно похоже на роль в пьесе. Поздравляю тебя и желаю счастья! Я и правда желаю тебе счастья от всей души. Надеюсь, ты будешь счастлива каждый день и каждую ночь и до скончания веков. Мне не терпится с ним познакомиться, но я знаю, да и Тони, наверное, тоже знает, что в жизни все складывается не так, как того хотелось бы. Ты, должно быть, уже до смерти замучила его рассказами обо мне и о наших приключениях, и он будет разочарован. А я, конечно же, не смогу увидеть в нем все то, за что ты его любишь, а потому тоже буду немножко притворяться.

И все равно ведь здорово, правда? Очень мило с твоей стороны написать мне длинное письмо о моих проблемах, хотя в твоей жизни сейчас столько всего происходит. И почему ты должна чувствовать себя виноватой в том, что твои хорошие новости совпали с ухудшением состояния мамы? Тут уж что есть, то есть, надежды не осталось, и даже до Гарри наконец дошло. Он уже оправился, и его подбадривает социальный работник. А еще Гарри на редкость чуткий. Из всех неприятностей все же вышло что-то хорошее. Я наконец обнаружила невероятную душевность Гарри Элтона. Помнишь, как я раньше его боялась?

Стефан Ворски и Анна посылают тебе большой привет. Они в полном восторге и хотят получить фотографии и длинный отчет. Джонни написал тебе открытку, я вложу ее в конверт.

И разумеется, я приеду на свадьбу, попробовала бы ты меня не пустить! Конечно, я не хочу быть подружкой невесты, поскольку протестанты не могут участвовать в

таинствах. Могу поспорить, что твое объяснение не совсем верно, но я знаю мнение Рима, поэтому не переживай. Спасибо, что предложила Джонни приехать со мной, но я думаю, что лучше отказаться от этой идеи, даже не спрашивая его. Я бы предпочла приехать в Килгаррет одна.

Всего-то через три месяца ты станешь замужней дамой, но лично я больше всего предвкушаю встречу со всеми вами. Кстати, мой акцент не такой уж великосветский, по здешним меркам он соответствует типичному среднему классу.

Эшлинг, я так рада и невероятно счастлива и очень надеюсь, что у тебя все будет хорошо!

Целую,

Элизабет

Привет, Эшлинг!

Элизабет сообщила, что ты решила остановить свой выбор на магнате. Если окажется, что ты ошиблась с выбором, то возвращайся сюда, и мы весело проведем время.

Всего наилучшего,

Джонни Стоун

Маманя велела ей попробовать уделить больше внимания Морин.

– С чего вдруг я должна уделять ей внимание! – завопила Эшлинг. – Она все время только и делает, что отчитывает меня! То я слишком бессовестная, то слишком застенчивая, то ошарашила тетю Брендана, то поставила их всех в неловкое положение, то наступила на игрушки Патрика. Стоит мне войти в дверь, как начинается бесконечный поток жалоб! Так с какой стати я должна уделять ей больше внимания?

– Видишь ли, она чувствует себя немного забытой. Вокруг твоей свадьбы куда больше шума, чем было вокруг ее свадьбы, и сейчас она вынуждена сидеть дома с тремя маленькими детьми, за несколько миль от города, и слушать, как все охают и ахают по поводу твоего замужества и твоего свадебного платья...

– Но я-то ей ничего такого не говорю! Я ведь не сплетничаю, верно?

– Конечно нет, но не могла бы ты проявить участие и поставить себя на ее место? Она уж слишком погрязла в материнских обязанностях, и было бы здорово, если бы ты снова вывела ее в большой мир. Хоть немножко.

– Мамадя, туда черт знает сколько тащиться на велосипеде, и все будет без толку!

– Через несколько месяцев ты сможешь ездить туда на машине мужа, так что не стоит так ныть. Отвези ей горшочек варенья из крыжовника. И скажи, что я зайду завтра.

Мамадя оказалась права. Морин действительно выглядела совсем подавленной и удивилась, когда Эшлинг подкатила к дому на велосипеде.

– И с чего же вдруг ты почтила нас своим визитом? – кисло спросила Морин.

Лицо Брендана-младшего было измазано вареньем, а ноги покрыты грязью. Двойняшки в коляске подняли рев при появлении нового лица. Эшлинг подумала, что все они выглядят отвратительно, худшая реклама для брака, которую только можно найти, но она уже знала, что критиковать позволено что угодно, кроме детей.

– Привет, зайки! – притворно заворковала Эшлинг, которая до сих пор не различала, кто есть кто. – Патрик и Пегги, не хотите поздороваться с вашей тетушкой Эшлинг? Конечно хотите! – Она повернулась к Морин. – Какие славные ребятишки! – воскликнула она, надеясь, что Господь не поразит ее молнией на месте.

– О да, они очень славные для тебя, когда ты появляешься тут раз в сто лет! – ответила Морин. – Поживи-ка с ними днем и ночью, и они уже не покажутся такими славными. Эй, Брендан-младший, подойди-ка сюда! Не вздумай заходить в дом, ты по уши в грязи! Эшлинг, ты что-то хотела или просто проезжала мимо?

Эшлинг стиснула зубы. Проезжала мимо? Да сюда три мили пилить, и куда потом отсюда ехать? Морин и впрямь превращается в старую брюзгу! Но потом она вспомнила маманю.

– Нет, я подумала, что стоит заглянуть к тебе и немножко поболтать. Ты ведь уже давно замужем. Может, дашь мне какие-то наставления.

Морин уставилась на нее с подозрением.

– Я думала, ты больше любого из нас знаешь о жизни! – фыркнула она.

– Да ладно тебе, Морин! Я люблю покрасоваться, как и все остальные, но что я могу знать, живя дома с маманей, которая всем заправляет сама?

– Это верно, тебя всегда держали под крылышком. Да и теперь ты будешь на всем готовом. Надо полагать, Мюррей уже нанимают служанку, которая будет ждать вашего возвращения из свадебного путешествия...

– Морин, давай серьезно, а? Что за дурацкие шутки! Разве ты не знаешь, какова моя будущая свекровь? Она настоящая заноза в заднице!

Морин слегка оттаяла:

– Да уж, говорят, что Этель Мюррей и правда весьма заносчива...

– Хуже не бывает! Тебе дико повезло. Я имею в виду мать Брендана. Она ведь ничего, так? Она все время бывает у вас, ну или раньше бывала.

– Между нами говоря, она тоже не сахар. Заходи, я заварю чая... Брендан-младший, ты получишь ремнем по ногам, если еще раз бросишь эту грязь в двери! Не понимаю, зачем нам все эти курицы, если они всю зиму не несутся. Я уже до смерти устала их кормить. Спасибо миссис Дейли за полезную идею! И ты еще половины ее идей не слышала!

* * *

Имон наотрез отказался быть шафером на свадьбе:

– Маманя, и слышать ничего не желаю! Если эти воображалы Мюррей думают, что я надену какой-то вычурный, взятый напрокат костюм и буду спрашивать людей, которых знаю всю жизнь, пришли они со стороны жениха или со стороны невесты... то не на того напали! Надо мной же весь город смеяться будет! Парни из паба Ханрахана набьются в церковь только ради того, чтобы поржать надо мной!

– Их не пропустят, это моя свадьба! – с жаром запротестовала Эшлинг.

– Еще как пропустят! Это ведь дом Божий, любому позволено войти, – возразил Имон.

– Имон, ну пожалуйста, всего один день! Какие-то четыре часа, максимум пять! Сделай мне одолжение, а потом возвращайся к своим друзьям в паб Ханрахана, хорошо?

– В том пабе все равно одни безмозглые бездельники собираются, – проворчал Шон.

– Папаня, ты там никогда не был! – возразил Имон.

– Да я бы в жизни не стал туда заходить, видя, кто оттуда выходит. Послушай меня, Имон. Свадьба важна для твоей матери и твоей сестры, к нам она отношения не имеет. Однажды какая-нибудь дурочка согласится выйти за тебя замуж, и ее несчастные отец и братья тоже будут вынуждены разодеться, как павлины, и, что еще хуже, потратить кучу денег на банкет и прочую чепуху... Так что просто заткнись и делай, что говорят. В жизни есть вещи типа стрижки ногтей – никто этого не любит, но всем приходится это делать...

– Папаня, я не пойду! Я уеду из города, уйду из дому. Ты не можешь просить меня пойти только ради того, чтобы доставить кому-то удовольствие. Маманя, я серьезно! Представь, что я попросил тебя пройтись по площади в одних трусах. Ты бы согласилась? Конечно же нет! Ты бы сказала, что таким образом ты выставишь себя на посмешище и все твои друзья будут потешаться над тобой, и не важно, как сильно я хотел бы, чтобы ты это сделала...

– Имон, прикуси свой грязный язык! И не вздумай говорить в таком тоне с матерью!

– Нет, считаю, он прав, – внезапно вмешалась Эшлинг. – Имону это не понравится, он не сможет быть шафером. Какой смысл его просить? – (Имон уставился на нее, предчувствуя подвох.) – Я серьезно, Имон. Я подумала, ты бы прекрасно смотрелся в костюме. Многие старые болваны, куда менее привлекательные, чем ты, выглядят потрясающе, если их приодеть, прям глаз не отвести. Однако ты прав. Если бы ты захотел, чтобы маманя или я нарядились как индейцы для твоей свадьбы, то мы бы не согласились. Ладно, забудь! Попросим кого-нибудь из друзей Тони и Донала. Проблема в том, что

большинству его друзей уже сто лет в обед, но какая разница, должен же найтись и кто-нибудь помоложе.

У Имона отвисла челюсть. Он уставился на сестру с облегчением и недоверием одновременно:

– Господи, Эшлинг, я этого никогда не забуду, честное слово! Маманя, ты же понимаешь, правда?

– Что за детский лепет! – холодно ответила Эшлинг. – Ты получил то, чего хотел, не думай, будто тебя еще и по головке погладят. Твоя кандидатура снята. Теперь мне придется поговорить с грозной миссис Мюррей и объяснить ей, что нам нужен еще один шафер.

– И что ты собираешься ей сказать?

– А что я могу ей сказать? – невинно посмотрела на него Эшлинг. – Ровно то же самое, что и ты: твои друзья из паба Ханрахана припрутся в дом Божий и устроят там беспорядки, а четыре часа – это слишком долго, хотя даже бедняжка Донал в состоянии продержаться.

– Не надо ей такое говорить... Я буду выглядеть деревенским дурачком... Придумай другое объяснение.

– Что именно? Есть идеи? Я не могу соврать ей, что ты болен, ведь тогда тебе придется лечь в постель. Мне придется сказать ей правду, разве нет?

– И что она ответит?

– Она будет в ярости, как обычно. И скажет, что ничего другого и не ожидала, а это будет ужасно несправедливо, так как она постоянно ждет каких-то подвохов, однако пока все идет как по маслу. Папаня заказал шикарный свадебный завтрак и заплатил сверху за официантов, маманя накупила всем роскошную одежду, а я веду себя как ангел, а потому старой гримзе даже прицепиться не к чему. Тем не менее, я думаю, ты прав. Если свадьба будет настолько невыносима для тебя, если твоя компашка собирается устроить налет на церковь, то ты правильно делаешь, что отказываешься.

– Я не говорил, что они устроят налет на церковь... Некоторые из них, возможно, вообще узнают про свадьбу только после того, как она состоится...

– Нет, Имон, если все так плохо, как ты описал, то лучше не надо. Маманя, дай мне мою куртку, я пойду поговорю с этой старой перечницей, чего тянуть-то?

– Ладно-ладно, я согласен! – закричал Имон и выскочил из комнаты, не слушая протестов и заверений.

– А ты быстро учишься! – засмеялась маманя. – Иди уже... Ты выиграла битву, но, скорее всего, она не последняя, до знаменательного дня еще придется попотеть.

– Так и есть, маманя, – согласилась Эшлинг и подумала про Тони.

Прошлым вечером он порядком злился и говорил, что через пять недель они поженятся, так почему бы ей не убрать руку и хватит уже скромничать. Какая разница, сейчас они это сделают или через пять недель? Эшлинг не могла придумать внятную причину, но почувствовала, что разница на самом деле есть. Как будто она сдастся в некой игре, если позволит ему получить свое прямо сейчас.

* * *

Морин расцвела на глазах, когда Эшлинг стала ее навещать. А Эшлинг, в свою очередь, внезапно начала понимать неприятную правду о том, насколько одиноко живет Морин. Маманя была права, когда уговаривала Эшлинг вовлечь старшую сестру в подготовку к свадьбе. Морин явно умирала от скуки в этом унылом месте, которое ни ферма, ни дом, а просто огромное несуразное здание почти на обочине дороги с четырьмя акрами земли за ним. Земля ничем не засеяна и используется другими фермерами как пастбище, а из хозяйства только несколько гусей, ослик, курицы и овчарка. Семейство Дейли насмеялось над попытками Морин что-то посадить, но Эшлинг, ее вновь обретенный союзник, восприняла их сопротивление как вызов.

– Ты не понимаешь, они думают, что земля должна приносить доход, что садик – это дурацкая затея горожан, и мне такое не по статусу, я же не богачка какая-то. А цветы на еду не годятся...

– Да ты просто притворись, что оно тут как-то само по себе взяло и выросло, а ты вообще ни при чем. Не говори им, что сажаешь цветы, занимайся ими, когда никого нет рядом. Я тебе помогу, привезу несколько растений и семена, у папани наверняка есть что-то в лавке. Скажу ему, что это подарок для тебя. Можешь все на меня повесить.

– Господи, Эшлинг, вот у тебя мозги работают, тебе будет легко справиться с Мюрреями!

– Думаю, мне волей-неволей придется как-то справляться.

* * *

Миссис Мюррей сильно удивилась, обнаружив, что О’Конноры пользуются в городе куда большим уважением, чем она думала: они давно держат лавку и имеют хорошую репутацию, дети у них сообразительные и ведут себя похвально, кроме разве что брата, который постоянно слоняется у дверей паба Ханрахана по субботам или во время закрытия вечером. Эшлинг обходительна и станет достойной невестой. Некоторые даже восхищались ею и говорили, что она одна из самых привлекательных девушек в Килгаррете.

Надежды миссис Мюррей не оправдались, но она со вздохом признала, что редко получала то, на что надеялась. Джоанни почти ничего не рассказывала о своей жизни в Дублине и устраивала истерику при малейшем намеке на критику. Она не приглашала домой никого из друзей, и ей требовался нескончаемый поток карманных денег сверх того, что она зарабатывала. Она так и не научилась разбираться в бизнесе и, по мнению безгрешного мистера Мида, не имела никаких склонностей к тому, чтобы вести дела семейной компании.

Наличие священника в семье служило утешением. На следующий год Джона посвятят в сан. Она почему-то надеялась, что он станет ей опорой и поддержкой, найдет для нее слова утешения и откроет путь в светлое будущее, когда в жизни черная полоса. На самом деле Джон оставался ее сыном, жаловался, когда Тони использовал всю горячую воду, принимая ванну, или когда Джоанни слишком шумела, а в свой последний приезд выразил недовольство вывеской семейной компании Мюрреев, заявив, что она выглядит потрепанной и обветшалой и что отцу не понравилось бы такое наплевательское отношение, чем разозлил всех, кто его слышал. Миссис Мюррей ожидала, что священник в семье будет улаживать разногласия, а не создавать их. По крайней мере, Джон помог с организацией свадебного путешествия и предложил молодоженам посетить папскую аудиенцию, где они смогут

получить личное благословение папы римского. Такая удача! Миссис Мюррей объявила об этом чуть ли не каждому в городе. Она говорила Тони, что иногда просыпается среди ночи и думает о том, как ее сын будет целовать кольцо папы Пия XII. Они с папой римским будут в одной комнате! От таких мыслей ее бросало в дрожь. Тони ответил, что папа и в самом деле выглядит несколько пугающе, тут кого угодно в дрожь бросит. У миссис Мюррей вытянулось лицо.

Зато Эшлинг определенно знала, как обращаться с Тони. Она твердо сказала ему, что свадебный костюм ему слишком мал.

– Все нормально, если я втяну живот, – уперся Тони.

– Не получится. Если задержишь дыхание, то упадешь!

– Я не сяду ни на какую диету! Я не собираюсь перестать пить пиво только ради того, чтобы влезть в свадебный пиджак! – насупился он.

– А разве кто-то предлагал такое? – засмеялась Эшлинг. – Что за глупости! И все ради одного дня. Нет, я думаю, тебе не стоит даже мечтать о похудении, просто отдай его портному, пусть расширит пиджак, и тогда ты будешь прекрасно выглядеть и тебе будет удобно.

Тони на целый месяц отказался от пива. Любой дурак может не пить пиво месяц, несколько порций джина с содовой помогут держаться на плаву. За три с половиной недели он сбросил достаточно, чтобы влезть в пиджак. Миссис Мюррей пришла в восторг. Наверняка Эшлинг именно этого и хотела, когда отмахнулась от его слов. Эта дамочка умеет добиться своего!

* * *

За две недели до свадьбы Эшлинг и Тони зашли посмотреть, как продвигается обустройство их нового одноэтажного дома. Эшлинг сказала, что хочет засечь, сколько времени ей понадобится, чтобы прийти туда от родительского дома. Ушло десять минут неторопливым шагом.

– Отлично! – засмеялась она. – Если вдруг ты дашь мне ремня за что-то, то я могу быстренько сбежать в город и собрать группу поддержки!

– Что за глупости! – обиделся Тони. – Разве я когда-нибудь ударю тебя? Ты как цветочек...

Эшлинг была тронута:

– Не обижайся, у меня дурацкое чувство юмора. Ты прав, я ляпнула глупость. Очень мило с твоей стороны сравнить меня с цветочком. Давай разведем цветник! Мне нравятся дельфиниумы и люпины, но в доме на площади для них вечно не хватало места.

– Выращивай все, что захочешь! – великодушно ответил Тони.

Эшлинг почувствовала правоту мамани: Морин и в самом деле приходилось много с чем мириться. Подумать только, она вынуждена скрывать цветы от этих неотесанных Дейли!

Она взяла Тони под руку, пока они осматривали недостроенный дом. Тони злился, что водопровод так и не доделали на прошлой неделе. Эшлинг предпочла бы поменьше окон, следовательно, и возможностей для свекрови кудахтать, спрашивая про шторы, которые еще не заказывали, не обсуждали и о которых пока даже не думали.

Когда они разочарованно заглядывали в недоделанные кухонные шкафы, полные древесных стружек, Тони вдруг повернулся к Эшлинг:

– А знаешь, будет здорово.

– Конечно, ведь еще куча времени. Я имею в виду, мы проведем четыре недели в Риме, так что остается целых шесть недель, – согласилась Эшлинг, стараясь выглядеть радостной.

– Нет, я не про дом, я вообще про то, что мы поженимся... – Тони смотрел на нее с нетерпением и мольбой в глазах.

Эшлинг почувствовала себя совсем старой.

– Конечно будет здорово. А как же иначе, разве мы не самая подходящая друг другу пара в городе?

– Я люблю тебя, Эшлинг, – сказал Тони, не пытаясь к ней прикоснуться.

– Тогда мне невероятно повезло! – ответила Эшлинг.

«Мне и правда безумно повезло», – повторила она себе.

* * *

Джонни надулся, узнав, что его не пригласили на свадьбу, но Элизабет вела себя твердо и невозмутимо. Соблазн взять его с собой,

конечно, очень велик. Красавчик Джонни стал бы гвоздем программы, доказательством, что застенчивая малышка Элизабет Уайт добилась успеха в жизни. Он настолько обаятелен, что даже тетушка Эйлин поддалась бы его чарам. Элизабет легко могла представить себе, как Джонни сидит на барном стуле, а дядюшка Шон с искренним интересом спрашивает его про бизнес. В своем воображении она заходила так далеко, что представляла его визит в монастырскую школу.

Элизабет не сомневалась, что Джонни сорвет аплодисменты, но чувствовала, что брать его с собой неправильно. В любом случае еще важнее то, что грандиозный праздник будет не для нее, а для Эшлинг, а Джонни только отвлечет внимание от жениха и невесты. Однако она ничего не стала объяснять ему.

* * *

Эшлинг в нетерпении прыгала за стеклянной перегородкой в аэропорту, пока Элизабет целую вечность ждала свой чемодан. Эшлинг гримасничала, показывала пальцем в направлении двери и всячески пыталась использовать язык жестов, но Элизабет отказалась от попыток что-либо понять. Она смотрела на подругу и думала, что темно-синий блейзер и зеленая юбка в складку на ней прекрасно смотрятся. Эшлинг даже продемонстрировала ей сквозь стекло помолвочное кольцо с бриллиантами, устроив пантомиму, чтобы показать, насколько оно тяжелое, просто рука отваливается. Элизабет с облегчением поняла, что перспектива стать супругой магната всего через неделю ничуть не отразилась на ее характере.

В конце концов чемодан приехал, Элизабет вышла и стиснула подругу в объятиях, словно школьница после хоккейного матча. Через несколько минут они уже направлялись в Килгаррет и прибыли туда как раз вовремя.

Эйлин только что вернулась и, как обычно, пила чай на кухне. Чашка чая отделяла рабочий день в лавке от рабочего дня в доме. Попутно она раздавала указания юной Шивон, новой служанке, заменившей Пегги, как подавать салат:

– Шивон, не бросай все вместе на тарелку. Выложи листья салата рядами, сверху на каждый положи кусочек ветчины и кружочек помидора. Нет, дай мне, я сама сделаю... Ниама, убери свои учебники, что они делают на столе? Они же испачкаются. Отнеси их к себе в комнату, я сказала! Донал уже пришел?

И тут открылась дверь и вошла Элизабет, а за ней – хохочущая Эшлинг с чемоданом в каждой руке.

Эйлин поставила чашку с чаем на стол и встала. Неужели эта высокая стройная девушка с красивым шарфом, накинутым на плечи, с элегантною золотой булавкой и цепочкой на прелестном кремовом платье... неужели неуклюжая девчонка на велосипеде, с ободранными коленками, робкая и стремящаяся всем угодить, легко краснеющая и заикающаяся, превратилась в совершенно другого человека?

Элизабет застыла в дверях на другом конце большой кухни, а затем помчалась со всех ног, словно ребенок, обхватила Эйлин руками и стиснула так крепко, что у той перехватило дух. От Элизабет пахло дорогим мылом и пудрой, но она дрожала точно так же, как в те времена, когда жила в этом доме.

– Ты совсем не изменилась, ни капельки, – только и сумела произнести Эйлин, обнимая тоненькую девушку, прижавшуюся к ней изо всех сил.

В конце концов Элизабет выпустила Эйлин, достала кружевной платочек и принялась вытирать текущие по бледному лицу слезы.

– Какой кошмар!.. Я так старалась произвести на вас хорошее впечатление, а сама чуть не задушила нас обеих, а теперь еще и разрыдалась и размазала весь тщательно наложенный макияж... Можно я выйду и снова зайду?

– Ну что ты, Элизабет... Слава богу, что ты снова с нами! Слава богу, ты ничуть не изменилась! – Эйлин держала ее за руки, словно собиралась танцевать с ней ирландский танец.

Они сконфуженно улыбнулись друг другу.

– Мама, вокруг меня ты никогда такой переполох не устраиваешь! – с притворной обидой пожаловалась Эшлинг и тут же рассмеялась, чтобы ее не приняли всерьез.

– И вокруг меня тоже! – с искренней завистью воскликнула Ниама, потерявшая дар речи при появлении видения в кремовом платье и шарфике и с открытым ртом наблюдавшая сцену приветствия.

Шивон тоже застыла с салатом и ветчиной в руках, глядя на хозяйку в полном изумлении.

– На тебе школьная форма смотрится куда лучше, чем когда-то на нас, – торопливо сказала Элизабет, чувствуя, что Ниам требуется внимание. – В ней что-то изменилось?

– Нет, но нам разрешили носить свои блузки, если они не слишком кричащие, как выразилась бы сестра Маргарет, – ответила довольная Ниам.

– И она вам все еще ничего такого не говорит?

– Она нам больше ничего не говорит!

Элизабет села на стул и потянулась:

– Если бы вы только знали... если бы вы только могли себе представить, как чудесно вернуться сюда...

Возвращение оказалось даже лучше, чем она могла себе вообразить в самых буйных фантазиях. Та же самая спальня, две кровати с белыми покрывалами с вышивкой «кэндлвик» и белый шкафчик между ними. Та же самая статуэтка на каминной полке, хотя на плаще Пресвятой Девы добавилось сколов. В божнице на лестничной площадке все так же горела лампада Святейшего Сердца, комнаты стали немного меньше, а лестница – немного уже, но в целом дом в размерах не уменьшился. Может быть, потому, что по любым меркам это действительно огромный дом, подумала Элизабет. И совсем обветшалый. Неужели и раньше ковер был таким же рваным и расползался на лестнице? Разве обои отслаивались? Раньше на стенах тоже были коричневые мокрые пятна или они появились недавно? Впрочем, какая разница? Казалось, что каждый уголок в доме радуется ее приезду.

Тетушка Эйлин и Ниам шли рядом с Эшлинг, когда та водила Элизабет по всему дому, и даже Шивон следовала за ними, ослепленная гостьей с английским акцентом, которая столь явно чувствовала себя здесь своей.

Донал взлетел по лестнице, прыгая через две ступеньки, чтобы поздороваться с Элизабет. Он стал высоким, тощим и таким бледным, словно ему натерли лицо мелом. Тонкие губы выглядели почти синими, а когда он улыбался и смеялся, то его лицо походило на череп. Элизабет сглотнула наворачнувшиеся на глаза слезы. Она надеялась, что

Донал будет похож на Шона, но он совершенно отличался от старшего брата.

– Как ты думаешь, Элизабет Уайт, здорово ли я вырос? – спросил он, подсмеиваясь над собой.

– Донал, ты потрясающий! И всегда таким был, – ответила она,

– Разве я не выгляжу костлявым и изможденным? – Его голос звучал легкомысленно, но Элизабет почувствовала в нем боль и тревогу.

Она театральным жестом коснулась его лба и убрала спадающий на глаза локон:

– Ах, Донал О’Коннор, ты напрашиваешься на комплименты, но если тебе так хочется, то изволь. Ты выглядишь как поэт или художник. Кто-то вроде Руперта Брука или даже Байрона. Ты доволен? Или мне продолжить лестные речи?

Он широко улыбнулся, и, прежде чем тетушка Эйлин нежно прижала ее к себе, Элизабет поняла, что верно подобрала слова.

* * *

Дядюшка Шон вернулся домой, когда они рассматривали котят, которых обнаружили в ванной утром.

– Это Мелани, дочка Моники. Она впервые принесла котят! – Ниам светилась от гордости.

– Похоже, у кого-то период увлечения «Унесенными ветром», – засмеялась Эшлинг.

– Жаль, что у меня нет сестры, – вдруг сказала Элизабет.

– У тебя есть я! Разве я не лучше, чем сестра? – возмутилась Эшлинг.

– Да, но ты не всегда со мной...

– Я была с тобой, когда понадобилась тебе.

– Верно. Я этого никогда не забуду.

Они посмотрели друг другу в глаза.

* * *

– Где же она, где? – Дядюшка Шон заметно постарел, гораздо сильнее, чем тетушка Эйлин.

У него появилось много лишних волос: в носу, на ушах, на тыльной стороне ладони. Элизабет не помнила, чтобы видела их там раньше. Или, может быть, ей так казалось по контрасту с отцом, чья кожа гладкая, безволосая и почти отполированная?

Дядюшка Шон почти застеснялся столь элегантною девушки, пока она не стиснула его в объятиях.

– Ничего себе! Глядя на тебя, я понимаю, что нынче не в состоянии давать тебе достаточно денег на карманные расходы! Эйлин, ну разве не красотка? Она словно с фотографии в журнале мод!

– Ой, дядюшка Шон, не говорите так! Вы же не любите журналы мод!

– Я их обожаю, просто мало про них знаю. Эйлин, какой еще чай! Думаю, нужно отвести мисс Уайт пропустить пару рюмочек у Махеров, а затем, возможно, пообедать в гостинице. Представляешь, как у всего города языки зачешутся? Спорим, они не поймут, кто эта роскошная юная леди, и подумают, что я старый волокита. Как думаешь?

Элизабет подыграла ему:

– Чепуха! Меня тут наверняка хорошо помнят и скажут, что это та самая Элизабет Уайт, которая много лет сидела на шее у О’Конноров, а теперь снова взялась за старое!

Эйлин посерьезнела:

– Элизабет, детка, никогда не говори так даже в шутку. Ты тоже член нашей семьи, как и все остальные. Жаль, что ты не могла пожить у нас подольше... Хотя тогда разве стала бы ты такой красоткой? Я скучала по тебе не меньше, чем по Шону.

И здесь тоже перемены. Когда Элизабет уезжала из Килгаррета, имя Шона не произносили вслух.

Глава 13

Элизабет сидела между тетушкой Эйлин и Морин в переднем ряду слева от центрального прохода. Имон и Донал стояли возле входа в церковь, направляя гостей к их местам. Ниам, как подружка невесты, все еще оставалась дома с Эшлинг и дядюшкой Шоном. Как раз сейчас они должны бы садиться в машину, которая ждет их на площади.

Дядюшка Шон нервно расхаживал по гостинной туда-сюда, как зверь в клетке. Его прическа выглядела довольно странно, поскольку накануне он перестарался со стрижкой. Никто не проронил ни слова по этому поводу, только Эшлинг прошептала на ушко Элизабет, что папаня стал похож на каторжника и миссис Мюррей наверняка порадует, когда увидит свадебные фотографии.

Элизабет снова посмотрела на Тони, который стоял на коленях, обхватив голову руками, не столько из набожности, сколько в надежде на спасение. Она подумала, что он обладает тем, что авторы любовных романов называют «цветущим видом»: яркий румянец на щеках и постоянно слегка влажный лоб. Крупный и грузный, Тони выглядел старше своих лет. Элизабет дала бы ему не тридцать, а все сорок. До свадьбы они виделись трижды, и каждый раз он казался смущенным, но она его понимала: она и сама чувствовала себя неловко. Элизабет изо всех сил старалась говорить правильные слова, чтобы он увидел в ней подругу, союзника, а не соперника, так что она произвольно свернула на темы погоды, путешествия из Англии и поездки из Дублина в Килгаррет.

Конечно, волнение Тони вполне объяснимо, ведь сегодня очень важный для него день. Неудивительно, что он вспотел, что ему не до разговоров и что он наполовину сидит, наполовину стоит на коленях, закрыв руками лицо. Друг Тони, Шей Фергюсон, дружка на свадьбе, разглядывал церковь и дважды подмигнул Элизабет, когда поймал ее взгляд. Шей даже старше Тони Мюррея и заметно толще. Он имел репутацию заядлого холостяка еще в те времена, когда Элизабет жила в Килгаррете. Он и его братья продавали сельскохозяйственную технику и частенько приходили в лавку к дядюшке Шоноу. Элизабет всегда казалось, что Шей одного возраста с дядюшкой Шоном, и ее

приводила в ужас мысль, что они с Тони друзья. Очень странно и как-то неловко. Словно Эшлинг в каком-то смысле передают пожилым и грубым мужчинам. Элизабет передернуло, и она взяла себя в руки.

– Можно с вами поговорить или вы молитесь? – прошептала она тетушке Эйлин.

– Я только делаю вид, что молюсь, говори.

– Вы радуетесь или грустите? По вашему лицу сложно определить.

Эйлин улыбнулась:

– Радуюсь, конечно. Эшлинг понадобилась целая вечность, чтобы принять решение, ты ведь знаешь. Она не наобум решила замуж выскочить. Он хороший человек. Я думаю, он сможет о ней позаботиться. Нет, я не грущу, я больше радуюсь. Вот мой ответ на твой вопрос, – заговорщицки прошептала тетушка Эйлин.

Элизабет подумала, что тетушка Эйлин выглядит весьма привлекательно, намного лучше, чем миссис Мюррей. На свадьбу Эйлин надела прелестное розово-серое пальто и подходящее по цвету платье. Пальто купили в универмаге в Дублине за пять недель до торжества и затем много раз примеряли, пока не подобрали к нему туфли, шляпку и сумочку. Преимущество Килгаррета состояло в том, что можно брать вещи, вроде туфель и сумочек, домой, чтобы спокойно их примерить и определиться с покупкой. Сегодня тетушка Эйлин наложила на щеки немного румян. Эшлинг и Элизабет пытались убедить ее сделать макияж, но она ответила, что и так похожа на деревянную куклу. Попытка заставить ее приколоть розовую розочку к серой шляпке тоже провалилась.

– Мне уже полвека! Я не рождественская елка, чтобы наряжаться! – твердо заявила тетушка Эйлин.

Морин выглядела напряженной и несчастной. При дневном свете и в церкви ее платье из тафты смотрелось дешево и крикливо. По крайней мере, свекровь сумела ее в этом убедить с утра пораньше. Миссис Дейли бросила взгляд на переливающуюся ткань, которая так понравилась Морин, и фыркнула. Разве не уместнее надеть обычную двойку из свитера и кардигана? Все-таки свадьба требует более официального вида. И что это за туфли? Они похожи на тапочки! Неужели Морин и в самом деле собирается пойти в них на свадьбу? Ах вот как... Морин с завистью разглядывала наряд Элизабет: юбка и

жакет лимонного цвета с кофейной кружевной блузкой. То, что нужно для свадьбы. А на шляпке лимонные и кофейные ленточки. Ну почему Морин не пришла в голову такая идея? Она поправила широкую юбку из тафты, больше не испытывая никакого удовольствия от перелива цветов при меняющемся свете. Именно это больше всего и понравилось ей, когда она примеряла платье, а потом часами украдкой любовалась им в спальне. Теперь она ненавидела дурацкое платье. И даже прическа неподходящая, волосы прилизанные и тусклые, хотя вчера вечером она их вымыла и уложила. Ну почему она послушала Брендана и не пошла домой, когда туда приходила миссис Коллинс с помощницей и делала прически мамане, Эшлинг, Ниам и даже Элизабет? Брендан сказал, что незачем зря тратить время и деньги, но она-то почему не настояла на своем?

Миссис Мюррей, сидя в противоположном конце, несколько раз улыбнулась. Элизабет подумала, что миссис Мюррей кажется хитрой и жесткой, но, возможно, наслушавшись про нее всякого за неделю, проведенную в Килгаррете, Элизабет просто ожидала увидеть дьявола во плоти. Темно-синий костюм миссис Мюррей словно весь состоял из углов и острых краев: острый отворот на жакете, острые края сумочки, заостренные носы туфель и острые поля шляпки.

Рядом с миссис Мюррей стояла Джоанни, которая приехала домой прошлым вечером. Элизабет решила, что за девять лет Джоанни почти не изменилась: такая же коренастая и так же стоит, широко расставив ноги. Джоанни и Тони были похожи: красивое лицо с веснушками, но Джоанни была интереснее. Она надела белое платье и белое пальто, что Элизабет всегда считала дурным вкусом: где-то в глубинах ее памяти отложилось, что на свадьбу никогда нельзя надевать белое, чтобы ненароком не затмить невесту.

Впрочем, даже если бы Джоанни Мюррей имела подобные намерения, то затмить такую невесту ей бы точно не удалось. При виде Эшлинг все просто в обморок попадают.

Элизабет и сама ахнула, увидев подругу в подвенечном платье. Лучшего платья для невесты и придумать невозможно, а Эшлинг смотрелась в нем так, словно ничего другого в жизни не надевала. Элизабет знала, что тетюшка Эйлин позволила Эшлинг потратить на платье столько, сколько вздумается. Когда тетюшка Эйлин сама выходила замуж, свадьбу сыграли бедно и уныло и платье взяли

напрокат у кузины. Семейство тетушки Эйлин, претендуя на благородные манеры, не имело денег, и вся родня считала ее замужество сплошным разочарованием, поскольку дядюшка Шон не только был гол как сокол, но еще и манерами не отличался, так что бракосочетание провели очень тихо. Что касается свадьбы Морин и Брендана, то, хотя вслух никто ничего подобного не признавал, семейство Дейли твердо взяло подготовку в свои руки и исходило исключительно из того, что лично им нравится и не нравится, а О'Коннораам оставалось лишь молча платить по счетам. На этот раз тетушка Эйлин уперлась, зная, что у нее есть союзник. Эшлинг нисколько не боялась Мюрреев и сделала бы все как надо.

Они вместе съездили в Дублин на автобусе, провели целое утро, разглядывая ткани, а после обеда выбирали фасон. Затем, уже зная, чего хотят, пошли к лучшему модельеру на Графтон-стрит, которая сразу поняла, что эти мать с дочерью не какие-то там деревенские клуши. К тому же они готовы заплатить задаток. Модельер пришла в восторг при виде высокой рыжеволосой девушки с сияющим лицом и вложила в платье всю душу. Никто, кроме Элизабет, не знал, во сколько оно обошлось. Морин назвали одну сумму, дядюшке Шону – другую. Миссис Мюррей ничего не сказали, несмотря на все ее попытки разузнать, где шьют платье и как оно выглядит. Как только Элизабет увидела Эшлинг в свадебном платье, то поняла, что оно стоило своих денег уже только за то впечатление, которое невеста произведет на всех присутствующих. Оно было сшито из плотного белого атласа, а не из сатина, который обычно использовался в Килгаррете. Пышная юбка расходилась широкой волной, из-за чего талия казалась невероятно узкой. Длинные обтягивающие рукава спускались заостренным треугольником с запястья на кисть, делая руки более тонкими, чем они были на самом деле. Мелкие жемчужины украшали V-образный вырез. Атлас смотрелся так роскошно и холодно, что мог бы сойти за мрамор, и любая другая девушка показалась бы мертвенной и бесцветной. Элизабет подумала, что более худую и бледную девушку в таком платье можно было бы принять за куклу, но Эшлинг в нем просто сияла.

Сестра миссис Мориарти играла на органе, и, должно быть, кто-то подал ей знак, потому что орган перестал издавать мягкие рокошущие нотки и внезапно грянул так, что все подпрыгнули и мгновенно

оказались на ногах, а быстрее всех Тони, на лице которого остались красные отпечатки ладоней. Он посмотрел на сторону невесты, и тетушка Эйлин и Элизабет ободряюще улыбнулись в ответ. Хмурое выражение на лице Тони перетекло в подобие улыбки, что одновременно умилило и позабавило Элизабет. Имон и Донал проскользнули на скамью О'Конноров, и все пододвинулись, чтобы оставить место для дядюшки Шона, который вел Эшлинг под руку.

Элизабет подумала, что дядюшка Шон выглядел умирительно. Он смотрел прямо перед собой застывшим взглядом, словно шел на казнь, и внимательно следил за выставляемой вперед ногой, как будто она могла убежать от него. Локти он прижал к бокам, словно держал папки с ценными документами, которые ни в коем случае не должны выпасть. Рука Эшлинг, наверное, расплющилась под таким нажимом, но на ее лице ничего не отражалось.

Эшлинг несколько не походила на взволнованную и скромную невесту, стесняющуюся взглядов со всех сторон. Напротив, она наслаждалась вниманием, улыбалась направо и налево гостям, которых ее вид привел в восхищение и даже в ступор. Церковь в Килгаррете давненько не видела таких невест. Лучшим украшением, которое только можно было придумать, стали волосы Эшлинг: они намеренно выбивались бронзовыми локонами и прядками, создавая яркое пятно цвета посреди белизны.

Элизабет показалось, что дядюшка Шон с Эшлинг шли до алтаря целую вечность. Наконец он передал дочь Тони, встал рядом с тетушкой Эйлин и ослабил воротничок. Жених и невеста зашли за алтарное ограждение и поднялись по ступенькам. Платье идеально подчеркивало фигуру Эшлинг, но при этом ничуть не казалось нескромным. За такую мастерскую работу модельер с Графтон-стрит и впрямь просила не так уж много.

Тетушка Эйлин перегнулась через Элизабет и взяла Морин за руку:

– Все повторяется. В точности как твоя свадьба, верно?

Морин сразу оживилась.

– Да, очень похоже! – с жаром прошептала она. – Конечно, я не видела, как оно выглядит со стороны, я же стояла там, возле алтаря.

– Все выглядело точно так же, – твердо заявила тетушка Эйлин.

Элизабет заметила, что лицо Морин расплылось в довольной улыбке, когда прихожане сели и стали наблюдать, как Энтони Джеймс Финбарр Мюррей берет в законные супруги Мэри Эшлинг.

– Я знаю Эшлинг столько лет, но понятия не имела, что ее зовут Мэри! – удивленно призналась Элизабет, повернувшись к Морин.

– Глупая, это христианское имя, – прошептала Морин. – Не могли же ее крестить как Эшлинг, ребенка называют в честь какого-нибудь святого.

– А я и не знала, – ответила Элизабет, молча погружаясь в церемонию венчания.

* * *

В гостинице для семьи невесты забронировали номер, что О’Конноры сочли самым смехотворным из всех смехотворных расходов. В конце концов семья невесты жила в тридцати секундах ходьбы от гостиницы, на другом конце площади, и в их доме комнат хватало на всех. Однако администратор заявил, что номер включен в полную стоимость, и умолял их воспользоваться предоставляемой возможностью, так как в любом случае возмещения они не получают, а номер может очень даже пригодиться.

Морин жаловалась, что освещение в магазине, где она покупала платье из тафты, было какое-то неправильное. Эйлин заявила, что она производит впечатление весьма элегантной и хорошо одетой молодой женщины, а потому хватит уже ныть и хныкать. Эшлинг сняла белые чулки и засунула одну ногу в раковину.

– Мама, я так и знала, что эти дурацкие туфли слишком жмут.

– Миссис Мюррей, вы уверены, что стоит мочить ноги? Потом может быть еще труднее снова надеть туфли!

– Бог мой, Эшлинг у нас теперь миссис Мюррей! – воскликнула Ниама, пристально разглядывая подозрительное пятнышко на подбородке. – Подумать только, моих сестер зовут миссис Дейли и миссис Мюррей...

Слова Ниама внезапно развеселили Морин.

– Ниама, не переживай, когда-нибудь ты тоже будешь миссис Кто-нибудь!

– Морин, что за глупости, с чего бы мне переживать? Мне всего пятнадцать, слишком рано для замужества, даже если все парни будут за мной бегать.

– А миссис Мюррей не захочет зайти сюда попудрить носик? – нервно спросила Морин, косясь на дверь.

– Пусть в коридоре пудрит, если ей надо, – ответила Эшлинг, вытирая ноги. – На квитанции папани указано, что номер предназначен для семьи невесты. И что всяким злобным свекровьям вход запрещен.

– А ей идет темно-синий костюм, верно? Этель всегда отличалась хорошим вкусом, – заметила Эйлин, стараясь быть справедливой.

– Маманя, да она выглядит как гнев Господень, ты сама прекрасно знаешь... Лицо все белое, словно мукой посыпано.

– Эшлинг, не упрекай женщину за ее внешний вид!

– Маманя, послушай меня! – Эшлинг, стоя в одном чулке, допрыгала до матери на одной ноге и положила руки ей на плечи. – Маманя, вот что я тебе скажу. Сейчас ты разговариваешь не с дерзкой и упрямой Эшлинг О’Коннор, я уже полчаса как миссис Тони Мюррей. И Богом клянусь, если мне вздумается звать миссис Этель Мюррей отвратительной старой кошелкой, то я так и буду ее называть, потому что она и есть отвратительная старая кошелка.

– Миссис Мюррей, если вы продолжите в том же духе, то впереди вас ждет прекрасное светлое будущее, – ответила Эйлин. – Давай обопрись на меня и надевай чулок, нам уже пора спускаться.

– Все идет просто замечательно, правда? – спросила Элизабет. – Разве ты не довольна свадьбой?

– Думаю, да. Есть три вещи, с которыми мне хотелось бы разделаться побыстрее... банкет, жуткая потеря невинности с кровотечением и воплями... и еще я хочу поставить себя так, чтобы старая карга миссис Мюррей боялась меня, а не я ее...

– Не преувеличивай, какое еще кровотечение и вопли...

– Да ладно, нет, конечно. Думаю, сражение со свекровью будет куда кровопролитнее, чем половой акт... Ну что ж, начнем с банкета. Где Ниам? Она должна сопровождать меня повсюду, как верный оруженосец, и исполнять все мои капризы, а вместо этого она торчит перед каждым попадающим на глаза зеркалом и выдавливает прыщики.

* * *

Тони ждал их у подножия лестницы. Рядом стоял Шей Фергюсон, держа по большой бутылке виски в каждой руке.

– Ну же, Тони, задай ей трепку, дай понять своей благоверной, что не следует заставлять тебя ждать.

– Это такие деревенские шуточки, – бросила Эшлинг Элизабет через плечо.

– Ты великолепна! – сказал Тони.

– Ты тоже отлично выглядишь, – ответила Эшлинг.

Элизабет расслабилась и взяла Ниам под руку:

– Раз уж они тут комплименты друг другу говорят... Ты тоже просто красавица. И сейчас на тебя, пожалуй, смотрит больше глаз, чем на Эшлинг, потому что она уже сошла с дистанции, а ты все еще не замужем. Единственная очаровательная девушка на конкурсе невест...

– А ты, Элизабет? Ты ведь тоже еще не замужем?

– Нет, но я влюблена, – призналась Элизабет во внезапном порыве откровенности. – По мне видно, что у меня уже кто-то есть.

И тут Элизабет осознала, что не вспоминала про Джонни целых два дня. Уезжая, она думала, что будет постоянно видеть его перед глазами во время свадьбы, будет мечтать, как они сами играют роли жениха и невесты, как вокруг собрались друзья и родственники, а они дают друг другу клятвы любви, верности и так далее. Однако он совершенно вылетел у нее из головы. Что бы это значило?

* * *

Зал гостиницы преобразился: стулья и диваны сдвинули к стене, четыре официантки держали подносы с бокалами вина и минералкой для непьющих. Элизабет с интересом глазела по сторонам. В церкви она не смела слишком пристально разглядывать гостей, чтобы не проявить неуважения, но здесь можно себе позволить такую вольность. Она сразу узнала некоторых женщин постарше. Мистер и миссис Мориарти из аптеки... «О Элизабет, как ты вытянулась, ты стала такой элегантной... Когда мы уже и на твоей свадьбе

погуляем?...» – «Мистер и миссис Мориарти, вы прекрасно выглядите, почти совсем не изменились...» – «Доналу так нравится работать в аптеке...»

Миссис Линч, мать Берны... О нет, конечно, она не забыла Элизабет... «Ты превратилась в такую красавицу, вот он, результат беззаботной жизни в Англии... А что касается меня, то никто и понятия не имеет о моих проблемах... Мой бедный муж, доктор, Господи его помилуй, ты ведь его помнишь? Бедняга получил воздаяние по делам его, в июне уже будет пять лет... Да, ужасно, лучший в мире муж и отец семейства, у него была слабая печень, такой трагический конец... Нет, Берна еще не замужем, она работает в Лимерике, и у нее есть парень...»

Затем ее заарканила Джоанни.

– Сколько стоил твой костюм? – спросила она без всяких предисловий: ни тебе приветствия, ни удивления при встрече после целых девяти лет, ни выражений удовольствия от свадьбы и восхищения невестой.

– Они выглядят безумно счастливыми, – ответила Элизабет, слегка повышая голос, чтобы посмотреть, что скажет Джоанни.

Та оглянулась и задумчиво рассматривала Эшлинг и Тони несколько секунд.

– Не знаю, чего они так долго тянули. Они встречаются, сколько я себя помню. Думаю, у них все будет хорошо, но не понимаю, почему они решили жить в этом захолустном городишке.

– Мне кажется, Эшлинг нравится Килгаррет. Она любит быть рядом с семьей...

– Тогда у нее, должно быть, с головой не в порядке.

– О'Конноры – очень милая семья. Конечно, я была им предана целиком и полностью, пока жила здесь. Да и сейчас тоже. – В голосе Элизабет прорезалась сталь, хотя она не позволила себе полностью проявить свое негодование.

Да как только Джоанни Мюррей посмела столь уничижительно отозваться о всем семействе О'Коннор?!

Джоанни заметила стальные нотки:

– О нет, я ничего не имею против О'Конноров, я только хотела сказать, что не смогла бы жить здесь... Не знаю, чем бы я вообще занималась целыми днями... А ты знаешь, что тут началось, когда

Эшлинг захотела продолжать работать в лавке? Чуть до смертоубийства не дошло...

– В какой лавке?

– В своей, в лавке отца. Представляешь, замужняя женщина работает там со всякой сельскохозяйственной техникой?

– Тетушка Эйлин проработала там тридцать лет, и она замужняя женщина.

– Миссис О'Коннор совсем другое дело, она член семьи.

– А разве Эшлинг не член семьи? – изумилась Элизабет.

– Теперь уже нет. Теперь ее фамилия Мюррей, и она больше не может делать все, что ей вздумается. Уж моя мамуля об этом позаботится.

– Звучит весьма удручающе...

– А я что тебе говорю? – пожалала плечами Джоанни. – Унылое провинциальное захолустье!

Дядюшка Шон смотрел на свой бокал вина, будто в него налили яд.

– Не понимаю, как можно такое пить, Молли, – пожаловался он официантке, которую знал с пеленок.

– Так ты ведь сам заказал, Шон, два вида шерри.

– Я же не думал, что мне придется его пить! – засмеялся он.

– Божечки, так выпей тогда стакан лимонада! Он лучше освежает.

– Давайте, дядюшка Шон, все добропорядочные гости пьют лимонад! – пошутила Элизабет. – Посмотрите хотя бы на жениха.

Дядюшка Шон перевел взгляд на Тони:

– Мать честная, вот так чудеса! Обычно этот парень не просыхает. И что-то выглядит он подозрительно веселым... Видать, добавил капельку чего-то в лимонад.

– Да ладно вам, дядюшка Шон! Не будьте таким приземленным. У него же свадьба сегодня, неудивительно, что он такой счастливый.

– Какой-то он уж слишком разгоряченный. Спорим на десять шиллингов, что не лимонад он пьет?

– Хорошо-хорошо, дядюшка Шон, давайте не будем спорить. Было бы совершенно неуместно ходить по залу и нюхать лимонады гостей. Разве не чудесный праздник получился? Разве вы не в восторге?

– Конечно в восторге, деточка. А если ты переедешь сюда и выйдешь замуж за ирландца, то я устрою тебе такую же свадьбу. Только шерри заказывать точно не станем.

– Ой, как мило с вашей стороны! Уверена, вы сдержите обещание, но я, пожалуй, отклоню ваше предложение. Лучше начинайте копить на свадьбу Ниам.

– Да кто на ней женится? Это же кошмар, а не девчонка!

– Про Эшлинг вы говорили то же самое, а посмотрите на нее теперь.

– Элизабет, у мужиков ума совсем нет. Я часто благодарю Господа за то, что Он помог мне сделать разумный выбор в молодости. Мне невероятно повезло заполучить в жены такую прекрасную женщину, как твоя тетушка.

Элизабет вместе с ним подошла к тетушке Эйлин, которая уже давно пыталась привлечь их внимание, делая гримасы.

– Полагаю, пора перейти в столовую. Шон, давай, наверное, приглашать всех. Этель Мюррей уже три раза на часы посмотрела.

– Не вздумайте делать что-то ради удовольствия Этель Мюррей! – с неожиданной злостью заявила Элизабет. – Тетушка Эйлин, да вы стоите двадцати таких, как она, даже ста двадцати! Зовите гостей в столовую тогда, когда сами будете готовы, и ни минутой раньше!

* * *

Именные таблички проверила и перепроверила лично миссис Мюррей еще утром. Потребовалось немало усилий, чтобы составить план рассадки гостей за столом. Миссис Мюррей желала знать, кто такие Хейли и можно ли посадить их рядом с отцом Риорданом. В конце концов план утвердили. Мольбы дядюшки Шона, который утверждал, что не в состоянии разговаривать с миссис Мюррей на протяжении всей трапезы, во внимание приняты не были, как и просьба Джоанни посадить ее в дальний конец стола, где не придется ни с кем общаться.

На столах уже стояли стеклянные вазочки с грейпфрутами, украшенными сверху половинкой вишенки, а также кувшины с молоком и сахарницы. Возле каждой тарелки поставили по два бокала

и чайную чашку. Семейство Мюррей внесло свой вклад в виде дюжины бутылок шампанского, предназначенного для тостов.

Свадебный торт водрузили на столик сбоку, и тут тоже не обошлось без горячих споров. Миссис Мюррей считала, что торт должен быть на главном столе. Эшлинг заявила, что тогда жених с невестой не смогут видеть гостей. Морин напомнила, что, согласно традиции, торт нужно поставить на стол, а тетушка Эйлин сказала, что даже если Эшлинг захочет держать его на заднем дворе, то у нее возражений нет. Мисс Доннелли из гостиницы предложила поставить отдельный столик, который можно будет перенести целиком для церемонии разрезания, чтобы исключить вероятность повреждения торта.

Гости перетекали в столовую неуверенными ручейками. Кто-то восхищался обстановкой, другие молча искали свои имена на табличках. Те, кто нашел себя, тут же смотрели, кто сидит справа и слева.

– Похоже, здесь посадили двух женщин рядом, – неодобрительно произнесла миссис Хейли, обнаружив, что ее соседкой будет тетя Брендана Дейли.

– Среди гостей больше дам, чем джентльменов, – прошипела мисс Доннелли, недовольная тем, что жалобы начались еще до того, как гости успели занять свои места.

По мере наполнения столовой людьми разговоры стихали, пока не настала полная тишина, почти как в церкви. Элизабет надеялась оказаться между Доналом и Имоном. Она знала, что ни один из них не жаждет общаться с дядюшками или священниками, да и сама чувствовала себя несколько неловко. Однако бесконечные торги привели к тому, что с одной стороны сидел Шей Фергюсон, а с другой – отец Риордан. Половина гостей уже заняли свои места, а некоторые, вроде Хейли, даже начали есть хлеб с маслом, когда послышался громкий кашель.

Отец Махони, пожилой приходской священник, проводивший венчание Тони и Эшлинг, прочистил горло.

– Надеюсь, вы все уже нашли свои места, – сказал он, неодобрительно глядя поверх очков на тех, кто осмелился сесть. – И пришло время помолиться.

Несчастные покраснели, зашаркали стульями, и торопливо.

– Благослови, Господи, нас и эти Твои дары, которые по Твоей щедрости вкушать будем...

– Аминь, – сказали все, решительно благословляя себя.

Это был сигнал к началу разговоров, а также еды. Начали резать грейпфруты, просили передать сахар. Постепенно гул разговоров становился все громче. Эшлинг великолепно выглядит, прямо как достопочтенные леди на фотографиях в дублинских газетах. И как же ей повезло отхватить столь завидного жениха! До Элизабет также доносились рассуждения о том, как странно, что Эшлинг так повезло с замужеством, тогда как Морин, имея лучшее образование, вышла замуж всего лишь за бедолагу Дейли. Элизабет надеялась, что говорящие сменят тему или понизят голос до того, как Морин их ненароком услышит.

Шей Фергюсон болтал без умолку, поворачивая голову туда-сюда – к Элизабет направо и к Джоанни Мюррей налево.

– Вот уж мне повезло сидеть между двумя старыми девами нашего прихода, а? – захохотал он.

– О боже! – произнесла Джоанни, и он повернулся к Элизабет в ожидании более развернутого ответа.

– Строго говоря, я не из вашего прихода... хотя частенько мне кажется, что я все-таки местная, – вежливо ответила Элизабет.

– Ты так чувствуешь? Это все, что ты чувствуешь? – спросил он.

– Простите, что вы сказали? – Элизабет продолжала все в том же учтивом тоне.

– Нет, ничего. Когда уже дадут наконец выпить? Сегодня Мюрреи наливают выпивку ведрами.

– Насколько я знаю, Мюрреи предложили шампанское для тоста, а все остальное обеспечивают О'Конноры, красное и белое вино, – запротестовала Элизабет, пытаясь донести правду даже до такого бесчувственного крикуна, как Шей Фергюсон.

– Да? Ладно, ну и где вино? Уже должны были налить!

Элизабет повернулась к отцу Риордану.

– Говорят, ты не исповедуешь католическую веру, – сказал он.

– Да, святой отец, это верно. Мои родители принадлежат к англиканской церкви.

– И после стольких лет, проведенных в монастыре с монахинями и с такой набожной католичкой, как миссис О'Коннор, ты все еще не

видишь причины принять католичество? Какая жалость! Видимо, чего-то в нас не хватает.

– О нет, святой отец, я бы так не сказала. Я и в самом деле научилась относиться к католической вере с глубоким уважением и восхищением...

– Какая же польза от уважения и восхищения, если ты не способна смиренно склонить голову и сказать: «Верую». Ты ведь знаешь, именно в этом смысл Церкви. Склонить смиренно голову.

– Да, святой отец, именно так, – покорно согласилась Элизабет, подумав про себя, что отец Риордан ничего не понимает.

Чем бы ни являлась католическая церковь, она явно не про то, чтобы смиренно склонять голову.

Официантки, должно быть, услышали жалобные мольбы Шея Фергюсона и принялись протягивать руки между гостями с вопросом: «Красное или белое?»

– Я бы предпочел капельку виски, всего лишь капельку, – сказал отец Риордан.

– Пойду спрошу, святой отец, – ответила официантка.

– Спасибо, Дейрдре! Ты славная девочка.

Дейрдре, изо всех сил стараясь угодить приходскому священнику, побежала к тетушке Эйлин, забыв наполнить бокалы Элизабет и Шея Фергюсона. Лицо Шея вытянулось.

– Пресвятая Дева, куда подевалась эта девчонка? – спросил он у Элизабет. – Ты ее куда-то послала?

– Несколько минут можно и потерпеть, – улыбнулась Элизабет, стараясь его успокоить, и подумала, что он весьма неприятный тип.

Ради Эшлинг хотелось бы надеяться, что они с Тони не слишком близки, хотя кто его знает: раз Тони выбрал его шафером, то они наверняка достаточно хорошо знают друг друга. Эшлинг редко говорила про друзей Тони. Он вечно проводил время либо в гостинице с компанией, либо где-то еще с парнями. Надо полагать, Шей как раз один из тех самых парней. Элизабет оглядела столовую, пытаюсь опознать, кто еще мог быть из их братии.

За большим столом в форме подковы гости сидели близко друг к другу, так как столовая гостиницы не была рассчитана на то, чтобы устраивать свадебный завтрак на семьдесят три человека. Официантки неуклюже протискивались в узкие промежутки между стеной и

спинками стульев, разнося тарелки с курицей, ветчиной и салатом. Элизабет не обнаружила никого, кто выглядел бы как один из друзей Тони Мюррея, поскольку среди собравшихся почти не было мужчин его возраста. Возможно, число приглашенных пришлось сократить, потому что свадьбу решили провести в узком семейном кругу.

– Тебе хорошо говорить, – прервал ее размышления Шей. – Тебе-то толкать речь не надо. А мне нужно поздравления зачитывать... и еще сказать что-нибудь умное.

– Уверена, вы скажете потрясающую речь, – заверила его Элизабет.

– Потрясающую речь, – передразнил он ее британский акцент. – Вот уж точно, потрясение будет то еще... – Шей повернулся к жениху. – Как ты там, старина Тони, проказник ты этакий! Давай наворачивай побольше, скоро тебе понадобятся силенки...

Миссис Мюррей, поглощенная разговором с отцом Махони, посмотрела на Шей и нахмурилась, а Эшлинг улыбнулась.

– Все верно, Эшлинг, накорми его получше, да пусть мяса побольше ест! – продолжал Шей, ободренный ее улыбкой. – Никакой курицы и ветчины, а настоящее мясо!

Он засмеялся, раздуваясь от гордости, и тут наконец-то принесли вино. Шей осушил бокал одним глотком и, прежде чем официантка успела передать Джоанни ее бокал, выпил и его тоже.

– Так-то лучше, – сказал он и рыгнул.

Когда десерты закончились, чайники вновь наполнили и бармен пришел открывать шампанское, дядюшка Шон с ним о чем-то пошептался, потом встал:

– Я хотел бы сообщить вам, что семья Мюррей любезно предоставила первоклассное шампанское, чтобы наполнить ваши бокалы... когда время придет.

Шей схватился за сердце:

– Господи, этот старый клоун меня напугал! Я уж подумал, он слетел с катушек и собирается речи говорить.

Элизабет решила не возражать ему и не возмущаться тем, что он назвал дядюшку Шона старым клоуном. В любом случае время для выступлений почти пришло, но сначала отец Махони должен произнести молитву, поэтому все снова встали, потом сели, слегка отодвинув стулья.

Шей зачитал вслух семнадцать телеграмм, спотыкаясь на именах, а некоторые из них так коверкал, что никто не понял, кого он имеет в виду.

– Что еще за Джин и Джилли Макферсон? – спросил отец Риордан у Джоанни, перегнувшись через Элизабет и за стулом Шея, чтобы та могла его услышать.

– Должно быть, он имеет в виду Джоан и Джимми Маттерсон из пекарни. Он просто читать не умеет.

Затем Шей сказал, что, согласно книге по этикету, он должен похвалить очаровательную подружку невесты, поэтому ему хотелось бы, чтобы все присутствующие обратили внимание на ее красоту и обаяние. Жаль, что его старый друг Тони Мюррей попался в сети и оказался связан по рукам и ногам узами брака, но, по крайней мере, ему повезло иметь такую красавицу-жену. Шей выразил надежду, что вскоре Мюррей снова сыграют свадьбу и выдадут замуж прелестную Джоанни. Он поблагодарил гостиницу за великолепный завтрак и сказал, что рад видеть здесь столько представителей Церкви, особенно отца Махони в таком отличном настроении. Зная семью Мюррей, он не удивлен, что они прислали марочное шампанское, ведь они известны как одна из самых щедрых семей в Ирландии. Он рассказал историю о жителе Килгаррета, который приезжал в Дублин и возвращался домой пешком. Этот житель был удивлен, что вдоль дороги стоят надгробия мужчин разного возраста, но из одной семьи. Их всех звали Миль из Дублина. Одному было двадцать пять, а чуть дальше по дороге лежал его брат, тоже Миль, которому было тридцать. Гости объясняли шутку друг другу, и за столом долго не смолкали смех и аплодисменты.

Дядюшка Шон тоже сказал несколько слов, только чтобы предоставить слово отцу Махони. Для жителей Килгаррета это привилегия и утешение иметь отца Махони, который крестит их, когда они приходят в этот мир, потом проводит для них мессы и причащает их всю жизнь, а в конце мирского пути дает им свое благословение. Им всем очень повезло, что сегодня отец Махони благословил брак Эшлинг и Тони Мюррея... а еще дядюшка Шон хотел бы поблагодарить мисс Доннелли и весь персонал гостиницы за отличное обслуживание... а теперь не мог бы отец Махони сказать несколько слов...

И отец Махони много чего сказал. Он вспомнил, как Тони учился в начальной школе при монастыре, прежде чем уехал в колледж иезуитов, вспомнил брата Тони Джона, который вскоре, слава Богу и с Божьей помощью, станет отцом Джоном... из него получится прекрасный молодой священник... Он упомянул дочь семейства Джоанни и выразил уверенность, что совсем скоро будет проводить ее венчание... впрочем, конечно же, торопиться некуда. Он сказал, что миссис Мюррей, овдовев, держится так же стойко, как и в замужестве.

Отец Махони пространно рассуждал о Мюрреях как о столпах общества в Килгаррете... вряд ли какой-нибудь город может существовать без такого внутреннего стержня, ведь столько горожан работают в их фирме, а Мюрреи так хорошо о них заботятся... и к тому же являются образцом того, какой должна быть католическая община... замечательный семейный бизнес, который ведется по христианским заветам.

Про О'Конноров он тоже говорил. Элизабет задумалась, не слишком ли остро она реагирует на его слова. Ей показалось, что отец Махони отзывался об О'Коннорах далеко не так хвалебно, как о Мюрреях. В конце концов, именно О'Конноры проводили свадьбу, именно их дочь выходила замуж, и они на все четыреста процентов лучше, чем Мюрреи!

Затем наступил черед Тони. Он поднялся, раскрасневшийся и вспотевший. Элизабет ощутила прилив симпатии к нему и понадеялась, что он хорошо справится со своей речью.

– Давай, Тони, наберись храбрости! – крикнул Шей и, повернувшись к Элизабет, продолжил: – Господи Иисусе, да он и впрямь уже набрался! Он выпил пять бокалов джина с лимонадом, прежде чем прийти сюда... а вино на их конце стола лилось рекой...

Тони заговорил, но с огромным трудом, постоянно поглядывая в свои записи. Он поблагодарил родителей Эшлинг, при этом забыл их имена и сверился со шпаргалкой. Он выразил надежду стать хорошим мужем для Эшлинг. Затем зачитал список родственников, которых будет рад видеть, спотыкаясь еще сильнее, чем Шей при чтении телеграмм. Он поблагодарил свою мать за помощь и поддержку и сказал, что предвкушает поездку в Рим с молодой женой и, если получится – Господи помоги! – еще одну поездку туда же в следующем

году на рукоположение брата. Всем огромная благодарность за ценные подарки. Он надеется, что все получили удовольствие от свадьбы.

Тони плюхнулся на место, и после аплодисментов наступило неловкое молчание. Элизабет заметила, как миссис Мюррей снова смотрит на часы, Шей заерзал. Тетушка Эйлин склонилась к дядюшке Шону и что-то ему сказала, после чего он снова встал:

– Давайте попросим отца О’Доннелла спеть нам куплет из песни... Мы все знаем, какой у него чудесный голос.

Предложение вызвало громкие аплодисменты и одобрительные возгласы.

Отец О’Доннелл, уже заранее сложив руки и состроив благообразную мину, запел «Bless This House»^[27], а потом: «Прекраснее стихов я не найду, чем дерево в Твоем, Господь, саду»^[28], но это не слишком вдохновило слушателей. Словно осознав, что аудитория заскучала, отец О’Доннелл сказал, что маленькая птичка попросила его спеть одну, последнюю, песню в качестве особого подарка жениху и невесте. Когда звенящий голос взял высокие ноты «Danny Boy», Элизабет почувствовала странное пощипывание в глазах и в носу. Она посмотрела на Эшлинг, которая улыбнулась ей сквозь фату и рыжие локоны. Когда-то Элизабет рассказывала ей про то, как спела «Danny Boy» для мамы, Гарри и Джонни. Эшлинг заметила, что это было вполне естественно. Все плакали, когда слышали эту песню.

Затуманенными от слез глазами Элизабет оглядела присутствующих. Все смотрели на молодого священника и, очевидно, отчаянно старались не показать эмоций. Когда дошло до последнего куплета, все вздохнули с облегчением и дружно подтянули:

Но ты вернись, хоть летним днем по лугу,
Хоть по долине, что тиха в снегу,
И днем и ночью ожидать я буду,
О Дэнни мой, о Дэнни мой, тебя люблю^[29].

Гости вытирали глаза, шмыгали носом и поспешно глотали чай или вино, потом захлопали. Элизабет улыбнулась Эшлинг в ответ, сглатывая слезы, и подумала, что свадьба достаточно

душещипательное событие и без того, чтобы петь на ней подобные песни.

* * *

Тетушка Эйлин сказала, что ее ноги увеличились вдвое и по возвращении домой туфли с них придется срезать. Дядюшка Шон заявил, что от сладкого вина у него перехватило горло и только пара пинт пива может его спасти. Эшлинг отпустила Имона. Он помялся и сказал, что тут не так уж и плохо, а раз он уже столько времени здесь провел, то вполне может и еще подождать до проводов молодоженов. Именные таблички валялись на полу, вокруг стола носились дети, родственники разбились на группки и обсуждали друг друга.

Шей Фергюсон, подхватив два больших стакана виски одной рукой и еще зацепив мизинцем стакан с водой, загудел, как приближающийся поезд:

– Ту-ту-у-у, с дороги! Мне нужно подготовить жениха к долгому путешествию...

Тони переодевался в кабинете мисс Доннелли, меняя роскошный свадебный костюм на повседневный.

* * *

Морин злилась, так как Брендан хотел уже уходить домой.

– Ну так и пусть сам идет, а ты вернешься позже, – предложила Элизабет.

– Вот сразу видно, что ты не замужем! В браке есть правило: куда один, туда и другой. – На щеках Морин горели пятна румянца – от вина и злости.

– Можно подумать, тебя потом до дому не доведут. Скажи ему, пусть уходит один, тогда вы оба будете довольны.

– Тогда мы оба будем недовольны. А если я пойду с ним, то доволен будет хотя бы один из нас. Давай ты его отвлечешь? Поговори с ним о чем-нибудь, о чем угодно.

Морин выглядела расстроенной. Элизабет решила не спорить о принципах и подошла к Брендану, который переминался в дверях.

– Где Морин? Она только о себе и думает! Моя бедная маманя с утра возится с Бренданом-младшим. Не понимаю, чего тут все слоняются, вместо того чтобы домой пойти...

За их спинами послышался шум, и Эшлинг с Тони вместе спустились в холл. Из столовой вышли женщины, а из бара – мужчины с пивом в руках. Эшлинг надела костюм, который, как она объяснила Элизабет, следует называть аквамариновым, хотя на самом деле он зеленый, но многие считают, что зеленый цвет приносит несчастье.

На голове у Эшлинг красовалась крохотная шляпка-таблетка из той же ткани, что и костюм. Волосы она собрала в пучок на затылке.

– Она прямо как кинозвезда! – в полном восхищении прошептала Морин, появившаяся из-за угла, чтобы насладиться моментом.

– Она выглядит совсем старой, лет на тридцать, – сказал Донал. – Великолепно выглядит, – добавил он, заметив гримасу Морин. Не помогло. – Ну, тридцать – это не так уж и много...

Позади молодоженов из дверей гостиницы гордо вышла Эйлин. Увидев стоящую отдельно от всех Этель Мюррей, она сделала над собой усилие и присоединилась к ней.

Элизабет заметила, как миссис Мюррей слегка улыбнулась от удивления, но быстро вернула на лицо обычное, слегка лукавое выражение.

– Ах, Эйлин, время пришло...

– Они выглядят безумно счастливыми. Разве не здорово отправлять их в путь такими? – (Миссис Мюррей кивнула.) – Тони славный парень, – продолжала тетушка Эйлин. – Не говоря уже о хорошем происхождении. Мы с Шоном очень рады, что Эшлинг вышла замуж в такую семью и у нее будет заботливый муж. Тони – замечательный, добрый парень.

Тетушка Эйлин сжала руку миссис Мюррей, и они вдвоем пошли по дорожке. Элизабет стояла чуть поодаль от всех и смотрела на Эшлинг – незнакомку в шикарной шляпке. Почему-то сейчас она казалась более чужой, чем когда на ней было подвенечное платье, которое уже аккуратно повесили в номере гостиницы, накрыв слоями папиросной бумаги, приколотой к целлофану. Потом тетушка Эйлин

заберет его и будет бережно хранить, пока не достроят дом для молодых.

Провожающие выкрикивали прощальные пожелания. Шей Фергюсон почти не мог стоять, так как стукнулся головой о крышу машины.

– Ну давайте уже, садитесь... Тони, не теряй времени зря, она уже почти в твоих объятиях... не позволяй ее пылу угаснуть!

– До свидания, Эшлинг! Удачи! – пожелала Морин со слезами на глазах.

– Где она отхватила такой костюмчик? Отлично скроен! – донимала всех Джоанни.

Эшлинг поцеловала на прощание дядюшку Шона, миссис Мюррей и наконец тетушку Эйлин.

Тони прощался рукопожатиями, беря руку каждого в две свои:

– До свидания, спасибо, до свидания, спасибо! До свидания, спасибо! – сказал он Элизабет, когда пришла ее очередь.

– Я надеюсь, вы оба будете очень счастливы, Тони. Очень счастливы и подарите друг другу огромное... безмерное счастье, – запинаясь, закончила она.

– Уверен, именно так и будет, – неловко ответил он.

Рядом с ним возник Шей Фергюсон:

– Если уж ты не подаришь ей счастье, старина Тони, то кто ж еще это сделает? Давай уже сделай ее счастливой – и поехали!

Элизабет покраснела от ярости. Она пыталась быть совершенно искренней, а ее так громко и грубо прервали... Она и в самом деле надеялась, что Эшлинг и Тони будут счастливы вместе, ведь у некоторых пар так бывает, например у Эйлин и Шона и у мамы с Гарри какое-то время. Хотя другим явно не так везет. Ну почему именно этот наглый здоровяк Шей Фергюсон оказался рядом и подслушал ее слова?

Должно быть, Эшлинг почувствовала эмоции Элизабет на другом конце толпы провожающих и бросилась к ней.

– Скажи, свадьба прошла не слишком ужасно? Скажи, в свадьбе Эшлинг О'Коннор было хоть что-нибудь стильное? – спросила она, беря Элизабет за руку.

Элизабет обняла подругу, и они на мгновение застыли.

– Свадьба получилась просто замечательная, у меня нет слов! Я послушала, что гости говорят. А они говорят, что никогда еще в Килгаррете не бывало столь яркого и шикарного бракосочетания.

– Элизабет, ты еще приедешь? Пожалуйста, приезжай, когда тут все немного успокоится и закончатся театральные страсти-мордасти!

– Приеду, конечно. Обязательно! Тебе пора, Эшлинг, тебя зовут.

– Я ведь не ошиблась, как ты думаешь?

– О чем ты?

– Я все правильно сделала? Все будет хорошо?

– Эшлинг, не сейчас... Иди уже.

– Ты моя лучшая подруга.

– А ты – моя. Давай, пора.

Когда невеста села в машину, раздались оглушительные крики радости, на что Эшлинг ответила ослепительной улыбкой. Шей прикрепил к багажнику машины большую картонку с кривой надписью «Молодожены». Тони попытался ее снять, но Эйлин посоветовала подождать, пока они не выедут из города. Машина с несуразной табличкой взревела и тронулась с места. Ко всеобщему удовольствию, она сделала круг по площади, прежде чем выехать на дорогу в Дублин. Случайные прохожие, пассажиры только что прибывшего автобуса, тоже разразились криками поддержки. А потом машина скрылась из виду.

Часть третья
1954–1956

Глава 14

Им посоветовали обязательно остановиться в гостинице в северной части Дублина, чтобы быть поближе к аэропорту, когда утром придет время туда отправляться. Эшлинг сказала Элизабет, что большинство друзей и родственников, видимо, считают, будто обессиленные после страстной ночи молодожены могут и до аэропорта не доехать.

Морин знала один пансион, расположенный всего в миле от аэропорта. Папаня заявил, что нет ничего плохого в том, чтобы остановиться у родственников в Дун-Лэаре. Им все равно отправляли приглашение на свадьбу, но они слишком заняты и не могли оставить пансион на целый день. Говорят, теперь пансион стал гораздо лучше, во всех спальнях постелили ковры от стенки до стенки, и поскольку они родня, то можно будет получить скидку.

Эшлинг не стала никого слушать, написала в отель «Шелбурн» и забронировала один из лучших двухместных номеров на одну ночь для мистера и миссис Мюррей.

Честно говоря, она надолго задумалась, перечитав слова «мистер и миссис Мюррей», и вспомнила, как много-много лет назад, когда Элизабет жила в Килгаррете, они шепотом строили планы на будущее. Они решили, что выйдут замуж только по любви, только за молодого человека не из Килгаррета и уж точно не за владельца местного бизнеса. Тогда Эшлинг вдруг сказала, что у Элизабет выбора больше, так как она протестантка и может выйти замуж за кого-нибудь из Греев, а Элизабет возмутилась и спросила, какой смысл в изучении раскаяния, благодати и ангелов, если ее все равно будут считать протестанткой?

Стать миссис Мюррей в те детские планы не входило. С другой стороны, аборт в них тоже не значился, ведь Джонни Стоуну невозможно признаться, что его попытки контрацепции провалились. Интересно, что теперь делает Элизабет, чтобы такое не повторилось снова?

Эшлинг счастливо вздохнула. Слава богу, ей не придется ломать голову над этой проблемой! Если она забеременеет, то и хорошо, родит

ребенка, потом еще одного, а маманя поможет присмотреть за ними. Может быть, даже Пегги будет приходить и немного помогать им. И разумеется, Тони. Она снова вздохнула.

Тони посмотрел на нее и положил руку ей на колено.

– Ты счастлива, хозяйюшка? – спросил он, подражая некоторым необразованным старушкам, которые всегда называли хозяйюшкой даже тех, чьи имена знали не хуже собственного.

– Я безмерно счастлива, хозяин, – включилась в игру Эшлинг.

– Отлично, я тоже. Скоро будем в Дублине, и я наконец-то смогу сделать то, о чем целый день мечтал, – выпить.

– Угу, – рассеянно ответила Эшлинг, размышляя, захочет ли он выпить в баре отеля или закажет выпивку в номер.

В фильмах напитки подавали в ведерках со льдом и привозили на тележках. Возможно, здесь тоже так будет.

– Как здорово вернуться в «Шелбурн»! – произнес Тони, когда машину благополучно припарковали и портье забрал их чемоданы. – А теперь пропустим по стаканчику, хорошо?

– Отлично! – отозвалась Эшлинг.

К ее удивлению, они вошли в отель и сразу же вышли обратно, как только Тони расписался в журнале регистрации. Эшлинг думала, что они будут держаться за руки и хихикать, но ничего такого не случилось, и она почувствовала непонятное разочарование. И куда они теперь идут?

– Ты не захочешь здесь пить, тут слишком роскошное место, и посетители слишком много мнят о себе. Мы пойдем в настоящий бар!

Эшлинг заглянула в бар отеля. Он выглядел шикарно, с зеркалами и официантами в белых куртках. Там сидела парочка элегантных женщин, и она подумала, что в своем аквамариновом костюме и шляпке выглядела бы не хуже, чем они. Но нет, они почти бегом пересекли парк Сент-Стивенс-Грин, вышли на Бэггот-стрит и внезапно очутились в баре, который казался менее приличным, чем у Махеров, но более пристойным, чем у Ханрахана. В нем стоял тот самый кислый запах пива и стаута, который бывает, когда часто проливают кружки и плохо чистят бочки.

– В Килгаррете ты в подобных местах не пьешь, а ходишь в гостиницу, – сказала Эшлинг. – Почему же здесь мы не можем выпить в отеле? Там более приличный бар.

– Я не могу пойти в бар в Килгаррете, потому что тогда все местные будут просить у меня десять шиллингов в долг, а все приехавшие по делам будут пытаться купить мне кружечку, чтобы получить повышение. Поэтому вынужден ходить в гостиницу. Но здесь нас никто не знает, так что все в порядке.

Эшлинг огляделась. Мужчины в кепках уткнулись в свои кружки, группа парней у входа смеялась и потешалась над чем-то. Столики были уставлены грязными стаканами и переполненными пепельницами.

– Давай вернемся. В баре «Шелбурна» тоже есть что выпить. Там гораздо приятнее! – взмолилась она, но Тони уже стоял возле стойки и кивком указал на один из столиков.

– Джин? – спросил он.

Эшлинг услышала, как он заказал большую порцию джина, большую порцию «Пауэрса» и пинту «Гиннеса». Она с отвращением посмотрела на столик, и бармен отправил помощника убрать его. Помощник оказался немного тугодумом, как Джемми в лавке, и не сводил глаз с Эшлинг, пока вытирал пепел и пивные лужицы. Тряпка у него была настолько засаленная, что, несмотря на все его старания, столик лучше не стал. Эшлинг увидела вечернюю газету и постелила две страницы на столик и две на стул, со злостью подумав, что теперь на одежде останутся отпечатки текста. По крайней мере, все равно лучше, чем бог весть какая грязь!

– Прекрасно! – одобрил ее инициативу Тони, возвращаясь к столику с напитками в руках. – Ну что же, за нас! – Он хлебнул пива, затем сделал огромный глоток виски, прежде чем Эшлинг успела притронуться к джину. – Как ты и сказала, мы отличная пара!

К Тони наклонился мужчина с красным носом пьяницы, одетый в помятый и потрепанный, но когда-то, вероятно, довольно дорогой костюм.

– А что это ты и твоя подружка делаете в субботу вечером, куда вы так вырядились? – обратился он к Тони, словно не раз встречал его здесь.

– Позвольте сообщить, не подружка, а жена! – заявил довольный Тони и расхохотался.

Незнакомец уставился на Эшлинг:

– Ну что ж, полагаю, нет ничего плохого в том, чтобы иногда выводить жену поразвлечься. Вы на скачки ходили?

– Нет, на свадьбу! – подмигнул Тони и ухмыльнулся с таким глупым видом, что Эшлинг захотелось встать и уйти, но она вдруг осознала, что больше не может так поступать.

– А-а-а, на свадьбе! Где-то поблизости? – не отставал незнакомец.

– Нет, за городом. Деревенские мы.

– Нет ничего хуже деревенской свадьбы! – засмеялся мужчина. – Так и норовят пыль в глаза пустить!

Тони расплылся в улыбке:

– Я мог бы согласиться с тобой, продолжать игру и выставить тебя дураком, но не стану, ты человек хороший. Это была наша свадьба. А теперь что скажешь? – Сияющий Тони откинулся на спинку стула.

Несмотря на затуманенный алкоголем взгляд, незнакомец понимал, что от него ожидают. Он встал и пожал им обоим руки:

– Мои искренние поздравления и самые теплые пожелания! При других обстоятельствах я бы первый предложил вам...

Тони, словно вдохновленный Святым Духом, понял, в чем состояла проблема: мужчина угостил бы их выпивкой, но у него нет денег. Это был тот самый тип жалкого, спотыкающегося на ходу пьянчужки, который клянчил бы у Тони десять шиллингов в Килгаррете и давал нелепые обещания. Возможно, когда-то он работал на государственной службе или в какой-то конторе. Для кипевшей от ярости Эшлинг джин с тоником казался на вкус кислотой. Тони уже стоял у стойки. Новоявленный приятель сказал, что не прикасается к «Пауэрсу», а пьет исключительно виски от «Бушмиллс» – в рот не берет ничего, кроме «Блэк Буш». Подумать только, сколько всего хорошего пришло к нам с севера!

Эшлинг решила отключиться. Не обращая внимания на болтовню Тони и незнакомца, она приклеила на лицо улыбку и стала раздумывать, что бы заказать на обед. Она распланировала меню и последующую постельную сцену, для которой наденет новенькую ночную рубашку кремового цвета и кружевной халатик, хотя его, скорее, следовало бы называть пеньюаром, учитывая, во сколько он обошелся. Она решила, что разделется в ванной, а потом войдет в комнату. Как здорово, что в номере есть ванная! Иначе пришлось бы идти по общему коридору в пеньюаре... А потом, когда все случится,

они будут лежать в постели и обсуждать планы на будущее, и Тони скажет, как он рад, что они решили подождать до первой брачной ночи.

Голос Тони и толчок локтем вывели ее из забытья.

– Эш, ты чего молчишь? Все в порядке?

– Да, – улыбнулась она, и он вернулся к разговору, а она – к своим фантазиям.

На следующее утро они поедут в аэропорт, и она нисколько не испугается самолета. В конце концов, к тому моменту она уже будет взрослой замужней женщиной, имевшей половые сношения с мужчиной, а значит, не такой тупой и бестолковой, как некоторые.

Тони снова пихнул ее локтем:

– Джерри знает отличный паб, очень популярную пивнушку. Давай туда сходим и пропустим по кружечке.

– Разве мы не опоздаем на обед в гостинице? – спросила Эшлинг таким ледяным тоном, что даже налитый «Блэк Бушем» Джерри почувствовал холод и сдал назад:

– Ладно, сынок, как-нибудь в другой раз...

Однако Тони Мюррей ничего не почувствовал.

– Глупости! Пойдем сегодня, иначе такие деревенские дурни, как мы, можем больше никогда не найти тебя в огромном городе! – расхохотался он; Эшлинг послушно встала, и Тони обнял ее за плечи. – Я отхватил лучшую девушку в Килгаррете, верно, Джерри?

– Тони, ты получил самую лучшую! – твердо согласился пьянчужка.

* * *

Обед в «Шелбурне» не состоялся, так что Эшлинг напрасно потратила время, выбирая, начать его с дыни, грейпфрута или супа. Когда паб закрылся, Джерри объяснил им, где можно купить картофель фри. Сам он с ними не пойдет, оставит деньги на последний автобус, но в любом случае независимо от денег он частенько предпочитал обходиться без еды, после того как пропустил несколько кружек вечером. Он пожал им руки и пожелал всего наилучшего. Казалось, он пьян ничуть не больше, чем четыре часа назад, когда познакомился с ними: нос не стал краснее, взгляд не стал туманнее. Эшлинг тоже мало

изменилась. Она отказалась от джина и пила только тоник. В последнем пабе тоника не нашлось, и она просто сидела за столом, отключившись от происходящего.

Они доели картофель фри и пошли обратно в город. Тони хохотал, как школьник. В сумочке Эшлинг лежал ключ от одного из самых дорогих номеров в отелях Ирландии. У них были деньги, и они планировали обед на двоих. Вместо этого они обошли кучу баров – пять штук, считая самый первый. В холле отеля портье с улыбкой переглянулись за спиной Тони, пока тот искал в карманах мелочь.

– Зачем давать чаевые? Они ничего для нас не сделали! – прошипела Эшлинг.

– А я хочу дать им чаевые! Это мои деньги и моя брачная ночь! – заикаясь, выговорил едва стоящий на ногах Тони. – Черт побери, это моя брачная ночь, и я дам столько чаевых, сколько пожелаю!

Портье поблагодарили его. Одному он дал полкроны, а второму – два шиллинга:

– Сами разберитесь, кому сколько достанется!

– Спокойной ночи, сэръ, благодарим вас, – ответили оба портье, и Эшлинг попыталась удержать Тони, когда он пошатнулся, делая шуточный поклон.

– Оставь меня, женщина! Она такая же, как все они, не терпится увести меня наверх...

Портье улыбнулись, чувствуя себя смущенными при виде рыдающей и униженной Эшлинг. Старший из них сжалился над ней.

– Мадам, позвольте мне пойти вперед и открыть номер. Знали бы вы, сколько молодоженов останавливаются у нас, и все мужчины перепуганы до смерти. Я всегда думал, что именно мы, мужчины, и есть слабый пол, – говорил он, пока Тони, спотыкаясь, шел по коридору.

– Спасибо вам большое, – ответила Эшлинг.

– Чепуха, не обращайтесь внимания! Вы будете самой счастливой парочкой в мире.

В спальне Тони заулыбался:

– А ну-ка пойдись ко мне! Позволь на тебя взглянуть!

– Дай мне сначала снять костюм, – сказала Эшлинг; ее костюм был уже испачкан, не хватало его еще и порвать.

Она повесила жакет на спинку стула, свернула юбку и осталась перед ним в блузке и нижней юбке.

– Ты прелестна! – воскликнул он.

– погоди минуту. Могу я достать мой новенький красивый пеньюар? Пожалуйста, я так хочу его надеть.

– Конечно, – ответил Тони и внезапно плюхнулся в бархатное кресло, словно ноги перестали его держать.

Эшлинг открыла тщательно упакованный чемодан, где сверху лежало вечернее платье, которое она собиралась надеть на обед, а под ним – пеньюар и ночнушка, а также несессер в цветочек, потом проскользнула в ванную и быстро помылась. Она бы предпочла помокнуть в горячей ванне, но побоялась, что Тони не станет ждать ее так долго.

Лицо в зеркале выглядело усталым и осунувшимся. Эшлинг стянула длинные волосы назад и завязала кремовой ленточкой, специально купленной для сегодняшнего вечера. Надушилась и втерла немного румян в щеки. Теперь она выглядела получше.

Господи, лишь бы Тони не слишком напился! Лишь бы не сделал ей больно. «Пожалуйста, Господи! В конце концов, я честно дождалась брачной ночи в отличие от многих других. Господи, я выполнила свою часть обязательств, пусть теперь он не будет со мной слишком груб!»

Она вошла в комнату и покружилась, чтобы он мог увидеть пеньюар во всей красе. Тони, с открытым ртом, спал в кресле и храпел.

Эшлинг сняла пеньюар и аккуратно повесила его на гостиничные плечики. Выключила свет в ванной, взяла запасное одеяло, лежавшее в шкафу, и накрыла им Тони, затем приподняла его голову и подсунула подушку под шею. Сняла с него туфли и подложила другую подушку под ноги. В одном из фильмов она видела, как кто-то так сделал, когда муж вернулся домой пьяным; жена сняла с него армейские ботинки и положила его ноги на подушку. В кино все выглядело очень мило. Хотя, конечно же, тот муж плакал и говорил жене, что любит ее. И не храпел, как Тони Мюррей. Ее муж.

Аэропорт Дублина

Всего несколько слов, чтобы поблагодарить тебя за помощь и поддержку. Не жди еще миллион лет, чтобы

снова приехать в Килгаррет. В Дублине все было прекрасно, стартуем в Рим.

Целую,

Эшлинг

Отель «Сан-Мартино»

Еще одна открытка для твоей коллекции. Это Священный город, или Вечный город, как мы называли его в школе. Тут невероятно жарко и целые толпы бедняков, которые гораздо беднее тех, что ты видела в Уиклоу. Многие итальянцы не религиозны. Здесь есть банк под названием «Sancto Spirito». Представляешь, каково держать сбережения в банке Святого Духа! Отель очень красивый, здесь старинный лифт, насквозь прозрачный. Завтра мы увидим il Papa^[30]. Тони передает привет, ну или передал бы, если бы знал, что я тебе пишу.

Целую,

Эшлинг

Отель «Сан-Мартино»

Там собралось сто человек, и нас ему представили: «Signor e Signora Murray d'Irlanda»^[31]. С ума сойти! Я все еще не верю, что мне не приснилось. Каждый раз, когда вижу портрет папы римского, я говорю Тони, что ОН встречался с НАМИ. По-прежнему стоит страшная жара. Я много гуляю по городу и разглядываю развалины зданий. Ты можешь мной гордиться! В ресторанах здесь едят прямо на улице, а не внутри – в точности как на фотографиях Парижа. Вино совсем дешевое, и мы пьем его за обедом и ужином.

Целую,

синьора Мюррей

Стало еще жарче. Все в Риме покрылись золотистым и коричневым загаром, но моя бледная кожа просто сгорает,

поэтому пришлось купить зонтик от солнца. Помнишь, у нас когда-то были такие игрушечные? Тони не хочет выходить на улицу в жару, поэтому мы много времени проводим на разных экскурсиях внутри помещений. Я ходила посмотреть катакомбы. Бедные мученики, как сильно им пришлось пострадать за веру и как легко она дается нам сейчас! Жду не дождусь возвращения в прохладный и зеленый Килгаррет. Судя по письму мамани, там еще и дожди.

Целую,

Эшлинг

Маманя, спасибо огромное за то, что пишешь мне. Больше никто не прислал ни строчки. Наверное, они думают, что письма не дойдут сюда. Как здорово, что наш дом почти готов. Слава богу, нам не придется жить со старой кошелкой... Ну вот, теперь я должна положить открытку в конверт! Ма, все просто отлично, и, как я уже писала, вам с папаней миллион спасибо! Надеюсь, свадьба не слишком вас утомила и не довела до банкротства и все такое. Мне так не терпится вернуться домой! Надо не забыть, что теперь я живу с Тони, а то ведь я попрощаюсь с ним на площади и прибежу к вам, как обычно. Еще раз поблагодари мальчишек и Ниам. Как здорово, что Элизабет приехала на свадьбу! И разве она не красотка? Я отправила ей отсюда несколько открыток, подумав, что в Лондоне ей, наверное, совсем одиноко.

Целую,

твоя замужняя дочь Эшлинг

– Она была совершенно обворожительна! Вот, у меня есть фотографии. – Элизабет села на стол, поставив ноги на стул, и открыла папку с черно-белыми фотографиями.

На ее двадцать первый день рождения Джонни подарил ей фотоаппарат, который Элизабет впервые взяла в серьезную поездку. На свадьбе Эшлинг она сделала двенадцать фотографий, десять из

которых считала отличными, а две – испорченными. Стефан и Анна склонились над папкой.

– Кажется, она похудела с тех пор, как приезжала сюда, – заметил Стефан.

– Посмотри, какое у нее великолепное платье! – восхитилась Анна.

– А это, наверное, ее мама? Красивая женщина. – Стефан смотрел на Эйлин, и Элизабет почувствовала, как два ее мира стали ближе.

– Ее муж Тони тоже красавчик, разве нет? – Анна разложила фотографии на столе. – А что за мужчина держит тебя под руку?

– Тот самый отвратительный шафер... Невероятный идиот! – (Стефан и Анна засмеялись.) – Нет, я не шучу. Он и правда мерзкий. Надеюсь, Эшлинг не придется терпеть его в качестве друга семьи.

– А кто эта печальная дама?

– Мать Тони. Она слегка улыбнулась, но не думаю, что кто-нибудь это заметил... А это ужасно невоспитанная сестра Тони Джоанни и его брат, почти священник, но какой-то ни рыба ни мясо... О, а вот Донал, младший брат, у которого слабое здоровье. Посмотрите, как он смеется, такой чудесный!.. Ну и я в шляпке и выгляжу очень глупо...

– Элизабет, ты прекрасно выглядишь! – совершенно серьезно возразила Анна.

– Полностью согласен! – поддакнул Стефан. – Ты выглядишь столь же прелестно, как и невеста.

– А тут Тони скорчил рожу... Это как раз перед тем, как они сели в машину, чтобы поехать в гостиницу. Тогда он все еще сильно нервничал, но потом расслабился.

– Похоже, ты считаешь, что все они недостаточно хороши для Эшлинга.

– Ну что вы, Стефан! Ничего подобного я не говорила. Они действительно очень влиятельные люди в городе. Недаром Джонни назвал Тони магнатом.

– Однако тебе они не нравятся. Ты назвала Тони нервным, его брат ни рыба ни мясо, сестра ужасно невоспитанная, мать плаксивая, а лучший друг мерзкий... Только не говори, что ты к ним хорошо относишься! – засмеялся Стефан.

Онемевшая Элизабет молча смотрела на него:

– Ну... я... вовсе не имела в виду...

– Не любить людей, с которыми породнилась твоя подруга, – вовсе не преступление. Я уверен: если мои сыновья женятся, мне не понравятся их жены. Анне не нравится семья, в которую вышла замуж ее сестра. Они живут в Лондоне, но она никогда не встречается с родственниками, хотя видится с сестрой каждый месяц. Так что ничего особенного, если они тебе не по душе.

– Я никогда в этом не признавалась даже самой себе! Я понятия не имела, что недолюбливаю их, – лукаво улыбнулась Элизабет. – Вы ведь им не скажете? И Эшлинг тоже не скажете, если она снова сюда приедет? Потому что на самом деле никакой неприязни к ним я не испытываю. Ладно, не буду вас больше отвлекать. Я только что забрала снимки из проявки и хотела, чтобы вы первыми их увидели. Теперь мне домой пора.

– Джонни должен вернуться на следующей неделе, тогда здесь снова станет шумно и оживленно, – сказала Анна, явно пытаясь утешить Элизабет.

Элизабет заметила, как Стефан нахмурился, глядя на Анну:

– Анна, Элизабет лучше нас знает, чем занят Джонни. Он уехал в Брайтон и вернется в пятницу... Нам нет надобности говорить ей, что он делает.

Милый Стефан, как и тетушка Эйлин, – настоящий дипломат, который всегда хочет помочь людям сохранить лицо и никогда не станет самоутверждаться за чей-то счет. Как замечательно, что он увидел тетушку Эйлин на фото и назвал ее красивой! Как чудесно было бы, если бы тетушка Эйлин приехала сюда! Или это дурацкая идея? О господи, судя по лицу Стефана, Джонни завел себе новую подружку! Конечно же, Элизабет и понятия не имела, что он уехал в Брайтон и вернется в пятницу. Слава богу, что Стефан отказывается признать, что в ее отношениях с Джонни есть проблемы. Иногда Элизабет думала: если бы не Стефан, она бы уже потеряла Джонни навсегда.

* * *

Отец проявил к фотографиям вежливый интерес.

– Кто из них подруга Вайолет? – спросил он прежде всего.

Элизабет решила, что это хороший знак, так как обычно он избегал упоминать имя мамы в разговорах.

– Вот тетушка Эйлин, – с гордостью показала она.

– Как мило, она выглядит весьма представительной женщиной. Она наверняка рада, что Эшлинг вышла замуж, да еще и так удачно.

– Да, папа, она рада. Я думаю, даже очень рада.

– Ну еще бы! Ее дочь вышла замуж, и жизнь у нее сложилась. Благополучно сдала дочку с рук, в ее собственный дом, чтобы она сама строила свое будущее. Каждый родитель этого хочет.

Элизабет посмотрела на него круглыми глазами:

– Папа, и ты тоже?

– Конечно!

– Что «конечно»?

– Конечно, я хочу, чтобы ты вышла замуж и зажила семейной жизнью. Чего еще я могу для тебя хотеть?

– Разве ты не рад, что я счастлива прямо сейчас? Что у меня интересная работа, я преподаю и работаю в лавке и у меня есть Джонни? – (Отец промолчал.) – Со мной действительно все в порядке. Честно говоря, я бы не хотела выйти замуж за кого-нибудь вроде Тони Мюррея, кого-нибудь благоразумного. Я бы предпочла остаться такой, какая я сейчас. Я не шучу и не отделяюсь словами, чтобы прикрыть разбитое сердце...

– Элизабет, я боюсь, ты вся в мать, и это меня беспокоит. Здесь она имела прекрасный дом, семью, друзей и знакомых. И что она сделала? Сбежала с безалаберным спекулянт, который наживался на страданиях людей... Повела себя легкомысленно и взбалмошно и кончила тем, что сошла с ума. Так стоит ли удивляться, если я переживаю, когда вижу в тебе ее безответственность? – Отец говорил совершенно спокойно, и глаз у него не подергивался, как обычно было, когда он расстроен.

Он словно рассказывал историю, приключившуюся с кем-то другим. Бедный Гарри, оказывается, спекулянт. Это Гарри-то!

Элизабет начала так же спокойно, как отец. Если она хочет с ним что-то обсудить, то нужно следовать его примеру. Пусть его собственная безжизненная объективность возьмет верх.

– Да, я понимаю, теперь я вижу, что тебя тревожит. Но, честное слово, мир изменился. Сейчас пятидесятые, а не двадцатые или

тридцатые. Все уже по-другому. Женщины действительно заинтересованы в собственной работе. А мужчины... некоторые из них просто не хотят остепеняться.

– Ну что ж... Разумеется, я бы предпочел, чтобы ты жила нормальной жизнью и о тебе было кому позаботиться. Я имею в виду, какой смысл заводить детей, если потом приходится переживать, что они так и не найдут свое место в жизни?

Элизабет изумилась, но виду не подала и решила, что пора разговор заканчивать на менее серьезной ноте:

– Да, возможно, ты прав, и однажды я сделаю тебе сюрприз, брошу Джонни Стоуна и найду подходящего мужа... И тогда у меня тоже будет такая свадьба. Посмотри на мать Тони. Она вдова, а ты разведен, может, из вас получилась бы неплохая пара?

Отец с серьезным видом изучил мрачное лицо миссис Мюррей.

– Приятная женщина, – произнес он, взглянув на фото. – Однако у нее есть и другие дети... Не думаю, что мог бы взять на себя еще и такую ответственность...

Впервые в жизни Элизабет услышала от отца нечто, похожее на шутку. Она все еще хохотала, когда зазвонил телефон.

– Как там наша бедная жертвенная овечка? Она все-таки решилась пойти до конца? – поинтересовался Джонни.

– О Джонни, привет! Да, она пошла до конца. Полное ритуальное жертвоприношение. Все прошло чудесно, с церковными гимнами и священниками, произносившими бесконечные речи. У меня есть потрясающие фотки. Твоя камера пришлась как нельзя кстати!

– Отлично! Слушай, мне очень жаль, что меня не было рядом, когда ты вернулась. Не знаю, что сказал тебе Стефан и объяснил ли что-то...

– Что? Нет, не беспокойся, Стефан передал мне твое сообщение.

– Какое сообщение?

– Он сказал, что ты вернешься в пятницу. Как там у тебя дела?

– Планы немного изменились. Я возвращаюсь сегодня. Я позвонил, чтобы узнать о твоих планах на вечер. Не хочешь прийти ко мне?

– Конечно, с удовольствием! Часов в восемь пойдет?

– Ну, я вернусь к шести, и если бы ты могла...

– Нет, мне еще нужно дома кое-что сделать. Давай в восемь. У тебя еда есть? Или мне принести что-нибудь?

– Я куплю бутылку вина. Может, сообразишь что-нибудь перекусить? Надо сказать, голос у тебя весьма жизнерадостный. Разве свадьба не вызвала у тебя приступ сентиментальности и задумчивости?

– У меня-то? Дружище, ты разговариваешь не с кем-нибудь, а с самой Элизабет Уайт!

– Да, я знаю и с нетерпением жду встречи с ней сегодня вечером. Я скучал по тебе, улыбашка.

– Я тоже скучала по тебе, Джонни.

* * *

Этель Мюррей сказала, что ей все равно нужно съездить в Дублин в день возвращения Тони и, возможно, стоит встретить молодоженов в аэропорту. Эйлин ответила, что не стоит.

– Наверное, ты права, Эйлин. Ты всегда кажешься такой благоразумной во всем, – неохотно согласилась Этель Мюррей.

Они разговаривали возле церкви, куда обе принесли цветы для процессии и где уже украшали платформу для статуи Святейшего Сердца. В дружелюбном молчании женщины пошли к воротам церкви.

– Никогда не думала, Эйлин, что у тебя такая деловая хватка. А ты, наверное, не подозревала, что я... такая одинокая и настолько зависима от детей...

– Мы все зависим от наших детей. Какие бы из нас были родители, если бы мы только нарожали детей и забыли про них?

– Ну, твои-то тебе проблем не доставляют. Не убегают от тебя как можно дальше в отличие от моих.

– А разве на следующей неделе к тебе не возвращается красавчик-сынуля, который будет жить в соседнем доме? Более того, разве он не увел у меня дочку?

Они обе засмеялись, а Эйлин снова задумалась: почему всем кажется, что у нее нет проблем с детьми? Имон с отцом ругаются пуще прежнего. Морин снова ждет ребенка и теперь еще сильнее привязана к семейству Дейли. Донал кашляет и задыхается, ему приходится

останавливаться, чтобы перевести дух. У Ниам слишком дерзкий нрав, который ей когда-нибудь выйдет боком. А Эшлинг... Эйлин сама не понимала почему, но открытки от Эшлинга ее огорчали. Шон считал, что, судя по написанному, у дочери все прекрасно, однако она ни разу не упомянула, что счастлива...

* * *

Перед тем как уехать в Рим, Тони пообещал Джоанни оставить ключи под сиденьем машины, и она сможет на ней кататься целый месяц, пока их не будет. Как только Тони оказался на борту самолета, вылетающего из Рима, он начал жалеть о своем решении.

– Я, должно быть, совсем спятил, раз позволил уговорить себя на такое! – Он выглядел расстроенным и обиженным, словно обнаружил заговор против себя, хотя изначально идея принадлежала именно ему.

– Ты же говорил, что так мы сэкономим на стоимости парковки в аэропорту за целый месяц. Да и Джоанни сможет пользоваться твоей машиной, пока ее стоит на ремонте.

– Вот, кстати, да, мы ведь так толком и не выяснили, почему ее машине понадобился ремонт?

Эшлинг засмеялась:

– Скорее всего, мы никогда и не узнаем. Перестань волноваться и посмотри на облака. Представляешь, они ведь могут уничтожить урожай или испортить людям свадьбы и пикники, а отсюда выглядят совершенно безобидными!

– О да, та еще загадка природы! Слушай, если Джоанни повредила дроссельную заслонку или вообще угробила мою машину, я не знаю, что с ней сделаю! Господи, Эшлинг, машина-то совсем новая, всего тысячу миль наездила. Мне следовало мозги вправить, прежде чем я поддался на ваши уговоры!

– Тони, ради бога, ты ведь сам ей предложил! Я не собираюсь сидеть тут и тебе поддакивать, «да, дорогой», «нет, дорогой». Эта дурацкая идея пришла в твою голову, так что заткнись уже, а?

Тони посмотрел на нее и вдруг засмеялся:

– Отлично, больше ни слова про машину! Не могу себе представить, чтобы ты говорила: «Да, дорогой», «Нет, дорогой».

Совсем не в твоём стиле.

– В супружеской клятве таких слов не прописано! И не вздумай говорить мне: «Да, дорогая», как делает бедный мистер Мориарти, разговаривая с женой. Мы должны иметь равное право согласиться или отказаться, а ещё лучше вообще запретить эти фразы.

Тони снова засмеялся:

– Ты такая забавная, когдаходишь в раж и начинаешь устанавливать правила. Хорошо. В нашем доме никаких «да, дорогой», «нет, дорогой» никогда не будет.

– Мне уже не терпится увидеть наш дом! Интересно, какой он? Мама сказала, что там сделали подъездную дорожку и все остальное...

– Прекрасно, тогда мы сможем припарковать то, что осталось от машины, внутри, а не оставлять на улице.

– Тони! Да хватит уже про машину! У нас будет собственный дом. Разве не здорово?

Он взял её за руку:

– Да, там все будет прекрасно, в нашем доме все будет наилучшим образом. Естественно, что некоторые вещи могут быть немного... я имею в виду, не все складывается идеально... когда путешествуешь за границей... но в нашем доме... в нашем доме все должно быть как нельзя лучше... – Тони смутился и покраснел, на лице одна гримаса сменяла другую: он то хмурился, то выглядел беспомощным, как ребенок.

Эшлинг намеренно сделала вид, что не поняла намеков:

– Разумеется, все будет как нельзя лучше, когда мы будем есть нормальную еду. Вообще-то, мы не давали клятву есть итальянскую кухню, пока смерть не разлучит нас, или жить в постоянном шуме и гаме заполненных машинами улиц. Мы ведь мечтали о жизни в Килгаррете. И там все будет замечательно. Мы ведь оба это знаем, верно?

Однако Тони уже решился и был твердо намерен идти до конца.

– Нет, – прошептал он, – я про другое. Про то самое. Про постель... С ней тоже все будет в лучшем виде, когда мы устроимся в нашем собственном доме. Понимаешь?

– Ты про то, что мы все ещё не сделали это как следует? – совершенно легкомысленным тоном спросила Эшлинг. – Мне кажется,

поначалу у всех получается не совсем так, как надо, просто нужно потренироваться. Всем ведь приходится учиться играть в теннис и ездить на велосипеде. Научить-то нас некому. У всех точно так же. Поэтому все с жаром притворяются, будто и так все знают, по наитию. Спорим, через пару недель мы освоим это не хуже любой другой пары и тогда будем делать вид, что ничего такого тут нет.

– Эшлинг, ты невероятная! – сказал он.

– Но ведь так оно и есть, верно? Вполне логичное объяснение, – ответила Эшлинг, и они закрыли тему, переключившись на мать Тони и как бы сделать так, чтобы она не завела привычку постоянно являться к ним в новый дом.

Потом они замолчали, и Тони уставился прямо перед собой. Эшлинг смотрела в иллюминатор и размышляла, считает ли Тони, что вечерами по-прежнему может выпивать в баре без нее, как делал до свадьбы, а иногда ходить вместе с ней в кино. И если так, то что она, по его мнению, должна делать – сидеть одна дома и ждать его? Что ей делать дома одной, черт побери?! Успокойся, сказала она себе, нет смысла переживать о чем-то, что еще не случилось, и не факт, что случится. Подумай о чем-нибудь другом.

Глядя на облака, Эшлинг вспомнила, как спрашивала Элизабет, каково заниматься сексом. Бедняжка Элизабет была сама не своя из-за аборта и всего остального, и Эшлинг мало чем могла ей помочь, но Элизабет ничего не говорила о том, что секс требовал длительного обучения. Из ее слов создавалось впечатление, что все как-то само собой происходит. Впрочем, она, конечно же, души не чаёт в Джонни и не стала бы признавать, что ему тоже пришлось учиться, как и всем остальным. А может быть, Джонни уже потренировался на других. Ну разумеется, вот почему для них все было просто! А Морин с Бренданом Дейли, наверное, учились годами. Удивительно, что у них так быстро получился Брендан-младший. Прямо невероятно быстро. Видимо, что-то случайно пошло не так.

Эшлинг пожала плечами. Похоже, в каждом браке есть свои тайны. Она ведь никому не расскажет про ту кошмарную ночь в Дублине с мертвецки пьяным Тони, какими идиотами они тогда выглядели перед портье в отеле «Шелбурн». И про то, как Тони плакал и она сама плакала в отеле «Сан-Мартино» в Риме. Про такое никому не болтают. Точно так же все молчат про тот случай, когда папаня

ударил Имона во время воскресного ланча, а маманя стояла с ножом, чтобы они не бросились друг на друга. Это стало таким потрясением для всех, что никто никогда не упоминал об этом и даже не думал.

Дорогая Эшлинг,

я ужасно рада, что ты вернулась домой и устроилась в новом доме. Так экзотично писать на конверте: «Миссис Мюррей. Коттедж Сан-Мартино» вместо «Эшлинг О'Коннор. Площадь, № 14». Кто из вас придумал дать вашему дому название отеля, где вы провели медовый месяц? Как здорово, что ты снова в Килгаррете! Теперь я наконец-то понимаю, где что находится. Я почему-то представляла ваш дом на другом краю города, на дороге в Дублин. Теперь я точно знаю, где он, а потому просто пиши и рассказывай все, что происходит.

И не вздумай отговариваться делами! Ты ведь замужняя дама, которой заняться нечем, кроме как цветочки разводить целыми днями. Я понимаю, что сравнения неуместны, но в моих самых ранних воспоминаниях о маме, еще до войны, она всегда сидит за письменным столом и пишет письма. Понятия не имею, кому они могли быть предназначены. Тетушка Эйлин говорила, что очень редко получала весточки от мамы, значит тут очередная тайна.

Раз уж речь зашла про маму, то у нее все хорошо, то есть врачи имеют в виду, что она спокойна, так как накачана транквилизаторами, причем настолько, что никого не узнает и не понимает, где находится. На прошлой неделе я съездила в Ланкашир, чтобы самой посмотреть, как у нее дела. Она похожа на младенца, совсем худая и часто улыбается. От нее как будто пустая оболочка осталась. Отец про ее дела и слышать не желает. Недавно он все же упомянул маму, когда я показывала ему фотографии с твоей свадьбы – правда же, они отлично получились? – и я подумала, что, возможно, он будет чаще говорить про нее, но ничего подобного. Он тогда до смерти меня испугал, заявив, что всегда надеялся, что я выйду

замуж и заведу семью, а потом вернулся в свое обычное неразговорчивое состояние.

Кстати, его ожидания по поводу моего замужества шокировали меня, поскольку я никак не думала, что после его собственного неудачного опыта в браке он все еще хочет, чтобы кто-нибудь связывал себя брачными узами. В твоей семье совершенно другая история. Меня ничуть не удивило, что твои родители так обрадовались твоей свадьбе, ведь они сами столько всего получили благодаря семейной жизни. В общем, я прямо заявила отцу: Джонни и супружество совершенно несовместимые вещи и я могу выбрать только одно из двух.

Я сама дико удивилась сказанному, и в чем-то оно пошло мне на пользу. Я ведь никогда открыто не признавала этого, даже в разговорах с тобой, верно? Хотя с тобой мы болтали обо всем на свете. Внезапно мне показалось, будто я тебя обманывала, скрывая что-то. Я не хотела. Думаю, мне просто суеверно казалось: если я не признаю, что с общепринятой точки зрения моя страсть к Джонни безнадежна, то, может быть, останется какой-то шанс. Если я продолжу вести себя как обычно, то, кто его знает, вдруг Джонни изменится.

В каком-то смысле мне стало легче от понимания, что намеки, завуалированные вопросы, вежливые выражения недоумения больше не имеют значения. Я призналась самой себе, что у моей сказки не будет счастливого конца. Я не услышу звона свадебных колоколов, которые прозвенели для тебя... Даже если бы Джонни захотел жениться, то он не согласился бы на венчание. Мы бы просто расписались в загсе. Без огромной толпы счастливых родственников, поскольку их нет. Никаких свадебных подарков и медового месяца в Италии. Джонни – человек нового поколения. Ну или мне так кажется. Это поколение не хочет обязательств, уз брака и обещаний. Оно не врет, так как ему нет надобности врать.

Звучит немного футуристично, но забавно. С тех пор как я решила принять подобные взгляды, мы с Джонни

стали гораздо счастливее. Разумеется, я не буду расписывать все свои мысли Джонни, мужчины не любят откровенные разговоры, но последние несколько недель наши отношения лучше, чем когда-либо. Джонни настоял на том, чтобы съездить со мной в Престон, и даже пошел повидать маму. Он сказал, что она похожа на сломанную куклу. Он отлично поладил с Гарри. Когда Джонни вышел, чтобы купить с полдюжины бутылок пива – Гарри теперь живет с парой соседей, – Гарри спросил, собирается ли Джонни узаконить наши отношения, и я смогла честно и без малейшей неловкости признаться, что о браке и речи не идет.

Если я продолжу вываливать на тебя все свои мысли и проблемы, то, боюсь, ты мне больше никогда не напишешь. С другой стороны, ты как-то пожаловалась, что я слишком сдержанна в письмах. Ну и вот, я вылила на тебя целый водопад всего.

Расскажи мне про ваш медовый месяц во всех подробностях, а потом я сожгу твои письма. Расскажи про папу римского, про возвращение в новый дом, как там тетушка Эйлин и дядюшка Шон... Они будут по тебе сильно скучать, впрочем ты и сама знаешь. И про свекровь тоже напиши. У меня здесь все прекрасно, но иногда очень хотелось бы оказаться там, у вас. Эх, если бы у меня был личный самолет и куча денег!

Целую тебя и Тони,

Элизабет

Дорогая Элизабет,

конечно, все прекрасно, все именно так, как я и мечтала. Дом совсем легко убирать, в нем нет никаких ужасных темных углов. Впрочем, получается, что нет и уголков, куда можно замести и спрятать грязь. По четвергам я делаю генеральную уборку. Свекровь приходит по четвергам на чай, и тут я повела себя предельно жестко. Первую неделю она заявлялась через день, поэтому я делала

вид, что как раз ухажу. Садилась на велосипед и предлагала договориться о конкретном дне, когда она будет к нам приходить. Бедная старая корова! Отчасти я ей сочувствую, но она такая зануда и зазнайка и всегда делает все напоказ. Сожги это письмо!

Ну что еще? У меня есть дурацкая поваренная книга, где рассказывается, как разделать рыбу, сварить бульон и приготовить пудинг на пару. В ней нет ничего, что мне нравится. Посылаю тебе два фунта. Купи мне, пожалуйста, хорошую поваренную книгу и вышли почтой, ладно? Ничего слишком мудреного, никакой трески и вареной баранины. От их запаха у меня в носу свербит, когда я еще только рецепт читаю.

Нельзя сказать, что Тони привередлив в еде, он ест все подряд. Точнее, он почти ничего не ест, учитывая, как легко набирает вес. На завтрак он только пьет чай, ланч проводит в гостинице с Шеем и компанией ребят, домой приходит часов в восемь. Говорит, что съедает обед в середине дня, поэтому опять только чай с хлебом. Но на уик-энд мне хотелось бы готовить что-нибудь вкусненькое.

Ты упомянула, что мне, должно быть, целыми днями заняться нечем, разве что письма писать. Я тоже так думала и собиралась писать тебе дважды в неделю, но творится какая-то странная ерунда: не происходит ничего, о чем стоило бы упомянуть, однако на это «ничего» уходит куча времени. Я никогда не сижу за письменным столом, как делала твоя мама. Время идет, а я не знаю, куда оно девается. Я вспоминаю, сколько всего успевала, когда работала с маманей и папаней: весь день на работе, всегда нарядная, в обеденный перерыв книжки читала, приходила домой и помогала Ниам с уроками или мамане на кухне, после чая снова наряжалась и шла в кино с Тони или немного прогуляться с ним и домой. А потом еще, может быть, садилась и писала тебе длинное письмо, прежде чем лечь спать. Теперь же у меня нет ни сил, ни дел, ни времени.

Наверное, такое случается с замужними женщинами: они как бы бросают якорь, чтобы не сбежать и не наделать

глупостей.

Я уже пять месяцев замужем и, честно говоря, с трудом могу припомнить хотя бы одно стоящее событие. Такое ощущение, что все требует невероятных усилий. Именно поэтому замужние женщины такие зануды. Не стоит ничего менять в твоих отношениях с Джонни, так тебе же лучше будет. Я не имею в виду, что несчастна, не подумай ничего такого.

Может быть, на следующей неделе мне полегчает, и я напишу тебе подробнее.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

сегодня получила твое письмо и сразу же решила написать тебе. Меня вдруг осенило: а не беременна ли ты? Может быть, этим все и объясняется? Я не большой специалист по части беременности, но в свое время много книжек прочитала и помню, что беременность вызывает апатию. Держись! Возможно, ты станешь мамой. Больше пока ничего не напишу, буду ждать вестей. Пожалуйста, ответь мне хоть что-нибудь, ладно?

Целую,

Э.

Дорогая Элизабет,

нет, я не беременна. Утром, в день получения твоего письма, меня настигли празднички. Все равно спасибо. Вполне логичное предположение. Напишу тебе на следующей неделе.

Целую,

Эшлинг

Дорогая Эшлинг,

мы с Джонни приехали в Корнуолл отдохнуть. Пишу на почтовой бумаге из отеля. Здесь такая красота! Море бурное, все выглядит чужим, словно мы за границей.

Уже несколько недель от тебя нет ни одной весточки. Надеюсь, у вас все хорошо. Ты же знаешь, я становлюсь совсем глупой и слишком чувствительной, а может быть, веду себя нелепо, но когда я не получила от тебя ответа, а потом вспомнила, каким сухим и коротким было твое последнее письмо, то невольно подумала, что могла тебя обидеть. Я ведь так стремительно отправила тебе записку с предположением о беременности. Возможно, мне не следовало говорить такое столь прямолинейно. Мне просто показалось, что это может объяснить твое состояние. Ты всегда казалась мне жизнерадостной и полной сил. И любила писать письма.

Пожалуйста, напиши мне и успокой свою глупышку Элизабет.

Дорогая моя глупышка,

конечно же нет, я не отвечала тебе сухо, а ты вовсе не прямолинейна. Мы ведь не старые леди, чтобы быть сухими и прямолинейными, и к тому же между подругами такого не бывает. Нет, дело в том, что в отличие от тебя писатель из меня никакой. Меня всегда неверно понимают. Сестра Маргарет говорила, что однажды я написала про школьный пикник так, словно рассказывала про похороны папы римского. Если я пробую описать повседневные события, то вгоняю всех в тоску. Неудивительно, что ты подумала, будто я в унынии и сама не своя.

Твои новости меня порадовали. Все прекрасно, правда. Я всегда счастлива. Тони очень преданный и любящий, и мы с ним заключили сделку. В обмен на то, что каждый четверг я угощаю его старую каргу-мамашу чаем со сконами (как бы моими, но на самом деле испеченными маманей), он приезжает домой к концу чаепития, отвозит ее обратно, остается у нее и пропускает там рюмочку, словно никогда и не покидал дом. Она показывает ему трещины в стенах,

потеки и сырость, и он тут же про них забывает. Потом он забирает меня, и мы едем к Махерам, чтобы выпить с папаней и маманей, а затем пообедать в гостинице. Каждый четверг. Помнишь, каким праздником когда-то был для нас поход к Махерам?

Судя по всему, Морин завидки берут из-за обедов в гостинице. Честное слово, не могу же я всю жизнь потратить на то, чтобы не дать ей повода зеленеть от зависти? Я ведь тебе говорила, что она снова ждет ребенка? Она почти все время ужасно выглядит. Если бы она перестала ныть, я бы заезжала за ней, чтобы отвезти ее куда-нибудь, но, боже правый, она только и делает, что плачется! Когда я приезжаю к ней на машине, то как же здорово иметь машину под задницей. Если я прихожу к ней без машины, то что за чудеса такие, иметь машину и ей не пользоваться? Я уже неплохо вожу, но терпеть не могу сдавать назад. Признаться, на площади я проезжаю по всему кругу, лишь бы не разворачиваться.

Ну а теперь, моя глупышка, ты веришь, что я жизнерадостная, а не сухая? Пожалуйста, напиши мне, когда вы вернетесь из вашего любовного гнездышка в Корнуолле.

Твоя косноязычная подруга Эшлинг

Директор колледжа спросил Элизабет, не хочет ли она вести занятия для взрослых после Рождества. Элизабет ответила, что не против, но усомнилась, способна ли справиться с задачей.

– Милая моя, какая же ты глупенькая! – сказал Джонни. – Эти бедолаги в принципе ничего не смыслят в искусстве. Можно не бояться направить гения на ложный путь, как могло бы случиться с ребенком, или нарваться на кучку всезнаек среди студентов. Учить взрослых вообще раз плюнуть. Одинокие старички и старушки будут приходить, чтобы приятно провести вечер, и будут безумно тебе благодарны за все, чему ты их научишь.

Джонни оказался прав и не прав одновременно: пришли не одинокие старички и старушки, но слушатели действительно были

безумно благодарны. Колледж создал новый курс из двадцати занятий на протяжении десяти недель. По вторникам Элизабет давала уроки фигуративной живописи, а по четвергам директор читал лекции по истории искусства. Он сказал, что данный курс – это попытка шире распространить культуру в обществе.

– Если все удачно сложится, то летом можно организовать посещение художественных галерей, – предложила Элизабет, и директор стал смотреть на нее с еще большей благосклонностью.

На занятия приходили и молодые женщины, работавшие секретарями или в офисе. Они выглядели робкими и застенчивыми, и Элизабет незаметно для себя стала часто оставаться с ними на чашку кофе в кофейне колледжа после окончания занятий в половине десятого вечера. Пару раз Джонни заходил за ней, ослепляя присутствующих такой очаровательной улыбкой, что у всех поднималось настроение.

– Ты смог бы взять их на экскурсии по галереям, если я договорюсь об этом на следующий семестр? – однажды спросила его Элизабет. – Они очень интересуются искусством, но боятся спрашивать, чувствуют себя неловко и думают, что мир делится на тех, кто имеет склонность к искусству, и тех, кто не имеет.

– Так оно и есть, – ответил Джонни.

– Я не верю, – возразила Элизабет.

– У меня такая склонность есть, у тебя есть, у твоего отца нет, у моего друга Ника нет. Это то же самое, что родиться англичанином или греком, высоким или низким. Просто мир так устроен.

Элизабет промолчала, думая про тех, кто приходил на ее занятия по вторникам. Может быть, довольно глупо с ее стороны считать, будто она открывает им двери. Однако, похоже, они действительно чему-то научились. Несколько человек говорили ей, что теперь знают, на что обращать внимание, когда смотрят на картину, которая раньше казалась им каким-то недоступным для них миром.

– Все можно научиться, – убежденно заявила Элизабет.

– Конечно, – легко согласился Джонни, – научиться-то можно всему, но нельзя научиться быть кем-то. Нельзя изменить себя. Можно вложить в голову несколько фактов и прочей информации, но нельзя изменить личность.

– Ты слишком пренебрежительно к ним относишься, – сказала Элизабет.

– Я всего лишь нахожу их скучными, лапуля, вот и все. Для тебя это отличная работа, приносит дополнительные несколько шиллингов, а также уважение Большого Белого Вождя и делает тебя счастливой, но я не собираюсь присоединяться к твоему крестовому походу.

* * *

К началу летнего семестра директор колледжа сказал, что у него слишком много других дел, чтобы заниматься еще и новым курсом, а потому он дает Элизабет разрешение сделать все по собственному разумению. Элизабет напечатала небольшие буклеты, предлагая серию из восьми экскурсий в художественные галереи, после которых будет короткое обсуждение за чашкой кофе. В стоимость входили расходы на входные билеты и угощение. Она назвала курс «Искусство для всех» и даже удостоилась интервью в местной газете, где процитировали ее слова: «Я не верю, что люди делятся на творческих и нетворческих».

Стефан и мистер Кларк из библиотеки помогли ей расклеить объявления. Элизабет с энтузиазмом объяснила Стефану, что если запишутся двадцать человек, то все расходы окупятся, а если больше – то еще и прибыль будет. На первую лекцию пришли пятьдесят четыре слушателя. В тот день Элизабет дважды тошнило от волнения, но к семи вечера она уже разговаривала с куратором галереи, где должно было состояться первое занятие, заверяя его, что сотрудничество станет источником рекламы и даже повышения доходов.

Стефан дал Элизабет напрокат прелестную библиотечную лесенку, которую можно носить под мышкой и залезать на нее, останавливаясь у определенной картины, чтобы все слушатели хорошо видели лектора.

Впервые забираясь по ступенькам, Элизабет чувствовала, как подгибаются коленки. Когда она заговорила, то голос прозвучал слабо и жалобно, словно мяуканье котенка. Она откашлялась и начала все сначала, но вторая попытка вышла не лучше первой. И как только ей хватило наглости собрать больше пятидесяти человек и взять у них деньги за то, чтобы они ее слушали? Что она о себе вообразила? Тогда

Элизабет твердо заявила себе, что нынешняя лекция ничем не отличается от тех, которые она читала в колледже, и люди тут точно такие же: они стремятся узнать больше, хотят, чтобы более опытный взгляд показал им, на что смотреть на картине. Расплывшиеся лица снова собрались в фокус. Элизабет набралась храбрости – и одновременно у нее прорезался голос, сильный и уверенный. Теперь она знала, что не должна думать, насколько нелепы представления Элизабет Уайт о себе. Она должна всего лишь начать и сказать то, что собиралась.

Задолго до того, как все уселись с чашками чая для обсуждения, Элизабет уже знала, что ее затея имела оглушительный успех. Она предложила слушателям несколько книг о художниках и картинах, которые можно прочитать перед следующей лекцией, и застенчиво призналась, что в школьные годы библиотекарь и учитель рисования поощряли ее интерес к искусству. Многие считают, что читать про художников совсем не то же самое, что быть художником, но в любом случае книга даст некоторое представление о жизни художников. Она с сожалением предупредила, что на следующей неделе не сможет принять друзей, мужей, жен и соседей присутствующих, поскольку группа и так уже очень большая, но не исключено, что позднее можно будет организовать две отдельные лекции.

Элизабет безумно хотелось обсудить свой триумф с кем-нибудь, но Джонни вечером не будет в городе. Уехал без всякого объяснения, хотя, скорее всего, он разозлился на то, что она сделала по-своему, не послушав его. Отца подобные вещи не интересуют. Стефан наверняка уже в постели, спит с ключами от любимого магазина под подушкой. Элизабет начала писать письмо Эшлинг, но через три абзаца остановилась. Уже почти конец апреля, а от Эшлинг ни одной строчки не пришло. Нет, разумеется, она написала на Рождество и после него. Поблагодарила за старинные салфеточки для подносов и сказала, что мамаша Мюррей изменилась в лице от зависти, увидев их. А еще вкратце упомянула, что Морин родила, а Донал провел три месяца под наблюдением в пульмонологической больнице, но теперь с ним все в порядке. Элизабет также получила письмо от тетушки Эйлин с обычными бессвязными описаниями быта, которые так любила читать. Однако с января от Эшлинг ни слуху ни духу. Уже много месяцев. Элизабет порвала начатое письмо. Разве Эшлинг интересна глупая

болтовня подружки? Если так, то Эшлинг давно бы написала. Хоть что-нибудь.

* * *

– Какие у тебя планы на день рождения? – спросила маманя у Эшлинг в начале мая, когда они сидели на кухне с чувством хорошо выполненного долга.

Перед этим маманя сказала, что уже три года собирается навести порядок в кухонном шкафу, и Эшлинг ответила, что нужно взять и сделать все прямо сейчас – и уложиться ровно в один час, и ни минутой больше.

Они обнаружили старые письма, которые Эшлинг сложила в бумажный пакет, написав на нем «старые письма для мамани, чтобы потом она могла пищать от восторга и говорить, какие мы были миленькие в юности». Они откопали бечевку, пуговицы и монетки, и Эшлинг молниеносно рассортировала их по пакетикам для бечевки, для пуговиц и для монеток.

– Ты такая трудяга! – воскликнула маманя. – Удивительно, что ты не вылизываешь свой новый дом.

– Вылизываю, конечно, но там уже все сделано, заняться нечем, – ответила Эшлинг, выстилая выдвижные ящики новой бумагой. – Ну вот, маманя, теперь ты снова можешь напихать сюда всякий мусор, а на следующий год я опять приду и наведу тут порядок!

Они посмеялись над сменой ролей и открыли банку с песочным печеньем к чаю.

– Планы на день рождения... Даже не знаю, совсем про него забыла, – сказала Эшлинг.

– Ничего себе перемены! Помнится, когда-то вы с Элизабет, как два нетерпеливых щенка, уже в апреле начинали предвкушать подарки на день рождения. Интересно, она все еще ждет его с нетерпением?

– Маманя, нам уже по четверть века, мы слишком старые для щенячьего визга.

– Но ты всегда так ждала день рождения, – заметила Эйлин, не позволяя ноткам беспокойства проскользнуть в голосе. – Помню, в

прошлом году в это время мы как раз планировали твою свадьбу и ты вдруг заявила, что не позволишь свадьбе затмить твой день рождения.

– Пожалуй, тогда я действительно так думала, – засмеялась Эшлинг. – Никаких забот и тревог, а день рождения – огромный счастливый праздник.

Эйлин знала, что ступает по очень тонкому льду.

– И что же сделало тебя менее беззаботной, интересно мне знать? У тебя есть все: машина, на которой ты гоняешь как сумасшедшая; прекрасный мужчина, который носит тебя на руках и покупает тебе все, что ты только пожелаешь; медовый месяц и встреча с папой римским; дом, о котором судачит весь Килгаррет, плюс ты постоянно приходишь сюда, словно вообще не выходила замуж, а мы все счастливы тебя видеть. Скажи, какие у тебя за заботы с такой-то жизнью?

– Маманя... – Эшлинг наклонилась вперед, в ее взгляде отражалось смутение.

Эйлин взмолилась, чтобы не прискакала Ниам с воплями о домашних заданиях и экзаменах.

– Да, зайка?

– Маманя, есть вещи, про которые сложно говорить, понимаешь?

– О, конечно, еще бы! – Эйлин попробовала смягчить возникшее напряжение шутливым тоном. – Когда вы с Элизабет были подростками и я пыталась поговорить с вами, то изо всех сил старалась подобрать слова, но они никак не подбились!

– Да, что-то вроде того. Я хотела спросить у тебя кое-что... рассказать тебе... Можно?

Эйлин посмотрела на дочь. Она уже слишком взрослая, чтобы брать ее на ручки, но выглядит точно так же, как во времена, когда приходила из школы с порванным портфелем или с негодующей запиской от сестры Маргарет. Эйлин не хотела бы, чтобы Эшлинг необдуманно наговорила что-то, о чем может потом пожалеть.

– Деточка, ты можешь спросить меня о чем угодно. И можешь сказать мне что угодно. Однако я должна тебя предупредить, что потом люди часто сожалеют о сказанном, чувствуя, что выдали секрет постороннему или поступили как-то нечестно. И тогда начинают обижаться на того, кому проговорились. Понимаешь, о чем я? Мне бы

не хотелось, чтобы ты отдалилась от меня, поскольку наговорила чего-то, что говорить не следовало...

– То есть ты знаешь?! – в ужасе вскричала Эшлинг.

– Знаю? Что я могу знать? Откуда мне что-то знать? Эшлинг, не сходи с ума! Я понятия не имею, о чем ты говоришь. Я всего лишь описала тебе некое общее правило по поводу откровенных разговоров.

– Я так понимаю, ты не хочешь, чтобы я тебе все рассказала?

– О боже, деточка, ну что ты как ежик? Послушай меня. Я никогда не забуду, как мы с твоим папаней поженились. Никакого медового месяца у нас не было. Мы всего лишь провели выходные в пансионе в Траморе, и ни твой папаня, ни я не могли говорить про любовь, как заниматься любовью и все остальное. Мы просто делали, а не говорили.

– Я знаю, – уныло ответила Эшлинг.

– Кое-что в постельных делах... когда твой папаня только начал... я и понятия не имела, правильно так делать или нет. Понимаешь, он лишь слышал всякое от дремучих мужиков, с которыми вместе работал на ферме в юности. Его мать умерла, земля ей пухом, и потом он только и знал то, что ему рассказали безграмотные сотоварищи, когда он работал в скобяной лавке.

– И что же дальше, маманя? – сочувственно и печально спросила Эшлинг.

– В общем, я не понимала, правильно ли то, чего он хотел... делаем мы все как надо, или это грех... Мне ведь некого было спросить – ни одного человека в целом мире. Мать я бы ни за что спрашивать не стала. Она вела себя со мной так же строго, как во времена моего детства. Для нее я все еще оставалась ребенком. Она умерла пять лет спустя... Знаешь, Эшлинг, тогда я была не намного старше тебя, но никогда в жизни не разговаривала с ней по-настоящему. Тетушка Морин была монахиней, с ней про такое не поговоришь, а твои тетушки Пегги и Ниам жили в Америке, не могла же я написать им и попросить совета... ну и вот... Так что я никого не спрашивала, а просто делала то, что считала правильным, а иногда то, что не считала правильным, и не делала что-то, что мне не нравилось, вот и все. Возможно, кто-нибудь скажет, что мне следовало бы спросить открыто, ведь у девушки есть право знать, но я до сих пор рада, что не предала нас. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я? Это очень

личные вещи. Может быть, я вела себя глупо, но все оставалось между мной и твоим папаней, а обсуждать такие вещи было бы унинительно для него, для нас обоих.

– Понимаю, – произнесла Эшлинг.

– Вот поэтому я и говорю тебе: если дело очень личное, то, скорее всего, будет лучше не болтать о нем на случай, если ты и сама разберешься.

– Я не болтаю, маманя.

– Хорошо, я уверена, что ты держишь язык за зубами. Однако, милая моя, когда мы говорили обо мне, то все происходило в допотопные времена, лет тридцать назад. Если же говорить о тебе и о чем-то подобном... гм... допустим, ты сомневаешься, правильно ли женщине быть сверху, а мужчине снизу... ну... ответ, разумеется, да. Понимаешь, что я имею в виду? Я пытаюсь понять, насколько интимна твоя проблема.

– Еще более интимна, маманя.

– Понятно... – Эйлин ненадолго затихла. – Я всегда готова тебя выслушать, всегда буду рядом с тобой, но если ты все же поделишься со мной, то не вздумай потом удрать и сожалеть о своих словах... Я не хочу, чтобы все так обернулось.

– Я никогда так не сделаю.

– Кто его знает. Раз уж я тут с тобой разоткровенничалась, то скажу тебе еще кое-что. Я никогда не позволяю Морин плохо отзываться о Брендане Дейли. Никогда и ни за что.

– Тогда тебе должно быть невероятно сложно с ней разговаривать. Она же только о нем и говорит, кроме тех случаев, когда распекает меня, – сказала Эшлинг.

– Когда она начинает жаловаться на него, я перевожу разговор на погоду, дом, свекровь – на что угодно, кроме Брендана. Понимаешь, большую часть времени она его обожает. Если она с ним воркует и вдруг вспоминает, как рассказывала мне, что он такой-сякой и тюрьма по нему плачет, она взъестся на меня.

– Маманя, я отношусь к Тони совсем по-другому.

– Знаю, детка. Я всего лишь пытаюсь привести пример, а не утверждаю, что у вас одно и то же. Ты не можешь дуться на Тони. Он славный парень и готов на все ради тебя.

– Да.

– В общем, я с тобой... Ты можешь рассказать мне что угодно. Я всего лишь предупредила тебя... на случай... ну так, на всякий случай...

– Маманя, ты невероятная! По молодости я и не понимала, какая ты потрясающая.

– Ты и сейчас еще молода. А я не потрясающая, я всего лишь защищаю себя. Возможно, именно этому мне следует учить тебя вместо выпекания сконгов. Кто угодно может быть хорошим слушателем. Все просто, достаточно повторять: «Ага, расскажи, я слушаю. Да. Нет. Никогда». Нет ничего проще. Сложно быть мудрым слушателем.

* * *

В тот вечер Шон устал, и в кои-то веки за ужином они остались вдвоем с Эйлин. Ниам пошла делать домашние задания к своей подружке Шейле. Донал ушел на занятия по бухгалтерскому делу. Имон заявил, что отправляется на прогулку с компанией ребят и домой не вернется.

– Пусть подышит свежим воздухом, – сказала Эйлин. – Вечера нынче замечательные стоят.

– Петушинные бои – вот что такое устроили парни из паба Ханрахана. Они думают, что все вокруг слепые идиоты и ничего не замечают. Хотел бы я позвонить сержанту Куинну и рассказать, где они собираются, пусть бы их поймал. Что за жестокая и греховная затея, когда взрослые мужики бросают на землю фунты и шиллинги и смотрят, как два животных терзают друг друга!

– Я подозреваю, что сержант Куинн в курсе дела, – заметила Эйлин.

– Думаю, да.

Шон углубился в чтение газеты. Эйлин чувствовала себя очень глупо и одиноко, сидя за столом, где нет никого, кроме занятого газетой мужа.

– Сегодня заходила Эшлинг. Что-то с ней не так.

– Да что с ней вообще может быть не так? Разве она не получила все, что только можно пожелать до конца жизни? Посмотри на меня! Я

торчу в лавке с сыном, который дурак дураком, посмешище для всего города. Ей-то не приходится целыми днями иметь дело с кем-то настолько тупым, что иногда Джемми кажется просто гением.

– Шон, ну хватит! Отложи газету и перестань ныть! Прекрати! Разве мы недостаточно сделали для себя и для детей? А если все на самом деле настолько плохо, то почему бы тебе не продать лавку?

– Не болтай ерунды! Что еще за глупости?

– Послушай, я помогла тебе развернуться с лавкой, мне почти пятьдесят пять, я вымоталась, я тоже сильно устаю, возвращаясь домой вечером. Но сегодня я пришла домой рано, и меня не беспокоят финансовые проблемы и заботы в лавке, теперь я переживаю за Эшлинг. И именно про нее я хотела с тобой поговорить, так что не надо обрушивать на меня лавину жалоб про все на свете, начиная с Имона и налоговой и заканчивая дождем и быками О'Рурка, сломавшими дверь. Они сломали эту чертову дверь два года назад и тебе за нее заплатили, так что можно уже вычеркнуть ее из списка.

Шон рассмеялся:

– Сегодня я даже не заикался про быков О'Рурка.

Эйлин тоже засмеялась:

– Да я просто не дала тебе до них дойти! Однако вполне разумно, если ты захочешь продать лавку и уйти на покой. Если Имон такой лоботряс и ему одна дорога – на виселицу, то рано или поздно он туда попадет, и после нас лавка ему не понадобится. Донал станет аптекарем, Ниам выйдет замуж... Тогда зачем нам лавка? Скажи мне! Какие такие глупости я болтаю?

– Извини, ты совершенно права. Я не так выразился. Я ною, потому что устал.

– Я согласна на что угодно, лишь бы ты успокоился. Поэтому я всего лишь обращаю твое внимание на другие возможности. Не думай, что ты там пашешь по десять часов в день, так как нет других вариантов. Ты сам выбираешь такую жизнь.

– Верно, не спору. Мне нужно перестать взрываться по пустякам. Это вредно для моего давления, а также несправедливо по отношению к тебе. Так что там за проблемы у Эшлинг?

– Не знаю. Она начала рассказывать, а потом замолчала.

– Небось поцапалась со своим Мюрреем. Помирятся.

– Нет, не похоже.

– Да ладно, она прекрасно может и сама с ним справиться. Наверное, всыпала ему за все то пиво, которое он в себя вливает. Знаешь, Эшлинг ведь та еще командирша. Интересно, в кого она такая? – (Вопреки его ожиданиям, Эйлин не засмеялась.) – Может, она забеременела? Помнишь, какая ты становилась вредная во время каждой беременности? Вот тебе и причина! – заявил довольный Шон.

– Нет, – твердо ответила Эйлин. – У меня такое чувство, что беременность тут вовсе ни при чем.

* * *

В конце концов Джонни пришлось обратить внимание на курс, поскольку тот пользовался огромным успехом. Элизабет удалось найти идеальный подход: давать информацию в доступной для понимания форме, простыми словами и без чувства собственного превосходства. Уже пошли разговоры о повторном курсе.

– Когда занятия закончатся, я буду очень по ним скучать, – призналась Элизабет Стефану. – Осталось всего две лекции, и на этом все. Сейчас лето, все разъезжаются. Будет как-то уныло.

– Почему бы тебе не устроить вечеринку в честь окончания курса? – предложил Стефан.

– Но где? Вечеринку в доме отца даже вообразить невозможно...

– Например, здесь, – внезапно сказал Стефан. – Помещение огромное, в него сотня людей поместится, если отодвинуть мебель к стенкам. Здесь отличное место, оно прекрасно подойдет.

– Стефан, какая реклама для магазина! – восторженно вскричала Анна. – Подумай сам, к тебе придет сразу такое множество людей, которым нравится искусство.

У Стефана вытянулось лицо.

– Подумают еще, что я все затеял ради денег... решат, что хочу только выгоду получить...

Однако Элизабет пришла в восторг:

– Отличная идея! Лучшее, что можно придумать! Я заработала больше, чем рассчитывала, поэтому будет мило, если я куплю несколько бутылок вина для вечеринки. Но, Стефан, это слишком

много хлопот для тебя... Придется передвигать всю мебель к стенкам...

– Ну, ты можешь мне помочь. И Джонни тоже.

– Джонни... – Лицо Элизабет помрачнело. – Не думаю, что он согласится. Вы же знаете, он не в восторге от моих лекций. Скорее всего, заявит, что нет смысла связываться.

– Пусть говорит что хочет. Я пока жив, и я тут старший партнер. Если я сказал, что вечеринка будет, значит она будет!

– А моя сестра придет и поможет разносить бокалы с вином, – предложила Анна.

– Но Джонни...

– С Джонни я сам разберусь, – ободряюще улыбнулся Стефан. – С какой стати тебе бояться Джонни Стоуна? Ты ведь член правления нашей компании, верно? Когда великосветские друзья Джонни устраивают вечеринку и он берет что-то у магазина займы, вроде того канделябра, ты ведь не возражаешь? И я не возражаю. Джонни будет счастлив помочь. За все годы, что ты тут работаешь, мы впервые что-то сделаем для тебя. А теперь иди домой и распланируй все хорошенько.

– Стефан, спасибо огромное!

– И помни: никаких извинений и оправданий для Джонни.

– Я поняла.

– Надеюсь, что поняла.

Никогда раньше Стефан не давал ей столь строгих указаний, как вести себя с Джонни, и Элизабет знала, что он прав. Чем сильнее она будет извиняться и оправдываться, тем больше Джонни будет ее презирать и злиться на нее. Очень мудро со стороны Стефана предупредить ее об этом.

По дороге домой Элизабет почувствовала легкую волну раздражения: почему с Джонни все должны обращаться чрезвычайно осторожно и ходить вокруг него на цыпочках, словно он неразорвавшаяся бомба? Стефан прав, Элизабет тоже член правления, хотя и только для того, чтобы магазин имел право на налоговые льготы, а Джонни творит в магазине что ему вздумается, и никто не протестует. И да, Стефан еще не умер, и если он хочет устроить вечеринку для Элизабет и ее слушателей, то, черт возьми, имеет полное право!

Вдохновленная своей решимостью, Элизабет рассмеялась вслух, поворачивая в калитку дома на Кларенс-Гарденс, и чуть не столкнулась с отцом.

– Господи, Элизабет, ты сама с собой разговариваешь! Я своими ушами слышал! – встревожился он.

– Папа, я всего лишь рассмеялась вслух, это совсем другое, здесь нет ничего неприличного!

– Именно так ведут себя старушки, приходящие в банк. Они разговаривают сами с собой и бормочут себе под нос. Старые девы. Такое отвратительное зрелище! Элизабет, я серьезно. Выглядит просто ужасно.

– Папа, тебе придется посмотреть правде в глаза. Я и есть сумасшедшая старая дева, мне четверть века исполнилось... Почему я не могу разговаривать сама с собой? Однако на этот раз я действительно всего лишь смеялась.

– Что ж, на столике в прихожей лежит письмо от друга твоей матери. Думаю, оно отобьет тебе охоту смеяться.

Мрачный отец, склонив голову и вздыхая, вышел за калитку.

Боже мой, что могло случиться? Гарри никогда в жизни не писал писем. О Господи, лишь бы маме не стало хуже! Пожалуйста, Господи, лишь бы не пришлось ехать к ней на следующей неделе, как раз когда должна состояться вечеринка у Стефана. Прошу Тебя, Господи!

...С тех пор как заболела Вайолет, я перестал смеяться и веселиться, не считая того времени, когда ты приезжала сюда с Джонни. Тогда мы так славно провели вечер, я живот надорвал от смеха. Думаю, вам тоже понравилось, и тогда мне проще задать вопрос: можно ли мне приехать в Лондон и немного отдохнуть? Могу ли я остановиться у Джонни? Ты же понимаешь: мне лучше держаться подальше от Джорджа. Я это знаю, тут все по-честному. Позволить себе гостиницу я не могу, да и ноги меня подводят, так что мне было бы спокойнее с кем-то знакомым...

Дорогой Гарри,

прости, что мне понадобилось целых два дня, чтобы ответить на твое письмо, но сначала пришлось все подготовить. План такой: ты приезжаешь на следующих выходных на поезде, а я встречу тебя на станции и возьму такси. Остановиться у Джонни не получится, там сейчас слишком много народу, просто вавилонское столпотворение. Ты поживешь у Стефана Ворски, моего босса в антикварном магазине, и его подруги по имени Анна. Они подготовят местечко для тебя. Гарри, я бы очень хотела иметь собственный дом, где могла бы покрасить комнату для тебя, как ты когда-то покрасил для меня...

Элизабет бросила письмо и хмуро похлопала красный почтовый ящик, словно он сделал для нее что-то хорошее, проглотив конверт. Ни ящик, ни Гарри никогда не узнают о двух драматических днях, которые предшествовали отправке этого письма.

Элизабет дала Джонни почитать письмо от Гарри и без всяких комментариев хладнокровно спросила:

– Что скажешь?

– Бедный старый дурачок Гарри...

– Так можно ему приехать или нет? Мне нужно дать ответ.

– Ах, Элиза, Элиза, старый дурень хочет приехать отдохнуть у меня. Я не могу его принять... никак не могу, честное слово.

– Ясно, так ему и напишу.

– Ты уж как-нибудь повежливее сформулируй, – попросил Джонни. – Дипломатично так, знаешь?

– Нет. Не знаю.

– Я имею в виду, не отказывай напрямую, напиши обиняками, скажи ему, что, когда он приедет, мы как-нибудь отвезем его поужинать в Вест-Энд, а он расскажет нам про довоенные времена, ему такое понравится. Он славный старичок.

– Вот именно. А еще он явно хорошо к тебе относится.

– Элизабет, не надо на меня давить, я шантаж не потерплю. Я ведь никогда не вешал на тебя заботу о всяких неудачниках, верно?

– Верно.

– Ну и вот, я буду рад повидаться с ним, но, ей-богу, сейчас ко мне слишком много народу приходит, чтобы он мог здесь оставаться.

– Я поняла.

– И что ты собираешься делать?

– Иди к черту! – спокойно ответила Элизабет. – Мои планы тебя никак не касаются.

– О господи, мы обиделись! Элизабет, ты становишься какой-то странной, сговорила за моей спиной со Стефаном об организации вечеринки, пытаешься превратить мой дом в богадельню для больных отчимов...

– Почему бы тебе не довести мысль до конца и не сказать, что больных отчимов зарезали сумасшедшие матери, тогда мы получим логическое завершение.

Джонни выглядел уязвленным:

– Да, признаю, что я низкий и эгоистичный человек. Ничего подобного я не имел в виду. Прости, я искренне прошу у тебя прощения за то, что повел себя так несдержанно. – Он невозмутимо посмотрел на нее.

Элизабет видела, что он действительно сожалеет.

– Все в порядке, – ответила она.

– Что в порядке?

– Ты извинился, и я приняла твои извинения, сказав, что все в порядке.

– Гм... – Джонни явно растерялся; он ожидал, что Элизабет бросится в его объятия или продолжит дуться, а как реагировать на ее спокойный ответ он не знал. – Ну, это очень великодушно с твоей стороны... И ты ведь знаешь, что ты моя улыбашка?

– Знаю, разумеется. – Элизабет взяла сумочку и перчатки и собралась уходить.

– Ты куда? Ты все еще расстроена, я же извинился.

– Знаю, милый, и я сказала, что все в порядке. Я не расстроена, у меня просто много дел. Много всего нужно подготовить. Увидимся позже.

– Когда? – спросил он.

– Скоро.

* * *

Стефан сидел и молча слушал, пока Элизабет рассказывала всю историю.

– Я не стану извиняться и уговаривать. Я просто попрошу вас сделать мне еще одно одолжение, – сказала она. – Можно Гарри остановиться у вас?

– Разумеется! – ответил Стефан.

* * *

Гарри шел очень медленно, и, хотя он притворялся, что трость всего лишь украшение, ему и в самом деле приходилось на нее опираться.

Моя мать довела его до такого, подумала Элизабет. Моя бедная мать, которая любила его больше всего на свете, сделала его настолько слабым, что он даже ходить толком не может.

Элизабет ненавидела вокзал Юстон. Отсюда мама отправила ее в Ирландию, сюда она вернулась уже взрослой и увидела маму, ставшую худенькой незнакомкой. Здесь она ждала Эшлинг в самое страшное время в своей жизни и отсюда провожала Эшлинг обратно, когда все закончилось. От больших вокзалов тоска берет. Аэропорт куда лучше!

Гарри выглядел жалко. Нет, ерунда, нормально он выглядел, просто Элизабет знала, что произошло с Гарри, поэтому он казался ей несчастным. Он сам и все остальные так не думали и вряд ли подумают.

* * *

Гарри с огромным энтузиазмом включился в планирование вечеринки. Он предложил сесть у двери и давать каждому гостю листочек с именем, который можно прикрепить на лацкан. Имена приглашенных Гарри сам напишет своим забавным округлым почерком. Элизабет решила, что идея отличная, но не слишком ли официально для простой вечеринки?

– Люди всегда немного стесняются, приходя на такие мероприятия, – объяснил Гарри. – А к тому времени, как я найду

листочек с их именем, они уже так расслабятся, что сразу заснут!

И он оказался прав. Гости с огромным удовольствием болтали с жизнерадостным Гарри, в котором не было ни грамма застенчивости или стеснительности. Он радостно искал их имена на разложенных перед ним листочках, раздавал комплименты дамам, указывал джентльменам на столик, где разливали напитки, отвечал на вопросы о магазине, которые многие из гостей не стали бы задавать Элизабет.

– Нет, мисс Уайт не владелица магазина, она работает здесь консультантом и, насколько я знаю, является членом правления...

– Да, мисс Уайт – моя падчерица, и я очень ею горжусь. Я рад, что вам понравился курс по искусству. Разумеется, я ей передам.

– Да, действительно, чудесный магазин, и дела у него идут неплохо. Он принадлежит моему хорошему другу Стефану Ворски... Вон он, тот пожилой джентльмен... а это его помощник и управляющий мистер Стоун. Вот визитка мистера Стоуна, вам будет интересно с ним пообщаться...

* * *

Элизабет понятия не имела, придет ли Джонни на вечеринку, и намеренно уклонилась от ответа, когда Гарри ее спросил. Наблюдательный Стефан вопросов задавать не стал, однако, очевидно, тоже не знал. Элизабет объяснила Гарри, что Джонни занят. Но Гарри заявил, что независимо от того, насколько он занят, Джонни непременно сможет прийти на триумфальную вечеринку Элизабет.

Джонни не только пришел, но и купил Стефану, Гарри и себе бутоньерки. Элизабет глазам своим не поверила, когда увидела сидящего у дверей за высокой конторкой Гарри с огромной гвоздикой в петлице. Стефан, тоже с цветочком, проверял бокалы, желая убедиться в их абсолютной чистоте. А Джонни... Элизабет все еще чувствовала стеснение в груди, когда смотрела на него. Он выглядел совершенно обворожительно в темном костюме, кремовой сорочке и с изящным цветком в петлице. Он приветливо улыбался, и Элизабет с содроганием осознала: скорее всего, к концу вечеринки пара дюжин гостей уйдут отсюда, совершенно им очарованные. Они никогда не узнают, как он презрительно отзывался о них, называя профанами, дилетантами и

позерами, которые хотят выучить художественный жаргон, а будут только вспоминать, какой он интересный собеседник. И Джонни никогда никому не признается, что он любовник Элизабет или что она для него особенная. На подобные темы он не распространялся.

Элизабет наблюдала, как Джонни подошел к пожилой чете Кларксон, не обратив ни малейшего внимания на двух привлекательных девушек Грейс и Сюзанну. Близорукие, усердные и напряженные, Кларксоны с предельным вниманием слушали, как он им что-то объяснял. Элизабет, прекрасно зная Джонни, понимала, что ему не придется долго ждать, прежде чем Грейс и Сюзанна сами к нему подойдут. Именно так всегда и случалось.

Элизабет улыбнулась, увидев среди гостей Генри Мейсона и Саймона Бёрка. Эти двое такие забавные! Они ходили на курс с самого начала, так как работали рядом с колледжем. Элизабет слегка удивилась, когда они пришли в класс. Ей почему-то казалось, что у них и так есть чем заняться в свободное время, например ходить на ланч с владельцами больших садов, спускающихся к реке, и угощать напитками и закусками веселых девушек.

Генри и Саймон всегда первыми смеялись над каждой ее шуткой, несколько раз провожали ее обратно в офис после завершения чаепитий, когда ей нужно было отнести на место свои записи, указки и списки. Сегодня они пришли рано и сразу же разрядили атмосферу, поддерживая общение среди гостей.

Саймон был крупным и довольно колоритным мужчиной, хотя непонятно, как вообще можно быть колоритным в строгом деловом костюме, но чувствовалось в нем что-то, рвущееся на свободу. Словно в этой жизни он носил маскарадный костюм, а в каком-то другом мире мог бы быть трубадуром, султаном или ковбоем. Элизабет невольно хихикнула от таких мыслей – и поймала взгляд Генри.

Генри тоже славный парень, высокий, бледный, со светлыми волосами и вечно падающей на глаза челкой. Он, пожалуй, даже выше Саймона, но кажется ниже, поскольку Саймон сильнее разворачивает плечи. В первое время, разговаривая с Элизабет, Генри часто теребил узел галстука, но потом перестал. Наверное, у него привычка такая, ведь раньше Элизабет и сама постоянно трясла головой, смахивая падающие на глаза волосы. Когда-то эта привычка раздражала маму, а

потом О'Конноры ее передразнивали. Пару раз Джонни заметил, что она продолжает так делать и тогда снова выглядит как школьница.

Сегодня вечером Генри Мейсон надел галстук с узором. Какой молодец! – подумала Элизабет. Должно быть, специально приоделся для вечеринки.

Элизабет нравились эти двое, особенно Саймон, с его склонностью смеяться над собой. Он как-то спросил, не собирается ли кто-нибудь из друзей Элизабет вести курс «мгновенного понимания музыки» или «научись любить литературу». Тогда он был бы полностью готов встретить двадцатый век лицом к лицу.

Она часто видела, как Генри и Саймон болтают с Грейс и Сюзанной, и задумывалась, не стали ли ее занятия таким клубом одиноких сердец, как однажды предположил Джонни.

– Мы с Генри хотели бы как-нибудь пригласить вас на обед. Вы согласны? – улыбнулся ей Саймон.

– Пообедать с вами обоими? – изумилась Элизабет.

– Да. Я сказал Генри, что подумывал пригласить вас на обед, чтобы поблагодарить за чудесный курс, а он ответил, что и сам хотел того же, так что мы договорились пригласить вас вместе, если вы согласны. Тогда мы сможем пойти в какое-нибудь действительно прекрасное место. А вы не станете бояться, что у нас есть скрытые мотивы, ведь нас же двое!

– Верно, в таком случае я буду чувствовать себя в куда большей безопасности, – с серьезным видом согласилась Элизабет.

Саймон улыбнулся. Какой приятный молодой человек! Ну почему она не могла положить глаз на него, а не на того брюнета с ямочками на щеках, который только что привел в восторг Грейс и Сюзанну, а теперь тепло пожимает руку Генри Мейсону, включая его в общую группу? Насколько проще стало бы жить без нелепых цепей, которые приковывали ее к Джонни! Тогда она могла бы кокетничать с Саймоном и позволить себе интересоваться им самим и его незамысловатой жизнью.

* * *

Гарри и Стефан задумались, не стоит ли кому-нибудь произнести небольшую речь, и решили посоветоваться с Джонни.

– Было бы здорово отметить столь важное для Элизабет событие, – сказал Гарри. – Очевидно, все присутствующие очень высокого о ней мнения.

– Да, для завершения вечера следовало бы сказать несколько слов, – согласился Стефан.

Джонни посмотрел на Генри Мейсона:

– Вы не могли бы произнести небольшую речь? Нужен кто-нибудь из слушателей. Мне не хотелось бы влезать самому, а вы могли бы сказать что-то понятное всем, вы ведь тут всех знаете. Элизабет была бы рада.

– О Генри, пожалуйста! – поддакнула Грейс.

– Я не умею выступать на публике... – смутился Генри.

– Да какая же тут публика? Здесь все свои, практически друзья. Давайте скажите несколько слов. Я попрошу внимания.

Элизабет вздрогнула, когда Джонни хлопнул в ладоши. Ее сердце ушло в пятки, как часто случалось, когда Джонни что-нибудь делал. Ох, неужели он собирается сказать что-то ужасное, вроде того, что пора домой? Господи, только не это!

– Дамы и господа, простите, что прерываю, но многие из вас выражали желание, чтобы кто-нибудь поблагодарил от вашего имени Элизабет Уайт за ее усилия, за то, что она открыла вам двери в мир искусства...

Элизабет чуть не уронила бокал. Ох, Джонни, милый Джонни, он знает, как много для нее значил этот курс, как много он значил для всех присутствующих. Джонни вовсе не жесток и презрителен. Он вышел перед всеми и собирается произнести речь в ее честь. Лицо Элизабет вспыхнуло краской, побледнело и снова покраснело. Она чувствовала, как щеки то горят, то леденеют. Гарри и Стефан выглядели гордыми и довольными... Ох, она никогда не сможет отблагодарить Джонни за такое.

– ...Поэтому от вашего имени я попросил одного из самых давних членов вашей группы, мистера Генри Мейсона, сказать Элизабет несколько слов от всех вас. Генри, вам слово.

Щеки Элизабет снова побледнели. Джонни улыбался и указывал на Генри, и все неохотно перевели на него взгляды. Все, кроме

Элизабет. С застывшей улыбкой она продолжала смотреть на Джонни, слушая, как Генри, запинаясь, говорит какие-то шаблонные фразы... отдать дань благодарности, не щадила усилий, интересные и вдохновляющие беседы... Генри заикался и повторялся, а Джонни Стоун смотрел на него внимательно и благосклонно, и когда Генри наконец замолчал, то именно Джонни первым захлопал и принялся поздравлять Элизабет.

У Элизабет сдавило сердце, словно на грудь положили огромный камень, а горло перехватило, будто в нем застряла сухая корочка хлеба, которую никак не удастся проглотить.

*Дорогая Элизабет,
посылаю тебе фотографию пляжа и пирса в Брайтоне.
На самом деле мы там мало бываем, потому что игра
начинается в половине девятого утра и на обед есть только
один час. Очень интересно познакомиться с таким
количеством игроков в бридж со всех концов страны. В
первый день наш клуб неплохо выступил, но вчера мы
отстали. Я весьма доволен сменой обстановки и рад, что
ты убедила меня поехать.*

Всего хорошего,

папа

*Дорогая Элизабет,
посылаю тебе два фунта и десять шиллингов и рекламу,
вырезанную из газеты. Не могла бы ты сделать мне
огромное одолжение и купить этот бюстгальтер без
бретелек? Пожалуйста, отправь его почтой, сделав
пометку «одежда б/у», тогда таможенники не станут
открывать посылку, и положи туда еще какую-нибудь
старую блузку или кардиган, что-то ненужное тебе, чтобы
я могла сказать мамане, что именно это ты и прислала.*

*Бюстгальтер стоит сорок пять шиллингов, и еще пять
шиллингов на почтовые расходы. У меня тридцать
четвертый размер, а если у них есть разные размеры*

чашечек, то у меня вроде как средняя. Спасибочки и не говори никому.

Целую,

Ниам

Дорогая Элизабет,

мы с Генри хотели бы напомнить Вам об обещании поужинать с нами. Удобно ли Вам в субботу вечером? Вы можете позвонить любому из нас в офис (номера телефонов вверху) и сказать, подходит ли Вам время и где мы можем Вас забрать. Если нас не окажется на месте, то лучше всего не оставлять сообщение. Компания несколько помешана на рабочих делах, но личные дела им лучше не доверять.

С нетерпением ждем Вашего ответа,

Саймон Бёрк

Дорогая мисс Уайт,

благодарим Вас за пожертвование, которое Вы прислали в нашу больницу. Должен уведомить Вас, что, по общему мнению, учитывая нынешнее состояние Вашей матери, миссис Вайолет Элтон, цветы не являются подходящим подарком. В связи с этим мы воспользовались Вашим альтернативным предложением и купили цветочную композицию для общего зала в отделении. Мы хотели бы выразить Вам нашу благодарность как за подарок, так и за понимание природы болезни Вашей матери.

П. Хьюз, секретарь больницы

Привет, улыбашка!

Я договорился забрать не меньше шести кухонных буфетов перед возвращением! Как тебе такой рабочий отпуск? А ты думала, что я загораю в Бангоре. Правда, должен признать, что здесь очень здорово. Никаких забот и хороший отдых. Помнишь Грейс Миллер, одну из девушек с

твоего курса? Она внезапно тоже тут оказалась, и мы показываем друг другу Тайны Уэльса. Жаль, что тебя с нами нет.

Скоро вернусь домой.

Как всегда, целую,

Джонни

Roma. Anno Sancto.

Здесь просто миллионы людей, но еще хуже то, что среди этих миллионов есть отец Джон Мюррей. Да, он своего добился. А еще тут свекровь Мюррей и Джоанни Мюррей, которая – только между нами и почтой – совсем сбрендила. А также прекрасная молодая пара, мистер и миссис Тони Мюррей, прославленные на весь континент.

Прошлой ночью мне приснилось, что мы с тобой ужасно поссорились. Мы ведь не ссорились, правда?

Целую,

Эшлинг

Глава 15

Морин несколько раз говорила мамане, что Эшлинг как-то уж очень долго не может забеременеть.

– У нее ведь нет никаких причин откладывать!

– Совсем никаких, – согласилась Эйлин.

– Видит бог, у них полно денег. Медсестра могла бы приехать к ней на целых три месяца, как делают Греи, когда у них рождается ребенок. Проблема явно не в деньгах. – (Эйлин промолчала.) – Конечно, я не хочу лезть не в свое дело, – не унималась Морин. – Про такие вещи обычно не разговаривают... даже с собственной сестрой. Ты ведь понимаешь, ты никогда не поднимала эту тему.

– Я рада слышать, что ты это понимаешь, – ответила маманя.

– Просто мать Брендана спрашивала меня вчера, нет ли ребеночка на подходе, а я не знала, что ей ответить.

Маманя внезапно посмотрела на Морин и разразилась гневной отповедью:

– Надо было сказать старой гримзе Дейли проваливать к чертям собачьим!

– Маманя! – ошеломленно вскричала Морин.

– Извини, возраст у меня такой, менопауза началась. Почему бы тебе не пойти к свекрови и не обсудить с ней и это тоже?

Морин уставилась на нее в полном недоумении:

– Маманя, да что я такого сказала, что ты на меня взъелась?

– Ничего, – смилостивилась Эйлин. – Я и правда становлюсь старой ворчуньей. Чая выпьешь или побоишься, что я вылью его тебе на голову?

Морин с облегчением засмеялась:

– Маманя, ты иногда ведешь себя как полоумная. Ниам с ее проделками до тебя далеко!

Посылка от Элизабет привела Ниам в восторг. Она схватила лежавший на столике в прихожей сверток и помчалась к себе в комнату. Наконец-то, вот он, держащий форму, гордо возвышающийся, словно он и есть часть женского тела, белый атласный бюстгальтер на косточках и без бретелек, с широким поясом до самой талии. А еще шифоновая блузка лимонного цвета. Про бюстгальтер Элизабет ни словом не упомянула, так что письмо можно спокойно показать мамане. Элизабет такая хитренькая! Небось за столько-то лет привыкла проворачивать такие штуки для Эшлинг. Среди книжек сестры Ниам видела одну про половые органы, причем с совершенно другой обложкой. Видимо, Элизабет когда-то прислала ей эту книгу.

Ниам примерила бюстгальтер. Он очень естественно приподнимал грудь. Теперь можно надевать то платье с тонкими бретельками. Мамане она сказала, что его нужно носить с болеро, и маманя разрешила. Однако на самом деле Ниам и не собиралась надевать никакие жакетики. В конце августа Анна Барри с братом устраивают в гостинице вечеринку, которую все ждут с нетерпением. Ниам каждые четыре дня мыла голову осветляющим шампунем. Ей казалось, что если хорошенько подготовиться, втайне от всех, то потом весь мир ахнет. Именно так поступила Эшлинг на свадьбе в прошлом году. До того дня никто и не подозревал, какая она красавица, а теперь, даже если она перестанет причесываться и будет, как неряха, ходить в старом габардиновом плаще нараспашку, все равно останется красоткой. Странно, но так и есть: если однажды все решили считать тебя красивой, то потом всю жизнь будешь такой.

Ниам собиралась прийти на вечеринку с волосами, собранными в хвост, а затем снять болеро и распустить волосы, так что во время танцев все внезапно обратят на нее внимание. Вечеринка не выходила у нее из головы с самого начала школьных каникул. Она ждала результатов выпускных экзаменов. Папаня сказал, что если она получит три «отлично», то он разрешит ей поступить в университет. Она станет первой из семьи О'Коннор, кто будет учиться в колледже! Так что Ниам молилась до изнеможения.

Маманя хотела, чтобы она работала в лавке, но Ниам всячески отбрыкивалась, боясь, что, стоит начать помогать в семейном бизнесе, и обратной дороги уже не будет. Ниам мерещилось, как она годами сидит в маленьком кабинете, где когда-то работала Эшлинг и который

уже целый год пустовал, поскольку ни один из новых помощников не прижился. Она думала, что если результаты экзаменов окажутся хуже ожидаемого, то по утрам она будет изучать машинопись и бухгалтерию в торговом колледже, а после обеда – работать в лавке. Эшлинг сказала, что в лавке стенография не понадобится, но как Эшлинг смеет вмешиваться?! Пусть собственной жизнью распоряжается и благодарит за то, что имеет! Ведь она получила то, что хотела, верно? Так почему она вечно торчит у мамани и забивает ей голову глупыми идеями, вроде той, что Ниам следует работать в лавке? И с чего она ходит гулять с Доналом? Почему бы не позволить Доналу найти себе собственных друзей?

Ниам думала, что в некотором смысле Эшлинг такая же унылая, как и Морин. Господи, да с такими примерами перед глазами кто вообще захочет замуж выходить?

* * *

Донал расстроился, что не получил ни письма, ни открытки из Рима.

– Когда Эшлинг поехала туда в первый раз, то целых три письма прислала!

– Да, но теперь там с ней вся семья. Они заняты рукоположением, и все такое. Эшлинг приходится ходить по струнке, – объяснил Шон. – Она не может в любой момент убежать, чтобы написать домой.

– Но хотя бы одно письмо она могла написать? Чтобы дать нам знать, как у нее дела, – проворчал Донал. – Без нее тут сдохнуть можно.

Имон торопливо заканчивал ужин. Ему показалось, что мать оглядывается в поисках четок и собирается предложить помолиться пораньше, раз уж сегодня они собрались все вместе.

– Разве не странно, что, в отличие от Морин, Эшлинг будто и не уходила из дому? – сказал он. – Я имею в виду, она здесь появляется все так же часто. Какая в таком случае польза от замужества...

* * *

Возвращение из Рима было изматывающим и нервным. Отец Джон сыпал именами священников разного ранга и кто пришел на рукоположение, а кто не пришел. Эшлинг думала, что он разговаривает, как старушка. Миссис Мюррей однозначно разговаривала, как старушка. Казалось, она постарела лет на двадцать с тех пор, как они покинули Ирландию, настолько ее измучили толпы народу и жара. Эшлинг ей сочувствовала и по вечерам сидела с ней возле открытого окна, обмахивая ее веером, пока Тони и Джоанни уходили на регулярную четырехчасовую прогулку в поисках ресторана, а потом возвращались, оба пьяные в стельку, и докладывали, что ресторан в гостинице ничуть не хуже тех, где они побывали на разведке.

К моменту прибытия в Дублин Эшлинг решила, что с нее хватит, и, когда они забирали багаж, во всеуслышание заявила:

– Мы с Тони переночуем в Дублине и приедем завтра утром.

– Я с вами! А утром втроем поедем в Килгаррет! – загорелась Джоанни.

– Нет, нас подвезут друзья, – твердо отказалась Эшлинг.

– Нет у вас никаких друзей... – возразила Джоанни.

– Что ты как маленькая! – рявкнула Эшлинг. – Миссис Мюррей, мы поможем вам сесть в машину и отправим вас троих домой. Мы вернемся завтра вечером и будем готовы прийти на первую мессу в воскресенье.

– Да уж, на мессу могли бы и прийти! – надулся Джон, разозленный неожиданным поворотом.

Все пятеро неловко двинулись к машине, и каждый словно шел сам по себе. Эшлинг стало интересно, что о них подумали окружающие.

Тони, проспавший всю дорогу домой, наконец проснулся и жаждал приятно провести вечер в городе. Он охотно поддержал Эшлинг, сказав, что у них тут есть дела, нужно кое с кем повидаться и кое-что организовать, и отмахнулся от недоверчивых писков с вопросами о том, почему они не предупредили заранее и с кем можно встретиться в субботу утром.

– Ну и где же вы заночуете? – спросила Джоанни, надеясь поймать их на вранье.

– У моей родни в Дун-Лэаре, – невозмутимо ответила Эшлинг. – Тони до сих пор с ними не познакомился, так что сейчас отличный шанс повидаться.

– Вот именно, с нетерпением жду встречи, – поддакнул Тони, и Эшлинг глянула на него с благодарностью.

– Ладно, тогда давайте мы вас туда отвезем, не оставлять же вас за десять миль от города. До Дун-Лэаре ведь миль десять, верно? – бархатным голоском предложила Джоанни, уверенная, что теперь-то загнала их в ловушку.

– Отличная идея! – радостно согласилась Эшлинг, и кое-как они пережили почти два часа поездки в час пик.

Когда они добрались до пансиона, Эшлинг выпрыгнула из машины первой и помчалась к дверям. Если вдруг возникнет какое-нибудь недоразумение, она хотела разобраться с ним заранее.

– Эшлинг, детка, как я рада тебя видеть! – воскликнула кузина мамани Гретта Росс. – Ты привезла своего милого муженька, чтобы я на него поглядела?

– Мы приехали с ночевкой, если вы не возражаете, – торопливо сказала Эшлинг.

– Какая честь для нас... такое счастье... И где же он?

Гретта вышла к машине и пожала всем руки, пока Тони доставал вещи из багажника.

– Он и верно красавчик, как все и говорили! – восторгалась Гретта. – Как здорово, что вы наконец ко мне заехали!

Остальные Мюрреи неохотно отправились дальше, отказавшись выпить чая, так как Джон заявил, что должен вести машину и доставить их домой, пока еще не слишком поздно.

Он дал Гретте Росс свое благословение, о котором она попросила, и Эшлинг злорадно заметила, что Джоанни весьма расстроилась, убедившись, что ее подозрения беспочвенны.

– Гретта, ты нас очень выручила. Я просто хотела от них всех избавиться и провести вечер вдвоем, если ты понимаешь, о чем я.

– Детка, я безумно рада тебя видеть и невероятно довольна, что ты решила сюда заехать. Проходите, давайте отнесем вещи в комнату справа от лестницы, там хороший вид на гавань. Ну вот, умойтесь, отдохните и повеселитесь, а у меня дел полно. Можете пойти прогуляться, вверх по горке или еще куда-нибудь, посмотрите на город

сверху. Я вам оставлю в столовой тарелку с холодной курицей, угощайтесь, когда вернетесь. Сегодня вечером у меня двенадцать человек ужинают, так что я не смогу вас развлекать.

* * *

– Господи, счастье-то какое! – воскликнул Тони после душа, вытряхивая из чемодана чистую рубашку. – Ты просто гений, что сумела от них избавиться. Мое терпение уже иссякло, да и твое, думаю, тоже.

– Да уж, я побоялась, что если мы вернемся в Килгаррет, то сегодня вечером сбежать от них не получится.

– Честное слово, ты гений, не устану это повторять! А теперь будь хорошей девочкой, одевайся и давай сходим куда-нибудь выпить. У меня уже глотка пересохла.

Эшлинг надела чистое платье и причесалась.

– Тони, я хочу поговорить с тобой. Именно поэтому я тебя похитила.

– Конечно-конечно! – Тони выглядел измученным. – В баре и поговорим.

– Нет. В баре про такое не поговоришь. Выбирай: или здесь, или идем гулять.

– Да в чем дело? Что за странные игры?

– Я сказала как есть. Я хочу с тобой поговорить. Нам нужно поговорить.

– О господи, Эшлинг, только не сейчас, а? Мы едва живые после поездки... – Он смотрел на нее умоляющими глазами, но она молчала. – Ладно, если ты все быстро расскажешь, то говори здесь, а потом пойдем в бар. Договорились?

– Будет не слишком быстро, – ответила она.

– Ну тогда давай найдем тихий приятный бар и как нормальные люди сядем в уголке, и ты мне все расскажешь? Давай?

– Нет.

– Боже правый, почему нет?

– Потому что я как раз хочу поговорить про посиделки в барах.

– Не понимаю, о чем ты.

– Тони, ты все прекрасно понимаешь. Я хочу поговорить о том, как ты постоянно напивался все время, что мы провели в Риме. Ни одного дня не прошло, чтобы ты не наклюкался.

– Так ты не поговорить со мной хочешь, а попилить меня? Я так и знал, что где-то будет подвох. Почему бы тебе не сказать прямо: «Тони, я хочу покапать тебе на мозги», а не притворяться, будто хочешь поговорить?

Казалось, Тони доволен тем, что нашел корень проблемы. Он даже слегка ухмыльнулся, причем нервно. У Эшлинг задрожали губы. Сохранять спокойствие очень трудно, но от любого неосторожного движения шанс поговорить снова ускользнет, как уже случилось в прошлом. Эшлинг заставила себя выдавить улыбку:

– Нет, честное слово, я всего лишь хочу поговорить. – Она улыбнулась шире, надеясь на ответную реакцию с его стороны, но Тони промолчал. – Обещаю, мы только поговорим. Я что-то скажу, ты что-то ответишь, никто из нас не станет кричать, так что мы сможем...

– Так что ты сможешь изводить меня придирками! – победно вставил Тони.

– Я не извожу тебя.

– Еще как изводишь!

– Нет. Когда я в последний раз тебя пилила?

– Ты всегда меня пилишь! Вздыхаешь, стонешь, закатываешь глаза. Как еще это назвать?

– Пожалуйста, Тони, только сегодня, только один вечер. Никаких баров, никакой выпивки, мы просто поговорим. Клянусь, я больше ни слова не скажу тебе про твою пьянку. Обещаю!

– Какой смысл разговаривать о выпивке, если ты не собираешься упоминать про пьянку? – растерялся Тони.

– Я хотела поговорить о том, почему ты так много пьешь и имеет ли это отношение к... к нам... к тому, что мы не сделали... и что мы не делаем...

– Ага, вот оно что! Психология. Психоанализ. Кушетка психиатра. Ложись на кровать, Тони, и расскажи мне про свои глубинные переживания. Зачем люди пьют? Я пью, потому что, черт возьми, я хочу выпить! И я собираюсь пойти пропустить кружечку. Ты идешь со мной или нет?

– Один час. Дай мне всего один час. Пожалуйста!

– Хорошо. Только сначала мы пойдем в паб.

– Нет, в паб пойдем потом. Как только мы туда придем, ты начнешь болтать с завсегдатаями, и у нас не будет возможности поговорить.

– Не начну, честное слово! Я никого к нам не притащу.

– Нет. Потому что когда ты вернешься из бара, то будет уже поздно. Ночь наступит.

– Я не могу разговаривать здесь, я задыхаюсь... – Тони провел пальцем под воротником рубашки. – Эшлинг, ну что за детские игры?

– А если я схожу и принесу нам немного виски? Тогда ты сможешь разговаривать? – Она смотрела на него умоляющим взглядом.

– Что ты хочешь сказать? У тебя есть один час, имей в виду. Сейчас семь часов вечера, к восьми мы должны быть в баре.

Эшлинг проскользнула вниз по лестнице и вышла на улицу. Она помнила, что, когда останавливалась здесь в прошлый раз, за углом видела бар. Память ее не подвела, и она моментально вернулась в комнату с половиной бутылки виски «Джеймесон», тщательно завернутой несколько обескураженным барменом. Тони уже лежал на кровати. Эшлинг щедро наполнила стаканчики для чистки зубов, стоявшие на раковине.

– Твое здоровье! – сказал Тони и одним махом залил в себя почти все содержимое стаканчика.

– Мы боимся поговорить о том, что тревожит нас обоих, – начала Эшлинг.

– Я тебя слушаю, – взмахнув рукой, словно приглашая ее к выступлению, ответил он.

– Мы женаты уже пятнадцать месяцев и до сих пор не вступили в брачные отношения. Вот о чем мы не разговариваем.

– О!.. – потрясенно выдавил Тони.

– Честно говоря, я понятия не имею, что к чему, но думаю, с такой проблемой нам следует обратиться к специалисту или кому-нибудь еще, вот что я хотела с тобой обсудить.

– К специалисту... К какого рода специалисту? К специалисту по траху? Мы такого искать будем? Как насчет кого-нибудь из тех жуликоватых итальянских официантов? Может, кто-нибудь из них подошел бы? Надо же, и как мы тогда не подумали! Вот уж у кого

следовало спросить совета! Может, даже денег платить не пришлось бы. Он бы и бесплатно поработал. Или даже заплатил тебе...

– Нам очень сложно обсуждать эту тему, но, Господь всемогущий, нам не станет легче, если ты будешь орать и насмехаться надо мной еще до того, как мы начали...

– О, прости, пожалуйста, давай вернемся к сути дела. Специалист, говоришь? Ты уже нашла кого-то? Может, он ждет за дверью?

– Тони!

– Нет-нет, продолжай. Я не стану прерывать тебя. Ты же хотела поговорить, так говори.

– Мне трудно говорить. Такие вопросы тяжело обсуждать.

– Ага, а мне тебя слушать легко, стало быть...

– Мы не можем продолжать делать вид, что все в порядке. Мы много месяцев избегали таких разговоров. У нас ничего не получается, я не знаю почему, возможно, я что-то неправильно делаю, именно поэтому я хочу попросить совета. Я думала, от меня требуется только лежать. Наверняка я должна делать что-то еще, но я не знаю, что именно. Тони, неужели ты не видишь, насколько все плохо...

– Моя дорогая Эшлинг, но ведь именно ты хочешь поговорить об этом.

– И я пытаюсь! Я подумала, может быть, дело в выпивке?

– А что с ней не так?

– Что, если мы оба пьем так много, что не можем сделать все правильно и у нас ничего не получается?

– Моя дорогая Эшлинг, как можно всерьез предполагать такое, если ты практически не пьешь? – холодно возразил Тони.

– Ты вынуждаешь меня сказать все напрямую? До свадьбы ты просто с ума сходил... говорил, что не можешь остановиться. Говорил, что с моей стороны жестоко не позволять тебе. Помнишь? В машине. В саду. Помнишь? Ты явно думал, что все просто, что ничего сложного там нет... – (Тони промолчал.) – И поскольку в те дни ты был такой ненасытный... я подумала, а вдруг проблема в том, что сейчас ты пьешь гораздо больше, чем тогда? Возможно, именно в этом загвоздка, именно из-за выпивки все стало так сложно.

– Ты сама такой вывод сделала или обсудила вопрос с разными людьми и вы вместе пришли к общему заключению?

– Господи, Тони, что ты несешь? С кем бы я могла обсуждать подобные темы?

– Ну, не знаю. Тебя постоянно нет дома, мало ли где ты шляешься и о чем разговариваешь!

– Я уйду только тогда, когда ты пошел выпить. Если ты дома, то и я всегда дома, а если и уйду, то только к мамане или к Морин. Я бы предпочла оставаться дома с тобой... но тебя никогда не бывает дома...

– Я думал, ты не собираешься меня пилить! Ты ведь обещала, что не будешь читать мне нотации. – Тони взял бутылку и налил себе виски.

– Так что, по-твоему, нам следует сделать? Я серьезно. Пожалуйста, не переводи все в шутку. Ты считаешь, что нам следует продолжать в том же духе и притворяться, будто никакой проблемы нет? Разве не лучше посмотреть правде в глаза и сказать все как есть? Мы ведь должны быть близкими друзьями, ты и я, и раньше именно так и было. А теперь мы ничего не можем обсудить. Мне кажется, если бы мы могли открыто разговаривать про постель... мы могли бы обсуждать что угодно, и ты не сбегал бы от меня к Шею и компании, а я не оставалась бы в одиночестве... – Эшлинг замолчала и посмотрела на мужа; нижняя губа Тони подрагивала, но он молчал. – Ты ведь знаешь, как сильно я люблю тебя, я хочу именно тебя, ты мой, Тони... – снова заговорила она. – Как нелепо притворяться, что все в порядке и у нас нет проблем...

Эшлинг пересела на пол рядом с ним и положила голову ему на колени. Он потрепал жену по голове и запустил пальцы в ее волосы.

– Ты всегда говоришь, что это не важно... когда оно происходит... то есть не происходит... ты часто говорила мне, что в жизни есть куда более важные вещи... поэтому я думал, что тебе оно не особо и нужно, а теперь оказывается, что ты только притворялась...

– Разумеется, в жизни есть куда более важные вещи... но то, что мы не можем обсудить проблему... вот это ужасно! И я уверена: заговоздка в чем-то простом, о чем мы не знаем. Может быть, нам нужно почитать книжки вместе...

– Я читал книжки, – признался Тони.

Эшлинг подняла голову:

– И что в них написано?

– Написано, что причина в нервах и неопытности и что со временем проходит.

– Вот как! – Она попробовала улыбнуться.

– А еще написано, что партнерша должна проявлять деликатность, успокаивать и говорить, что это не имеет значения. Поэтому я подумал, что ты тоже читала книжки.

– Нет, не читала. Я и правда думаю, что это не имеет значения.

– Тогда почему мы тут сидим и изводим себя разговорами?

– Потому что важна другая сторона проблемы. Это не имеет значения ночью, в ту минуту, когда значимо для тебя... но в долгосрочной перспективе очень важно... важно то, что я не могу дать тебе все удовольствие... и детей... – Эшлинг внезапно замолчала.

– Я слушаю, – сказал Тони.

– Ну, я подумала, что мы могли бы обсудить, есть ли какой-то способ преодолеть затруднения... и если мы решим, что такого способа нет, то, может быть, есть шанс, что мы оба будем счастливее, если перестанем пытаться, раз оно нас так расстраивает. И мы могли бы усыновить ребенка.

– Ты серьезно? – изумился Тони.

– Абсолютно. Если ты не почувствуешь себя обделенным и сможешь обойтись без этой части жизни, если у меня не будет ощущения, что мы постоянно терпим неудачу, тогда мы оба могли бы стать гораздо счастливее, могли бы взять себе мальчика или девочку и открыли бы новую страницу... – Сидя на полу, Эшлинг улыбалась мужу, словно предлагала нечто совершенно обыденное.

– Как можно вести с тобой серьезные разговоры, когда на тебя нашла такая блажь? – Тони встал.

– Почему блажь?

– Полный вздор! Разве ты не слышала, что я сказал? Более чуткий человек не заставил бы меня говорить такие вещи вслух, но если ты настаиваешь, то я скажу. В книге написано, что проблема временная, ясно? И что это нормально. Понятно? И стыдиться нечего. Верно? Все пройдет. Проблема в неопытности... потому что, в отличие от некоторых резвых и искусственных людей, которыми ты явно восхищаешься, у меня нет опыта. Я не переспал со всеми подряд. Я спал только с тобой... – Тони прервался, чтобы глотнуть из стакана. – К тому же, как ты сама и сказала, женщине ничего особо делать не

надо, верно? Ты сама говоришь, что просто должна лежать и ждать. Так что я думаю, мы практически все обсудили, не так ли? Или ты хочешь, чтобы я в завтрашней газете объявил...

– Тони!

– Нет, раз уж ты хотела поговорить, то дай и мне сказать! Ты говорила, что для тебя это не важно, потом сказала, что на самом деле важно, а теперь утверждаешь, что тебе все равно, если мы никогда это не сделаем...

– Тони...

– Послушай меня! Ты говорила, что ничего не читала про это, но считаешь, что специалист может нам помочь. Ты думаешь, что все делаешь правильно, если там вообще есть что делать, а проблема во мне. Ты говоришь, что хотела бы отказаться от того, для чего вообще изобретен брак, чтобы я воспитывал сына чужого мужчины. Ты только одну правильную вещь сказала... всего одну...

– Какую? – прошептала Эшлинг.

– Что ты не собираешься надираться сегодня вечером, а я собираюсь. Сегодня я уж точно нажрись! – Он вылил в стакан остатки виски и залпом выпил, бросил бутылку вверх дном в корзину для мусора и улыбнулся Эшлинг натянутой, неестественной улыбкой. – Ну что же, мадам, не изволите ли присоединиться ко мне? В конце концов ты моя жена, а место жены – рядом с мужем... а также под ним.

– Я полагаю, сегодня у нас была единственная возможность обсудить проблему. И мы все испортили. – Эшлинг встала.

– Ну что же, тогда по коням?

Эшлинг прикинула, что спокойнее будет пойти с ним, чем лежать здесь, в страхе ожидая, как он сюда завалится пьяный и разбудит Гретту Росс и ее двенадцать постояльцев.

– По коням, – согласилась она.

– Так-то лучше, – сказал Тони, к которому снова вернулось хорошее расположение духа.

* * *

Саймон и Генри вели себя словно братья Вестерны из мюзикла: один начинал предложение, а другой заканчивал. Когда они

пригласили Элизабет в шикарный французский ресторан и даже принесли ей орхидею, чтобы приколоть к платью, она решила, что с ними можно недурно провести время. Саймон сказал, что Генри много знает про вино, а потому им с Элизабет придется сидеть и выслушивать его длительную дискуссию с официантом. Генри засмеялся:

– Саймон настолько плохо разбирается в винах, что, когда его однажды спросили, белое ему или красное, он ответил: «Да, пожалуйста»!

Элизабет подумала, что смех делает Генри моложе на вид: не таким сутулым, менее скованным и неуклюжим. Сегодня вечером он и в самом деле чувствовал себя вполне непринужденно, смеялся над собой и позволял Саймону себя передразнивать. Раньше он иногда выглядел очень напряженным и неловким. Возможно, из-за слишком высокого роста его локти и колени, казалось, торчат во все стороны. Создавалось впечатление, что если он упадет, то может разбиться на мелкие кусочки, а если внезапно встанет, то все вокруг может поа́дать. Хотя на самом деле это впечатление не соответствовало действительности. Генри вовсе не был неуклюжим, он только казался таким.

Сегодня он, должно быть, вымыл голову, прежде чем прийти: его аккуратно уложенные русые волосы выглядели мягкими и сияющими. У него такие светлые брови и ресницы, что, будь он девушкой, пришлось бы их подкрашивать, подумала Элизабет. Ну разве не глупо, что девушки всегда пытаются как-то изменить свое лицо, а мужчинам ничего подобного и в голову не приходит?

С лицом Генри Мейсона все было в порядке, ничего менять не требовалось. Оно просто ничем не примечательно, вот и все. Нужно хорошенько к нему приглядеться, чтобы запомнить.

Саймон и Генри наговорили Элизабет кучу комплиментов и похвалили ее за все подряд: и за успех курса, и за знание картин, и за чудесную вечеринку. А еще сказали, какой у нее красивый дом в Кларенс-Гарденс и как им нравится ее прическа в стиле конский хвостик.

– Думаю, я скорее похожа на молодящуюся старушку. В моем возрасте уже не стоит делать прически для подростков, – сказала она, проверяя их реакцию.

Ее уловка сработала. Они оба горячо запротестовали, утверждая, что никакая она не старуха, а вполне себе молодая девушка и прическа ей идеально подходит.

Элизабет решила, что с ними весело и можно подшутиться. Интересно, а другие люди всегда так общаются?

– Я получил открытку от Грейс Миллер, – сказал Саймон. – Она в Бангоре. Элизабет, вы явно отличная сваха! Грейс встретила того парня на вашей вечеринке. Тот самый Джонни, из антикварного магазина. Именно он предложил ей съездить туда. Похоже, она влюбилась в него по уши.

– Да уж, Грейс времени даром не теряет, – одобрительно заметил Генри.

– Джонни Стоун тоже, – ответила Элизабет, чувствуя, как в горле кусок застрял.

Так что случилось на самом деле: Джонни уехал на машине в Бангор с Грейс или она там внезапно появилась? Джонни обманул ее в письме? Зачем бы ему понадобилось врать? Или врет Грейс? А ей-то для чего?

– Рад это слышать. Я боялся, что Джонни – ваш парень. В тот вечер ваш отчим что-то такое говорил... – продолжал Генри.

Черт бы побрал Гарри! Как он посмел хоть слово сказать про их отношения с Джонни! Ему следовало бы знать, что на эту тему распространяться не следует.

– И что же именно он сказал? – беззаботно поинтересовалась Элизабет.

– О, ничего конкретного! Я просто подумал, что он нечто такое имеет в виду...

– Господи, все обожают Джонни! Он вроде хорошей погоды: его невозможно не любить. Только полное бревно может им не восхищаться. Ну хватит про того Ромео, лучше расскажите мне про этих двух Ромео, как им удалось избежать хищных клиенток, которые наверняка преследуют вас в храме богини правосудия.

Они оба расхохотались, и разговор вернулся в прежнее русло, хотя Элизабет все еще думала про Джонни. Наверняка соврала Грейс. Джонни ни к чему что-то скрывать. Разве что у него с Грейс все серьезно, и поэтому он впервые пошел на ложь.

* * *

В ноябре умерла мама. Элизабет уведомили по телефону, что у нее случился обширный инфаркт, все произошло очень быстро и во многих отношениях стало долгожданным облегчением. Сердце остановилось ночью, так что мама не почувствовала ни беспокойства, ни ужаса. Участливый голос сказал Элизабет, что им искренне жаль сообщать столь печальные новости, но они надеются, что она поймет: для миссис Элтон страдания наконец закончились.

* * *

Элизабет стояла в холодной прихожей в Кларенс-Гарденс. Отец играл в бридж с гостями, и она сама ответила на звонок. В любом случае отцу редко звонили. Когда раздался звонок, Элизабет как раз вспоминала маму, поскольку составляла список подарков на Рождество. Печально, но теперь единственное, что она может сделать для мамы, – это отправить подарок другим пациентам в той же больнице. Совершенно безликое действие, словно посылаешь деньги африканским детям, как они делали в монастырской школе в Килгаррете, а тебе так хочется увидеть, как чернокожий малыш получает твой подарок. Впрочем, теперь маме уже ничего никогда не подаришь...

Гарри явно уже оповестили, и он наверняка не в себе, но позже позвонит. Возможно, ей вместе с Гарри или одному из них следует перезвонить в больницу утром, чтобы договориться о похоронах.

Из гостиной донесся дружный смех, Элизабет даже различила голос отца. Отец, который так редко смеялся в комнате, где его жена сидела за маленьким письменным столом и писала письма, теперь хохотал над игрой в карты с едва знакомыми людьми, пока тело мамы лежало в больничной часовне на севере Англии. И Элизабет не ворвется в комнату, не бросится в объятия отца, и они не станут рыдать над мамой, как однажды родители, наверное, плакали, узнав, что у них будет ребенок, или потом, когда она родилась или лепетала что-нибудь милое в младенчестве. Тогда они, должно быть, смотрели друг на

друга, улыбались и держались за руки. Что же произошло, как все докатилось до такого?

Элизабет вспомнила, как мама встречала ее на вокзале Юстон. Как она пристально вглядывалась в серую толпу в поисках своего ребенка, как на ее лице медленно проступило недоумение при виде повзрослевшей дочери. Вспомнила, как мама хохотала, закидывая голову, когда Джонни принес кролика на ужин в Престоне; как прикалывала букетик фиалок на мамин кардиган; как мама пренебрежительно качала головой, говоря про мисс Джеймс в школе; как мама плакала за этой дверью в тот день, когда уехала с Гарри... по ее щекам текли огромные слезы, и она сказала, что очень хотела, чтобы все сложилось по-другому... именно так и сказала: она хотела, чтобы все сложилось по-другому.

Элизабет позвонила Хардкаслам, у которых жил Гарри, и попросила не звать его к телефону.

– Просто передайте ему, что я приезжаю. Не важно, во сколько приходит поезд, я возьму такси. Вы не могли бы оставить ключ, чтобы мне не будить весь дом?

– Конечно, милочка. Ключ будет висеть на веревочке в почтовом ящике. Мы оставим тебе чайник с чаем и пледы. Включи электрический обогреватель, как только приедешь. Ты такая славная девочка, приезжай поскорее.

– Скажите ему, что мама хотела бы видеть его в добром здравии и приличном виде и чтобы у него глаза не были красными, когда мы завтра поедем в больницу.

Потом Элизабет позвонила на вокзал. Господи, пожалуйста, пусть хоть иногда на вокзале Юстон случится хоть что-нибудь хорошее!

Она написала записку Генри Мейсону с объяснением, почему не может увидеться с ним завтра, а также попросила его сообщить Стефану, в колледж и школу. На Генри можно положиться, он отлично справится с порученным ему делом.

Затем Элизабет написала записку отцу и оставила ее в спальне на случай, если кто-нибудь из гостей поможет ему вымыть посуду на кухне. Она не хотела, чтобы он узнал эту новость при посторонних, и уж точно не собиралась сама при этом присутствовать. В записке она еще раз осторожно упомянула название больницы, если вдруг отец

захочет отправить цветы, и сообщила, что уезжает на несколько дней. После чего пошла в гостиную и вежливо подождала окончания партии.

– А, чай? – спросил удивленный и обрадованный отец.

– Нет, не сейчас, на кухне все готово, разумеется, но, прости, что прерываю, мне нужно срочно уехать. Слишком долго объяснять, не стану вас всех задерживать. Я оставила тебе записку наверху. – Элизабет широко улыбнулась игрокам и стремительно вышла из дому.

В конце улицы она заметила такси и подозвала его. Письмо для Генри она бросила в почтовый ящик большого многоквартирного дома, где он жил. Дом был под стать самому Генри: все содержалось в идеальном порядке, так что они рассортируют письма для жильцов и разложат их аккуратными рядами на большом столе в холле. Генри сообщит всем остальным, Элизабет написала ему номера телефонов.

Элизабет показалось, что она увидела Генри в окне наверху, когда возвращалась в такси, но объясняться с ним лично потребовало бы слишком много времени, да и в письме лучше написано. Она увидится с ним на следующей неделе.

В поезде Элизабет то и дело засыпала и пару раз просыпалась с болью в шее из-за неудобного положения. Она потерла шею, пытаясь размять напряженные мышцы.

– Позвольте вам помочь? – предложил сидящий напротив мужчина, который не сводил с нее глаз, с тех пор как она вошла в купе.

Хорошо, что там были еще двое мужчин, не хотелось бы остаться с таким наедине.

– Спасибо, не стоит, – резко ответила она без намека на шутку.

Чуть позже лежавшее у нее на коленях черное пальто, которое она захватила в качестве дополнительного утепления и траурной одежды одновременно, упало на пол. Мужчина поднял его и положил обратно, сопровождая это излишними похлопываниями и прикосновениями.

Элизабет открыла глаза и холодно посмотрела на него:

– Сядьте на место и уберите от меня руки.

Он засмеялся.

Она посмотрела в другой конец вагона в поисках поддержки, но те мужчины, должно быть, вышли, пока она спала.

– Да ладно, вы так сидите, что я подумал, вам требуется компания, – уверенно заявил он.

Какой гнусный тип! – подумала Элизабет, глядя на полное лицо и толстые губы и с трудом сдерживая отвращение.

– Вы ошибаетесь! – отрезала она. – Мне не нужна компания, а если вы так считаете, значит вы мне угрожаете, и тогда я сейчас потяну за шнур.

Элизабет встала и схватилась за шнур вызова кондуктора.

Мужчина забеспокоился:

– Ну что за глупости... Сядьте. Я не хотел ничего дурного.

– Убирайтесь отсюда! Идите в другой конец купе. Быстро!

Он суетливо подобрал свой портфель и передвинулся.

– Вот там и сидите. Одно лишнее движение – и я потяну за шнур, а вы потом можете объясняться с охраной поезда и полицией.

– Не будьте такой душой! Я же ничего не сделал...

– И теперь точно не сделаете, – парировала она.

Он взял газету и притворился, что читает в тусклом свете. Элизабет села, поправила одежду, тщательно укрыв ноги пальто, чтобы было теплее.

– Вы что, нервная? – спросил мужчина, выдохнувший с облегчением, когда Элизабет выпустила из рук сигнальный шнур.

– Заткнитесь наконец! – закричала она.

– Ладно-ладно, молчу. Психованная старая дева...

– Так и есть! – согласилась довольная Элизабет.

* * *

Неделя пролетела как в тумане. На похороны мамы пришли всего десять человек, включая Гарри, Элизабет и милую медсестру по фамилии Флауэрс. Элизабет забрала из больницы небольшую сумку с личными вещами мамы и подумала, что Гарри слишком расстроится, когда их увидит, да и она сама не в состоянии пока на них смотреть.

Капеллан очень душевно говорил про «возвращение домой», «отдохновение» и «покой». Гарри шмыгал носом, стоя рядом с Элизабет.

– Вайолет не хотела никакого покоя, она терпеть не могла покой, она любила повеселиться, – прошептал он.

– Я думаю, священники неправильно понимают, – шепотом ответила Элизабет. – Возможно, на небесах хватает развлечений, и мама отлично проводит время.

– Пока еще нет, – задумчиво ответил Гарри. – Только после воскрешения и всего остального.

– Ой, я все время путаю англикан с католиками. Кажется, католики идут напрямую в рай. А может, у меня в голове все смешалось.

– Бедная Вайолет! – зарыдал Гарри. – Несчастливая моя Вайолет! Разве она многого хотела? Ей так мало нужно было в жизни! И даже этой малости она не получила...

Элизабет стояла под зонтиком мистера Хардкасла, прикрываясь от дождя, и думала о любви. На самом деле мама слишком многого хотела – больше, чем кто-либо в ее время мог получить. И всегда оставалась недовольна. Однако в конечном счете оказалось, что все, чего она хотела, – это Гарри. Он не дал ей богатства и не избавил от забот, с ним она получила трудную жизнь и работу в маленьком магазине. И она чувствовала себя счастливой, пока не потеряла рассудок. Неудивительно, что Гарри считал, будто она не имела амбиций и довольствовалась малым. Отец же видел в ней законченную эгоистку, которой вечно чего-то не хватало. А люди вроде матери Моники думали, что Вайолет получила вдвое больше того, что причиталось каждому, включая два замужества. Тетушка Эйлин говорила, что в школе с мамой было безумно весело.

О господи, она совсем забегалась и забыла написать тетушке Эйлин! Надо сообщить ей как можно скорее. Может быть, тетушка Эйлин даже напишет письмо Гарри. Хотя, строго говоря, писать нужно скорее отцу. Да черт с ним, пусть тетушка Эйлин сама разбирается!

Во время бесконечных чаепитий Хардкаслы заверяли, что пенсии Гарри и дохода от маленького магазина вполне достаточно, чтобы покрыть его проживание у них. С Гарри Элизабет обсуждала планы его приезда в Лондон. Пришли телеграммы с соболезнованиями от Стефана Ворски и Анны, от колледжа и школы, от Генри Мейсона и Саймона Бёрка, а также от пары слушателей курса по искусству, которых наверняка известил Генри. От Джорджа Уайта и Джонни Стоуна не было ни слуху ни духу.

В последний вечер перед возвращением в Лондон Элизабет и Гарри пошли поужинать. В ресторане уже начали готовиться к Рождеству, но праздничные украшения не соответствовали их настроению.

– Я повторяю себе снова и снова, что ничего не изменилось. Тем не менее я всегда думал, что ей станет лучше. Я надеялся, что однажды она проснется и скажет: «Гарри, что за глупости!» – и все будет хорошо. А теперь я не могу так думать. Ты тоже это ощущаешь?

– Да, – соврала Элизабет и подивилась на его неспособность принять то, что он не в состоянии вынести, ведь она подробно объясняла Гарри суть маминой болезни.

– Не волнуйся, у меня здесь все будет хорошо, – сказал Гарри.

– Ладно, не буду. Я буду часто думать о тебе... в промежутках между твоими приездами в Лондон.

– Как там мой друг Джонни?

– Прекрасно. У него все прекрасно, – ответила Элизабет.

Они оба чувствовали себя подавленно, так что тон ее ответа вполне соответствовал общему тону разговора, однако Гарри почувствовал едва заметную разницу.

– Я не собираюсь совать нос не в свое дело... – начал он.

– Гарри, ты никогда не суешь нос не в свое дело, – заверила его Элизабет.

– Я просто подумал... когда он не приехал с тобой... может быть... что-то изменилось...

– Да, ты прав. Что-то изменилось. – Элизабет принялась разглядывать скатерть, Гарри молчал. – Я имею в виду, он такой же, каким был всегда и каким всегда будет. А вот мои чувства изменились.

– Ты же не бросила Джонни? Таких парней один на миллион!

– Это трудно объяснить. Понимаешь, он ко мне никаких особых чувств не испытывает... все совсем не так, как у вас с мамой, он не видит в нас пару. Долгое время я этого не понимала.

– Ты же всегда говорила, что он не из тех, кто женится... ты знала это... – Гарри явно расстроился, поняв, что Джонни перестанет быть частью его жизни.

– Да, но я не понимала, как мало он нуждается во мне. Последние несколько месяцев я встречаюсь с Генри, помнишь того молодого человека, юриста, вы познакомились на вечеринке?

– Ах да, он еще речь сказал, – вяло подтвердил Гарри.

– Да. Он и его друг Саймон Бёрк очень внимательны ко мне. И, честно говоря, мне нравится Генри. Мы ходим в театр, в художественные галереи и разные другие места. Он готовит мне ужин в своей квартире, а я приглашала его к себе, когда папы не было дома, а один раз, когда он был дома... И понимаешь, Джонни ничуть не возражает. Ни чуточки...

– Ты просто хочешь заставить Джонни ревновать? Разве не глупо так себя вести?

– Нет, я не пытаюсь заставить его ревновать, но, если бы Джонни выказал хоть малейшее недовольство, дело не зашло бы так далеко. А Джонни молчит и ни капли не обижается, если я говорю ему, что не могу прийти к нему в субботу, потому что иду в театр с Генри.

– А что ты хочешь, чтобы он сказал?

– Не знаю... Я не ожидала, что ему настолько все равно. Однажды я прямо его спросила...

– И что он ответил?

– Он ответил: «Ты же меня знаешь, киска, я не привязываю людей к себе» – и напомнил, что я не возмущалась, когда он встречался с другими женщинами, и он не собирается играть роль ревнивого любовника. Я сказала ему, что не поднимала шума, когда он встречался с другими женщинами, и хотела бы, чтобы он сыграл роль ревнивого любовника ради меня. А он заявил, что я выбрала неподходящего актера для такой пьесы.

– Гм... ну... он хотя бы признался прямо и честно... – выдавил обескураженный Гарри.

– Да. На чем все и закончилось. Больше ничего не будет. Любовь, надежды – все кончено. Наши отношения шли только в одну сторону – от меня, а с его стороны он не давал ничего. Я ему не нужна.

– Так вы с ним еще встречаетесь? – забеспокоился Гарри на случай, если его друга Джонни бросают из-за сумбура в запутанных женских чувствах.

– О да, конечно. Мы видимся у Стефана, а иногда утром в воскресенье. Мы покупаем газеты и проводим утро в постели. Я всегда думала, что это наше с ним время...

– А Генри... он не думает, что...

– Я не сплю с Генри. Но он мне очень нравится. Он боится признаться в серьезности своих намерений. Вдруг я отвечу, что предпочитаю Джонни. Я знаю, звучит нелепо, но именно так обстоят дела. Все мы ходим по канату – все, кроме Джонни...

– Я уверен, что в итоге все обернется к лучшему. – Гарри потрепал ее по руке.

– Да, я тоже в этом уверена, – задумчиво согласилась Элизабет. – Однако, как почти во всех случаях в жизни, именно Элизабет Уайт придется принять решение о том, что именно будет лучшим. Никто другой за нее этого не сделает.

* * *

Случилось так, что тетушка Эйлин узнала про маму, поскольку Эшлинг позвонила в Кларенс-Гарденс, чтобы поболтать, и отец объяснил ей, почему Элизабет нет дома. Когда Элизабет предложила отцу рассказать про похороны, он и слышать ничего не захотел, заявив, что для него мама умерла давным-давно.

– Мамина подруга, мать Эшлинг, прислала мне весьма любезное письмо, – с удивлением сказал он. – Очень здоровое и по существу. Там лежит еще одно с ирландской маркой, для тебя. Видимо, она написала нам обоим. Она и впрямь говорит совершенно разумные вещи, без всяких глупостей.

Элизабет задумалась, что же написала тетушка Эйлин, что отец такой довольный, поскольку в ее собственном письме содержался только поток чувств и воспоминаний. Эйлин вспоминала все хорошее, что случилось с ними в молодости, и как мама написала ей о рождении Элизабет и в больнице сказали, что впервые видят столь идеального ребенка, и как Эйлин посмеялась, потому что в больнице Килгаррета ей говорили то же самое про Шона и Морин. Эйлин просила Элизабет помнить про маму только хорошее и отодвинуть плохое. Именно так она сама поступила с воспоминаниями о Шоне: всегда помнила его смеющимся и энергичным, приносящим ей букет на день рождения или поглощенным чтением книги и никогда не вспоминала его ссоры с отцом, обиды и, самое худшее, как его разорвало на кусочки взрывом мины. Элизабет должна постараться думать о матери как о ком-то

похожем на нее саму: отчасти серьезную и практичную, а отчасти – взбалмошную, но не как о человеке в психиатрической лечебнице. Только не это.

Эйлин добавила, что, строго по секрету, в последнее время Эшлинг сама не своя. И если у Элизабет есть хотя бы малейший шанс приехать погостить, то сейчас ее визит пришелся бы очень кстати. Элизабет и сама развеется после всех печальных событий, и Эшлинг тоже не сможет ходить с вытянутым лицом, когда ее подруга улыбается. Только, пожалуйста, осторожнее, не стоит говорить про это Эшлинг.

Предложение звучало невероятно заманчиво, но от него придется отказаться. Нужно столько всего наверстать в школе, в колледже и в магазине. Нет, уехать сейчас в Ирландию совершенно невозможно. Пока Элизабет размышляла, стоит ли позвонить в Килгаррет, раздался звонок телефона.

Джонни поинтересовался: не хочет ли Элизабет пойти послушать скиффл, или после всего произошедшего там будет слишком громко и весело? Элизабет с энтузиазмом согласилась и предложила встретиться в клубе. Скиффл будет весьма кстати, поможет отвлечься.

– Все было так плохо, улыбочка? – спросил Джонни.

– Да. Совсем не радостно.

– Знаю. Я не стал писать или посылать телеграмму, потому что какой в этом толк? Лучше уж запомнить ее как гламурную красотку. Именно такой я увидел ее, когда мы познакомились.

– Да, верно...

– Как там старина Гарри? В конце концов, для него это наверняка стало облегчением? Лучше ведь ей не становилось...

– Да, думаю, ты прав.

– Ладно, тогда увидимся в девять?

– Отлично!

Телефон снова зазвонил.

– Я знаю, что ты не хотела бы идти в ресторан, веселиться и развлекаться, но, если хочешь, я приготовлю тебе ужин, и мы просто посидим и поговорим, – предложил Генри.

– Нет, – медленно произнесла Элизабет. – Спасибо за предложение, но у меня еще есть дела.

Генри тут же начал извиняться и говорить, что не подумал и сейчас еще слишком рано ее тревожить и как насчет встретиться через пару дней.

– Я могу прийти завтра, если ты свободен, – ответила Элизабет.

Генри пришел в восторг и пообещал заехать за ней. Как мило! Джонни никогда за ней не заезжал. Элизабет сказала, что с нетерпением ждет завтрашний вечер.

* * *

Когда она встретила с Джонни в клубе, у нее слегка болела голова. Джонни сказал, что знает, как ее вылечить, и заказал кофе с ромом и палочкой корицы. Удивительно, но Элизабет действительно полегчало.

– Как это действует? – спросила она.

– Сжигает головную боль, – ответил Джонни, взял ее за холодную руку и повел к группе за столиком.

Похоже, он знал всех присутствующих и представил каждого по имени. Элизабет стало любопытно, с кем из девушек он теперь встречается. Может быть, со смешливой малышкой? Но она наверняка замужем за сидящим рядом мужчиной: он положил руку ей на плечо, а у нее на пальце обручальное кольцо. Интересно, что меняет замужество? В любом случае если у них с Джонни роман, то долго он не продлится. Джонни приобнял Элизабет, и она прижалась к нему, потягивая кофе.

– Здорово, что ты вернулась, киска, – сказал он, поглаживая ее по шее. – Пойдем потом ко мне?

– Да, конечно, – согласилась Элизабет и решила, что ей почудились многозначительные взгляды между Джонни и смешливой малышкой.

Держа Элизабет в объятиях, Джонни счастливо вздохнул – и она осознала, что это единственный намек на ее внезапную печальную поездку в Престон, на другой конец страны: ни утешений, ни сожалений, ни соболезнований. Джонни не любил говорить о грустных вещах, поэтому никогда о них не думал. О чем и сказал ей много-много лет назад. Все просто, верно?

На следующее утро у нее снова началась небольшая головная боль, но она ничего не сказала Генри, который ей позвонил, так как побоялась, что он может отменить планы на вечер или предложит выпить аспирина или горячее молоко. Такая скукота по сравнению с изобретательным Джонни! Генри зашел на пять минут и поговорил с отцом: достаточно, чтобы проявить вежливость, но не навязываться. Пока Элизабет надевала пальто, она слышала их разговор.

– Мистер Уайт, боюсь, я не знаю, как принято выразить соболезнования по поводу смерти бывшей жены, но мне искренне жаль, что мама Элизабет умерла.

Похоже, отец хорошо умел поддерживать подобные формальные беседы. Видимо, часто вел их в банке.

– Спасибо, Генри, – ответил он. – У мамы Элизабет была очень непростая и нервная жизнь. Будем надеяться, теперь она наконец обрела спокойствие.

– Да, конечно, – вежливо поддакнул Генри.

Элизабет дала им несколько секунд тишины, прежде чем появилась перед ними.

– Ну что же, мистер Уайт, мы поедем. Я не задержу ее слишком поздно, – сказал Генри.

Элизабет почувствовала, что у других девушек, должно быть, все именно так и происходило – десять лет назад. А она все пропустила и никогда не знала, что такое ухаживания, молодые люди, приходящие домой, свидания и необходимость вернуться в определенное время. По какой-то странной причине она снова почувствовала себя юной и счастливой.

Генри все приготовил для ужина: вылил в одну кастрюлю томатный суп из консервной банки, а в другую положил четыре очищенные картофелины; на сковородке лежали два каре ягненка и четыре половинки помидоров. На подносе стоял кувшинчик с мятным соусом, а также тарелочка с хлебом и сливочным маслом.

– Еда совсем простая, но я подумал: тебе будет приятно, что не надо самой готовить. – Генри выглядел наивным и почти испуганным, словно ей не понравятся его приготовления.

Элизабет расплылась в широкой улыбке:

– Как чудесно, когда кто-то о тебе заботится! Ты такой внимательный и отзывчивый.

Генри зарделся от удовольствия:

– Я всего лишь хотел, чтобы ты расслабилась после всех тех событий. Расскажи, что случилось. – Он налил ей вина и усадил перед газовым камином в гостиной, а сам сел на пол напротив нее. – Расскажи мне про все... ты уехала отсюда на поезде... – Он с интересом ждал ее ответа и желал знать, через что ей пришлось пройти.

На его лице отражалось искреннее сочувствие. Он и правда хотел услышать ее историю. И Элизабет потихоньку начала рассказывать. Когда она стала говорить, какой маленькой выглядела мама, словно высохшая кукла, и как рыдал Гарри, на глазах Генри выступили слезы... и тогда Элизабет тоже почувствовала слезы на глазах и долго-долго плакала на груди у Генри, сидя возле газового камина. Потом они оба громко высморкались, Элизабет ушла в ванную, чтобы умыться холодной водой, а Генри начал готовить ужин на кухне и тщательно следил, чтобы бараньи ребрышки не подгорели.

Генри собирался поехать на Рождество к замужней сестре Джин, которая жила в Ливерпуле. Он рано остался без родителей. Отец умер в ночь перед тем, как уйти в армию в 1940 году, когда Генри было четырнадцать. Мать всю войну прожила в ужасе и постоянных тревогах и внезапно умерла сразу после победы. Генри навсегда запомнил, что война унесла его родителей, и никогда не понимал, почему многие даже с некоторой теплотой вспоминают сплоченность тех дней. Сам он никакой ностальгии не испытывал: он тогда учился в школе, его мать чуть не сошла с ума, и, как ни посмотри, лучшим временем его жизни войну назвать никак нельзя.

Да, он очень любит Джин, она работает медсестрой и прекрасно к нему относилась, когда он учился на юридическом: поддерживала его финансово, оплачивала учебу и помогла продержаться, пока они не получили деньги от продажи родительского дома. Джин вышла замуж за Дерек, у них есть сынишка, которого тоже называли Генри. На Рождество Генри собирался подарить своему маленькому тезке игрушечную железную дорогу.

Планы Генри звучали весьма продуманно: он поедет поездом до Ливерпуля, где его встретит Дерек; они вместе заберут елку и привезут

ее домой. Малыш Генри будет спать, а трое взрослых займутся украшением елки.

Генри затруднялся ответить, хорошие ли у него отношения с сестрой и зятем. Он даже не понял, в чем тут вопрос. Просто Джин – его сестра, и он едет к ним на Рождество. Элизабет чувствовала себя несколько глупо, словно устроила ему допрос. Она надеялась услышать от него, что они с Джин всегда были близкими друзьями, имели похожее чувство юмора, что ему очень нравится Дерек, что на Рождество Джин и Генри вспоминают родителей и говорят все без утайки, рассказывают друг другу о произошедших за год событиях, словно расставались всего на неделю.

На фоне подобного Рождества ей стало бы как-то легче принять свое собственное. Они с отцом провели уже не одни праздники вместе, после того как мама ушла из дома, но каждый раз давался с трудом. Чем ближе Рождество, тем мрачнее становился отец, и к тому времени, когда Элизабет нарезала курицу, он превращался в холодный и безмолвный могильный камень. Элизабет научилась справляться с его отстраненностью. Она продолжала болтать бессвязные милые глупости, словно не замечая его дурного настроения и полного молчания в ответ. Помыв посуду, они разжигали камин и слушали радио.

Элизабет понятия не имела о планах Джонни на Рождество, но в них никогда не входило желание развлечь ее и никогда не войдет. Многие подумали бы, что для одинокого Джонни было бы естественно прийти на рождественский ужин к Элизабет с отцом, однако Джонни не делал ничего, что его огорчило бы. Он расскажет ей между делом. Возможно, он снова поедет в Шотландию, как в прошлом году, когда они вшестером арендовали фермерский домик и отлично провели четыре дня, гуляя по горам и пируя возле очага. Услышав об этом, Элизабет позеленела от зависти.

В итоге Джонни никуда не поехал на Рождество, так как свалился с сильным гриппом, и это совпало с его очередным увлечением: итальянка, вообразившая себя Флоренс Найтингейл, вытирала ему лоб и поила водой. Элизабет навестила Джонни в сочельник и ничем не выдала ошеломленной Франческе свою давнюю связь с Джонни. Она вела себя спокойно и участливо, словно навещала друга, и не обратила внимания ни на белый халатик на дверях спальни, ни на одежду,

брошенную на стул, ни на косметику на туалетном столике, ни на смущенное лицо Джонни.

– Я пришла поздравить тебя с Рождеством. Стефан сказал, ты сильно заболел. Я сделала то, о чем пишут в книжках, и принесла тебе говяжий бульон. – Элизабет засмеялась, через мгновение Франческа тоже рассмеялась, и Джонни выдавил улыбку. – Франческа, ты не могла бы подогреть бульон... Он должен сотворить чудо, но давайте не будем проверять, правда это или бабушкины сказки, а просто поверим, что так и есть.

Франческа бросилась на кухню за кастрюлей.

Даже на разгоряченном от лихорадки лице улыбка Джонни все еще выглядела очаровательной.

– Я не знал, что ты зайдешь... я думал...

– Я знаю, ты думал, что я буду осмотрительна. Ничего страшного.

– Что?

– Ничего страшного. Я думаю, худшее уже позади, теперь будет лучше.

Джонни взял ее за руку:

– Все изменится. Я обещаю, больше такого не повторится.

Элизабет потрепала его по руке и встала. Она очень хорошо умела неверно понимать сказанное, ведь долгие годы она намеренно так и делала. Теперь она притворилась, что речь идет о гриппе.

– Ты прав, все изменится, уже завтра станет легче. Конечно же, все должно измениться... – Она послала ему воздушный поцелуй, стоя в дверях. – С Рождеством, Джонни! Франческа?

Из кухни появилась взъерошенная голова.

– О Илисабет, ты уходишь... Такой быстрый?

– Да, я просто хотела пожелать Buon Natale, правильно?

– Sì, Buon Natale! – с восторгом ответила Франческа.

Спускаясь по знакомой лестнице, Элизабет вполне могла себе представить, как Франческа сидит у постели Джонни, кормит его бульоном с ложечки и говорит, какая милая эта Илисабет. А Джонни нетерпеливо меняет тему.

Генри вернулся через три дня после Рождества, приятного, тихого, как и положено. Элизабет хочет знать, почему он вернулся так быстро? Если все было прекрасно, то почему он не остался отпраздновать Новый год на выходных?

– Потому что я по тебе скучал, – прямодушно ответил Генри. – И мечтал поскорее тебя увидеть.

Генри поинтересовался, не хочет ли Элизабет пообедать с ним в канун Нового года.

– А давай теперь я приготовлю обед для тебя, – предложила она. – Отца не будет, у них новогодняя вечеринка с бриджем, и он ждет ее с нетерпением.

Генри принес бутылку шампанского, еще одну Элизабет уже поставила охлаждаться, так что они решили не ждать до полуночи и выпить одну сразу, а другую оставить на потом.

– Знаешь, ты мне очень нравишься. Я всем сердцем к тебе привязался, – в какой-то момент сказал Генри.

– Ты тоже мне очень нравишься, – призналась Элизабет.

– Вопрос в том, что я не совсем понимаю... кто я тебе... – (Элизабет посмотрела на него в недоумении.) – Я, конечно, в курсе, что вы с Джонни Стоуном близкие друзья... но я не знаю... – (Элизабет молча смотрела на него.) – Понимаешь, я не хочу быть дураком и надеяться, что ты обратишь на меня внимание, если такой парень... если у вас что-то... Я надеялся, ты скажешь мне, что ты думаешь...

В его глазах светилось столько надежды и нетерпения, и он почти боялся услышать ответ. Элизабет впервые в жизни почувствовала столь полную власть над человеком, но никакого удовольствия от нее не получила.

– Это долгая история... – начала она.

– Нет, я не хочу знать, что там было в прошлом... Прошрое мне без разницы. Я хочу знать, что ты чувствуешь сейчас... чего ты хочешь...

– Я больше не люблю Джонни Стоуна, – ответила Элизабет, и ее собственный голос отдался эхом в голове.

Так оно и есть. Лицо Генри расплылось перед глазами, она целиком ушла в осознание факта: она не любит Джонни. И даже не поняла, как это произошло. Любовь к нему, которая всегда была

внутри ее, ушла, а она и не заметила, пока ее не спросили. И только тогда осознала, что чего-то не хватает. Элизабет улыбнулась, и лицо Генри снова вернулось в фокус.

– Правда не люблю, – без обиняков сказала она.

– Тогда возможно ли, что со временем ты полюбишь меня? – нерешительно спросил Генри, боясь поверить. – Я не хочу, чтобы ты чувствовала, будто я тебя тороплю или требую ответа прямо сейчас, но если ты...

– Так ведь я уже люблю тебя, – заявила Элизабет.

Генри пришел в какой-то совершенно детский восторг и взлохматил себе волосы так, что они стояли на голове, словно нимб. До сих пор он лишь легонько чмокал ее в губы на прощание, а теперь притянул к себе и долго целовал.

– Ты самая чудесная в мире! Ты такая красавица... Не могу поверить, что ты полюбила меня! – Счастливый Генри с гордостью смотрел на нее.

– Ты так хорошо ко мне относишься... неудивительно, что я люблю тебя, – ответила Элизабет.

– Ты выйдешь за меня замуж? Мы можем пожениться в следующем году?

Потрясенная Элизабет высвободилась из его объятий. Для Генри любовь означала брак, для большинства людей любовь равнялась браку. Генри не терпелось отказаться от всех других возможностей, закрыть любые альтернативные варианты и жить с ней, Элизабет Уайт, до конца жизни. Именно этого он безумно хотел. И она тоже. Она хотела жить счастливой и спокойной жизнью и заботиться о Генри. Чтобы они были вместе, вместе все планировали и делили все пополам. Да, она с удовольствием вышла бы замуж за Генри Мейсона.

– Генри Мейсон, разумеется, я буду счастлива стать твоей женой! – сказала она.

* * *

Разговоры с Этель Мюррей всегда давались Шону с трудом. Она из тех женщин, которые говорят настолько категорично, что добавить просто нечего. Он бы и теперь увернулся от разговора, но Эйлин

слегла. На Рождество она плохо себя чувствовала. Должно быть, переела вкусностей, да и перед праздниками слишком много работала в лавке. Эйлин решительно заявила, что в новом году нужно найти подходящую девушку и платить ей приличное жалованье. Шон согласился и обещал сразу после рождественских каникул поискать кого-нибудь.

Этель Мюррей заявила без приглашения. Она выглядела смущенной и теребила перчатки. Они вежливо поговорили о том, как у кого прошло Рождество, о новом священнике, таком милым и с прекрасным голосом, как раз то, что нужно для хора. Обсудили, до чего докатился мир, если бедный папа римский вынужден во время рождественской передачи по радио говорить об опасности атомных бомб. В конце концов Этель Мюррей добралась до сути дела и спросила, нет ли у Шона и Эйлин... не знают ли они... в общем, не в курсе ли они, какие отношения между Тони и Эшлинг?

Шон остолбенел. Но ведь Тони и Эшлинг прекрасно ладят между собой, разве нет? Что-то произошло? Он ничего не слышал, о чем идет речь? Какие-то неприятности? На лице Этель Мюррей было написано, что она обратилась не к тому человеку. Она попыталась дать задний ход, но теперь уже Шон расстроился сильнее, чем она. Так что пусть уж говорит напрямую, что ее беспокоит.

Этель Мюррей беспокоило заявление Эшлинг во время рождественского ланча о том, что в новом году она собирается попросить отца взять ее обратно на полную ставку в лавку О'Конноров. Мама устала, она слишком много работает, а ведь ей уже за пятьдесят, и пора бы отдохнуть, а Эшлинг все равно целыми днями заниматься нечем, вот и будет ей занятие. Тони промолчал, но он, бедняжка, плохо себя чувствовал. Наверняка у них что-то случилось, и, как бы ни было тяжело для Этель говорить на такую тему с Шоном и Эйлин, она считала, что вопрос следует обсудить с глазу на глаз... и хотела попросить у них совета.

Шона тронули ее терзания, а еще больше – ее замешательство. Нечасто увидишь Этель Мюррей в растерянности. Он успокоил ее, настоял на том, чтобы они оба выпили виски в честь праздников, и сказал, что на данный момент не станет тревожить Эйлин, но они непременно обсудят это в самом ближайшем будущем. Он извинился за собственную вспыльчивость, и она потрепала его по колену

затянутой в перчатку рукой. Шон подумал, что в расцвете лет Этель Мюррей, пожалуй, очень даже неплохо выглядела.

* * *

Эйлин встала на ноги и пришла на девятичасовую мессу первого января. Выходя из церкви, она встретила Эшлинг, у которой обрадованно загорелись глаза.

– Маманя, как здорово, что ты поправилась! Садись в машину, я отвезу тебя домой. А еще лучше давай поедем ко мне.

– С удовольствием! Мне бы не помешало немного тишины и покоя. погоди минутку, я скажу кому-нибудь, куда иду, иначе они бросятся меня искать.

Эйлин оглядела толпу, выходящую на холодный утренний воздух. Прихожане окликали друг друга, поздравляя с Новым годом. На глаза попался тепло закутанный Донал.

– Передай всем, что я поехала к миссис Мюррей на завтрак. А вы позавтракайте без меня!

– Накормят тебя у Мюрреев, как же! Я скажу, чтобы твою порцию оставили в печке! – добродушно отозвался Донал.

– Эшлинг, он всего лишь шутит над тобой, – сказала Эйлин, усаживаясь в машину.

– Он недалек от истины, – ответила Эшлинг, нажала на газ и направилась к дому.

* * *

Состояние дома потрясло Эйлин до глубины души. Гостиная завалена грязными тарелками, на столе стаканы, на полу крошки. Сверкающая кухня, предмет зависти бедняжки Морин, превратилась в жалкое зрелище: плита покрыта слоем жира, везде немытые кастрюли, повсюду рассыпаны кукурузные хлопья, в раковине полно немытой посуды. Тут явно никогда не убирали.

– Детка, ты ведь хозяйка этого дома, почему же ты совсем о нем не заботаешься? – в ужасе спросила Эйлин, которой пришлось убрать

грязную тряпку со стула, прежде чем она смогла хотя бы присесть.

– Мамадя, а кому оно надо? – Эшлинг ничуть не раскаивалась. – Если я приберусь и наведу тут порядок, то он снова устроит бардак.

– Но, Эшлинг... разве можно так жить? Никак нельзя! Где Тони? Он все еще спит? – Эйлин понизила голос.

– Он не появлялся дома. Придет к ланчу, переоденется и уедет в гостиницу...

– Где же его носит? Ты провела здесь новогоднюю ночь совсем одна? Что стряслось с Тони?

– Думаю, он завалился спать там, где упал. У Шея Фергюсона или где-нибудь еще. Иногда он ночует в гостинице... Я думала, ты уже слышала...

– Нет, я ничего не слышала, совсем ничего.

– Ну вот, я тут так и просидела всю ночь одна. Сварила немного картошки вон в той кастрюле. Он часто хочет картошки, когда является домой с бутылкой... Когда стало совсем поздно, я поняла, что домой он не придет, поэтому приготовила себе поесть. У меня оставалось немного бекона, я начала его жарить с луком, он сторел, так что плюс еще одна сковородка. А на той – вчерашняя яичница-болтуня, к которой он не притронулся, а вон та кастрюля... не знаю, наверное, молоко.

На Эйлин накатила тошнота.

– И как давно вы так живете?

– Не знаю. Дай-ка подумать... Я замужем год и семь месяцев... или уже семь лет и один месяц? Ну вот примерно столько...

Именно ее отстраненная насмешка над собой вывела Эйлин из состояния шока.

– У тебя горячая вода в кране есть? – решительно спросила она.

– Что? – вздрогнула Эшлинг.

– Водонагреватель включен? Мне нужно быть дома через час или полтора. К тому времени здесь надо навести порядок.

– Мамадя, да какой смысл...

– Хватит ныть и жаловаться, берись за дело!

– Мамадя, ничего я не буду делать, и ты тоже!

– Я тебя больше в жизни на порог не пущу, засранка ты этакая, если сейчас же не оторвешь задницу от стула и не наведешь здесь порядок!

– Мама, это же мой дом, ты сама так говорила.

– Господи боже, конечно твой! Но ты только подумай, сколько людей обожали бы его, превратили бы в маленький дворец, так нет же, мисс Спесивая Эшлинг всегда лучше всех в мире все знает! Твоя сестра Морин дорого дала бы за такую кухню. Я знаю, видела ее лицо. Подумай о Пегги, которая живет в хибарке в горах... Что бы она дала за такой дом? Однако Господь решил одарить им не тех, кто ценил бы его, Он отдал его вечно ноющей грязнуле, которая сама себя жалеет! Да, Эшлинг, вот кто ты есть...

Реакция Эйлин ошеломила Эшлинг: ни слова про Тони, ни грамма утешения, ни материнских объятий, ни разговоров про отвратительную природу мужчин. Вместо этого мать ее отчитала похлеще, чем когда ей было четырнадцать. Эшлинг невольно встала. Мама уже снимала пальто:

– Повесь его где-нибудь, чтобы оно не запачкалось, и дай мне фартук или халат... А, ладно, дай-ка мне одну из твоих тряпок, которые так дорого стоят на Графтон-стрит, и я накину ее поверх моей приличной одежды. Не стой столбом! – Эйлин уже где-то нашла подносы. – Давай разбирай гостиную, приноси все, что там есть.

– Мама, я не хочу, чтобы ты упахалась...

– Я не позволю посторонним увидеть, какую неряху-дочь я вырастила. Ты меня слышишь? А ну вперед!

Эшлинг истерически хихикнула и подумала, что они, должно быть, выглядят как актеры в старых фильмах на ускоренной перемотке, когда полицейский и грабители судорожно бегают туда-сюда.

– Мама, в гостиной чисто! – крикнула Эшлинг.

– Что-то я не слышала пылесос! – отозвалась мама.

Они справились за полтора часа. Мама распахнула все окна, чтобы проветрить дом.

– Мы же воспаление легких заработаем! – пожаловалась Эшлинг.

– Лучше воспаление, чем дифтерия от всей той грязи, которая здесь накопилась!

Мусорные ведра были заполнены, полы вымыты. Мама оставила пять кастрюль отмочить в мыльной воде, наказав, чтобы через несколько часов Эшлинг их хорошенько вычистила, потом открыла дверь в спальню и тут же с грохотом захлопнула обратно.

– У тебя есть пара часов до возвращения мужа домой. Приберись там как следует, поменяй постельное белье и аккуратно заправь постель. Я вернусь во второй половине дня – и в доме должен быть идеальный порядок! Если хочешь, открой в спальне окна, прежде чем отвезти меня домой, чтобы немного там проветрить.

– Мамадя, ты собираешься вернуться? – испуганно спросила Эшлинг.

– Разумеется! Ты ведь пригласила меня на чашку чаю и, кажется, даже не заметила, что до чая дело не дошло. Поэтому я вернусь. И я не собираюсь пить чай из грязного чайника! Мне на свадьбу серебряных чайничков не подарили, иначе они были бы начищены до блеска.

– Мамадя, Тони может не быть дома и после ланча. Боюсь, ты не понимаешь, как далеко все зашло...

– Боюсь, это ты не понимаешь, как далеко все зашло! – мрачно ответила мамадя, надевая пальто.

* * *

Тони явился в полдень в совершенно жутком виде. Помятый костюм покрывали пятна, словно от попавшей на него рвоты, которую кое-как счистили. Глаза опухли и покраснели. Из-за сквозняков из открытых окон запах алкоголя от него ощущался через всю комнату.

– С Новым годом! – произнесла Эшлинг.

– Боже, я так и знал, что ты будешь тут сидеть, чтобы прочитать мне нотацию! – воскликнул он.

– Нет, я всего лишь поздравила тебя с Новым годом. И я навела в доме порядок. Ты заметил?

Тони подозрительно огляделся.

– Да-да, прекрасно, – неуверенно сказал он. – Ты хорошо поработала. Я бы тебе помог...

– Ничего, я и так справилась. И посмотри-ка сюда. – Она завела его на кухню. – Все блестит и сияет, правда?

– Да, здорово, – занервничал Тони.

– А теперь загляни в спальню, там тоже чистота и порядок.

– Эш, ты как следует постаралась. К нам что, гости придут? – внезапно спросил он.

– Во второй половине дня маманя может зайти на часик, вот и все.
– Ясно... Ну, очень хорошо. Меня, наверное, не будет. Шей с парой ребят...

– Тони, я бы хотела, чтобы ты остался дома.

– Да в чем дело? Что происходит, в конце концов? Судилище? Тони проведут перед О'Коннорами и будут судить? Такие у тебя планы?

– За что судить-то, Тони?

– Не знаю, тебе виднее.

– Нет, это тебе виднее. Я про суд ничего не говорила. Я всего лишь сказала, что хотела бы, чтобы ты был дома, когда моя маманя придет на чай, вот и все.

– Она сто лет к нам не заглядывала, с чего бы мне быть у нее на побегушках?

– Во-первых, она сильно болела, а во-вторых, она уже приходила сюда утром.

Глаза Тони сузились.

– Уже приходила? Ты сказала ей, где я был?

– Тони, как я могла что-то сказать, если не знала и до сих пор не знаю, где ты был?

– Я ходил в гостиницу на вечеринку, а потом ехать домой не имело смысла, и некоторые из нас остались там.

– Ясно.

– Так ведь Новый год же... чем не повод отпраздновать?

– О да, я знаю. Слышала, как звонили колокола собора Христа в Дублине, по радио передавали в полночь. Очень здорово. Я подумала, что праздник удался на славу.

– Эш... я... но ты ведь терпеть не можешь толпы народа... послушай, я виноват, я готов искупить...

– Отлично, тогда будь здесь к чаю. Часа в четыре дня.

– Нет, так нечестно! Ты нарочно загнала меня в угол. Хватит, я уже договорился, мне нужно идти. Чистая рубашка есть?

– Целых девять чистых рубашек.

– В смысле, целых девять? Что за намеки?

– Ты меня спросил, я ответила. Из прачечной приходят каждую среду. Я даю ему семь рубашек, он отдает мне семь рубашек – вот так оно и работает. Деньги творят чудеса, как говорится.

– Эш, да что с тобой? У тебя есть все, что пожелаешь. Почему ты вечно всем недовольна?

– Не знаю. Правда не знаю. Наверное, характер у меня такой.

– Ты сейчас издеваешься, да? Язвишь.

– Мамаля плохо себя чувствует, она ужасно выглядит. Я хочу вернуться на работу в лавку, чтобы помочь на какое-то время.

– Так вот из-за чего ты на меня нападаешь? Я против! Я не хочу, чтобы моя жена снова работала в лавке родителей.

– А я не хочу, чтобы мой муж напивался в стельку и валялся пьяный по городу, выставляя нас обоих полными придурками. Я не хочу жить здесь одна, словно вдова. У твоей матери общения больше, чем у меня. Тони Мюррей, есть куча всего, чего я не хочу, но мирюсь с этим.

– Нет, вот тут я буду стоять на своем! Я женатый мужчина, и для меня будет унижительно, если жена снова начнет работать. Из глупого ослиного упрямства!

Эшлинг встала:

– А я замужня женщина, и для меня унижительно слышать, когда мой муж говорит, что с нами все в порядке. С нами ничего не в порядке. Мы до сих пор не сумели заняться сексом. Тони, прошел уже год и семь месяцев, это ненормально! А последние полгода мы даже не пытались. Я не собираюсь молча сидеть и подчиняться тому, кому хватает глупого ослиного упрямства утверждать, что все прекрасно! – (Тони уставился на нее, стиснув руки в кулаки.) – Может, договоримся любовно? – предложила Эшлинг.

– О чем?

– Я послушаюсь тебя и не стану возвращаться на работу. А ты послушаешься меня в другом вопросе. Мы поедем в Дублин к специалисту. Есть такие специалисты, нам могут помочь.

– Скорее всего, американцы или, того хуже, ирландцы, учившиеся в Америке, которые будут задавать кучу личных вопросов и кайф ловить. Скажут, что надо бросить пить на год. Потребуется рассказать про то про сё. Ты меня туда ни за что не затащишь, я тебе прямо говорю!

– Тогда я возвращаюсь работать в лавку, – хладнокровно ответила Эшлинг.

– Да-да, твоя взяла! Ты, как обычно, получила то, чего хотела! – Лицо Тони исказила гримаса презрения. – Все верно, играй не по правилам. Добейся своего любой ценой. Делай что хочешь.

Эшлинг поникла и даже спорить не стала.

– Ничего подобного, я не добилась своего. Я вовсе не победила. Однако, похоже, никто на свете в это не поверит, – ответила она скорее самой себе.

Моя милая, дорогая Элизабет,

у меня нет слов выразить, как я счастлива слышать такие новости! Когда ты вчера позвонила, то, наверное, подумала, что мы с маманей напилась, а мы сидели разговаривали и не заметили, как стемнело, а тут зазвонил телефон, и мы словно очнулись. Надеюсь, ты поняла по нашим голосам, насколько мы рады за тебя!

Я знаю, что сглупила, когда подумала, что ты собираешься выйти замуж за Джонни. Но, понимаешь, я ведь ничего толком не слышала от тебя про Генри. Теперь ты должна сесть и написать мне длинное письмо о нем, с заголовками, как мы когда-то делали в школе на уроках английского: а) почему ты его так сильно любишь; б) о чем вы разговариваете; в) над чем вы смеетесь; г) где вы собираетесь жить; д) какую свадьбу планируете и где; е) спала ли ты с ним и как оно тебе; ж) что сказал Джонни?

Тебе большой привет от всех нас!

Эшлинг

Глава 16

Похоже, всех очень интересовал вопрос, что скажет Джонни. Даже отца. Джонни пока ничего сказать не мог, так как Франческа утащила его куда-то в ресторан к своей тетушке, где они с тетушкой откармливали Джонни домашним минестроне, чтобы поставить его на ноги после болезни. Во всяком случае, так Стефан понял из телефонного звонка. Стефан встретил заявление Элизабет о замужестве с удовольствием, но и с некоторым опасением и выразил восхищение кольцом с бриллиантом, которое Генри купил на следующий же день, едва ювелирный магазин открылся. Стефан мог бы достать для Генри антикварное кольцо в половину заплаченной цены и притом гораздо красивее, но, разумеется, ни словом не обмолвился. Как и Анна. Их поздравления показались Элизабет несколько искусственными, словно они оглядывались через плечо, ожидая появления выздоровевшего Джонни, которое все обрушит.

Отец заявил, что искренне рад, и поздравил Элизабет так, словно она незнакомка, клиентка банка, а не его собственная дочь. Ему нравится Генри, сказал он и выразил надежду, что они будут счастливы вместе, но тут же напрямую спросил: где Элизабет собирается жить и как ему самому дальше жить всю оставшуюся жизнь? Вопрос прозвучал невозмутимо, без нотки обвинения, и Элизабет дала заранее продуманный ответ: ее комнату можно недорого сдавать кому-нибудь – возможно, студентке или учительнице – и тогда квартирантка могла бы готовить ему ужин каждый вечер.

Отец сказал, что тут надо будет все хорошенько обдумать. Возможно, в банке посчитают проживание под одной крышей с посторонней женщиной не совсем приличным. Элизабет сдержала раздражение: да, конечно, надо как следует подумать, но, с другой стороны, возможно, и нет необходимости кого-нибудь пускать. Отец еще достаточно молод, ему всего лишь за пятьдесят, и он вполне в состоянии сам о себе позаботиться. Элизабет с удовольствием научит его готовить простые блюда и даже после замужества сможет приходить время от времени, чтобы испечь ему что-нибудь.

Ни разу в разговоре отец не упомянул, что будет по ней скучать, а она – что будет скучать по нему. В какой-то момент отец сделал озабоченное лицо и сказал: все действительно к лучшему, и похоже, что никаких проблем не возникнет.

– Папа, какие тут в принципе могут возникнуть проблемы?

– Ну... гм... другой молодой человек, Джонни Стоун... Ты не думаешь, что он мог иметь какие-то намерения? В конце концов, вы столько лет встречались. Вполне ожидаемо, что он мог...

– Чепуха! – оборвала его Элизабет. – Да, мы с Джонни встречались, и он мне очень нравился, но это совсем другое дело. Джонни не из тех, кто обзаводится семьей. Никаких таких «намерений» он не имел.

– И что он говорит по поводу твоей свадьбы с Генри? – не унимался отец.

– Ничего. Он в отъезде и еще не знает.

– Угу...

* * *

Гарри размашистым почерком написал письмо на целых три страницы, которое внешне выглядело теплым и содержало все правильные слова, но за словами чувствовалась пустота. Элизабет решила заключить пари сама с собой, на какой странице Гарри упомянет Джонни – на второй или на третьей? Подумала и решила, что на второй, – и выиграла.

Она в ярости бросила письмо на пол, но потом пришлось его поднять. Черт бы побрал Джонни Стоуна! Ну почему, почему все считали, что он прав? Почему он даже сейчас тучей висел над ее браком? Она знала: Джонни не будет возражать, если она выйдет замуж за Генри, но все остальные так не думали. Почему все встали на его сторону?

Элизабет не стала врать Генри Мейсону и призналась, что Джонни был ее любовником, первым и единственным, что она много лет его любила, но в последнее время, примерно в течение года, начала понимать, что между ними не настоящие отношения, а изощренная смесь лицемерия и неверных представлений. Генри вполне

удовлетворился таким объяснением. В его жизни тоже случился роман, хотя и недолгий, с сестрой Саймона. Барбара Бёрк была одной из первых девушек, с которыми он познакомился. Они встретились на теннисной вечеринке, и она ему очень понравилась. Он думал, что и Барбара нашла его привлекательным, но она постоянно демонстрировала раздражение, если он проигрывал партию в теннис, недостаточно быстро подзывал официанта или не сумел найти такси в дождь. Барбара неодобрительно вздыхала, и он чувствовал свою полную несостоятельность.

Генри из кожи вон лез, чтобы угодить Барбаре, – и добился успеха. Они встречались целый год, и она не считала, что его следует опекать и гладить по головке. Они были безумно счастливы, и Генри хотел, чтобы они поженились, но Барбара ответила, что они еще слишком молоды и сначала им следует повидать мир. Странно, но брат с ней согласился, хотя Генри боялся, что Саймон посчитает неприемлемым такое поведение друга: завел роман с сестрой и не собирается на ней жениться.

В любом случае все получилось как нельзя лучше, так как Генри начал понимать: на самом деле он занимается изощренным лицедейством и притворяется, будто счастлив, делая то, что не доставляет ему удовольствия. Ему все время приходилось прилагать невероятные усилия. Барбара раздражалась, когда он что-нибудь забывал, поэтому он завел блокнот, куда записывал все сказанное ею. Она обвинила его в том, что он понятия не имеет, что происходит в мире, и он стал также делать списки тем для разговоров. Когда Барбара уезжала и он ей звонил, то клал этот список рядом с телефоном.

В конце концов до него дошло: так жить нельзя. Он сказал об этом Барбаре, но она ему не поверила, решила, будто он шутит. Он заверил ее, что с настоящим Генри она через две минуты помрет от скуки, ведь ей нравится только Генри, который постоянно стремится ей угодить и играет хорошо отрепетированную роль. Барбара толком так и не поняла, что он имел в виду, однако их отношения закончились.

Что с ней теперь? Вышла замуж за доктора, очень успешного парня по имени Дональдсон. Они иногда встречаются все вместе, и между ними нет горьких чувств. Генри даже хотел бы пригласить их на свадьбу, если, конечно, Элизабет не возражает. Элизабет не возражала, ведь она тоже собиралась пригласить Джонни Стоуна.

– Интересно, что он скажет, когда узнает про нашу свадьбу? – спросил Генри.

* * *

Стефан явно решил, что не его дело сообщать Джонни новости, а потому, когда Элизабет пришла в магазин, по уши закутанная от холодных январских ветров, Джонни все еще оставался в неведении.

Они обнялись, и она жизнерадостно сказала, что он отлично выглядит. Итальянский суп явно придал ему сил! Стефан с отсутствующим видом продолжал полировать и так уже сверкающий подсвечник.

– Чем ты тут занималась? – спросил Джонни.

Он никогда не обсуждал свои любовные увлечения, и упоминание Элизабет о супе заставило его едва заметно нахмуриться.

Стефан взялся тереть подсвечник с еще большим усердием, потихоньку пятясь к своему кабинету. Элизабет сняла пальто и длинный шерстяной шарф, перчатки и вязаную шапочку:

– О господи, так-то лучше! А то я уже начинала чувствовать себя египетской мумией. Чем я занималась? Разве Стефан тебе не сказал? Мы с Генри решили пожениться. Посмотри, какое кольцо он мне подарил. Ты должен пожелать нам счастья.

– Вы с Генри решили что? – изумился Джонни, держа ее руку с кольцом, и даже не заметил, как Стефан пулей метнулся в кабинет.

– Мы решили пожениться. В конце лета. Если, конечно, лето вообще когда-нибудь наступит. Ты удивлен?

– Ты не можешь выйти замуж за Генри... Что за чепуха!..

– Почему нет? Очень даже могу. Именно это я и собираюсь сделать. Я счастлива выйти за него, он мне идеально подходит, и я, думаю, тоже ему подхожу.

– Улыбашка, что за дурацкие шутки?

– Джонни, какие шутки? Разве я стану шутить на такую тему?

– Я так и думал, но ты ведь не всерьез сейчас говоришь?

Элизабет села на резной стул:

– Не понимаю, почему ты мне столь упорно не веришь.

– А что ты ожидала от меня услышать? Молодец, умница, давайте выпьем за жениха и невесту?

– Да, что-то вроде того.

– Что за бред!

– Но тебе ведь нравится Генри. И тебе нравлюсь я. Почему же ты недоволен?

– Я имел глупость считать тебя своей женщиной, вот почему!

– Я не твоя женщина, ты ведь ненавидишь подобные привязки. Ты никогда не хотел таких отношений. Прошлым летом я спросила тебя, не возражаешь ли ты, если я начну встречаться с Саймоном или Генри, и ты сделал удивленное лицо и заявил: «Какие могут быть возражения, киска? Ты сама по себе». Именно так и сказал.

– Да, сказал, и я действительно так считаю. Но выйти за кого-то из них замуж... Выйти замуж за Генри тайком от меня... Быть того не может!

– Я еще не вышла за него замуж, а только собираюсь. Если бы ты не уехал, то я бы давно тебе сказала, я ничего не собиралась скрывать от тебя. Он сделал мне предложение на Новый год, а тебя здесь...

– Вот только отчета со всеми мерзкими подробностями мне и не хватало!

Элизабет пожала плечами:

– Тебе не угодишь.

– А ты не слишком-то и стараешься мне угодить, верно, милая? За моей спиной выходишь замуж за этого мерзкого адвокатишку!

– Он не мерзкий адвокатишка. Господи, Джонни, до чего же ты жесток и презрителен! Генри о тебе никогда слова дурного не сказал. Почему ты постоянно оскорбляешь людей?

– Он может заговорить по-другому, когда узнает, чем я занимался с его невестой.

– Он уже знает.

– Неужели ты рассказала этому пай-мальчику Генри про...

– Хватит его обзывать! Я сказала ему, что с восемнадцати лет была твоей любовницей. А он рассказал мне про свое прошлое. Мы не идиоты, но и не одержимы воспоминаниями о прошлом.

– В самом деле? Ты и правда собираешься выйти за него замуж?

– Ну разумеется! Разве ты не можешь порадоваться за меня, вместо того чтобы обижаться и говорить гадости?

– Чему тут радоваться? Я что, должен прыгать от счастья, когда моя любимая девушка выходит замуж за другого? С какой стати?

– Я не твоя любимая девушка. Я всего лишь одна из твоих девушек.

– Самая главная. Для меня... И разве я был не единственным для тебя?

– Был.

– Тогда почему нельзя оставить все как раньше?

– Потому что это бессмысленно. Я притворялась, будто мне безразличны твои любовные похождения и твое нежелание жениться, но на самом деле мне далеко не все равно, и меня тошнит от притворства.

– Почему же ты мне ничего не сказала?

– Если бы я сказала... ты бы ушел от меня много лет назад, как ушел от всех тех, кто тебе такое говорил, верно?

– И все же твой поступок выходит за рамки. Тайком сбежала от меня и обручилась с другим.

– Не хочешь пожелать мне счастья?

– Выбирая его вместо меня, ты совершаешь самую большую ошибку в своей жизни.

– Если бы я выбрала тебя, ты бы отказался. Как ты любишь говорить, «вольный как ветер».

– Да, но у нас же все было прекрасно! Я думал, каждый из нас получает от другого самое лучшее – и без всякой тоскливой тяготы. У нас всегда только белая полоса в жизни – и никаких черных.

– Тебе не кажется, что это как-то не очень естественно?

Элизабет говорила без обиняков и сама удивлялась своей прямоте; сердце больше не выскакивало из груди, она не пыталась подобрать правильные слова, найти верный подход и больше не вглядывалась в Джонни в поисках признаков изменения настроения.

– Боже правый, да ты стала доморощенным философом! – засмеялся Джонни. – Что же, если ты придерживаешься пуританской этики и тебе требуются трудные времена и все остальное, то ты их получишь. И я желаю тебе всего наилучшего. И счастья. Конечно же, я желаю тебе счастья! – Джонни взял ее за плечи, притянул к себе и нежно поцеловал в щечки. – Будь самой счастливой на свете! Ты

невероятно очаровательная женщина, а Генри в самом деле везунчик. Эй, Стефан, старый ты хитрец! А ну, выходи, поговорим!

Стефан нерешительно вышел из кабинета, откуда они с Анной подглядывали через щель, специально сделанную для наблюдения за покупателями во избежание краж из магазина.

– Ну, Стефан, хороший же из тебя охранник! Только я уехал, чтобы набраться сил, как ты вон что натворил! Позволил адвокатишке увести мою любимую девушку у меня за спиной. А теперь нам придется пожелать им счастья...

Стефан и Анна с облегчением расплылись в улыбках. Элизабет поняла: и Генри, и отец, и Гарри – все тоже вздохнут с облегчением. Джонни решил не обижаться, а значит, можно планировать свадьбу.

* * *

Джин, сестра Генри, написала Элизабет письмо, приветствуя ее как нового члена семьи. Саймон Бёрк пришел в такой восторг, что устроил вечеринку в своей квартире, куда более фешенебельной и шикарной, чем у Генри. На ней появилась и его сестра Барбара, одетая в дорогущее платье, меховую накидку и в шляпке из перышек, которые подчеркивали прическу. Муж Барбары, седеющий, слегка полноватый и очень милый, выглядел заметно старше ее.

Барбара обняла Элизабет и пожелала ей счастья.

– Генри говорит, что ты очень заботливая, – промурлыкала она. – Именно это ему и требуется – много заботы.

Саймон дурачился и делал вид, что проиграл в некоем соревновании. «Вечно одно и то же!» – жаловался он, хватаясь за голову в притворном отчаянии. Когда они оба хотят чего-то, то именно Генри первым получает желаемое. Квартира с видом на парк? Генри ее получил. Кабинет на верхнем этаже адвокатской конторы с огромным письменным столом? Достался Генри. А теперь Элизабет, их прекрасная учительница рисования! И снова Генри обошел его! Генри зарделся от удовольствия и принялся отрицать свои успехи. Элизабет подумала, что Саймон – отличный друг, потому что на самом деле и квартира, и рабочий кабинет у него гораздо лучше, чем у Генри.

* * *

После вечеринки Генри и Элизабет шли домой в морозной ночи, держась за руки и дружелюбно болтая.

– Саймон просто невероятный! Не знаю, как ему это удается: он приглашает людей, наливает им напитки, выставляет немного закусок – и вечеринка уже удалась! – Генри восхищался и завидовал одновременно.

– Подожди, пока мы не обзаведемся собственным домом. Тогда мы такие вечеринки будем устраивать постоянно! – ответила Элизабет, пораженная, насколько быстро их мысли стали звучать в унисон.

– Было бы здорово! – обрадовался Генри, остановился под фонарем и поцеловал ее. – Мы прекрасно проведем время!

– Лучше и быть не может! – согласилась Элизабет.

– Ты не хочешь пойти ко мне сейчас? – вдруг спросил он.

Генри собирался проводить ее в Кларенс-Гарденс, она возражала, что для него будет слишком далеко ходить туда и обратно, но он всегда настаивал на том, чтобы проводить ее до самых дверей дома.

– Но это же в другую сторону... – растерялась Элизабет. – Если я сейчас пойду с тобой, а потом обратно в Кларенс-Гарденс, то так мы до утра ходить будем... А-а-а, понятно!

– Да, я хотел бы, чтобы ты осталась у меня, – с надеждой сказал Генри.

– Почему бы и нет? – внезапно согласилась Элизабет.

* * *

Они лежали на узкой односпальной кровати, потягивая горячий шоколад, который приготовил Генри, а потом принес ей в постель.

– Кровать не слишком удобная...

– Ерунда! – засмеялась она. – В тесноте, да не в обиде!

– Ну, когда я покупал мебель, то подумал, что двуспальная кровать – это уж слишком оптимистично. Не стоит искушать судьбу! – (Они оба засмеялись.) – Мне кажется, мы были вместе всю жизнь, – признался Генри.

– Мне тоже...

– Такое ощущение, что именно так все и должно быть.

Элизабет положила голову ему на плечо:

– Ты самый милый и любящий мужчина на свете. Я так счастлива, что у меня нет слов.

– Я боялся... я думал... может быть... ну... понимаешь, я переживал...

– Не знаю, что за сложные умственные процессы происходят в твоей голове, но в любом случае я хочу, чтобы ты знал: с тобой я чувствую себя счастливой, любимой и в безопасности... – сказала Элизабет, подозревая, что Генри требуются какие-то ободряющие сравнения. – Ты мой мужчина навсегда.

Счастливый Генри удовлетворенно вздохнул.

* * *

Раз в месяц Джонни и Элизабет занимались бухгалтерией для Стефана, после чего всегда устраивали себе вечеринку в награду, и это стало традицией.

– Надо полагать, теперь никаких ресторанов? – небрежно спросил Джонни, когда они отложили бухгалтерские книги. – Пойду домой, съем унылый сэндвич с помидорами.

– Я хотела бы пойти поужинать, как обычно, почему бы и нет? – ответила Элизабет.

– А как же наш верный Генри?

– А что Генри?

– Разве он не будет против?

– С чего бы?

– Отлично! – воскликнул Джонни. – Тогда погоди, я схожу за машиной.

* * *

– Рад видеть вас, мистер Стоун, – сказал официант в итальянском ресторанчике. – Я боялся, что вы поссорились с барышней и больше к нам не придете.

– Мы не ссорились. Она выходит замуж за другого. Но не потому, что мы поссорились.

– Вы шутите, мистер Стоун, – смутился официант, догадываясь, что Джонни каким-то образом потешается над ним.

– Хватит! Перестань смущать людей, – сказала Элизабет.

А потом они наслаждались ужином и болтали про Стефана и странную женщину, которая приходит в магазин, чтобы продавать старинные вещи из стекла, одну за другой, и Анна ревнует, думая, что на самом деле клиентка положила глаз на Стефана. Они посмеялись над предложением купить все, что есть в доме, которому не больше пяти лет. Новый коттедж с современной мебелью, естественно, не понравился владельцам. Квартира Джонни находилась недалеко.

– Могу ли я предположить, что терпимость твоего в высшей степени здравомыслящего мужчины допускает, что ты зайдешь ко мне выпить рюмочку перед сном? – изящно сформулировал предложение Джонни.

– Никогда у него про такое не спрашивала, однако моя терпимость подобного не потерпит, – беспечно ответила Элизабет.

На улице было холодно и ветрено.

– Ну что ж, тогда спокойной ночи, цыпленочек, – сказал Джонни и чмокнул ее в обе щеки.

Кипя от ярости, сама не зная почему, Элизабет сквозь дождь и ветер пошла к автобусной остановке. В конце концов, Джонни очень редко отвозил ее обратно домой или забирал ее из дома. И все же на сей раз в его поведении чувствовался некий расчет: раз ты не хочешь пойти со мной в кроватку, то останешься под ледяным дождем.

Элизабет села на последний автобус.

– Такой холодной погоды давненько не было, – заговорил кондуктор.

– Да, – вяло откликнулась Элизабет, не чувствуя никакого желания общаться.

Она пыталась убедить себя, что не имеет права сердиться на Джонни. Он всего лишь следует своим правилам, это она сама вышла за рамки.

– Аж с тысяча восемьсот девяносто пятого года такого не бывало, слышали?

Элизабет улыбнулась, сказав себе, что вежливость никогда не помешает.

– Откуда вы знаете?

– В газетах писали. Если вы не видели, то, должно быть, либо с луны упали, либо по уши влюбились. Влюбились?

– Именно так! – засмеялась она.

– Тогда ему не следует позволять вам возвращаться домой на автобусе в одиночку в такое позднее время. Когда увидите его в следующий раз, передайте ему это от меня.

– Хорошо, обязательно, – заверила Элизабет, удивляясь, как так получается, что почти все на свете, включая случайных кондукторов, думали, что она влюблена в Джонни.

...Если я однажды остановлюсь, то уже не начну снова, и ты права: именно ты поддерживаешь отношения, рассказываешь мне все, а я наглухо замкнулась. Ну так вот. Что я делаю целыми днями? Теперь я снова работаю в лавке О'Конноров и счастлива. Что я раньше делала целыми днями? Плакала, бродила по дому, снова плакала. Умывалась и шла к мамане. Возвращалась домой. Ждала Тони.

Чем мы занимаемся, когда Тони приходит домой? Да по-разному. Если он возвращается до полуночи, что бывает нечасто, мы обычно ругаемся. Он пьян, не в духе и приходит домой только потому, что не подвернулось ничего получше: ни вечеринки с Шеем, ни мероприятия в гостинице. Он заявляет, что я его пилю, и это правда, я говорю, что он пьян, и это тоже правда. Затем мы идем спать.

Впрочем, по большей части он возвращается домой уже после того, как я ложусь спать в полночь. Или вообще не возвращается. Мы не зовем к себе гостей. Когда-то его мать приходила на чай, но теперь притворяться нет смысла даже с ней. Нас в гости тоже никто не зовет. Возможно, Тони приглашают куда-то в два часа ночи, но мне он про такое не говорит, и не думаю, что вообще помнит.

Что там дальше... ага, секс. Полагаю, католикам позволено говорить о нем, если они им занимаются. Я до сих

пор не знаю, что такое секс, поэтому и рассказать нечего. Мы так и не стали мужем и женой по-настоящему, у нас ничего не вышло – ни разу. Мне кажется, причина в том, что Тони импотент, хотя, возможно, дело в том, что изначально мы не научились делать это правильно, а потом Тони стал так сильно пить, что у него все равно ничего не получается. Вот как-то так. Ты спрашивала меня, нравится ли мне секс, а я понятия не имею, но думаю, что понравился бы, ведь все остальные, похоже, в восторге. Собираюсь ли я заводить ребенка? Ну, нигде не написано, что над Килгарретом не может появиться звезда и случиться еще одно чудо, однако до сих пор Святой Дух мне никаких посланий не передавал.

У мамани плохо со здоровьем. Она не признается, но бывают дни, когда она выглядит совсем желтой и больной. Она ссылается на погоду, на перемены в жизни или на несварение, но я бы хотела, чтобы она сходила к врачу. Как видишь, я хочу, чтобы все ходили по врачам.

С папаней все хорошо, просто слишком много работы, и он рад, что я вернулась в лавку. Он ссорится с Имоном на ровном месте. Хотела бы я рассказать ему, какие бывают настоящие причины для ссор, но едва я завожу разговор о Тони, как все закрывают рот на замок.

Морин еще и тридцати двух не исполнилось, но она уже выглядит на семьдесят и ведет себя как старуха. Семейка Дейли – истинные дьяволы.

Ниам приезжает домой каждые вторые выходные, выставляя напоказ фирменный шарфик Университетского колледжа Дублина, и так самодовольно ухмыляется, что хоть на стенку лезь. Она и ее подружка Анна Барри воображают себя крутыми только потому, что учатся в колледже. Я как-то съязвила, что мы все могли бы туда поступить, если бы захотели, и что она выглядит очень глупо, когда корчит из себя гения. Она ответила, что никому из нас мозгов не хватило сдать экзамены в колледж. И тут не поспоришь. Должна признаться, меня дико раздражает, что именно сопливая зазнайка Ниам получит диплом

университета. Много лет назад ты была права. Мне и в самом деле следовало заняться учебой, но тогда было столько всего, что мне следовало бы сделать, а главное, чего не следовало бы делать.

У Донала все хорошо. Я говорила тебе, что Мориарти им ужасно довольны и в аптеке он почти как настоящий медик? На днях я слышала, как одна женщина приходила к нему посоветоваться насчет растираний и отказалась разговаривать с мистером Мориарти, требуя юного джентльмена в белом халате, который в прошлый раз вылечил ее ребенка. Донал, разумеется, обожает свою работу.

Жизнь лучше не станет, все будет только хуже. От меня ожидают, что я буду покрывать пьянство Тони. Если он плохо выглядит на людях, то виноватой сделают меня, честное слово! Это я плохая жена и не забочусь о нем.

Помнишь доктора Линча? Могу поклясться, что тогда все говорили, будто виновата его жена, поскольку она зануда и ему неуютно с ней дома. Она уже умерла, но я бы хотела пойти на кладбище, выкопать ее из могилы и попросить прощения за то, что когда-то думала про нее такое.

Конечно же, я приеду на твою свадьбу. Надеюсь, Тони не поедет, и не думаю, что мамане позволит здоровье, а у папани найдется время. Морин, скорее всего, слишком замучена делами, но она может обрадоваться приглашению, чтобы покрасоваться перед семейкой Дейли. Я бы очень не хотела, чтобы Ниам поехала. Ей и так много чего в жизни хорошего досталось, обойдется без приглашения на шикарную свадьбу в Лондоне. Донал будет в восторге и с удовольствием бы поехал, так что, пожалуйста, не забудь его пригласить.

Отправлю-ка я это письмо, не перечитывая, а то решу, что совсем уже спятила...

Целую,

Эшлинг

Они нашли квартиру мечты. Правда, на самом верхнем этаже, но какая разница? Они сказали друг другу, что молоды и сильны, а если вдруг забавный маленький лифт сломается, то смогут подняться по лестнице. В квартире были высокие потолки, а огромная гостиная переходила в столовую.

– Прекрасно для шикарных званых обедов, мистер Мейсон, – засмеялась Элизабет.

К большой спальне примыкала отдельная ванная.

– Для бесконечных выходных, проведенных в постели, миссис Мейсон, – театрально подмигнул Генри.

Еще в квартире имелась большая кухня, а три оставшиеся комнаты они решили использовать как кабинет, гостевую спальню и детскую. Когда, как и полагается, за мальчиком родится девочка, то можно будет решить, стоит ли отказаться от кабинета или лучше переехать в дом с садом.

– К тому времени ты станешь старшим партнером... Пожалуй, мы сможем себе позволить еще и дачу, – поддразнила Элизабет.

Весенним днем, держась за руки, они обходили свой новый дом. Генри радостно открывал и закрывал двери.

– Надеюсь, именно так все и будет, – рассудительно ответил он.

– Здесь мы будем невероятно счастливы, – сказала Элизабет.

* * *

Прочитав письмо от Эшлинг, Элизабет с трудом сдержалась, чтобы не позвонить ей или не написать письмо с утешениями. И даже подумывала, не найти ли предлог для визита. Однако она почувствовала, что стоит дать Эшлинг время остыть, и написала ей короткое письмо, выражая сочувствие и одновременно надежду, что все может быть не так плохо, как кажется, и она подождет нового письма, чтобы убедиться, что подруга не преувеличивает.

В итоге она оказалась права. Через несколько недель от Эшлинг пришло весьма жизнерадостное письмо. Тони дал зарок. Он съездил к какому-то священнику в Уотерфорде, который успешно излечивал от пьянства. Когда-то он и сам закладывал за воротник, но теперь не пьет. Он даже предложил Тони выпить, пока разговаривал с ним, и тот

выпил, но отказался от второй порции и согласился, что выпивка ему всю жизнь испортила. Тони вернулся к Эшлинг кроткий как ягненок. Решать другую проблему они пока не планировали, но теперь, когда Тони перестал пить, возможно, все само собой разрешится. Судя по тону, Эшлинг была на седьмом небе от счастья. Она написала, что Тони гораздо больше внимания уделяет работе, которой немало накопилось. Теперь они оба довольны и заняты делом и с нетерпением ждут поездку в Лондон на свадьбу года.

* * *

– А неплохо я воспитала эту девочку. Посмотри, какое чудесное письмо она написала. – Эйлин с довольной улыбкой передала конверт Шону.

– Ты про Элизабет! Я подумал, оно от Ниам.

– Вот еще, Ниам! – фыркнула Эйлин. – От нее и пары строчек не дождешься, если только ей от нас что-нибудь не нужно. Нет, Элизабет написала про свадьбу.

– Ты же не хочешь сказать, что ради ее свадьбы мы аж в Англию поедем? Боже правый, Эйлин, тебя даже прогулка из дома в лавку утомляет, а у меня просто времени нет! Мы не можем поехать.

– Почитай сначала, дурень, – ласково ответила Эйлин. – Все она знает. Именно поэтому я и сказала, что неплохо ее воспитала, ею можно гордиться.

Элизабет написала, что они с Генри с нетерпением ожидают представителей семейства О’Коннор, но она не станет настаивать на приезде старшего поколения. Им пришлось бы целыми днями общаться с отцом, ради чего уж точно не стоит ехать в Лондон. Какими бы достоинствами ни обладал отец, умение вести светские беседы в их число явно не входит. Ей не хотелось бы отрывать Ниам от учебы, а Имон наверняка будет не в восторге от приглашения, но, возможно, Донал и Морин захотят приехать. Что на этот счет думают дядюшка Шон и тетюшка Эйлин?

– Действительно, очень здоровое письмо, – согласился Шон. – Может быть, Морин и впрямь захочет съездить. Поедет ли с ней

Брендан? Поездка могла бы поднять им настроение. Вот насчет Донала я не уверен...

– Донал будет готов на что угодно, лишь бы поехать. Посмотрим насчет Морин. Надеюсь, она смогла бы немного отдохнуть от всего. Я бы тоже поехала с радостью, но я так быстро устаю...

– Да ладно, Эйлин, не надо никуда ехать. Не переживай из-за усталости, с таким кошмарным летом все чувствуют себя разбитыми из-за жары.

Впрочем, зимой ей было ничуть не лучше: Эйлин плохо себя чувствовала уже больше года.

* * *

Морин долго размышляла, принять ли ей приглашение. Брендан ехать не хотел, но сказал, что ничто не мешает съездить ей одной. Нет, конечно, поездка не так уж дорого будет стоить, она должна поехать, если ей так хочется. Нет, деньги у них найдутся. Да, он понемногу откладывал. На что? На отпуск в следующем году. Может быть, они все вместе могли бы снять домик в Траморе на пару недель. Домик в Траморе на отпуск не тянул. Морин пришлось бы готовить и убирать за всей семьей плюс мать и тетка Брендана. По ее мнению, такую жизнь вряд ли можно назвать отпуском, поэтому она проявила легкое бунтарство.

– Да, было бы здорово, но если ты уверен, что не против потратить отложенное, то я бы предпочла поехать в Лондон. Понимаешь, я бы не только сменила обстановку, но и отдохнула несколько дней от необходимости заботиться о четырех детях.

Брендан быстро прикинул варианты:

– Разумеется, тебе следует поехать. Я не настаиваю на домике в Траморе. Можно, конечно, поспрашивать... вдруг за те же деньги мы могли бы провести неделю в пансионе... Какие там условия? Тебе не придется готовить или что-то еще делать. Но если ты так хочешь поехать в Лондон...

Морин решила, что ради недели отдыха в пансионе вполне можно отказаться от приглашения на свадьбу, и написала Элизабет длинное письмо с сердечными благодарностями. Элизабет всегда весьма

великодушно к ней относилась, и Морин до сих пор хранит полученный от нее много лет назад свадебный подарок – прелестную серебряную конфетницу. Ей будет невероятно жаль пропустить такое событие еще и потому, что очень хотелось бы посмотреть, как выглядит некатолическая свадьба, но теперь она этого никогда не узнает.

* * *

Для свадебного банкета Элизабет забронировала зал в ресторане. Было бы гораздо приятнее пригласить всех на ланч к себе домой, но слишком многое мешало: Кларенс-Гарденс, отец... отец и Гарри. Лучше собраться на нейтральной территории.

Владелица ресторана миссис Нобл впервые видела такую хладнокровную и деловитую невесту, как Элизабет, и несколько раз повторила, как приятно иметь с ней дело. Миссис Нобл запросила тридцать шиллингов за каждого гостя. Элизабет указала, что благодаря свадьбе ресторан привлечет внимание: среди гостей жениха будут адвокаты и бизнесмены, а со стороны невесты – творческие люди. Возможно, миссис Нобл захочет снизить расценки в надежде заполучить новых клиентов.

Миссис Нобль не согласилась, считая тридцать шиллингов вполне подходящей ценой.

Элизабет заметила, что миссис Нобл следует принять во внимание шампанское, которое будет стоить дороже обычного, и с каждой бутылки миссис Нобл получит выгоду.

Миссис Нобл ответила, что за все в целом она может получить небольшую прибыль, если запросит по гинее^[32] за гостя. На этом женщины улыбнулись и пожали друг другу руки, а миссис Нобл обещала приложить все усилия, чтобы гости остались довольны.

Элизабет сказала по секрету, что платит за все из собственного кармана. На банкет придут тридцать человек, и она готова дать деньги вперед. Она не хотела устраивать застолье, а предпочла бы, чтобы официанты постоянно разносили напитки, горячие мясные рулетики, курицу, ветчину, свадебный торт и кофе.

– Ситуация несколько затруднительная, не так ли? – с пониманием спросила миссис Нобл.

– В каком-то смысле.

– Второй брак? Разводы, бывшие и так далее?

– Нет, только один развод, мой отец и мой отчим оба придут... Но все не так просто... Ну или все так думают.

– Все так думают, милочка, но едва ли кто-нибудь осмелится сказать вслух, поэтому им до вас далеко, – по-матерински утешила ее миссис Нобл. – Вот увидите, мы устроим вам незабываемый праздник.

* * *

– Мне не терпится познакомиться с Эшлинг, я ведь уже знаю остальных близких тебе людей: Гарри, Стефана, Джонни, Анну. Кстати, Эшлинг такое смешное имя.

– Оно означает сновидение или фею в сновидении. Я уже забыла. Просто думаю о ней именно так. Никогда не встречала никого другого с таким именем. Надеюсь, она тебе понравится. Но если нет, то ничего страшного.

– Что ты имеешь в виду? Конечно же, она мне понравится! Наверняка.

– Я не хотела тебя обидеть. Я имею в виду, что до своего замужества Эшлинг сказала, что надеется, что мы с Тони понравимся друг другу. Однако, если честно, мы не слишком-то в восторге друг от друга.

– Ну, ты-то тут ни при чем. Тони ведь любитель выпить?

– Да, но, Генри, как бы мы ни были дружелюбны, раскованны и радушны, пожалуйста, не упоминай это при них.

– Милая моя, ну разумеется!

– Знаю. Просто я рассказывала Эшлинг такие вещи, про которые она никому не говорила, и я хочу, чтобы она думала, что я тоже уважаю ее тайны.

– Но мне-то ты можешь сказать, я не считаюсь.

– Нет, для меня считаешься. Любимый, я тебе все расскажу, но Эшлинг обидится, если узнает, что я хотя бы словом обмолвилась. В

любом случае он уже завязал. Она говорит, что Тони не прикасается к спиртному, и я попросила миссис Нобл подать и лимонад тоже.

– Непьющий ирландец? Вот так диковинка!

– Генри, я боюсь, ты можешь ляпнуть что-нибудь именно в этом роде!

– Дорогая, я не идиот и ничего подобного не скажу, конечно. Я и в самом деле буду искренне рад с ними познакомиться.

– Эшлинг уже знает отца, Стефана, Анну и, разумеется, Джонни. Она встречалась с ними в прошлый приезд.

– Ты так давно общаешься с Джонни?

– Да, мы уже были знакомы, когда Эшлинг сюда приезжала.

* * *

– Что ты собираешься надеть на свадьбу? – спросила Морин.

– Знаешь, я как-то даже не задумывалась, – ответила Эшлинг. – Хорошо, что ты напомнила. Нужно будет остановиться в Дублине и что-нибудь купить. Да и Тони надо бы одеть поприличнее.

– А разве он плохо одевается? – Морин явно завидовала возможности покупать одежду, когда она нужна.

– Нет. Когда он закладывал за воротник, то постоянно приходил домой грязный как свинья и испортил половину костюмов.

– Эшлинг, не говори так про мужа.

– Морин, тебе, как и мне, прекрасно известно, что Тони напивался в стельку шесть дней в неделю, так почему мы должны притворяться, что ничего подобного не происходило?

– Ну... я не знаю... Как-то уж очень непристойно ты сказала...

– Куда непристойнее делать вид, что так и надо, когда он возвращается домой пьяным вдрызг. Слава богу, сейчас он в порядке, и, раз уж мы про него заговорили, я надеюсь, что так и дальше пойдет. Однако, с моей стороны, было бы в высшей степени лицемерно притворяться перед собственной сестрой, что всего несколько месяцев назад мой муж не пьянствовал беспробудно.

Морин почувствовала себя неловко. Ей не нравилось, что Эшлинг говорит про мужа в таком тоне.

– Эшлинг, он прекрасно к тебе относится, не задирай нос, а не то все испортишь. Тони ведь позволяет тебе работать в лавке, хотя я представить себе не могу, зачем оно тебе надо.

– Мне нравится, у меня есть занятие, и я неплохо зарабатываю и откладываю заработанное. Элизабет научила меня не бросаться деньгами. В финансовых вопросах она всегда хорошо разбиралась. В ту мою поездку в Лондон она сказала, что очень глупо с моей стороны ничего не откладывать. Знаешь, все те годы, пока жила с нами, она сгорала от стыда, когда маманя и папаня давали ей деньги на карманные расходы. Они об этом даже не задумывались, а она каждую неделю смущалась. Элизабет мне сама рассказывала. А ведь ей тогда было всего-то лет десять-одиннадцать.

– Элизабет такая славная. Надеюсь, она будет счастлива. Я и правда очень хотела бы поехать на свадьбу, честное слово...

– Ты же знаешь, я бы помогла тебе с деньгами! – с готовностью предложила Эшлинг. – Поехали! Для чего же еще я копила, если не для подобных случаев? Я оплачу твои билеты. Пожалуйста, соглашайся!

– Я не могу, и дело не в деньгах, а в самой поездке... Ты не знаешь Брендана.

– Так он же повторяет, что ты можешь ехать.

– Да, но...

– А давай скажем ему, что ты на скачках выиграла! Тогда он не будет возражать и не станет говорить, что тебе сестра дала. Давай посмотрим результаты каких-нибудь скачек, узнаем, какая лошадь пришла первой, и скажем, что ты ставила на нее пять фунтов.

Морин чуть со смеху не умерла:

– Я поставила пять фунтов на лошадь... Эшлинг, ну ты даешь! Да Брендан меня тут же в богадельню сдаст!

* * *

Саймон сказал, что они словно подгадали время свадьбы под войну. На Ближнем Востоке ситуация выглядела весьма напряженной. Элизабет велела ему не нагонять панику. Услышав слова Саймона, Генри забеспокоился.

– Генри, все сходится. Насер знает, чего хочет, а французские войска сидят на Кипре вовсе не для того, чтобы загорать на пляже, верно?

– Но до войны дело не дойдет. Я имею в виду, они не начнут... ну... или если они начнут, то мы не станем... Мы же не будем ввязываться?

– Нам нужен Суэцкий канал, вот и все. Британия не осталась в стороне в тысяча девятьсот тридцать девятом и не позволила некоторым разгуливать по Европе, так и сейчас в сторонке стоять не будет. Вот увидишь, все уже готовы...

– Я не думаю...

Генри выглядел таким расстроенным, что Элизабет решила наконец вмешаться:

– И я тоже так не думаю, хотя читаю газеты не менее внимательно, чем Саймон. Никто из нас не болтает по душам с премьер-министром, но ничего не случится. Люди не готовы к новой войне. Прошло всего десять лет, и никто не захочет начинать заново. Ну хватит, Саймон. Не стоит распускать слухи о войне только потому, что ты хочешь оставаться беззаботным холостяком, тогда как другой холостяк наконец поумнел и решил связать себя узами брака...

– Ты, наверное, с детства такая умная и с язычком как бритва? – поддразнил Саймон.

– Нет, – ответила Элизабет. – На самом деле в детстве я была серой мышкой.

– Да ладно, кому ты рассказываешь! – не поверил Саймон.

– Не могу представить, чтобы такая симпатичная блондинка могла быть серой мышкой, – поддакнул Генри.

– Это правда. Я была очень робкая и застенчивая, много-много лет. Пожалуй, я немного осмелела в Килгаррете. Но только после ухода мамы из дома я перестала... перестала сливаться с обоями.

– Похоже, в каком-то смысле мы все должны быть рады, что она ушла, – сказал Саймон.

Генри нахмурился, посчитав, что друг заходит слишком далеко, но Элизабет, кажется, не возражала.

– Да, звучит странно, но я действительно считаю, что уход мамы из дома многим пошел на пользу. Даже отцу. Если бы она осталась, то они не стали бы счастливее, а скорее наоборот. Я даже предположить

не могла, что скажу такое вслух... Я так рыдала, когда мама ушла, думала, у меня глаза вместе со слезами вытекут... У меня все лицо болело от слез.

– Ох, Элизабет! Бедняжка моя! – Генри взял ее за руку. – Разве можно так обращаться с ребенком... бедная Элизабет...

Саймон тоже выглядел расстроенным.

Элизабет подивилась, что такого печального она сказала. Все чистая правда.

* * *

Этель Мюррей отправила священнику в Уотерфорд сто фунтов, чтобы он мог продолжать свое богоугодное дело. Она тепло его поблагодарила и сказала, что исцеление сына стало чудом. К ее огромному раздражению, священник вернул ей деньги и написал в письме:

Я знаю, что Вы хотели как лучше и проявили щедрость. Тем не менее я бы предпочел, чтобы Вы отдали эти деньги какому-нибудь благотворительному фонду в Вашем городе. Я не исцелил Вашего сына, да и сам не исцелился. Он всего лишь согласился перестать пить, если может. Пожалуйста, поймите, если он снова начнет пить, то не потому, что он такой плохой или ему на всех наплевать, а потому, что соблазн слишком велик и он не смог удержаться. Каждый день, просыпаясь утром, я боюсь, что могу напиться к вечеру.

Миссис Мюррей всерьез разобиделась и показала письмо Эшлинг.

– Лучше бы оставил деньги себе и поблагодарил вас. Слишком уж он честный! – заметила Эшлинг.

– Слишком уж он пессимистичный! Тони в полном порядке и теперь совершенно вылечился. Чудо, да и только! Эшлинг, должна тебе признаться, что в какой-то момент я думала, что он безнадежно увяз в алкоголе.

– Он и в самом деле увяз, – ответила Эшлинг, удивившись, что миссис Мюррей могла думать иначе.

– Ах нет, милочка, вовсе нет! Он уже больше шести месяцев не прикасается к выпивке. Разве это не доказательство, что он не страдает зависимостью? – торжествующе улыбнулась она.

* * *

Когда Тони перестал пить, маманя была очень довольна, но ничуть не удивлена.

– Детка, я ведь тебе говорила, что ты преувеличиваешь проблему. Теперь, когда у него есть красивый чистый дом и приличная жена, разве он не славный парень?

– Маманя, я не считаю, что красивый чистый дом имел хоть какое-то отношение к проблеме, но все равно большое тебе спасибо за то, что ты тогда помогла мне навести порядок.

– Я старалась для себя, а не для тебя. Думаешь, мне хотелось, чтобы Этель Мюррей рассказывала всему городу, что я вырастила недотепу?

– Тони вовсе не в восторге от поездки в Лондон. Он постоянно повторяет, что нет смысла идти на свадьбу, если нельзя выпить...

– Тогда почему бы тебе не поехать одной?

– Можно было бы и одной. Во многих отношениях я бы предпочла именно так и сделать, но, знаешь, тот священник сказал, что мне не следует выдергивать Тони из нормальной жизни. Нет смысла делать из него отшельника.

– Когда вы туда приедете, ему понравится, – с надеждой сказала маманя.

– Ему ничего не нравится. Он ничего не делает. Читатель из него никакой, он не будет спокойно сидеть в комнате и читать, как мы с тобой. Он даже газету не станет читать, как папаня. Просто сидит, уставившись перед собой.

– Ну ты-то с ним разговариваешь, я надеюсь? Не молча же вы сидите? – забеспокоилась Эйлин.

– Конечно, я разговариваю, хотя толку от моих разговоров никакого. Тони думает про Шея и остальных. Теперь в его жизни

полная пустота.

– С Божьей помощью, когда у вас появятся дети, все изменится. Если бы ты знала, как ребенок меняет мужчину! Я помню, много лет назад, в тысяча девятьсот двадцать третьем, когда родился Шон, твой отец носился с ним как ненормальный, таскал его на руках и играл с ним. Когда появилась ты и остальные, он уже по привычке, но все равно очень радовался. С Тони будет то же самое.

– Мама, я пыталась поговорить с тобой об этом, но ты всегда меняешь тему. Не будет никаких детей.

– Ну что ты говоришь такое! Миссис Мориарти была замужем десять лет, прежде чем...

– Мама! Я могу быть замужем сто десять лет – и все без толку.

– Говорю же тебе, никогда не знаешь... Можешь считать меня фанатично верующей, но Господь помнит про каждого из нас и знает, когда время пришло. Посмотри-ка, раз Тони бросил пить, то, возможно, Господь ждал, пока эта проблема разрешится...

– Мама, я тебя умоляю, не надо мне рассказывать про то, чего ждет Господь! Я жду, когда у нас с Тони начнется нормальная половая жизнь. Которой у нас нет.

– Боже мой, да что такое нормальная половая жизнь? Нынче чего только не пишут в книгах и журналах! В результате люди только думают лишнее: нормальная у меня или ненормальная? Да что называть нормальным-то?

– Мама, я полагаю, что половые сношения – это нормально, так ведь?

– Да, конечно, про то и речь!

– Не в моем случае.

– Возможно, сказалась пьянка, а потом отказ от нее...

– Мама, никогда, ни единого разу с тех пор, как мы поженились.

– Эшлинг, не может быть! Да что ты такое говоришь?

– Еще как может. Именно так оно и есть.

– Но почему же... ни разу... что? – (Эшлинг промолчала.) – Даже не знаю, что сказать, – растерялась мама.

– Никто не знает.

– Ты что, обсуждала это с кем-то?

– Нет. Тони на эту тему говорить не желает, а я не знаю, что делать. Однажды, давным-давно, я поделилась с Элизабет, но она не

стала вдаваться в подробности, а только сказала, что, возможно, все как-то само собой наладится.

– Конечно наладится! – Эйлин ухватила за соломинку. – Элизабет права, все будет хорошо. Ты же разумная девочка, не из тех, кто... ну... не из тех, кто поймет неправильно.

– Ты хочешь сказать, я не из тех, кто будет просто лежать и ждать? – озорно засмеялась Эшлинг.

– Да, именно так! – засмеялась в ответ Эйлин.

И тут на кухню зашел папаня:

– Как у вас тут весело! Над чем хохочете? Я бы тоже с удовольствием посмеялся, проведя целый день с твоим безмозглым братцем.

– Папаня, если бы ты знал, над чем мы смеемся, то тут же упал бы замертво, так что не скажу! – ответила Эшлинг. – Мама, мне пора домой. Можно я возьму пирога к чаю?

– Нельзя! Сама испеки.

– Ну, мама...

– Отрежь четвертинку. Эй, полегче, ничего себе четвертинка!

– Ты не представляешь, какой аппетит у человека, отказавшегося от спиртного.

– Эшлинг, иди уже домой.

– Да, мама, я пошла.

* * *

В самолете Эшлинг сидела между ними. Каждая воздушная яма и малейшее отклонение от курса пробивали ее, словно током: с одной стороны дрожал Донал, с другой – трясся Тони.

– Ничего страшного, – заверила стюардесса. – Просто небольшая турбулентность. Капитан говорит, что все закончится через несколько минут.

– Угу, – ответил Тони, – боюсь, через несколько минут закончимся мы...

Стюардесса улыбнулась:

– Все будет хорошо! Могу я вам что-нибудь принести? Что-нибудь из напитков?

– Нет, спасибо, – отказалась Эшлинг.

– Да, пожалуйста, можно мне большую порцию «Пауэрса»? – попросил Тони.

– Тони, нет, не надо! – взмолилась Эшлинг, но стюардесса уже ушла.

– Только на время полета. Боже правый, ну что ты как цербер? Мне нужно успокоить нервы, пока мы не приземлимся.

– Тони, пожалуйста, я дам тебе что угодно, аспирин, у меня есть снотворное, можешь выпить его с чашкой чая, пожалуйста, не надо...

– О Эш, заткнись уже, бога ради!..

Стюардесса принесла на подносе бутылочку и стакан воды и улыбнулась всем троим:

– Только один напиток? Больше никто ничего не хочет?

– Заберите, пожалуйста! – попросила Эшлинг. – Моему мужу нездоровится, ему не следует пить.

Озадаченная девушка переводила взгляд с мужа на жену и обратно, не понимая, что же ей делать, и в итоге посмотрела на Донала в поисках выхода. Донал смутился. Он знал, что Тони не пил в последнее время, и слышал, что выпивал раньше. Однако, в самом деле, Эшлинг так неподобающе ведет себя на людях... Надо же, заявила, что Тони нельзя пить!

– Эшлинг! – прошипел Донал. – Хватит устраивать сцены. Бога ради, дай Тони выпить! Не умрет же он с одной бутылочки!

Тони тут же схватил выпивку и заплатил за нее. Эшлинг промолчала. Всю дорогу она не сказала ни одному из них ни слова, даже когда Тони нажал на кнопку и попросил повторить.

Когда они проходили через таможню в Хитроу, Донал грустно сказал:

– Эшлинг, ты так и собираешься молчать? Хочешь испортить нам всем поездку?

– Вот именно! – поддакнул Тони.

– Я впервые за границей. Эшлинг, пожалуйста, перестань дуться, иначе все пойдет псу под хвост.

На глаза Эшлинг навернулись слезы.

– Я такая эгоистичная корова... Вы правы. Тони, извини, что устроила сцену в самолете. Мне и правда искренне жаль... – (Тони уставился на нее в изумлении.) – Нет, вы оба правы. Я плохо

поступила. Ты всего лишь хотел выпить, потому что мы были в самолете, и мне следовало быть помягче и тебе уступить. Извини, пожалуйста, инцидент исчерпан, верно?

– Да, конечно, – ответил Тони.

Донал успокоился:

– Ну вы и парочка, скажу я вам! Если ссоритесь, то очень мило миритесь.

Эшлинг чмокнула Тони в щеку.

– В доказательство, что мы помирились, – сказала она и решительно взялась за чемодан. – А теперь, где тут автобусная остановка? Нам нужно показать Лондон Доналу О’Коннору.

Тони и Донал последовали за Эшлинг, которая несла в одной руке чемоданчик, а в другой – завернутую в целлофан одежду на свадьбу: чесучовое платье и пальто изумительного сиреневого цвета. Все в магазине на Графтон-стрит сказали, что наряд выглядит потрясающе.

Эшлинг молилась про себя, чтобы Тони не выпил снова. «Господи, если Ты наблюдаешь за нами, как думает маманя, можешь ли Ты позаботиться о нас прямо сейчас? Мне кажется, нам очень нужно Твое внимание».

* * *

В газетах только и писали про Суэц – гораздо больше, чем дома. Донал сказал, что они явно относятся к вопросу со всей серьезностью.

– Как ты думаешь, они пошлют туда войска? – спросил он у Тони.

– Кто?

– Англичане. Британцы.

– Куда пошлют?

О боже, подумала Эшлинг, неужели опять? «Звучит знакомо до боли, и я уже знаю, куда оно ведет...»

* * *

Все уставились на двух девушек, которые бросились в объятия друг к другу через весь зал. Одна, в зеленом платье и с шикарной

рыжей гривой, вскочила из-за столика, за которым сидела; другая, бледная блондинка в черной водолазке и юбке-шотландке, оставила мужчину, с которым пришла. Девушки на мгновение обнялись, затем разжали объятия, с восторгом посмотрели друг на друга и снова обнялись.

И только тогда вспомнили про формальности.

– Эшлинг, это он, счастливчик, Генри Мейсон.

Генри оказался высоким и светловолосым. Он был одет в строгий темно-серый костюм со скромным симпатичным галстуком. В его взгляде читалась нервозность, а на лице словно пряталась улыбка.

– Генри! – воскликнула Эшлинг. – Какой ты красавчик! Лучше не бывает, я просто в восторге!

Спрятанная на лице Генри улыбка прорвалась на поверхность и выглядела счастливой. Казалось, ему совершенно нет дела до глазающих на них посетителей, смеющихся над слишком бурным приветствием Эшлинг, вполне в ирландском стиле.

– А вы, должно быть, Тони? – вежливо спросил Генри, глядя на стоящего рядом с Эшлинг мужчину.

– О нет, Тони пришлось отойти по делам, а это мой брат Донал. Донал, будь хорошим мальчиком, поприветствуй Генри, прежде чем бросишься на шею к своей любимой Элизабет.

– Рад познакомиться, сердечно вас поздравляю! – Донал пожал руку Генри, а затем, как и предложила Эшлинг, обхватил руками Элизабет. – Я так счастлив тебя видеть! Безумно счастлив! И раз уж ты не дождалась меня, чтобы стать моей женой, то я искренне рад, что ты выходишь за Генри.

Все растрогались и тут же почувствовали себя своими.

– Подождем Тони или закажем что-нибудь выпить? – спросил Генри.

– Давайте закажем, – беззаботно ответила Эшлинг. – Передвижения Тони Мюррея предсказать трудно.

Генри занялся обсуждением заказа с официантом, а потом Донал спросил у него, что он думает по поводу событий на Ближнем Востоке.

– Лично я считаю, что нам туда и близко соваться не стоит, – начал он.

Элизабет и Эшлинг удовлетворенно вздохнули: теперь у них есть возможность болтать часами, если захотят.

– Ты должна рассказать, что от меня ожидается на вашей языческой церемонии завтра. Мне нужно будет отказаться от Бога или еще что-то?

– Эшлинг, где Тони?

– Бухает. Понятия не имею где. Да и черт с ним! Лучше скажи, что от меня потребуются? Мне нужно будет отвечать на вопросы? Я буду свидетельницей на безбожной свадьбе, с ума сойти!

– Эшлинг, перестань называть ее языческой и безбожной. Все приглашенные считают себя христианами... в некотором роде... Послушай, насчет Тони, ты не думаешь, что нам следует...

– Я скажу тебе про Тони, если после этого мы про него больше не будем вспоминать. Когда мы пришли сюда около пяти часов, он сказал, что ему нужно выйти по делам. Какие еще дела, что за бред? Тогда я разрешила ему взять с собой десять фунтов. Он волен потратить их полностью, но в любом случае потери ограничатся десятью фунтами...

– А он что? – в ужасе спросила Элизабет.

– Он ответил, что я недалекая, низкая и мнительная, что никогда никому не верю, всегда вижу в нем только плохое и никогда хорошее. Он намеренно достал все свои деньги и отдал их мне, кроме, как он сказал, десятки, но я-то видела, что на самом деле там две десятки. Потом он поклонился и спросил: «Разрешите идти, госпожа майор?» – и ушел. Это случилось сразу после пяти, сейчас уже восемь, от него до сих пор ни слуху ни духу. И можно даже не ждать. В лучшем случае он вернется после закрытия пабов, пьяным в стельку. В худшем случае – завтра утром, пьяным вдрызг. Но к твоей свадьбе я приведу его в чувство. А теперь, пожалуйста, можно мы забудем про него и поговорим про завтрашний день? Кто придет на церемонию?

Элизабет посмотрела на Генри, который с жаром объяснял, почему он голосует за лейбористов и почему Гейтскелл прав, а Иден – нет.

– Но ты же белый воротничок! Я думал, ты за консерваторов? – удивился Донал.

Элизабет ласково улыбнулась им обоим:

– Ладно, я составлю список...

Времени не хватало ни на что, но было вполне разумно отправить Элизабет домой немного поспать.

– Передай Тони, что мне очень жаль, что мы с ним не повидались сегодня, но мы с нетерпением ждем встречи завтра, – учтиво сказал Генри.

– Разумеется!

Они распрощались в холле.

* * *

– Пойдем прогуляемся в Сохо, я покажу тебе значные места, – предложила Эшлинг.

– Разве ты не устала? – спросил Донал.

– Я все равно не усну.

– А если Тони вернется?

– Пусть себе возвращается.

Они бродили по ярко освещенным улицам в многоязычной толпе, проходя мимо молодых мужчин, стоявших на лестницах, которые вели вниз, в стрип-бары. В открытых допоздна книжных магазинах, в дальнем углу, прятались отделы с непристойными книжками.

– Откуда ты все это знаешь? – Донал вытаращил глаза в изумлении.

– Много-много лет назад, когда я была гораздо моложе тебя, я приходила сюда с Элизабет и ее парнем, с которым она тогда встречалась, его звали Джонни. Вот он нам и рассказал. Мы ему не верили, но оказалось, что все так и есть.

– А что случилось с Джонни потом?

– Они все еще друзья с Элизабет, завтра ты с ним познакомишься.

* * *

Тони вернулся в час ночи, и портье помог ему подняться в номер.

– Боюсь, за такси еще нужно доплатить один фунт, – извиняющимся тоном сказал портье.

– Спасибо большое, – с ледяным спокойствием ответила Эшлинг. – Пожалуйста, передайте водителю двадцать пять шиллингов

и оставьте себе десять, чтобы пропустить завтра пару кружечек. Огромное спасибо, что помогли моему мужу добраться до номера.

– Вам спасибо, миссис! – Портье очень обрадовался, что обошлось без неловких сцен. – Давайте помогу вам уложить его в кровать.

Эшлинг охотно согласилась, потом сняла с Тони один башмак, пока портье снимал другой.

– Попробуем его раздеть? – неуверенно предложил он.

– Нет, благодарю, у него есть чистый костюм в шкафу.

– Да вы просто железная леди! – восхитился портье.

* * *

Эшлинг встала рано утром, сходила в аптеку и купила ополаскиватель для рта, бутылочку глазных примочек, лосьон с гаммелисом и вату. Заказала в номер кофейник черного кофе, потом позвонила из холла гостиницы Элизабет и пожелала ей удачи. В номер она вернулась как раз в тот момент, когда принесли кофе, и забрала его у официанта, прежде чем тот смог заметить мужчину, лежащего в кровати в пиджаке, рубашке и галстук. Набрала в ванну теплой воды и устало стянула одеяло с Тони.

– Подъем! – скомандовала она.

– Что? Что такое?

– Подъем, говорю! Можешь напиться вдрызг после свадьбы, мне наплевать, но на свадьбе ты должен выглядеть прилично. Вставай!

Тони попытался подняться. Голова раскалывалась, и он с трудом сглотнул.

– Что... что случилось?

– Ты ушел в пять часов по каким-то делам, дела заняли больше времени, чем ты рассчитывал. Похоже, они также обошлись тебе в двадцать фунтов плюс фунт на такси из Килберна, где дела, видимо, и закончились.

Эшлинг взяла его за ноги, все еще в носках, и свесила их на пол.

– Эш, хватит, дай мне отдохнуть!

– Нет, не дам! Сейчас же вставай и иди в ванную, раздевайся и бросай мне вещи по одной.

Тони так и сделал, двигаясь медленно, словно заводная игрушка. Когда он разделся догола и влез в ванну, Эшлинг подала ему первую чашку кофе и продолжала давать, хотя он поперхнулся и сказал, что больше не может. Эшлинг сидела рядом с ванной, пока он кое-как пытался помыться, затем подложила ему полотенце под голову и велела лечь на него.

– Что ты собираешься делать? – испуганно спросил Тони.

– Привести в порядок твои глаза, – ответила она и принялась похлопывать вокруг глаз, мазать кожу лосьоном и протирать веки, а Тони расслабленно лежал в воде и почти засыпал.

Затем она смочила вату холодной водой, и через полчаса припухлость заметно спала, а цвет кожи выровнялся.

– Эш, мне совсем хреново! – заскулил Тони. – Только в эти выходные, а когда вернемся домой, клянусь, ни капли... Дай мне пропустить пару рюмочек, чтобы прийти в себя, ладно?

– Да сколько угодно. Только после свадьбы.

Она помогла ему одеться, передавая вещи по одной, затем обмахнула его костюм гостиничной щеткой.

– Какая жалость, что ты такой красавчик!

– Эш, хватит дурачиться, тебе пора самой одеваться.

– Я не дурачусь, а говорю правду. Ты весьма привлекательный, а теперь, когда похудел, стал еще лучше. Просто сногсшибательно выглядишь! Это не лесть, я действительно так думаю.

– Я еле жив и не в настроении ломать комедию.

– Смешно, но я тоже. Не знаю почему, но от тебя все еще несет алкоголем, хотя он должен бы уже выветриться. На-ка выпей.

– Ради бога...

– Пей!

Эшлинг пошла в ванную, чтобы умыться, и услышала, как Тони отчаянно пытается открыть дверь в спальню.

– О черт, дверь заклинило! – донеслось до Эшлинг.

– Нет, Тони, милый, не заклинило, я ее заперла, – ответила она из ванной, нанося на себя дорожную пудру, купленную в аптеке вместе с лекарствами, – хотя бы настроение чуть приподнимет.

В такси по дороге на свадьбу Донал удивился, насколько спокойно они себя вели. На месте Эшлинг он бы дико злился, что вчера вечером

Тони пропал. Иногда Эшлинг такая странная, сидит себе и вполне дружелюбно смеется!

– Итак, давай договоримся. После регистрации можешь выпить три бокала чего угодно, а когда мы распрощаемся, то ты сам по себе. При условии, что ты удалишься от места банкета на несколько миль, можешь делать что угодно и сколько угодно.

– Почему я должен уйти с банкета? Потому что твоя левая пятка так захотела?

– Нет, потому что мы так договорились. Можешь упиться в зюю, как прошлой ночью, можешь пускать слюни и нассать в штаны, как ты опять же сделал прошлой ночью, но только не при друзьях Элизабет.

– Господи Иисусе, ты погляди, какая командирша!

– Отлично, значит договорились! Донал, мы почти приехали. Вон Вестминстер. Мы потом сюда вернемся посмотреть. Может быть, завтра или в понедельник. А вот и Биг-Бен, теперь мы знаем точное время. Без пятнадцати одиннадцать, мы как раз вовремя.

Они вышли у Кэкстон-холла^[33], и туристы, собравшиеся поглазеть на свадьбу, встрепенулись, увидев невероятно элегантную рыжеволосую Эшлинг, одетую в сиреневое пальто и сиреневую с белым шляпку.

– Какая-нибудь кинозвезда женится? – спросила женщина, потянув Эшлинг за рукав.

– Боюсь, что нет. Адвокат женится на преподавательнице рисования.

На лице женщины появилась гримаса разочарования.

– Не уходите, свадьба все равно будет шикарная, – добавила Эшлинг.

– Хорошо, – согласилась довольная женщина.

* * *

Отец оделся со вкусом и прикрепил к петлице бутоньерку, которую вчера принес ему Генри.

– Ты уверена, что меня не попросят произнести речь? – спросил он.

– Нет, папа, я тебе уже сто раз сказала. Произносить речь будет Саймон, и больше никто. Генри может сказать несколько слов, выразить тебе благодарность за банкет и за согласие выдать меня за него замуж.

– Но ведь ты сама оплатила банкет...

– Да, папа, но какая разница? В любом случае ты меня тут кормил-поил, дал мне образование и все остальное, так что в каком-то смысле все сэкономленные мной деньги получены благодаря тебе, и в каком-то смысле все равно именно ты платишь за банкет, верно?

– Звучит логично, – неуверенно согласился отец.

– Конечно логично! – Она поправила ему галстук. – Как я выгляжу? Думаешь, все в порядке?

Он отступил назад и одобрительно оглядел дочь снизу доверху:

– Да, милая, ты выглядишь... – Он задумался над выбором слова: очаровательно, прекрасно или мило? Что он говорил матери Элизабет, когда она наряжалась? – Ты выглядишь очень... прилично, – со смешком сказал он, чтобы показать, что пошутил.

Элизабет осмотрела прихожую и увидела свое отражение в маленьком зеркале: шерстяное платье и жакет кремового цвета, большая орхидея, приколотая к отвороту. Она отогнула поля шляпки вперед и закрепила волосы четырьмя шпильками, чтобы защитить прическу от ветра. Шпильки она уберет, когда они приедут на место. Локоны должны красиво развеяться, а не торчать во все стороны, поэтому она побрызгала их лаком.

Генри и Саймон встретят их в Кэкстон-холле. Так будет более официально, чем приезжать вместе. А еще Элизабет хотела в последний раз проехаться с отцом, чтобы дать ему понять, что он занимает в ее жизни особое место. Он ни слова не сказал по поводу приглашения на свадьбу Гарри, поэтому поездка с ним наедине должна была показать ее отношение к нему. Элизабет напоследок осмотрела себя в зеркале и бросила прощальный взгляд на дом. За прожитые здесь двадцать лет она почти ничего не привнесла сюда от себя лично. Этот дом всегда принадлежал отцу. Она надеялась, что с квартирой в Баттерси будет по-другому. Они с Генри уже купили мебель, ковры и разные безделушки. Вся ее одежда висела в купленном ими старомодном платяном шкафу, и Генри тоже уже перевез свои вещи. Сегодня он официально съезжал со своей холостяцкой квартиры.

Они суеверно решили не проводить ночь на новом месте, пока не поженятся, согласившись, что в таком случае свадьба покажется более значимым событием, и посмеялись над собой и друг над другом за такую глупость.

Меньше чем через час она станет миссис Генри Мейсон. Интересно, все ли невесты чувствуют себя в последний момент словно во сне? Элизабет подумала про Генри, нетерпеливо ждущего и предвкушающего, и счастливо улыбнулась. После стольких лет одиночества в родительском доме, после всех огорчений и неопределенностей она наконец-то будет вознаграждена. Она выходит замуж за воплощенную добродетель – так тетушка Эйлин называла высоко нравственных людей. Как жаль, что она не смогла приехать, а Элизабет забыла даже спросить, что с ней такое. Вчера у них с Эшлинг нашлось слишком много других тем для разговоров. Эшлинг невероятно стойкая во всех отношениях. Большинство женщин упали бы в обморок, если бы их муж ударился в загул и исчез в незнакомом городе, а Эшлинг и бровью не повела.

– Милая, я думаю, нам пора... Такси ждет уже пять минут.

Отец ненавидел зря тратить деньги, хотя за такси заплатил Генри.

– Да, конечно, пойдем, выдадим меня замуж и снимем с тебя ответственность за меня.

– Ты никогда не доставляла нам никаких хлопот. У нас с твоей матерью никогда не было с тобой проблем. Никогда! – произнес отец, повернувшись к ней спиной и запирая дверь на два замка.

Пожалуй, впервые в жизни он сделал ей комплимент. Элизабет не смогла ему ответить, побоявшись расплакаться, да и соседи через дорогу, обычно чопорные и благопристойные Кентоны, махали изо всех сил. Вместе с остальными соседями они пришли проводить Элизабет. Она в восторге помахала им в ответ, отец улыбнулся, и они сели в такси и отправились выдавать ее замуж.

* * *

Церемония оказалась гораздо более приятной и похожей на настоящую свадьбу, чем ожидала Эшлинг. Монахини рассказывали, что бракосочетание в бюро регистрации – это простая формальность,

проводимая чиновником или юристом, и что его изобрели, так как британцы отвернулись от всех религий, включая собственную.

Однако выглядело все довольно торжественно, и регистратор вел себя почти как священник, когда спрашивал новобрачных, берут ли они друг друга в законные супруги, так что регистрация вовсе не сводилась к невнятному бормотанию и записям в журнале, как представлялось Эшлинг.

Саймон, симпатичный дружок жениха, совершенно очаровал ее. Он тоже умел цветисто говорить, хотя в другом стиле, чем Джонни, засыпал ее комплиментами и сказал, что ее прелесть невозможно выразить словами, хотя, надо признать, он отчаянно пытался. Эшлинг нашла его весьма забавным.

– Вы очень обходительны и элегантны, – сказала она. – Вы уже познакомились с моим мужем Тони Мюрреем?

– Хотел бы я, чтобы вы познакомились с Тони Мюрреем уже после того, как встретили меня! – с преувеличенной галантностью ответил он, поклонился и пожал руку Тони, который выглядел ужасно бледным и явно был не в состоянии совладать с подобной витиеватостью в такую рань.

Церемония очень быстро закончилась, и они вышли на улицу, где Стефан, Гарри и Джонни осыпали их конфетти и где уже ждала своей очереди следующая пара брачующихся.

Генри улыбался от уха до уха. Донал без устали щелкал фотоаппаратом. Эшлинг восхитилась, какой красоткой выглядела Элизабет, которая всегда казалась ей нежной, бледной блондинкой в пастельных оттенках, но сегодня стала яркой, несмотря на светлое платье: волевое лицо, сочная помада на губах, темно-фиолетовая орхидея на отвороте, сияющие глаза, и даже волосы спадали упругой волной, а не жидкими прядками. Слава тебе, господи, для Элизабет праздник удался! После всего того кошмара, который она пережила. Кто бы мог себе представить подобный день, когда и отец, и отчим ее поздравляют и даже Джонни Стоун, похоже, рад за нее! Если кто и заслуживает великолепной свадьбы, то это Элизабет.

Миссис Нобл, в блузке с воротником-стойкой и с приколотой к ней камеей, ждала их в ресторане. Она практически стала неофициальной хозяйкой дома, мгновенно выделила среди всех Гарри и Джонни, сделав их своими помощниками во всех делах.

– Мистер Элтон, могу я вас попросить отвести ту группку возле дверей поглубже в зал, а то они как-то выпадают из общего круга...

Гарри, словно получивший команду терьер, тут же отправился выполнять задание.

– Добрый день! Позвольте представиться, я Гарри Элтон, со стороны невесты...

Джин и Дерек всегда чувствовали себя не в своей тарелке на всяких торжествах и пришли в восторг от Гарри. Он представил их Стефану и Анне и удалился только после того, как они вчетвером углубились в разговор про складные ширмы от сквозняков.

Миссис Нобл четко держала ситуацию под контролем:

– Мистер Стоун, не могли бы вы попросить официантку с вином подойти вон к тому грустному джентльмену?

– Это отец невесты, его невозможно развеселить, – объяснил Джонни.

– О господи, понятно! – Миссис Нобл забеспокоилась, что сказала явно не то.

– Он вдовец. Если вы свободны, то, я думаю, вы могли бы попробовать поднять ему настроение, – подмигнул ей Джонни.

– Что вы такое говорите, мистер Стоун! – смутилась довольная миссис Нобл, поправляя волосы.

Впрочем, Джонни уловил суть дела. Отец Элизабет и правда выглядел как-то понуро. Джонни подошел к нему и наполнил его бокал.

– Элизабет просто прелестна сегодня, – сказал он.

– Да-да.

– Прием получился прекрасный, очень щедро с вашей стороны, мистер Уайт.

– Да, впрочем, не напрямую.

Джонни в отчаянии огляделся, раздумывая, кого бы еще вовлечь в разговор. Рядом оказался Тони Мюррей. Джонни и ему налил. У Эшлинг вполне себе симпатичный муж.

– Мистер Уайт, вы знакомы с мужем Эшлинг О’Коннор? – спросил Джонни.

Они уже познакомились и явно не нашли общих тем для разговора. Джонни не сдавался и снова подлил в бокал Тони.

Увидев, что миссис Нобл в дальнем конце зала выставляет на столы еду, Джонни вздохнул с облегчением и повел их обоих туда. Тони Мюррей сказал, что ему нужно сходить вниз, чтобы позвонить. Этот красавчик какой-то слишком уж нервный, подумал Джонни.

Эшлинг записала адрес Гарри и пообещала навестить его в Престоне. Она с изумлением обнаружила, что весело хохочет с тем самым ужасным мистером Элтоном, который забрал маму Элизабет. В конце концов она набралась смелости и призналась ему.

– Я знаю, – серьезно ответил Гарри. – Полагаю, Элизабет иногда и сама так чувствует. Мы с ней хорошие друзья, но мне кажется, временами она задумывается об этом.

– Нет, – возразила Эшлинг. – Она всегда говорит про вас с большой любовью.

– Неужели? Приятно слышать. Она такая славная девочка! Я отношусь к ней как к собственной дочери. Кстати, она всегда с большой теплотой вспоминает время, проведенное в вашей семье. Говорит, что те годы стали лучшим временем в ее жизни.

– Мы с вами обменялись любезностями, – ответила Эшлинг, оглядываясь в поисках Тони, но, не увидев его нигде, решила, что он в той группе, которая направилась к закускам. – Элизабет очень счастлива сегодня, она в восторге от Генри и от свадьбы.

– Да, – кивнул Гарри, но с заметно меньшим энтузиазмом. – Да, я надеюсь, она сделала правильный выбор. Во всяком случае, она так считает. Я всегда думал, что она выйдет замуж за Джонни Стоуна.

– Ну, у них обоих было достаточно времени, чтобы рассмотреть такой вариант, но в конце концов у них не сложилось, верно?

Гарри засмеялся и решил, что Эшлинг – отличная девчонка и к тому же красавица.

– Да, но, понимаешь, Элизабет – дочь своей матери, в ней постоянно проглядывают черты Вайолет. Я надеюсь, этот парень сумеет дать ей все, чего она хочет.

– А если нет, то будем надеяться, что история ее матери не повторится с ней и мы не увидим другого злодейского мистера Элтона, который в будущем ее увезет.

Они подошли к столу, и Эшлинг заметила, что Донал оживленно беседует с привлекательной блондинкой, и с облегчением обнаружила входящего в зал Тони, – должно быть, он выходил в туалет. Теперь Тони выглядел лучше, менее бледным и болезненным.

* * *

Миссис Нобл обладала способностью шептать, не раскрывая рта:

– Мистер Элтон, не думаете ли вы, что следует наказать официантке не давать больше вина тому плотному, хорошо сложенному господину возле дверей? Кажется, он ирландец.

– Спасибо, – ответил Гарри, – я прослежу, чтобы она ему больше не наливала.

– Мистер Стоун, – чуть позже обратилась к Джонни миссис Нобл, – как раз перед началом торжественных речей я бы хотела обратить ваше внимание на того темноволосого ирландца.

– А, магнат! – улыбнулся Джонни.

– Я бы предпочла ничего не говорить мисс Уайт, или теперь уже миссис Мейсон, однако, похоже, у него в заднем кармане лежит бутылочка чего-то крепкого. Возможно, это не имеет значения, но я подумала, что вам следует знать.

Джонни понаблюдал за Тони Мюрреем, стоя у него за спиной, и увидел, как тот дважды долил водки в бокал с белым вином, прежде чем отослать официантку. Тони виртуозно скрывал свои действия: в одной руке он держал уже открытую бутылочку, где оставалось около трети содержимого, быстро наливал из нее в стоявший на столе бокал и тут же прятал водку, при этом он с невинным видом смотрел прямо перед собой и затягивался сигаретой в другой руке или притворялся, что машет кому-то.

* * *

Эшлинг решила, что лучше всего Саймона можно описать словами «вежливый, многословный, цветистый и изысканный». Он не сказал ничего конкретного ни про Элизабет, ни про Генри. Его речь сплошь состояла из шуток-прибауток, но говорил он хорошо, и всем понравилось.

Разрезали торт, принесли шампанское, настало время тостов.

– Разве вы ничего не скажете? – спросила Эшлинг у отца Элизабет.

– О господи, нет-нет! Она пообещала, что мне не придется, – забеспокоился он.

– Да перестаньте! Она с радостью услышит от вас несколько слов. Всего пара слов будет очень много для нее значить.

– Я не думаю... – смутился он.

– Просто скажите, что она прекрасная дочь и станет замечательной женой, что сегодня счастливый день и вы рады, что все отлично проводят время.

– Только и всего?

– Конечно! Давайте убейте их наповал, пусть у всех челюсти отвалятся!

Отец откашлялся. Элизабет испуганно посмотрела на него. Все шло как по маслу, неужели отец собирается вытворить что-нибудь нелепое, например заявить, что банкет окончен? Там еще пять бутылок шампанского осталось...

– Должен признаться, что не умею говорить красиво, но не могу не выразить вам всем свою благодарность за то, что вы к нам пришли, и я надеюсь, вам понравился банкет... – В ответ послышались одобрительные возгласы. – А больше всего я хотел сказать, что искренне рад за свою дочь Элизабет, которая вышла замуж за такого великолепного молодого человека, как Генри Мейсон. Я уверен, он сделает ее счастливой, и могу ему сказать, что если в роли жены она будет так же хороша, как в роли дочери, то ему сильно повезло. Спасибо за внимание!

На фоне цветистых и сложных излияний Саймона речь отца выглядела настолько простой и прямолинейной, что все растрогались и снова подняли бокалы за невесту. Элизабет упорно не сводила глаз со скатерти, стараясь сдержать слезы. Надо же, бедный отец набрался храбрости выступить с речью! Должно быть, ему пришлось долго

тренироваться. Кто бы мог подумать, что он способен сказать самые правильные слова?

* * *

Гарри попросил у миссис Нобл разрешения сыграть на пианино, и она с удовольствием согласилась. Элизабет даже не заметила, как Гарри сел на табурет и грянул поздравительную «For They Are Jolly Good Fellows», и к нему присоединились все присутствующие, включая отца. Гарри оказался в своей стихии и перешел к «On Ilkley Moor Baht 'at», затем под одобрительные возгласы с просьбами продолжить начал «My Old Man Said Follow The Van». Специально для гостей из Ирландии Гарри сыграл «It's A Long Way To Tipperary», после чего перешел к «Pack up Your Troubles In Your Old Kit Bag».

– Еще ирландскую песню! – крикнул Стефан. – Лучшие песни у ирландцев!

– Я спою! – сказал Тони.

– О боже! – Эшлинг огляделась в поисках кого-нибудь, кто мог бы ей помочь, и увидела Джонни поблизости.

– Он не умеет петь, останови его! – в отчаянии взмолилась она.

– Вы знаете песню «Kevin Barry»? – спросил Тони.

– Нет, – дружелюбно ответил Гарри, – но вы начинайте, а я подыграю.

– В понедельник рано утром
В Маунтджойской той тюрьме
Кевин Барри за свободу
Отдал жизнь свою в петле... [\[34\]](#)

– Джонни, пожалуйста! – взмолилась Эшлинг.

– Как насчет песни, которую знают все? – во всеуслышание предложил Джонни.

– Нет уж, дай мне закончить! – ответил Тони.

– Пусть закончит, – согласился Саймон. – Нельзя же прерывать человека на полуслове.

– Перед тем как его бросить
В руки злобным палачам,
В камере пытали Барри,
Но упорно он молчал.

«Назови своих... Назови своих...» – Тони раздраженно огляделся. – Что там дальше? Ну же, кто знает?

Никто не откликнулся.

– Назови своих... кого-то... И еще скажи чего-то... Жить захочешь – нам расскажешь!.. Кевин Барри сказал: «Нет!»

– Эш, ты ведь знаешь эту песню! Давай подпевай!

– Я не помню слова, но думаю, что ты пропустил куплет, – с другого конца зала ответила Эшлинг. – В любом случае она не годится для свадьбы! Тюрьма, повешенные... Лучше спой что-нибудь более веселое, и мы все тебе подпоем.

– Нет, мы непременно должны закончить! – уперся Тони. – Вот еще куплет:

Кто как Барри, те не трусы,
Не бегут прочь от врагов.
Кто как Барри, те прогонят
Саксов с наших берегов.

Здесь Гарри сыграл крещендо, чтобы показать, что песня закончилась, и Джонни захлопал, его поддержала парочка гостей, а потом присоединились все остальные.

Тони явно не собирался останавливаться, но Гарри был громче:

– Итак, мы спели ирландскую песню, кто теперь на очереди? Есть кто-нибудь из Уэльса? Давайте, смелее! Или, может, шотландцы?

Он изо всех сил ударил по клавишам и запел «I belong to Glasgow», а миссис Нобл велела срочно налить гостям оставшееся шампанское.

– Выведи его отсюда, пусть Джонни Стоун тебе поможет, – велела Эшлинг Доналу.

– Эшлинг, я не знаю...

– Я сказала, выведи! Если хочешь помочь, то убери его отсюда.

Она наблюдала, как Донал переговорил с Джонни, а потом они вместе подошли к Тони. Тони снова показывал на пианино, Джонни поднял руку, изображая зажатый в ней стакан, – предлагал Тони выпить. Тони махнул в сторону разливаемого шампанского. Джонни отрицательно покачал головой и кивнул в сторону лестницы. Миссис Нобл присоединилась к ним. Что бы они там ни наговорили Тони, он покорно последовал за ними.

Гарри, играющий роль конферансье, объявил, что ему сообщили о скором уходе молодоженов, и предложил дружно спеть «My Dear Old Dutch». Он приобнял Элизабет за плечи, она ему улыбнулась, Стефан потрепал Анну по руке, и все принялись подпевать, потому что Гарри постоянно осматривался вокруг и заглядывал в глаза тем, кто молчал.

Донал взял Эшлинг под руку, и они подхватили вместе, когда Гарри запел:

– Мы вместе прожили уже сорок лет,
Но разве же это срок?

Эшлинг посмотрела на дверь. Там стояли миссис Нобл и Джонни, которые тоже подтягивали. Тони нигде не видно. Гости стали выкрикивать прощальные пожелания. Элизабет подошла к Эшлинг и обняла ее:

– Огромное спасибо, что вы приехали. Без тебя и свадьба не свадьба!

– Помнится, я сказала тебе то же самое в Килгаррете. Ох, Элизабет, прости, прости, пожалуйста!

– За что? – Судя по выражению лица, Элизабет понятия не имела, за что извинялась Эшлинг.

– За Тони. Мне очень жаль, я не представляю, как он ухитрился напиться, я же с него глаз не сводила. Прости, что он так вылез и сам опозорился, и нас всех опозорил...

– До свидания, Эшлинг! – вмешался Генри. – До свидания, и спасибо за то, что стала нашей свидетельницей. Здорово, что вы так издалека приехали!

– Спасибо, Генри. – Эшлинг провела пальцами по брошке с жемчужиной, которую ей подарил Генри. – Она такая красивая, я навсегда запомню этот день.

– Кстати, попрощайся за меня с Тони, я нигде его не нашел.

– Я только и делаю, что прощаюсь с Тони от имени других людей. Возможно, мне уже и самой пора с ним попрощаться...

Они спустились по лестнице счастливой гурьбой и столпились вокруг машины. Элизабет чмокнула отца в щеку. Гарри она уже обняла на лестнице. Затем каждый ее поцеловал.

– Ты самая красивая женщина из всех, кого я встречал. Я всегда это повторял, и так оно и есть. Будь счастлива! – сказал ей Джонни, когда очередь дошла до него.

* * *

Миссис Нобл увидела, как Тони под руки с двумя мужчинами выходит из бара, в который она его отправила. Она перекрыла ему путь, сыграв изумление:

– О мистер Мюррей! Не ожидала вас здесь увидеть!

За ее спиной послышалось урчание мотора такси.

– Откуда вы знаете, кто я? – подозрительно пробурчал Тони, который смутно чувствовал, что ему мешают сделать нечто желаемое, но никак не мог понять, что именно.

– Приятель, давай вернемся обратно в паб, – предложили двое мужчин, которых он тащил с собой. – Он скоро закроется!

– Да, мы тогда все соберемся, скоро все подойдет, – сказала миссис Нобл.

– Отлично! – согласился Тони, и они вернулись в паб как раз в тот момент, когда такси тронулось под прощальные возгласы провожающих и гости стали расходиться.

Миссис Нобл отвела Эшлинг в сторону:

– Я подумала, мадам, что если вам интересно, то он сейчас вон в том заведении через дорогу.

– Что бы я без вас делала! – ответила Эшлинг. – Вообще-то, мне наплевать, где он. Я собираюсь отвести брата в кино. Но все равно спасибо за то, что предупредили, и за то, что отвели его туда.

– Да не за что. Ваш муж тот еще живчик...

– О, не то слово! – согласилась Эшлинг. – А что вы будете делать, когда паб закроется и он попробует вернуться в ваш ресторан?

– Скажу ему, что все уже ушли, и отправлю... Куда бы вы хотели, чтобы я отправила его?

– Я бы сказала, что напрямиком на дно Темзы, но это, пожалуй, слишком. Отправляйте куда хотите. Он знает, в каком отеле мы остановились, так что в конце концов вернется туда.

* * *

– Эшлинг, бедняжка, тебе, должно быть, нелегко пришлось сегодня... Да и Элизабет ты в последний раз видела на своей свадьбе, – сказал Донал, когда они собрались уходить.

– Так и есть.

– Тебе, наверное, очень грустно... Твоя свадьба удалась на славу, а тут такой кошмар случился...

– Честно говоря, Донал, моя свадьба для меня тоже оказалась кошмаром, но это долгая история, не будем углубляться в нее сейчас, – улыбнулась Эшлинг, и в ответ на бледном, встревоженном лице брата появилось подобие улыбки.

Они отправились покупать вечернюю газету, чтобы выбрать, на какой фильм пойти.

Глава 17

Донал всем рассказывал, что в тот самый день, когда они вернулись домой из Лондона, британцы начали войну за Суэцкий канал.

– Тоже мне война! – фыркнул Имон. – Можно подумать, тебя самого на фронт послали!.. Мама, прости, – добавил он, увидев выражение лица Эйлин.

– Вот мне интересно, когда я умру и меня не станет, хоть кто-нибудь из вас вспомнит о старшем брате? – спросила она.

– Мама, ну конечно!

– Лучше про свадьбу расскажи!

Ниам приехала домой на выходные и чувствовала себя обиженной, потому что Элизабет не прислала ей приглашение.

В некоторых отношениях Элизабет такая чопорная англичанка. Надо же, придумала, что поездка на свадьбу может помешать учебе!

– Я вам уже рассказал. Все точно так же, как на венчании, только без алтаря и музыки, а еще регистратор вместо священника. Ну и все на английском, разумеется, как всегда у протестантов.

– Нет, расскажи, что случилось потом.

Эйлин вздохнула:

– Донал, покажи ей фотографии. Он сделал такие милые снимки, а в аптеке их напечатали по себестоимости. Донал отправит их Элизабет, как она сделала на свадьбе Эшлинг.

– Боже, у Элизабет такой маленький отец! – воскликнула Ниам.

– Это не отец, это Гарри.

– Неужели муж? – изумилась Ниам.

– Нет, отчим.

– О господи, наверное, было очень неловко приглашать их обоих! Там никаких скандалов не случилось?

Донал на секунду задумался.

– Нет, никаких скандалов не случилось.

Через неделю после возвращения из Лондона Эшлинг зашла к миссис Мюррей:

– Дорогая свекровь, я думаю, вам стоит снова обратиться к тому священнику в Уотерфорде, потому что ваш сынуля совсем с катушек слетел.

– Эшлинг, я бы предпочла менее легкомысленный тон для подобного разговора. Мы знаем, что Тони не виноват, священник все объяснил в письме. Постарайся быть менее... то есть давай обойдемся без шуточек на эту тему.

– Я думаю, на эту тему только шуточками и можно разговаривать. А что еще мне остается делать – сидеть и рыдать?

– Нет, но если бы ты попробовала с ним поговорить...

– Я пробовала. Я пытаюсь до него достучаться утром, днем и вечером. Я сходила к Шею Фергюсону и сказала, что на самом деле Тони предпочел бы бросить пить и, возможно, Шею следовало бы ему помочь, а не подбивать его на выпивку. Шей засмеялся и ответил, что Тони, как все мужчины, любит пропустить кружечку и какая жалость, что жена его совсем затюкала.

– Ох! – вздохнула миссис Мюррей. – Я не знаю, что делать, ничего в голову не приходит. Может, останешься и пообедаешь со мной?

– Нет, спасибо, я возвращаюсь в лавку. Я выбежала ненадолго, чтобы вы узнали новости от меня, а не от кого-нибудь еще. Он всего два раза появился на работе, и то только для того, чтобы взять наличные. Старый хмырь Мид не только расстроен, но и зол как черт.

– Ясно... Что же, спасибо, Эшлинг. Будем надеяться, что он образумится. Все так же плохо, как... до того?

– Хуже, свекровь, еще хуже. Вчера, когда я принесла ему ужин, он бросил одну тарелку на пол, а вторую швырнул в меня. Какой милый новый поворот!

– Эшлинг, как ты можешь говорить про это в таком тоне?

– А в каком еще тоне я должна говорить? Мне что, пойти пострадать во искупление грехов всех грешников? Такими темпами, как сейчас, я вытащу столько душ из чистилища, что придется его закрыть за ненадобностью...

Эйлин объявила, что поедет в Дублин на денек-другой. У нее накопилось много дел, а потому лучше там и переночевать одну или даже две ночи. Надо купить материал для штор, и нет смысла платить, пока не увидишь готовый продукт; ей нужно новое зимнее пальто, а также стоит заранее сделать покупки на Рождество, а еще подстричься в хорошей парикмахерской, где ей сделали прическу для свадьбы Эшлинг.

Ниам предложила матери остановиться у нее:

– Мама, квартира, конечно, не шикарная, да и не особо аккуратная на твой вкус, зато невероятно удачно расположена: нужно всего лишь пройти по Бэггот-стрит, через Сент-Стивенс-Грин – и вот ты уже на Графтон-стрит...

– Нет-нет, спасибо, детка! Ты там с друзьями, куда ж еще мне втискиваться. Я поеду к Гретте в Дун-Лэаре. Будет неплохо с ней повидаться.

– Давай я поеду в Дублин с тобой? – предложила Эшлинг.

– И мы обе бросим лавку на целый день? Ты головой подумала?

* * *

Эшлинг заметила, что удобные бухгалтерские книги, которые она внедрила в использование в лавке, подходят к концу, а купить их можно только в Дублине, в магазине канцтоваров на Нассау-стрит. Ну и к чему ждать, пока их доставят почтой, если мама может запросто привезти парочку с собой. Эшлинг решила позвонить Гретте в Дун-Лэаре.

– Твоя мама? Нет, я даже не слышала, что она собирается приехать. Жаль, что она мне не сказала. Думаешь, она появится сегодня вечером? – Судя по тону, Гретта изумилась и растерялась.

Эшлинг поняла, что надо срочно выкручиваться:

– Ой нет! Я перепутала и посмотрела не на ту дату в календаре. Мама собиралась поехать на следующей неделе. Извините!

– Надеюсь, она даст мне знать заранее. Перед Рождеством у меня много желающих.

– Да-да, конечно, извините, что напутала. До свидания!

Папаня сказал, что маманя звонила прошлым вечером, она устроилась у Гретты, и все в порядке. Задержится на денек и вернется домой в пятницу.

* * *

– Маманя, тебе надо позвонить Гретте и поговорить с ней, – убедившись, что, кроме них, в кабинете никого нет, сказала Эшлинг.

– А что такое?

– Я позвонила ей, когда ты должна была быть у нее, чем вызвала кучу недоразумений. Тебе придется их прояснить, сказать, что ты все напутала и собираешься приехать после Рождества или еще что.

Лицо мамани залилось краской.

– Она сказала, что меня там не было?

– Маманя, а где ты была? Все в порядке?

– Ты что, подумала, я сбегу, как Вайолет? Ты отцу ничего не говорила?

– Маманя, ну я же не дура! Раз ты позвонила из Дублина, то у тебя все хорошо. А если ты не у Гретты, значит наверняка есть причина. Ты ездила в больницу?

– Откуда ты знаешь?

– А что еще я могла подумать? Маманя, что с тобой?

Эйлин посмотрела на нее и улыбнулась:

– Слава богу, ничего страшного, все нормально. Врачи говорят, проблем нет, я здорова.

– Но почему ты не сказала нам? Почему не позволила мне поехать с тобой?

– И оставить лавку без присмотра?

– Да черт с ней, с лавкой! Твое здоровье важнее.

– Сейчас со мной все в порядке, честное слово! Они обнаружили кисты, и я испугалась, а доктор Мёрфи думал... Ну и мы решили, что лучше всего сразу лечь в больницу и быстренько решить вопрос.

– Маманя, ну почему ты от нас это скрывала? Еще и потащилась покупать пальто и шторы...

– Да я же быстро, за час обернулась. Взяла первое попавшееся пальто, а шторы и так подошли бы, я знала наверняка! – Эйлин

засмеялась над собственной изобретательностью.

– Но нельзя же так делать! Нельзя все от всех скрывать.

– Можно. Я и сейчас никому и словом не обмолвлюсь.

– Несмотря на то, что тревога оказалась ложной.

– Нет, потому что иначе каждый раз, когда я буду выходить из комнаты, все будут думать, что я тайком побежала по врачам.

– Мама, что они там с тобой сделали?

– Провели обследование под анестезией и нашли две кисты, обе доброкачественные, их легко удалили...

– Ох, мама, мама... – Эшлинг так расстроилась при мысли о том, что в больнице мама лежала совсем одна, что даже говорить не могла.

– Ну теперь же все хорошо, так чего ты переживаешь?

– Мама, а ты уверена, что ты и сейчас не героюешь?

– Тут совсем другое дело, тут я бы не стала героюовать. Если бы мне заявили, что мои дни сочтены, то я бы заранее все подготовила для каждого из вас. Однако, по словам врачей, для своих пятидесяти шести лет я идеально здоровая женщина, и они давно таких не видели.

– С тобой и правда все в порядке?

– Да, зайка. А после того что они мне сказали, я чувствую себя гораздо моложе. Ты молодец, что не подняла шум. Если вдруг со мной еще что-нибудь случится, я непременно тебе расскажу, обещаю.

– Честно-честно?

– Честное слово! А теперь я лучше пойду и успокою Гретту, пока она не переполошила всю Ирландию.

* * *

Брендан Дейли сказал Морин, что видел, как Тони Мюррей вел машину в нетрезвом виде. Морин ответила, что и сама слышала что-то подобное.

– Так может, тебе стоит рассказать Эшлинг?

– Ну и что она сделает? Это же не она нарушает правила.

– Я знаю, но она все равно должна быть в курсе. А вдруг что-нибудь случится?

– Думаю, она уже в курсе, но я попробую.

– Ладно. Полагаю, я выполнил свой долг. Я слышал на маслобойне, что пару дней назад он чуть не снес двух человек на мосту.

– О боже! Вот ведь сумасшедший! С его-то деньгами мог бы и найти кого-нибудь, кто отвез бы его домой, или остался бы в гостинице, если уж перепил...

* * *

Миссис Мориарти сказала Доналу, что в последнее время бедняга Тони Мюррей выглядит не лучшим образом. С ним все в порядке?

– Думаю, да, миссис Мориарти, – заверил Донал, который терпеть не мог любые критические намеки в сторону Эшлинг.

– Я не люблю совать нос в чужие дела... – начала миссис Мориарти.

– Знаю! – улыбнулся Донал. – Вы очень великодушная женщина, совсем не такая, как старые городские сплетницы. Вам можно доверять.

Миссис Мориарти, слегка разочарованная, поблагодарила за комплимент.

– В любом случае было бы куда хуже, если бы он за юбками бегал, – внезапно выдала она и вернулась в свой закуток в глубине аптеки.

* * *

Миссис Мюррей размышляла, как лучше отметить Рождество.

– Отменить его, – предложила Эшлинг.

– Не самая лучшая идея...

Эшлинг решила, что миссис Мюррей тоже переживает, поэтому не стоит мучить ее остроумными колкостями.

– А что бы вы хотели?

– Как ты думаешь, что будет лучше всего?

– Мы будем отмечать Рождество у вас? Я могу прийти сюда и помочь с готовкой. Здесь, пожалуй, будет повеселее, чем в нашем

доме, все-таки семья соберется...

– Я не знаю, кто придет. Отец Джон будет помогать с рождественской литургией.

– Разве не было бы более по-христиански помочь собственному брату?

– Дело в том, что он не сможет уйти. Выбрали двух епископов и десять священников, это большая честь.

– Ладно, большая честь. А что насчет Джоанни?

– По-моему, она не приедет. Я получила от нее письмо... Не знаю, куда его засунула... Она пишет, что не уверена, некоторые девочки-соседки по квартире...

– Да какие они девочки? Они уже взрослые женщины – одного возраста со мной и Джоанни.

– Ну, она называет их девочками... Они подумывают поехать в Шотландию на вечеринку с ночевкой. Они видели объявление...

– Боже, они и в самом деле туда собираются? Вот ведь стервочка!

– Эшлинг!

– Так и есть, миссис Мюррей. Джоанни – настоящая стервочка и думает только о себе. И зачем эти клоуны хотят поехать на вечеринку с ночевкой? Им что, ночевать негде?

– Обзванием делу не поможешь... – Миссис Мюррей выглядела обиженной и расстроенной.

Эшлинг признала ее правоту:

– Хорошо, свекровушка, тогда Рождество будем встречать мы с вами вдвоем. Давайте постараемся провести его весело.

– И еще, разумеется, Тони...

– А, ну да, и Тони, конечно, тоже.

* * *

На рождественские каникулы в Килгаррет Ниам вернулась с весьма удрученным видом.

– Все из-за Тима! Он уехал с какой-то страхолюдиной. И что он в ней нашел? Эшлинг, да она настоящая святоша, вечно ходит в жутких длинных растянутых кофтах.

– Угу... Как ты думаешь, у него с ней серьезно или просто мимолетное увлечение?

– Не знаю, но на самом деле... понимаешь, я не могу рассказать мамане... но я боюсь, что он расскажет про нас... А я не хочу, чтобы про меня неверно думали...

– Что такого он может рассказать?

– Ну... про нас, про меня с ним... Я бы не хотела, чтобы все думали, что я... ну... того... со всеми подряд... Тим для меня единственный. Я не бросаюсь на кого попало, и я бы не хотела, чтобы он кому-нибудь рассказал...

– Ты имеешь в виду, что спала с ним? – У Эшлинг глаза на лоб вылезли от изумления.

– Ну да... Он ведь мой парень. Был.

– Да ладно, не ври!

– Не хочешь, не верь. Только не разболтай мамане, она меня убьет.

* * *

– Сложно понять, когда Эшлинг шутит, а когда говорит на полном серьезе. – Элизабет зачитывала письмо Генри, который развешивал по комнате рождественские украшения.

– А что она говорит?

– Пишет про ужасное Рождество, когда они втроем будут слоняться по огромному пустому дому.

– Я думал, у нее большая семья.

– Да, но по какой-то причине Рождество она проводит со свекровью, одна. А Тони, по ее мнению, вряд ли сумеет продержаться с ними целый день.

– Господи, неужели он до сих пор прикладывается к бутылке?

– Как ты здорово сказал: «Прикладывается к бутылке»! Да, еще как прикладывается. Как начал на нашей свадьбе, так и не выпускает бутылки из рук. Что ж, может быть, какой-нибудь другой священник снова его вылечит. Эшлинг невероятна! Она никогда не расстраивается, хотя на ее месте расстроился бы кто угодно.

– А ты бы расстроилась, если бы я прикладывался к бутылке и не приходил домой? – улыбнулся Генри, стоя на стуле.

- Еще как! Так что даже и не пытайся. А если бы ты пил, как Тони, то я бы и вовсе от тебя ушла. Просто взяла бы и ушла.
- Почему же Эшлинг не уйдет от него?
- В Ирландии так не принято.

* * *

Отец прекрасно без нее обходился, и Элизабет была этим вполне довольна, хотя и слегка обижена. Точно так же как он привык жить без мамы, теперь он привык к новой жизни без Элизабет. На кухне он держал блокнотик с надписью «Вопросы к Элизабет» на обложке. После получения ответа он помечал вопрос галочкой, а иногда и сам ответ записывал.

«Пятна на чашках от чая, – написал он, а рядом добавил: – Я их только споласкиваю. Э. говорит, что нужно тереть их внутри губкой, а если пятно не стирается, то попробовать замочить с солью или содой».

«Кислый запах в раковине».

«Э. думает, что, возможно, тряпки плохо промыты и не просушены».

Он предпочитал очень ограниченную и организованную жизнь. Все должно быть разложено по своим коробочкам, аккуратно отмечено, надписано и убрано на место.

Отец приятно удивился, когда Элизабет пригласила его встретить Рождество с ними и остаться на три дня.

– Спасибо за приглашение, но остаться... на ночь?

– Папа, почему бы и нет? Генри будет рад твоему визиту. И так гораздо удобнее, чем тащиться потом домой в Кларенс-Гарденс.

– Вы с Генри так любезны. Стоит ли мне упаковать чемодан?

Иногда Элизабет хотелось схватить его за грудки и трясти, пока он не обмякнет. В конце концов он согласился остаться на рождественскую ночь, а утром после Рождества уехать домой.

– Честное слово, дома куда лучше, – сказал он.

* * *

Элизабет сделала отцу небольшое рождественское украшение из остролиста и выставила полученные открытки на каминную полку. Это лучше, чем оставлять их валяться нераспечатанными на столе.

В школе и колледже работать хорошо, сказала она Стефану, так как они не требуют переработок и закрываются задолго до Рождества, а вот в магазинах работать умаешься, ведь покупатели вечно ждут до самого последнего момента, чтобы прийти за покупками. Элизабет расставила на столе предметы, которые не продавались, и написала красивую табличку с предложением купить их в качестве рождественского подарка. Стефан думал, что из ее затеи ничего не выйдет, а Джонни сказал, что люди не приходят в антикварные магазины, чтобы купить подарок в последний момент.

Тем не менее к Рождеству все раскупили.

– Снимаю шляпу! – Джонни, как обычно, не скупился на похвалу. – Я никогда не думал, что у нас получится. Смотри-ка, Стефан, ушли даже те щипцы для салата, которые валялись много месяцев. Элизабет, ты очень здорово придумала написать название магазина на подарочных бирках. Так мы не только рекламу делаем, но еще у людей не возникает ощущения, будто они дарят что-то подержанное. С такой биркой любой предмет сразу становится антиквариатом. Из тебя получилась бы великая предпринимательница!

– Я и есть великая предпринимательница, – сказала Элизабет.

– Нет-нет, ты жена, а потом мы и глазом моргнуть не успеем, как станешь мамой.

Элизабет уставилась на него в изумлении. Даже Генри еще не знал! Она только вчера получила подтверждение и собиралась рассказать ему в качестве сюрприза на Рождество. Она и в самом деле ждет ребенка. Они с доктором подсчитали, что, скорее всего, он был зачат во время медового месяца и должен родиться в июне.

Однако от Джонни Стоуна ничего не скроешь!

* * *

В офисе Генри устроили рождественскую вечеринку, неформальную, по словам старшего партнера, но, конечно же, на самом деле ничего подобного. Элизабет прекрасно знала, что на жен

там будут смотреть весьма пристально и критически. И не собиралась уронить репутацию мужа.

Парикмахер провела щеткой по плечам Элизабет, и они вместе восхищенно разглядывали результат ее усилий. Элизабет решила, что выглядит именно так, как надо: белая блузка с рюшами, брошка с камеей, стильный серый жакет и юбка в серо-голубую клетку.

– Идете на какое-то торжественное мероприятие? – спросила парикмахер, которая уже рассказала Элизабет, что будет работать до половины восьмого вечера, потом час добираться до дому, где начнет фаршировать индейку для мамы.

– Да, в офисе мужа устраивают небольшую вечеринку, – ответила Элизабет.

– Эх, хотелось бы мне иметь мужа и ходить на вечеринки в офисе!

– Забавно, но когда-то я тоже думала, что замужество и вечеринки в офисе дают ощущение устойчивости. Словно через них определяется, кто ты в этом мире.

– Желаю вам приятно провести время, мадам, вы просто неотразимы!

* * *

На вечеринке Элизабет не хотелось показаться навязчивой, и она говорила только тогда, когда к ней обращались, но отвечала всегда четко и прямо. Рассказала старшему партнеру про свои курсы по искусству и работу в антикварном магазине. Когда он упомянул, что в его семье есть картина, которая передается из поколения в поколение, Элизабет выразила вежливый интерес и восхищение.

Она искусно парировала цветистые комплименты Саймона и жизнерадостно общалась с другими женами. Время от времени она видела, как Генри поправляет галстук и с гордостью смотрит на нее. Чем дальше, тем увереннее он выглядел, а в какой-то момент даже засмеялся. Что за кошмарные работы у отца и Генри, сплошные нервы, никто не может расслабиться!

К ней снова подошел старший партнер.

– Миссис Мейсон, ваша семья тоже занимается юриспруденцией? – вкрадчиво спросил он.

Окружающие заинтересованно ждали, начнет она извиняться или вспоминать юристов из дальних родственников?

– О нет, что вы, я из банковских кругов. Мне пришлось даже новый язык изучить. Я никогда не слышала про прецеденты, клаузулы и реституцию. Впрочем, вы не поверите, но бóльшая часть мира про них тоже не слышала!

Старший партнер засмеялся, все остальные присоединились к нему. Элизабет подвергли некоему экзамену, и она его выдержала. Вскоре она прошептала Генри, что пора бы и честь знать, не хотелось бы выглядеть слишком назойливыми.

Саймон спросил, не хотят ли они пропустить рюмочку по случаю Рождества, прежде чем он отправится к Барбаре праздновать. Элизабет мягко отклонила приглашение. Она хотела сообщить Генри новость.

* * *

Они долго сидели у огня и разговаривали про ребенка. Генри даже ущипнул себя, желая убедиться, что он не спит. Ровно год назад он ехал в поезде в Ливерпуль погостить у Джин, а теперь он женат и к тому же скоро станет отцом! Он подложил под спину Элизабет подушки, настоял, чтобы на следующий день она ничего не делала, он сам займется готовкой. Они планировали, куда отдадут ребенка учиться и как будут все вместе отмечать праздники.

Что касается имен, то совместными усилиями они написали целый список: Ричард Мейсон, Сьюзен Мейсон, Маргарет Мейсон, Теренс Мейсон. Отца Генри тоже звали Джордж, так что в итоге они остановились на Джордже Мейсоне, если родится мальчик.

– А если будет девочка, ты бы хотела назвать ее Вайолет? – деликатно поинтересовался Генри.

– Пожалуй, нет. Думаю, папа бы расстраивался всякий раз при упоминании ее имени. Нет. А как звали твою маму? Ты говорил, но я забыла.

– Эйлин, – ответил он.

* * *

Услышав новости, отец смутился и обрадовался одновременно. Он явно не горел желанием слушать про даты, пропущенные месячные и положительные тесты, но остался весьма доволен своим статусом дедушки.

Он пришел к ним в гости с бутылкой шерри в подарок. Он и понятия не имеет, насколько это пошло, сказала себе Элизабет, разворачивая бутылку. Отец выбрал одну из самых дешевых марок. Они-то купили ему красивые игральные карты в изящном кожаном чехле и толстый кардиган с кожаными вставками на локтях, а отец для них ничего не выбрал...

– Нам следует рассматривать шерри как прогресс по сравнению с прошлым годом. Раньше он никогда не делал мне подарков, – прошептала Элизабет, когда они оказались на кухне вдвоем с Генри.

– Совсем ничего никогда не дарил? Ты уверена?

– Я не помню ни одного. Он не из тех отцов, кто заваливает детей подарками.

– Я буду самым заботливым отцом! Для малышки Эйлин я скуплю все, что есть на полках магазинов.

– Или для малыша Джорджа. Я тоже буду заботливой матерью. И не убегу от малышки Эйлин...

– Или от малыша Джорджа.

* * *

– Если эти первосортные идиоты хотят ускакать на какую-то вечеринку с ночевкой, то и пусть катятся, – сказала Эшлинг. – Не стоит из-за них убиваться. Пожелайте им прекрасно провести время.

Миссис Мюррей согласилась, что так будет лучше, чем показать, что она без них жить не может, и с таким блеском последовала указаниям Эшлинг, что Джоанни решила позвонить и пожелать им счастливого Рождества. Трубку взяла Эшлинг.

– Мне немного неловко, что тебе приходится иметь дело с мамулей, но, в конце концов, Тони тоже с вами, а вдвоем вы справитесь.

– Ну что ты! Не стоит так думать, нам тут будет очень весело, – ответила Эшлинг.

- А-а-а... ну... Тогда хорошо. А Тони там?
  - Тони?
  - Ну да, Тони.
  - Тони Мюррей? Твой брат?
  - Эшлинг, ну хватит! Что за глупые игры?
  - Да какие игры, я просто не пойму, с чего ты взяла, что Тони может быть здесь?
  - Так ведь это дом его матери, и ты там, и Рождество приближается...
  - О, ничего из перечисленного не является причиной, чтобы Тони был здесь. Возможно, он в гостинице. Насколько я знаю, теперь он пьет даже у Ханрахана, потому что к Махерам его больше не пускают. Со всем уважением, разумеется, но все равно не пускают.
  - Что за чепуху ты несешь!
  - Чепуха не чепуха, а так оно и есть. Некоторые предпочитают жить именно так, пропивая остатки мозгов. Я так не живу, и ты так не живешь, но твой брат – и мой муж – предпочитает жить именно так.
  - Можно мне поговорить с мамулей?
  - Разумеется! Кстати, огромное спасибо, что позвонила поздравить с Рождеством, и хорошо вам повеселиться на вечеринке. В Шотландии, насколько я помню.
  - Да, куда угодно, лишь бы подальше от этой помойки.
  - Так ведь ты выбралась из этой помойки и переехала в Дублин.
  - Я имела в виду Ирландию.
  - О, ты наверняка права! Уверена, в Шотландии помоек куда меньше. погоди секунду, я позову твою мамулю... Дражайшая свекровь, блестящая Джоанни, уезжая на вечеринку в Шотландии, хочет пожелать мамочке счастливого Рождества.
- Миссис Мюррей засмеялась, услышав нарочито шутливое обращение, а позже сказала:
- Разве не здорово, что Джоанни все же позвонила? – (Эшлинг промолчала.) – Конечно здорово! – сама себе ответила миссис Мюррей.
  - Я как раз думала про все те годы, когда мы с Джоанни были неразлучны, а вас я считала отчужденной и в каком-то смысле недостижимой... А теперь мы вдвоем, нам обоим нечего сказать Джоанни, зато мы обе застряли тут на Рождество...

- Ну так уж и застряли...
- Мы проведем Рождество сами по себе.
- Нет, не сами по себе.
- Сами по себе, если нам повезет.

* * *

В гостинице в канун Рождества устраивали вечеринку, и Эшлинг заглянула туда на часик.

- Твоя мать ждет нас к ужину, – сказала она Тони.
  - Да кому сдался ужин в канун Рождества? Все равно завтра весь день будем обжираться, как свиньи.
  - Да, но тем не менее она нас ждет.
- На них начинали оглядываться. Тони покраснел:
- Ну так иди туда, если тебе нейдет. Я приду позже.
  - Насколько позже? Когда ты придешь?
  - Когда буду готов, тогда и приду. Она моя мать, там мой дом, я могу туда приходить, когда мне вздумается.
  - Хорошо сказано, слова настоящего мужчины! – поддакнул Шей Фергюсон.
  - Хорошо сказано, слова настоящего жополиза, – ответила ему Эшлинг.

Окружающие подумали, что ослышались. Не могла же Эшлинг Мюррей с невинным и хладнокровным видом произнести вслух такие слова? Нет, она наверняка сказала что-то другое.

Шей побагровел:

- Ну что же, Тони, я полагаю, тебе пора, и сегодня вечером мы тебя больше не увидим...
- О боже, Шей, да ты никак оглох! – улыбнулась ему Эшлинг. – Разве ты не слышал, что сказал Тони? Он придет, когда будет готов, и ни минутой раньше.

Шей надулся еще больше и нервно засмеялся:

– Ладно, Тони, старина, так что ты решил?

Тони обернулся, чтобы ответить Эшлинг, но она уже ушла.

* * *

Она проснулась среди ночи, чтобы сходить в туалет. Часы показывали четыре. Тони так и не вернулся. По дороге обратно она проходила мимо спальни миссис Мюррей, в приоткрытую дверь виднелся свет ночника.

– Эшлинг, я не сплю.

Она вошла в комнату:

– Спице, свекровушка, нет смысла бдеть всю ночь. Лучше всего попытаться уснуть, потому что тогда будет меньше времени на разные мысли. – Эшлинг взяла тонкую руку и погладила ее.

Миссис Мюррей смотрела на нее с тревогой:

– Конечно, он еще может вернуться, может быть, кто-нибудь его подвезет или кто-то пригласил его к себе.

– Да, вполне может быть, – успокаивающим тоном подтвердила Эшлинг.

– Но все же... в канун Рождества...

– Может быть, он вернулся домой, забыл, что мы здесь. И сейчас спит там без задних ног, а проснувшись утром, поймет, что сглупил.

В глазах миссис Мюррей блеснула надежда.

– Думаешь, это возможно?

Эшлинг посмотрела на нее: сухопарая до изможденности женщина за шестьдесят, вдова; сын-священник не приехал к ней на Рождество; полусумасшедшая дочка ищет себе приключения в компании столь же неугомонных бессемейных товарищей; а тот, кем она так гордилась, напился вдрызг в родном городе и шляется неизвестно где в самую священную ночь года. Надо дать ей часик-другой.

– Думаю, так и есть. Вы же знаете его машину, она, как осел, автоматически возвращается в собственный двор. Он наверняка там. – Она собралась уходить.

– Но когда он увидит, что тебя там нет... разве он не...

– Скорее всего, он ляжет спать, не включая свет, чтобы не разбудить меня.

Эшлинг никому не говорила, что спит на диване-кровати, которую все принимали за обычный диван. Когда Тони плюхался на кровать рядом с ней, она просыпалась, а еще от него невыносимо несло алкоголем и потом. Эшлинг не выдержала и в первую же ночь после

возвращения со свадьбы Элизабет легла на диван-кровать. Тони промолчал, так что она продолжала там спать.

* * *

Откуда-то из глубин памяти всплыли слова мамы Элизабет: «Когда дела идут хуже некуда, нужно тщательно наряжаться». Интересно, сработает ли этот совет? – подумала Эшлинг, вставая с кровати в холодной гостевой комнате в доме Мюрреев. Она так больше и не уснула, проведя остаток ночи за чтением в тщетной надежде отвлечься. Впрочем, автор не виноват, если честно. Никакая книга не сможет отвлечь ее от бесконечного водоворота мыслей. Тони нужна помощь, но как ему помочь, если он ничего не желает слушать? Да и ей самой требуется чья-нибудь помощь, чтобы разобраться, что теперь делать, но как быть, если и ее тоже никто не слушает? Ответов так и не нашлось ни в четыре утра, ни сейчас, когда она одевалась для мессы.

Эшлинг надела подходящее темное пальто и старательно натерла туфли и сумочку кремом для лица. Мама Элизабет считала, что если тебе нравится твое отражение в зеркале, то по крайней мере тебе не приходится волноваться, что выглядишь как бродяга. Хотя бы не испытываешь отвращения к самой себе. Она тщательно уложила волосы, от души накрасилась и набросила на рыжие кудри кружевную шаль.

– Мы не опоздаем? – Миссис Мюррей теребила перчатки; у нее под глазами тоже проступили темные круги, но, в отличие от Эшлинг, она не стала их замазывать и запудривать.

– О нет, времени еще полно, и по дороге мы заедем к нам на случай, если ваш сынуля вернулся туда, – жизнерадостно ответила Эшлинг.

Тони дома не оказалось, но Эшлинг болтала без остановки, так что миссис Мюррей было некогда переживать о том, что могло случиться, а вскоре они уже доехали до церкви.

– Эшлинг, ты так намазалась, что можно подумать, будто на карнавал собралась! – прошипела Морин, встретив их на крыльце.

– И тебе счастливого Рождества, любимая сестренка! – ответила Эшлинг.

Проповедь была на тему любви. Рождество – это время любви, сказал святой отец, и они должны вложить любовь в свою жизнь, причем не только говорить о ней, не только покупать подарки, но и дарить доброту и понимание. Пусть каждый заглянет в свое сердце и решит, каким образом сегодня он может подарить больше любви.

«Пожалуй, я могла бы не убивать его насмерть, когда он придет домой», – подумала Эшлинг. Чем не проявление любви? Хотя, возможно, выходящее за пределы человеческих возможностей.

Она посмотрела на миссис Мюррей, которая молилась, стиснув руки и закрыв глаза.

Господи, пусть он придет трезвый хотя бы сегодня! Пожалуйста! Не ради меня, мне уже все равно, а ради своей матери. Пожалуйста, Господи! Ты всегда был добр к матерям, разве нельзя дать им лучшую участь? Посмотри на маманю, вся эта история с Шоном, как он сбежал и погиб. И посмотри на несчастную миссис Мюррей, она ведь искренне молится. Если ее молитва недостаточно хороша, то я даже не знаю, как еще нужно молиться! И я положу полкроны в коробочку для пожертвований. Пять шиллингов. Пожалуйста, Господи! Тебе же все равно, где сейчас Тони, так почему бы не отправить его домой?

На выходе из церкви Донал украдкой подошел к Эшлинг:

– Слушай, Имон говорит, что вчера вечером Тони влез в какую-то драку у Ханрахана.

– Дома его до сих пор нет, так что, может быть, он оттуда еще и не вылез.

– Его нет дома на Рождество?!

– Ну вот так тоже бывает. Имон больше ничего не говорил?

– Сказал, что бармен забрал у Тони ключи от машины, а Тони пытался их вернуть.

– Он явно что-то серьезное там натворил, раз у него забрали ключи. Обычно у Ханрахана в упор ничего не видят, хоть ты там повесишься в уголке.

– Больше я ничего не знаю. Я подумал, что надо тебе рассказать, так лучше, чем если ты от кого-нибудь другого услышишь.

– Ты молодец, Донал.

– Эшлинг, можешь мне кое в чем помочь?

– Конечно. В чем именно?

– Одолжи мне пятерку? Пятифунтовую банкноту.

- Могу дать больше, если хочешь. У меня с собой двадцать.
- Нет, пятерки достаточно.
- Держи.
- Понимаешь, завтра вечером будут танцы, из Корка приезжает друг Ниам Тим, у него всегда куча денег, а Анна Барри... Ну... вдруг мне не хватит... – ответил Донал, прочитав вопрос в глазах сестры.
- Да не вопрос! Возьми еще одну и купи шампанского.
- Нет, у меня уже есть немного, просто я почти все сбережения потратил на рождественские подарки.
- Это точно, ты очень щедр на подарки!
- Так ведь что за Рождество без подарков? – покачал головой Донал.

* * *

- Когда они подъехали к дому, машина Тони стояла во дворе.
- Мама, пожалуйста, держите себя в руках и не сердитесь на него.
  - Нет, конечно, я...
  - Поверьте, я знаю, как с ним обращаться, когда он не ночевал дома. Ему нужно почувствовать, что мы не обратили на это внимания, честное слово.
  - Хорошо, дорогая, – нервно согласилась миссис Мюррей.
- Шей Фергюсон тоже оказался там. Он обмакивал свернутую салфетку в кувшин с водой и безуспешно пытался промокнуть порез над глазом Тони.
- С Рождеством, Шей! С Рождеством Христовым, Тони! – воскликнула Эшлинг, придерживая миссис Мюррей, которая рвалась к сыну, чтобы осмотреть рану.
  - Опять прикидываешься! – проворчал Шей.
  - Нет, всего лишь поздравляю вас с праздником. Тони, что случилось?
  - Он попал в небольшую аварию на машине и остался у меня переночевать.
  - Тони, с тобой все в порядке?
- Удержать миссис Мюррей не представлялось возможным.
- Да что вы раскудахтались! – буркнул Тони.

– Так что за авария? Какая-то стена на дорогу выпирала или кто-то неправильно припарковал машину?

– Так я и пытаюсь рассказать! Мальчишка Когланов на новеньком велосипеде выписывал зигзаги по всей дороге и почти въехал прямо под машину, где сидели мы с Тони... О господи!..

– Он пострадал? – спросила Эшлинг.

– Всего лишь порез, я промыл его. Задело краем зеркала над глазом.

– Я не про Тони, а про мальчика!

– Да цел он. Нельзя давать детишкам велосипеды, особенно если эти дурни на них даже ездить толком не могут...

– А еще нельзя давать машины пьяницам, особенно дурным пьяницам, которые даже водить толком не могут.

Тони попытался встать:

– Возьми свои слова обратно!

– Ни за что! Я правду сказала.

– Эшлинг, ради бога, человек же пострадал, перестань к нему придирааться! – вмешался Шей.

– Я не был пьян. Я спал у Шея и сегодня ничего не пил.

– Тони, сейчас всего лишь без пятнадцати десять, так что хвастаться тут нечем.

– Да хватит нападать на него! Он пытался вернуться домой на Рождество, к тебе и к матери.

– Скажите мне, насколько пострадал мальчишка Когланов.

– Ну... его нога... не знаю, может, сломана... Они вызывали доктора Мёрфи, когда мы уехали.

– Вы уехали? И не узнали, все ли в порядке с ребенком?

– Слушай, давай внесем ясность. Тони не сбивал мальчишку. Можешь осмотреть машину, на ней нет ни царапины. Он резко свернул в сторону и затормозил, чтобы избежать столкновения.

– Где это произошло?

– Возле дома Когланов.

– На подъеме на горку?

– Да, на подъеме.

– Но Когланы живут по правой стороне улицы! Если мальчик катался возле собственных ворот, справа, то как Тони оказался на той стороне дороги?

- Так мальчишка по всей дороге зигзаги выписывал...
- Если кто тут и пострадавший, так это я! Посмотри, какая рана. – Тони подошел к зеркалу и принялся изучать свое отражение.
- Как ты думаешь, не надо ли ему швы наложить?
- Ребенок порезался?
- Только руки и лоб ободрал, как обычно, когда дети с велосипеда падают.
- Нам лучше поехать туда и убедиться, что с ним все в порядке.
- Не говори глупостей! Вернуться – значит признать свою ответственность, именно так все и подумают.
- Тогда что ты собираешься делать?
- Мы объяснили Динни Коглану, что малец плохо ездит на велосипеде, но мы не станем поднимать шум, так как всерьез никто не пострадал.
- И что же ответил Динни Коглан?
- А что он мог ответить? Он доволен разумным решением вопроса.
- А разумность в том, что он работает в компании Мюрреев.
- Эш, что за странная ухмылка?
- Даже если бы ты переехал ребенка туда и обратно, то заставил бы бедного Динни «разумно решить вопрос». А если мальчик останется хромым, то, я полагаю, он всю жизнь будет считать, что это разумно.
- Да что ты делаешь из мухи слона! Нормально все с мальчишкой, и с Тони тоже.
- Что ж, как я сказала, с Рождеством, Шей! Не пора ли тебе домой?
- У меня нет машины. Я приехал с Тони, желая убедиться, что он доберется домой без проблем.
- Да уж, приятно, что верный друг проводил домой человека, который трезв как стеклышко, – ледяным тоном сказала Эшлинг. – Шей, я отвезу тебя. Нет, меня не затруднит. Поедем на моей машине. Свекровушка, почему бы вам с Тони не пойти к вам домой, а я приеду, когда отвезу Шея.
- Никто не нашел причин придираться к плану Эшлинг, но все остались недовольны.

Шей сел в машину на переднее сиденье, от него несло перегаром. Эшлинг демонстративно открыла окно.

– А ты можешь быть хладнокровной и язвительной сучкой, – сказал Шей.

– О да! – согласилась Эшлинг, не сводя глаз с дороги.

– Тони лучше всех, не надо к нему цепляться.

– Ну еще бы.

– Я серьезно. У нас с тобой нет причин ссориться. Он мой лучший друг за всю мою жизнь. Мне он нравится, тебе он нравится, так с чего мы должны цапаться на ровном месте?

– Не знаю.

– Что-то ты притихла. Дома-то вон как разорялась.

– Господи Иисусе, ну ты и дурак!

– Нет уж, может, договоримся, что в новом году не станем ругаться и унижать друг друга, не станем собачиться, словно мы с тобой враги? – Он смотрел на нее с глупой надеждой, что она пожмет ему руку и они станут друзьями. Рождество ведь все-таки!

Эшлинг остановила машину. Они почти доехали до гаража Фергюсонов. Позади него растянулся огромный неухоженный дом, до которого будто никому и дела не было. Шей жил там с отцом, дядей и тетей.

– Тони – алкоголик. Он допьется до смерти. Он почти восемь месяцев провел без спиртного, и дела у него шли хотя и не идеально, но гораздо лучше, чем сейчас. Он чувствовал себя одиноко, ему не хватало ваших совместных развлечений. В то время разве ты не был его другом? Почему ты не приходил в гости, когда он тебя приглашал? Вы хоть раз сходили на рыбалку? Съездили на море летом?

– Не так-то просто сорваться куда-нибудь по щелчку пальцев...

– Зато пойти напиться проблем нет. Лучший друг, говоришь? Ты даже не мог пойти с ним прогуляться!

– Я бы чувствовал себя глупо.

– Это он чувствовал себя глупо, заказывая лимонад или имбирное пиво. Он чувствовал себя глупо долгими вечерами без тебя и вашей компании. Но никто не пришел, чтобы чувствовать себя глупо вместе. Вот такая дружба.

– Да ладно, какой он алкоголик? Ну перебрал, с кем не бывает? В новом году будет пить поменьше, и мы все тоже. Заодно похудеет

немного, двух зайцев одним выстрелом.

– Отлично, Шей! Замечательно!

– Я серьезно.

– Я знаю.

– Тогда мир? – Он протянул ей ручищу, прежде чем выйти из машины.

Эшлинг поехала домой через горку, мимо дома Динни Коглана. У ворот стояла машина доктора Мёрфи.

* * *

Миссис Мюррей отпустила Кэтлин, служанку, домой на Рождество.

– В былые времена у нас всегда была помощница, без нее тяжело справляться! – жаловалась миссис Мюррей, но Эшлинг видела, что на самом деле она рада возможности похлопотать вокруг Тони.

Всю тяжелую работу сделала Эшлинг: почистила и нарезала овощи, разделала индейку и приготовила начинку для фарширования. От мамани она принесла сливовый пудинг, один из семи, приготовленных в доме на площади, и сказала миссис Мюррей, что сама его испекла. Рождественский стол накрыли на троих, и Эшлинг разложила хлопущки крест-накрест на каждом месте. Она тоненько нарезала хлеб и красиво разложила половинки грейпфрутов, украсив каждый вишенкой в сахаре.

– Выглядит очень празднично, – кивнув на стол, заметил Тони.

– По-рождественски. – Эшлинг даже глаз не подняла.

Они сели напротив друг друга возле камина. Из кухни доносился звон посуды и шум радостной подготовки. Что за пир без возвращения блудного сына?

Эшлинг не могла придумать ни одной темы для разговора с Тони. Она устала тянуть время и отвлекать мужа, чтобы отложить первую рюмку дня. Да пусть уже выпьет, пусть нажрется. В любом случае ей удастся выиграть максимум полчаса. Она не хотела снова заводить разговор о Лайонеле Коглане. Если мальчик уже дорос до подарка в виде велосипеда, то это наверняка Лайонел, потому что Мэтти еще

слишком мал. Слова, сказанные ей Шею Фергюсону, скоро наверняка достигнут ушей Тони в перевернутом, однобоком и извращенном виде. Нет никакой надобности передавать ему тот разговор сейчас.

И какой смысл его упрекать или выяснять, что за драка произошла у Ханрахана?

– Я купил тебе подарок на Рождество, но потерял его, – сказал Тони.

– Ничего страшного, – отозвалась Эшлинг.

– «Ничего страшного». Я же извинился.

– Все в порядке.

Краем глаза Эшлинг видела, как он встал и пошел к буфету.

– Ну что ж, праздник сегодня, однако, – заявил Тони, наливая четверть стакана виски.

В этот момент его мать вошла в комнату. Заметив виски, она в смятении посмотрела на Эшлинг.

Эшлинг пожалала плечами:

– Вы закончили, свекровушка? Будем садиться за стол?

Миссис Мюррей села, и они произнесли молитву. Эшлинг вспомнила, как проходили рождественские праздники не более чем в миле отсюда. Застолье было не менее захватывающим, чем разворачивание подарков утром. Все в отличном настроении, папаня шутит, маманя благодарит Господа за все полученные за год благословения. Она всегда так делала, кроме того года, когда погиб Шон.

Два года назад ей казалось странным не отмечать Рождество с семьей, но она готовила на все семейство Мюррей и так умаялась, что не заметила, как прошли праздники. В прошлом году Тони заявился пьяным в десять вечера и проспал всю ночь на стуле. За ланчем у матери он сидел кислый, но хотя бы в присутствии отца Джона и Джоанни с ним было легче справиться.

А теперь так и будет всегда: Джон не придет домой, Джоанни не вернется.

Вот такое Рождество.

Эшлинг улыбнулась свекрови и сказала, что из кухни сногшибательно пахнет индейкой. Постаралась доесть свой дурацкий грейпфрут, чтобы вырезать узор на кожуре. Протянула Тони бокал из уотерфордского хрусталя, чтобы он налил ей вина.

В прошедшем году они получили много благословений, за которые следует благодарить Бога! Эйлин закрыла на мгновение глаза, вспоминая лишь ей одной известное благословение. Тот самый безосновательный страх. Она подумала о Шоне и лавке. Шон смирился с Имоном и больше не возвращался домой, надувшись из-за мелкой ссоры. Она подумала о Морин, которая приходила утром с четырьмя детьми, о завернутом в белое пушистое одеяльце младенце, который выглядел так, словно сошел с рождественской открытки, о Брендане-младшем, превратившемся в милого мальчика. Имон есть Имон, тут ни убавить ни прибавить. По крайней мере год прошел без того, чтобы он бросил лавку или поругался с отцом на людях. У Эшлинг хлопот по горло с Тони, и, возможно, она преувеличивает насчет другой проблемы. Может быть, она просто имела в виду, что не получает удовольствия от секса, но так бывает. А Донал – да благословит его Господь! – в этом году выглядит лучше, чем когда-либо раньше. Взрослый мужчина двадцати двух лет, который нашел свое дело в жизни и, похоже, теперь еще и свою девушку. Все время только и слышишь: «Анна то, Анна сё». Ниам столь же привлекательна, как Эшлинг, хотя и не обладает ее умопомрачительной гривой, зато в десять раз увереннее в себе, чем Эшлинг в ее возрасте, и без ума от счастья после возвращения к ней Тима. Эйлин всегда включала Элизабет в число своих детей. От Элизабет пришло письмо на десяти страницах, рассказывающее, как она счастлива и что их квартира похожа на маленький дворец, и в ней дядюшка Шон и тетюшка Эйлин всегда смогут чувствовать себя как дома, если приедут погостить, хотя, конечно, она не сможет дать им такой же превосходный дом, какой получила от них в Килгаррете. Не странно ли, что дочка Вайолет оказалась более близкой подругой, чем сама Вайолет?

Эйлин поблагодарила Господа за все благословения года.

После еды они сидели возле камина, ели шоколадные конфеты из рождественских подарков. Кто-то слушал музыкальную передачу по радио, кто-то разгадывал кроссворд в газете.

Время от времени Эйлин начинала дремать. Жар камина после обильной еды нагонял сонливость. Шон тоже спал, пока дети не

подняли его на смех: он сидел в очках, крепко сжимая газету и широко открыв рот, из которого вырывался мощный храп.

– Что за Рождество без возможности поспать? – сердито спросил он.

* * *

У миссис Мюррей тоже глаза закрывались. Эшлинг выскользнула на кухню и вымыла посуду. Приготовила чай и нарезала рождественский пирог. Миссис Мюррей собиралась отправить отцу Джону и Джоанни по кусочку пирога.

Неужели еще только пять часов? Кажется, что уже десять вечера. Эшлинг тихонько вернулась в гостиную, чтобы не разбудить миссис Мюррей. Пусть поспит, она ночью не выспалась. Тони тоже наверняка плохо спал у Фергюсонов. Открыв рот, он развалился в кресле возле огня. Эшлинг сидела между ними, смотрела на игру языков пламени в камине, воображая дома и дворцы, как делала в детстве. Бревно треснуло и вывалилось, разбудив Тони. Он потянулся и налил себе четверть стакана виски:

– Что за Рождество без выпивки?

Миссис Мюррей решила, что часы идут неправильно. Не могла же она столько проспать? Господи, надо ведь еще посуду вымыть! Ах, какие вы молодцы, что уже вымыли, право, не стоило утруждаться. Нет, и правда не стоило.

После обильной еды всегда хорошо выпить чашечку чая, а пирог удался, верно? В прошлом году был такой же? Трудно вспомнить, что там было в прошлом году, но, кажется, этот немного суше. А может, и нет.

Тони не находил себе места и заявил, что предпочитает спать в собственной кровати.

– Эш, давай вернемся домой! Если мы завтра едем на скачки, то мне нужно хорошенько выспаться. И желательно в собственной постели в своей комнате.

– Тони, но ведь это и есть твоя собственная постель в твоей комнате! – поразилась миссис Мюррей. – Ты тут спал много лет. Если ты сейчас не можешь здесь спать, то где вообще ты сможешь уснуть?

Эшлинг промолчала.

– Ну же, Эш, объясни ей. Я плохо сплю, у меня головные боли.

– Ты не хочешь даже одну ночь провести в доме матери! – В голосе миссис Мюррей проскользнули дрожащие нотки. – Вчера тебя непонятно где носило, а сегодня ты не хочешь...

– Что значит «непонятно где носило»? Ты знаешь, где я был, и Эш знает. У Фергюсонов. Боже всемогущий, что тут может быть непонятного?! Не в Монголию же я уехал! Я благоразумно не сел за руль, после того как хлебнул лишнего. Ты ведь сама всегда мне про это напоминаешь! Так или нет?

Эшлинг впервые видела Тони таким расстроенным.

– Свекровушка, пожалуй, Тони отчасти прав. Нам лучше вернуться домой и прийти в себя. Я приеду завтра, чтобы поблагодарить вас за чудесный день. Праздник удался на славу, настоящий пир получился, по-другому и не скажешь. Верно, Тони?

– Да-да, на славу, – пробормотал Тони.

– Тогда мы поедem. Мы отлично провели Рождество, мамуля, – сказала Эшлинг, целуя худое лицо с поджатыми губами.

Миссис Мюррей стиснула ее руку:

– Ну что же, если ты так считаешь... Не знаю, вырастила детей и все равно остаюсь одна...

– Да они просто дураки, что поехали в свои монастыри и Шотландии и упустили возможность попробовать такую вкуснятину. Погодите, я им расскажу, как много они потеряли!

Помахав на прощание, они молча поехали в темноте по мокрой проселочной дороге. Одна из дорог вела мимо дома Когланов, и Эшлинг решила выбрать другую. Тони сидел рядом с каменным лицом.

В доме было холодно и темно. Эшлинг включила электрический обогреватель и принялась убирать испачканные полотняные салфетки, которыми Шей вытирал кровь.

– Зажжем камин? – предложила она.

– Зачем?

– Чтобы стало повеселее. Разве ты не хочешь посидеть, провести тут вечер?

– Эш, хватит меня допрашивать! Не жена, а тюремный надзиратель какой-то. Разве я пристаю к тебе с вопросами, куда ты

ходишь и что делаешь?

– Я только спросила...

– Ты только спросила, ага! Надоели бесконечные вопросы. Я пошел.

– Куда ты собрался? Тони, здесь полно выпивки. Пригласи кого хочешь. Пожалуйста, не уходи на рождественскую ночь, все везде закрыто.

– У меня есть друзья, и у них дома всегда открыты, и они не придираются ко мне и не задают вопросов.

– Послушай, Шея нет дома, он ведь сказал, что сегодня вечером они уезжают в Дублин. Ты встретишься с ним завтра на скачках. Договорились? – (Тони уже надевал пальто.) – У тебя же над глазом жуткий порез. Если ты обо что-нибудь стукнешься, то он откроется и снова закровит, разве ты не понимаешь? Давай я зажгу камин, и мы выпьем бутылку бренди. Посидим у огня, как в старые добрые времена.

– Какие такие старые добрые времена?

– Когда мы только поженились. Нет смысла куда-то идти сегодня.

– Я ненадолго, скоро вернусь.

– Но куда...

В конце концов Эшлинг пошла спать. В комнате было холодно, несмотря на обогреватель, и она надела кардиган поверх ночной рубашки. Устроилась на диванчике и взяла книгу, которую любила читать в детстве, – «Ослик сборщика торфа» Патриции Линч. Она читала медленно, как когда-то вместе с Элизабет, и вспоминала, как объясняла ей непонятные места про добычу торфа на болотах. Она думала о Элизабет и Генри, об их шикарной квартире в Лондоне, где мистер Уайт проведет с ними праздники. Вспоминала, как Генри смотрел на Элизабет во время свадебного банкета. Тони никогда так не смотрел. И зачем только он упорно звал ее замуж? Зачем он вообще хотел жениться? Может быть, в то время он уже начал спиваться, просто она не замечала? Почему она решила, что он ее любит? Она ведь никогда не думала, что сама в него влюблена, во всяком случае так, как описывают в книгах. Или так, как Элизабет любила Джонни или как Ниям сходит с ума по своему студенту-медику. К Тони она подобных чувств никогда не испытывала и, возможно, наказана за то,

что вышла замуж без любви. Но, черт возьми, как, живя в Килгаррете, она могла бы узнать, что такое любовь?!

– Я, должно быть, спятила, когда решила выйти за него. Совсем, совсем спятила, – произнесла она вслух.

Как ни странно, после этих слов ей полегчало. По крайней мере, в ситуации появилась ясность: Эшлинг О’Коннор вышла замуж за Тони Мюррея, потому что сошла с ума.

* * *

Эйлин удивилась, что Эшлинг не поехала на скачки в Леопардстаун.

– Ты ведь обожала бывать там на День святого Стефана! – сказала она, когда Эшлинг пришла к ланчу и принялась клевать остатки холодной индейки. – Эй, хватит! Если ты выберешь лучшие кусочки мяса, то мы останемся без ланча!

– У меня не было настроения... Тони думает, что я с него глаз не свожу и постоянно за ним надзираю. Он повторяет, что это лишь вторая порция, хотя на самом деле уже седьмая. Я только раздражаю и его, и всех остальных.

– Но разве тебе не следует быть вместе с ним? Морин сказала, что видела его сегодня утром и у него жуткий порез над глазом. Я тебе это говорю без всякой задней мысли только потому, что ты сама такой разговор завела.

– Насколько я поняла, вчера утром он резко затормозил, едва не убив Лайонела Коглана. Мальчик учился ездить на новом велосипеде. У него синяки и два треснувших ребра, а у Тони порез над глазом, который, скорее всего, следовало бы обработать, но он наотрез отказывается идти к врачу.

– Боже милостивый! – ужаснулась Эйлин.

– Вот именно. Когланы повторяют, что, слава богу, Тони не получил серьезных увечий и какой он молодец, что свернул и не сбил Лайонела, который до сих пор испуган до смерти и лежит в кровати, пытаюсь объяснить, что всего лишь катался на новом велосипеде, когда этот пьяный псих выскочил из-за угла на скорости сто миль в час.

Конечно, Лайонел ничего подобного не говорит, поскольку не знает, как сказать, но именно так ему следовало бы выразиться.

– Разве Тони напился вчера утром?

– Ему хватило выпитого еще вечером. Он не справился с управлением, он был пьян.

– Слава богу, что все так обошлось!..

– Маманя, что мне делать? Теперь всегда так и будет?

– Он ведь уже давал зарок, и многие так делают после Рождества.

– Маманя, разве я должна с ним жить? Разве мне нельзя... ну... аннулировать брак?

– Что?!

– Ты же знаешь, я говорила тебе про ту, другую проблему. Мне не составит труда представить доказательства в любом суде.

– Ты с ума сошла? Последние мозги растеряла?

– Маманя, но не могу же я так провести всю оставшуюся жизнь!

Мне всего двадцать шесть...

– Скажи-ка мне, что ты обещала?

– В каком смысле обещала?

– В церкви, перед всеми нами, что ты пообещала?

– Ты имеешь в виду на свадьбе?

– Во время таинства брака что ты сказала?

– То, что положено говорить...

– Нет, Эшлинг, не слова, а обязательство, договор, торжественный обет. На что ты согласилась?

– Ты про «в радости и печали, в болезни и здравии...»?

– Вот именно! Ведь ты же согласилась, верно?

– Ну... да, но я же не знала, что так получится... Это не считается!

– Ты понимаешь, что пытаешься сделать? Отказаться от самого таинства брака. Ой, я не знала, что не все будет гладко и сладко! Извините, давайте я снова попробую с самого начала. Ты думаешь, именно так положено поступать в подобной ситуации?

– Маманя, да мне все равно, что там кому положено! С какой стати я должна оставаться замужем за мужчиной, которому я вообще не нужна? Которому наплевать, жива я или нет. Я что, должна как полная идиотка быть рядом с ним еще пятьдесят лет? Ты так думаешь?

– Да, я так думаю. По моему мнению, именно так тебе и следует поступить... Именно так ты и поступишь. – Эйлин взгляделась в измученное лицо дочери с темными кругами под глазами, в которых читалась тревога. – В это время года все кажется хуже, чем есть на самом деле: слишком много суматохи и слишком много ожиданий. Не стоит сильно переживать, все образуется.

– Мама, ты считаешь, что бы ни случилось, единственное, что мне остается, – это быть с Тони и надеяться, что все само как-то образуется и станет лучше?

– Именно так я и считаю. А что еще тут можно думать, детка? Давай посидим у камина и выпьем чая. Я как раз делала сэндвичи для нас с отцом, поешь с нами. Если останешься на ланч, он будет очень рад тебя видеть, – принялась уговаривать Эйлин.

– Нет, мама, пожалуй, я вернусь домой.

– Оставайся, ты же злишься на меня. Дуешься, верно?

– Нет, мама, я не дуюсь. Я спросила тебя, что ты думаешь, и ты мне ответила.

– Детка, неужели ты ожидала услышать от меня что-то другое?

– Я ожидала услышать, что здесь есть причина для аннулирования брака. Вот чего я ожидала, но ты ничего подобного не сказала.

– Мы ведь тут не формальности обсуждаем, мы...

* * *

Миссис Мюррей тоже удивилась, что Эшлинг не поехала на скачки. Они сели пить чай на кухне.

– Вы вчера приготовили отличный обед. Можно мне немножко индейки?

Этель Мюррей радостно засуетилась, доставая тарелки и ножи, хотя Эшлинг всего лишь собиралась попробовать шкурку и похвалить кулинарные навыки свекрови.

– Думаю, на скачках с ним будет все в порядке, – сказала она.

– Надеюсь... Тони не поймешь... Можно мне задать один серьезный вопрос? Только не надо отвечать из вежливости, хорошо?

– Конечно можно, – забеспокоилась миссис Мюррей.

– Может быть, Тони было бы лучше, если бы он не женился? Когда он жил с вами, то ведь столько не пил... Как вы думаете, если бы он снова стал холостым, то, возможно... возможно, все вернулось бы назад?

– Как он может снова стать холостым, если он женат?

– Да, но если допустить, что он не женат, что он никогда не женился...

– Не знаю. На самом деле не знаю. Вряд ли что-то изменилось бы. Он и правда слишком много пьет. Как еще до свадьбы началось, так и продолжается после, и я не думаю, что свадьба стала тому причиной... – Она взяла Эшлинг за руку. – Не вини себя. Ты делаешь все, что можешь, ты прекрасная женушка, если бы только ему хватало ума...

– Нет, вы меня не поняли. Я не спрашиваю, хорошая я жена или плохая, я спрашиваю, возможно ли, что в душе Тони на самом деле холостяк?

Миссис Мюррей уставилась на нее в изумлении:

– Ну, наверное, в каждом мужчине есть что-то от мальчишки. Ты в этом смысле?

Эшлинг сдалась:

– Да, в этом... Погодите, не кладите мне так много. Я к Морин собираюсь, там мне тоже придется поесть.

* * *

Дом Морин выглядел уютно и гостеприимно. Эшлинг удивилась, почему она всегда думала, что он унылый и отвратительный. Там стоял большой вертеп, покрытый ватой, в кроватке мирно спал младенец, Патрик и Пегги играли на полу, а Брендан-младший читал подаренную ему на Рождество книгу.

– Я думала, ты на скачках. Тебе-то что дома сидеть, у тебя не семеро по лавкам...

– Я не поехала и решила навестить тебя.

Морин сказала, что подогреет пироги с мясом.

– Я слышала, ты видела лицо Тони.

– Боже, я не собиралась говорить мамане! Теперь ты решишь, что я все время про тебя сплетничаю. Неужели маманя не подумала...

– Нет, я не собираюсь ссориться, я только хотела тебя спросить... Как ты думаешь, про Тони в городе много болтают?

– В каком смысле?

– Про то, что он пьет, дерется у Ханрахана, забросил дела компании и все остальное.

– Нет, я ничего не слышала. Разве ходят такие слухи?

– Я не знаю, я тебя спрашиваю. Может, люди думают, что у него проблемы? Что он из тех, кто... ну... понимаешь... должен быть... кому следовало бы...

– Эшлинг, к чему ты клонишь?

– Я думаю, что не подхожу Тони, ему не следует жить со мной.

– Господи, а с кем тогда ему жить?

– Не знаю. Он мог бы вернуться к матери, или снимать номер в гостинице, или жить у Фергюсонов, у них есть свободные комнаты. Я помню, они собирались их отремонтировать. Может быть, они привели бы их в порядок для Тони.

– Ты что, заболела? Что за шутки?

– Нет, я всего лишь рассматриваю возможные варианты.

– А ты тогда что будешь делать?

– Я могла бы вернуться к родителям.

– Нет, так нельзя!

– Почему нельзя? – с искренним любопытством спросила Эшлинг. – По какой конкретно причине нельзя? В таком случае все были бы только рады.

– В таком случае никто бы не обрадовался. Хватит вести себя как избалованный ребенок только потому, что ты поругалась с Тони и он уехал на скачки без тебя.

– Все совсем не так.

– Пусть не совсем так, но что-то в этом роде. Что ты вообще несешь! Да у тебя столько всего, за что стоит благодарить Бога!

– Например, муж-пьяница, который шатается по городу?

– Ну да, он слишком много пьет. Тебе надо получше о нем заботиться. В любом случае подумай, что могло бы быть гораздо хуже. Он мог бы бегать за юбками, как муж Шейлы Мур или Брайан Бернс, который нашел себе бабу в Дублине... – Морин запнулась, увидев

мрачное лицо Эшлинг. – Послушай, не болтай глупостей! Я замужем гораздо дольше тебя, ты еще просто не привыкла...

– Я замужем уже два с половиной года.

– Когда родишь ребенка, то все изменится...

– Если бы я рассказала тебе про эту сторону дела, ты бы мне не поверила.

– Нет, я знаю. Брендан такой же. Постоянно говорит, что мы не можем себе позволить еще одного, но когда они рождаются, то он в восторге. Он без ума от младшенького. И с Тони будет то же самое.

– Да, конечно, ты права. Давай сменим тему, – сказала Эшлинг.

– Ты первая начала, – надулась Морин.

– Да, я сама начала, я сегодня в дурном настроении.

– Я так и знала! – торжествуя заявила Морин. – Когда он вернется со скачек, помирись с ним, пообнимайтесь, и забудете, что вообще ссорились. Вот как обычно делают супружеские пары.

* * *

Когда Тони вернулся домой со скачек, часы показывали час ночи.

– Как ты смела пойти к Когланам за моей спиной и выразить им сочувствие! – В ярости заорал он. – Как ты смела туда пойти...

Эшлинг вздрогнула и проснулась:

– Тони, ты пьян, ложись спать, утром поговорим.

– Поговорим здесь и сейчас! Я был в гостинице и встретил Марти О'Брайана, шурина Динни Коглана. Он рассказал мне, что ты приезжала к ним и спрашивала про мальчишку...

– Я всего лишь повела себя вежливо и проявила сочувствие, как и полагается.

– За моей спиной!

– Да заткнись ты, бестолочь! Ты отирался в баре Леопардстауна, как я могла тебе сказать, куда поеду?

– Не называй меня бестолочью.

– Так ты и есть бестолочь.

– А ты воровка! Где мои деньги? У меня была куча денег в кармане. Когда я приехал на скачки, там оставались лишь две пятерки.

– Тони, деньги всегда лежат в верхнем ящичке, ты сам прекрасно знаешь. Я часто так делаю, когда ты уходишь развлекаться, чтобы ты не спустил слишком много и не стал жертвой карманников.

– Мне не нужен чертов надсмотрщик, я не зверь в зоопарке! Не вздумай снова так поступить!

– Ладно.

– И еще кое-что.

– Слушай, а до утра оно подождать не может? Мне завтра вставать и на работу идти. Папаня открывает лавку, и, кстати, контора Мюрреев тоже открывается, если вдруг тебе интересно. Я иду в лавку, а ты как хочешь, но в любом случае я собираюсь выспаться.

– И что ты имеешь в виду?

– Ты о чем?

– Если вдруг мне интересно. Что контора Мюрреев открывается. Разумеется, мне интересно! Разве не я ее владелец? Она принадлежит мне!

– И то верно. Хотя все постоянно про это забывают.

– В каком смысле?

– Ты там так редко показываешься, а если и приходишь, то для того, чтобы взять пятьдесят фунтов. Когда они видят тебя, то говорят: «А вот и мистер Тони, ему деньги нужны». Я своими ушами слышала.

– Ты хочешь сказать, что я пренебрегаю своими обязанностями?

– Да заткнись ты уже и иди спать!

– Так ты имеешь в виду...

Эшлинг встала с дивана и принялась собирать с него одеяла:

– Если ты не дашь мне спать здесь, то я уйду в другую комнату, пропусти меня.

– А ну вернись! Вернись в кровать, где тебе и положено быть! Слышишь меня?

– Ох, Тони, не сегодня. Сегодня я этого не вынесу.

Он смотрел на нее горящими от ярости глазами:

– Чего не вынесешь?

– Не заставляй меня произносить это вслух. Я не хочу сегодня пробовать. Пожалуйста, Тони, пропусти меня.

– Ах ты, мерзавка!

Его рука двигалась так быстро, что Эшлинг ее не заметила, и удар в челюсть застал ее врасплох. Боль и обида пронзили все тело. Тони

снова ударил, еще сильнее. Она почувствовала вкус крови во рту, как та течет по подбородку и капает на ночную рубашку. Эшлинг прикоснулась к лицу и в полном недоумении уставилась на испачканную кровью руку.

– Эш! О господи! Эш, прости!

Эшлинг медленно вернулась в комнату и посмотрела на свое лицо в зеркале. Похоже, у нее рассечена губа, а еще зуб шатается. Видимо, отсюда и кровотечение.

– Да чтоб мне сдохнуть... Эш, я не хотел! Я не знаю, как оно получилось... Эш, ты в порядке? Дай мне посмотреть... О господи! – (Она молчала.) – Что мне делать? Вызвать доктора? Эш, прости, пожалуйста! Скажи, что делать, и я это сделаю. Все, что угодно, сделаю...

Кровь продолжала капать на подол ночной рубашки.

– Эш, да что же ты сидишь... Надо что-то делать! Давай я позвоню кому-нибудь?

Эшлинг медленно встала и подошла к нему:

– Иди в другую комнату и ложись спать. Давай. Вот тебе одеяла.

Он не желал уходить:

– Эш, мне так стыдно! Я не хотел, я ни за что на свете не ударил бы тебя, ты же знаешь...

Она сунула ему одеяла, и он пристыженно удалился. Эшлинг неторопливо, но четко сознавая, что делает, достала чемодан и принялась собирать вещи. Она обернула вокруг шеи полотенце, чтобы капающая с губы кровь не запачкала все вокруг. Точными движениями аккуратно уложила зимнюю одежду и обувь. Нижнее белье и украшения. Сняла с руки кольца и оставила их на видном месте на туалетном столике. Достала второй чемодан, упаковала в него два одеяла и две простыни. Собрала письма и фотографии и тоже сложила в чемодан.

Через час она решила, что уже достаточно безопасно открыть дверь спальни... Из гостевой комнаты доносилось тяжелое дыхание Тони. Он разбил ей губу, но при этом спокойно спал... Эшлинг собрала по дому всякие мелочи: серебряную сахарницу, которую подарила маманя, чашку и блюдце с гигантскими розами, которые Пегги прислала в качестве свадебного подарка.

Она написала Тони очень короткую записку: поехала в больницу, чтобы зашить губу, скажет врачу, что просто упала. А потом она уедет на своей машине и больше не вернется. Нет смысла спрашивать членов семьи, где она, так как они не будут знать. Мамане она написала длинное письмо и сказала, что испробовала все возможные способы, высказала всем свое мнение, но все думают, что невозможно перевести стрелки на часах назад, поэтому она и вовсе отказывается от часов. Ей все равно, какую историю придумает маманя, чтобы ее прикрыть, пусть скажет что угодно: заболела, нашла новую работу, поехала в гости к подруге... Однако, возможно, лучше всего будет честно признать: Эшлинг больше не в состоянии жить вместе с Тони и поэтому ушла от него. Тогда никто не будет ломать себе голову и задаваться ненужными вопросами. Все будет ясно. Она написала мамане и про разбитую губу.

Я тебе это рассказываю только для того, чтобы ты знала: я не просто вбила себе в голову какую-то чушь и эгоистично пожелала для себя лучшей жизни. И я тоже знаю: в этом городе есть женщины, которых бьют мужья, как и в любом другом городе. Но я никогда не стану одной из них. Ни за что! И никогда в жизни я не была настроена более решительно.

Она пообещала мамане позвонить через пару дней, и со стороны мамани самой большой помощью будет не пытаться организовать примирение, так как оно невозможно. Только если Этель Мюррей начнет настаивать и создавать проблемы, тогда можно ей рассказать про избиение. В противном случае лучше не разрушать остатки ее иллюзий.

На губу понадобилось наложить всего один шов, что и сделал молодой хирург, которого Эшлинг впервые видела.

– Вы студент? – спросила она.

– Нет! – удивился он.

Впрочем, Эшлинг не собиралась его обижать, она просто думала, что никогда не узнает, как прошли танцы, куда Ниама отправилась с Тимом, и взаимны ли чувства Донала и Анны Барри, и получилось ли

у Донала угостить всех напитками на пять фунтов, которые она ему одолжила.

Эшлинг была знакома с двумя медсестрами и поняла по их лицам, что они не поверили в ее историю с падением.

– Приходите на неделе, я снова осмотрю рану, – сказал юный доктор.

– Конечно, спасибо большое.

Эшлинг надела пальто и вернулась в машину. Оставила письмо мамане в лавке, а не дома, поскольку хотела, чтобы та прочитала его в тишине своего закутка, когда придет туда рано утром. Потом в последний раз оглянулась на Килгаррет и выехала на дорогу в Дублин.

Часть четвертая
1956–1960

Глава 18

Это было самое счастливое Рождество в жизни Элизабет. Даже давным-давно в Килгаррете она чувствовала себя немного не на своем месте, ведь там не совсем ее Рождество, и она невольно сравнивала его с тем, которое знала раньше и к которому снова вернется. А теперь наступило ее собственное Рождество. У нее есть муж, отец и скоро будет ребенок. И свой дом у нее тоже есть. Она словно получила награду за все те рождественские дни, когда пыталась утешить отца и не переживать, что Джонни завел себе новое увлечение. Теперь переживать больше не о чем, как оно и должно быть.

Отец с удовольствием уехал на следующий день после праздника: он чувствовал себя неловко в качестве гостя. Элизабет застала его нервно расхаживающим в халате и с сумочкой для туалетных принадлежностей в руке.

– Что случилось? – спросила она, видя его растерянность.

– Я не знал, можно войти или нет, а вдруг кто-то вошел через другую дверь.

– Папа, я тебе сто раз повторила, что если мы заходим в одну дверь, то запираем и другую, чтобы избежать неожиданностей.

– Слишком сложный способ пользоваться ванной! – пробурчал он.

Генри просматривал газеты в столовой. Отец и Элизабет задержались за завтраком на кухне.

– Когда мама меня носила, она часто чувствовала себя плохо? – спросила Элизабет.

– Что? А... Даже не знаю...

– Как ты можешь не знать? Разве она не говорила тебе, что чувствует себя усталой или еще что-нибудь?

– Извини, не припомню таких мелочей. Я бы никогда не смог написать книг. Забываю все интересные детали...

Папа так пошутил или хотя бы попытался.

Элизабет стало очень грустно, что он расценивал рождение единственного ребенка как какую-то мелочь, но, возможно, она к нему слишком сурова. Не исключено, что ему просто больно вспоминать все, связанное с мамой. Лучше не задавать вопросов.

– Представляешь, бедняга Генри взял домой работу на рождественские каникулы... По-моему, он слишком уж помешан на работе. Не думаю, чтобы остальные так делали.

– Я считаю его вполне здравомыслящим, – ответил отец, и Элизабет поразились, что у него есть свое мнение, поскольку ожидала получить в ответ односложное хмыканье. – Он весьма разумный молодой человек. Самое важное для мужчины – это достичь высот в своей профессии. Когда мужчина чувствует себя уверенно в работе, то все остальное становится на свои места.

Элизабет задумчиво посмотрела на него:

– Папа, разве в жизни самое важное работа? Самое важное – это получать от жизни удовольствие и давать его другим, а не преуспеть в карьере.

– Я не сказал «преуспеть», я сказал «достичь высот», встать у руля. – Отец вдруг оживился. – В твоей области, в искусстве, все совсем по-другому, нет такого давления, как в юриспруденции или в банковском деле.

Ну да, разумеется, мужчины живут в большом, полном неприятностей мире, пока глупые женщины балуются искусством. Элизабет не особо хотелось спорить, но хорошо, что отец в кои-то веки ожил и даже почти загорелся.

– Ты жалеешь, что в возрасте Генри не брал работу на дом? – почти в шутку спросила она и поразились выражению его лица.

– Я пытался... Я старался продвинуться выше или хотя бы держаться наравне с коллегами. Когда мы только поженились, я хотел пойти на вечерние курсы. Хотел покупать журналы по финансам и изучать их. Я мог бы даже сдать экзамены в Институте банковского дела, было бы желание. Но Вайолет никогда не поддерживала мои устремления. Она считала... как там она говорила... она называла их скучными и жалкими, вот.

– Не может быть, папа! Мама наверняка искренне радовалась бы твоим успехам.

– Да какие там успехи? Она знала, что мне приходится из кожи вон лезть только для того, чтобы не отстать. Иногда она называла меня жалким банкиришкой. А однажды спросила, не считают ли меня в банке дурачком, которому требуется помощь там, где и ребенок справился бы. Твоя мама бывала довольно жестока...

– Разве ты не мог продолжать учебу?

– Нет, потому что это слишком раздражало твою маму и она начинала презирать меня... Не стоило ее злить...

Нотки поражения в его голосе взбесили Элизабет. Так в кино говорят слабаки, трусы, обвиняющие других в собственных ошибках. Она сочувственно хмыкнула.

– Понимаешь, Элизабет, тебе все слишком легко дается. Тут ты сильно похожа на Вайолет. Она была очень сообразительна и склонна проявлять нетерпимость к тем, кто не столь понятлив. В мире далеко не все способны схватывать на лету, помни об этом...

Неужели отец ее предупреждает? Неужели ему настолько безразлично ее благополучие, что он дает ей советы? Элизабет ничуть не обиделась, а, наоборот, обрадовалась. Пусть он наговорил глупостей, приятно уже то, что он вообще что-то сказал. Она не хотела разрушать возникшую атмосферу, но отец сам сменил тему:

– Мы с Генри собирались прогуляться в парке, зайти в паб, выпить по кружечке и закусить сэндвичем. А потом я поеду домой в Кларенс-Гарденс.

– Папа, мы будем только рады, если ты останешься с нами.

– Я бы хотел все приготовить к завтрашнему дню, – ответил он.

Что именно он собирался приготовить? Он работает в банке тридцать четыре года. К чему тут нужно готовиться?

* * *

Генри вернулся из паба порозовевшим от морозца, быстрой ходьбы и непривычной кружечки в полдень.

– Твой отец сел на автобус, – сообщил он. – Попросил меня попрощаться с тобой от его имени и еще раз поблагодарить за все. Думаю, ему очень понравилось.

– Мне тоже так кажется, – ответила Элизабет. – А на следующий год с нами будет малыш шести с половиной месяцев. С ума сойти!

Генри сел у камина, чтобы согреть руки:

– Мне придется много работать, чтобы нас всех обеспечить, но я буду только рад.

– Дорогой, я не собираюсь бросать работу, по крайней мере не всю, разве что школу. Я продолжу работать у Стефана и в колледже.

– Милая, как знать, что случится? – Генри выглядел обеспокоенным. – А вдруг мы не найдем никого, кто будет присматривать за малышом, и тогда тебе придется сидеть дома.

– Нет. Мне нет необходимости сидеть дома. Мы ведь уже обсуждали это.

– В любом случае наши доходы упадут, а ты уже зарабатываешь больше меня.

– Генри, я не зарабатываю больше тебя.

– Сама посчитай: зарплата в колледже, зарплата в школе, жалованье у Стефана плюс курсы рисования. Разумеется, ты получаешь больше, чем платят мне.

– Не думаю... В любом случае это не мои деньги и не твои, а наши. Разве нет?

– Да, но я переживаю. Я не так беспечен, как ты. Я не верю в счастливые случайности, я скорее из тех, кто упорно пашет.

Она взъерошила ему волосы, посмеялась над ним, скорчила ему рожицу и в конце концов заставила и его смеяться над самим собой. Однако в его словах мелькнула тень предупреждения, зловещее эхо того, что пару часов назад говорил отец.

Странно, что она раньше не замечала, насколько Генри и отец сходны в своих мыслях и взглядах.

* * *

– Я пока не собираюсь оповещать весь мир, только некоторых друзей, – сказала Элизабет, когда Стефан и Анна расцеловали ее, взгляделись в цвет лица и подтвердили, что беременные женщины и правда хорошеют.

Джонни пришел в разгар объятий и поцелуев, так что ему тоже пришлось рассказать.

– Ого, разве не здорово? Новое поколение для Ворски, а? Проследи, чтобы он вырос с острым деловым чутьем. Нашей компании именно такого человека и не хватает. У нас уже есть элегантность, вкус и блестящие идеи, но никто из нас не умеет делать

деньги по-настоящему. Когда Мейсон-младший пойдет в школу, убеди его стать финансистом. Поняла?

Они засмеялись.

– А если Мейсон-младший окажется девочкой?

– Тогда подождем мальчика! – пошутил Джонни.

Позже он заговорил с ней более серьезно:

– Я очень рад за тебя, лапушка. Ты ведь этого хотела, верно? Ты всегда хотела иметь дом, семью, детей...

– Я счастлива. Правда, не знаю, всегда ли я этого хотела, но сейчас однозначно хочу!

– Надо же, маленький человечек... Мне бы тоже хотелось иметь своего.

– Ребенка? – Элизабет смотрела на него в изумлении, а горло перехватило, как в старые времена.

– Да, я часто думал, что хотел бы ребенка, но без заморочек в виде брачных уз. Трудновато, правда, а некоторые считают, что и вовсе не возможно.

– Запрятал бы ребенка с матерью куда подальше, в тихое место, а временами приезжал научить его чему-нибудь и взять на прогулку.

– Да, примерно так. Не могу найти никого, кто согласился бы на подобную авантюру.

– Ну, не знаю, поищи усерднее. Попробуй предложить такой вариант, а вдруг сработает... – Она подумала, что он мог бы давно получить желаемое, и теперь ребенку исполнилось бы уже восемь лет...

* * *

Элизабет позвонила Гарри, и новости привели его в восторг. Он сказал, что сделает колыбельку. Когда-то он неплохо умел работать с деревом. А может, Элизабет уже заказала шикарную кровать? Поддавшись сиюминутному порыву, Элизабет пригласила его приехать погостить на выходные и предложила выслать деньги на проезд, так как хочет посоветоваться с ним насчет обустройства детской комнаты.

Генри сказал, что рад приезду Гарри, но не будет ли его проживание у них слишком огорчительно для отца Элизабет?

– Нет, конечно! Папа знает, что мы с Гарри большие друзья.

– И все же, пригласить Гарри остановиться у нас – это почти как заявить, что мы не считаем его злодеем в данной пьесе, выражаясь драматургическим языком, – запротестовал Генри.

– Так я и не считаю его злодеем. Уже много-много лет. Помнишь, мы решили, что случившееся могло быть лучшим вариантом для всех. Помнишь?

– Да, помню, хотя никогда не считал, что это был лучший вариант для Джорджа.

Генри всегда называл отца Джорджем, разговаривая о нем, но, обращаясь к нему, говорил «мистер Уайт».

Саймону не рассказали о ребенке, поскольку в таком случае новости узнал бы весь офис, а это, пожалуй, немного рановато. Генри охотно согласился и заметил, что просто невероятно, как Элизабет всегда точно знает, как обстоят дела в конторе, все нюансы и тонкости, хотя он ей ничего не говорил.

– Я думаю, дела в конторе немного похожи на атмосферу в учительской, – объяснила Элизабет.

– По твоим словам, в учительской полно старых теток! – возразил Генри.

– Именно это я и имела в виду, – засмеялась Элизабет.

* * *

Вечером через день после Рождества Саймон заглянул к ним. Офис закрыт до понедельника, и теоретически они могли отдыхать, но Генри усердно работал дома, и праздники мало чем отличались от обычного рабочего дня.

Саймон только и говорил об отлично проведенном Рождестве. Барбара – замечательная хозяйка, весь день кто-нибудь приходил в гости, на столе постоянно стояли закуски. Барбара посылает им обоим большой привет и надеется, что они хорошо устроились в своем гнездышке в Баттерси.

– Полагаю, ты подтвердил, что оно так и есть, – пошутила Элизабет, желая успокоить Генри, который все еще слегка смущался при упоминании Барбары.

– Да, я сказал ей, что ты совершенно изменила Генри и теперь он стал расслабленный и ленивый. Барбара всегда считала, что Генри слишком переживает по пустякам и суетится из-за мелочей.

– Глупости, да он только и делает, что валяется!

– Я тоже думаю, что стал гораздо спокойнее, – со смехом согласился Генри.

– Для меня ты идеален, – заявила Элизабет. – Почему бы вам с Саймоном не выпить еще, а я пойду и соберу свои старые бумажки, которые разложила в другой комнате.

– Так это твои бумаги? – удивился Саймон. – Я решил, что старина Генри опять трудится как пчелка!

– На рождественских праздниках? Ну вот еще! – отмахнулась Элизабет и пошла собирать бумаги Генри, аккуратно складывая их в свой портфель.

* * *

Тем же вечером позвонил отец. Он получил сообщение из Ирландии от подруги Вайолет Эйлин. Она дала ему совершенно конкретные указания: попросить Элизабет позвонить ей в десять часов в лавку. Да, именно так и сказала. Да, он тоже подумал, что звонить в лавку в такое время как-то странно, но она абсолютно точно попросила позвонить именно в десять вечера в лавку, Килгаррет, 67, и еще просила передать, что ничего страшного не случилось, никто не умер и не заболел.

– Тогда что же стряслось? – озадачилась Элизабет.

– Милая, ну мне-то откуда знать? Они ведь твои друзья, а не мои. Самое главное, как она наказала, передать тебе, чтобы ты не звонила ей домой, не звонила Эшлинг, а позвонила именно в лавку.

– Но почему она не позвонила мне сюда? Ты дал ей мой номер телефона?

– Я попытался, но она повторяла, что не сможет больше никуда позвонить, она в гостях у подруги и использует телефон втайне. Сдается мне, там творится что-то очень странное...

– Да уж, действительно странно, – согласилась Элизабет. – Ну ничего, уверена, что на самом деле этому есть вполне разумное

объяснение. Если хочешь, я потом позвоню тебе и расскажу, в чем дело?

– Нет-нет, десять вечера слишком поздно для меня. Расскажешь как-нибудь потом.

Отец повесил трубку. Элизабет осознала, что он довольно равнодушен к людям, если только не знает их достаточно близко. На нее накатила волна паники. Наверняка стряслось что-то серьезное, раз тетушка Эйлин устроила какой-то непонятный цирк и просит не звонить ни Эшлинг, ни на домашний номер О’Конноров. Господи, еще только половина восьмого! Придется ждать два с половиной часа... Лучше убедить Саймона остаться на ужин, тогда можно будет отвлечься от мыслей.

* * *

– Алло, Эйлин, это вы? Эйлин, вы меня слышите? – Голос Элизабет звучал несколько нервно и с надрывом после бесконечных щелчков на линии и разговоров с операторами.

Часы показывали уже десять минут одиннадцатого. Она начала звонить десять минут назад.

– Да, детка, как у тебя дела? – совершенно буднично ответила тетушка Эйлин.

– Все хорошо, у нас все прекрасно. Что случилось у вас?

– Эшлинг тебе не звонила?

– Я получила от нее письмо перед Рождеством. Что с ней случилось?

– С ней все нормально, ничего страшного. Просто спрашиваю, не звонила ли она тебе.

– Звонила? Нет, давным-давно не звонила. Ой нет! Я звонила ей, когда мы вернулись из медового месяца. Тетушка Эйлин, да что стряслось?

– Я не могу говорить открыто...

– Но вы же в лавке? Именно поэтому я звоню вам туда?

– Да, но ты же знаешь... – многозначительно начала тетушка Эйлин и замолчала.

– Нет... Что знаю?.. Ах да, конечно... – Элизабет вспомнила про легендарную любознательность начальницы почты Килгаррета мисс Майес.

Она слушала начало разговоров, которые могли быть интересны, а также время от времени прослушивала остальные, пока не выбирала тот, который ей больше всего понравился.

– Да-да, я понимаю, что вы имеете в виду, – сказала Элизабет, и тетушка Эйлин с облегчением выдохнула.

– Ты ведь знаешь, что у Эшлинг была проблема? Ну... такая проблема, вроде твоего Гарри...

– Да, я вас понимаю.

– Ее больше нет.

– Умер?! – ужаснулась Элизабет.

– Нет-нет, все закончилось, как в бизнесе.

– Вы не можете мне толком объяснить?

– Да-да, связь очень плохая. Так я хотела спросить, не слышала ли ты что-то со своей стороны...

– Нет, ничего не слышала.

– Понимаешь, я получила извещение об этом сегодня утром в лавке, и мне, разумеется, хотелось бы обсудить данный вопрос подробнее.

– Да, конечно.

– Если к тебе кто-нибудь обратится, попроси его позвонить мне, хорошо?

– А-а-а, понятно. Домой или на работу?

– В лавку примерно в это же время. Меньше людей вокруг, меньше вопросов возникнет.

– Ясно. А дядюшка Шон...

– Пока нет.

– А кто еще?

– Судя по всему, никто.

– Гм... а как насчет... самой проблемы?

– Ни слуху ни духу. Я только знаю, что возле дома стоит машина.

– А вы не знаете почему? Почему так внезапно, ни с того ни с сего?

– Травма...

– О боже!

– Ничего серьезного.

– Но что сделано, то сделано, вы понимаете, о чем я. Договор нарушен, бизнес закрыт. Тогда почему бы не признать все публично, как оно есть? Рано или поздно придется ведь?

– Она так и написала в письме, но я надеюсь, что до такого не дойдет.

– Но если все настолько окончательно...

– Детка, бизнес в нашей стране совсем не такой, как у вас там... Люди не могут сделать то же самое, что сделали Вайолет с Гарри.

– Но, может быть, есть какой-нибудь другой выход? Боже, я совсем запуталась в словах, сама не знаю, что хочу сказать! У нее нет другой проблемы, вроде как у мамы с Гарри?

– Нет-нет, ничего подобного! – засмеялась Эйлин. – Просто, понимаешь, здесь нет способа решить ее проблему, так что ей придется вернуться.

– Понятно...

– Детка, ты очень понятлива. Рядом с тобой есть еще кто-нибудь, пока ты со мной разговариваешь?

– Да, конечно, Генри здесь и Саймон, наш друг.

Элизабет улыбнулась Саймону.

– Они, наверное, теряются в догадках. Я напишу тебе сегодня вечером, и запомни, когда она свяжется с тобой, ты скажешь ей, что нужно сделать...

– А нет ли другого способа, без всяких мудреных головоломок?

– Я соберусь и приеду поговорить с ней в любое место, даже в Англию, если надо, но сначала она должна мне позвонить и сказать, что согласна на разговор.

– Вы не можете ехать так далеко только для того, чтобы поговорить! Вы ведь даже на мою свадьбу не приехали.

– Я знаю. В последний раз я туда ездила на похороны Шона-младшего. Что-то не везет мне с поездками в Англию...

– А если она не свяжется со мной?

– Наверняка свяжется! Это единственное, в чем я абсолютно уверена.

Эшлинг позвонила на следующий день.

– Ты где? – спросила Элизабет.

– На Бромптон-роуд, прямо напротив католической церкви, возле остановки.

– Там есть такси?

– Да, я видела парочку.

– Немедленно садись в такси и приезжай сюда.

– Не слишком ли дорого обойдется?

– Не важно, я заплачу. Сию минуту приезжай ко мне!

– Я ужасно выгляжу, ты будешь в шоке.

– Не буду.

– А Генри дома?

– Нет, ушел в библиотеку.

– Спасибо, Элизабет, огромное спасибо! Не знаю, что бы я без тебя делала...

– Садись в такси!

Элизабет попросила Генри уйти в библиотеку.

– Ничего себе поворот! – надулся он от внезапной просьбы. – Из собственного дома выгоняют!

– Прости, но это невероятно важно! Если бы Саймон пришел сюда в трудный момент, я бы сделала то же самое: ушла бы и дала вам возможность поговорить наедине.

– Саймон бы такого не сделал. Мужчины так не поступают, – проворчал Генри, послушно собирая вещи.

– Я очень, очень, очень тебе благодарна!

Он хмыкнул в ответ, не особо смягчившись.

Элизабет пошла в гостевую комнату и приготовила постель. Достала чистые полотенца. Подумала, что не рассказала Эшлинг о ребенке, но придется, конечно, когда она останется. Как-то не вовремя с такими новостями, но лучше уж сразу сказать – и дело с концом.

* * *

Элизабет услышала лифт, подъезжающий к их этажу, и сразу поняла, что это Эшлинг. Мистер и миссис Соломон из квартиры напротив ушли на работу, им слишком рано возвращаться домой.

Элизабет подумала о травмах Эшлинг и постаралась взять себя в руки. Эшлинг вышла из лифта, склонив голову, с двумя чемоданами в руках, а потом посмотрела на подругу. Половину лица покрывал черно-фиолетовый синяк, уголок рта заклеен лейкопластырем.

– О господи! – ахнула Элизабет. – Эшлинг...

Они стояли на площадке огромной изогнутой лестницы из мрамора, оставив резную дверцу маленького лифта открытой, и даже не слышали звоночка вызова снизу. Стояли, обхватив друг друга руками и бросив чемоданы на пол. Эшлинг прижалась к Элизабет здоровой щекой, и они обе повторяли:

– Все хорошо... Все хорошо...

Они заваривали чай чайник за чайником, и Эшлинг не столько перечисляла злодеяния Тони, сколько сумбурно рассказывала о жизни в Килгаррете. Планов нет, стратегии нет, представления о будущем нет. Сожалений тоже нет, как и разных «вот если бы только». Тони оказался человеком, которому в принципе не стоило жениться ни на ком. Эшлинг ничего не скрывала, но и не делала из случившегося трагедию. Похоже, она рассматривала импотенцию Тони всего лишь как еще одну причину непригодности для брака.

– Ему следовало бы стать священником, как брат. Я серьезно.

– С его-то склонностью к выпивке... Не думаю, что он смог бы.

– Я не хочу сказать ничего дурного про духовенство, но, похоже, смог бы, – возразила Эшлинг. – Взять хотя бы того преподобного отца в Уотерфорде, который помог Тони. Он ведь тоже выпивал по две бутылки в день, а посмотри на него теперь! Священнослужители заботятся друг о друге, и если кто-то пристрастился к выпивке, то другие ему помогут, возьмут на себя часть его обязанностей, не будут искушать его соблазнами. У них нет семей, которые могут распасться, пьяные священники не... Кого по-настоящему жаль, так это женатых пьяниц.

Элизабет рассказала про звонок Эйлин.

– Я не стану с ней встречаться! Она снова разложит все по полочкам и начнет меня убеждать. Нет, не хочу.

– Но ты хотя бы позвонишь ей? – Элизабет содрогнулась, увидев, как Эшлинг сморщилась от боли в губе при попытке улыбнуться.

– Позвоню, конечно. Не могу же я оставить маманю сидеть в пустой конторе и ждать. Да только ничего хорошего из моего звонка не

выйдет.

Генри вернулся домой в шесть вечера.

– Она тут? – прошептал он в прихожей.

– Да, уснула. Я сказала, что разбужу ее в десять часов, чтобы позвонить матери.

– Она сильно пострадала? – встревожился Генри.

– Только лицо. Выглядит жутко, но она говорит, что у нее всего лишь синяк и разбитая губа распухла. Какой кошмар...

– Ее лицо?

– Да, лицо тоже кошмар, но я про ситуацию в целом. Похоже, все думают, что она должна терпеть и жить с ним. Они там с ума посходили. Его надо за решетку посадить, для его же собственного блага.

– Тогда почему родственники не отправят его в лечебницу?

– А они не видят в этом ничего страшного. Не знаю, что именно там произошло, но ей пришлось пойти на отчаянные меры и сбежать.

– Он что, может приехать за ней и избить ее еще сильнее?

– Нет, если Эшлинг попытается переехать обратно к родителям, то будет огромный переполох, по крайней мере так она говорит.

– Может, все успокоится через какое-то время, и тогда она вернется?

– Она никогда не вернется к Тони, я знаю наверняка. Вопрос в том, сможет ли она вернуться в Килгаррет и не жить с ним. Я думаю, да. Все-таки они там не настолько застряли в Средневековье, как считает Эшлинг, но она ужасно расстроена... Я предложила ей пожить у нас столько, сколько она захочет, ты не против?

– Разумеется, ты так великодушна с друзьями.

– Эшлинг всегда очень хорошо относилась ко мне, заботилась обо мне.

– Ты имеешь в виду, когда ты жила у них в семье во время войны?

– Да, но не только.

Элизабет сначала сама поговорила с Эйлин:

– Травма не особо серьезная. Выглядит пугающе, но на самом деле ничего страшного, и скоро заживет.

– Спасибо тебе огромное, детка. А с тем, чтобы позвонить мне, проблем не возникло? – настороженно поинтересовалась Эйлин.

– Нет, никаких проблем. Я сейчас передам ей трубку. Эшлинг пьет чай, чтобы проснуться. Она проспала четыре с половиной часа. Хотя встретиться с ней, может быть, сложно... Секундочку, я позову ее.

Элизабет и Генри ушли на кухню и закрыли дверь, когда Эшлинг подошла к телефону. Генри сказал ей, чтобы она не переживала о стоимости и разговаривала столько, сколько понадобится. Он чувствовал себя неловко при виде ее изувеченного лица и отводил глаза, из-за чего Эшлинг склоняла голову еще ниже.

– Это пройдет, Генри. Сегодня и завтра будет хуже всего, но к Новому году все заживет.

Эшлинг стояла в мягко освещенной прихожей и разговаривала с матерью. Никто из них не знал, где сейчас Тони.

– Я попросила тебя позвонить не для того, чтобы отругать тебя, – сказала маманя.

– Знаю.

– И я слышала, что, хотя вид ужасный, все пройдет и шрама не останется.

– Да, так мне сказали. Я объяснила, что упала и ударилась о стул.

– Понятно. Мне бы очень хотелось поговорить с тобой.

– Маманя, я же тебе позвонила. – (В трубке слышались сдавленные звуки.) – Маманя, ты плачешь? Маманя?

– Нет, конечно нет. Я просто высморкалась.

– Ну тогда ладно.

– Ты сможешь вернуться?

– Чтобы жить у вас и работать в лавке?

– Нет, ты знаешь, что я имею в виду.

– Тогда не вернусь.

– Ты можешь пожить у нас немного.

– Или навсегда, или совсем никак.

– Ты ведь знаешь, ничего не бывает навсегда. Разве Ниам будет всегда? Или Донал? Или Имон? Что навсегда?

– Я хочу остаться дольше, чем ты бы согласилась.

– Я бы с удовольствием согласилась оставить тебя навсегда, и папаня тоже, но...

– Но – что?

– Но так будет неразумно. Ты должна попробовать другой способ.

– Я уже пробовала.

- Недостаточно.
- А сколько им будет «достаточно»? Я чуть без глаза не осталась!
- Нет никаких «их», Эшлинг... Я думаю только о тебе.
- Мама, «они» есть, должны быть, иначе почему мы на тарабарском языке разговариваем?
- Ты знаешь почему, и это совсем другое.
- Мама, просто оставьте меня в покое. Я буду тебе звонить, буду тебе писать. Я буду отправлять письма на адрес магазина, вложив их в коричневый конверт, чтобы они выглядели как квитанции.
- Детка, давай не будем строить такие планы, словно проблема затянется на долгое время.
- Мама, но ведь так и есть. Проблема будет тянуться бесконечно долго в том, что касается... касается прошлой ситуации.
- Если бы ты согласилась поговорить со мной, если бы вы оба согласились поговорить со мной... Я виню себя. Не знала, насколько далеко все зашло.
- Нет, мама, нет! Я не буду сидеть и ждать, пока сработает кратковременное чудо из Уотерфорда, а надо мной по-прежнему висит опасность... упасть на другой стул. Ни за что!
- Я приеду к тебе в любое место.
- Знаю, но не надо.
- Тогда чем я могу тебе помочь?
- Здесь мне гораздо лучше и спокойнее. Завтра вечером я буду в состоянии поговорить с тобой. Или послезавтра. Нужно написать некоторым людям. Например, мне придется связаться с Джимми Фаррелли.
- С кем?
- С Джимми, по поводу договоренностей, финансов и прочего. Не переживай, мне много не надо. Я возьму гораздо меньше, чем мне полагается, но своего добьюсь. Муж Элизабет – юрист. Он мне поможет.
- Нет, не надо! Слишком рано решаться на такое, ведь обратно не вернешь.
- Я тебе давно говорю: чем раньше я это сделаю, тем лучше. И я напишу его матери. Она славная женщина. Ты ведь знаешь, со временем я совершенно изменила свое мнение о ней.
- Да, знаю.

– Вот тут ты могла бы мне помочь. Просто будь с ней поласковее. Ее очень легко отвлечь, так сказать. Ты могла бы увести ее внимание в сторону от главного вопроса.

– Да.

– А затем делай то, что будет лучше для вас. Что вызовет минимум проблем.

– Хорошо.

– Вот и все.

– А ты ничего не забыла? – ледяным тоном спросила Эйлин.

– Да вроде нет.

– Как насчет другой части сделки, обещания и согласия? – (Эшлинг промолчала.) – Ты меня слышишь?

– Да. Я пытаюсь забыть ту часть. Надеюсь, у меня получится, хотя будет непросто. Возможно, когда мое лицо заживет, я начну пытаться всерьез.

– Но...

– Лучшее, что я могу сделать, – это забыть обо всем. Если я буду помнить, то придется с этим что-то делать.

– А там у тебя все будет хорошо?

– Да. Элизабет такая чудесная, просто нет слов! И Генри тоже. Они мне искренне рады и выделили отличную комнату. Я в ней спала как младенец. Все прекрасно. Я и правда чувствую себя гораздо лучше.

– Я рада за тебя, детка. Рада, что ты с Элизабет. Когда ты с ней, я могу быть спокойна за тебя.

– Да, но я не задержусь надолго. Найду себе собственное местечко.

– Нет, пока не надо.

– Ну, не на этой неделе. Я позвоню тебе завтра, маманя. Или послезавтра вечером?

– Послезавтра. Я сама тебе позвоню. Не хочу, чтобы Элизабет потратила кучу денег на телефон.

– А что ты скажешь папане? Почему ты сидишь в лавке так поздно?

– Я ему правду скажу: хочу поработать с финансами, когда тихо и спокойно, и именно так и сделаю.

– Маманя, я хотела бы, чтобы все было совсем не так...

– Спокойной ночи, Эшлинг. Господь тебя благослови! Ложись спать...

* * *

Прежде чем Эшлинг поговорила с маманей во второй раз, в гости заглянул Саймон и пришел в ужас, увидев лицо Эшлинг. Она объяснила, что упала и ударилась о стул. Саймон также огорчился, услышав никак не связанную с падением новость, что ей пришлось уйти от мужа.

– Это тот самый жизнерадостный тип, который пел на свадьбе, верно?

– Тот самый, – подтвердила Эшлинг.

Джонни тоже зашел в гости и принес Элизабет огромную подставку для комнатных цветов.

– Тебя магнат избил? – сочувственно спросил он у Эшлинг.

– Да, но мы всем говорим, что я ударилась о стул.

– Ну еще бы, именно так мы всем и скажем! – согласился Джонни. – Но я бы с удовольствием врезал ему в его тупую толстую морду. Я уже на свадьбе понял, что с ним проблем не оберешься.

– С ним и правда проблем не оберешься...

Элизабет была готова всячески поддержать подругу.

– Ты можешь плакать, и я поплачу вместе с тобой, если хочешь, – предложила она. – Но от плача у тебя заболит лицо, поэтому лучше не надо. Мы с Генри будем продолжать свои обычные дела, но если я тебе понадобится, то просто скажи, и я в любой момент все брошу.

* * *

Незадолго до звонка от мамани Элизабет разговаривала с Эшлинг на кухне.

– Я страшно боюсь, что папа вот-вот сделает из Генри игрока в бридж. Я терпеть не могу бридж, а Генри настолько благовоспитан, что может согласиться просто из вежливости.

– Так ведь здорово, что они ладят между собой, разве нет?

– Да, и я им все время удивляюсь. Сегодня вечером папа даже сказал, что польщен тем, что малыш может получить имя Джордж... О господи!

– Что?! Неужели?! И ты мне ничего не сказала?! Почему ты мне не сказала? Счастье-то какое! Ах, Элизабет, я так рада! Ну разве не чудо? Когда ты узнала?

– Прямо накануне Рождества. Я собиралась тебе сказать, когда все немного успокоится.

Зазвонил телефон.

– Международный вызов! – прокричал Генри из прихожей.

Маманя сказала, что сегодня не смогла поработать в лавке, так как Этель Мюррей просидела целый день в доме О’Конноров. Донал провел день на работе, Имон и Шон тоже. Ниам уехала в Корк к Тиму. Этель Мюррей связалась со священником в Уотерфорде, и он приехал в Килгаррет. Тони уже сутки не прикасается к спиртному. Он признался своей матери и преподобному отцу, а в конце концов рассказал мамане, что ударил Эшлинг по пьянке и искренне сожалеет. Все в восторге оттого, что он так решительно взял всю вину на себя и сам признался во всем. Тони умоляет Эшлинг вернуться и обещает, что теперь все будет по-другому. Голос мамани звучал очень радостно, когда она пересказывала новости.

– Детка, разве не здорово? Ты оказалась права! Можешь возвращаться домой.

* * *

Дождавшись, когда ее лицо приняло относительно нормальный вид, Эшлинг взялась за поиски работы и жилья. Через десять дней синяки сошли, а шрам на губе стал менее заметным. Все это время она с нетерпением изучала объявления о вакансиях и сдаче квартир. Похоже, бóльшая часть заработка пойдет на оплату жилья. Она никогда не ценила преимущества жизни в родительском доме, внося пару фунтов в неделю на счет мамани на почте, а о преимуществах жизни в доме, купленном на деньги Мюрреев, даже не вспоминала, поскольку никаких преимуществ там не было. Она полтора года откладывала все свое жалованье на собственный счет, поэтому сейчас не составило

труда заполнить нужные документы и отправить их в Дублин, чтобы снять сбережения.

Эшлинг почти до слез тронули предложения о помощи. Как она могла думать, что англичане такие бесчувственные? Стефан и Анна предложили ей пожить у них и поработать в магазине на неполную ставку, если других вариантов не найдется. Однажды они пригласили ее на ужин и угостили забавным крепким ликером, от которого она закашлялась.

– Я ведь могу и пристраститься к такому! Буду вам тут буяннить, как мой муж, – пошутила она.

– Хорошо, что ты можешь шутить на эту тему, – одобрительно сказал Стефан.

Отец Элизабет тоже проявил сочувствие, хотя у Эшлинг сложилось впечатление, что в глубине души он не слишком одобряет ее поведение, которое наверняка напомнило ему поведение его жены. Кажется, он даже удивился, что побег Эшлинг никак не связан с другим мужчиной. Мистер Уайт предложил ей пожить в комнате Элизабет за номинальную плату, пока она не обустроится.

– Боюсь, тебе будет со мной скучновато, – добавил он. – Ты же знаешь, я не слишком общителен.

Саймон и Генри пообещали попросить друга-адвоката разобраться в ситуации с точки зрения законов. Вопрос довольно запутанный, потому что, с одной стороны, в Ирландии развод не допускается, а с другой – место жительства жены всегда определяется по стране проживания мужа. И все же они были уверены, что смогут повернуть дело так, что Тони придется оплачивать ее расходы на жизнь. Похоже, обсуждение юридических тонкостей доставляло им не меньшее удовольствие, чем возможность ей помочь.

Джонни Стоун лучше всех понимал, что на самом деле Эшлинг хочет просто избавиться от этой проблемы навсегда.

– Ничего не бери у магната. Ты умная и сильная женщина, ты способна зарабатывать больше его. Если ты начнешь судиться и тянуть деньги с магната, то никогда не сможешь от него отделаться. Вычеркни его из своей жизни и начни все сначала.

Именно так Эшлинг и хотела сделать, но только Элизабет осознавала, что вычеркнуть из жизни Тони означает вычеркнуть заодно и всю жизнь в Килгаррете.

* * *

Эшлинг с Элизабет отправлялись на долгие зимние прогулки в Баттерси-парк, разговаривали о малыше, читали книги, чтобы узнать, как он выглядит на данный момент. Они сказали, что не совершат в воспитании ребенка ошибок, которые совершили их родители.

– Я никогда не позволю ему почувствовать себя глупым и неуклюжим, – заявила Элизабет. – Именно так мама заставляла меня чувствовать себя в детстве. Я помню, что боялась ее, когда приходила домой из школы, и боялась, что она поругается с отцом.

– Я ничего такого не боялась, – вспоминала Эшлинг. – Нет, нас не заставляли чувствовать себя глупыми, и маманя не ругалась с папаней, но она совершенно непреклонна в своих убеждениях и точно знает, что хорошо, а что плохо. Она до сих пор такая. В результате все должно быть именно так, а не иначе, и все загоняется в слишком жесткие рамки. Если бы маманя могла проявить немного гибкости...

– Я не хочу хвалить тетушку Эйлин чисто из вежливости, но ведь она надежна как скала, – запротестовала Элизабет. – Если бы ты знала, насколько это важно! С мамой было сложно, никогда не знаешь, чего от нее ждать, а потом она и вовсе исчезла. Папа вечно в плохом настроении, у него слабый характер, он, можно сказать, неудачник. Еще до того, как я приехала в Килгаррет и узнала про молитву и грехи, я часто молилась, чтобы они стали как мама и папа из детских книжек, а твои родители именно такие.

– Ну что же, малышу Джорджу или малышке Эйлин очень повезет. Я словно сама жду ребеночка и влюбляюсь в Генри, так что тебе лучше побыстрее выпроводить меня из дома.

* * *

Генри в самом деле решил учиться играть в бридж.

– Всего один вечер в неделю! – умолял он Элизабет. – Я могу ходить в тот вечер, когда вы с Джонни и Стефаном заняты бухгалтерией. Сначала будет урок, потом игра, а потом обсуждение и чай...

– Да там просто ужасно! Помнишь, я туда как-то ходила? Там полно отвратительных одиноких людей, которые глаз не сводят с преподавателя в надежде, что если они изучат эту идиотскую систему подсчета очков, то их жизнь непременно изменится. Я отвела туда папу только потому, что он был один-одинешенек и совсем ни с кем не общался. Ты ведь не один, тебе есть с кем пообщаться.

– Я хотел бы время от времени сыграть партию в бридж с твоим отцом, – заартачился Генри.

– Если всего лишь сыграть партию с отцом, то здорово. Я бы с удовольствием тебя поддержала. Однако в бридж играют не вдвоем, а вчетвером. В дом приходят какие-то жуткие типы и говорят исключительно про игру, а еще требуют чай с изысканными сэндвичами...

– Почему бы тебе снова не начать играть в бридж? Эшлинг тоже могла бы научиться. Тогда мы бы уютно проводили зимние вечера.

– Генри, зимние вечера мы можем проводить друг с другом. Не надо готовить себя к затяжному одиночеству. Нам нет смысла играть в какой-то дурацкий бридж.

– Элизабет, ну что ты так уперлась? – вмешалась Эшлинг. – Я думаю, Генри прав. Я пойду с ним учиться. Кое-что я уже знаю, так как немного играла с миссис Мюррей, Джоанни и Джоном, когда они изволили появляться у матери. Но тогда они все были слишком поглощены разговорами на другие темы, и я не могла должным образом сосредоточиться на игре... Я надеюсь, ты не возражаешь, – сказала Эшлинг позднее. – Просто Генри так настаивал, а мне не помешает научиться играть в бридж, если я собираюсь жить в Лондоне сама по себе. Хоть какой-то социальный навык для общения.

– Эшлинг, ну что за глупости? Конечно, я не возражаю, а, наоборот, очень рада. Я просто боялась, что Генри станет таким же ворчуном, как папа.

– Да мы с Генри им такие уроки бриджа устроим, закачаются! Погодите, мы о-го-го как сыграем!

– Здорово снова видеть, как ты смеешься! – засмеялась в ответ Элизабет. – Я боялась, что ты больше никогда не улыбнешься. Почему бы тебе не остаться жить с нами, когда найдешь работу, вместо того чтобы тратить весь заработок на аренду? Было бы замечательно.

– Нет, так я все испорчу. Я буду чувствовать себя зависимой, а вы – стесненными. Где находится Манчестер-стрит? По дороге на Манчестер?

– О нет, она в самом центре, возле Бейкер-стрит. Разве ты сможешь позволить себе снимать там квартиру?

– По описанию звучит неплохо, маленькая и в центре. Они сдают минимум на два года. Это нормально или тут какой-то подвох?

– Я думаю, так бывает, но, Эшлинг, как ты можешь подписать договор аренды на два года? Ты ведь вернешься домой гораздо раньше.

– Да сколько же раз я должна вам всем повторять? Я не вернусь!

* * *

Эшлинг сняла ту самую квартиру и на той же неделе нашла работу – секретарем в приемной у троих врачей на Харли-стрит. Она назвала Генри Мейсона и отца Элизабет в качестве поручителей и прямо сказала доктору, который проводил собеседование, что недавно ушла от мужа в Ирландии и подписала договор аренды на два года на квартиру на Манчестер-стрит. Первое явно компенсировало второе в смысле пригодности кандидата на место.

– Верно ли я понимаю, что ваш брак безнадежно распался? – поинтересовался доктор. – Я просто хочу убедиться, что вы не исчезнете внезапно, если вдруг произойдет примирение.

– Нет, никакого примирения не будет. Я меняю фамилию на девичью, О’Коннор, и если мы можем хоть в чем-то быть уверенными в этой жизни, так это в том, что я не вернусь к мужу. – Рука Эшлинг невольно дотронулась до шрама на губе.

Доктор улыбнулся. Такая обаятельная девушка, причем с весьма подходящим опытом работы в офисе.

– Мисс О’Коннор, вы хотите получить развод?

– Доктор, в Ирландии не существует развода.

– Ах да, я забыл... А что тогда обычно делают?

– Если повезет, то переезжают сюда и находят работу в частной клинике, – засмеялась Эшлинг.

Ей сказали, что она может приступить к работе на следующей неделе.

Джонни предложил помочь ей устроиться на новом месте. Она ответила, что может позволить себе потратить пятьдесят фунтов из своих сбережений на наведение уюта. Этого им хватит с лихвой, заверил Джонни. Они поищут симпатичные книжные полки в магазинах подержанной мебели, и он уже знает, где можно купить пару кресел. Бóльшую часть выходных Эшлинг провела с Джонни, который оттаскивал ее от витрин универмагов, где она с завистью разглядывала современную мебель. Эшлинг морщила нос при виде того, что предлагал ей Джонни:

– Да у нас такой хлам стоит в помещениях над лавкой, никому он и даром не нужен.

– Правда?! – загорелся Джонни.

– Еще бы! Маманя его тебе просто так отдаст, лишь бы место очистить.

– Я всегда мечтал поехать в Ирландию и самому посмотреть, как там и что. Раньше Элизабет не хотела ехать.

– Не хотела ехать?

– Я имею в виду по делам. Она считала, что так будет слишком нечестно, будто она на людях наживаться будет.

– А почему ты сам не съездил? Ты мог бы приехать на мою свадьбу.

– Меня не пригласили.

Эшлинг лихорадочно соображала, как исправить ситуацию.

– Да, точно, не пригласили. Нам пришлось ограничить число гостей. Впрочем, ты ничего не потерял.

– Элизабет была в восторге.

– Да, я тоже, честно говоря, была в восторге, сама свадьба прошла великолепно. Вот только брак получился ни к черту.

– Ладно, оставим эту тему. Посмотри, какое плетеное кресло-качалка. Сможешь привести его в порядок? И бросить пару забавных подушек? Будет отлично смотреться возле окна, будешь там сидеть и наблюдать, как внизу кипит городская жизнь.

– Как-то глупо покупать то, что дома и так гниет...

– Ладно, тогда давай я отвезу тебя обратно в Килгаррет на фургоне, мы его заполним подержанной мебелью и вернемся. Так

пойдет?

– Ну что за ерунду ты несешь! Давай уже просто купим эту дурацкую штуку!

Когда они вернулись в квартиру Эшлинг, Джонни пыхтел позади нее под весом стола и сервировочного столика на колесах.

– Если бы магнат видел, как ты тащишь все это вверх по лестнице, его бы удар хватил, – сказал Джонни.

– Если бы магнат увидел меня сейчас, он, скорее всего, с трудом вспомнил бы мое имя. Полагаю, он недолго продержался трезвым...

* * *

Пять недель подряд Эшлинг писала мамане по одному длинному посланию в неделю, на многих страницах перечисляя все причины, почему она не может начать все сначала и почему несправедливо ожидать от нее сделать что-то только ради общественного мнения. Маманя присылала в ответ эмоциональные письма, объясняя, что общественное мнение ее меньше всего волнует. Если бы она хотела произвести впечатление на обитателей Килгаррета, то запретила бы Имону связываться с той компанией, которая живет у черта на куличках, и заставила бы Эшлинг учиться как следует и поступить в университет, а еще красила бы дом каждые пять лет. Ничего подобного она не сделала, так как ее не волнует показуха. На самом деле она хотела бы, чтобы Эшлинг поняла, что нарушила обещание, данное другому человеку, и что тот, другой человек старается изо всех сил, а все, что требуется от Эшлинг, – это сделать шаг ему навстречу или хотя бы полшага.

Потом пришло письмо с сообщением, что Этель Мюррей положили в больницу из-за высокого давления, стресса и нервного перенапряжения.

Затем маманя написала, что Тони снова запил, продержавшись три с половиной недели. То, что его письма к Эшлинг возвращались обратно невскрытыми, и так не радовало, но последней каплей стал звонок от Джимми Фаррелли с предложением обсудить некое соглашение по выплатам для Эшлинг.

Потом маманя сообщила, что Этель Мюррей чувствует себя лучше, уже может садиться в постели и на щеки постепенно возвращается румянец, но ей нельзя говорить про новый срыв Тони, пока она не окрепнет.

А однажды пришло письмо в конверте с напечатанным адресом, и Эшлинг открыла его, решив, что оно от адвоката.

Оказалось, письмо от Тони.

Эш, пожалуйста, умоляю, вернись! Я только теперь понимаю, каково тебе пришлось. Я поеду в клинику и вылечусь от выпивки по-настоящему. Я даже поеду в больницу в Дублин или в Лондон, пусть они меня осмотрят где хотят и выяснят, почему я не могу заниматься сексом. Я буду возить тебя на работу и с работы каждый день, куплю новый проигрыватель, который ты когда-то просила. Если ты не вернешься, то я убью себя, и до конца своих дней ты будешь знать, что могла бы не допустить этого.

Я люблю тебя и понимаю, что был ужасным мужем, но теперь все закончилось, и что бы там ни было, а ты все еще моя жена. И если ты скоро вернешься домой, то все будет лучше, чем когда-либо.

Целую,

Тони

Дорогой Тони,

это первое и последнее письмо, которое я тебе напишу, поэтому, пожалуйста, поверь в то, что я скажу. Я никогда не вернусь к тебе! Никогда! Я не собираюсь тебя в чем-то обвинять, ты и сам все знаешь. У меня есть все основания, чтобы аннулировать брак. Если хочешь, мы можем начать процедуру. Насколько я понимаю, нам нужно написать письмо священнику в архиепархии Дублина с изложением всех деталей. На данный момент у меня нет желания это делать и нет намерения выходить замуж во второй раз, так что мы можем оставить вопрос с аннулированием до

тех пор, пока один из нас не пожелает вступить в брак повторно.

Я не хочу, чтобы ты продолжал мне писать и давать обещания, которые не сможешь или не захочешь сдержать. Я ничуть не лучше тебя, так что не надо себя принижать. Я такая же эгоистичная и ушла потому, что была несчастна и больше не могла выносить этого. Я дам тебе совет, как дала бы его кому-нибудь, кого совсем мало знаю. Для твоего же собственного блага перестань пить, потому что, я думаю, это уже влияет на твою печень. Мне кажется, твои боли в животе есть признак начала повреждения печени. На твоём месте я бы постаралась больше внимания уделять фирме Мюрреев, так как вскоре она и ей подобные будут вынуждены вступить в жесткую конкуренцию с супермаркетами и большими торговыми сетями. Вам следовало бы тщательно продумать, что вы делаете и куда идете.

И последнее: наши матери. И твоя мама, и моя маманя с ума сходят от беспокойства за нас. Твоя лежит в больнице и думает, что ты бросил пить навсегда, а моя работает в лавке и, каждый раз глядя на площадь, надеется, что увидит, как я выхожу из автобуса и возвращаюсь, чтобы начать все сначала. Я пишу им обоим жизнерадостные и милые письма, однако никакой надежды нет, они не должны думать, что я вернусь, так как я не вернусь. Я начала новую жизнь. Но они обе такие славные и готовы столь многим пожертвовать ради детей, что с твоей стороны было бы лучше не создавать им дополнительных проблем, угрожая самоубийством или повторяя, что твоя жизнь закончилась. Потому что ничего не закончилось. Ты на многое способен, и я вспоминаю, как мы раньше смеялись, ходили в кино, ездили кататься и ты был очень счастлив. Возможно, ты сможешь это вернуть.

Я не собираюсь обсуждать деньги, договоры или раздел имущества. Я просто хочу искренне пожелать тебе всего наилучшего и сказать, что никакие обещания, угрозы или мольбы не заставят меня передумать. Наш брак

окончательно расторгнут, как если бы из Рима прислали аннуляцию.

Мне жаль, что все так обернулось для нас обоих.

Эшлинг

Постепенно в Килгаррете осознали, что Эшлинг ушла от Тони. Мамадя говорила на эту тему очень невнятно, и Морин решила, будто Эшлинг попала в больницу с выкидышем, а со временем стала подозревать, что сестра лечится от бесплодия.

Когда Тони спрашивали, где Эшлинг, он начинал ворчать:

– Разве не знаете? Уехала в Дублин и в Лондон, к друзьям! – Вот и все объяснение.

Донал, желая вернуть взятые займы пять фунтов, даже заглянул домой к Эшлинг, где наткнулся на Тони, который с безумными глазами принялся расспрашивать, нет ли новостей от Эшлинг. Увидев окровавленные полотенца и тряпки, брошенные в корзину в углу кухни, Донал пришел в ужас:

– Что здесь стряслось?!

Тони, запинаясь, рассказал неубедительную историю про ссору, провокацию и легкий удар в ухо. Донал поднялся на дрожащих ногах:

– Тони, ты дремучий неотесанный деревенщина! Эшлинг слишком хороша для тебя. Надеюсь, она наконец поняла это!

Донал отправился к мамане и понял по ее лицу, что она уже все знает.

– Мамадя, я не стану задавать вопросы, но если я могу что-нибудь сделать, то обязательно помогу.

– Когда мы попытаемся свести их снова вместе, ты мог бы поговорить с Эшлинг о том, насколько сильно переживает Тони, – предложила мамадя.

– Ну уж нет! Я и пальцем не пошевелю, чтобы свести их снова вместе! – неожиданно заявил Донал. – Нет, мамадя, я давно понял: к этому все идет. В Лондоне Тони вел себя как забулдыга, но мы все сделали вид, будто все в порядке.

– У Ханрахана поговаривают, что Эшлинг сбежала от него. Неужели и правда сбежала? – спросил Имон.

– Нет, у них возникли проблемы, но все разрешится, – ответила маманя.

Однако неделя проходила за неделей, и губы Эйлин сжимались во все более тонкую ниточку, а надежда на то, что ситуация разрешится, становилась все призрачнее.

– Вы же знаете нынешнюю молодежь, от них можно ждать чего угодно, – пожимала она плечами, когда ее спрашивали про Эшлинг.

* * *

В ту ночь, когда Тони пришел к лавке и выбил стекло большим камнем, принесенным с заднего двора Ханрахана, Эйлин сидела в своем закутке. Будь она ближе к окну, то могла бы серьезно пострадать или даже погибнуть. Собралась толпа, и сержант забрал Тони в участок. Эйлин сказала, что не стоит поднимать шум, и Тони на полицейской машине доставили к нему домой, где было темно и холодно. Эйлин умоляла сержанта ничего не говорить миссис Мюррей, чтобы не расстраивать ее. Мистер Мид договорился со стекольщиком, чтобы тот первым делом с утра вставил новое стекло. Отец Джон прослышал о происшествии и написал Эйлин письмо, которое должно было бы успокоить, а на самом деле превратилось в нападки на Эшлинг за пренебрежение супружескими обязанностями. Впрочем, не считая этих происшествий, побег Эшлинг мало повлиял на жизнь в Килгаррете. Многие самодовольно качали головой: вот вам доказательство, что деньги и симпатичная внешность не всегда приносят счастье.

* * *

В Лондон пришла весна, и Элизабет заметно раздалась. Она говорила, что теперь в маленький лифт вместе с ней больше никто не помещается и, когда они с Генри возвращаются с прогулок, ему приходится подниматься по лестнице. Элизабет немного преувеличивала, но ее живот и правда стал значительно выпирать. На Пасху она прекратила давать уроки в школе и пришла оттуда с

огромным плюшевым мишкой, которого подарили дети. Она пообещала, что в сентябре вернется и покажет им малыша, а если он будет хорошенький, то, возможно, положит его в художественной мастерской и они смогут его нарисовать. Дети пришли в восторг, но Элизабет знала, что не сделает ничего подобного. В сентябре у них будет новый учитель рисования, который не потерпит, чтобы молодая мамаша вернулась и отвлекла все внимание на себя.

В последние недели Элизабет казалось, что без Эшлинг она ни за что не справилась бы. Она научила подругу готовить более сложные блюда, удивившись, что та почти ничего не умеет.

– Так ведь мне никогда и не приходилось готовить. Дома для готовки маманя всегда нанимала домработницу, а едва я познала счастье замужества, как мой муж решил, что предпочитает не есть, а пить завтрак, ланч и обед.

Эшлинг ходила за покупками, резала овощи и накрывала на стол, пока Элизабет отдыхала, подняв ноги вверх: от долгого стояния они начинали отекать.

– Ты слишком часто приглашаешь гостей. Зачем тебе сдались Саймон с его противной сестрой и ее мужем?

Эшлинг умело нарезала свинину кусочками и бросила их в кастрюлю.

Элизабет сидела на кухне, положив ноги на отделанную бисером скамеечку, которую нашел для нее Джонни.

– Ты не представляешь, какое удовольствие получает Генри. Он чувствует себя с ними на равных, если может пригласить их на обед к себе домой... Что ты делаешь?

– В рецепте написано: «Добавить немного сидра».

– Ты полбутылки вылила!

– Так это и есть немного, разве нет? Много – это целая бутылка!

Роды запаздывали на две недели.

– Непонятно почему, но задержка меня раздражает, – сказала Эшлинг, когда однажды июльским днем они сидели в квартире и смотрели на парк внизу.

– Странно, а я не против. Я чувствую себя как будто немножко во сне, словно время взято взаймы... Ох, я надеюсь, что с малышом все будет в порядке!

– Даже если и не будет, то, говорят, ты все равно будешь любить его ничуть не меньше или даже больше. Впрочем, давай не будем думать про подобные вещи... Кстати, маманя передает тебе привет, я сегодня получила от нее письмо. И еще одно от папани.

– С чего бы вдруг?

– Я удивилась, но оказалось, что он написал просто так. Раз маманя говорит, что они больше не увидят меня дома в Килгаррете, то единственный способ общаться со мной – это писать мне письма... Я думаю, он всегда чувствовал себя виноватым, когда маманя писала бедному Шону во время войны, а папаня ни строчки ему не написал.

Внезапно лицо Элизабет исказила гримаса.

– Что с тобой? – спросила Эшлинг.

– Уже второй раз... ой...

– Ясно, надевай пальто, чемоданчик стоит в прихожей.

– А Генри?..

– Я позвоню ему из больницы, поехали!

– А если мы не поймаем такси?

– Надевай свое шикарное летнее пальто. Его как раз для подобных случаев и покупали...

Эшлинг подбежала к окну и высунулась в него. Четырьмя этажами ниже мимо проезжало такси. Водитель услышал пронзительный свист и увидел рыжую девушку, которая махала ему из окна.

– Мы уже спускаемся! – закричала она.

Машина как раз подъехала к подъезду, когда они вышли на улицу.

– О черт, до чего же мне не везет! – заворчал таксист, бросив взгляд на Элизабет. – Опять сумасшедшая гонка в роддом! А я-то надеялся остаться наедине с такой красоткой...

Он гнал на полной скорости, а Эшлинг держала Элизабет за руку и говорила, что дети не рождаются в такси, что первые роды всегда медленные, что женщинам всегда кажется, будто схватки происходят быстрее, чем на самом деле.

– Ты должна признать, – сказала Эшлинг, когда они въехали в ворота больницы, – что я знаю о родах очень много для человека, который даже не испытал любовных утех.

Элизабет все еще смеялась, когда в коридоре к ней подошли акушерки.

Бледный Генри примчался в роддом. Они с Эшлинг обнялись в комнате ожидания.

– Говорят, осталось всего несколько минут. Ты как раз вовремя. Ты первым увидишь малыша, а то я боялась, что придется это сделать мне.

– Да какая разница! – Генри заикался от волнения.

Медсестра открыла дверь:

– Мистер Мейсон?

– Да-да, как она?

– Все хорошо, она отлично себя чувствует и хочет показать вам вашу прелестную малышку.

– Эйлин! – воскликнул Генри.

– Эйлин! – эхом откликнулась Эшлинг.

* * *

Кто угодно сразу понял бы, что Эйлин – самый прекрасный младенец в мире, а также самый спокойный.

– Интересно, Брендан-младший, Патрик и остальные тоже так выглядели? – спросила Элизабет, в восхищении разглядывая спящий сверток в руках.

– Ничего подобного! У них были красные злые лица семейства Дейли, они требовали внимания и уже в возрасте одного дня расталкивали всех вокруг локтями. Эйлин нежная и хорошего происхождения, по ней сразу видно. Посмотри на ее личико!

Они взгляделись в безупречное лицо малышки, и Эшлинг легонько провела пальцем по крохотным ручкам с малюсенькими ноготками.

– Невозможно представить, что когда-нибудь она сделает хоть что-то плохое, верно?

– Наверняка про нас думали точно так же, когда мы родились.

– А разве мы сделали что-то плохое? Нам просто немного не повезло, и мы справились, как смогли. Вот и все, что мы сделали.

– Да, именно так. Слышишь, Эйлин? Вот и все, что сделали твоя мама и твоя тетя Эшлинг.

– Не понимаю, зачем ты собираешься ее крестить, если ни во что такое не веришь.

– Сложно объяснить. Не важно, веришь или не веришь, просто есть такая традиция.

– Но ведь ты-то знаешь, что это не шутки. Крещение открывает врата благодати.

– Я думала, ты уверена, что протестантское крещение не считается! – засмеялась Элизабет.

– Считается и не считается одновременно. Считается, если не можешь получить настоящее крещение, хотя в твоём случае, возможно, на тебе лежит обязанность крестить ее по-настоящему. В конце концов, я тебя пять лет воспитывала в католической вере!

– Да уж, и она пугала меня до смерти.

– То есть крещение будет всего лишь светским мероприятием?

– Светским и обрядовым одновременно. Я бы сказала, что это формальность и традиция вместе.

– Ясно. Тогда чем будем угощать согласно обряду и традиции? Ростбифом, как в средневековые времена?

– Ну что за глупости! Угощать будем изысканными закусками, которые можно есть одной рукой, пока в другой держишь бокал шампанского.

– И кто придет?

– Большинство из тех, кто приходил на свадьбу.

– И Гарри тоже?

– Разумеется! Я не собираюсь терпеть старушечьи бредни от Генри и папы. Конечно же, Гарри приедет. Он может остановиться у Стефана, если так всем будет легче. Нет, не может, он остановится здесь, как и в первый раз. И я не позволю папе изображать доблесть и благородство.

– Элизабет, ты невероятна! Вот если бы кто-нибудь в Килгаррете смог бы убрать все препятствия с моего пути домой, как ты делаешь это для Гарри.

– Я уже сто раз говорила, что никто не мешает тебе вернуться в Килгаррет, кроме тебя самой.

– Ну да, говорила... Давай теперь обсудим угощения. Сами будем готовить или закажем готовые?

– Как насчет заказать готовые, а сказать, что приготовили сами?

Дорогая Эшлинг,

да-да, знаю, именно я не писала тебе, но я не знала, что написать. Оказывается, даже Имон отправил тебе открытку с днем рождения. Я понятия не имела. Думала, ты в немилости. А выходит, ты пишешь больше писем, чем святой Павел! Извини, я редко бываю дома и настолько занята другими делами, что мне почти ничего не рассказывают. Имон ничего не знает, Донал выглядит как влюбленный телок, Морин устраивает мне выволочки за то, что я вообще на свет появилась, поэтому от нее никакого толку, а маманя всегда считала тебя своей любимицей, и из нее про тебя слова не вытянешь.

Ладно, я написала не для того, чтобы извиняться или ныть. Мне кажется, маманя ужасно выглядит. Больше никто тебе про это не напишет, потому что они не замечают. Я бываю дома наездами и вижу, как сильно она изменилась в худшую сторону. Она заметно похудела и как-то пожелтела. Почти ничего не ест и иногда внезапно присаживается, словно испытывает боль. Возможно, я преувеличиваю, но прошлой ночью мне вдруг подумалось: если бы я уехала из дома и никто мне не сообщил, что мамане плохо, то я бы дико разозлилась.

Я не знаю, что тебе сказать по поводу другого дела. Честное слово, не знаю! Полагаю, это похоже на окончание любовного романа, только гораздо хуже из-за кучи проблем и суматохи. Не говори мамане, что я тебе написала, она рассердится. Она рычит на меня каждый раз, когда я упоминаю ее нездоровый вид. И я пишу не для того, чтобы заставить тебя вернуться домой из чувства вины. Если тебе пришлось так несладко, то ты правильно сделала, что ушла, и Донал тоже так считает. Но возможно, ты единственная, кто способен убедить маманю пойти к врачу. Она тебя слушается.

Надо же, Элизабет так быстро родила ребенка. Она, наверное, страшно недовольна. Я думала, в наше время в Англии незапланированные дети уже не рождаются. Должно быть, Элизабет впитала в себя воспитание, полученное в Килгаррете.

Целую,

Ниам

– Написала достаточно для того, чтобы перепугать нас до смерти, и недостаточно, чтобы объяснить, что стряслось! – вскипела Эшлинг, читая письмо. – Десять месяцев от нее ни слуху ни духу, а теперь нате вам! Ну что за девчонка?!

– Если там у вас и правда деревня деревней, то почему бы тебе не попросить кого-нибудь из знакомых сходить проверить, как дела, и честно рассказать тебе? Попроси того, кого ты хорошо знаешь и кому доверяешь, – предложил Джонни.

– Все не так просто, как тебе кажется. Могут слухи пойти... Скорее всего, ничего страшного. Похоже, Ниам вбила себе в голову дурацкую идею и написала письмо под влиянием момента.

Они сидели в квартире на Манчестер-стрит и пили чай из крохотных фарфоровых чашечек. По мнению Джонни, это было очень утонченно. Он показал Эшлинг, какие именно чашечки использовать, и она уже пристрастилась пить пахнувший духами чай без молока.

– Да, я уверен, она несколько преувеличивает. – Джонни встал и потянулся.

Эшлинг вспомнила, как Элизабет всегда говорила, что Джонни избегает разговоров на неприятные темы.

– Я тоже так думаю, – согласилась Эшлинг, откладывая письмо Ниам в сторону.

Джонни улыбнулся, снова по-кошачьи потянулся и сел на место.

– Чем займемся сегодня вечером? – спросил он.

– Сегодня у меня игра в бридж.

– Ну так скажи им, что не можешь прийти.

Решение было серьезное. Эшлинг позвонила Генри и предупредила, что к ней неожиданно приехали и ей нужно уйти.

– Почему ты не сказала, что собираешься провести вечер со мной? – спросил Джонни.

– Не знаю, – честно призналась она. – Не сказала, и все.

* * *

Миссис Мориарти написала Эшлинг длинное ободряющее письмо. Она побывала в лавке, хотя Эйлин выглядела несколько бледно, но ведь в лавке освещение всегда плохое, а также нашла предлог зайти домой к О'Коннора́м. Эйлин прекрасно себя чувствовала и оживленно болтала про Донала и Анну Барри. Никаких жалоб. Миссис Мориарти специально поинтересовалась, как здоровье Эйлин, и узнала, что как никогда прекрасно. Далее она написала, что такая дочерняя забота со стороны Эшлинг весьма похвальна, но нет никаких оснований для беспокойства. Миссис Мориарти обещала никому не рассказывать о ее просьбе, даже Доналу, к которому Мориарти относятся как к собственному сыну. И напоследок добавила, что молится, чтобы все проблемы и беды Эшлинг удовлетворительно разрешились, а тем временем Эшлинг должна верить, что Господь всегда заботится о людях лишь Ему ведомыми способами.

От Ниам пришло короткое письмо с сообщением, что маманя говорит, что плохо себя чувствовала, но сейчас ей заметно полегчало. Она сходила к доктору Мёрфи и получила от него хорошие таблетки. И она действительно выглядит гораздо лучше.

Я решила написать тебе, поскольку было бы глупо сначала сообщить пугающие новости, а потом не сказать, что пугаться уже нечего. Спасибо, что никого ими не расстроила. Или, возможно, ты там слишком занята, чтобы с кем-нибудь связаться. Я слышала, ты работаешь секретаршей в какой-то клинике. Мы с Тимом собираемся на недельку в Лондон перед Рождеством. У тебя не найдется местечка на полу? У нас есть куртки из овчины, так что постельное белье нам не особо понадобится. Ближе к Рождеству я напишу подробнее.

Говорят, Тони уехал в Англию, чтобы изучать бизнес. Диверсификацию, как сказала миссис Мюррей матери Анны Барри. Понятия не имею, что это такое. Но конечно, ты уже в курсе. И ты наверняка знаешь, что Донал и Анна подумывают о покупке кольца... Ну или ходят такие слухи. Сдается мне, что чем старше становишься, тем меньше люди тебе говорят. Хотя, возможно, так только в

Килгаррете. Или только у меня. Береги себя, и увидимся в декабре на пару ночей, если не возражаешь.

Целую,

Ниам

Однажды вечером Джонни сводил ее на балет, а на другой день – в греческий ресторанчик.

– Я и представить себе не могла, что бывают такие вина! – воскликнула счастливая Эшлинг. – Как, говоришь, оно называется?

– Рецина. По названию особого способа делать вино.

– Ты бывал в Греции?

– Да, и мне безумно понравилось. Я снова собираюсь поехать следующим летом. Поедешь со мной? Ты будешь в восторге. Я думал, магнат возил тебя на греческие острова. Разве не этим занимаются магнаты?

– Магнат ограничился тем, что дважды таскал меня по пивнушкам в Риме. Так что с Грецией все еще впереди.

– Значит, договорились! – не задумываясь, заявил Джонни.

– Давай я заплачу за ужин сегодня, ты ведь и так потратился?

– О нет, ни в коем случае!

– Тогда чем я могу тебе отплатить?

– Пригласи меня на ужин в ту элегантную квартирку, которую я практически обставил для тебя.

– Разумеется! Когда?

– Как насчет завтра?

– Отлично.

– Алло, Элизабет, я не вовремя?

– Нет-нет, все нормально. Я просто укладывала малышку. Кончита только что пришла.

– Ах да, ты ведь в колледж собираешься.

– Честно говоря, я терпеть не могу оставлять ее. Я вдруг стала такая скучная, настоящая клуша. И подумала, что было бы здорово, если бы я могла взять ее с собой.

– Почему бы и нет? В художественном колледже наверняка богемная атмосфера, и все отнесутся с пониманием.

- Вполне может быть, но на улице такой ливень, что я боюсь, она утонет по дороге туда. Как у тебя дела?
- Хотела спросить у тебя кое-что, но мне немного неловко...
- Давай выкладывай.
- Ну... вопрос звучит по-детски, но Джонни попросился поужинать у меня сегодня...
- И?..
- И я подумала... подумала, не будешь ли ты против?
- Против чего?
- Против его визита ко мне.
- О господи! Да он ходит к тебе с того самого дня, как ты сняла квартиру, как и все мы. Почему я должна возражать?
- Ну... мы с ним наедине... на случай, если... Боже, звучит глупо, но на случай, если вдруг визит затянется, понимаешь?
- Да! – решительно ответила Элизабет. – Понимаю. Нет, честное слово, голову на отсечение, горизонт чист!
- И я не...
- Не наступишь на осколки сердец? О нет! Полный вперед! Однако с обычными предупреждениями.
- Да ничего такого, просто...
- Я знаю, и ты не обязана мне рассказывать, но если захочешь, то я не возражаю.
- Да не о чем будет рассказывать.
- Отлично тебе провести вечер!

* * *

- Надеюсь, ты не возражаешь, что я так странно веду себя... – Эшлинг отчаянно залилась краской от смущения.
- Боже мой, нет, милая моя, как пожелаешь.
- Мне просто кажется, что, приглашая тебя на ужин, я как бы подразумевала, что в меню будет и... кое-что другое...
- Нет-нет, давай выпьем еще немного?
- Джонни, ты невероятно привлекателен, словно герой из фильма... Почему ты не засмутился в отличие от меня?

– Крошка, с чего тут смущаться? Мы замечательно целовались, и я предложил перейти в постель и продолжить целоваться там, а ты ответила, что не хочешь, и я сказал, отлично, давай выпьем еще по одной.

– Да, точно, ничего такого, от чего можно смутиться.

– Но ты покраснела.

– Нет, просто с моим цветом волос мне не идет красное лицо. Я лучше всего выгляжу, когда бледнею от беспокойства. Я как-то видела себя в зеркале, когда сходила с ума от переживаний из-за Тони, и вид у меня был сногшибательный.

Они мило провели время, выпили вина, и Джонни собрался уходить еще до полуночи.

– Отличный ужин и прекрасный вечер, – сказал он.

– Извини за другое.

– Ничего страшного. Время от времени я могу такое предложить, а еще лучше, ты предложи, если придет в голову. В противном случае не стоит об этом переживать.

– Ты собираешься поехать домой на метро? – спросила она.

Он достал записную книжку с адресами:

– Нет, милая, пожалуй, я загляну к другу, еще рано.

Он остановил такси и уехал.

Эшлинг поднялась в квартиру, где пахло едой, и выругала себя за глупость. Почему она не сказала «да»? Почему бы не продолжить целоваться с ним в спальне? Почему бы не поучиться заниматься любовью у столь умопомрачительного любовника, как Джонни Стоун?

– Ничего не случилось, – сказала она Элизабет по телефону на следующий день.

– Ты забыла приготовить ужин?

– Нет, я забыла пойти с ним в постель.

– Он предложит снова.

* * *

Этель Мюррей никогда толком не отвечала на длинные и дружелюбные письма Эшлинг, но написала, когда Эшлинг упомянула,

что слышала, будто Тони в Англии: какой такой курс по диверсификации он может проходить?

Эшлинг, мне ведь нужно что-то отвечать, когда люди спрашивают, где он, но на самом деле отец Джон задействовал свои связи, чтобы определить Тони в очень хороший санаторий. Там есть католический священник, он проводит мессу и исповедь для всех пациентов-католиков, а у остальных свои службы. Я знаю, что долго упрашивала тебя повидаться с ним, и отчасти понимаю, почему ты не хотела возвращаться в Килгаррет, но теперь, когда Тони в Англии, вы с ним в одной стране, не могла бы ты к нему съездить? Не надо ничего обещать, просто повидайся с ним. Эшлинг, он в ужасном состоянии. Доктор Мёрфи отправлял его здесь на анализы, и у него наверняка инфекция печени, так что, помимо пристрастия к алкоголю, его лечат еще и от этого. Тот чудесный священник из Уотерфорда очень меня поддерживает. Он сказал, и я ему верю, что той ночью Тони не хотел тебя ударить, поскольку такие, как он, часто поступают прямо противоположно тому, что сделали бы в трезвом виде. Во всем виновата их болезнь. Я прилагаю адрес санатория в надежде, что ты найдешь в своем сердце достаточно сочувствия, чтобы увидаться с ним. Это не рядом с Лондоном, а дальше на север, возле Престона.

С любовью,

твоя свекровь Этель Мэри Мюррей

На следующей неделе однажды вечером Джонни позвонил Эшлинг и спросил, не хочет ли она прийти к нему на ужин

– С удовольствием! Во сколько?

– Давай пораньше, часов в семь. Тогда у тебя потом будет куча времени, чтобы вернуться домой на метро, если захочешь.

Прозрачнее намек не придумаешь!

Эшлинг надела не только лучшее платье, но и красивую комбинацию и единственные трусики с кружевами. И даже купила

новый лифчик, подумав, что старый уже выглядит заношенным. Положила в сумочку освежитель для рта и маленькую пудреницу. А затем вспомнила, что точно так же готовилась к своему медовому месяцу, и ее сердце окаменело.

Джонни приготовил какое-то блюдо из риса. Эшлинг не могла понять, что именно, на вкус, словно картон жуешь. Вино горчило, но она знала, что ей всего лишь кажется. После ужина они потягивали бренди у камина, и Джонни постоянно ставил на радиоле одну и ту же пластинку «Unchained Melody». Он несколько раз поцеловал ее и сказал, что в другой комнате будет удобнее.

– Звучит неплохо, – вяло согласилась она.

Он помог ей раздеться до комбинации и снова поцеловал.

– Ты не поверишь, но для меня это впервые.

– Я знаю, знаю, – нежно сказал он.

– Нет, не знаешь. Я никогда этого не делала. Даже когда была замужем... – Эшлинг не осмеливалась поднять на него глаза. – Отчасти проблема в нашем браке состояла в том, что он не мог... поэтому я никогда не...

Джонни крепко обхватил ее руками и погладил по волосам:

– Эшлинг, бедняжка, перестань дрожать, все хорошо...

– Мне очень жаль, мне следовало сказать тебе раньше... В моем возрасте это просто смехотворно...

– Бедная моя Эшлинг... – Он гладил ее по волосам, прижимая к себе.

Эшлинг не могла поверить, насколько он ласковый и милый.

– Так что, если хочешь, мы можем снова одеться и забыть, если для тебя слишком сложно...

– Эшлинг, хватит уже болтать! – Он продолжал гладить ее волосы, и в его объятиях она чувствовала себя счастливой и в полной безопасности. – Будет так, как ты захочешь, милая. Если хочешь остаться со мной, то прекрасно. Если хочешь пойти домой, то, разумеется, возвращайся домой.

– Я хочу остаться с тобой, – тихо сказала она.

– Тогда мы будем действовать очень нежно и потихоньку. Эшлинг, ты такая красавица, такая славная девушка, и я безумно рад, что я у тебя первый.

Джонни крепко прижал ее к себе, и она чувствовала, как бьется его сердце.

Эшлинг тоже была рада, что он стал у нее первым. Она лежала и смотрела на спящего Джонни. Все случилось мягко и естественно, словно так оно всегда и должно было быть. Даже казалось странным целовать и ласкать кого-нибудь без того, чтобы полностью слиться с ним таким образом. И так приятно думать, что она дарит ему наслаждение уже тем, что допускает его к себе.

Надо же, а она столько переживала в ожидании того самого момента! Ну что за маленькая дурочка! Нет никакой неловкости, никакого стыда, никакого кошмарного момента, когда ты уже или еще не.

А если бы она встретила Джонни много лет назад, когда все сводилось к неуклюжему тисканию и грубому ощупыванию? Если бы она всегда знала только такую любовь, всегда бы помнила про нее? Тогда, конечно же, жизнь не казалась бы настолько безнадежной! Как здорово было бы любить кого-то по-настоящему, быть частью этого очаровательного мужчины! Если бы только все это случилось с ней еще в юности...

Точно так же, как с Элизабет, внезапно подумала она. Посмотрела на спящего Джонни и решительно выбросила из головы подобные мысли.

Глава 19

Для Эшлинг работа в приемной частной клиники особых трудностей не представляла. Нужно поприветствовать пациентов, когда они приходят, усадить их в шикарной комнате ожидания с отполированной до блеска мебелью и популярными глянцевыми журналами на огромном столе. Эшлинг вела три безупречные книги записи на прием, картотеку и подробный ежедневник, используя чернила трех разных цветов, чтобы каждый врач мог их пролистать и сразу увидеть все, что имеет к нему отношение в любой выбранный день.

Доктора были чрезвычайно довольны ее работой, и каждый из них по отдельности сообщил ей, что, когда она взяла двухнедельный отпуск на Рождество, в клинике начался настоящий хаос. Заменяющая ее девушка не сумела следовать установленной Эшлинг простой системе и все перепутала.

– Похоже, я превратилась в старуху-экономку, в фамильную драгоценность. Наша старушка мисс О’Коннор... – улыбнулась Эшлинг.

Ее торопливо заверили в том, что старушкой она не выглядит.

– У них полностью отсутствует чувство юмора, вот в чем проблема, – сказала Эшлинг, в очередной раз в лицах разыгрывая сценки из рабочей жизни для Элизабет и Генри. – Хотя если бы у меня денег куры не клевали, как у них, то мне тоже некогда было бы хихикать. Я была бы слишком занята, пересчитывая полученное и пуская над ним слюнки.

– Они так много зарабатывают? – заинтересовался Генри.

– Лопатой гребут! – уверенно заявила Эшлинг. – Конечно, я счетами не занимаюсь, всеми финансами ведает бухгалтер. Я только записываю всю информацию: кто приходил, в чем проблема, что сделали, что прописали, а потом они начисляют безумную оплату. У них две отчетности: одна для налоговой, другая для себя. Я знаю, так как однажды видела их бухгалтера за работой. Забавная коротышка. Похожа на обычную бабульку, а вовсе не на аферистку.

– Очень нечестно с их стороны! – вскипел Генри – Если они столько зарабатывают, то почему бы не заплатить налоги, как положено?

– Генри, мы не сможем искоренить коррупцию на Харли-стрит или где угодно еще. Эшлинг права. Все так делают. А если мы не такие, то не надо судить всех остальных по себе. Вот, поддержи-ка свою прелестную дочурку. Мне нужно пойти поработать над курсом рисования для этого года, иначе нам самим не с чего будет платить налоги! – Элизабет улыбнулась и передала ему Эйлин.

Так и не успокоившись, Генри рассеянно взял ребенка:

– Мы достаточно зарабатываем. Мне повысили жалованье, нам хватает. В этом году тебе нет надобности преподавать.

– Еще как есть! Мы ведь уже все обсудили. Помимо того, что мне нравится быть преподавателем и я хочу преподавать, преподавание еще и приносит нам кругленькую сумму... – Элизабет с извиняющимся видом повернулась к Эшлинг. – Почему бы тебе с твоим красавчиком Джонни не записаться на мой курс? Тогда я бы точно знала, что двое студентов у меня уже есть!

Элизабет хотела пошутить, но Эшлинг восприняла ее слова всерьез:

– Я так и собиралась сделать, подумала, что хорошо бы мне немного подучиться, но Джонни заявил, что в моей и так глупой голове все только еще больше перепутается.

Элизабет беспечно засмеялась:

– О да, я знаю! «Жалкие попытки приобщиться к культуре раз в неделю», «желание принадлежать к среднему классу», «искусство, сведенное до уровня журнальных статей»...

– Так он рассказал тебе про то, что мне говорил? – расхохоталась Эшлинг.

– Джонни уже несколько лет повторяет одно и то же. Он всегда ошибался, но продолжает петь старые песни. Впрочем, как угодно. Ты много потеряешь, если не пойдешь, верно я говорю, Генри?

– Что? – встрепенулся все еще раздраженный Генри. – Извини, я не слушал...

Элизабет внезапно поцеловала его:

– Если бы не мои курсы, я бы никогда тебя не нашла. Подумай об этом!

- Да, но если ты продолжишь их вести, то как бы ты не нашла кого-нибудь другого! – почти повеселел Генри.
- Ты ведь знаешь, именно поэтому я и продолжаю их вести!

* * *

Эшлинг и Элизабет шли с коляской по Баттерси-парку. Эйлин так плотно закутали, что сложно было понять, получает ли она хоть какую-то пользу от весеннего солнышка. Эшлинг сказала, что в любом случае взрослым не помешает немного размяться. Как обычно, они присели на скамейку, чтобы выкурить сигарету.

– Испортили всю пользу от здоровой прогулки! – в очередной раз пошутила Эшлинг, радостно прикуривая.

– Разве Джонни не пытается заставить тебя бросить курить?

– С ним я почти не курю, всего по одной после еды, и постоянно чищу зубы. Нынче он не так часто достает меня назиданиями. Да ладно, это временно, он все равно снова начнет.

– Нет, – возразила Элизабет, – не временно. Все, что делает Джонни, он делает осознанно. Он не вернется к сигаретам.

– То, что я с Джонни, никак не повлияло на наши отношения? – спросила Эшлинг.

– Никак, абсолютно никак. Честное слово.

– Да, ты тогда сразу так и сказала... И я знаю, что у тебя нет сожалений. В конце концов, именно ты от него ушла.

– В каком-то смысле да...

– Когда ты видишь меня с ним, когда я тебе все рассказываю, у тебя не всплывают воспоминания о хороших временах? Как оно было в самом начале?.. Понимаешь, это единственное, в чем я не уверена...

– Не уверена в чем? Во мне?

– Да. Я знаю, как ты относишься к Генри и Эйлин, и знаю твою жизнь чуть ли не так же досконально, как свою собственную, но не знаю про Джонни. Если когда-то ты была к нему настолько сильно привязана, то как получилось, что к моменту моего появления здесь ваши отношения превратились в шутливую дружбу?

– Потому что других вариантов быть не могло...

– Вот я как раз про это. Ты не сожалеешь о случившемся? Ты не хотела бы... ну... не знаю... выйти за него замуж и чтобы у вас все было хорошо?

Элизабет выдохнула длинную струйку дыма:

– Я постараюсь быть настолько честной, насколько умею, не буду играть словами. Для меня подобные желания не имеют смысла, как если бы я хотела, чтобы квадрат превратился в круг или чтобы трава из зеленой стала синей. Это бессмысленно, потому что невозможно.

Воцарилось молчание.

– Вы столько времени встречались, ты испытывала к нему такие глубокие чувства, неужели сейчас у тебя нет ревности или зависти? Не мечтаешь, что если бы ты была свободна...

– Нет! – решительно заявила Элизабет. – Нет, я говорю то, что думаю, и хочу, чтобы ты поверила моим словам.

– Наверное, я никогда не смогу этого понять, – сказала Эшлинг, когда они встали и продолжили путь. – Впрочем, ты влюблялась уже два раза, а я – ни одного.

– Разве ты не влюблена в Джонни?

– Нет. Он мне нравится, но это не любовь – не та любовь, когда для любимого готовы на что угодно. Я не ставлю его интересы выше собственных...

– Пока не ставишь.

Дорогая Элизабет,

я выполнил твою просьбу, и впечатления не слишком приятные. Надо сказать, санаторий действительно шикарный, очень дорогой, а все сотрудники мямлят так, словно прожевать забыли.

Я сказал, что хотел бы узнать про мистера Мюррея от имени посредника, который интересуется, может ли его жена приехать к нему повидаться. О нет, они не хотели ничего говорить. Тогда я сообщил им некоторые подробности, попросив не передавать их его семье в Ирландии. Я сказал, что встречался с ним на свадьбе и хотел бы возобновить наше знакомство.

Он сидел в саду под надзором медбрата. Вид у него ужасный: одновременно полнее и худее, чем раньше. Лицо

выглядит опухшим, а шея – тонкой и покрыта складками кожи. Он меня не узнал. Тогда я напомнил ему, что мы познакомились на твоей свадьбе, но, похоже, он все забыл.

Я сказал, что живу неподалеку и могу заглянуть к нему разок-другой, и он ответил, что как мне будет угодно. Когда старая карга, которая там вроде как командует, увидела, что я его действительно знаю, то немного оттаяла и разговорилась. Она заявила, что он никогда оттуда не выйдет. Не в открытую сказала, но смысл именно такой. Элизабет, там еще хуже, чем в больнице, где была твоя бедная мама, так как они притворяются обычным санаторием, а на самом деле среди пациентов везде ходят медбратья, стараясь не бросаться в глаза. У меня от этого места мурашки по коже, и если ты не против, то я бы предпочел больше туда не ходить. Тони уже не человек, от него одна видимость осталась.

Целую тебя, Генри и прелестную Эйлин,

Гарри

– Я попросила Гарри сходить посмотреть на Тони, – сказала Элизабет.

– Зачем? – удивилась Эшлинг.

– Тони занимает слишком много места в твоей жизни, чтобы просто отрезать и выбросить.

– Только не говори мне, что ты хочешь, чтобы я к нему поехала... После всего, что я тебе рассказала...

– Нет, конечно, но... мы должны знать, как у него дела.

– И что по этому поводу говорит Гарри?

– От него одна видимость осталась.

– Боже!

* * *

Джонни предложил Эшлинг попросить отпуск на месяц, чтобы поехать в Грецию.

– На такой работе, как у меня, никто не получает отпуск на целый месяц. Мне еще повезло, что они согласны дать мне три недели. Я уже брала две недели на Рождество, помнишь, когда мы ездили в Корнуолл.

– То было в прошлом году, а это в этом!

– Да, но я не могу уехать на целый месяц...

– Сентябрь в Греции прекрасен.

– Я спрошу, но даже не знаю... Не хотелось бы их разозлить.

– Послушай, я уезжаю на месяц, а ты поедешь на столько, на сколько сможешь, хорошо? Тогда никаких проблем не будет.

Разумеется, Джонни был прав, но Эшлинг почему-то разозлилась. Ей казалось, что причина для поездки в Грецию вовсе не в том, что Джонни хочет провести время с ней. Он поехал бы туда в любом случае.

* * *

Отец сожалел, что Эшлинг бросила учиться играть в бридж. Она очень смышленная, и из нее получился бы хороший игрок. Элизабет объяснила, что причина в отношениях Эшлинг с Джонни Стоуном.

– Не может быть! – поразился отец. – С твоим парнем Джонни Стоуном?

– Да, он когда-то был моим парнем, но сейчас, очевидно, им не является.

– Ну-ну, – буркнул отец, – надеюсь, с ней он обойдется лучше, чем обошелся с тобой.

На Элизабет нахлынули обида и раздражение. Ей захотелось заорать на отца, но она знала: с точки зрения окружающих, встречаться с девушкой семь лет и не сделать ей предложения непорядочно по отношению к девушке. И возможно, во многих смыслах это действительно подло.

* * *

– Ты что-нибудь рассказываешь тетушке Эйлин о Джонни в своих письмах? – спросила Элизабет.

– Господи, да что ж я могу ей рассказать?

– Ну, что ты счастлива, что встречаешься с ним. Я не имею в виду говорить ей, что ты с ним спишь.

– Если маманя узнает, что я встречаюсь с мужчиной, то придет в ужас. Для нее я все еще замужняя женщина, ты ведь знаешь. Про Джонни я ей ни слова сказать не могу. Для мамани встречаться с мужчиной можно только перед тем, как пойти с ним к алтарю, а пока существует Тони, я не могу выйти замуж за Джонни, поэтому мамане ничего говорить нельзя.

Элизабет чувствовала, что независимо от существования на свете Тони пойти к алтарю с Джонни будет невозможно, но промолчала. И даже внезапно подумала, что может быть не права. А вдруг Джонни решит остепениться? Может, он уже нагулялся? И захочет жениться на Эшлинг и завести ребенка.

От таких мыслей она расстроилась – и разозлилась на себя за то, что расстроилась.

* * *

Эшлинг все же рассказала Доналу про свой роман с Джонни. В конце концов, они ведь встречались на свадьбе Элизабет, и Доналу Джонни понравился. А еще он слышал краем уха, что когда-то Элизабет с ним долгое время встречалась. Донал был польщен тем, что ему доверили секрет, но в его словах поддержки и радости звучали нотки предостережения, которые Эшлинг предпочла не заметить.

Донал обручился с Анной Барри. В сентябре она должна получить степень бакалавра с отличием, а в октябре они поженятся. Донал очень хотел бы увидеть Эшлинг на свадьбе, но если она не сможет приехать, то он поймет. Он рад, что она счастлива и влюблена в Джонни Стоуна, но надеется, что она не попадет в неприятности. В конце концов, Джонни может легко воспользоваться женщиной, которая недавно приехала в Лондон из-за неудачного брака. Он надеется, что Эшлинг не наделает глупостей. Ведь Джонни долгое время пользовался Элизабет, а в итоге ей пришлось его бросить. Он уверен, в конечном счете все обернется к лучшему. Маманя поправилась и с нетерпением ждет свадьбы, поскольку организовывать ее придется семейству

Барри. Дом, где жили Эшлинг и Тони, продали кузине мистера Мориарти, которая говорит, что с ним очень легко управляться. Впрочем, Эшлинг, наверное, уже и так знает. Он надеется, что она найдет в Лондоне много новых друзей, помимо Джонни. Анна передает привет.

«Вот ведь маленький поганец! Учить меня вздумал!» – разъярилась Эшлинг, но потом остыла. Донал не виноват. Он все тот же милый нежный мальчик, просто насквозь пропитанный представлениями Килгаррета. Он немножко провинциал. Ее замечательный братик Донал превратился в узколобого провинциального аптекаря.

* * *

По словам Джонни, в Грецию нужно ехать на поезде и на корабле, что займет почти пять дней в одну сторону – и пять дней обратно. Именно поэтому им нужен хотя бы месяц. Эшлинг еще не отпрашивалась в клинику и, вообще-то, подумывала даже отправить им телеграмму уже из Греции, сочинив себе какую-нибудь болезнь. Она размышляла, будут ли они путешествовать как муж и жена. Прежде такого не случалось. Коттедж, в котором они останавливались в Корнуолле, принадлежал друзьям Джонни, и нужды притворяться не было. Прошел уже целый год после того, как с ней приключилось то несчастье на предыдущее Рождество, которое Эшлинг встретила в одиночестве, зато потом ей повезло найти очаровательного мужчину, и он увез ее на далекий морской берег, в сельскую тишину. Впрочем, она чувствовала себя одинокой и раньше – даже тогда, когда встречала Рождество в родительском доме.

А настоящий летний отпуск – это же совсем другое дело! Эшлинг ждала его с нетерпением. Элизабет завидовала:

– О, я просто позеленела от зависти! Нет, я никогда не ездила в Грецию, ни с Джонни, ни с кем-нибудь еще...

– А он сказал, что всегда путешествовал...

– Да, но без меня. Я не могла поехать то из-за папы, то из-за мамы, то из-за работы... В отличие от тебя, у меня не было возможности бродить по Европе налегке.

– Может, тебе все равно стоило бы поехать...

– Может быть... – Элизабет прижала к себе Эйлин, которая всегда улыбалась точно в нужный момент, словно на заказ. – В любом случае, если бы я поехала, все могло бы сложиться иначе, и, возможно, у меня не было бы тебя... И это было бы уязвно, дя?

– Элизабет, ты же обещала говорить по-человечески!

– Ах да, я забыла. Да ты с ней и сама вчера сюсюкала.

– Это совсем другое дело! У Эйлин скоро день рождения, а на день рождения всем можно немножко посюсюкать.

* * *

На торте зажгли одну свечку, и все запели песенку с поздравлением – Генри, Элизабет, Джонни и Эшлинг, Саймон и отец. Эйлин подняла обе ручки и помахала. Они ели торт, когда зазвонил телефон.

– Эшлинг, это тебя, твой отец, – сказал Генри.

Элизабет подскочила одновременно с ней.

– Господи! Должно быть, что-то с маманей...

– Да мало ли что, не паникуй! – Элизабет попыталась ее успокоить.

В прихожую они вошли плечом к плечу.

– Что нам делать? – спросила Эшлинг.

– Поговори с ним. Может, ничего серьезного.

Когда Эшлинг взяла трубку, Элизабет держала подругу за руку.

Собравшиеся в гостиной видели, как они стоят рядом в луче солнечного света – обе напряженные, словно в ожидании удара.

– Да, папаня. Конечно, правильно, что ты позвонил... И когда они тебе сообщили?... А ей рассказали, она знает?... Боже... Господи боже мой!.. И как долго... Что они говорят?... Ох, нет, ну должны же они сказать еще что-то?... Папаня, ей больно?... Да, конечно. Завтра. Нет, не переживай. С этим я сама разберусь. Завтра.

В клинике отнеслись с пониманием. Эшлинг благодарила судьбу, что не успела попросить отпуск на месяц и не навлекла на себя подозрений в легкомысленности. А то ведь могли бы и в историю об умирающей матери не поверить.

Она провела два часа, записывая четкие указания для своей замены, которую пришлют из секретарского агентства.

– Выберите старушку вроде меня, а не легкомысленную девчонку, – посоветовала она доктору Штайнеру.

– Да сколько же вам лет? – засмеялся он.

– О, в моем личном деле все записано! Вы же знаете, мне двадцать восемь.

– Вам повезло провести столько лет с мамой... по сравнению с некоторыми, – мягко сказал он.

– Да, но я от нее сбежала... Вот отчего тяжело...

– Но вы ведь возвращаетесь теперь, когда она в вас нуждается.

– Да, и Элизабет тоже со мной поедет, и это прекрасно.

* * *

Генри изумился, когда Элизабет объявила, что хочет поехать в Ирландию:

– Ты не можешь уехать! Что мы будем делать с Эйлин?

– Я возьму ее с собой.

– Да ты с ума сошла! Милая, ты просто расстроена. Ну нельзя же тащить годовалого ребенка через море в Ирландию, чтобы посмотреть на умирающую женщину.

– С моей точки зрения, ситуация выглядит иначе. Я хочу поехать.

– Но как же работа и все остальное?

– Нет никакой работы. В курсе осталась всего одна лекция. Я попрошу кого-нибудь провести ее и закончить курс. В колледже занятий нет. Так что все в порядке. Мы заказали билеты на самолет.

– Ты собираешься везти Эйлин на самолете?

– Генри, если хочешь, поехали с нами, а то ты выглядишь так, словно мы убегаем, бросив тебя одного.

– О нет, конечно, ты должна поехать. Извини, все слишком внезапно. Думаю, я не понимал, как много она значила для тебя... для вас обеих... Эшлинг здесь уже больше года и ни разу не съездила домой повидаться с матерью. Ну и как-то слишком неожиданно, что вы вдруг срываетесь с места без всякой причины...

– Без всякой причины? У Эйлин рак, повсюду, по всему телу. Врачи ее разрезали и тут же зашили обратно. Ей осталось всего пара недель.

* * *

Стюардесса сказала, что в жизни не видела такую красивую малышку. Эйлин улыбнулась, Эшлинг и Элизабет тоже улыбнулись. Они обе безумно устали. Эшлинг навела порядок в делах на работе, в квартире и в личной жизни.

– Я не смогу поехать в Грецию.

– Но когда все закончится, тебе нужно будет отдохнуть. Самое время поехать в Грецию, – сказал Джонни.

– Нет. В любом случае к тому времени я уже полностью использую положенный мне отпуск.

– Ну ты словно про школьные каникулы говоришь! Тебе положены отгулы по семейным обстоятельствам.

– Извини, тебе придется ехать в Грецию одному, если только ты не собираешься отложить поездку до следующего года.

– Что ж, тебе виднее.

Воцарилось молчание.

– Мне очень, очень жаль. Ты ведь знаешь...

– Да, знаю, – ответила Эшлинг.

Однако его сожаления не простирались настолько, чтобы поехать с ней в Ирландию или хотя бы проводить ее на самолет.

– Не обращай внимания, – прочитав ее мысли, утешила Элизабет. – На похоронах моей мамы он тоже не был.

В аэропорту они взяли машину напрокат и поехали в Дублин. По залитым солнцем улицам бродили целые толпы. Город заполнили туристы – американцы и иностранцы со всех концов света.

– Не понимаю, что они тут все столпились... Полно автомобилей, везде шум и гам. Ехали бы себе куда-нибудь в глубинку.

– Им нравятся сувениры и магазины, – сказала Элизабет. – Люди на них просто помешаны. Когда я водила экскурсии в Национальную галерею или в галерею Тейт, некоторые норовили отбиться от группы

и пройтись по магазинам. Вот зачем бы им сдались эти магазины, когда в других местах есть точно такие же?

– Шей Фергюсон собирался сделать ремонт в комнатах возле его жуткого гаража, чтобы сдавать их туристам. Интересно, воплотил ли он свою задумку, оставшись без закадычного дружка Тони?

– Тебе будет нелегко вернуться. Все будут на тебя глазеть, верно?

– Элизабет, честное слово, мне наплевать! Если они такие сплетники, что я и моя жизнь их интересуют больше, чем бедная маманя, то и черт с ними!

– Да я не про то. Я хотела сказать, что ты должна быть готова к бурным эмоциям. Более бурным, чем если бы ты все время оставалась дома.

– Да, я понимаю. Слава богу, ты со мной поехала, спасибо тебе большое.

– Для меня она почти так же важна, как для тебя.

– Я знаю. Маманя будет очень рада... – Эшлинг внезапно сникла. – Ну что за чушь, как она может умереть?! Она же не старая, ей даже шестидесяти нет, что за несправедливость...

– Эшлинг, перестань, хватит! Ты же не смотришь, куда едешь, ты нас всех угробить собралась? Этим горю не поможешь...

– Ты права, извини.

– Когда мы с ней встретимся, то должны быть сильными. Именно этого она бы хотела, верно?

– Да, она бы хотела снова увидеть нас в Килгаррете и чтобы мы вели себя примерно и всех ободряли. Именно так нам и придется сделать.

Они никому не говорили, в какое время приедут, и папаня не узнал взятую напрокат машину, когда она проехала мимо лавки. Они увидели, как он запирает двери. Отец сгорбился и выглядел постаревшим, лицо покрылось морщинами, волосы растрепаны.

– Эшлинг, прекрати! Помни, зачем мы приехали, – сказала Элизабет, и Эшлинг сжала задрожавшие губы.

Она вышла из машины как раз в тот момент, когда Шон тяжело зашагал к дому. Элизабет вылезла с другой стороны, держа на руках заснувшую Эйлин.

– Папаня! – позвала Эшлинг. – Папаня!

Элизабет шагнула вперед:

– Дядюшка Шон, мы вернулись, чтобы показать Эйлин ее тезку. Мы подумали, она будет рада увидеть малышку и узнать, что ее имя не забудут...

Тут Шон не выдержал и прямо на площади, где все могли увидеть, разрыдался, как ребенок. Они похлопали его по плечам, сами дружно высморкались и предложили ему большой носовой платок, который Элизабет заметила выглядывающим из его кармана. Тогда Шон выпрямился, и они пошли домой.

– Можно нам остановиться в нашей старой комнате? – спросила Эшлинг.

– Выбирайте любую, – ответил папаня.

Они поднялись наверх, оставили чемоданы на тех же кроватях, где когда-то спали в детстве, – по обеим сторонам белого комода. Потом покормили малышку, поменяли ей подгузник и сели, поставив переносную кроватку на пол между ними.

– Думали ли мы когда-нибудь в те годы... – начала Эшлинг.

– Нет, мы никогда ничего подобного не думали... Все должно было быть совсем по-другому, все должны были оставаться того же возраста, а мы бы просто доросли до них...

– И стали бы с ними ровней...

– И могли бы ложиться спать так же поздно, как они...

– Папаня говорит, она все еще спит... как ты думаешь...

– Да, – ответила Элизабет, – давай пойдем сейчас.

– С малышкой?

– Да. И помни, мы должны быть сильными.

– Я помню. Нет смысла приезжать домой, чтобы поплакать. Ей этого не нужно, ей нужно...

– Вот именно. Пошли.

* * *

Она выглядела совсем крохотной, или ей положили огромные подушки. Она всегда была крупной женщиной, а теперь ее голова, плечи и руки словно уменьшились в размерах. В комнате царил полумрак, но сквозь цветастые шторы все еще проникал свет и

доносился городской шум: рев автобусного двигателя, крики детей на площади, цокот лошадиных копыт и скрип повозок.

Маманя была одета в голубой кардиган, который Эшлинг запомнила как один из праздничных нарядов, а теперь он превратился в домашний. На ночном столике лежали четки и католический молитвенник, стояли стаканы воды, бутылочки и лекарства.

– Ага, я так и знала! – улыбнулась маманя без слез на глазах, и ее голос звучал вполне буднично. – Вчера Шон сказал, что ему нужно позвонить из лавки. В воскресенье-то. По делам, говорит. Я знала, что он звонил тебе, но не хотел признаваться мне, если вдруг ты не приедешь. Дай-ка на тебя взглянуть.

– Маманя!

– Боже милостивый! Да с тобой никак Элизабет приехала? В комнате совсем темно, подойдите поближе, я на вас посмотрю.

– Мы втроем приехали. Я привезла ее, чтобы она на вас посмотрела...

– О чем ты? Кого привезла?

– Я привезла Эйлин познакомиться с ее приемной бабушкой... Других у нее не осталось. Вы единственная. Я подумала, ей нужно на вас посмотреть...

Элизабет положила малышку на кровать, и маленькая Эйлин потянулась к больной женщине, словно желая, чтобы ее взяли на руки.

Элизабет и Эшлинг стояли неподвижно. Исхудавшими руками маманя с трудом подняла ребенка и положила себе на грудь:

– Как чудесно, что вы привезли ее ко мне! Ах, Элизабет, я всегда говорила, что ты на голову выше любого из моих собственных детей. И уж точно куда выше, чем эта негодница, которую я люблю больше всех остальных, вместе взятых.

Тогда они подошли к кровати, поцеловали маманю и сели рядом, чтобы ей не приходилось вертеть головой, разговаривая с ними. Иногда она брала за руку Эшлинг, а иногда – Элизабет. Она говорила им, что не боится, и знает, что Господь ожидает ее. И что там она увидит Шона, Вайолет и остальных. А еще она всегда будет смотреть за ними с небес и молиться за них за всех. Она беспокоилась об отношениях Имона с отцом. Что случится, когда ее больше не будет здесь, чтобы поддерживать мир между ними? И какая жалость, что она не доживет до женитьбы Донала на этой милой девочке Анне Барри.

Какая трагедия для них, ведь уже все распланировано, а теперь над свадебными торжествами будет висеть траур. Она сказала, что у Ниама есть голова на плечах, а потому проблем не будет. Ниама способна о себе позаботиться лучше любого из семьи. Потому что она самая младшая. За Морин маманя тоже не особо переживает. Морин теперь принадлежит семейству Дейли, она там прижилась, и детишек она обожает. А ныть она будет всегда, потому что характер такой.

Эйлин рассказала им, что получить предупреждение о грядущей смерти, а не погибнуть внезапно в аварии или на войне – это великое благо. Тогда есть время, чтобы подготовиться и сказать людям то, что не хотела говорить раньше, и уладить все заранее. Она даже написала небольшое завещание. Не то чтобы у нее так много имущества, но она хотела передать некоторые личные вещи. Это утешает.

Маманя ни словом не упомянула про отъезд Эшлинг и Тони из Килгаррета. Она сказала, что времени хватает. Доктор Мёрфи пообещал, что она будет в состоянии разговаривать еще неделю или две. Проблема в том, что она быстро устает.

Она поцеловала малышку в лобик и позволила им забрать ее. Держа дочурку в одной руке, другой Элизабет коснулась руки тетушки Эйлин.

– Я дам Эшлинг возможность приходить к вам одной, мы ведь не сиамские близнецы, – улыбнулась она.

– Вы всегда были неразлучны, словно и впрямь сиамские близнецы! – улыбнулась в ответ тетушка Эйлин. – Именно это было так чудесно, когда ты жила здесь. Слава богу, связь между вами сохранилась, когда вы выросли. Я так рада, что вы вернулись такими сильными, чтобы поддержать меня, мои славные девочки. Вы мне очень, очень помогли. Вы и сами знаете.

– Да, маманя, оставаться жизнерадостными в такое время не фунт изюму, но если ты хочешь именно этого... что ж, ты всегда получала то, что хотела.

– Вовсе нет, рыжик ты мой, тебя мне никогда не удавалось переспорить... Идите уже, дайте мне поспать.

Когда они закрывали дверь, она улыбалась.

Зайти к миссис Мюррей казалось невероятно сложной задачей. Эшлинг сначала позвонила, чтобы убедиться, что ее пустят в дом.

– Конечно приходи, если хочешь, – получила она в ответ.

Несмотря на то что миссис Мюррей старалась проявить гостеприимство, атмосфера все равно оставалась напряженной. Эшлинг не могла извиниться за свое поведение, а миссис Мюррей не собиралась ее прощать. Они были единодушны в желании быть понятыми и в нежелании понимать другую сторону.

– Я считаю, Тони хорошо в санатории.

– Эшлинг, откуда тебе знать, если ты там не была?

– Друг Элизабет туда съездил.

– Понятно. Я слышала, Элизабет привезла свою малышку.

– Да, ее называли Эйлин. Имя матери Генри тоже Эйлин.

– Прекрасное совпадение!

– Как поживает Джоанни?

– Все так же, ничего нового.

Под конец, когда перекидываться репликами, поддерживая разговор, стало почти совсем невозможно, Эшлинг вдруг сказала:

– Мне очень жаль, что все так получилось, миссис Мюррей.

– Да. Мне тоже очень жаль, что все так получилось. Искренне жаль.

– Я вернусь к мамане.

– И твою маму мне тоже искренне жаль, – сказала миссис Мюррей. – Господь посылает нам очень тяжелую жизнь здесь, на земле.

* * *

– Я тщательно все обдумала, так что мои слова не просто глупые фантазии умирающей женщины.

– Да, маманя, я знаю.

– Что может быть лучше, чем если бы ты жила здесь и стала хозяйкой этого дома? Всю домашнюю работу может делать прислуга. А ты с папаней занималась бы лавкой и следила, чтобы они с Имоном не поубивали друг друга.

– Но, маманя...

– Нет никаких причин для тебя оставаться в Лондоне, работать секретаршей на совершенно незнакомых нам людей, жить в убогой квартире с подержанной мебелью, учиться играть в бридж и ходить по иностранным ресторанам. Эшлинг, ну разве это жизнь? Разве можно так жить?

– Но здесь от меня не будет никакого толку...

– Еще какой толк будет! Я пришла к выводу, что, учитывая все, что ты рассказала мне про свой брак, тебе следует просить его аннулировать. Попробуйся. Ты молодая цветущая женщина, а Тони – Господи, его помилуй! – не в себе... Церковь должна проявить понимание в подобных случаях.

– Мама, я не знаю, стоит ли оно того.

– Ты ведь сама говорила, что стоит, а я тебя не слушала. В конце концов, если ты можешь доказать, что брачные отношения не вступили в силу, то им придется признать брак фиктивным.

– Так и есть. – Эшлинг опустила взгляд.

Мама, ничего не знала про Джонни, другую ее любовь и привязанность. Бедная, добрая, славная мама пыталась позаботиться о том, чтобы судьба не лишила любимую дочку того, что ей причитается.

– Мама, со мной все будет хорошо. Я... я уже привыкла к новой жизни и вполне счастлива. Там мне будет лучше, чем здесь.

– Ладно, мы еще вернемся к этому разговору, я слишком быстро устаю. Сегодня мне кажется, что меня легким порывом ветерка сдует.

– Мама, нет, пожалуйста, не уходи!

– Эшлинг, что толку плакать? Мы все устали от слез, у меня плечи и шея болят от плача.

– Потому что мы любим тебя!

– Если бы вы меня любили, то помогли бы мне более практичным отношением. Твой папа только и делает, что стоит возле моей кровати на коленях... «Я не смогу жить без тебя, Эйлин, нам всем без тебя не жить, не умирай, не умирай». Эшлинг, разве такая помощь нужна умирающей женщине? Я хочу знать, что с ним все будет в порядке, что он сумеет обо всем позаботиться, что он состарится и позволит вам с Имоном вести дела в лавке и даст остальным их долю в бизнесе. Я хотела бы, чтобы он перестроил первый этаж для себя, сделал бы там себе спальню и все остальное, чтобы ему не

приходилось ходить по лестнице. Ты не могла бы договориться со строителями...

Эшлинг вскочила, сверкая глазами:

– Ладно, маманя, ты хочешь, чтобы они сегодня пришли, или сначала похорон дождемся?

Эйлин засмеялась и словно помолодела:

– Вот так ты больше похожа на себя, моя девочка! Вот это моя Эшлинг!

* * *

– Эйлин, я не знаю, как мне удастся оставаться с вами такой спокойной. Мы, англичане, приходим в ужас от разговоров о смерти, а я сижу тут с вами и постоянно про нее болтаю...

– Я всегда тебе говорила, что в тебе ирландского больше, чем в нас самих...

– Услышать такой комплимент от вас дорогого стоит.

– Так любой бы сказал. Ты отошлешь Эшлинг обратно? Здесь ей будет лучше. В Англии она будет метаться, там ей не место...

– На самом деле она приживается там. Я имею в виду, если бы вы видели ее квартиру. Она сделала себе уютное гнездышко и заботится о нем куда больше, чем о доме, где жила с Тони.

– Эх, какая печальная ошибка, верно?

– Да, но она сделала единственное, что могла, когда уехала отсюда.

– Не знаю... Теперь твоя точка зрения мне ближе, чем раньше, но я бы хотела, чтобы она вернулась домой. Не только ради Шона и всего остального. Я думаю, она убедится, что ее место здесь. В конце концов.

– Возможно, когда-нибудь, но я думаю, что она чувствует себя свободнее...

– Детка, я прекрасно понимаю, что в Лондоне у нее есть мужчина. Я ее мать, я почти тридцать лет знаю свою дочь, мне не нужно ничего говорить.

– Ну конечно, я не уверена...

– Конечно, ты не уверена и вообще не в курсе. А теперь скажи-ка мне одну вещь, всего одну, и я не хочу, чтобы ты передавала ей, о чем я спрашивала. Он хороший? На него можно положиться? Он сделает ее счастливой?

Элизабет посмотрела ей прямо в глаза:

– Он сделает ее безумно счастливой... на какое-то время. На него нельзя положиться, и трудно сказать, хороший он человек или нет. В каком-то смысле он и правда очень даже хороший...

Эйлин вздохнула:

– Так это твой бывший молодой человек, стало быть... ну что ж...

– Вы просто ясновидящая!

– Когда все закончится, ты отправишь ее обратно?

– Я всячески попытаюсь убедить ее всерьез подумать о возвращении.

– Ты единственная, кто говорит мне правду. Остальные говорят то, что, по их мнению, мне хочется услышать.

– Как жаль, что у моей дочери не будет возможности узнать вас лучше.

– С такой матерью, как ты, за нее можно не переживать. Господь тебя благослови, детка! Я безумно устала...

* * *

На следующий день семью попросили собраться у постели Эйлин. Отец Риордан читал розарий, и даже Шон повторял слова молитвы. *Святая Мария, Матерь Божия... Святая Мария, Матерь Божия...* Морин плакала, закрывая лицо руками. Ниам тоже плакала. Имон и Донал замерли в дверях, опустив голову. Рядом с ними стоял Брендан Дейли.

Эйлин хрипло дышала, словно в такт монотонным молитвам. Затем ее дыхание стало тише. Молитвы продолжали звучать.

Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных...

Святая Мария, Матерь Божия, молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей...

– Прощай, Эйлин, спасибо тебе, спасибо тебе огромное, – тихонько сказала Элизабет.

Не важно, услышала Эйлин или нет, она все равно знала.

* * *

Пегги настояла на том, чтобы прийти и самой заняться поминками.

– Хозяйка любила, чтобы все было сделано как надо, а ваша нынешняя девчонка знать не знает, какую посуду использовать и что приготовить.

Вскоре на кухне закипела работа. В одной огромной кастрюле варились куры, в другой – бекон. Элизабет в изумлении наблюдала за происходящим.

– Сколько гостей вы собираетесь пригласить? – спросила она.

– Никто никого не приглашает, все сами приходят. Разве ты никогда не ходила на поминки у себя дома?

– Не припомню ничего подобного...

Все больше и больше людей приходили в дом О'Конноров, выражая соболезнования и принося поминальные открытки.

– Я должна пойти поддержать папаню, – сказала Эшлинг.

Они сидели в своей комнате, как обычно, открыв двери, чтобы знать, что происходит в доме.

– Хорошо. Я уложу малышку и тоже спущусь. Скажи мне, чем я могу помочь.

– Да просто разговаривай, смейся, не давай людям унывать.

– Смеяться?

– Ну, немного. Это всегда помогает несколько разрядить атмосферу, но, конечно, не тогда, когда произносят официальные речи.

* * *

Сотрудники похоронного бюро вынесли гроб Эйлин в пять часов вечера. Семья медленно следовала за ними, опутив головы. По всей площади стояли люди в почтительном ожидании. Мужчины сняли шляпы и шапки. Гроб несли четверо носильщиков, и, когда они проходили мимо, все крестились. Выходившие из автобуса пассажиры

остановились, чтобы пропустить процессию, и тоже осенили себя крестным знаменем. Шествие поднялось на горку к церкви, где звонил колокол, нарушая приятную атмосферу теплого летнего дня.

Казалось, они простояли у гроба в глубине церкви бесконечно долго. Все жители Килгаррета, один за другим, подходили и жали им руки.

– Она была замечательной женщиной.

– Чудесная жена и мать.

– Вам всем будет ее не хватать, такая прекрасная женщина.

– Она никому слова дурного не сказала.

– И ты говоришь, что это еще не похороны? – прошептала изумленная Элизабет на ухо Эшлинг.

– Нет, конечно. Похороны будут завтра. Сегодня еще только в церковь принесли.

Дальние родственники и постоянные покупатели вернулись в дом, чтобы выразить соболезнования Шону. Пришедшим предлагали сэндвичи и чай, а мужчинам еще и виски. Последние посетители ушли в одиннадцать вечера.

В комнате, где спала и умерла Эйлин, убрали все следы болезни, навели порядок и проветрили.

– Как ты думаешь, папане стоит ночевать там сегодня? – спросила Морин у Эшлинг.

К ней уже обращались за указаниями, хотя Морин была старшей в семье, но по ней этого не скажешь.

– Конечно стоит. Он ведь спал там все время, на маленькой кровати, пока маманя болела. И разве ему не придется там спать всю оставшуюся жизнь? Пегги уже все убрала, перестелила постель, так что, разумеется, папаня будет спать там. Это же его комната.

Эшлинг подошла к отцу, взяла его за плечи и повела наверх.

– Невозможно поверить, – сказал он.

– Я знаю, папаня.

– Нет никакого смысла что-то делать, нет смысла дальше жить. Я не вижу никакой причины, чтобы чем-то заниматься, вставать по утрам, идти на работу...

Эшлинг внимательно посмотрела на него. Папаня согнулся и выглядел гораздо старше своих шестидесяти с хвостиком.

– Да уж, маманя наверняка обрадовалась бы, услышав подобные разговоры, когда и дня не прошло после ее смерти. Маманю еще даже не похоронили. Вот прям с ума бы сошла от радости. Ради чего она трудилась столько лет?

– Ты права, детка. – Папаня выпрямился. – Пойду-ка я на боковую.

– Я загляну минут через десять. Хочу убедиться, что с тобой все в порядке.

Когда Эшлинг вошла, отец, в розово-серой пижаме, застегнутой на все пуговицы, одиноко лежал в огромной кровати. Его взгляд уставился в одну точку, по лицу текли слезы.

– Она была очень хорошей женой.

Эшлинг присела на кровать и потрепала его по руке:

– Вам обоим неимоверно повезло прожить в счастливом браке тридцать шесть лет. Мало кому так везет, папаня, так что попробуй посмотреть с такой стороны.

– Да... ладно... попробую.

* * *

– Как ты думаешь, что было хуже всего? – спросила Эшлинг с покрасневшими и заплаканными глазами,

Они сидели в своей комнате с большим стаканом виски каждая.

– Думаю, слова старушки о том, что Эйлин всегда отдавала свою еду другим детям, когда они с ней были маленькие. Я запросто могу себе представить, как она это делает, без лишних слов.

– Да, и бедолага Джемми из лавки. Какой кошмар... Он все вытирал нос рукавом и повторял, что хозяйка не вернется, она не вернется...

Они обе глотнули виски.

– Элизабет, если ты думаешь, что сегодня был кошмар, то подожди до завтра. Вот уж где будет ужас так ужас.

* * *

Элизабет снилось, что Джонни приехал в Килгаррет и сказал им, что Эйлин не умерла, что произошла ошибка.

Эшлинг снилось, что маманя велела ей выйти замуж за Джонни и привезти его в Килгаррет, чтобы он помогал папане в лавке.

Они обе проснулись усталыми и с легким похмельем.

А теперь пора и на похороны.

На гроб положили еще больше цветов, и на этот раз в церкви пел хор. Семья села в переднем ряду справа. Элизабет не сводила глаз с маленькой медной таблички, привинченной к спинке сиденья, к которому она прислонилась: «Помолитесь за друзей и родных Роуз Маккарти, ушедшей из жизни 2 января 1925 года. Вечная память». Интересно, закажут ли О'Конноры табличку для тетушки Эйлин? И годы спустя найдутся ли благочестивые люди, которые преклонят здесь колени и помолятся за друзей и родственников Эйлин О'Коннор? Мысли Элизабет все крутились вокруг таблички, чтобы не думать о заваленном цветами гробе, стоявшем всего в нескольких ярдах от ступеней алтаря.

Эшлинг часто недоумевала, как можно вынести печальное зрелище опускания тела в землю. Почему бы не попрощаться у ворот кладбища, предоставив могильщикам сделать все остальное? И только когда тело мамани вынесли из церкви, она поняла почему. Нужно пройти весь путь целиком и закончить жизнь с этим человеком. Она без всяких эмоций наблюдала, как с гроба сняли цветы и бережно положили их возле могилы. Затем осторожно и мягко, словно маманя все еще могла почувствовать боль, гроб опустили. Папаня первым бросил горсть земли на гроб. Яму заполнили землей, сверху положили цветы, и люди стали расходиться к Махерам, к Ханрахану или в гостиницу, чтобы выпить. Многие вернулись в дом на площади, где под руководством Пегги, которая проплакала все это время, на стол выставили тарелки холодной ветчины, курицы и салата. Ее слезы даже попали в кувшин с молоком, и она зашлюпала носом и сказала, что если бы хозяйка была жива – Господи ее помилуй! – то рухнула бы замертво, увидев такое безобразие на своей кухне.

Они вернулись через пятнадцать дней. Эйлин прожила только десять дней из отведенных ей врачами двух недель. Генри встретил их в аэропорту. Он очень обрадовался, снова увидев малышку Эйлин, и клялся, что она успела вырасти. Генри проявил большое участие, выслушивая истории Элизабет и Эшлинг о событиях в Килгаррете, и на его глаза навернулись слезы.

– Поедем с нами. Поживи пока у нас, – предложила Элизабет. – Что тебе делать в пустой квартире? Будет гораздо лучше, если ты вернешься к нам.

– Да, – любезно поддержал Генри. – Прошло слишком мало времени, у тебя душа не на месте.

– Нет, правда, я лучше домой поеду. Думаю, мне нужно побыть дома. В любом случае, скорее всего, Джонни будет заглядывать. Я сообщу ему, что вернулась.

– Джонни уехал в Грецию, – сказал Генри. – Он предупредил меня в прошлую пятницу, что, возможно, в воскресенье соберется группа для поездки туда и он поедет с ними. Он передавал вам обоим привет.

* * *

– Кажется, она сильно расстроилась, что Джонни уехал в Грецию, не сказав ей ни слова, – позднее заметил Генри.

– Ну, во-первых, сейчас она в любом случае расстроена... А во-вторых, у Джонни совсем нет сердца. Как только осознаешь это, то перестаешь обращать внимание, но Эшлинг пока еще не осознала.

– А ты когда осознала? – Вопрос прозвучал довольно робко: Генри не хотел выпытывать подробности.

– О, пожалуй, довольно быстро. Но я смирилась. Эшлинг куда смелее меня. Не думаю, что она так легко стерпит подобное поведение...

– И что тогда будет?

– Отношения закончатся, и я пообещала ее матери, что в таком случае попытаюсь убедить ее вернуться в Килгаррет.

– Женщины все знают наперед, – сказал Генри.

* * *

– Тебя что-то беспокоит, – заговорила Элизабет позднее, когда они уложили Эйлин в кровать. – В чем дело?

– Я не хотел вываливать на тебя проблемы, когда ты едва переступила порог дома.

– Я уже давно дома. Что случилось?

– Просто ужасная несправедливость, вот что. Я не против того, что они сделали, но сама бесчестность их поступка меня убивает... – Генри выглядел очень огорченным, и Элизабет встревожилась. – Я так и знал, что все именно так и будет, я говорил тебе! Я говорил, что не верю ни единому их слову. И я оказался прав. Я знал, что они не собираются нанимать начинающего, это все пустая болтовня...

Генри поведал сложную и запутанную историю офисных интриг. Образовалась вакансия, куда разумнее всего было бы взять молодого адвоката, недавнего выпускника, который начал бы с самого низу карьерной лестницы и мог бы обучиться всем делам в офисе. Однако вместо этого приняли ровесника Генри, который специально приехал из Шотландии, а никто не поедет аж из Шотландии, не получив каких-то гарантий, не достигнув определенных договоренностей. Теперь он будет сидеть в одном кабинете с Генри, и они оба будут заниматься оформлением документов по передаче прав на недвижимость.

Разумеется, старший партнер произносил красивые речи про то, что работы стало больше, что нужно удвоить усилия, но только слепой не видел, что происходит на самом деле.

Слова мужа тяжелым камнем легли на сердце Элизабет. Она уже слышала подобные истории. Много раз. От отца.

Глава 20

Джонни вернулся из Греции с чудесным загаром и отросшими волосами. Стефан сказал, что он выглядит как настоящий пижон, но Элизабет, которая тоже была в магазине, возразила, что ему идет.

– Скажи-ка, неужели море там действительно такое синее, как на тех открытках, что ты посылал?

– О, мне нет прощения, я ни одной открытки не послал! – засмеялся Джонни, ничуть не раскаяваясь.

Он рассказал ей несколько беззаботных историй про микроавтобус, который на честном слове довез их в Грецию и обратно; про Сьюзи, которая сидела за рулем большую часть времени, говорила по-гречески и ловила рыбу руками. Сьюзи. Элизабет покатила имя на языке. Сьюзи. Интересно, воткнется ли оно ножом в сердце Эшлинг, как когда-то случилось с ней самой?

– А как там у вас все прошло? – поинтересовался Джонни. – Душераздирающе?

– Очень печально, очень тяжело на сердце, но нет, не душераздирающе. В Ирландии похоронам придается гораздо большее значение, чем здесь.

– О да, веселые ирландские поминки с песенками и выпивкой, и все такое.

– Ничего подобного! – разозлилась Элизабет.

– Извини, – озадаченно сказал Джонни. – Кажется, сегодня я всех раздражаю. Я позвонил Эшлинг, чтобы сообщить, что вернулся, а она явно не в духе.

– У нее мама недавно умерла.

– Знаю, но я всего лишь спросил, не хочет ли она, чтобы я зашел к ней сегодня вечером и приготовил какое-нибудь греческое блюдо.

– И?..

– И она ответила, что мне следует сделать с моими греческими блюдами, сковородкой и всем остальным. Боюсь, ее даже на Харли-стрит слышали.

Элизабет расхохоталась во все горло:

– В самом деле? Вот молодец!

– Какого черта молодец?! Да она спятила!

– И что ты теперь собираешься делать?

– Попробую зайти с другой стороны.

Может быть, именно так ей и следовало поступить много лет назад? Слава богу, тогда она этого не сделала. Было бы слишком утомительно пытаться совладать с перепадами настроения Джонни, устраивая ему столь же драматичные сцены. Нет, хорошо, что она не такая боевая, как Эшлинг.

* * *

Эшлинг отказалась пообедать во французском ресторане и поехать на выходные в Брайтон, она сломала присланную им розу и выкинула ее из окна квартиры.

Через два дня Джонни сумел перехватить ее по дороге на работу.

– Могу я узнать, по какому поводу все эти истерики?

– Позвольте мне пройти.

– Эшлинг, я всего лишь хочу с тобой пообедать. Что за мелодрама?

– Извините, вы мне мешаете.

– Да скажи мне наконец, что я такого сделал?

– Ты поехал в Грецию без меня, сволочь ты этакая!

– Но ты же сама отказалась ехать... Ты не могла...

– И тогда ты поехал сам по себе.

– Ну разумеется! Мы ведь не обязаны держаться друг за друга, мы никак не связаны...

– Никак не связаны? Совсем никак? Черт побери, мы с тобой любовники! Неужели ты не считаешь это связью?

На них начинали с любопытством оглядываться. Орущие друг на друга с утра пораньше симпатичный загорелый мужчина и разъяренная рыжая девушка развлекали прохожих.

– Эшлинг, заткнись! Ты делаешь то, что ты хочешь, а я делаю то, что я хочу! И так будет всегда.

– Отлично! Сейчас я хочу пойти на работу, поэтому пропусти меня! Пропусти или я позову полицию!

– Ну что ты как ребенок...

– Полиция! – во все горло завопила Эшлинг, и юный полицейский, вздрогнув, огляделся.

– Этот мужчина мешает мне идти по своим делам! – с важным видом заявила Эшлинг.

– Да иди ты к черту! – заорал Джонни.

* * *

– Элизабет, я чувствую себя такой дурой! – рыдала Эшлинг на кухне подруги. – Я такая лицемерная дура! Со смерти мамани еще и десяти дней не прошло, а я уже все глаза выплакала из-за твоего бывшего парня и пришла к тебе просить совета, как вернуть его обратно.

– О, вернуть его не сложно, – ответила Элизабет.

– Что мне делать? Я готова на что угодно!

– Все просто, но несправедливо. Ты можешь его вернуть и играть по его правилам. Он вернется, если ты напишешь ему веселую записку с извинениями за сыгранную драму и скажешь, что уже пришла в себя. И предложишь угостить его вкусным ирландским рагу и «Гиннессом», а он расскажет тебе про поездку в Грецию.

– И тогда все снова будет хорошо? – спросила Эшлинг, вытирая слезы.

– Ну, зависит от того, что ты подразумеваешь под «хорошо». Возможно, ему придется уйти пораньше, потому что у него встреча с каким-то другом, которого он встретил в Греции... И так оно и будет продолжаться.

– То есть на самом деле он ко мне не вернется.

– Если ты будешь вести себя правильно, то вернется. Отпускной роман ему надоест, или она захочет больше, чем Джонни может дать. И тогда, если ты будешь милой и жизнерадостной девочкой и не станешь ничего от него требовать, он вернется к тебе.

– Что за чушь, это невыносимо! Как можно терпеть подобное поведение?

– Терпела же я как-то почти семь лет. Чуть ли не четверть своей жизни, если посчитать.

Саймон появился во вторник вечером, когда Генри ушел на урок бриджа.

– Ты его чуть-чуть не застал, – сказала Элизабет.

– Знаю, именно поэтому я и пришел.

Саймон выглядел настолько расслабленным и учтивым, что Элизабет решила сыграть с ним в предложенную игру.

– Должна ли я понимать твой визит как ужасно неосторожное проявление запретной страсти ко мне, или ты собираешься сделать Генри сюрприз и организовать в офисе вечеринку по поводу его дня рождения?

– Ни то ни другое, моя дорогая. На первое я бы не решился, а что до второго, то в нашем занудном офисе дни рождения отмечать не принято. Нет, просто одинокий холостяк искал, где бы выпить чашечку кофе с очаровательной гостеприимной хозяйкой. Внезапно в голову пришла мысль про жену коллеги, красавицу Элизабет, вот я и пришел.

Она сварила ему кофе, он полюбовался спящей Эйлин, поболтал про Эшлинг, отца и магазин Стефана, а потом сказал:

– Я переживаю за дела Генри в офисе, именно об этом я и хотел с тобой поговорить.

Элизабет напряглась. Она не хотела ничего слышать, ей не нравилось поведение Саймона.

– Что касается офисных дел, то разве не следует обсудить их с Генри лично? – ответила она с беззаботным видом, но с явной настойчивостью.

Менее смелый человек понял бы намек и отступил, однако Саймон продолжал упорствовать:

– Нет, я не собираюсь трепаться и пересказывать слухи, чтобы просто посудачить. Меня беспокоит его работа. Он делает все слишком медленно и постоянно расстраивается...

– Саймон, я говорю тебе на полном серьезе: я знаю, что ты хочешь как лучше и тобой движут самые благородные чувства, но ты должен понять, что я не могу и не буду обсуждать работу моего мужа в вашей фирме. Вы с ним давние друзья, знаете друг друга целую вечность. Ты и сам можешь ему сказать, в чем проблема, – что будет куда проще, чем разговаривать со мной.

– Так в том-то и дело, что он не желает меня слушать!

– Я тоже не желаю тебя слушать и не желаю оказаться в положении, когда мне придется решать, передавать ли ему твои слова. Нет, это несправедливо, и ты не должен так поступать со мной. Если бы у меня на работе возникли проблемы, я бы обсудила их с тем, кто к ним причастен, и не стала бы вовлекать жен и мужей. И тебе следует сделать то же самое.

– Да говорю же тебе, я пытался! Я обратился к тебе как...

– А если бы оказалось, что человек не в состоянии меня выслушать, то я бы написала ему письмо. В письменном виде проще все перечислить.

– Некоторые люди настолько чувствительны, что им везде мерещатся оскорбления и грубости, поэтому они могут подумать, что письмо – это худший способ высказать свое мнение.

Элизабет с усилием улыбнулась:

– Ну что же, полагаю, если бы я оказалась в подобной ситуации, то приложила бы максимум усилий, чтобы найти какой-нибудь другой выход, не предполагающий коварства или предательства.

– Ты невероятна! – признал Саймон.

– Так, значит, ты все же пришел, чтобы меня соблазнить! – Она выдавила из себя смешок, но ее сердце похолодело от страха.

– Увы, нет. Я бы не рискнул снова нарваться на отказ, но если бы ты вышла замуж за меня, то мы стали бы отличной парой! И могли бы вместе покорить весь мир. Почему ты не вышла за меня замуж?

– Хм... надо подумать. А-а-а, знаю, потому что ты не предлагал.

Саймон театрально хлопнул себя по лбу:

– Ну конечно же!

– А еще потому, что я очень люблю Генри, поэтому и вышла за него, – с ноткой предостережения добавила Элизабет.

Саймон нотку услышал, и они еще немного поболтали. Стоит ли покупать телевизор? Саймон боялся, что в таком случае он будет все вечера просиживать дома, вместо того чтобы шляться в поисках приключений. Элизабет опасалась, что приклеится к экрану так, что не оторвешь. Саймон поинтересовался, что Эшлинг думает о новом папе римском, и Элизабет ответила, что единственный комментарий Эшлинг сводился к тому, что в возрасте семидесяти шести лет папа

вряд ли соблаговолит аннулировать ее брак. В последнее время ее интерес к папам только этим вопросом и ограничивается.

– Она отказалась от католичества? – спросил Саймон, подражая интонациям Эшлинг.

– Сложно сказать, с католиками не поймешь. Похоже, они глубже пропитаны своей верой, чем можно подумать. Даже когда они не верят, то внутри все равно остается что-то, заставляющее их думать, что они все еще верят.

– Для меня такое звучит слишком заумно, слишком по-иезуитски. Пожалуй, мне пора!

Он мило и шутливо распрощался и, энергично помахав, легко сбежал по широкой мраморной лестнице, больше не упоминая вопрос, который пришел обсудить.

* * *

Доналу и Анне пришлось отложить свадьбу до весны, чтобы не омрачать ее похоронами мамани. Анна начала работать в лавке.

– Что она там делает с ее-то дипломом? – услышав новости, заворчала Эшлинг. – Она бакалавра получила, так какого черта роется в нашей с маманей бухгалтерии?

– Так почему бы тебе не поехать туда и не разобраться с ней? – засмеялась Элизабет.

– Возможно, именно так я и сделаю, – нерешительно ответила Эшлинг.

– Ты хочешь поехать домой на Рождество?

– Не знаю. Джонни пока ничего не говорил. Возможно, у него есть планы, как в прошлом году.

Элизабет знала, что планы действительно есть, только в отличие от прошлого года включают в себя Сьюзи. Конечно, ей не следовало подталкивать Эшлинг к выводам, но она не могла бы вынести неприкрытого разочарования подруги.

– Я думаю, в Килгаррете обрадовались бы твоему возвращению. Для дядюшки Шона предстоящее Рождество будет далеко не счастливым.

– Я знаю, но не хочу объявить, что приеду, а потом Джонни внезапно скажет, что мы должны поехать в Испанию или куда-нибудь еще. В последнее время он часто говорит об Испании.

Элизабет знала, что так и есть. Она слышала, как он бронировал поездку на Майорку для себя и Сьюзи.

– Тебе нужно прямо спросить, что он собирается делать, а не ждать у моря погоды. Нет смысла морочить всем голову. – Голос Элизабет прозвучал резче, чем обычно.

Не стоит ли ей поменьше болтать про Джонни? – подумала Эшлинг. Кто его знает, как Элизабет на самом деле теперь к нему относится.

Эшлинг уехала домой в Килгаррет, где, к своему огромному облегчению, услышала, что миссис Мюррей проведет Рождество в Дублине вместе с Джоанни.

* * *

– Ты знаешь, что твоя машина все еще здесь? – спросил Имон. – Я удивился, увидев, что ты выходишь из автобуса. Я думал, ты поедешь на своей машине... ну... если бы она была в Дублине.

– Моя машина? – Эшлинг напрочь забыла о кремового цвета «форде-Англии», который подарил ей Тони, чтобы отпраздновать получение ею водительских прав. – Где она?

– Стоит на заднем дворе. Давным-давно охранники сказали Мюрреям, что машину бросили в аэропорту, и в конце концов кто-то перегнал ее сюда. Мистер Мид решил, что она останется тут. Мама запретила нам на ней ездить. Это машина Эшлинг. О'Конноры не будут ездить по Килгаррету на машине, которую Тони Мюррей купил для Эшлинг. Я с ней даже спорить не стал.

– Имон, ты много пьешь? – внезапно спросила Эшлинг.

– В каком смысле? – Он растерялся и разозлился одновременно.

– Ну, раньше ты выпивал. Не так, как Тони, но частенько надирался у Ханрахана.

– Нет, раз уж ты спросила, то я не так много пью. У меня стал стремительно расти пивной живот, ну и в этом году мне уже

тридцатник стукнет. Я подумал, что могу пристраститься и после... после...

– После всего, что случилось с Тони?

– Да, после того несколько наших образумились.

– Ладно, тогда можешь на ней ездить.

– Что? Я не ослышался? Неужели ты отдаешь мне свою машину?

– Еще две минуты назад я понятия не имела, что она у меня есть, так что забирай. Только обменяй ее на какую-нибудь другую. Эту весь город слишком хорошо знает. У меня где-то есть на нее документы. Возможно, я даже привезла их с собой. Я целую кучу бумажек захватила, чтобы их разобрать. Сегодня вечером тебе отдам.

– О боже, Эшлинг, машина, мне!.. Я тебе по гроб жизни обязан!

– Ерунда, маманя порадовалась бы, что ты получил машину. Мне кажется, она была бы довольна. Так ты станешь более самостоятельным.

– У меня есть собственная машина! С ума сойти!..

Эшлинг пришлось отвести глаза, чтобы он не заметил, как ее тронула его радость.

* * *

Рождество прошло непривычно и одиноко. Она чувствовала, что за несколько коротких месяцев со дня смерти мамани сильно отдалилась от семьи. На похоронах их всех связывали печаль и напряжение, а теперь все по-другому.

Донал бóльшую часть времени проводил в доме Барри. Анна весьма успешно справлялась с работой. Поначалу она сидела в маманином закутке, но потом сообразила, что лучше не расстраивать людей.

– О господи, я подумал, это миссис О’Коннор! – говорили покупатели.

– Разумеется, вскоре вы и правда станете миссис О’Коннор, – иногда добавляли они.

Тогда Анна организовала себе собственный кабинет. Она называла папаню «мистер О’К», что вызвало улыбку у Эшлинг, которая сама

считала, что «миссис М» звучит более ласково, чем «миссис Мюррей». Такая странная штука, отношения с родителями супруга.

– Здорово, что Анна станет тебе невесткой, – сказала она Ниам.

– Да, хотя в случае с тобой и Джоанни Мюррей из этого ничего хорошего не получилось. Вы были близкими подругами, пока ты не вышла за ее брата, после чего вы совсем перестали ладить.

– Я ни с кем из них не ладила, – ответила Эшлинг, и они захихикали.

* * *

Папаня раскис и замкнулся в себе, его невозможно было развеселить. На День святого Стефана Эшлинг вывела его на прогулку. Они шли по Дублинской дороге, мимо одна за другой проезжали машины на скачки в Дублин, и знакомые сигналили им.

– Интересно, думают ли они, что сегодня ровно два года с того дня, когда эта нахалка сбежала отсюда и вдруг совершенно бесстыдно вернулась? Возможно, про меня они вовсе не думают. Придется мне смириться с этим фактом. – Папаня выглядел мрачно.

Эшлинг чувствовала, что он пошел на прогулку только для того, чтобы доставить ей удовольствие, как и она сама пошла с ним гулять с той же целью.

– Может, пора повернуть обратно? – предложила она.

Он послушно развернулся, и они пошли назад, в сторону города.

– Эшлинг, не волнуйся за нас, – вдруг сказал он. – С нами все будет в порядке. У тебя есть своя жизнь.

– Я все равно волнуюсь.

– Ну и какой в этом толк? Твоей мамани больше нет, но перед своим уходом она сказала мне, что никто не сможет вытащить Эшлинг обратно из Лондона, она сама приедет, когда будет готова и захочет вернуться.

На глаза Эшлинг навернулись слезы. Маманя прекрасно все понимала.

– Папаня, может, мне уже пора вернуться.

– Нет, пока ты сама не захочешь и не будешь готова. Твой дом здесь всегда открыт для тебя, но не возвращайся для того, чтобы

заботиться о нас. С нами все будет в порядке.

– Я знаю, папаня.

– К тому же ты уже внесла свой вклад в мир во всем мире, когда отдала этому балбесу машину, чтобы он мог увезти свою задницу подальше с глаз моих.

– Папаня, ничего себе как ты про Имона говоришь!

Они оба рассмеялись.

– Ты ведь знаешь, я бы и больше сказал, но раз сейчас Рождество и я ходил на причастие, то не стоит ругаться и проклинать.

Во время визита домой Эшлинг много гуляла. На прогулке легче думается. Прохожие ей кивали или останавливали на пару слов. В основном они говорили, что ее отец достаточно хорошо справляется и что Анна Барри здорово ему помогает. Никто не упоминал про Тони или Мюрреев. Словно она никогда и не выходила замуж.

Однажды она проходила мимо их с Тони дома. На окнах вместо светло-коричневых штор висели яркие оранжево-белые. Эшлинг мимолетно задумалась, что случилось с мебелью и куда дели старые шторы. Новые выглядели симпатичнее. Сад тоже привели в порядок. Она вспомнила, что теперь тут живут родственники мистера Мориарти, и пожелала им счастья в этом доме. Сам-то по себе дом отличный. Интересно, кто в конце концов отмыл кровь...

Эшлинг пришла к Морин. Та очень удивилась и совсем не обрадовалась гостье.

– Чем занимается наша состоятельная дама, которая может позволить себе не работать? – спросила Морин.

– Зашла повидать тебя, – ответила Эшлинг, чувствуя, что уже миллион раз вела подобные разговоры с сестрой и устала от них.

Она вспомнила, как маманя говорила, что Морин родилась нытиком и нытиком же помрет. Эшлинг развернулась, словно собираясь уходить.

– Ну ладно, чего ты сразу обижаешься? Заходи, выпей чая. Просто никто не знает, как тебя понимать, вот в чем проблема. Никто не знает, что ты собираешься делать.

Вот уж действительно проблема...

Вернувшись в Лондон после праздников, Эшлинг узнала, что Джонни только что приехал с Майорки, проведя там всего неделю. Сьюзи не появлялась. Элизабет оказалась права.

Эшлинг обнаружила, что трое врачей невероятно счастливы, что она вернулась, поскольку поняли, что никто не способен выполнять ее обязанности так, как сама мисс О'Коннор. Она и в самом деле стала незаменимым сотрудником. Они заявили, что хотят повысить ей жалованье, и предложили брать дополнительные выходные дни, если она согласится остаться у них хотя бы на год. И тут Джонни оказался прав.

Элизабет рассказала ей, что на работе у Генри случилась неловкая и щекотливая сцена, когда он не получил ожидаемую прибавку к жалованью на Новый год. Генри устроил истерику и сделал то, на что там никто никогда не решался: публично проявил свое разочарование. Он совершенно вышел из себя и всех переполошил. Опасения Саймона на его счет оправдались.

– Я не знаю, что еще сказать, Генри. Я и так уже тебе максимально внятно объяснила, что у тебя, у меня и Эйлин, у нас всего достаточно. Мы более обеспечены, чем любой из наших знакомых, так почему ты продолжаешь говорить про дурацкую прибавку? Она совершенно не имеет значения.

– Для тебя не имеет, а для меня имеет! Чем я столько лет, черт возьми, занимался?! Ради чего пахал как лошадь и брал работу на дом? Кто тщательнее меня выполнял свою работу? Кто в офисе может честно сказать, что относился к своим обязанностям добросовестнее меня?

– Но дело же не в этом...

– Именно в этом! На этом построена вся система в нашей фирме. У нас награждают не за гениальность. Черт побери, Элизабет, мы не в американском кино про адвокатов, нам не дают премий и надбавок за эффектные выступления в суде! В нашей фирме, когда вся работа сделана хорошо и надежно, повышение получают все. По крайней мере все, кто честно выполнил свою часть работы...

– Генри, ты расстраиваешься из-за...

– Ну разумеется, я расстраиваюсь! Я не получил надбавку... Разве ты не понимаешь, что это значит?

– Да ничего не значит, не надо впадать в истерику. В прошлом году ты получил надбавку, хотя ничего особенного не сделал. В этом году не получил, и твоя работа тоже ничем особенным не отличалась. Ну и что теперь? Не нужны нам их деньги, нам и так хватает.

– Ты никогда не поймешь...

– Видимо, нет, но есть надежда, что пойму хоть что-то, если ты перестанешь орать.

– Я тебя только огорчаю... Мне лучше уйти.

– Милый, сегодня воскресенье и почти время ланча. Куда ты собрался идти?

– Ты ведь сама сказала, что я расстроен, слишком расстроен, нет смысла еще и тебя накручивать, и Эйлин.

– Я люблю тебя. Я очень тебя люблю и не хочу, чтобы ты уходил. Ты меня не расстраиваешь, и Эйлин тоже. Посмотри, она тебе улыбается... Давай-ка ты снимешь пальто? Пойдем, присядь... – Элизабет пошла за ним к двери; он нажал кнопку вызова лифта. – Генри, пожалуйста, оставайся! Поедим вместе. Ты ведь знаешь, когда ни один из нас не имел собственного дома, мы всегда мечтали, что так оно и будет, мы вдвоем и малышка, и можно есть на ланч, что нам захочется, а не то, что захочет кто-нибудь другой... – (Лифт поднимался вверх.) – Ты мне нужен, я не хочу, чтобы ты бродил по набережной и замерз до смерти, тогда я гораздо сильнее расстроюсь.

Генри вернулся и обнял ее:

– Ты вышла замуж за идиота!

– Нет, вовсе нет, я вышла замуж за любимого.

– Эйлин! – позвал он, и малышка выползла из гостиной. – Эйлин, твой отец круглый дурак, запомни это. Зато твоя мать настоящее сокровище!

Эйлин счастливо улыбнулась им обоим.

* * *

– Не устроить ли нам один день рождения на двоих? Этот будет последним, перед тем как нам стукнет по тридцать. – Нынче Эшлинг изучала свое лицо в зеркале в поисках морщин столь же внимательно, как когда-то в поисках прыщиков.

- Отличная идея! Я за. Мне любой предлог сгодится.
- Тогда отпразднуем у вас? Здесь места больше.
- Нет, у нас соседи, с ними сложно, да и лестница еще.

Эшлинг в изумлении уставилась на подругу, оторвавшись от зеркала.

– Эх! – вздохнула Элизабет. – С чего я подумала, что сумею обвести тебя вокруг пальца? Проблема в Генри. В последнее время он сильно нервничает. Думаю, вечеринка его только взбаламутит.

– Ладно, тогда устроим праздник здесь. Давай составим список гостей. Как обычно, Джонни, Саймон, Стефан, Анна и твой отец?

– Нет, бога ради, давай не будем приглашать отца! Мы ведь собираемся как следует повеселиться.

– Ты же говорила, что он стал гораздо лучше...

– Да, но развлекаться он не умеет, так что давай не будем.

– Хорошо. С Джонни снова живет его друг Ник.

– Тот самый Ник из туристического агентства?

– Да, он разводится. Говорит, его брак пошел псу под хвост. Он кажется довольно славным парнем. И я могу пригласить девушку из квартиры ниже, Джулию.

– А, да, помню.

– Да, ту самую, на которую облизывался Джонни. Что ж, если он на нее западет, то так тому и быть. Этому я научилась у тебя. Нет смысла пытаться спрятать от него конкуренток.

– Быстро ты усвоила урок.

– Просто я гораздо старше и печальнее, чем ты.

– Эшлинг, ты никогда не бываешь по-настоящему печальной, именно в этом твое очарование. Именно поэтому Джонни тебя так любит. Думаю, ты ему нравишься больше всех, с кем он встречался в жизни. Я никогда тебе этого не говорила, чтобы ты не подумала, будто я лезу не в свое дело, и чтобы не давать тебе ложной надежды. Но я же вижу, как он к тебе относится. Он внимательно тебя слушает и искренне хохочет. А еще он в восторге от твоей жизнерадостности... – (Эшлинг смутилась.) – Да, конечно, мои слова звучат несколько витиевато, но я знаю, о чем говорю. Со мной все было по-другому. Я была слишком юной и глупой, но годами носила маску великой независимости. Полагаю, Джонни восхищался моей отвагой, но с тобой все не так. Мне кажется, он не уйдет от тебя...

Эшлинг встала и потянулась, широко раскинув руки:

– Ух ты! Ничего лучше в жизни не слышала! Я ни на секунду не могу быть уверена в нем. Может быть, только поэтому он и кажется таким важным? Просто потому, что в нем невозможно быть уверенным.

– Не думаю, что только поэтому. В нем действительно есть что-то особенное. Если бы он был глупой пустышкой, то вряд ли по нему вздыхала бы половина женщин планеты.

– Это точно! Учитывая то, что ты мне сказала, мы, пожалуй, вычеркнем Джулию из списка гостей. Зачем приглашать ее подниматься на два этажа, чтобы Джонни Стоун разбил ей сердце, если мы с тобой знаем, что ей все равно ничего не светит?

* * *

Этель Мюррей целый час просидела за обеденным столом, читая и перечитывая письмо к Эшлинг. Нет, не стоит его посылать. Эшлинг неправильно поймет. Адвокат сказал, что не следует говорить ничего такого, чем можно было бы воспользоваться, не следует ничего предлагать и ничего обещать. Не лягнула ли она лишнего? Не пошла ли на уступки? Кто может быть уверен? Ей хотелось написать Эшлинг, но, наверное, лучше не надо. Она измучилась от сомнений. Ну почему никто не может подсказать ей решение?

В конце концов, она порвала письмо и вместо него отправила Эшлинг телеграмму.

С ПРИСКОРБИЕМ СООБЩАЮ ТОНИ МЮРРЕЙ
СКОНЧАЛСЯ СЕГОДНЯ REQUIESCAT IN PACE^[35]. ЭТЕЛЬ
МЮРРЕЙ

– Она не могла поехать на похороны. Что бы она там делала? Стояла столбом на жутких поминках в санатории? Я знаю, что там происходит. Мама тоже умерла в больнице. Это просто кошмар. Там не было бы никого, кроме Мюрреев, которые с ней бы и словом не перекинулись. Одетая в траурные одежды вдовы. Разумеется, она не могла поехать. Что за дурацкая идея!

– Ладно-ладно, перестань. Я удивился, что она не поехала. Ты ведь сама говорила, что ирландцы весьма ответственно относятся к похоронам. Вот и все.

– Прозвучало так, словно ты не одобряешь ее поведения.

– Вовсе нет, хотя есть куча вещей, которые я действительно не одобряю, если уж зашел такой разговор...

– Генри, ну хватит уже, – устало сказала Элизабет.

В последнее время ей казалось, что они только и делают, что ругаются. На ровном месте. Однажды она заметила, как на нее смотрит Эйлин, и задумалась, а не так ли она сама смотрела на маму и папу в таком же возрасте? И волновались ли родители за нее или друг за друга?

* * *

– Даже не знаю, что тебе сказать... Не знаю, что мне следует делать: посочувствовать или нет? – Джонни размышлял вслух, сидя в другом конце комнаты.

– Да уж, в книгах по этикету про такое не пишут, – ответила Эшлинг.

Она выглядела бледной и усталой после бессонной ночи. Телеграмма звучала очень холодно. Мюрреи отмежевались от нее, не хотели иметь с ней ничего общего, хотя она с ними не ссорилась. Ночью Эшлинг плакала от жалости к себе. Правильно ли она поступила? Может, надо было остаться в Килгаррете и ждать, пока Тони не свалится от выпивки или у него не откажет печень? Возможно, оно бы того стоило. Тони не протянул бы два с половиной года, если бы продолжал пить столько же, сколько пил, когда она с ним жила. Может быть, ей следовало бы послушать маманю и остаться. А теперь она нажила врагов, которые посылали ей злые телеграммы, и люди не знали, что ей сказать, причем не только в Килгаррете, но и здесь.

– Много лет назад он был очень славный, – начала Эшлинг. – Я не собираюсь распускать нюни и оплакивать то, что могло бы быть, но по молодости он водил меня в кино, разговаривал с маманей и папаней и тогда казался весьма привлекательным. Мы часто смеялись в кино и

даже во время нашей первой поездки в Рим... он тоже вел себя исключительно мило. Он не всегда был сволочью.

– Знаю, – сочувственно ответил Джонни.

– Ему не повезло в жизни. Он никогда не любил заниматься семейным бизнесом и не ладил с матерью. Они дико раздражали друг друга. А потом и я не оправдала его надежд.

– Крошка, не забывай, что и он тоже несколько разочаровал тебя.

– Нет, я не забыла. Просто... жизнь прожита впустую, разве нет? Он лежит мертвый в Ланкашире, и никто его не любил. Он не знал истинного счастья и умер от выпивки, не дожив до сорока.

– Бедный старина-магнат оказался неудачником, – произнес Джонни и сменил тему.

В последующие месяцы никто никак не упоминал, что Эшлинг стала вдовой и могла теперь снова выйти замуж. Эшлинг часто размышляла об этом и считала, что Джонни тоже должен задумываться на эту тему, но подобные вещи не обсуждают вскоре после смерти мужа. Даже если муж жил отдельно. Элизабет была уверена, что Джонни ничего такого вообще не думал. Независимо от того, жив Тони Мюррей или мертв, хороший он или плохой, живет он с Эшлинг или нет, Джонни Стоун относился бы к Эшлинг ровно так же. Не считая самой Элизабет, Эшлинг – самое долгое и яркое увлечение Джонни. На самом деле всяких Сьюзи и Джулий стало куда меньше, чем раньше, но вступить в брак? Элизабет могла поклясться, что Джонни никогда не строил таких планов.

* * *

Во время вечеринки в квартире Элизабет, где также присутствовали Эшлинг и Джонни, Саймон внезапно объявил о помолвке с очень хорошенькой девушкой из Уэльса по имени Бетан. Ее родители исповедовали нонконформизм, и их взгляды на напитки и прочее сильно расходились с общепринятыми, поэтому свадьбу решили сыграть как можно скромнее и чем скорее, тем лучше. Уже через три недели.

– Спорим, она беременна, – прошептала Эшлинг на ухо Элизабет, когда они накрывали на стол.

– Наверняка. Как хитроумно с ее стороны поймать Саймона точно в нужный момент в его карьере. Ему уже пора бы остепениться, а у нее язычок хорошо подвешен. Ему было из кого выбирать, но малышка Бетан всех перехитрила.

– Интересно, не пора ли и Джонни остепениться? – подмигнула Эшлинг.

– Не думаю, что стоит это проверять, – улыбнулась Элизабет. – Джонни не женится на своих беременным подружках.

– Некоторые из них даже не дали ему возможность решить, жениться или нет...

За прошедшие десять лет они впервые упомянули про аборт.

* * *

Джимми Фаррелли, адвокат из Килгаррета, сообщил, что Мюррей обратились в адвокатскую контору в Дублине, чтобы разобраться с наследством Тони Мюррея. Письмо было твердым и по существу. При жизни Тони Эшлинг уже достаточно колебалась и теперь должна решиться и потребовать то, что полагается ей по праву. Согласно закону, ей причитается одна треть акций компании Мюрреев, а две оставшиеся части отходят Джоанни и миссис Мюррей. Дом целиком принадлежит ей. Он не был продан, как ей сказали, а только сдан в аренду нынешним жильцам. Она может пожелать договориться о выкупе ее доли в компании, но для ее собственного будущего разумнее всего как можно быстрее прийти к какому-то внятному решению. Чем дольше вопросы висят в воздухе, тем менее вероятно, что она получит по справедливости. Миссис Мюррей и Джоанни наказали своим адвокатам лишить Эшлинг наследства на основании того, что она бросила мужа.

– Детка, я не возражаю против любого твоего решения. Твоя мать лучше меня знала бы, что следует сделать в подобном случае. Делай так, как считаешь честным. Та женщина хлебнула горя в жизни, и если ей можно как-то по справедливости угодить, то попробуй. Ты всегда получишь свою долю в нашей лавке, когда меня не станет.

– Папаня, прекрати все эти разговоры про «когда меня не станет»! – закричала Эшлинг и повесила трубку.

Морин сказала, что на ее месте выжала бы из Мюрреев все возможное. В противном случае О'Конноры стали бы посмешищем, ведь весь город знает, что Тони Мюррей пил по-черному и бил жену. Эшлинг немало натерпелась. Бери, что можно, и наплевать, что там почувствуют Мюрреи.

Донал заявил, что тут сложно знать наверняка, тем не менее он уверен – в маленьком городке подобные вещи нужно решать так, чтобы в итоге все могли мирно жить друг с другом. Он не станет лезть не в свое дело, но хотел бы, чтобы Эшлинг подумала о будущем, когда она, возможно, захочет вернуться в Килгаррет, и тогда лучше бы не сыпать соль на старые раны.

Имон признался, что если ей придется отдать машину, то возникнут проблемы, потому что он уже обменял ее на «форд-кортину», добавив собственные пятьдесят фунтов. Хотя он мог бы с этим разобраться.

Ниама написала, что раз уж Эшлинг интересуется их мнением, то она рада поделиться своими соображениями. Если закон говорит, что собственность принадлежит жене, то надо брать. Если ей хочется проявить невиданную щедрость в отношении противной семейки Мюррей, то можно удовлетвориться частью положенного, но не стоит забывать, что однажды Эшлинг будет уже не энергичной молодой женщиной двадцати девяти лет, а старой перечницей и тогда лучше уж быть богатой старой перечницей.

Эшлинг спросила у Джонни, как, по его мнению, ей следует поступить.

- А чего хотел бы магнат? – спросил он.
- На каком этапе?
- Когда еще мог соображать.
- Понятия не имею.
- Подумай хорошенько.
- Нет, правда не знаю. Когда мы были влюблены по уши, то, конечно, он бы мне луну с неба подарил.
- Тогда бери луну, котенок, – предложил Джонни.

Джимми Фаррелли объяснил, что все очень просто: Эшлинг готова пойти в суд и рассказать, как она жила с Тони Мюрреем и почему ушла от него. Она могла бы предоставить свидетелей из больницы и свои письма трехлетней давности. Он сказал, что она готова рассмотреть возможность отказаться от претензий на компанию, если не будет возражений против ее прав на наследство. Не для посторонних ушей, он сообщил миссис Мюррей, что Эшлинг не против отказаться от положенной ей доли в компании и тогда компанию можно разделить между Джоанни и Этель Мюррей.

Его слова возымели магическое действие. Как только Мюрреи услышали, что Эшлинг настроена бороться за свои права, они перестали ставить палки в колеса. Завещание было утверждено. Эшлинг получила все имущество Тони Мюррея. Его акции и облигации перешли к ней, дом продали за разумную цену родственникам Мориарти, а деньги перечислили на ее счет в Англии. Она отказалась от прав на долю в компании Мюрреев и распорядилась передать машину Тони мистеру Миду.

– В жизни не видел, чтобы все происходило так стремительно! – сказал Джимми Фаррелли жене. – Как только Мюрреи узнали, что Эшлинг О’Коннор готова судиться и рассказать всю правду о Тони, они тут же пошли на попятную. Должно быть, там есть что скрывать, а ведь он выглядел милейшим парнем – в трезвом виде.

* * *

Незадолго до Рождества все формальности были улажены, и Эшлинг напомнила Джонни, что стала богатой вдовой.

– Не упusti меня! Мужчины вроде тебя вечно в поиске богатых вдовушек.

– Разве ж я тебя упустил? Я тебя нашел, и ты моя! – ответил Джонни с некоторым недоумением.

– Ну и когда же ты прикроешь грех браком? – спросила она как бы в шутку, но на самом деле ничуть не шутила.

Они оба сидели на ее кровати, и тут Джонни встал, подошел к окну и выглянул в него. На улице падал снежок.

– Ты сейчас серьезно, цыпленок?

– А разве ты не хочешь?

На фоне белых простыней ее роскошные рыжие волосы и бирюзовый халатик горели ярким пятном.

– Мы вместе, на тебе нет греха – и никогда не было. – Он смотрел на нее умоляющим взглядом.

– Я хотела бы стать твоей женой.

– Ты и есть моя жена во всех возможных смыслах. Так куда лучше, чем пожениться официально.

– Откуда нам это знать, если мы не пробовали пожениться официально?

– Ты попробовала, – заметил он.

– С другим мужчиной, – возразила она.

– Это не значит, что я не люблю тебя. Я безумно тебя люблю, но я не чувствую... извини, не думай, что я слабак.

– Ты не слабак.

– Тогда кто?

– Не знаю. Возможно, подлец. Боишься попробовать, боишься со мной связываться.

– Боже правый, Эшлинг, что за ерунда! Я не просто с тобой связался, я без ума от тебя.

– Тогда почему ты на мне не женишься? – взмолилась она.

Господи, почему все пошло не так? Теперь она его совсем потеряет. Элизабет ведь предупреждала. Слишком поздно. Она наделала глупостей.

– Я уже говорил тебе, – ответил Джонни. – Давай не будем ничего менять. Давай оставим все как есть.

К своему ужасу, Эшлинг расплакалась, и огромные слезинки покатались по ее халату. Она плакала и не могла остановиться. Джонни не бросился ее утешать. Он стоял у окна и выглядел смущенным.

– Тут ведь нет ничего сложного, – упрашивала она. – Ничего не изменится, мы останемся такими же, как сейчас, я обещаю...

– Тогда зачем рисковать? Зачем менять что-то, если все идет так гладко? Какой смысл в переменах, если ничего не изменится? Люди принимают серьезные решения в жизни только ради того, чтобы сделать ее лучше.

– Но почему бы ей вдруг стать хуже? Многие счастливы в браке, хотя на первый взгляд не очень-то подходят друг другу. Брак не обязательно все портит.

– Назови хотя бы парочку примеров.

– Элизабет и Генри, если брать наших самых близких друзей.

– Ты шутишь, что ли? – удивился Джонни.

– А разве они не счастливы вместе?

– Милая, да они грызутся друг с другом как кошка с собакой, а если ты не замечаешь, то, видимо, совсем ослепла. А сейчас хватит этих женских штук, умойся, надень что-нибудь приличное, и мы сходим куда-нибудь выпить...

– Да пошел ты к черту!

– Почему? Я веду себя дружелюбно и мило и разряжаю опасную ситуацию.

– Я попросила тебя жениться на мне, и не надо отделяться от меня выпивкой!

– Так-то лучше! – засмеялся Джонни.

Эшлинг заставила себя растянуть губы в улыбке. И где-то в глубине сознания ей показалось, что после его слов про брак Элизабет отказ жениться выглядит не так страшно. Возможно, Джонни прав. Не исключено, что брак действительно уничтожает всех. Может быть, таким способом природа не позволяет людям слишком уж наслаждаться жизнью на земле.

* * *

– Но ты должна прийти! – закричала Элизабет. – Я не справлюсь в одиночку! Я не вынесу. Папа будет ныть, Генри будет ныть, Эйлин будет капризничать. В последнее время я совсем без сил...

– Ну ладно-ладно, просто я хотела проваляться в постели весь день.

– Ты не можешь так поступить. Проваляться все воскресенье в постели аморально.

– Да, ты права. А что насчет Саймона и Бетан?

– Они не придут, слишком заняты обустройством гнездышка. Видела бы ты, какую квартиру они купили! Генри часами

высчитывает, как Саймон ухитрится платить за нее с его-то жалованьем...

– А Джонни придет?

– Тебе должно быть виднее, где его носит.

– Понятия не имею. Уехал неделю назад, и ни слуху ни духу.

– Стефан думает, он поехал в Дувр.

– Вполне может быть.

– Вы поругались, что ли?

– Нет, просто недоразумение. Потом расскажу. Ну почему я должна вставать? В кровати так тепло и уютно...

– Ты должна встать, потому что ты моя подруга, а мой муж, отец и дочь сводят меня с ума. Мне сейчас нужны не родственники, а подруга...

Джонни оказался прав. Они действительно грызлись между собой, причем не так, как она сама ругалась с Тони, а гораздо хуже. По крайней мере, ссоры с Тони заканчивались довольно резко, когда он хлопал дверью и уходил из дому. Элизабет и Генри спорили о словах: кто что сказал и кто что имел в виду.

– Генри считает, что ты с ума сошла, когда отдала Мюрреям свою долю в их компании.

– Я не сказал «с ума сошла», я сказал, что для Эшлинг могло бы быть лучше немного подождать и что в законе понятие «дар» имеет совершенно точное определение.

– Извини, я подумала, ты имел в виду «скажи ей, что она сошла с ума». Именно так ты и выразился.

– Ты меня совершенно неверно поняла.

Отец Элизабет молча ел, опустив взгляд в тарелку.

Элизабет разрыдалась и выбежала из комнаты.

– Ты к нему придираешься, ты ведь и сама знаешь, – сказала Эшлинг.

Ланч закончился тем, что Элизабет извинилась, а Генри, желавший полного пересмотра темы, нехотя принял ее извинения. Генри с отцом ушли в кабинет, а Эшлинг и Элизабет остались за столом, подбедая яблочный пирог кусочек за кусочком.

– Я знаю, но ничего не могу с собой поделаться, – призналась Элизабет.

– Какой кошмар! Раньше вы оба вели себя совсем по-другому. Сейчас мне с вами очень неловко, а раньше я обожала у вас бывать, чувствовать себя частью чего-то светлого и радостного. Теперь все изменилось.

– Не преувеличивай. Просто... просто период такой, я думаю. Я тебе скажу, что меня убивает. Я пашу как лошадь, зарабатываю на жизнь, нахожу няню и обучаю ее заботиться об Эйлин. С октября будет дошкольная группа. Кроме того, я развлекаю его противных друзей, веду себя мило с людьми вроде нелепого старшего партнера и безмозглой жены Саймона Бетан. И все ради него! Я бы не возражала и больше делала бы, будь в нем хоть капля радости. В нем нет ни жизни, ни духа, ни счастья. Мы словно бегаем по кругу, а над нами висит огромное черное облако.

– Судя по всему, так и есть.

– Но как мне от этого избавиться? Видит Бог, я пыталась! Я что, должна вместе с ним впасть в уныние, чтобы мы оба чувствовали себя несчастными? Еще и Эйлин туда затащить, лишит ее радости, научит ее думать, что мир полон неразрешимых проблем...

– Но разве ты раньше не знала?..

– Нет, не знала. И как мило с твоей стороны рассказывать мне, что люди должны знать, а чего не должны, если ты сама вышла замуж за агрессивного алкоголика, думая, что он славный соседский парень и станет отличным мужем.

– Тут ты в точку попала.

– Боже мой, Эшлинг, прости, почему я так с тобой разговариваю? Ты приехала мне помочь, а я дошла до того, что всех раздражаю и нападаю на тебя.

– Ничего страшного, – ухмыльнулась Эшлинг.

– Я в очень скверном настроении. Понимаешь, они ждут, когда старший партнер уйдет на пенсию, и тогда все наладится. Саймон и Генри получат повышение. Оба станут какими-то начальниками, но будут независимы друг от друга. Все уже в процессе согласования. Тогда наконец закончится его бесконечное нытье и жалобы, что его принижают. Да, я знаю, звучит так, словно я его ненавижу, это неправда, но он стал такой колючий, что я уже не могу увидеть за стеной колючек того Генри, которого люблю. Он словно железные доспехи надел.

– Пожалуй, я понимаю, о чем ты.

– В любом случае есть свет в конце туннеля. Только несправедливо, что я тяну тебя за собой вниз.

Эшлинг закурила.

– Я и без того почти на дне. Не хотела тебе рассказывать, но теперь скажу. Я попросила Джонни на мне жениться.

– Что?! О нет! – Элизабет засмеялась. – Ты шутишь, что ли?

– Да какие уж тут шутки... – Эшлинг замолчала.

– И что он ответил?

– А как ты думаешь?

– Он сказал: «Зачем портить все хорошее, нам и так неплохо»?

– Именно так и сказал.

– Так ведь тебе действительно и так неплохо.

– Не считая того, что он уехал. Полагаю, к очередной Сьюзи, чтобы наказать меня за глупость с вопросом про свадьбу.

– Боже мой, Эшлинг! – В смехе Элизабет прозвучали слегка истерические нотки. – Достоин же нас воспитали наши матери! Неужели моя Эйлин тоже превратит свою жизнь черт знает во что? Интересно, что нам следует сделать, чтобы она до такого не дошла.

– Пожалуй, ничего тут не поделаешь, если она такая же глупая, как и мы! – ответила Эшлинг.

И они обе расхохотались. Тут из кабинета вышли раздраженные отец и Генри и поинтересовались, нельзя ли убрать со стола, чтобы сыграть партию в бридж.

* * *

Саймон пару раз заходил к Эшлинг на Манчестер-стрит, и она была рада его видеть. Джонни все еще развлекался с очередной подружкой, и Эшлинг чувствовала себя все более униженной при воспоминании о том, как глупо себя вела. Несколько раз она принимала решение, правда не слишком серьезное, не встречаться с ним после его возвращения. Саймон всегда приносил с собой бутылку вина. Придя к Эшлинг в третий раз, он очень нежно ее поцеловал, и она поцеловала его в ответ.

– Ай-ай! – засмеялась Эшлинг. – Мне не следует играть в веселую вдову, пока твоя бедная женушка на сносях выбивается из сил, поддерживая уют в доме.

– Именно в такое время мужчина больше всего нуждается в утешении. В Древней Греции молодые женщины и вдовы считали за честь приласкать будущих отцов, которые, понятное дело, нервничают, не находят себе места и не могут спустить пар со своими женами.

– Я тебе не верю, – усомнилась Эшлинг.

– Я сам придумал, но звучит неплохо.

Эшлинг захихикала. Без Джонни она чувствовала себя одиноко, а желание ходить в гости к Элизабет увяло после признаний подружки о проблемах с Генри. Приятно, когда с тобой флиртуют и отпускают тебе комплименты. В следующий раз Саймон принес бутылку игристого и изящно намекнул, чего хочет.

– О нет! – засмеялась Эшлинг. – За дешевое шампанское ты слишком много хочешь! За кого ты меня принимаешь?

Тогда на следующий вечер он принес бутылку «Моэт и Шандон», которую они быстро выпили и отправились в постель.

«Да какая разница? – сказала Эшлинг самой себе на утро. – Ему понравилось, я не против, и никто никому ничего не скажет, так что пострадавших не будет».

* * *

Стефан сообщил Элизабет, что собирается отойти от дел и теперь будет приходить только раз в неделю. Они с Анной купят домик с садом, им обоим нравятся цветы. Его зрение все ухудшается, он уже толком не видит, что покупает и что продает. И поинтересовался, не хочет ли Элизабет выкупить антикварный магазин.

– Милый мой Стефан, но где же я возьму столько денег? Нам едва на жизнь хватает. У меня каждый шиллинг на счету.

– Я подумал, что, имея богатого мужа-адвоката и прелестную квартиру в Баттерси, дела у тебя должны идти все лучше и лучше.

– О нет, все совсем не так. Кстати, как насчет Джонни? Он не захочет?..

– Я уже разговаривал с Джонни. И именно поэтому решил поговорить с тобой. Перед разговором с Джонни мне пришла в голову другая идея. Возможно, Джонни и Эшлинг вскоре поженятся. Эшлинг получила хорошее наследство после смерти мужа. Я подумал, что, может быть, вы втроем могли бы вместе купить магазин, а мы с Анной получили бы достаточно денег, чтобы нам хватило на остаток жизни. Больше нам ничего не нужно. Я бы не вынес, если бы магазин купил тот, кто не будет относиться к нему с любовью.

– Да-да, я знаю...

– Однако Джонни заявил, что нет, не стоит даже упоминать про такие вещи, он жениться не собирается... И запретил мне обсуждать это с Эшлинг. Хотя, поженятся они или нет, мне все равно кажется, что идея неплохая. Анна тоже так считает. По ее мнению, Джонни вот-вот распрощается с очередной пассией, и мне следует поговорить с тобой, с тобой и твоим мужем, потому что у Джонни сбережений нет.

– Стефан, ничего не выйдет. Не стоит пока отходить от дел, потерпите еще немного, все может измениться. В конце месяца Генри должен получить повышение. В следующем месяце отец уходит на пенсию из банка. Не исключено, что он продаст дом, и тогда мы все сможем купить другой и жить там вместе с отцом. Тогда может оставаться больше денег. Вы могли бы подождать пару месяцев? Возможно, ситуация изменится к лучшему.

– Пару месяцев я подожду. Надеюсь, моя милая Элизабет, ситуация изменится к лучшему для тебя, потому что сейчас дела у тебя идут не слишком хорошо.

* * *

Бетан родила мальчика в два часа ночи в четверг. В это время его отец Саймон был в постели с Эшлинг, но пришел в восторг, услышав новость на следующий день. Все удивились, что первый ребенок родился до срока, обычно их перенашивают.

* * *

Генри заявил, что не хочет устраивать вечеринку, чтобы отпраздновать изменения на службе, поскольку это будет выглядеть так, словно они вечно ищут предлог, чтобы пожрать и выпить.

– Извини, – сказала Элизабет, – когда мы только поженились, то оба считали, что будет здорово иметь возможность приглашать гостей в дом. Нам обоим это очень нравилось.

На глазах Генри навернулись слезы.

– Я знаю, милая, прости... Хотелось бы мне разделять твой беспечный взгляд на мир, но я не могу, я переживаю обо всем. Кто-то же должен переживать...

– Не понимаю зачем, – ответила Элизабет.

* * *

Джонни пошел в гости к Эшлинг, увидел на улице машину Саймона и радостно взлетел по лестнице.

– Эй, вы там! Откройте, я принес бутылку плиски! Это бренди, вам понравится!

К его удивлению, никто не откликнулся, хотя под дверью ясно виднелась полоска света, да и с улицы он заметил свет в квартире сквозь шторы на окне.

– Эй, чем вы там занимаетесь? – крикнул Джонни.

Так и не получив ответа, он пожал плечами и спустился. На улице он посмотрел на окно и увидел, как шевельнулась штора.

– Почему ему нельзя знать про меня, если мне можно знать про него? – спросил Саймон.

– Потому что он, в отличие от тебя, серьезный претендент на мою руку, – засмеялась Эшлинг, хотя ее сердце все еще колотилось после ухода Джонни.

– Неужели ты считаешь Джонни Стоуна стóящим кандидатом в мужья? – удивился Саймон.

– Он умолял меня выйти за него замуж, сидя на этой самой постели.

– И что ты ему ответила? – засмеялся в ответ Саймон, не зная, верить ей или нет.

– Я спросила, зачем портить то, что у нас есть. Сейчас все хорошо, давай не будем это разрушать.

– Очень мудро, моя дорогая, очень благоразумно! – согласился Саймон, обнимая ее.

– А разве Бетан не...

– Она будет занята с малышом, – ответил он.

* * *

– Все изменится к лучшему, когда я получу новую должность. В офисе появятся четкие границы, никто не будет ходить по головам...

– Если все настолько изменится, то почему это не сделали давным-давно?

– Потому что старший партнер всегда любил жестко держать все под контролем, чтобы все остальные переживали и толкались локтями, – объяснил Генри.

* * *

– Тебе не кажется, что твоя подруга Эшлинг за моей спиной закрутила роман с коллегой твоего мужа Саймоном Бёрком? – как-то спросил Джонни у Элизабет за работой в антикварном магазине.

– В жизни не слышала большей нелепицы! – ответила она.

* * *

– Ты не поверишь, что навоображал себе Джонни. Он думает, что ты изменяешь ему с Саймоном, – сообщила Элизабет в телефонном разговоре с Эшлинг.

– Ох ты ж, черт возьми!..

* * *

– Боже, у меня просто камень с души упадет, когда в твоём офисе наконец закончится вся эта суматоха. Элизабет и Генри сидят как на иголках в ожидании его назначения на новую должность.

– Какую ещё новую должность? – удивился Саймон.

* * *

– Спасибо, Эшлинг, и я знаю, что ты хотела как лучше, Боже милостивый, как ты любишь выражаться. Я знаю, что у тебя благие цели, но ты наверняка что-то напутала...

– Я тебя умоляю, просто умоляю, приходи сегодня ко мне. Давай сходим на ланч. Возьми Эйлин с собой. Пойдем в любое место, куда скажешь. Мне нужно поговорить с тобой. Я не могу объяснить по телефону. Я не могу повторять, откуда узнала и что именно мне сказали, все слишком бессвязно...

– Я ухватила суть дела, и, как я уже сказала, Саймон ошибается.

– Элизабет, дорогая, он мне все объяснил, и он не ошибается. Генри все неправильно понял... Я предупреждаю тебя для твоего же блага, я никого не хочу переплюнуть и все такое. Боже мой, мне ведь тоже не больно нужно было выслушивать это все среди ночи!

– Я знаю, и ты поступила как настоящая подруга, рассказав мне все.

– Да какая из меня подруга, если ты меня всерьез не воспринимаешь! Слушай, тут уже очередь, мне нужно идти. Я тебя умоляю, встретимся в час дня? Где?

– Я не могу прийти. Не сегодня. Вечером поговорим.

– Вечером он уже будет знать!

– Эшлинг, ты делаешь из мухи слона. Ты не в курсе всех подробностей, вот и все.

– Мне нужно бежать, я перезвоню.

– Возможно, мне придется уйти на встречу со Стефаном. Поговорим вечером.

* * *

Отец позвонил Элизабет, что было весьма необычно для него. Ей пришло в голову, что, может быть, он придумал устроить небольшой праздник для Генри, но отец никогда не думал о праздниках.

– Ты не знаешь, Генри непременно хочет район к югу от реки? – спросил он, едва поздоровавшись.

– Папа, ты вообще о чем?

– Я ищу для нас дом, но два возможных варианта находятся к северу от реки, а я думал, что Генри предпочитает юг.

– Я считаю, что тебе стоит посмотреть и те, которые к северу, тоже.

Элизабет положила голову на руки и заплакала. Ей почти тридцать лет, а на нее столько всего свалилось: отец, который не в состоянии решить, какой стороной повернуть к себе тарелку, и муж, который умудрился запугать сам себя до смерти... Она уже и забыла, каково жить без проблем. Когда и где ей было легко? И почему теперь сплошные сложности?

– Мама, почему ты плачешь? – спросила Эйлин.

– Мама устала.

– Мама пойдет спать, – ответила Эйлин.

– У мамы слишком много дел.

Снова зазвонил телефон.

– Алло, это моя приемная дочь или моя внучка?

– Гарри! – Элизабет совсем забыла, что он приезжает сегодня, и внезапно задумалась, не сдают ли у нее нервы. Ведь когда-то она работала на трех работах, а еще заботилась о маме, отце и Гарри, находившихся на различных расстояниях от нее. А теперь едва способна вспомнить, какой сегодня день недели. – Гарри, ты где?

– На вокзале Юстон. Ты не смогла меня встретить?

– Нет, не получилось найти няню.

– Не важно, милая, я подожду. Мне сейчас приехать или как? Не хочешь пойти куда-нибудь на ланч?

Элизабет задумалась, стоит ли идти на ланч вместе с Эшлинг в какой-нибудь роскошный торговый центр на Оксфорд-стрит. Было бы весело, Гарри бы понравилось, Эйлин бы хихикала и привлекала всеобщее внимание посетителей... Нет, уж слишком много усилий потребуется, Эйлин пока соберешь... Пусть лучше Гарри приедет сюда.

- Поедим здесь, когда приедешь, – сказала она.
- Вот и отлично! У тебя все в порядке?
- Да что у меня может случиться?
- Ты какая-то взъерошенная.

* * *

- Я могу поговорить с Эшлинг О’Коннор?
  - Боюсь, она ушла на ланч. Я бухгалтер, могу я вам чем-то помочь?
  - Нет, возвращайтесь к своей бухгалтерии.
  - Простите?..
- Элизабет бросила трубку.

* * *

– Генри, бога ради, давай ты не будешь устраивать сцену в офисе? Генри, я твой самый старый друг, ты почти женился на моей сестре. Ты можешь меня выслушать? Послушай же меня! Давай обсудим это в другом месте. Любой разговор на повышенных тонах только привлекает больше внимания. Мы сейчас спокойно отсюда выйдем – ты понял? Спокойно! Как только мы окажемся за дверями офиса, мы возьмем такси и поедем куда захотим, куда ты захочешь...

- Но...
- Я открою дверь, когда ты пообещаешь, что будешь молчать.
- Ладно...

Они вышли из кабинета деревянной походкой и спустились по лестнице под взглядами всех коллег.

Генри пытался решить, куда пойти, но не мог вспомнить ни одного названия бара. Или любого другого места, куда он мог бы пойти.

Саймон пытался вспомнить названия мест, куда им не захочется ходить снова, так как знал, что в следующий раз у них может и не получиться пойти туда. Перед самым уходом он оставил указания своей секретарше:

– Позвони нашим женам, скажи моей все как есть, а его жене не говори ничего.

– Хорошо, мистер Бёрк, – ответила она.

Элизабет терпеть не могла женщин, которые работали в офисе вместе с Генри. Они все считали себя слишком умными, особенно Джессика, секретарша Саймона.

– Миссис Мейсон, мистер Бёрк попросил вам позвонить и передать, что они с мистером Мейсоном вышли пропустить по рюмочке.

– Нет, он не объяснил почему.

– И не сказал, куда именно...

– Я думаю, просто чтобы вы были в курсе, если вдруг ожидаете мистера Мейсона дома или еще что-то.

* * *

Эшлинг и Джонни пошли в кино, где он сказал, что попрощается с ней здесь, так как хочет лечь спать пораньше. Через час она позвонила ему домой, но никто не ответил.

* * *

Гарри сказал, что долгая поездка утомила его сильнее, чем он ожидал, поэтому он ушел спать рано, грустно думая, что Элизабет плохо выглядит. Конечно, не так плохо, как Вайолет, слава богу, нет, но бедняжка явно вся на нервах.

Он надеялся, что Генри скоро вернется домой с хорошими новостями о новой должности, но лучше пусть они вдвоем разбираются. Элизабет весь вечер постоянно смотрела на часы и вся извелась.

* * *

В конце концов в пабе им отказались наливать еще, и они пошли за жареной рыбой с картошкой. Помогло. По крайней мере, Саймону полегчало, а вот Генри нет. Он все еще плакал. В какой-то момент он схватил меню и перечислил все хорошее, что сделал в жизни. Его добросовестность, честность, порядочность, отказ унижать других – все было сложено вместе и противопоставлено списку обид, которые ему причинили в жизни.

– В чем я ошибся? – ныл он. – Я делал все как положено, и не делал ничего плохого. Честное слово, я уже всю голову сломал. Я не виноват, если...

Саймон начинал терять терпение.

– Генри, уже очень поздно, – взглянув на часы, перебил он. – Не пора ли тебе домой? Элизабет будет...

– Ах Элизабет! – рявкнул Генри. – Вот где ошибка! Она слишком занята своим искусством! Настолько занята, что не замечает моих проблем, у нее нет времени...

– Генри, не болтай глупостей! В последний раз тебе говорю, здесь нет никакого заговора. Элизабет не...

– У нее даже на Эйлин времени нет! Зато всегда найдется минутка для Эшлинг. Ирландская шлюшка! Я знаю, ей все равно с кем. Я слышал, как они разговаривали, она не только с Джонни...

– Генри, иди домой! Завтра тебе станет гораздо лучше.

– Не пойду я домой! Я знаю, куда я пойду, – пьяно улыбнулся Генри.

– Куда? Разве тебе не надо домой? Разве Элизабет...

– Да к черту Элизабет! Она ничего не понимает. Набрасывается на меня почем зря. Я не хочу...

– Ну, старина, если ты уверен, что и сам справишься... Мне, пожалуй, пора...

– Саймон, мне заметно полегчало. Я понял, что ты имеешь в виду. Нужно проявить хитрость, не устраивать сцены в офисе, а действовать за кулисами, верно? – глупо засмеялся Генри.

– Да, именно, – нетерпеливо согласился Саймон. – Так, может, вызвать тебе такси?

– Нет, ты поезжай домой... а я послоняюсь... пошатаюсь где-нибудь еще.

– Генри, тогда увидимся завтра в хорошем настроении и без эмоций.

– В хорошем настроении и без эмоций, – пробормотал Генри.

* * *

– Господи боже, кажется, пьяницы летят на меня, как пчелы на мед! Генри Мейсон, я в жизни не видела, чтобы ты так нажирался... Почему сегодня и почему ты пришел ко мне?

– Я хочу с тобой поговорить...

– Ладно, давай поговорим, только не надо будить весь дом! – Эшлинг натянула халат и впустила его в квартиру.

– Ты так рано разделась. Ты всегда ложишься спать до десяти?

– На самом деле уже гораздо позже десяти, но это не важно, и я устала. Кофе будешь?

– Я бы выпил чего-нибудь. Думаю, у тебя тут выпивки хватает. Ты ведь теперь дама обеспеченная, можешь позволить себе пить столько, сколько влезет...

– У меня есть только бутылка вермута, и от него тебя вывернет наизнанку, но если тебе так приспичило, то как знаешь.

– Почему у тебя нет бара с напитками, как у богатеньких?

– Генри, ты очень смешной, когда напьешься. У меня нет бара, потому что мой муж допился до смерти, и я считаю, что мне самой не следует позволять себе лишнее.

– Я как раз пришел, чтобы позволить себе лишнее...

– Ну что ж, если ты хочешь вермут, но я тебя предупреждаю, тебе от него поплохее.

– Я не про вермут.

– Слава богу! Тогда мы оба выпьем по чашечке кофе, и я позвоню Элизабет, хорошо? Она знает, что ты ко мне поехал?

– Откуда ей знать, что я здесь? Кто же рассказывает жене, что поехал к шлюхе?

* * *

Элизабет позвонила Бетан:

– Прости, что так поздно тебя беспокою, Саймон дома?

Саймон покачал головой. В гостях были теща и тесть, и он притворялся человеком семейным.

– Нет, Элизабет, извини, я думаю, он где-то вместе с Генри. Должно быть, отмечают.

– Наверное, так и есть.

– Я терпеть не могу врать ей и водить ее за нос, – сказала Бетан.

– Для нее же проще думать, будто мы не знаем, что Генри ушел в загул, – ответил Саймон.

– Но где он?

– Понятия не имею. Еще довольно рано.

Часы показывали одиннадцать вечера. Саймон тихонько налил себе еще выпить, а тесть с тещей продолжали пить чай.

* * *

Джонни сказал, что Вирджиния, конечно же, может остаться до утра, и согласился, что было бы глупо искать такси среди ночи. Он включил проигрыватель в гостиной и аккуратно стянул одеяло с подушек на кровати, чтобы она выглядела заманчиво, но не слишком бросалась в глаза.

* * *

Гарри проснулся от кошмара и посмотрел на часы: всего лишь полночь, он проспал только два часа. Ну что ж, в шестьдесят два года вполне можно ожидать некоторую усталость после столь дальнего путешествия.

* * *

– Давай просто решим, что ты напился, и ты сейчас же уйдешь, а я забуду все, что ты сказал.

– А что такого я сказал?

– Ты назвал меня шлюхой, хотя не имел этого в виду.

– Еще как имел! Я всего лишь хочу знать, могу ли я присоединиться к остальным.

– Генри, иди домой! Ты совершенно не умеешь пить. Не будь идиотом!

– Не смей называть меня идиотом!

Эшлинг занервничала. Ей казалось, что он собирается ее ударить, что он ведет себя, как Тони той ночью, хотя далеко не настолько же пьян.

– Иди сюда! – Он потянулся к ней. – Иди ко мне. Если ты занимаешься этим с другими, то почему не со мной?

Она подпрыгнула и отбежала в противоположный конец комнаты:

– Я задам тебе только один вопрос. Я никогда с тобой не флиртовала и никак тебя не поощряла, чтобы ты мог подумать... Я лучшая подруга твоей жены!.. Что за дичь? Даже не знаю, как назвать... Бред какой-то!

– Тебе ведь нравится со всеми остальными...

– Генри, пожалуйста, послушай меня внимательно. У меня... у меня есть возлюбленный, или, называй как хочешь, всего один мужчина, и это Джонни Стоун... и больше никого нет... – Она замялась. Черт бы побрал Саймона Бёрка, чтоб ему провалиться, и черт бы побрал ее собственную глупость! Должно быть, именно Саймон предложил Генри прийти сюда... – Джонни ведь твой друг, наш общий друг.

– О да, вы с ним те еще друзья. Я все знаю.

– Генри, разумеется, ты знаешь, мы все знаем. А теперь прекрати молоть чепуху и иди уже домой!

– Твой друг, а еще друг Элизабет, сколько еще друзей было у вас обеих?

– Генри, ты прекрасно знаешь, что отношения Элизабет с Джонни закончились, когда она встретила тебя. Она любит тебя, дурень ты этакий...

– Но ты говорила мне, что познакомилась с ним много лет назад, когда приезжала в Лондон.

Эшлинг уже смертельно устала от него. Как бы его выпроводить?

– Я познакомилась с ним, когда они с Элизабет еще встречались... когда возникла проблема... осложнение...

– Какое еще осложнение?

– Генри, уходи! Ты ведешь себя слишком назойливо. Иди домой и спроси у Элизабет.

– Какое осложнение?

– Так ведь Элизабет тебе все рассказала, тот раз, когда она сделала аборт, тогда я с ним и познакомилась, но он...

– Элизабет делала аборт?..

– Ты ведь все знаешь, Генри. Элизабет же говорила...

– Ах ты, грязная сучка! Да ты... Потаскуха! Я не желаю, чтобы ты... И чтобы...

– Убирайся! Ты все знаешь. Элизабет говорила, что вы все рассказали друг другу про свое прошлое. Отлично, подумала я тогда и до сих пор так думаю. Но если тебе не терпится устроить драку, то со мной не выйдет. Я умею обращаться с пьяницами.

Он встал и молча вышел за дверь. Слишком тихо вышел. Эшлинг окликнула его, выйдя на лестницу, но он промолчал.

* * *

Джонни и Вирджиния уже лежали в постели, когда зазвонил телефон. Джонни перегнулся через нее и поднял трубку. Звонили из телефона-автомата.

– Ты убийца, мерзкий ублюдок! – произнес пьяный голос.

– Кто это? – Джонни не узнал говорящего, но, судя по всему, тот явно был или в стельку пьян, или сильно расстроен, или и то и другое вместе.

– Ты позволил ей убить ребенка! Теперь я все знаю.

– Кому позволил? О чем речь?

– Элизабет! – Звонивший повесил трубку.

* * *

Гарри снова проснулся и подумал, не сходить ли к врачу, чтобы попросить какое-нибудь снотворное, и осознал, что теперь его разбудили: за дверью слышались голоса.

– Мне наплевать на работу, она совершенно не волнует меня! Если бы тебя уволили к чертям собачьим, я бы и глазом не моргнула! Почему ты мне не позвонил?

– Ты убийца... ты убила ребенка, я все знаю.

– Господи боже, что ты несешь? Генри, заходи в дом и заткнись. Ты разбудишь Гарри...

– Ты и он убили ребенка. Я знаю, все знают... ты это сделала и ничего мне не сказала. Если бы я знал, то никогда не женился бы на тебе, никогда в жизни...

– Генри, потише, Эйлин проснется. Ну вот, уже проснулась. Давай уже заходи, не стой в дверях и расскажи мне, где ты услышал подобную чушь.

– От твоей подружки и пособницы, от ирландской шлюшки...

– Таких слов я от тебя ни разу не слышала. Ты совсем спятил!

– Потаскушка Эшлинг. Я с ней спал, Джонни с ней спал, Саймон с ней спал. Думаю, будь Гарри помоложе, и он бы тоже с ней переспал. Черт возьми, она более чем возместила себе неудавшийся брак, верно?

– Сегодня вечером ты был у Эшлинг?

– Я был с твоей драгоценной Эшлинг.

– Ты с Эшлинг... Быть того не может...

– О, я уверен, что утром вы все обсудите... Я слышал, как вы разговариваете...

– Я абсолютно уверена, что Эшлинг не спала с тобой.

– Почему бы и нет? Если она может спать с этим мерзавцем Джонни Стоуном. Я позвонил ему и все рассказал.

– Что рассказал?

– Что знаю, что вы с ним убили ребенка.

Гарри раздумывал, что делать. Если в пабе начинали ругаться на столь повышенных тонах, то уже следовало бы вмешаться. Однако влезать в ссору семейной пары – совсем другое дело. И что тут, черт возьми, вообще происходит?! Генри явно сошел с ума. Убила ребенка? С Джонни? Возможно, ему следует просто заткнуть уши. Нет, невозможно. Он должен знать, что там у них творится, чтобы быть наготове, если Элизабет понадобится помощь. Может, стоит подать

голос? Если крикнуть: «Эй, что там у вас?» – то не исключено, что Генри поправит галстук, успокоится и либо зайдет в дом, либо уйдет из дому. В любом случае это будет лучше, чем скандал на пороге. Ну сколько можно-то?

Гарри чуть-чуть приоткрыл дверь, потом еще немножко.

Дверь на лестничную площадку была распахнута настежь, на искаженное лицо Генри падал яркий луч света.

– Ты шлюха... убийца... как ты можешь быть матерью... Я забираю Эйлин... прямо сейчас... ах ты, сука...

– Ты спятил! Нет, убирайся отсюда, оставь меня в покое! Иди к черту!

– Я забираю свою дочь! Ты, убийца... уйди с дороги!

Гарри должен был их остановить, и не важно, насколько неловко все они будут чувствовать себя утром. Он готов признаться, что слышал их ссору.

– Эй, а ну... – начал он, открывая дверь, но ничего не успел сказать, как услышал сдавленный крик.

* * *

Эшлинг убеждала себя, что Генри наверняка знал... обо всем. Конечно же, Элизабет рассказала ему эту кошмарную историю. Не могла не рассказать. В моменты близости люди делятся самым сокровенным. Она и сама рассказывала Тони про обжималки с Недом в кино. Генри всего лишь упился в стельку и слегка обезумел, не получив желаемую должность. Вот и все. Ничего с ним не делается, переживет.

* * *

Джонни сказал себе, что в Лондоне есть куча девушек по имени Элизабет. Они с Элизабет убили ребенка? Что за бред!

* * *

Наступила тишина. Кажется, шум никого не разбудил. Элизабет закрыла входную дверь и задвинула засов. Застыла на мгновение, потом прошла мимо Гарри, не заметив его.

Гарри стоял, затаив дыхание, но почти сразу же услышал, как Элизабет успокаивает малышку Эйлин:

– Тише-тише, все хорошо! Не волнуйся, папа скоро придет домой. Папа задержался, папа получил большую должность. Он скоро вернется. Он скоро вернется. Все будет хорошо.

– Господи боже мой!.. – произнес вслух Гарри.

* * *

«Скорая помощь» уехала тихо. Нет надобности мчаться в больницу с сиренами и мигалками: Генри Мейсон мертв. Швейцар поднялся на верхний этаж, чтобы сообщить эту новость миссис Мейсон. Она открыла дверь, одетая в халат, с недоумением на лице и с ребенком на руках:

– В чем дело? Не может быть... как же так... что произошло? Как это могло случиться?.. Его не было дома. Он упал? Как он мог упасть? Я могу его увидеть? Генри? Генри? Генри?

Потом были бесчисленные чашки чая и визит полиции. Нет, Генри не приходил домой, он пошел пропустить пару кружек. Секретарша позвонила, чтобы предупредить, что он вернется поздно. Должно быть, он слишком много выпил, он непривычен к спиртному. О господи боже мой!..

* * *

– Элизабет?

– Эшлинг?

– Не двигайся, я посижу рядом с тобой... – Эшлинг присела на край кровати и взяла тонкую холодную руку подруги.

Элизабет молчала. Эшлинг потеряла ей руку, словно разгоняя кровь. Часы очень громко тикали. Снаружи доносился приглушенный шум машин, из гостиной слышалось почти столь же тихое бормотание:

Гарри отвечал на телефонные звонки, понизив голос, отклонял просьбы увидеться с Элизабет и записывал все предложения помочь. Эйлин отвезли к друзьям, у которых был маленький ребенок. Отец Элизабет пришел и ушел. Элизабет отказалась от укола успокоительного, сказав, что с ней все будет в порядке.

Глаза Элизабет метались по комнате, она ни на секунду ни на чем не задерживала взгляд. Смотрела Эшлинг в лицо и снова отводила глаза. Ее голова неподвижно лежала на подушке, словно стала неподъемной.

– Ты можешь ходить? Я думаю, нам следует прогуляться, – предложила Эшлинг.

– Да-да, давай прогуляемся!

Элизабет отдернула руку и отбросила одеяло. Она лежала в постели полуодетая. Подошла к стулу, натянула синий свитер и клетчатую юбку, потом нашла в шкафу куртку.

– Ты уверена? – усомнилась Эшлинг, глядя на ее хрупкий и болезненный вид.

– Да, ты права, я хочу именно прогуляться... – Она надела туфли и посмотрела на Эшлинг по-детски доверчиво.

Эшлинг что-то прошептала Гарри, и через мгновение они уже были на лестничной площадке. Не глядя друг на друга, они вошли в лифт и, пока он спускался, стояли неподвижно. Опустив голову и засунув руки в карманы, они вышли из подъезда и перешли улицу. До парка они шагали нервно и быстро, но в парке бессознательно пошли медленным прогулочным шагом, характерным для лондонцев, наслаждающихся травой и цветочными клумбами вместо потока машин и уличного шума.

– Что мне теперь делать? – в конце концов заговорила Элизабет.

После долгого молчания Эшлинг взяла ее под руку, и они шли, все так же не глядя друг на друга.

– Я имею в виду, что теперь будет? – очень тонким голосом спросила Элизабет.

– Будешь растить Эйлин, – медленно произнесла Эшлинг. – Будешь вспоминать все хорошее и забудешь все плохое. Думаю, именно так поступают в подобных случаях.

– Да.

Они прогуливались по парку.

– Не повезло нам в жизни... И что с нами не так? – поинтересовалась Эшлинг.

– В каком смысле?

– Ну, теперь мы обе вдовы... Из всего, что было, осталась только малышка Эйлин... все наши мечты и надежды... сама знаешь...

– Твоей мамане не понравились бы подобные разговоры. – Голос Элизабет стал тверже. – Копания в прошлом...

– Да, точно, не понравились бы... – Эшлинг замолчала на мгновение, а потом продолжила: – Маманя всегда знала, что сказать. Она часто говорила то, что я считала неправильным, но в итоге оказывалось верным. Не знаю, как она находила нужные слова. У нее здорово получалось.

– Нет, я думаю, она даже не пыталась искать нужные слова, они там уже были изначально, – возразила Элизабет.

– Да, – согласилась Эшлинг.

Они сели на скамейку, где часто сидели, когда возили Эйлин в коляске... и даже раньше, когда Эшлинг впервые приехала в Лондон... и когда сбежала из Килгаррета.

– Должно быть, для него все произошло очень быстро, – сказала Эшлинг.

– В полиции сказали, что за несколько секунд... – Элизабет закрыла лицо руками.

– Ну хватит, хватит...

– Я не плачу. Я просто думаю про те несколько секунд. Наверное, они показались вечностью...

– Нет-нет, думай об этом как о кошмарном сне: он страшный, но потом все заканчивается.

– От кошмара можно проснуться.

– Ну, для Генри все закончилось. Он больше ничего не чувствует.

– Я знаю. – Элизабет встала.

– Тони умирал гораздо дольше, – заметила Эшлинг.

Элизабет посмотрела на нее:

– Да, действительно...

– И подумай, сколько всего ты сделала для Генри. Подумай и вспомни все хорошее. Ты дала ему дом, который он всегда хотел... дала ему уверенность в себе... все это никто другой не смог бы ему

дать... – Эшлинг говорила, опустив взгляд на ноги, а Элизабет смотрела вдаль.

– Ты тоже сделала Тони счастливым...

– Нет, не сделала. Никто не смог бы дать ему счастье, и я уж точно не смогла. Только еще больше все испортила...

– Не стоит так думать. – Теперь голос Элизабет звучал так же сильно и ясно, как обычно. – Он тебя хотел, и он тебя получил. И это единственное, что дает нам надежду во всем, что случилось. Если люди получили то, чего хотели...

– Элизабет, что я могу для тебя сделать? Ты же знаешь, для тебя я готова на все.

– Знаю. Конечно знаю. Ты всегда... всегда спасала меня...

– Нет, это ты спасала меня. Ты спасла меня много лет назад. Если бы у меня не было такого друга, как ты, то что бы у меня было? Морин, Ниам... Джоанни Мюррей... тоже мне друзья... после всего, что произошло...

– И мы никогда не ссорились. За все эти годы мы ни разу не поругались по-настоящему.

– Точно, ни разу. Когда ты сначала уехала из Килгаррета и вернулась сюда, меня иногда злило, что ты отдалилась... Я не знала...

– И я не знала... Когда вы с Тони только поженились и ты писала такие сухие письма, я тоже злилась, но я же не знала...

– Элизабет, так что я могу для тебя сделать? – снова спросила Эшлинг.

– Скажи мне, что будет дальше.

– Будет следствие... и коронер скажет...

– Что скажет?

– Что слышал, как Генри расстроился и... ушел в загул... вернулся домой, и произошел несчастный случай... как он упал...

– Так что в итоге скажет коронер?

– Не знаю... Думаю, выразит соболезнования... вроде бы, именно так и происходит, когда читаешь про следствия. Они скажут, что хотели бы выразить соболезнования семье и друзьям погибшего.

– Что-то вроде некролога?

– Наверное.

– Ясно.

– А потом все закончится... и тебе придется начать...

- Да.
- Боже мой, Элизабет! Мне так безумно жаль...
- Я знаю, знаю... Мне тоже безумно жаль...

* * *

Следствие было кратким и чисто формальным.

Эшлинг читала про подобные случаи в газетах, когда еще жила в Килгаррете. Мамаля говорила, что появление репортеров, которые записывают каждое слово и выдумывают невесть что, для несчастной семьи, которая и так страдает, становится настоящей напастью.

Она оглядела маленький и пыльный зал судебного заседания. Двое мужчин что-то писали в блокнотах – наверное, репортеры, хотя не особо на них похожи. Впрочем, сегодня все сами на себя не похожи и выглядят очень странно, как будто играют в какой-то пьесе, которую плохо отрепетировали. Именно такое у нее возникло ощущение, и наверняка Элизабет тоже так думает. Ужасно непривычно, но сегодня впервые невероятно трудно понять, о чем же Элизабет думает на самом деле. Ее лицо застыло, словно маска.

Лицо Элизабет оставалось неподвижным, зато мысли метались туда-сюда, и ей казалось, что она должна бежать за ними и собирать в кучку, как рассыпавшиеся стеклянные шарики. Она вспомнила, что в больнице, где умерла мама, тоже проводили следствие. Да, там царили суматоха и беспокойство, все врачи и медсестры дико нервничали. Все знали: пациентка, лежавшая в палате рядом с маминой, была совершенно не в себе и ухитрилась исключительно ловко, не вызвав подозрений, выманить стакан и перерезать себе запястья. Все были уверены, что никто из сотрудников не виноват, но все возненавидели следствие. Элизабет вспомнила, как они рассказывали ей про это и говорили, что какой смысл проводить расследование, только всех расстраивать, ведь бедняжку, которая покончила с собой, уже не вернуть с того света. Говорила ли она про тот случай с Эшлинг? Эшлинг сидела прямо напротив и выглядела очень уверенно. Тот редкий случай, когда ее руки неподвижно лежали на коленях.

* * *

В какое невероятное место занесло их обоих! На суд коронера. Зал заседаний такой маленький и обшарпанный, что наверняка должен быть временным, подумал Гарри Элтон, и совсем не похож ни на залы суда, которые показывают в кино, ни на Олд-Бейли, Центральный уголовный суд в Лондоне. Просто пыльная комната. Конечно, в сотый раз повторил он себе, это ведь не уголовный суд, а значит, и настоящий зал заседаний не нужен. Здесь всего лишь оформят бумажки, вот и все. Это для настоящего суда нужен настоящий зал заседаний – в том случае, если произошло преступление.

* * *

Саймон Бёрк огляделся по сторонам и узнал знакомые книги по юриспруденции уже по их корешкам. В комнате было немного пыльно. Если бы он здесь командовал, то велел бы хорошенько убирать каждую неделю. Никогда не помешает придать законности немного лоска, а не превращать присутственные места в подобие кладовки второсортного книжного магазина. Интересно, что остальные про это думают? Эшлинг и Элизабет обе сидят не шелохнувшись, бледные как смерть. Он вспомнил, как впервые увидел Элизабет, когда они с Генри пошли записываться на ее курс по изобразительному искусству. О боже, бедный Генри!..

* * *

Джонни показалось, что Эшлинг улыбнулась ему, и он улыбнулся в ответ, но она на него даже не смотрела, а всего лишь повернулась в его сторону, не глядя ему в глаза. Господи боже мой, что здесь творится!.. Кто бы мог подумать, что они окажутся вовлечены в расследование. И не в какое-нибудь, а по делу о смерти Генри. Что за бред! Генри должен быть жив и здоров, должен делать, что ему вздумается, и поменьше налегать на алкоголь. Просто невозможно смотреть на этих девушек... то есть женщин... Эшлинг и Элизабет. Подумать только, у обеих мужья погибли так или иначе из-за выпивки.

В голове не укладывается, как такое вообще может быть! Бедняга Генри, что за напасть!.. Чем скорее все закончится, тем лучше.

* * *

Элизабет думала, что, по словам Эшлинг, все должно быть очень быстро и формально. Господи, пусть так и будет! Я больше не могу здесь сидеть, ни одной минуты больше не выдержу.

Эшлинг думала, что если процесс не начнется совсем скоро, то она с ума сойдет. Ну сколько можно здесь сидеть, глядя, как он перекладывает бумажки с одного края стола на другой?! Господи боже мой, да начинай ты уже! Ведь вся процедура должна быть чистой формальностью, всего лишь слушанием официальных свидетельских показаний. Неужели нельзя перейти наконец к делу? Хватит строить из себя невесть что, олух ты царя небесного!

Коронер наконец навел порядок на своем столе и был готов начать процедуру – готов выслушать показания свидетелей...

Показания давали полицейские, медики скорой помощи и швейцар. Все они ровным и размеренным тоном описали, что произошло и в какое время. Кроме них, вызвали только Гарри Элтона и Саймона Бёрка.

Гарри Элтон, отчим миссис Мейсон... гостил у нее дома. Абсолютно ничего не слышал, пока в дверь не забарабанил швейцар и не рассказал, что случилось. Бедняжка Элизабет убита горем. Какое несчастье... счастливая семейная жизнь...

Саймон расстался с Генри, находившимся в состоянии опьянения, на углу Грейт-Портленд-стрит и Мортимер-стрит. Нет, он не сказал, куда собирается пойти. Саймон Бёрк посоветовал ему взять такси и поехать домой, а Генри ответил, что так и сделает. Нет, Саймон Бёрк понятия не имел, куда он мог отправиться после этого.

* * *

Эшлинг О'Коннор, подругу миссис Мейсон, для дачи показаний не вызвали.

Джонни Стоуна, друга и коллегу миссис Мейсон, про телефонный звонок тоже не спросили, потому что никто не упомянул ни про визит, ни про телефонный звонок.

Поэтому они сидели в зале заседаний и молчали, пока коронер не постановил, что произошел несчастный случай и смерть наступила в результате падения с лестницы, после избыточного употребления алкогольных напитков.

А потом они все вышли на солнышко.

---

notes

Примечания

Имон де Валера (1882–1975) – ирландский политический и государственный деятель; один из лидеров борьбы за независимость Ирландии, в том числе один из руководителей Пасхального восстания 1916 года, после подавления которого был арестован британцами.

Бармбрэк – ирландский сладкий дрожжевой хлеб с виноградом и изюмом; обычно подается как тосты со сливочным маслом к чаю.

25 мая 1921 года Ирландская республиканская армия сожгла здание таможни в Дублине, где находился центр британского управления Ирландией.

4

MNA – для женщин, FIR – для мужчин (*ирл.*).

В католическом культе Святейшего Сердца Иисуса Христа на статуях Христа изображено сердце, опоясанное терновым венцом, иногда с каплями крови.

6

В католичестве обряд крещения могут проводить и миряне.

Блиц – массированные бомбардировки Великобритании немецкой авиацией с сентября 1940 года по май 1941-го.

WAAF – женская вспомогательная служба в британских ВВС.

Констанция Георгина Маркевич (1868–1927) – ирландская суфражистка, политический деятель, революционерка.

ARP – сеть организаций гражданской обороны, созданная накануне Второй мировой войны.

Национальный гимн Ирландии.

Ричард Стаффорд Криппс (1889–1952) – британский лейбористский политик.

Уильям Максвелл Эйткен, лорд Бивербрук (1879–1964) –
английский и канадский политический деятель.

Гарольд Джордж Николсон (1886–1968) – английский дипломат, политик, историк.

Имеется в виду Англо-ирландский договор 1921 года, давший Ирландии статус самоуправляемого доминиона в составе Британской империи и положивший конец Ирландской войне за независимость.

«Музыка во время работы» – получасовая музыкальная радиопередача, которую транслировала Би-би-си дважды в день по рабочим дням с 23 июня 1940 года по 29 сентября 1967-го.

Клемент Ричард Эттли (1883–1967) – британский политик, лидер лейбористов, в 1945 году сменил Черчилля на посту премьер-министра Великобритании.

В Англии яйца чаек считаются деликатесом.

Цветочек Иисуса – прозвище Терезы из Лизьё (1873–1897), кармелитской монахини, католической святой.

«Короткая встреча» – британская мелодрама 1945 года режиссера Дэвида Лина.

Тайны розария – размышления над эпизодами жизни Иисуса Христа, от Благовещения до Вознесения.

С июля 1942 года по февраль 1953-го в Великобритании действовали ограничения на продажу конфет и шоколада.

Из баллады «Danny Boy», написанной в 1910 году; многие считают ее неофициальным гимном Ирландии. Перев. Максима Куваева.

Перевод Георгия Бена.

Перевод Дмитрия Худолея.

Перевод Марата Джумагазиева.

«Благослови этот дом» (*англ.*). Песня, написанная в 1927 году и исполнявшаяся, в частности, известным тенором Джоном Маккормаком.

Строчка из песни «Trees» («Деревья») на стихи Джойса Килмера.

Перевод Максима Куваева.

Папа римский (*ит.*).

Синьор и синьора Мюррей из Ирландии (*ит.*).

Гинея равна 21 шиллингу.

Кэстон-холл – самое популярное после Второй мировой войны бюро записи актов гражданского состояния, где заключали гражданские браки представители высшего общества и знаменитости.

Здесь и далее перевод Искандера Джерайда.

Мир праху его (*лат.*).